E
1915
R
966

10996

10996

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

22602
19

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ. — ІЮЛЬ.

СТРАН.

I. НА РѢКАХЪ ВАВИЛОНСКИХЪ.—**А. Дивильковскаго** 5
II. НОЧЬ.—Стихотвореніе.—**Христофора Бахчисарайцева** 43
III. ПРАВО СЛЕЗЪ.—Изъ очерковъ военнаго времени.—**Е. Ганейзера** . . . 45
IV. ВѢЧНОСТЬ.—Стихотвореніе.—**Дмитрія Цензора** 58
V. РАНА.—Разсказъ.—**М. Кисина** 59
VI. СѢНОКОСЪ.—Стихотвореніе.—**Конст. Эрберга** 76
VII. СЛѢПАЯ.—Разсказъ.—**Елены Босковичъ** 77
VIII. ВОЙНА И ЛУБОКЪ.—**Вѣры Славенсонъ** 91
IX. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ВЪ РОССІИ ЗА СТО ЛѢТЪ.—(Окончаніе слѣдуетъ).—**Михаила Кремяновскаго** 113
X. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Екатерины Бунге** 143
XI. СЛУЧАЙНОСТЬ. — (The morals of Marcus Ordeyne). — Романъ Уильяма Локка.—(Продолженіе слѣдуетъ).—Переводъ съ англійскаго.—**З. Журавской** 145
XII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Вл. Вѣтвицкаго** 192
XIII. ЖЕНА БУСКАТЕЯ. — Изъ романскихъ разсказовъ Эдуарда Рода.—Перев. съ франц.—**Л. Д.** 193
XIV. ПРЕДОКЪ.—Авторскій переводъ съ украинскаго.—**М. Грушевскаго** . . 219
XV. ЛИВЪ. — Разсказъ Сигбьерна Обстфельдера.—Перев. съ норвежскаго.—**Л. Андрусона** 226
XVI. ХРОНИКА.—ВОЙНА И АНГЛІЙСКІЯ КОЛОНІИ.—**А. Чекина** 237
XVII. ДНИ „ЛУЗИТАНІИ“.—Письмо изъ Нью-Іорка.—**А. І. Зака** 265
XVIII. КЪ ВОПРОСУ О ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ. — **К. Залевскаго** 278
XIX. АРГОНАВТЫ. — (*Vicente Blasco Ibanez*, „Los Argonautas“. Novela. Valenci. 1915).—**Діонео** 293
XX. АМЕРИКА И ВОЙНА.—**П. А. Тверского** 309
XXI. ТУРУХАНСКІЙ КРАЙ.—**А. М—ча** 318
XXII. ВОПРОСЪ СВОБОДЫ СОВѢСТИ ВЪ ОФФИЦІАЛЬНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.—(По поводу книги: „Обзоръ мѣропріятій министерства внутреннихъ дѣлъ по расколу съ 1802 по 1881 годъ“. Изданіе департамента общихъ дѣлъ).—**Владимира Бонч-Бруевича** 325
XXIII. КРИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ.—**Л. Слонимскаго** 333
XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Политическія колебанія, въ зависимости отъ хода событій. — Ошибки нейтральныхъ государствъ. — Политика Румыніи, Греціи и Болгаріи. — Отношенія съ Швеціей. — Сдержанные дипломатическіе протесты Соединенныхъ Штатовъ. — Настроеніе въ Англіи и Франціи.—Общія перспективы 337

СТРАН.

XXV. НА ТЕМЫ ДНЯ.—Высочайшій рескриптъ 14-го іюня.—Задачи предстоящей сессіи.—Государственная Дума и органы мѣстнаго самоуправленія.—Бесѣда управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ представителями печати.—Совѣщаніе по польскому вопросу.—Вопросъ о приходѣ.—„Рабочія руки". — Кончина великаго князя Константина Константиновича.—**К. Арсеньева** 348

XXVI. В. Я. ЯКОВЛЕВЪ-БОГУЧАРСКІЙ.—Некрологъ.—**Д. Рихтера** 361

XXVII. СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ ТАНѢЕВЪ.—Некрологъ.—**В. Вальтера** 366

XXVIII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Объединенное министерство и министры.—Увольненіе Н. А. Маклакова.—Князь Н. Б. Щербатовъ о своемъ земско-общественномъ прошломъ. — Мобилизація промышленности и общественныхъ силъ. — Погромъ въ Москвѣ. — А. Н. Жданъ-Пушкинъ †,—**В. Кузьмина-Караваева** 375

XXIX. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—(Одиннадцатый годъ войны).—**А. Оглина**. 387

XXX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Баронъ Д. Г. Гинцбургъ. О русскомъ стихосложеніи. Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стихотвореній Лермонтова. Посмертное изданіе, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. М. Князева. — **Ѳ. Батюшкова**. — Невскій Альманахъ. Жертвамъ войны—Писатели и художники.—**Н. Кашина**.—М. Моравская.—Стихи о войнѣ. II. Изд. М. И. Семенова.—**Е. Колтоновской**.—О. А. Добіашъ-Рождественская. Церковное общество Франціи въ XIII-мъ вѣкѣ. Часть I. Приходъ. — **Н. Карѣева**. — Я. Л. Барсковъ. Переписка московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка. 1780 — 1792. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.—**Н. Пиксанова**.—М. Гершензонъ. Декабристъ Кривцовъ и его братья. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ.—**Н. Лернера**.—В. Вагнеръ. Біопсихологія. Новыя идеи въ біологіи. Сборн. № 6. Изд. Образованіе.—**Питирима Сорокина**.—Р. Штейнметцъ. Философія войны. Изд. Образованія. — **Питирима Сорокина**.—С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ.—**А. Т.**—И. Мечниковъ. Основатели современной медицины. Пастеръ—Листеръ—Кохъ.—**В. Б—ъ**.—Проф. Л. А. Тарасевичъ. Медико-санитарные очерки. Заразныя болѣзни. Сыпной и возвратный тифы, оспа, желудочно-кишечныя инфекціи.—**В. Б—ъ**.—Статистическій Ежегодникъ на 1914 г. Подъ ред. В. И. Шараго.—**В. В.** 400

XXXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 423

XXXII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 426

XXXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 429

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч.
Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).
Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

НА РѢКАХЪ ВАВИЛОНСКИХЪ.

Очеркъ 2-й.

Иванушка, земскій воинъ.

Съ пустой телѣжкой въ рукахъ возвращался я въ свою квартиру въ женевскомъ предмѣстьѣ Каружъ.

Неподалеку отъ моего дома я увидѣлъ посреди нашей узкой и пыльной улицы какого-то человѣка въ явно-затруднительномъ положеніи: между огромнымъ узломъ по правой рукѣ и деревяннымъ сундукомъ по лѣвой. Въ рукахъ—записочка, и человѣкъ то взглянетъ на записочку, то на дома. По обличью, по манерѣ—русскій.

Подкативъ къ нему съ моей телѣжкой, я сказалъ:

— Здравствуйте. Вамъ кого?

Потому—не въ первый разъ разыскиваютъ мою каморку земляки, а кромѣ меня, русскихъ въ улицѣ—никого.

Человѣкъ возрадовался, широчайшая улыбка открыла его симпатичные, бѣлые зубы.

— Ну, стало быть, добрался-таки я до своихъ. Здравствуйте. Не вы ли будете *жидъ рюссъ*?—тутъ вотъ въ запискѣ проставлено...

Я разсмѣялся.

— Не *жидъ рюссъ*, а *гидъ рюссъ*. Я, я самый и есть. Гидъ, т.-е. проводникъ по городу, и носильщикъ. Видите, отвозилъ вотъ одной пріѣзжей соотечественницѣ багажъ съ вокзала. А васъ кто ко мнѣ направилъ? Откуда пріѣхали?

Оказалось—пріѣхалъ изъ самой Сибири: бѣжалъ съ поселенія. Направилъ же его ко мнѣ жандармъ (городовой) съ вокзальной площади. Ибо въ Женевѣ у пріѣзжаго—ни души знакомыхъ, и на всѣ разспросы жандарма онъ не могъ объяснить ничего вразумительнаго. Жандармъ и посадилъ его въ вагонъ окружнаго трамвая, поручивъ кондуктору пересадить его въ

трамвай, идущій въ предмѣстье. Далъ и бумажку съ лаконическимъ указаніемъ: guide russe, такая-то улица.

Я былъ польщенъ своей извѣстностью въ Женевѣ. И человѣкъ мнѣ понравился съ такимъ открытымъ лицомъ—безъ тѣни заднихъ мыслей въ смѣлыхъ глазахъ. Даже крупный его ростъ и печь-спина пришлись мнѣ чѣмъ-то по сердцу. И я безъ околичностей позвалъ его къ себѣ, на седьмой этажъ.

— У меня лучше всего и переночуете. Чай, съ дороги-то устали, да и въ гостиницѣ дороговато будетъ.

На нашъ звонокъ хозяйка открыла дверь и, разиня ротъ, глядѣла, какъ мой гость застрялъ со своимъ узлищемъ въ дверяхъ—ни взадъ, ни впередъ. Я долженъ былъ, сложивъ на полъ передней его сундукъ, помочь гостю кулаками протиснуться внутрь. Та же исторія—въ двери моей комнаты.

— Что же вы, милый человѣкъ, хоть въ два узла, что ли, не разложили? И такъ это вы съ самаго мѣста поселенія бѣжали?

— Хо-хо-хо!—густо захохоталъ гость.—Эдакъ, вѣдь, бѣжать было удобнѣй. Всякій видитъ: почтенный человѣкъ, съ кладью. У меня и паспортъ былъ сибиряка—служащаго изъ масляной коопераціи. Доха у меня цѣлая тутъ увязана, оттого и узелъ этакій... непокладистый.

Всюду везутъ съ собой мои земляки свои «непокладистые» узлы и неупругіе нравы. Только-что успѣлъ мой бѣглецъ снять пальто, шапку и сообщить мнѣ свое имя—Иванъ, а лучше Иванушка,—какъ уже, что называется, и распоясался... Запѣлъ довольно дикимъ басомъ:

Славное море, священный Байкалъ,
Славный корабль—омулевая бочка.
Гей, Баргузинъ!..

и при этомъ неудобномъ случаѣ такъ хлопнулъ ладонью по моему хлипкому столику, что сразу же «энервировалъ» швейцарку-хозяйку въ ея кухнѣ. Хозяйка постучала въ дверь и пропищала:

— Messieurs! Прошу соблюдать тишину и болѣе вниманія къ мебели.

Иванъ изумился: чего надобно старой галошѣ? Я объяснилъ. Иванъ изумился еще пуще:

— Да неужто у нихъ здѣсь нельзя и порадоваться человѣку? Вѣдь отъ Сибири я ушелъ! Э, да я, давайте-ка, самъ ей объясню. И, открывъ дверь, шаркнулъ ножкой на манеръ ученаго медвѣдя и сказалъ:

— Мадамъ... муа! (ударъ ладонью себѣ въ грудь)... де Сибирь... компрене?

Она поняла: женевцы, какъ никто, привыкли понимать всевозможные способы изъясненія своихъ постоянныхъ гостей-иностранцевъ со всѣхъ концовъ міра. Но аккуратное, черное кружево на ея «шиши» (шиньонѣ) натопорщилось, будто шерсть у кошки: «тѣмъ хуже, коли ты дикарь изъ Сибири», ясно говорилъ ей мало любезный видъ.

— Madame,—вмѣшался я.—Мой камрадъ чувствуетъ естественную радость, ускользнувъ изъ сибирской Katorga... Знаете?

— Le Katorga! Я понимаю: le Knout и потомъ цѣпь на шеѣ. Но для случаевъ радости существуютъ кафэ. Здѣсь же пусть побережетъ покой дома.

Я, впрочемъ, быстро успокоилъ хозяйкино неудовольствіе сообщеніемъ, что камрадъ нуждается въ ночлегѣ, за плату хозяйкѣ, конечно. Тогда она ужъ отъ себя предложила ему и поужинать со мной (я жилъ у нея на полномъ пансіонѣ). Словомъ, вещи получали мирное развитіе. Но, лишь только дверь снова закрылась, безпокойный Иванъ снова сталъ поступать противъ «правилъ дома», шумѣть, стучать, хохотать: настоящій россійскій лѣшій. Я—его утихомиривать, но его голосъ и самые жесты словно не могли умѣститься въ тѣснотѣ швейцарской мансарды и ея «правилъ».

— Буржуи тутъ у васъ, вижу, надъ людьми распоряжаются,—шумѣлъ онъ.—Да затѣмъ ли я изъ-подъ родныхъ замковъ сбѣжалъ, чтобы тутъ на карцерное положеніе попасть? Не ходи, не говори, не дыши. Да коли я, напримѣръ, ей за ночлегъ и столъ плачу, такъ должна она мнѣ уважать? Нѣтъ, вы «имъ» здѣсь слишкомъ ужъ поддаетесь,—обратился онъ ко мнѣ съ укоромъ.

Насчетъ «уваженія» я былъ, признаться, менѣе широкихъ взглядовъ. Притомъ многошумный способъ его разговора отражался на кухнѣ снова недовольнымъ ворчаніемъ. А такъ какъ ужина надо было дожидаться еще съ полчаса, я предпочелъ увести пока гостя на улицу.

Выходъ изъ предмѣстья былъ близко, мы направились къ кладбищу и расположились на зеленомъ склонѣ холма. Покой покойниковъ мы не потревожимъ—кричи, какъ хочешь, Иванушка. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вечерній сумракъ, павшій между тѣмъ на деревья кладбища близъ насъ и на красныя черепичныя кровли предмѣстья передъ нами, заставилъ меня спохватиться о часѣ ужина. Было 9 часовъ, т.-е. мы цѣлый лишній часъ просидѣли, рѣшая судьбы отечества... Я поскорѣй поднялъ съ земли Ивана и—бѣгомъ домой. Предчувствовалъ новую схватку съ хозяйкой изъ-за нашей неаккуратности.

Впрочемъ, схватки никакой на этотъ разъ не вышло. Мы просто нашли дверь хозяйкиной кухни на запорѣ, и сквозь стекло надъ дверью не видно было уже у нея свѣта; улеглась спать. Мы же остались безъ ужина. Дѣлать нечего, сбѣгалъ я по сосѣдству въ лавочку за хлѣбомъ и сыромъ, и накормилъ кое-какъ голоднаго Ивана. За ужинъ же—я твердо зналъ—будетъ съ меня само собой взыскано. Закусивъ, легли спать.

Утромъ я проснулся разъ отъ шума и грохота какихъ-то подвиговъ Ивана. Гляжу, онъ всталъ, умывается, и такъ здорово плеснулся въ умывальномъ тазѣ, что фаянсовый кувшинъ упалъ и разбился вдребезги.

— Иванъ!—испуганно воскликнулъ я.—Что скажетъ хозяйка?

— Ш-ш...—зашикалъ онъ на меня, собирая поспѣшно обломки.—А вы не кричите, да потихоньку сплавьте куда-нибудь всю эту музыку. Что имъ, буржуямъ, потакать?

Я не сталъ ужъ ему указывать на полную безнадежность предложенія, помимо его некрасивости. Да и хозяйка уже сердито стучала въ дверь и освѣдомлялась о судьбѣ своей посуды. Наскоро одѣвшись, мы принуждены были предстать передъ ея грозныя очи.

— Messieurs!—говорила она съ великимъ достоинствомъ и твердостью. Кувшинъ, разбитый по вашей неосторожности, принадлежитъ къ умывальному сервизу, подарку моей покойной maman. Вы разстроили мой сервизъ и причинили мнѣ большое горе. Цѣна кувшина 15 франковъ.

Это было безбожно дорого, и я хорошо зналъ, что женевскія хозяйки, отдавая комнаты съ полнымъ пансіономъ разной трудовой мелкотѣ, конечно, не обставляютъ ихъ сувенирами отъ дорогихъ своихъ покойниковъ, а просто скупаютъ случайный хламъ, задешево продающійся. Но—что же вы возразите хозяйкѣ, коли она желаетъ утверждать самую выгодную для нея версію? Она васъ ловитъ на неосторожности.

— Мадамъ...—«сурьезно» обратился къ хозяйкѣ Иванъ... Къ счастью онъ не могъ найти въ скудномъ запасѣ своихъ

французскихъ выраженій подходящаго продолженія реплики, почему обратился ко мнѣ по-русски:

— Чего слушать проклятую бабу? Скажите ей «брысь» по-ихнему. А не то, возьму вотъ, да *остающимъ* тазомъ ее по башкѣ.

И онъ уже направлялся къ умывальнику, да я удержалъ. Въ концѣ концовъ, уплатили бы все же мы съ Иваномъ требуемый размѣръ контрибуціи, если бы не мой давнишній опытъ въ обхожденіи съ женевскими хозяйками. Во-1-хъ, я ей указалъ, что такихъ денегъ ни у меня, ни у Ивана лишнихъ не имѣется, значитъ, и судомъ съ насъ ничего не получитъ. Во-2-хъ, я мягко указалъ ей на нѣкоторое несоотвѣтствіе съ истиной ея утвержденія о «сервизѣ» покойной родительницы: оставшійся тазъ былъ въ красныхъ тюльпанахъ съ золотомъ, сокрушенный же Иванушкой кувшинъ—съ голубыми звѣздочками. Въ 3-хъ...

Но она ужъ и сама убѣдилась въ неосновательности и безнадежности своихъ претензій, приняла тонъ менѣе оффиціальный и пошла на уступки:

— 5 франковъ, monsieur. Вѣдь не скажете же вы, что этакій красивый кувшинъ не стоилъ этой цѣны?

Я досталъ изъ-за шкафа имѣвшуюся у меня бутылку краснаго вина, налилъ стаканчикъ и поднесъ хозяйкѣ. И вскорѣ мы всѣ трое были снова въ наилучшихъ отношеніяхъ, за злосчастный же кувшинъ я ей обязался уплатить его дѣйствительную стоимость на толкучкѣ—1 франкъ 50 сантимовъ. Такъ-то вся исторія была покончена мирно и къ общему удовольствію: не даромъ же я—гидъ, чтобы находить наиболѣе удобные пути на этомъ путаномъ свѣтѣ.

Но Иванъ тутъ же предъявилъ къ моей способности нахожденія путей новый запросъ. «Что хотите, землякъ», заявилъ онъ, «а не могу я оставаться подъ началомъ у швейцарскихъ выжигъ. Широкая я душа, не учился я по ихнимъ правиламъ, какъ акробатъ по канату, ходить. Обязательно я либо вашу мадамъ словами обижу, либо»... онъ не кончилъ, только горестно отвернулся къ окну. «И вамъ—убытки, и»... и снова не кончилъ.

Я и самъ ужъ видѣлъ, что Иванушкѣ ни за что не ужиться у женевскихъ квартирохозяекъ. Но я ломалъ голову—куда же мнѣ устроить этакое дитятко? Зналъ я очень хорошо нѣкое убѣжище нашихъ безпріютныхъ бѣглецовъ тутъ же, въ предмѣстьѣ Каружъ — убѣжище, именуемое Дырою. Да лучше было бы по возможности миновать его.

И, однако, тщательно взвѣсивши всѣ обстоятельства дѣла, я долженъ былъ, скрѣпя сердце, остановиться на Дырѣ. Иванъ-воинъ принципіально ничего не имѣлъ ни противъ какой дыры, освѣдомился лишь предварительно, придется ли и тамъ имѣть дѣло со швейцарскими буржуями. Я успокоилъ его: оттого, молъ, я и обращаю къ Дырѣ мои взоры, что тамъ всякая «буржуйность» совершенно погашается свободою нравовъ. Свобода полнѣйшая—не хуже самой Россіи.

— Только помните, Иванушка, держитесь покрѣпче противъ тамошнихъ туземцевъ и чуръ не пенять, коли вамъ невтерпежъ станетъ отъ изобилія свободы.

— Эка!—отозвался пренебрежительно Иванъ-воинъ.—Это вы вотъ здѣсь научились юлою вертѣться передъ всякой злою бабой, а по-нашему, попросту вотъ какъ: никому подмять не давайся, лучше самъ всякаго подомни.

Отправились мы съ Иваномъ въ знаменитую женевскую Дыру.

Она представляла собою порядочныхъ размѣровъ, хотя и ветхую, деревянную постройку въ два этажа на самомъ выгонѣ предмѣстья. Строеніе помѣщалось на днѣ просторной ямы, образовавшейся здѣсь послѣ недавнихъ перепланировокъ и нивеллировокъ мѣстности. Весь домъ съ его многочисленными пристройками, надстройками и галлереями занимала нѣкая мать-Мармитъ, прачка и гладильщица, какъ значилось на вывѣскѣ, поставленной вдоль забора, надъ берегомъ Дыры. Вотъ эта мать-Мармитъ и отдавала всѣ излишнія для нея норы и норки, отъ подваловъ до чердаковъ, многочисленнымъ жильцамъ изъ числа временно лишенныхъ, по волѣ обстоятельствъ, болѣе или менѣе прочнаго заработка.

Потокъ бѣглецовъ изъ Россіи, потерявшихъ родину, почти нѣмыхъ въ странѣ, говорящей по-французски, часто безъ примѣнимыхъ къ дѣлу спеціальныхъ познаній, запрудилъ собою Дыру, вытѣснивъ изъ нея почти всѣхъ мѣстныхъ горемыкъ. И настала во владѣніяхъ матери-Мармитъ—почти-что настоящая Россія.

Мать-Мармитъ увидали мы съ Иванушкой въ окнѣ ея мастерской посреди грудъ бѣлья и толпы работницъ, съ которыми она пила послѣобѣденный кофе.

— Bonjour, madame Marmite,—привѣтствовалъ я ее.—Не желаете ли принять новаго постояльца?

Мать-Мармитъ пронзила моего спутника взглядомъ своихъ черныхъ очей изъ-подъ развѣсистыхъ, сѣдыхъ бровей. Должно

быть, открытая физіономія Ивана пришлась ей по вкусу—подошла къ общему стилю дома, ибо цвѣтущія ея щеки озарились улыбкой, и крупная простоволосая голова кивнула утвердительно.

— Воп,—произнесла она изъ окна.—Есть тамъ наверху одна пустая «каюта».

Я зналъ издавна домъ и его своеобразный словарь. «Каюта» означала родъ небольшого стойла тамъ, подъ самой дымовой трубой, стойла, отдѣленнаго досчатой перегородкой отъ пары другихъ подобныхъ же стойлъ. Кровать и табуретъ составляли всю скудную меблировку «каюты», а умываться жилецъ долженъ былъ ходить во дворъ, подъ фонтанъ.

Мать-Мармитъ повела насъ наверхъ. Дорогой, по деревяннымъ лѣстницамъ и переходамъ нашъ слухъ поражался повсюду многолюднымъ говоромъ, пѣніемъ, криками, топотомъ ногъ. Словно бы тамъ, за утлыми дверями въ самомъ дѣлѣ находились ряды конскихъ стойлъ, и многочисленные конюхи усмиряли крикомъ непокорныхъ коней. Когда же пріоткрылась одна дверь, показавшая намъ мимолетомъ какое-то любопытствующее лицо, клубы табачнаго дыма внутри такъ все застилали своимъ колыхающимся занавѣсомъ, что ничего нельзя было разглядѣть. Словомъ, всѣ признаки «нашего» раздолья. Иванъ мой такъ и встрепенулся весь:

— Вотъ гдѣ весело-то. Что твоя Москва!

И «каюту» онъ послѣ этого безусловно одобрилъ, несмотря на ея вопіюще некультурный видъ. Рѣшено было, что я безъ замедленія перевезу сюда на моей телѣжкѣ его узлище и деревянный сундукъ, и онъ здѣсь водворится впредь до лучшаго устройства. Когда же мы объяснили матери-Мармитъ, что Иванушка, будучи бѣглымъ, въ данный моментъ не располагаетъ рессурсами для уплаты за квартиру, она добродушно махнула своею мускулистой рукой съ засученнымъ рукавомъ.

— Sacre Tonnerre! Развѣ я не знаю, что у русскихъ не бываетъ денегъ? Monsieur Ivan найдетъ потомъ работу или ему пришлетъ денегъ его bonne amie изъ Россіи. Вѣдь у него есть тамъ une bonne amie?—подмигнула она и раскатисто расхохоталась.

Спускаясь изъ «каюты» снова по лѣстницѣ, мы внезапно должны были остановиться. Изъ одной квартиры дверь вдругъ распахнулась, и мущина черный и блѣдный съ сверкающими глазами поспѣшно вырвался оттуда, неся въ рукахъ большущую кастрюлю съ дымящимся, горячимъ борщомъ.

— Я—единственный, и это—моя собственность,—твердилъ онъ съ разстановкой, раздраженно-наставительно кому-то сзади себя, самъ быстро подвигаясь съ горячей кастрюлей.—Мало ли, что ты варилъ? А я хочу ѣсть и беру свое, гдѣ нахожу.

Сзади, изъ-за его тощей фигуры вырвался какой-то рыжій горбунъ со всклокоченными волосами и непритворнымъ отчаяніемъ въ вытаращенныхъ глазахъ. Въ рукахъ—грязная тряпка и желѣзная кочережка, какія въ употребленіи при здѣшнихъ кухонныхъ плитахъ.

— Товарищъ Нилъ, товарищъ Нилъ...—жалостно причиталъ онъ.—Отдай, отдай борщъ, вѣдь я для коммуны, для моихъ дѣтей готовилъ.

Онъ, несомнѣнно, боялся товарища Нила, и только еще большая боязнь лишиться сегодня обѣда заставляла его преслѣдовать похитителя. Этотъ послѣдній уже спускался съ борщомъ по лѣстницѣ, какъ вдругъ рыжій горбунъ замѣтилъ насъ.

— Мадамъ Мармитъ!—устремился онъ къ хозяйкѣ дома.—Вы видите, этотъ chartogne унесъ у меня съ плиты супъ, и теперь мои дѣти останутся голодны.

Мать-Мармитъ сейчасъ же направилась въ догонку за любителемъ чужихъ борщей. Она сразмаху опустила свою увѣсистую длань на его плечо, такъ что онъ пріостановилъ свой спускъ по лѣстницѣ и оглянулся со злобой, но—замѣчательно—борщъ удержалъ, не расплескавъ; потомъ, увернувшись, двинулся дальше.

— Отдайте, сейчасъ же отдайте супъ вашему товарищу,—приказывала ему мать-Мармитъ. Отдайте,—не то арестую вашъ бисиклетъ (велосипедъ).

Угроза была серьезная: такъ какъ «товарищъ Нилъ», подобно многимъ жильцамъ, былъ конечно долженъ ей за квартиру, она имѣла полную возможность вознаградить себя его имуществомъ. Впрочемъ только такими мѣрами она и могла справляться со своею буйной вольницей. Но на этотъ разъ не подѣйствовало. Упрямство или голодъ Нила—только онъ не остановился. Горбунъ уже сталъ ломать въ отчаяніи свои рыже-веснушчатыя руки, повторяя по-русски и по-французски: «дѣти, мои дѣти!»—какъ въ ходъ событій вмѣшался новый элементъ: Иванушка. Онъ какъ-то внизъ головой, будто въ воду нырялъ, бросился по ступенькамъ вслѣдъ за удаляющимся борщомъ и изъ-за спины Нила стиснулъ его занятыя ношей руки. Нилъ, наконецъ, остановился.

— Малыхъ дѣтей обижать?—слышенъ былъ ровный и суро-

вый Иванушкинъ голосъ.—Нѣтъ, братъ-голубушка, это не по-нашему.

— Пусти, дьяволъ!—безсильно протестовалъ Нилъ, тряся лишь одною головою.

— Нѣ-ѣтъ, бра-атъ, не выпущу,—твердилъ Иванъ.—Коли голоденъ, проси честью у товарища—онъ тебѣ и дастъ, сколько надо, а насильно... Эй, горбатый!

Горбатый не заставилъ себя долго звать, скатился мячикомъ пониже Нила и ухватился за ушки кастрюли. Иванъ только сжалъ поплотнѣй пальцы, и Нилъ съ сердечнымъ стономъ выпустилъ добычу. Горбунъ вступилъ во владѣніе своимъ борщомъ и, довольный, поднимался уже снова къ намъ. Рыжіе вихри на его головѣ побѣдоносно развѣвались.

— Гляди, не позабудь ему тарелку! по справедливости!—крикнулъ горбуну Иванъ, освобождая Нила. Нилъ такъ сверкнулъ на него зубами и глазами, такъ хотѣлъ вцѣпиться въ него... Но вмѣсто того нечаянно и прежалостно всхлипнулъ и, сконфуженно спрятавъ лицо на грудь своей черной русской рубахи, скрылся куда-то въ каморку, подъ лѣстницу.

— Саша! Жоржикъ!—слышно было, кричалъ радостно горбунъ своему семейству.

Справедливость и порядокъ торжествовали. Мать-Мармитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась бесѣдовать съ нами еще о переходѣ Иванушки на квартиру. Я все-таки полюбопытствовалъ спросить ее, часто ли бываютъ у нихъ такія происшествія.

— Э, подите!—пренебрежительно отмахнулась мать-Мармитъ. Понятно, называютъ себя анархистами—надо же въ чемъ-нибудь себя показать. На самомъ дѣлѣ, очень милые люди и ничуть не страшные.

Тутъ вернулся къ намъ юркій горбунъ, и со всѣхъ сторонъ набралось множество обитателей Дыры, привлеченныхъ шумомъ. Пошли между ними оживленныя препирательства, откуда мы узнали, что похищеніе борща было лишь эпизодомъ изъ «принципіальнаго» спора двухъ фракцій: анархистовъ-общинниковъ и группы «Злыхъ коршуновъ». Горбунъ былъ общинникъ, а Нилъ—коршунъ. Обѣ фракціи принялись-было тутъ же браниться на франко-русскомъ нарѣчіи, но дѣло ограничилось пока лишь, такъ сказать, любезнымъ ворчаніемъ. Вниманіе всѣхъ было слишкомъ занято новой фигурой Ивана и его подвигомъ. Подвигъ всѣми рѣшительно одобрялся, безъ различія фракцій.

— Вы—славный русскій типъ!—съ восторгомъ картавилъ

на прощаніе рыжій горбунъ, качая, какъ колоколъ, руку Ивана. И всѣ кругомъ улыбались сочувственно и даже любовно.

И Иванушкѣ населеніе Дыры понравилось необыкновенно—особенно товарищъ Нилъ.—Вотъ люди! вотъ люди!—повторялъ онъ мнѣ по дорогѣ изъ Дыры.—*Енергическіе* люди, прямые. Слыхалъ я и раньше про «анарховъ», что—боевой народъ; но не думалъ, чтобы такіе симпатичные.

— Послушайте, Иванъ,—возражалъ я.—Ну, что тутъ симпатичнаго? Ухватить у человѣка его ѣду, воспользоваться плодами чужихъ трудовъ—да вѣдь это просто дневной грабежъ!

— Ну, вотъ ужъ и грабежъ!—улыбнулся и Иванъ, подобно только-что оставленнымъ «анархамъ» и матери-Мармитъ. Это надо понимать, какъ слѣдуетъ. Вы то возьмите: тутъ дѣло между товарищами. Я у тебя утащу сегодня борщъ, завтра ты у меня кашу. Да, можетъ быть, я самъ тебѣ своего потомъ вдвое отдамъ, только дай мнѣ потѣшить мою волю.

— Ну, ладно,—заключилъ я.—Не очень все это мнѣ нравится, да... Вы сами взрослый человѣкъ, сами и разбирайтесь.

Въ тотъ же день Иванъ и водворился съ моей помощью въ «каютѣ» подъ трубой. Слава о его физической силѣ и рѣшительномъ характерѣ скоро помогла ему стать прочной ногой въ Дырѣ. Практичная мать-Мармитъ смекнула, что въ лицѣ Ивана она получаетъ существенное подкрѣпленіе для своего домоправительственнаго авторитета, и стала призывать его на помощь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда Дыра слишкомъ принималась бушевать и грозила выйти изъ береговъ. Недѣли черезъ три я убѣдился, что Иванъ такъ ладно всосался въ обстановку, будто вѣкъ тамъ прожилъ. И у него въ каютѣ успѣлъ образоваться цѣлый маленькій музей кастетовъ, кинжаловъ, браунинговъ—оружія, отнимаемаго у «товарищей», когда тѣ, въ качествѣ поклонниковъ дѣйствія прежде всего, переходили къ вооруженнымъ угрозамъ другъ другу. И онъ держалъ свой музей на запорѣ; и отдавалъ арестованное оружіе по принадлежности только, когда на его взглядъ соотвѣтствующій товарищъ «заслужилъ». Иныхъ идейныхъ людей до крайности возмущала «обывательская» манера Иванушки наводить судъ и расправу. Его изреченія въ такихъ случаяхъ: «полаялись—и квитъ» или «ишь, злой! нечего размахивать зря, не то—березовой каши...» казались просто идіотскими. Но благодушное безпристрастіе Ивана заодно съ неотразимой физической убѣдительностью его вмѣшательства поневолѣ примиряли съ нимъ. И сталъ, наконецъ, Иванъ чѣмъ-то въ родѣ одного изъ жизненныхъ органовъ Дыры.

Но мнѣ казалось все же смѣшнымъ и страннымъ, какъ это онъ со своей приверженностью къ отечеству и даже государству можетъ уживаться среди «анарховъ», этихъ страшныхъ отрицателей того и другого. Поэтому нерѣдко вечеркомъ навѣдывался къ нему.

— Что, Иванушка?—спрашивалъ я его.—Нравятся вамъ все еще гг. анархи?

Ему не совсѣмъ по вкусу былъ мой тонъ. Онъ взглядывалъ на меня косымъ взоромъ и сердито прохаживался по каютѣ. Потомъ произносилъ что-либо въ родѣ этого:

— Смѣяться нечего. Сами вотъ служите буржуазному удовольствію, а надъ людьми зубоскалите.

— Я вовсе не смѣюсь надъ ними, но мнѣ вотъ что интересно: вы такъ сильно говорили противъ интеллигенціи, а это вѣдь и есть интеллигенція. И съ лозунгами, и съ директивами.

— Они—не интеллигенція,—вѣско возражалъ онъ—воины, вотъ, какъ я же.

— А вы знаете, какъ они думаютъ насчетъ государствъ и ихъ границъ?

Оказывалось, что это въ идеяхъ анархистовъ Иванъ просто напросто пропускалъ безъ вниманія. Это онъ считалъ побочнымъ, напускнымъ. «Нутро у нихъ наше, горячее, русское», говорилъ онъ—и этого ему было достаточно, чтобы вѣрить въ сердечный патріотизмъ этихъ умственныхъ анти-патріотовъ. «На кого народъ, на того и они»—еще разъяснялъ онъ мнѣ, Ѳомѣ невѣрному.

Я узналъ сверхъ того, что Иванъ не избѣжалъ и притягательной силы фракціонныхъ струекъ Дыры. Онъ оказался усерднымъ посѣтителемъ общиннаго клуба, что̀ помѣщался у горбуна, и идея общины безначальной, общины сама-собою улаживающейся, казалась ему «въ самый разъ». — «Безъ генераловъ, что ли, не обойдемся?» вопрошалъ онъ—«сдѣлайте одолженіе! Всякъ себѣ генералъ—такъ-то оно безъ ихъ милости все къ лучшему и уляжется».

Онъ и кормился въ «коммунальной кухнѣ» у того же горбуна, въ долгъ. И позвалъ меня придти въ клубъ на нарочитое всенародное собраніе Дыры для «окончательнаго» выясненія идейныхъ разногласій между разными группами.

Я отправился въ клубъ.

Ревъ ребятъ, чадъ кухни, гдѣ и происходило собраніе, дымъ отъ плохихъ мѣстныхъ папиросъ и гамъ нестройныхъ рѣчей меня ошарашилъ. Одинъ, другой изъ присутствующихъ

вскинулъ на меня мимолетно-вопросительнымъ глазомъ. Но, въ общемъ, никому я, малый гидъ, не показался интересенъ, и большинство даже вовсе не замѣтило моего прихода. И, хотя они всѣ ожесточенно, до безгласія спорили другъ съ другомъ, но вовсе не затѣмъ, чтобы доказать правоту своей мысли. Важно было совсѣмъ другое: ослѣпить, сбить съ ногъ противника хлесткостью образовъ, рѣшительностью выраженій, яркостью словъ. Гдѣ же, въ этомъ шумѣ и пѣнѣ споровъ, плаваетъ мой Иванъ?

Вотъ лицо Ивана выплыло передо мной изъ клубовъ дыма, выпускаемыхъ коротенькой швейцарской трубкой въ зубахъ горбуна. Горбунъ одной рукой придерживаетъ на колѣнѣ ревущаго благимъ матомъ сынишку лѣтъ 3-хъ, все облаченіе котораго состоитъ изъ растерзанной рубашенки; другой рукой отчаянно жестикулируетъ черезъ столъ кому-то, съ нимъ спорящему и его, какъ водится, не слушающему. Но не на горбунѣ сосредоточено и вниманіе Иванушки. Его бородатое лицо съ полуоткрытымъ ртомъ и стремительными, голубыми глазами обращено вправо, тоже черезъ столъ. Тамъ, стоя въ гордой позѣ и со стаканомъ чаю въ рукѣ, ораторствовалъ громче всѣхъ какой-то высокій красивый юноша съ богатой, курчавой шевелюрой.

— ...такъ называемый народъ,—закончилъ юноша неслышанную мною часть своей рѣчи.—Что же такое народъ? Этотъ сфинксъ, эта загадка, эта историческая игра словъ? Факты отвѣтятъ намъ, вопіющіе факты вчерашняго дня. Не мы ли видали его въ роли стада послушныхъ овецъ, которое летѣло, дрожало, спѣшило вслѣдъ за своими баранами, партійными генералами разныхъ мастей; спѣшили овцы, пока не были загнаны пастухами всею кучей въ приготовленный загонъ. Тогда, обманутыя, шарахнулись всѣ врозь — да ужъ поздно и безъ толку... Народъ! Народъ! Народъ!—трижды съ насмѣшкой воскликнулъ ораторъ:—вотъ безголовый идолъ, передъ которымъ давно пора бросить стукать лбами.

Сдѣлалось кругомъ даже минутное молчаніе—до того неслыхана еще была здѣсь подобная дерзкая рѣчь. Только Иванъ, съ трудомъ переведя дыханіе, возмущенно вступился за народъ.

— Легче, легче! народъ не трогать! что интеллигентъ—баранъ, великолѣпно, а народомъ не плеваться!

— А-а,—усмѣхнулся юноша, остановивъ прищуренный взглядъ своихъ карихъ глазъ на «народной» фигурѣ возражателя:—а-а, свободная критика вашего собственнаго поведенія

вамъ не слишкомъ нравится. Сами, вѣроятно, боялись отстать отъ всего прочаго стада — теперь у васъ критики виноваты? Нѣтъ, товарищи!—съ силой обратился онъ снова ко всему собранію и молодцоватымъ движеніемъ бѣлой руки отбросилъ кудри съ высокаго лба. — Хотите, какъ подобаетъ новымъ, могучимъ поколѣніямъ, стать лицомъ къ лицу съ истиной—съ *абсолютной* истиной — тогда не бойтесь разрушить самые дорогіе, самые такъ называемые святые предразсудки старины. Народопоклонничество же—вреднѣйшій изъ предразсудковъ во всей вселенной! Въ самомъ дѣлѣ, кто посмѣлъ сказать, кто могъ дать хоть тѣнь доказательства, чтобы всякая народная толпа сама по себѣ, всегда и при всякихъ условіяхъ непремѣнно порождала гармонію дѣйствій, непремѣнно направлялась къ общему благу? Смѣшной мыльный пузырь! Вѣдь до послѣдней степени очевидно для всякаго существа, не лишеннаго мало-мальски искры соображенія, что, коли человѣческая масса не состоитъ изъ свободныхъ, страстно желающихъ *своего* личнаго блага и—самое главное — изъ готовыхъ на бой за него отдѣльныхъ единицъ, то такая толпа будетъ, какъ уличный соръ по вѣтру, носиться за первымъ попавшимся глупцомъ, если ужъ не сыщется приличнаго генеральчика. Итакъ, только личность, только автономное Я, внутри котораго горитъ неугасимый огонь желанія и дѣйствія, только Я абсолютное, освободившееся отъ стада, отъ овечьей привычки тянуться за хвостомъ сосѣдней овцы, только такое абсолютно-свободное и смѣлое Я можетъ разъ навсегда завоевать міръ.

Яркія, презрительныя фразы, «абсолютныя» выраженія оратора, видимая логичность и общедоступная простота, почти банальность идей произвели несомнѣнное впечатлѣніе на присутствующихъ, и поболѣе опытныхъ въ искусствѣ словопренія, чѣмъ Иванъ. Иванушка, видѣлъ я, безпомощно барахтался въ увлекательномъ потокѣ словъ, гдѣ къ тому же весьма многое, и самое красивое, было ему близко родственно;—а между тѣмъ тотъ же потокъ подмывалъ его «народную» вѣру, вывезенную имъ съ родины, какъ послѣдній продуктъ всего горькаго опыта за грозные годы.

Я замѣтилъ, какъ онъ былъ угнетенъ и какъ онъ обратился за помощью къ общиннику - горбуну. Но горбунъ, самъ врядъ ли легко себя чувствующій подъ напоромъ фразъ юноши, еще отвлеченъ былъ новымъ и неотложнымъ занятіемъ: кормилъ манной кашей другого своего сынка, только-что проснувшагося и тоже полуголаго. Принесла его изъ

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

алькова мать, особа въ ослѣпительно-красной кофточкѣ и съ растрепанной косой, принесла и затѣмъ предоставила его вполнѣ отцу; зналъ я ее: она называла себя «общественной женщиной» и вообще не занималась ни дѣтьми, ни хозяйствомъ, спокойно возложивъ все это на своего горбатаго мужа. Иванушкѣ, слѣдовательно, не пришлось получить отъ горбуна помощи; жена же горбуна, судя по ея восторженному взгляду, обращенному къ кудрямъ ораторствующаго юноши, сразу увлеклась его идеей.

Тѣмъ временемъ въ собраніи поднялся оживленный гулъ—рѣчь подвергалась обсужденію. Вырывались и громкія восклицанія, какъ всплески волны, возмущенно: «ерунда!», «заврался товарищъ Левъ!», «буржуа-индивидуалистъ!»—или сочувственно: «такъ ихъ, идолопоклонниковъ!», «я—вотъ первая вещь».

— Браво! геніально! — слышалъ я, — произнесла одна стриженая дѣвица, стрѣляя глазьками. А одинъ изъ моихъ сосѣдей сообщалъ другому, что юноша, товарищъ Левъ, вновь прибылъ изъ Россіи и только въ первый разъ сегодня въ клубѣ показывалъ свой ораторскій даръ.

Тутъ для реплики товарищу Льву выступилъ новый ораторъ—товарищъ Ермакъ, знаменитость Дыры—вмѣстѣ и «боевой», т.-е. съ шумнымъ прошлымъ въ Россіи, и главный «теоретикъ» общиннаго направленія. Понятно, не могъ онъ согласиться съ такимъ поношеніемъ общиннаго начала—а также и съ умаленіемъ собственнаго своего авторитета въ умахъ публики. Ноздри его раздувались, длинные мочальные волосы лѣзли въ глаза, нервные пальцы теребили бѣлесую бородку, лобъ сердито хмурился. Его рѣчь—я напередъ могъ угадать почти каждое ея слово, ибо еженедѣльно встрѣчался съ Ермаковымъ краснорѣчіемъ на страницахъ органа общинниковъ «Землетрясенія».

— Вотъ образчикъ чистѣйшаго антисоціальнаго атомизма,—сталъ онъ «раскатывать» Льва.—Вы, слѣдовательно, хотите, вопреки твердо установленнымъ теоретическимъ базисамъ научной соціологіи, абсолютно игнорировать всякое вліяніе соціальныхъ взаимозависимостей и изъ весьма спорныхъ предпосылокъ чистаго индивидуализма дедуцировать еще болѣе спорную форму, такъ сказать, этико-историческаго эмоціонализма. Ибо, во-1-хъ, вы эмоцію, первобытнѣйшую, антропологическую, даже — если угодно—зоолого-біологическую эмоцію возводите на тронъ исторіи на мѣсто единственно вѣрнаго и абсолютно верховнаго раціоналистическаго примата сознанія. Подобная эмоціональность вашей точки зрѣнія показываетъ, до чего вы мало знакомы съ теоретико-философскимъ обоснованіемъ современныхъ научныхъ про-

блемъ. Во-2-хъ, антисоціальная предпосылка вашей эмоціональности есть, какъ я выше доказалъ, не что иное, какъ безпринципная модификація морально-этическаго индивидуализма, этого первороднаго буржуазно-капиталистическаго грѣха, обратившаго всю исторію всемірной цивилизаціи, со временъ фараоновъ египетскихъ и до нашей эпохи, въ одну сплошную окровавленную арену эксплоатаціи человѣка человѣкомъ и (ораторъ, какъ видно затруднился пріискать новый научный терминъ и потому, махнувъ рукой, закончилъ «просто»)... и всякое прочее свинство.

Кончилась критическая часть рѣчи, и бѣлобрысый ораторъ, какъ водится, собрался перейти теперь къ ея «положительной», агитаціонной части: глаза какъ-то ушли въ глубину, принявъ не лишенное внушительности выраженіе фанатизма; руками онъ сталъ будто бряцать по какимъ-то туго натянутымъ струнамъ.

— Товарищи!—крикнулъ онъ, словно обращаясь къ тысячнымъ массамъ.—Не въ такихъ новѣйшихъ изданіяхъ безсмысленныхъ буржуазныхъ формулировокъ будемъ мы искать дѣйствительно раціональнаго лозунга для нашей соціальной борьбы. Общинное начало и только оно одно—вотъ наша высшая директива!.. И т. д., и т. д. съ длинными цитатами изъ Бакунина, Крапоткина, съ ссылками на Реклю.

Я, право, не могъ дольше внимательно вслушиваться въ замысловато-пространныя рѣчи Ермака: онъ утомилъ меня, да вѣроятно и всю аудиторію. Не этотъ ли даръ утомлять глубокомысліемъ и создалъ ему добрую долю его авторитета? Что касается Ивана, то мои наблюденія надъ нимъ показывали, что, едва Ермакъ еще лишь отчалилъ со своими кабалистическими формулами, какъ Иванъ—очумѣлъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше откровенное лицо его пріобрѣтало всѣ признаки погруженія въ сонное забытье... Вдругъ роковыя слова «лозунгъ» и потомъ «директива» встряхнули его, какъ электрическимъ ударомъ, и съ этого момента онъ сталъ поглядывать на Ермака весьма и весьма недружелюбно.

И значительная часть слушателей стояла не на сторонѣ Ермака. Очевидно, со Львомъ прикатился сюда какой-то новый валъ, готовый поглотить предыдущія теченія. Странно это бываетъ мнѣ, носильщику тяжестей, глядѣть на ту легкость, съ какою мои земляки, люди идеи, уступаютъ идейнымъ приливамъ и отливамъ. Тогда какъ я, вѣрный одному неизмѣнному дѣлу—проложенія твердыхъ тропинокъ дѣйствительности среди зыбкой сумятицы идей—иду ощупью и озираясь, не мчусь за звенящими новочеканными идеями, но и никогда не поклоняюсь ни красиво-

переряженному хищничеству, ни его тѣни—маскированному гордой силой рабству, Левъ пришелъ—и покорялъ умы. Это замѣтно было потому, какъ жена горбуна, стриженая дѣвица и пара другихъ слушательницъ «осаживали» краснорѣчіе Ермака: перебивали его восклицаніями, насильственно смѣялись, а то просто принимались громко разговаривать, мѣшая ему. Довольно своеобразно выразилъ свое несочувствіе Ермаку и наоборотъ согласіе со Львомъ тотъ самый «единственный» товарищъ Нилъ, что унесъ-было борщъ. Именно—Нилъ принялся свысока ругать Льва:

— Не за свое дѣло взялись. Если намѣревались доказать свободу Я напротивъ слабоумной общинности, то такъ и доказывайте. Тутъ есть пролетарій (ораторъ уставилъ палецъ на ближайшемъ къ себѣ пунктѣ стола), а прочее стадо—подлая буржуазія. Я, пролетарій, что хочу, беру себѣ сюда, а они, трусы, пущай уступаютъ. Вы же вмѣсто того разводите антимонію «гармонія дѣйствій». Къ чорту гармонію! Я—единственный, я—царь и богъ.

Что называется, доказалъ. Доказательство до того мнѣ показалось удивительно, что я попросилъ Нила разъяснить мнѣ, что же такое «пролетарій»?

— Пролетарій—я,—ткнулъ онъ себя пальцемъ въ грудь. Потому что я—наборщикъ въ типографіи «Пироксилина» (газета другой фракціи анархистовъ). Есть то-есть и другіе наборщики, но которые только болтаютъ, но сами подлизываются къ буржуазіи—вотъ къ энтимъ милостивымъ государямъ (ироническое удареніе на *и* въ словѣ «милостивымъ»),—описалъ онъ вокругъ себя кругъ указательнымъ пальцемъ.

У него все выходило такъ, какъ будто бы единственный пролетарій на свѣтѣ представленъ только точкой въ центрѣ круга—Ниломъ.

Наконецъ, еще выступилъ противъ Ермака нѣкій безличный, скользкій съ виду паренекъ, сыпавшій, какъ горохомъ, словами. Онъ понесъ едва уловимую ахинею о какомъ-то «премірномъ, мистическомъ Я», которое, упраздняя безъ остатка пошлый разумъ, проявляетъ свою—очевидно, совершенно безумную—волю въ «абсолютной свободности», по его причудливому выраженію. Это былъ мистическій анархистъ.

Горбунъ и другіе общинники малодушно помалкивали. И собраніе готово уже было разойтись, какъ Иванъ собрался наконецъ съ духомъ и обратился сперва къ Ермаку:

— Не думалъ я на васъ, товарищъ, что вы тоже гене-

ральствовать желаете: лозунги вотъ всякіе придумываете, директивы, стыдно!

А пока удивленный Ермакъ соображалъ еще, въ чемъ дѣло, Иванъ—ко Льву:

— Не понялъ я про одно у васъ: а какъ же, напримѣръ, ежели хочу я подъ Россію Пекинъ, Константинополь и вообще всѣ города повернуть—можно, либо же нѣтъ?

Всѣ расхохотались надъ общеизвѣстнымъ уже грѣхомъ Ивана—его завоевательными наклонностями. Левъ же, улыбаясь снисходительно, далъ отвѣтъ недоумѣніямъ Иванушки:

— Коли хотите Пекина—хотите его покрѣпче, изо всей силы, и будетъ вамъ. Никто запретить не можетъ хотѣть, чего только душѣ угодно.

Смѣясь, всѣ разбрелись.

Съ момента этого клубнаго сраженія Иванъ—земскій воинъ, рѣшительно перемѣнился. Насколько ранѣе онъ обнаруживалъ непомѣрное увлеченіе всѣмъ безлично-артельнымъ, всѣмъ безымянно-народнымъ, настолько теперь личное геройство, безудержное Я завладѣвало его мыслями. Кудрявый же красавецъ Левъ не сходилъ у него съ языка. «Вотъ голова! вотъ личность!» восхищался онъ. «Вотъ побольше этакихъ свободныхъ *единицъ*—будетъ Россія, наконецъ, съ праздникомъ»...

Вскорѣ—въ видѣ практическаго развитія Ивановыхъ теоретическихъ увлеченій—въ его рѣчахъ стало повторяться маленькое словечко: «эксъ» [1]). Такъ оно очаровало Иванушку, это магическое словечко, что онъ, пересиливая въ себѣ даже ненависть къ моей хозяйкѣ, забѣгалъ иногда ко мнѣ, чтобы поразсказать свѣжія новости о «блестящемъ эксѣ», совершенномъ «нашими» тамъ, далеко, на родинѣ. А потомъ какъ-то необычайно скоро пришлось мнѣ быть чуть не прямымъ свидѣтелемъ собственнаго участія Иванушки въ «эксѣ».

Я чувствовалъ и тревожился, что у Иванушки отъ слова къ дѣлу переходъ будетъ скоръ и простъ. Поэтому, выбравъ однажды время посвободнѣй, я направился въ Дыру съ намѣреніемъ поближе наблюсти, какъ далеко зашло новое развитіе, и не слѣдуетъ ли мнѣ придти на помощь горячей душѣ земляка. Придя въ Дыру, я не засталъ Ивана. Хозяйка на мой вопросъ неодобрительно нахмурила брови и отозвалась такъ:

— Я не знаю, куда пошелъ господинъ Иванъ, но—nom de chien!—человѣкъ онъ большой, да порядочно глупый. И на-

---

[1]) „Экспропріація“.

зовите меня старой, дырявой корзиной, если этотъ пиратъ Нилъ не подбилъ его на какую-то грязную исторію! Ужъ вы мнѣ повѣрьте, я вижу всѣ секреты моихъ апашей вотъ какъ.

Она поднесла свою ладонь на уровень праваго глаза, а лѣвый зажмурила: получилось изображеніе неотразимой зоркости. Жестъ ея однако еще болѣе меня встревожилъ.

— Въ чемъ же дѣло-то, мадамъ Мармитъ?

— Ужъ этого не знаю, mon vieux. Только вся банда, во главѣ съ этимъ новоприбывшимъ monsieur Léon, чего-то забѣгала. А ужъ какъ они забѣгаютъ...

Я рѣшилъ не уходить, пока не дождусь Ивана. И долго онъ не возвращался. Прошло обѣденное время, я слыхалъ, какъ внизу въ «клубѣ» горбуна шумно сходились и потомъ разошлись его нахлѣбники изъ числа «общинныхъ», я проголодался, невольно воображая себѣ, какъ они «артелью» уничтожаютъ вкусный борщъ (до меня доносился его запахъ)—а Иванъ все отсутствовалъ. Часамъ къ пяти лишь я черезъ окно увидалъ его вверху, на краю Дыры, въ сопровожденіи Нила. Оба быстро и въ то же время какою-то особой, шмыгающей походкой спустились затѣмъ во дворъ; лица—возбужденно-таинственныя. Черезъ минутку оба были въ дверяхъ каюты. Нилъ недружелюбно сверкнулъ на меня глазомъ:

— Чортъ его... мѣшаетъ,—пробормоталъ онъ.—Ко мнѣ пойдемъ.

Но Иванъ просіялъ, меня увидя, бросился ко мнѣ, чтобы что-то спѣшно мнѣ сообщить...

— Пойдемъ,—тянулъ его за рукавъ Нилъ.

— Ничего, товарищъ,—настаивалъ Иванъ.—Онъ—душа-парень, ему можно.

И мрачный Нилъ сдался передъ Ивановымъ напоромъ сообщительности, сѣлъ на табуретъ, я—на кровать; Иванъ, ухвативъ меня за пуговицу, съ остаткомъ дыханія выдохнулъ:

— Эксъ... съ трескомъ!

Такъ я и зналъ... Развѣ могъ Иванушка остаться при однихъ словахъ? Интересно только, какими опасностями грозитъ ему сейчасъ прямая линія его характера.

— Эхъ, дорогой мой Иванушка,—сказалъ я.—Что вы тамъ натворили? Разскажите, не скройте.

— Чего тамъ скрывать?—засмѣялся онъ счастливымъ смѣхомъ. (Нилъ, однако, поджавъ губы, отвернулся).—У Моисея, у Премудрова въ квартирѣ—эксъ.

— Какъ, въ коммунѣ?

— Въ коммунѣ.

Этого я, признаюсь, никакъ не ожидалъ. Премудровъ былъ, если и не настоящій «анархъ», то изъ такъ называемыхъ сочувствующихъ. Сочувствіе его на дѣлѣ доказывалось готовностью и даже, можно сказать, самоотверженіемъ, съ какими онъ, человѣкъ со средствами, предоставилъ въ распоряженіе «товарищей» свою квартиру, гдѣ они и завели другой клубъ и столовую, подобные клубу и столовой Дыры. Впрочемъ, можетъ быть, дружба съ людьми, имѣющими столь близкое касательство къ такъ называемымъ экспропріаціямъ, была дѣломъ не совсѣмъ безвыгоднымъ. Неизвѣстно.

— Такъ вы самого Моисея и... того?...—едва могъ вымолвить я, таращa мои ничего не понимающіе глаза.

— Нѣтъ, покамѣстъ не его, а—Соньку. Знаете?

Я зналъ пухлую, бѣлую, розовую Соню, напоминавшую мнѣ всегда розовую шелковую подушку въ кружевной наволочкѣ; зналъ, какъ знаю, по моему старожильству, почти все отечественное въ Женевѣ. Соня была еврейка-студентка изъ состоятельныхъ, тоже—какъ это ни странно—любительница «анарховъ» и ихъ вольнаго житья; она снимала комнату у Премудрова.

— Какъ же это вы Соню-то обидѣли?

Въ отвѣтъ на мой вопросъ обидѣлся товарищъ Нилъ на своей табуреткѣ.

— Обидѣли! Они—милліоны будутъ заглатывать, а мнѣ—ничего? Пусть знаютъ и дрожатъ.

Я не сталъ доказывать ему преувеличенія въ словѣ «милліоны» (Соня получала, вѣроятно, какихъ-нибудь франковъ 400—500 въ мѣсяцъ отъ отца-коммерсанта въ Балтѣ), а поинтересовался, что же имъ удалось добыть отъ Сони своимъ молодецкимъ «эксомъ».

Иванушка совсѣмъ расцвѣлъ, будто махровый, красный піеонъ въ лучахъ солнца, и съ торжествомъ обратился къ Нилу:

— Товарищъ Нилъ, ну-ка, покажи-ка.

И у товарища Нила выразилось на лицѣ тоже немалое удовлетвореніе, когда онъ вытащилъ изъ-за пазухи своей черной рубашки—этого форменнаго мундира, отличающаго «анарховъ» отъ прочаго презрѣннаго міра—вытащилъ хорошенькій дамскій ридикюль краснаго сафьяна, шитый золотомъ.

— Вотъ!—подхватилъ его своей медвѣжьей лапой Иванушка, потрясши имъ высоко надъ головой. Я не могъ не засмѣяться, хотя отчасти и мѣшало смѣху безпокойство: вотъ-

вотъ Соня, лишившись лучшаго своего украшенія, заявится сюда съ полиціей по слѣдамъ похитителей.

—Цѣнная добыча!—воскликнулъ я.

— Не въ ридикюлѣ дѣло, мѣщанинъ,—гордо оборвалъ меня Нилъ.—Въ ридикюлѣ взяты деньги.

— Пять тыщъ,—неподдѣльнымъ балахнинскимъ выговоромъ подтвердилъ Иванъ—и открылъ передо мной ридикюль. Но на розовомъ атласномъ фонѣ подкладки обнаружилась мнѣ одна только темно-зеленая книжка.

— Должно, сберегательная книжка,—нѣсколько смущенно истолковалъ Иванъ, взялъ и раскрылъ книжку: оказался—обыкновенный заграничный паспортъ Россійской имперіи на имя дочери 2-ой гильдіи купца Сурки-Софіи Берлинербляу.

— Что тамъ такое?—освѣдомился Нилъ.

— Сонькинъ паспортъ,—отвѣтилъ Иванъ.

— Къ чорту его!—выбранился Нилъ.—Сумма, значитъ, во внутреннемъ отдѣленіи.

Открыли внутреннее отдѣленіе: дѣйствительно, серебро, мѣдь, никкель—но что-то до смѣшного мало. Посчитали наскоро: 7 фр. съ сантимами. Это было до того далеко отъ возвѣщенныхъ Иваномъ 5 тысячъ, что оба «эксиста» стояли, какъ громомъ убитые. Я же теперь только уразумѣлъ замѣчательный фактъ: оба они удовольствовались полученіемъ отъ своей жертвы шитаго золотомъ ридикюля—не догадавшись удостовѣриться въ дѣйствительной цѣнности его содержимаго!.. Нѣтъ, только съ нашими, россійской марки грабителями могутъ происходить такія невѣроятныя, неправдоподобныя приключенія. . . . . .

— Н-ну!—развелъ я руками.—Не хватаетъ еще, чтобы изъ-за этихъ 7 франковъ съ сантимами вы попали за рѣшетку. Убирайтесь-ка живѣй отсюдова, головы съ мозгами, пока до бѣды.

Иванъ, какъ свѣжій человѣкъ изъ Россіи, сію минуту собрался-было исполнять мое внушеніе; но Нилъ удержалъ его за полу.

— Брось,—пробасилъ онъ.—Нечего. Сонька, она—товарищъ. Не посмѣетъ.

Мнѣ сперва сомнительно стало, чтобы въ такомъ «боевомъ» случаѣ могли имѣть какое бы то ни было значеніе товарищескія отношенія, однако потомъ, взвѣсивъ всю неподдѣльно-россійскую суть дѣла, я почувствовалъ безусловную правоту Нила: нѣтъ, товарищъ Соня никогда не позволитъ себѣ впутать «чужую» полицію въ «нашу» домашнюю исторію. Поэтому мы спокойно

остались на своихъ мѣстахъ. Стоило все же выяснить, какъ случилась съ горе-эксистами такая крупная неудача.

— Ну, что скажете, Иванушка,—началъ я,—нужно было тратить силу на эти глупости?

— А, скверная жидовка!—разразился вдругъ Иванушка.— Надула насъ шельма несчастная, а мы ей, какъ добрые, и повѣрили.

— Да я навѣрняка зналъ,—говорилъ въ свое оправданіе Нилъ,—что вчера она изъ банка получала и въ ридикюлѣ оттуда несла. Оттого за него и схватился.

— А, вы значитъ сами сумкой завладѣли, а не она вамъ... Коли такъ, такъ нечего вамъ на нее... Просто, напугали до смерти дѣвицу, она и сама себя не помнила, да гдѣ и деньги лежатъ. И кто вамъ сказалъ, что у нея такія суммы могутъ быть? Все сплошная чепуха.

Даже Нилъ молчалъ теперь въ отвѣтъ на мою ѣдкую критику. Я же давалъ себѣ обѣщаніе воспользоваться ея первымъ, благотворнымъ укусомъ, чтобы затѣмъ мало-по-малу вызволить моего падкаго на идеи богатыря изъ плѣна хищныхъ идей. А когда Нилъ вышелъ, вѣроятно, чувствуя себя-таки не очень ловко послѣ подобной «осѣчки», я еще счелъ нужнымъ допросить Ивана, неужели Левъ и Нилъ такъ успѣли расшевелить въ немъ «личную» жадность, что онъ не постыдился грабить дѣвчонку да еще «товарища». И самъ я не радъ былъ — до того Иванъ законфузился.

— Что вы, что вы?—сталъ онъ меня клятвенно завѣрять.— Ей-ей, я—не для себя. Я, честное слово, хотѣлъ—на . . . . . армію. . . . . .

Иванъ-воинъ такимъ образомъ даже и въ сѣтяхъ индивидуализма не переставалъ быть все тѣмъ же земскимъ воиномъ.

— Ну, а Нилъ?—спросилъ я.

— Нилъ, онъ хотѣлъ свою часть пустить на устройство столовки, гдѣ бы каждый приходилъ и бралъ бы ѣды, сколько хочетъ, безъ спросу.

Этотъ Нилъ страдалъ, повидимому, неутолимымъ аппетитомъ и то же предполагалъ у всякаго человѣка—по крайней мѣрѣ, у человѣка анархо-индивидуалистическихъ убѣжденій.

Между тѣмъ изъ неудачнаго «экса», произведеннаго въ собственной, безначальной средѣ, возгорѣлась громкая исторія. Во-первыхъ, въ силу ужъ самаго существа безначалія ни одно дѣйствіе въ Дырѣ не можетъ оставаться подъ секретомъ: вольныя души не могутъ стѣснять себя соображеніями о необходимости держать языкъ за зубами, и всякій случай тотчасъ же стано-

вится предметомъ всенароднаго обмѣна мыслей. Во-вторыхъ, Моисей Премудровъ былъ искренно возмущенъ покушеніемъ товарищей въ его всегда для нихъ широко открытомъ домѣ; поэтому онъ явился громко протестовать въ клубъ Дыры, получивъ, разумѣется, идейную поддержку со стороны общинниковъ, противниковъ нетоварищескаго индивидуализма... Словомъ, пошла писать Женевская губернія.

Клубъ сталъ засѣдать непрерывно. Шумъ рѣчей съ аплодисментами, конское топаніе ногъ, ревъ ребятъ и кухонный чадъ въ квартирѣ горбуна усиленно поражали мой слухъ и взоръ каждый разъ, какъ я еще только подходилъ съ улицы къ «пансіону» матери-Мармитъ. Окна клуба всѣ стояли настежь, и изъ оконъ табачный дымъ, какъ жертва кадильная, возносился къ небесамъ. Я, однако, не рисковалъ заглядывать въ клубъ, зная по опыту несравненную неразбериху, царствующую на подобныхъ собраніяхъ въ экстренные моменты общаго возбужденія. Ни одинъ мірской сходъ въ любой деревнѣ Лѣшихѣ не въ силахъ былъ бы соперничать на этотъ счетъ съ Дырой. Зато отъ Ивана узналъ я, что Моисей вызвалъ героевъ экса на товарищескій судъ: судъ, разумѣется, не третейскій—ибо Дыра отрицаетъ въ корнѣ всяческое представительство, какъ начало политическое, какъ заразу власти; — но на судъ самой Дыры въ ея, такъ сказать, полнотѣ.

Я и на судѣ не имѣлъ желанія присутствовать — дѣло долгое, крикливое и, въ концѣ концовъ, безнадежное. Достаточно было съ меня услыхать отъ того же Ивана, что «подлецы-общинники» изо всѣхъ силъ кричали противъ эксистовъ, но «молодцы-коршуны» ихъ не выдавали; при установившемся приблизительномъ равновѣсіи силъ, ясно, дѣлу конца не предвидѣлось.

Товарищъ Соня тоже появилась на собраніяхъ суда, жаловалась, но въ общемъ не слишкомъ сильно; и главная ея жалоба была на то, что Иванъ и Нилъ ее очень напугали своими 7-зарядными браунингами. Самая же горячая борьба — ни дать ни взять, какъ и въ прочихъ человѣчьихъ скопленіяхъ, нисколько не причастныхъ къ святому безначалію—разыгрывалась все же между главарями каждой стороны: кудрявымъ Львомъ и мочально-волосымъ Ермакомъ. Со словъ Ивана я не могъ дать себѣ вполнѣ отчета, въ чемъ состояли ихъ взаимоистребительные доводы и препирательства: «всякое, тамъ, знаете, прямодѣйствіе», отмахивался Иванъ (вѣроятно — «прямое дѣйствіе», т.-е. модное между безначальными, всецѣлебное action directe). Но зато онъ

завѣрялъ меня: «на Борисовой сторонѣ вся правда истинная, выходитъ: полное право мы имѣли съ Соньки деньги требовать; только получше пугать слѣдовало... Это вѣрно, что мнѣ ее, бѣднягу, жалко стало, то и поторопился» — съ неподдѣльнымъ благодушіемъ закончилъ онъ.

А на Ермака онъ былъ страшно сердитъ. «Ужо погоди, задамъ я этому словотеку! мелетъ, мелетъ, никакой моей возможности больше нѣтъ». То ли дѣло, казалось ему, — Левъ: плечо, грудь — хоть противъ кого выстоитъ, и собою — король червей просто. «За этакимъ въ огонь и въ воду, настоящій атаманъ».

— Иванъ!—критиковалъ я.—Да вѣдь это не что иное, какъ поклоненіе генералу.

Въ отвѣтъ я получилъ такое, отечественное и крѣпкое, по адресу всѣхъ «генераловъ», что пришлось на слово повѣрить Ивану въ величайшей разницѣ между достойнымъ порицанія генераломъ и достойнымъ поклоненія атаманомъ. Что подѣлаешь съ безпощадной прямизной мысли у Иванушекъ! прямизной — до полета кверху ногами.

Судъ замиралъ, ведя естественнымъ своимъ порядкомъ, по дорогѣ безысходныхъ словопреній—къ нулю. Но, какъ Иванъ совершенно пересталъ стѣсняться со мной, то мнѣ скоро стало извѣстно, что совсѣмъ и не въ судѣ было теперь дѣло «между публикой», а затѣвалось уже что-то новое. Нилъ и другіе «коршуны» тоже, забѣгая въ каюту, роняли обрывки новыхъ фразъ, свойства угрожающаго:

— Пару маузеровъ и шесть обоймъ...—услыхалъ я однажды въ качествѣ какого-то распоряженія на сегодня или на завтра.

И зловѣщее слово «запальники» тоже стало перелетать между коршунами. Понятно, что все это утвердило меня на мысли—вотъ моментъ, когда Иванушка сильнѣйшимъ образомъ нуждается въ моихъ услугахъ, какъ проводника изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ. Приставъ къ нему, какъ слѣдуетъ, я добился—на этотъ разъ, правда, подъ строжайшимъ требованіемъ молчать—что дѣло шло объ эксѣ уже, можно сказать, въ классическомъ, широкомъ стилѣ: мѣсто было — Монтре на берегу озера, а не какая-либо товарищеская квартирка, предметъ нападенія—мѣстный банкъ, а не бѣдная Сонька. Ого! это серьезно! подумалъ я и взялся за Ивана тоже серьезно. Очень ужъ по сердцу мнѣ пришлись его прямые, голубые глаза, не могъ я подумать, что имъ — пожалуй, быть вычеркнутыми изъ жизни

навсегда. Такъ вѣдь мало въ нашей жизни беззавѣтныхъ, дѣтски-открытыхъ глазъ...

Но Иванушкины глаза безнадежно отворачивались отъ меня, проводника. Онъ, можетъ быть, и любилъ немного меня за то, что устроилъ его на чужбинѣ почти, какъ дома; но—обожалъ своего Льва и его эффектную идею. «Прямое дѣйствіе», вотъ что обольщало его—а какое же немедленное дѣйствіе могъ предоставить ему я, кромѣ жестко-чернаго и отрицательнаго дѣла критики?

— Гидъ!—твердилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на всѣ мои приставанія.—Вы только мѣшаете мнѣ дѣло дѣлать, мою силу тормозите. Поняли?

И они всѣ, коршуны изъ Дыры, шумно и оживленно продолжали свои боевыя приготовленія. Конечно, таинственность у нихъ соблюдалась, но таинственность до того невинно-прозрачная, что только совершенно слѣпые могли не читать ее насквозь. А вскорѣ случилась какая-то непонятная задержка въ тайно-явномъ порханіи коршуновъ вверхъ-внизъ, по лѣстницамъ Дыры.

Какая-то непредвидѣнная, необъяснимая задержка. Задержки же — вѣдь гибель для всякаго «прямого дѣйствія». Каждая минута на счету, каждый мигъ можетъ быть—роковой. Иванъ-воинъ изъ себя выходилъ отъ нетерпѣнія и отъ досады. Онъ не понималъ причины задержки — ему не говорили товарищи-боевики, а, можетъ быть, не всѣ и сами знали. Поэтому онъ самъ по себѣ, путемъ ему лишь вѣдомыхъ соображеній, вѣрнѣе, гаданій, нашелъ виновника: Ермакъ.

— Не миновать, все отъ этой ехидны—Ермака. Еще вѣдь давеча говорилъ онъ въ клубѣ про нашъ планъ, что—преждевременный, говорилъ: слѣдуетъ сперва спросить кругомъ всю федерацію [1]), а безъ федераціи—не имѣемъ мы полнаго права. А? каковъ подлецъ? Значитъ, потянется себѣ дѣло мелкимъ шагомъ изъ клуба въ клубъ, покуда на-нѣтъ сойдетъ — вотъ чего ему, гадинѣ, надо. Бюрократы федеральные! А по-нашему, спрашивайся самъ себя да своего сотоварища: готовъ?—Готовъ. Такъ куй скорѣе, пока горячо. Одинъ я—всему судья.

И такъ разъярился Иванушка противъ Ермака, что имени не могъ ему подобрать достаточно злого. Наконецъ, однажды, послѣ трехъ дней задержки онъ вдругъ сорвался съ мѣста (мы сидѣли въ его каютѣ) и скорѣе рыкнулъ, чѣмъ вскричалъ:

---

[1]) Т.-е. федерацію всѣхъ безначально-русскихъ общинъ по всѣмъ городамъ Швейцаріи.

— Дамъ давку!

Точно медвѣдь изъ сибирской тайги заревѣлъ.

Я еще ни разу не слыхалъ этого медвѣжьяго боевого клича и не понялъ его точнаго значенія; но зубы Ивана такъ страшно оскалились, свѣтлые всегда глаза такъ заволоклись безобразной тучей гнѣва, что я лучше всякихъ словъ почуялъ: удержи Ивана, какъ можешь, гидъ, надъ обрывомъ. На этотъ разъ, впрочемъ, я могъ удержать. Ибо съ утра освѣдомился, что Ермакъ ушелъ въ горы съ товарищами; ушли раньше разсвѣта, еще по темнотѣ; и—шепталъ мнѣ горбунъ—для важнѣйшаго совѣщанія. Я сказалъ Ивану, что нѣтъ Ермака.

Онъ успокоился немного, но грозился:—Ладно, ужо вернешься, проклятый Іуда,—дамъ же давку!

Въ тотъ день я вовсе не уходилъ изъ Дыры, не могъ уйти: въ воздухѣ висѣла мгла тревоги. Такъ какъ мои руки не могутъ долго оставаться безъ занятія, я себѣ и сыскалъ его внизу, на дворѣ матери-Мармитъ: сталъ колоть для ея прачешной дрова, т.-е. не совсѣмъ дрова, а—кучу полугнилого дерева, купленную задешево гдѣ-либо съ сосѣдней разрушенной постройки. Оканчивать разрушеніе гнилого дерева—занятіе не очень пріятное, но полезное. Покамѣстъ я помаленьку постукивалъ топоромъ, гляжу—мать-Мармитъ дѣлаетъ мнѣ изъ окна какіе-то странные сигналы рукой, губами, своими сѣдыми бровями. Я подошелъ къ окну. Она—глухимъ шопотомъ:

— Слушайте. Уводите-ка вашего друга сегодня же отсюда. Лучше будетъ.

— Что вы хотите сказать, мать-Мармитъ?—спросилъ я, ощущая усиленный приливъ тревоги.

— Chut. Молчаніе! Но я вамъ говорю—а мать-Мармитъ знаетъ, когда говоритъ (она съ выраженіемъ непоколебимой вѣры въ себя отерла обѣ мыльныя ладони о фартукъ): сообщено (пауза—вмѣсто упоминанія, кѣмъ именно сообщено): вниманіе! не все ладно между вашими русскими...

Въ смущеніи сложилъ я мой топоръ на кучу гнилыхъ щепъ, мною наколотыхъ, и пошелъ наверхъ къ Ивану. Напрасно,—мнѣ не удалось убѣдить его уйти; онъ долженъ былъ, по его словамъ, или «сдѣлать подвигъ», или... Оставалось мнѣ одно: не покидать его и ночью. Ибо никогда еще за всю мою подневольную женевскую жизнь въ моей груди не горѣло такимъ жаркимъ пламенемъ желаніе вывести человѣка на добрую дорогу.

Я придумалъ подходящій предлогъ ночевать у Ивана: надо

мнѣ, молъ, для матери-Мармитъ завтра, пораньше исполнить комиссію—свезти бѣлье за городъ. Иванъ, конечно, ничего не имѣлъ противъ моей ночевки. Вскорѣ я сталъ располагаться спать у него на полу, разстелилъ сибирскую доху Ивана, подставилъ опрокинутый табуретъ подъ голову, Иванъ уступилъ мнѣ свою подушку...

Въ это время—ночь уже надвинулась надъ Дырой—услыхали мы легкій шумъ шаговъ кого-то, спускающагося оттуда, изъ города во дворъ. Потомъ— быстро по лѣстницѣ. Потомъ внизу, подъ нами открылась и закрылась дверь, раздались голоса. Голоса подняли тонъ, зачастили... потомъ тонъ снова опустился... пауза... легкій говоръ... пауза.

Я не зналъ, почему, но я слушалъ эти голоса и особенно эти паузы (о, онѣ мнѣ казались часами!) не ушами, даже не сердцемъ—всѣмъ моимъ тѣломъ, которое, помню, застыло, изогнувшись надъ подушкой, которую я только-что принялся примащивать къ опрокинутому табурету. Вѣдь комната подъ нами была—комната героя Льва. Кто, среди разлитой въ эту ночь тревоги, пришелъ къ нему съ такою нервной, раздраженной бесѣдой? Иванъ тоже поднялся съ кровати, гдѣ до тѣхъ поръ сидѣлъ, наблюдая за моей возней, и, слышу, вновь медвѣдемъ рычитъ: «Дамъ давку!»

— Бахъ!—какъ бы отвѣтилъ ему изъ-подъ полу короткій звукъ, такой невинный, маленькій. Упала тамъ книжка? Ударилъ кто молоткомъ по столу? Не успѣли мы подумать этихъ полумыслей, какъ—сами, не зная, какою силой—очутились оба на лѣстницѣ и заглядывали внизъ.

Свѣтъ вырвался изъ распахнутой кѣмъ-то двери внизу. Кто-то—высокій, черный силуэтъ—задержался на моментъ въ просвѣтѣ двери. Затѣмъ, оглядѣвшись направо-налѣво, заперъ дверь, быстро затопалъ къ ступенямъ и по ступенямъ внизъ. Что-то жилисто-угловатое и напряженное въ фигурѣ, скрытой чернымъ плащомъ и низко надвинутой шляпой, приводило мнѣ на память кого-то... Такъ же, какъ прежде, машинально-скоро очутились мы съ Иваномъ внизу, у двери, открыли ее...

Въ маленькой, но уютной комнатѣ, между окномъ и столомъ сидѣлъ, положивъ голову на лѣвую руку, а руку на столъ, Левъ. На столѣ лежалъ черный браунингъ. Левъ не шевелился, правая рука свѣсилась до полу, ноги странно подвернулись. Видно, конечно, было его дѣло... Какія-то бумаги были разбросаны по полу и порядочной величины бѣлый бумажный плакатъ съ надписью—страшною надписью, ярко освѣщаемой свѣтомъ лампы— стоялъ на столѣ, прислоненный къ стѣнѣ.

Безъ дыханія оставались мы на порогѣ комнаты. Безъ движенія. Потомъ Иванъ вскрикнулъ хрипло и страшно, какъ удавленникъ—и бросился-было вонъ. Въ его хрипѣ мнѣ слышался тотъ же дикій, лѣсной голосъ: «дамъ давку».

Съ силой—откуда она у меня и взялась, самъ я былъ удивленъ—стиснулъ я его руку и подтащилъ этого огромнаго человѣка къ столу.

— Развѣ не видите? Глядите!..

Онъ глядѣлъ и дрожалъ, и сталъ слабъ и послушенъ, какъ младенецъ, какъ вещь. Мнѣ не стоило никакого труда быстро увести его за руку по лѣстницѣ, со двора—вонъ отъ Дыры.

. . . . . .

Я увелъ Ивана безвольнаго, почти безъ сознанія, снова къ себѣ на квартиру, въ 7-ой этажъ, подъ крыло моей строгой хозяйки. Иванъ сталъ нѣмъ, какъ рыба; лишь иногда у него вмѣстѣ со вздохомъ вырывался тихій ропотъ:

— Да какъ же оно такъ? Да не можетъ этого быть...

И снова онъ погружался въ родъ забытья съ открытыми глазами. Была тутъ однако же и своя хорошая сторона: Иванъ сталъ необычайно, можно сказать, идеально сдержанъ и безшуменъ. Цѣлые тѣ два дня, что мы съ нимъ не выходили изъ комнаты (я нарочно оставался дома, чтобы онъ нечаянно не вздумалъ заглянуть въ Дыру и не погубилъ себя),—онъ просидѣлъ, смотря въ окно на широкую и мелкую каменистую рѣку Арву, на ея кудряво-зеленые берега, на сѣрыя, отвѣсныя кручи Салева, охваченныя по плечамъ, словно женевская дама бѣлыми мѣхами,—облаками. Смотрѣлъ Иванъ и думалъ. Впрочемъ, думалъ ли, не знаю, даже сомнѣваюсь. При размышленіи не бываетъ на лицѣ такой окоченѣлости всѣхъ чертъ, въ глазахъ—такого отсутствія живой искры. Вѣрно то, что внутренняя борьба отражалась въ его фигурѣ. Сжимавшіеся молодецкіе кулаки Ивана отъ времени до времени говорили о готовности къ борьбѣ. Сапогъ его, сапогъ русской толстой кожи изрѣдка тоже топалъ гнѣвно, будто съ отчаяніемъ. Но свѣта сознанія не видѣлось въ этомъ трудномъ, безъ сомнѣнія, мучительномъ для нашего воина процессѣ. Воевали въ немъ двѣ какія-то враждебныя арміи чувствъ, равно бурныхъ и равно неспособныхъ рѣшить замысловатую задачу жизни. И потому жалко было глядѣть на Иванушку, застрявшаго въ какомъ-то безысходномъ тупикѣ. Трудно, трудно даются моимъ старорусскаго закала землякамъ ихъ пути жизни, среди сложной сѣти суровой современности.

Иванъ, наконецъ, занемогъ. Видно, женевскій гриппъ, радостно здѣсь подстерегающій всякаго ослабѣвшаго въ борьбѣ за жизнь человѣка, нашелъ въ немъ легкую добычу. Иванъ улегся въ мою постель—и замѣчательно, какъ съ этого момента моя хозяйка, старая выжига, принялась за нимъ ухаживать. Началось съ того, что принесла горячаго вина, а затѣмъ посовѣтовала «очистить» monsieur; принесла даже сама для этой цѣли какого-то «альпійскаго чаю». Потомъ кормила Ивана супомъ, поила кофе, словомъ—истинно-милосердная самаритянка!

Я и оставилъ больного цѣликомъ на ея попеченіе: хозяйка теперь покажетъ ему другую сторону швейцарской души—свѣтовую. Право, сколько разъ удивляли меня эти неприглядные сверху швейцарцы. Вотъ ужъ, кажется, кремни неприступные, а случись съ вами серьезная бѣда—безъ всякой вашей просьбы протянутся къ вамъ руки, и безъ шуму, безъ крику, быстро, дѣльно согрѣютъ, помогутъ, поставятъ на ноги. Отъ кремня остается одно—твердость, съ какою осуществляется взятая на себя добровольно забота. И вы на рѣкахъ Вавилонскихъ нечаянно ощущаете подъ собою твердую почву, пожалуй, тверже нашего чернозема.

Въ эти дни я ничего не могъ узнать о дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ въ Дырѣ. Изъ женевскихъ газетъ лишь прочиталъ я о происшедшемъ убійствѣ, о неразысканіи убійцы и обыскѣ по всѣмъ норамъ и норкамъ Дыры. Обыскъ, впрочемъ, «не далъ опредѣленныхъ результатовъ», и только о бумагахъ, найденныхъ въ комнатѣ убитаго, сообщалось, что «директоръ полиціи г-нъ Фреръ-Масонъ, при помощи переводчика, нашелъ въ нихъ нѣкоторыя серьезныя указанія на личность убитаго и мотивы—не личные—преступленія. Дѣло разслѣдуется», лаконично заключалось газетное сообщеніе. Итакъ, первый набѣгъ слѣдствія не угрожалъ задѣть насъ съ Иваномъ въ качествѣ свидѣтелей дѣла—роль не изъ слишкомъ пріятныхъ въ странѣ, гдѣ ото всего, мало-мальски припахивающаго анархизмомъ, отдѣлываются весьма легко и просто: высылкой за границу, по простому административному распоряженію.

Какъ только Иванушка избавился отъ своего гриппа, мы съ нимъ тепло поблагодарили хозяйку за ея уходъ, и, наконецъ, Иванъ получилъ возможность показаться изъ своего многодневнаго карантина на улицу. Чтобы отвлечь его вниманіе отъ небезопаснаго душевнаго конфликта, я вознамѣрился пристроить его въ качествѣ помощника къ моему собственному комиссіонерно-гидовскому ремеслу. Одѣлъ ему подъ мышки сѣрый фар-

тукъ, какъ у меня, досталъ ему другую телѣжку и поставилъ его рядомъ съ собой на вокзалѣ стеречь пріѣздъ и отъѣздъ путешествующей россійской публики. Когда же попадался мнѣ русскій кліентъ, прельстившійся моей карточкой «русскаго гида по Женевѣ и ея чуднымъ окрестностямъ», я бралъ съ собою въ обходъ города подручнымъ и Ивана: можетъ быть, и въ немъ по мѣрѣ пріобрѣтенія свѣдѣній о Женевѣ откроется талантъ къ человѣковожденію.

Но надо сказать, что Иванъ-воинъ обнаруживалъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ шагахъ, больше данныхъ для будущаго носильщика, чѣмъ для будущаго гида. Его спина волжскаго крючника была бы, казалось, способна унести не только весь багажъ пріѣзжихъ русскихъ, но, пожалуй, въ добавокъ и самихъ пассажировъ съ ихъ семействами. Исполнительность и энергія его бывали также выше всякой похвалы—настоящій рядовой воинъ арміи труда—если бы только временами не находилъ на него «норовъ». Словно бы ему иной разъ вступала въ голову обида: какъ? я, тотъ самый Иванъ, что прославился въ Москвѣ, Новороссійскѣ и прочихъ мѣстахъ неслыханными подвигами, я долженъ теперь служить проклятымъ буржуямъ? Ахъ, вы... И солидный, услужливый носильщикъ вдругъ адресовалъ своимъ кліентамъ реплики, заставлявшія ихъ пугливо сторониться отъ его внушительной бороды и поспѣшно расплачиваться. Я посмѣивался надъ его манерой привлеченія кліентовъ и все же довольно легко усмирялъ его убѣдительнымъ соображеніемъ: «надо же, другъ Иванушка, поддержать себя чѣмъ-либо на чужбинѣ; а то безъ дѣла такъ мы съ вами здѣсь раскиснемъ, что и для родины окажемся потомъ не лучше трухи, либо мякины». Иванушка соглашался и принимался съ покорностью и двойной энергіей за нашъ верблюжій трудъ.

А въ путешествіяхъ съ русскими туристами по городу ему выпадала роль элемента скорѣе пассивнаго. Однако, въ противоположность первоначальной враждебности ко всему швейцарскому, онъ теперь замѣтно сталъ интересоваться кое-какими проявленіями мѣстной жизни. Только нерѣдко интересовали его черты, для меня уже ставшія совершенно непримѣтными, а потому и неожиданныя.

Однажды, послѣ осмотра древнихъ и пахучихъ закоулковъ Верхняго города, отвели мы нашу кліентку-даму съ ребятишками въ Англійскій садъ на берегу озера. Дама увела дѣтей въ ресторанчикъ освѣжиться, а мы съ Иваномъ—сидимъ, ожидаемъ на скамьѣ близъ бронзоваго бюста живописца Дидэ. На домашнемъ

колпакѣ и плечахъ серьезнаго художника разсѣлась компанія воробьевъ. Воробьи не только не испугались нашего сосѣдства, но, давъ намъ занять мѣсто на скамьѣ, стали выражать намъ знаки особой симпатіи. Сперва сѣренькія воробьихи (онѣ всегда смѣлѣй), потомъ буро-черноватенькій мужской полъ стали слетать на песокъ аллеи и скокомъ-скокомъ къ самымъ нашимъ ногамъ. Самое довѣрчивое чириканіе, дружественное трепыханіе крылышками... Иванъ вдругъ умилился:

— Ишь, воробей! Какъ мышенокъ, передо мной по землѣ, каналья, катается, смѣлый какой. Ей-ей, впервые этакихъ героевъ вижу. А что, ежели я тебя, пичугу, вотъ изловлю да голову и сверну?

Но воробьи въ отвѣтъ на рѣчь завертѣли лишь головками, вопросительно—или просительно—на насъ поглядывали своими бойкими глазами. «Пикъ, пикъ!»... У Ивана оказался хлѣбъ въ карманѣ, онъ покрошилъ воробьямъ. Какой успѣхъ имѣло это угощеніе! Какое пиканье, оживленіе поднялось—не хуже анархическаго клуба! Другая стайка воробьевъ, занимавшая позицію невдалекѣ, на бюстѣ другого живописца—Калама, устремилась сюда же, къ намъ, т.-е. къ хлѣбнымъ крошкамъ. И съ деревьевъ сада уже мчались другія стаи. Иванъ въ восхищеніи продолжалъ крошить.

— А? воробьи!—изумлялся онъ.—Попробовать бы вамъ у насъ въ Россіи—поклевать бы по дорожкамъ. Шалишь, братъ! Такъ бы васъ тутъ мальчишки эти...

— Воробей здѣсь—сознательный республиканецъ,—разсмѣялся я. Знаетъ свои права. Вѣдь онъ тебя не обижаетъ, ну, значитъ, и отъ тебя обиды не ждетъ. Вѣритъ въ равный для всѣхъ законъ.

Иванъ почему-то не возражалъ. Прежде, я думаю, онъ просто бы выбранился по адресу здѣшнихъ тѣсныхъ законовъ. Сегодня—ласково продолжалъ кормить воробьевъ.

Въ другой разъ онъ остановилъ меня при перевозкѣ нами чьего-то имущества съ квартиры на квартиру: «ха-ха! глядите-ка, пудель».

Я оглянулся: ѣхала по улицѣ, поливая ее, поливальная машина въ родѣ рядовой сѣялки. Большой пудель, страдая, вѣроятно отъ жары—былъ августъ мѣсяцъ, самый жаркій въ Женевѣ—разбѣжался подъ самый резервуаръ машины и принялъ освѣжительный душъ. Потомъ отсталъ снова отъ машины и началъ встряхиваться всѣмъ тѣломъ, фыркая съ непередаваемой миной наслажденія, послѣ чего побѣжалъ восвояси.

— Ха-ха!—продолжалъ хохотать Иванъ.—Тоже сознательный пудель. Правда, землякъ?

Я тоже смѣялся повторенной Иваномъ моей шуткѣ. И правда, мнѣ не помнилось, чтобы домашнія животныя въ отечествѣ обнаруживали подобную, такъ сказать, интеллигентность и самодѣятельность въ пользованіи благами техники и гигіены. Тутъ и въ пуделяхъ успѣла воспитаться внутренняя культурность...

Такъ дрессировалъ я моего сырого скиѳа. А какъ же обстояло съ его недавними индивидуалистическими увлеченіями? Наши странствія нерѣдко приводили насъ и въ сосѣдство Дыры, гдѣ мы замѣчали въ окнахъ либо на дворѣ мелькаціе величественной фигуры матери-Мармитъ. Но я не пускалъ туда заходить моего Ивана, да и онъ самъ что-то поеживался и примолкалъ при видѣ знакомыхъ мѣстъ. Но однажды намъ необходимо было заглянуть въ Дыру—требовалась помощь для крупной перевозки, а въ Дырѣ проживалъ одинъ подходящій человѣчекъ, «смиренный Лазарь», какъ прозвали его «боевые» сосѣди по обиталищу.

Подъѣхали мы съ нашею тяжело нагруженною телѣжкой ко двору Дыры. Мать-Мармитъ—намъ навстрѣчу. Она обрадовалась monsieur Ивану, словно родному.—«Куда это вы исчезли? Я уже думала, что васъ захватила полиція».

— А знаете ли вы,—вдругъ прибавила она, понизя голосъ, поднявъ перстъ и многозначительно прищуря правый глазъ,—знаете ли, кто открылъ Льва?

— Кто же?

Ударъ всей широкой рукою въ грудь—безъ словъ.

— Какъ! вскричалъ я. Вы?

Энергичный кивокъ:

— Я. Мать-Мармитъ.

Никогда бы я этого не могъ подумать. Что мать-Мармитъ недурно управлялась со своими анархами, въ области ихъ внѣшняго быта, съ этимъ я былъ знакомъ; но чтобы власть ея простиралась и на увлеченія ихъ душъ—не предполагалъ. У меня заговорило даже ревнивое чувство: гляди-ка, обыкновеннѣйшая баба претендуетъ тоже на гидское ремесло! И я выказалъ недовѣріе къ ея гордому утвержденію.

— Быть не можетъ, мадамъ! Какъ бы вы могли?

Но она безъ затѣй разсказала, что ея племянникъ, служащій въ «Безопасности» (Sûreté), по секрету увѣдомилъ ее.

Оказался извѣстенъ и весь планъ покушенія въ Монтре; такъ что самосудъ только немного предупредилъ событія...

Да, умная женщина была мать-Мармитъ. Она же съ радостью сообщила намъ, что трагическая исторія не кончилась катастрофой ни для кого изъ участниковъ, не считая Льва. Удивительнѣйшимъ образомъ слѣдствіе по дѣлу, чѣмъ дальше, тѣмъ больше глохло и глохло. Даже газеты съ третьяго же дня событія какъ будто перестали интересоваться имъ, и полиція повыпускала двухъ-трехъ, сперва арестованныхъ туземцевъ Дыры. Узнали потомъ, что полиція похоронила кудряваго Льва какъ-то тайкомъ, ночью и наскоро, безо всякихъ церемоній, «какъ собаку»—сказала намъ мать-Мармитъ. И, наконецъ, всякіе дальнѣйшіе розыски вообще прекратились.

У меня даже сердце сжалось отъ этого разсказа. Жутко стало, что къ человѣку можетъ существовать такое слишкомъ ужъ упрощенное отношеніе. Иванъ—тотъ, со своей стороны, и не поморщился. Спросилъ еще мать-Мармитъ: «въ какое мѣсто ему?..» и, получивъ въ отвѣтъ молчаливый жестъ почтенной дамы, означающій: «прямо въ сердце»,—облегченно сгребъ свою широкую бороду и помоталъ головой.

— Измѣнникъ своему отечеству,—изрекъ онъ торжественно и попросилъ меня перевести изреченіе. Мать-Мармитъ отъ всей своей прачешной души потрясла Иванову десницу.

«Смиреннаго Лазаря» мы раздобыли наверху, въ одной изъ каютъ. Но, разыскивая его, обратили вниманіе на безлюдье Дыры. Повсюду виднѣлись настежь открытыя двери и въ нихъ—непривычная пустота комнатъ да кое-какая брошенная мебель. Мы съ Иваномъ заглянули и въ бывшій клубъ горбуна: лоскутья обоевъ висятъ со стѣнъ, все протухло кругомъ табачнымъ дымомъ, но духъ, буйный духъ неукротимыхъ бесѣдъ отлетѣлъ. Спросили мать-Мармитъ о причинахъ.—«Что тамъ! махнула она рукой добродушно. Перепугались ваши русскіе; въ одну ночь почти всѣ и разбѣжались. Не важно! прибавила она. Другіе уже ко мнѣ просятся, итальянцы, нѣмцы. Никогда не вывѣшиваю бумажекъ съ объявленіями».

Исторія Дыры, какъ видно, открывала уже новую страницу... Что жъ, по обычаямъ мѣста пригласили мы добрую дыроправительницу въ кафе черезъ дорогу, выпили по «шопу» порядочно горькаго мѣстнаго пива — и отправились со «смиреннымъ Лазаремъ» исполнять нашу очередную задачу.

Я начиналъ уже думать, что Иванъ, сынъ отечества, стряхнулъ съ себя окончательно мутныя чары, но на другой или на

третій день мнѣ пришлось въ этомъ нѣсколько разубѣдиться. Были мы въ женевскомъ крематоріи, т.-е. трупосожигательномъ зданіи. Кліентъ у насъ въ этотъ день былъ особенный, рѣдкостный: ни много, ни мало—австрійскій принцъ изъ «отрекшихся», принявшій въ міру имя господина Каценмауль. Познакомился я съ нимъ случайно, наканунѣ въ рабочемъ кафе; сперва заговорилъ онъ со мною по-нѣмецки, потомъ по-французски, а, узнавъ, что я—русскій, и по-русски. И совсѣмъ, право, недурно выражался по-русски. Только иногда—какими-то ужъ очень изысканными вавилонами. «Насъ, говорилъ онъ—и при словѣ «насъ» принялъ олимпійскую позу, въ родѣ греческой статуи Зевса-Громовержца—насъ вѣдь стремятся образовать, какъ совершенныя существа; учатъ говорить всеязычно. Бренная суета!» —закончилъ онъ.

О бренности всякаго земного величія онъ вѣщалъ особенно охотно и пространно—именно въ виду этого я и повелъ его въ крематорій. Тамъ мы застали какъ разъ похороны, и я попросилъ завѣдующаго пустить насъ внизъ, въ подвалъ, гдѣ совершается самое дѣйствіе сожиганія трупа. Въ самомъ дѣлѣ, я угодилъ по вкусу разочарованнаго отпрыска славныхъ дѣдовъ. Онъ, какъ увидалъ красный мигающій глазокъ въ тяжелой чугунной задвижкѣ печи, такъ и приникъ къ нему.

— Слѣдуетъ полюбоваться испепеленіемъ сущаго,—сказалъ онъ, улыбаясь свысока и вмѣстѣ благосклонно, подобно мраморной Венерѣ, нарождающейся изъ пѣны волнъ. Улыбка не слишкомъ подходила къ случаю, какъ впрочемъ и вся его длиннотѣлая фигура, и всѣ замысловатыя выраженія казались неумѣстны на этомъ простомъ, дѣловомъ свѣтѣ.

Мы съ Иваномъ тоже заглянули по разу въ другой глазокъ печи: горитъ гробъ съ покойникомъ не хуже обыкновенныхъ дровъ; а затѣмъ, пока кліентъ на колѣняхъ изловчался, какъ поудобнѣй глядѣть, мы присѣли на единственной мебели подвала—желѣзной подставкѣ для гробовъ, доставляемыхъ элеваторомъ сверху, и ждали. И вотъ тутъ, подъ суровый гулъ-реквіемъ горящаго газа, мой Иванъ-воинъ вдругъ полуслышно, но съ необычайной искренней силой замѣтилъ:

— Меня бы въ печи надо бы пережечь...

— Что вы, Иванъ?—переспросилъ я, не понявъ.

— Пережечь, говорю, меня бы вотъ здѣсь, въ печи этой Вавилонской, слѣдовало: негодность души моей въ себѣ чувствую. Плохой воинъ.

Жаль мнѣ его стало. Чтобы придти къ такому заключенію

о себѣ самомъ, ему, конечно, пришлось осудить все свое размашистое нутро, отречься, можетъ быть, отъ своей, пусть нелѣпой, но крѣпко наслѣдственной, вѣковой вѣры въ кулакъ, какъ лучшаго архистратига нашей отдаленной земли. Грустно дружелюбному сердцу гида быть свидѣтелемъ при зрѣлищѣ человѣческаго крушенія. Однако, если взять по существу... пожалуй, онъ былъ правъ...

— Эхъ-хе-хе, землякъ вы мой, голубчикъ,—задушевно произнесъ я.—Ужъ не знаю, стоило ли вамъ бросать наши мягкіе климаты для этой суровой заграницы. Вотъ она, какъ смяла и свернула на сторону все ваше естество!

— Вотъ ужъ вѣрное, гидъ, ваше слово: смяла и свернула. Размякъ я вовсе передъ этимъ... генераломъ изъ Дыры, размякъ, растаялъ, потерялся—спасибо вамъ, что приглядѣли за дуракомъ, не дали такихъ дѣлъ настроить...

— Не стóитъ благодарности, Иванъ. У всякаго свое занятіе, у меня —этакое.

— Занятіе!—подхватилъ онъ мое слово.—Нѣтъ, вы скажите-ка мнѣ, какое у меня-то, у Ивана дурака, занятіе? И въ Россіи — за генералами безъ глазъ брести, да и за границей ихъ же милостямъ служить? Еще я съ вами про атамановъ спорилъ — въ печку ихъ, заодно съ генералами! Да и меня въ нее же—жарь жарче, печка-матушка.

— Бахъ!—раздался въ этотъ моментъ какъ бы глухой выстрѣлъ въ сумрачномъ похоронномъ подвалѣ. Мы съ Иваномъ встрепенулись.—«Револьверъ?»—какъ-то машинально вопросилъ онъ; свѣжа еще была, должно быть, въ немъ память о томъ, прежнемъ, выстрѣлѣ.

Въ этотъ моментъ нашъ отставной принцъ вскочилъ на ноги и бросился къ намъ отъ печки; онъ былъ въ восхищеніи, въ экстазѣ и, путаясь въ шнуркѣ своего золотого пенснэ, слетѣвшаго у него съ носа, заговорилъ сразу по-нѣмецки, по-французски и по-русски.

— Der Schädel... le crâne... черепъ, черепъ, растерзался въ обломки (конечно, онъ имѣлъ въ виду сказать «разлетѣлся вдребезги», но по скорости...)—и ужасъ, и странная радость смѣнялись на его свѣжемъ, но воскоподобномъ лицѣ. — Мозгъ человѣка превзошелъ точку кипѣнія,—пояснилъ онъ со стремительнымъ жестомъ, въ родѣ Діаны-охотницы, преслѣдующей звѣря.

— Душа сгорѣла, — понуро и тихо отозвался Иванъ и нѣсколько разъ обмахнулъ себѣ жилетныя пуговицы мелкимъ крестнымъ знаменіемъ.

— Ахъ, счастливъ же ты, покойничекъ,—вздохнулъ онъ,

повернувъ свою лохматую физіономію въ сторону чугунной заслонки.—Счастливъ ты, другъ мой, ничего ужъ теперь отъ тебя почти не остается, одна кость земляная. Что, право? — вдругъ повернулся онъ ко мнѣ всѣмъ корпусомъ.—Попроситься и мнѣ, что ли, у нихъ—онъ мотнулъ бровью въ сторону конторщика, виднѣвшагося за стеклянной дверью конторы — попроситься и мнѣ въ огонь? Хорошо, какъ въ банѣ, вольно, чисто! Не буду больше пачкать собой бѣлаго свѣта.

Кліентъ нашъ слушалъ эту рѣчь съ видимымъ участіемъ и нѣсколько разъ порывался говорить. Наконецъ, дождавшись своей очереди, принялъ позу Лаокоона, удушаемаго змѣями.

— Вся моя симпатія!—воскликнулъ онъ.—Я также жажду униженія... уничтоженія. Выслушайте мою столь печальную исторію: я былъ высокъ, такъ высокъ, какъ немногіе въ мірѣ (и въ самомъ дѣлѣ своими вытянутыми руками онъ чуть не досталъ до свода подвала), но эта высота уединяетъ человѣка, тогда какъ человѣкъ жаждетъ разумѣнія отъ другихъ подобныхъ... Я отказался отъ высокихъ названій, лентъ и звѣздъ, я сохранилъ только мое совсѣмъ маленькое имущество и вступилъ въ бракъ съ одной милой танцовщицей изъ низкаго класса. О, какъ я былъ счастливъ и свободенъ! Я имѣлъ всѣ права человѣка, освобожденный отъ привилегій, и что же потомъ? Супруга дарила меня своей любовью, была моя добрая наставница въ жизни людей простыхъ и скромныхъ, ея вліяніе сдѣлало меня вегетаріанцемъ: она была ученица вашего апостола Толстого. Но затѣмъ она стала требовать отъ меня, чтобы я кушалъ только одну траву—и ничего больше.

— Траву? мать честная!—подивился Иванушка.—Да вѣдь съ травы-то, пожалуй, человѣка запершитъ?

— Она была серьезная и строгая, она рыдала и плакала, требуя, чтобы я уничтожилъ всѣ слѣды моего прежняго разврата страстей и сталъ равенъ со всѣми, кого кушаютъ, а не съ тѣми, кто кушаетъ. Она любила животныхъ болѣе людей.

— Но вѣдь это, принцъ...

— Нѣтъ болѣе принца!

— Но вѣдь это, г. Каценмауль, наконецъ, немыслимо. Правда, говорятъ, царь Навуходоносоръ дошелъ до того, что питался травою, но вѣдь онъ и бѣгалъ на четверенькахъ, такъ неужели же...

Г. Каценмауль прервалъ меня кивкомъ согласія. — Справедливо, сказалъ онъ; моя супруга была ненормальная. Я взялъ съ нею разводъ. Потомъ заключилъ новый бракъ съ одной вдо-

вой львинаго укротителя—вслѣдствіе состраданія къ смерти ея супруга отъ когтей льва; но невѣрность ея была велика — я вновь развелся. Я несчастливъ—и я получилъ святое право со всѣмъ человѣчествомъ *гласить*: со страхомъ убѣгайте отъ жизни, низкое смиреніе, бездѣйствіе и покой — вотъ лозунгъ. Тогда имѣемъ полное равенство съ мертвыми.

Онъ протянулъ Иванушкѣ руку, подобно Гектору, прощающемуся съ Андромахой. Потомъ вернулся къ своему посту у печки.

Слово «лозунгъ» опять не преминуло оказать свое вліяніе на Иванушку, и лицо его отнюдь не отражало уже симпатіи къ трупамъ. Совсѣмъ наоборотъ, рѣчь вдохновеннаго пѣвца трусости и бѣгства отъ людей зажгла ярко-синюю гнѣвную искорку въ его глазахъ. Краска стыда волной прошла отъ его щекъ къ ушамъ. Гнѣвный стыдъ—вотъ чего всегда страшно ждетъ добрый гидъ отъ своихъ размякшихъ земляковъ.

— Ишь ты, чего тутъ наплакалъ, журавль нѣмецкій!—про себя, но невѣжливо произнесъ Иванъ.

— Ну, и вы хороши тоже, Иванушка, такъ называемый земскій воинъ. Погладила Ивана женевская свобода противъ шерсти—такъ ужъ и пропадай весь свѣтъ? Ого-го, какихъ же нѣжныхъ людей стала производить наша крѣпкая земля! Какой же вы воинъ? просто, кукла заводная. Заведутъ у куклы пружинку—машетъ руками. Свихнулась пружинка—воинъ сидитъ подъ кустомъ да воетъ.

— Врешь!—грянулъ тутъ, не выдержавъ, мой подмастерье;—его громкій голосъ такъ потрясъ непривычные здѣшніе своды, что даже австріякъ, погруженный въ созерцаніе смерти, встревожился и помахалъ намъ, впрочемъ весьма изящно, рукой. И конторщикъ крематорія обезпокоился за своей стеклянной дверью, бросилъ вписывать въ книгу бывшее имя и званіе сожигаемаго покойника, и подошелъ къ двери поглядѣть, что за шумъ. Иванушка поспѣшно прикрылъ свой ротъ ладонью.

— Врете! — повторилъ онъ гораздо потише. — Не вою я подъ кустомъ—а коли и повылось маленько, такъ не я вою, вся Россія *мною* воетъ. Вы, чѣмъ насмѣхаться, будто какой французъ, надъ нами, лучше разобрали бы — тутъ онъ заговорилъ тономъ, совсѣмъ у него рѣдкимъ, тономъ просьбы, надежды на помощь;—отчего это такъ съ нами постоянно случается? Соберемся мы, напримѣръ, парни все широкой души, только и думающіе, чтобы общею, земскою силой, разомъ, плечомъ для всего народа свободу достать; и вотъ уже пошла наша рать въ

походъ, все молодецъ къ молодцу, смотришь другъ на друга и любуешься: нѣтъ, господа, не устоять вамъ противъ насъ никому... И, какъ навожденіемъ какимъ, въ тотъ самый моментъ все дѣло трещитъ, осыпается, валится: которые казалися тебѣ за вѣрныхъ друзей и братьевъ, бѣгутъ, кто куда — чистыя крысы. Который же будто солнце сіялъ, за перваго удальца, за золотую голову и чудотворца,—гадъ, имени нѣтъ...

Тихо стало въ подземномъ залѣ смерти. Но меня не очень трогаетъ, когда русскіе люди, снявши голову, по волосамъ плачутъ. Развѣ необходимо было начинать со снятія головы?

— Ага, Иванъ,—жестоковато отвѣчалъ я. — А кто, пріѣхавши въ Женеву, насмѣхался надъ нашимъ братомъ, сѣрымъ бѣглецомъ, что мы—молъ, обуржуились, что забыли, чего требуется отечеству? Мы, конечно, люди не мудреные, но домъ свой хорошо помнимъ, да заразъ и чужому учиться не забываемъ. Вотъ вы сами видали—помягче продолжалъ я:—воробьи, пуделя—не нашескіе, сознательные. Даже вонъ кто (я указалъ головой въ сторону кліента) отъ тоски по правамъ человѣка страдаетъ. Думается, и вы не хуже ихъ и вамъ хорошее, хоть противъ воли, себя даетъ понять. Встряхнитесь-ка, землякъ! сгоните съ вашихъ вѣкъ сухой туманъ кулакопоклонства. Да, конечно, въ крайнихъ случаяхъ, когда злой врагъ нападаетъ и грозитъ гибелью вашему дѣлу, кулакъ — можетъ быть необходимъ, послѣднимъ, хоть и печальнымъ, и невѣрнымъ прибѣжищемъ; но сплошное обоготвореніе батюшки-кулака-чудотворца—наслѣдство крѣпостного кулачества, и наслѣдство не изъ драгоцѣнныхъ, скверное, смѣшное. Подумайте лишь, Иванушка: потомки униженныхъ и битыхъ возлюбили то самое гнуєное оружіе, коимъ ихъ предковъ держали въ рабствѣ. Станетъ ли даже самая глупая изъ овецъ возводить въ свои спасители — волчій зубъ? Ха-ха-ха-ха!

Я смѣялся—не хотѣлъ, а смѣялся — тихимъ и сильнымъ смѣхомъ, какой тяжело рветъ вамъ внутренности, не давая ни капли отрады. Да и веселое ли занятіе—проповѣдывать взрослымъ людямъ то, что̀, кажется, повсюду, кромѣ насъ, младенцамъ уже доступно?

Иванъ слушалъ меня такъ внимательно, какъ никогда ранѣе не удостаивалъ, и съ такимъ видомъ утопающаго, хватающагося за соломинку, что смѣшно было глядѣть на этого бородатаго парня. Выслушалъ все, подумалъ... потомъ съ беззавѣтной страстью ухватилъ меня за оба локтя, а въ глазахъ

видна неудержимая охота броситься—по русскому обычаю—мнѣ въ ноги.

— Дорогой, родной мой! Скажите, не откажите — всю правду: какъ же надо воевать за свое отечество по-здѣшнему, по-швейцарскому? Скажите лишь—и я за вами, вотъ какъ за Христомъ Богомъ...

Будто онъ меня холодной водой окатилъ. Вижу — какъ только Иванушки ободряются, какъ только оживаютъ отъ унынія, такъ по-прежнему, словно желѣзные опилки магнита, ищутъ, кто бы ихъ за собой потянулъ. Разсердился я.

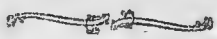
— Нѣтъ, ужъ этого, будьте благонадежны, вы отъ меня не дождетесь. Я вамъ не генералъ—да и чѣмъ я на него похожъ? Мое дѣло въ одномъ: открыть вамъ глаза на свѣтъ бѣлый, помочь понять, какими—извините—дѣтскими погремушками вы обольщались. А ужъ дальше—ваше собственное дѣло. Глаза у васъ есть, руки—такія, что всякій позавидуетъ: сами находите путь и оружіе, какое вамъ больше съ руки.

. . . . . .

. . . . . .

Иванъ и до сихъ поръ пребываетъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, ждетъ.

А. Дивильковскій.



НОЧЬ.

Мракъ. Тишина. Дремлетъ паркъ зачарованный...
Сонно струитъ свои волны рѣка...
Башня, какъ мечъ, исполинами кованый,
Замка развалины... Мракъ. Тишина.

Вѣетъ здѣсь скорбью, здѣсь вѣетъ отчаяньемъ...
Время влачитъ свой заржавленный плугъ...
Жизнь испещритъ оно тяжкимъ страданіемъ,
И безучастно прерветъ ее вдругъ.

Шорохъ далекій. То вѣтра ль рыданіе,
Плачъ ли видѣній, возставшихъ въ ночи?..
Мракъ непрогляденъ. И снова молчаніе,
Снова молчанье безбрежной тоски.

Лишь силуэтами скорбными тянутся
Кущи деревьевъ, стремящихся ввысь...
Космы тумана надъ ними склоняются...
Тѣни въ узорный сплетаются фризъ.

Небо алѣетъ. Какъ щитъ окровавленный,
Вотъ загорѣлся тамъ мѣсяца кругъ...
Въ часъ полнолунья, пусть міръ опечаленный
Сброситъ, откинетъ стенаній недугъ.

Льется, звенитъ уже трель соловьиная...
Манитъ она въ царство грезъ и мечты...
Міръ просвѣтленъ... Воскресаетъ стихійная
Жизнь,—вся стремленье, вся взрывъ суеты.

Въ пляскѣ воздушной кружатся видѣнія...
Шепотъ, лобзанья, подавленный смѣхъ...
Дѣвы и юноши. Ихъ пѣснопѣнія,—
Пѣсни и пляски, влекущія всѣхъ.

Чудится, ночи той вешней дыханіе
Крылья даритъ намъ и манитъ взлетѣть...
Въ насъ пробуждаетъ внезапно желаніе
Тайну небесъ, тайну звѣздъ подглядѣть...

Но далеко, далеко за курганами
Медленно прячется мѣсяца кругъ...
Міръ вновь подернулся мглою, туманами...
Время влачитъ свой заржавленный плугъ...

Мракъ. Тишина... Дремлетъ паркъ зачарованный...
Близкому утру смѣется волна...
Башня, какъ мечъ, исполинами кованый...
Замка развалины... Мракъ. Тишина...

Христофоръ Бахчисарайцевъ.

ПРАВО СЛЁЗЪ.

Изъ очерковъ военнаго времени.

Въ старой усадьбѣ, уютной и тихой, оставшейся въ видѣ дачи послѣ большого имѣнія, собирались праздновать Рождество. Ждали къ празднику гостей. Татьяна Андреевна Марина и, неразлучная съ нею, старая няня съ утра до вечера хлопотали. Во всемъ домѣ, если не считать кухарки, жили только эти двѣ женщины, а должны были пріѣхать пять человѣкъ. Всѣхъ ихъ надо было размѣстить, считаясь съ ихъ привычками и вкусами.

Утромъ, за кофе, Татьяна Андреевна бесѣдовала съ няней, неизмѣнно стоявшей у порога въ обычной своей позѣ, упираясь локтемъ лѣвой руки въ ладонь правой, а ладонью лѣвой поддерживая щеку. Болѣе двадцати лѣтъ она становится въ такую позу, когда разговариваетъ съ барыней. Заставить ее сѣсть нѣтъ никакой возможности. Всегда одно и то же.

— Присядьте, няня.

— Ничего, постою.

Высокая, со строгимъ лицомъ, въ черномъ платьѣ, въ черной повязкѣ, съ гладко причесанными темными волосами, она была похожа на монашенку. Можетъ быть, въ силу безсознательнаго подражанія она напоминала фигурой, выраженіемъ лица, манерами свою барыню, къ которой была глубоко привязана. Всю доброту сердца, которую раньше отдавала дѣтямъ, она перенесла на ихъ мать.

Съ дѣтьми, изъ которыхъ самому младшему, студенту Степану, было девятнадцать лѣтъ, она держала себя гораздо свободнѣе. Не только садилась въ ихъ присутствіи, но говорила имъ ты, на чемъ, впрочемъ, и сами они настаивали. Вѣдь она всѣхъ на своихъ рукахъ выняньчила.

— Въ угловой комнатѣ холодно,—сказала Татьяна Андреевна.—Вчера топили, а сегодня на окнахъ ледъ. Холодно будетъ Юрочкѣ...

— Онъ не любитъ, когда натоплено. Ему больше прохлада нравится.

— Отъ окна очень дуетъ.

— Окно не замазано. Я велѣла Ѳомѣ замазать. Какъ замажетъ, и дуть перестанетъ, а пока незамазано — будетъ дуть. Обязательно будетъ...

— Топить надо больше.

— Когда ожидать ихъ?

— Все время жду. Можетъ, и сейчасъ пріѣдутъ... Надо много топить, пока стѣны обогрѣются.

— Топимъ, вчера полную печь наложила.

— Степу положимъ въ красной комнатѣ?—вопросительно сказала Татьяна Андреевна.

— Что вы, барыня? Ему не понравится. Какъ можно? Ему рояль нуженъ. Онъ какъ всталъ, такъ къ рояли и пошелъ. Для него въ гостиной на диванѣ постель приготовимъ.

— Какой тамъ диванъ! Онъ съ него свалится.

— Стульями заставимъ.

— Онъ для тебя все еще маленькій, а ему двадцать лѣтъ.

— Что вы, барыня. Ему нѣтъ двадцати.

— Скоро будетъ. Время идетъ...

— Не скоро, барыня. Ему полныхъ девятнадцати нѣтъ. Степа родился черезъ восемь лѣтъ послѣ Юрія, а Юрію двадцать семь. Вотъ вы и посчитайте.

— А Васѣ на Рождество двадцать пять будетъ... Ничего не пишетъ Вася. Богъ знаетъ, что съ нимъ?

Няня опустила руки и глаза; потомъ сложила руки на животѣ, но ничего не сказала.

— Живъ ли онъ? Только бы узнать, живъ ли? Можетъ быть, раненъ и лежитъ гдѣ-нибудь безъ призора.

— Божья воля! — тихо сказала няня и снова подперла щеку ладонью.

— Я все объ немъ думаю,—продолжала Татьяна Андреевна.—Мысли у меня всегда печальныя... А сегодня, вдругъ, мнѣ показалось, что пріѣдетъ и онъ на Рождество. Знаю, что невозможно это,—какъ теперь пріѣхать? А вотъ кажется. Все думаю: какъ бы хорошо было, если бы всѣ съѣхались... Мы его наверху положили бы, няня. Тамъ желѣзную печь поставить можно... Онъ любитъ, чтобы изъ окна просторъ былъ. Помнишь, ему внизу деревья мѣшали?

— Онъ какъ маленькій былъ, все въ окна заглядывалъ.

Уцѣпится ручонками за подоконникъ и тянется. Покажи мнѣ народъ, няня... Я хочу народъ видѣть...

Няня улыбнулась, но вдругъ, мѣняя тонъ, спросила:

— Ариша одна пріѣдетъ или еще съ кѣмъ?

Татьяна Андреевна смахнула слезу и отвѣтила.

— Навѣрное, привезетъ... Она всегда кого-нибудь привозитъ. Надо поставить вторую кровать въ ея комнатѣ.

Однако, мысль о Васѣ не покидала ее.

— Въ деревнѣ люди много писемъ получаютъ съ войны,— говорила она.—Вчера Кульнева получила; изъ плѣна мужъ написалъ, приносила читать... Николаевъ старикъ получилъ... Сынъ его въ госпиталѣ лежитъ. Суконовы получили три письма... А мнѣ отъ Васи ни одного не было.

Няня опять опустила руки и неохотно процѣдила сквозь зубы, не глядя на барыню:

— Онъ тоже вамъ письмо написалъ...

— Написалъ, когда его взяли. А послѣ того ни одного письма не было.

Няня опять попыталась перемѣнить тему.

— Юрочкѣ надо теплые сапоги достать...

— Для него надо мѣхъ волчій изъ сундука вынуть. Онъ непремѣнно спроситъ. Для Ариши капотъ красный приготовить надо. Она любитъ утромъ надѣвать. Осмотри его, няня. Можетъ, гдѣ зашить надо. Провѣтрить все надо, чтобы нафталиномъ не пахнуло. Степа нафталину терпѣть не можетъ. А поросенка Ѳома купилъ? Юрій пишетъ: если не будетъ рулета изъ поросенка, то не пріѣду... Надо непремѣнно поросенка достать.

— Юрочка такой... Онъ всегда шутитъ.

— Яковъ Валерьяновичъ пріѣдетъ. Куда намъ его помѣстить?

— Въ залѣ можно постель приготовить.

— Что ты, что ты? Всѣ мимо проходятъ. Ему неудобно и другимъ стѣснительно. Правда, онъ не больше какъ на одинъ день пріѣдетъ, а все-таки лучше его въ кабинетѣ устроить. Надо непремѣнно лыжи найти. Степа съ Аришей любятъ на лыжахъ бѣгать. Онѣ на чердакѣ лежали. Надо Ѳомѣ сказать.

Няня ушла. Татьяна Андреевна, допивая кофе, старалась припомнить, не надо ли еще что-нибудь приготовить для пріѣзжихъ.

Тихо было въ опустѣвшемъ домѣ, въ старомъ гнѣздѣ рода Мариныхъ. Старые стѣнные часы съ тяжелымъ бронзовымъ

маятникомъ тикали въ столовой, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Казалось, они разсказывали про старую жизнь и все не могли окончить разсказа.

Какъ всѣ старыя дворянскія усадьбы, домъ Мариныхъ имѣлъ свою исторію, которая теперь уже забыта. Лѣтомъ онъ еще оживлялся, наполнялся движеніемъ и шумомъ, а зимой обыкновенно стоялъ съ заколоченными ставнями. Нынѣшней зимой Татьяна Андреевна осталась въ деревнѣ. Она перенесла тяжелую болѣзнь, и врачи посовѣтовали ей не возвращаться въ городъ, гдѣ она жила вмѣстѣ съ дѣтьми. Ирина была учительницей, старшій сынъ Юрій служилъ въ акцизѣ, а Степанъ учился въ университетѣ и въ консерваторіи. Второй сынъ, Василій, давно жилъ за границей. Эмигрантъ, натурализовавшійся во Франціи, онъ окончилъ тамъ высшую инженерную школу. Когда началась война, былъ призванъ къ отбыванію воинской повинности. Какъ это часто бываетъ, отсутствующій казался самымъ дорогимъ и больше всего занималъ мысли Татьяны Андреевны, которая уже нѣсколько мѣсяцевъ не имѣла никакихъ извѣстій отъ сына. Она горячо любила своихъ дѣтей. Вся пропитанная семейнымъ началомъ, она всѣ явленія жизни оцѣнивала съ точки зрѣнія интересовъ своихъ дѣтей. Когда имъ хорошо, то и все на бѣломъ свѣтѣ хорошо.

Вечеромъ зазвенѣли бубенчики, заскрипѣли полозья по морозному снѣгу, послышались голоса и смѣхъ. Шумной гурьбой ввалилась молодежь въ тихій, старый домъ.

— Мама, мамочка!—кричала Ирина, высокая, тонкая дѣвушка, свѣтловолосая, съ нѣжными розовыми щеками.—Какъ я соскучилась по тебѣ. Задушу тебя!

Она крѣпко обняла мать и долго цѣловала ее. Другіе стояли и ждали своей очереди—Юрій съ большими свѣтлыми усами, съ выбритымъ подбородкомъ, съ маленькой головой, выстриженной до корней, и Степанъ съ длинными рыжими волосами, съ юношескимъ лицомъ, почти лишеннымъ растительности. Онъ былъ цѣлой головой выше старшаго брата и казался какимъ-то нелѣпо длиннымъ по сравненію съ коренастой, сильной фигурой Юрія.

Изъ постороннихъ пріѣхала маленькая Вавина, такая же свѣтловолосая, какъ Ирина, но не такая стройная и граціозная, какъ она. Вавина служила въ земской управѣ, но была недовольна своимъ положеніемъ и мечтала о перемѣнахъ, неясныхъ

для нея самой. Она была неравнодушна къ Степану, но тотъ даже не замѣчалъ этого. Влюбленный въ самого себя, онъ ни на кого не обращалъ вниманія и былъ вполнѣ равнодушенъ къ «женскому вопросу».

Пріѣхалъ еще Яковъ Валерьяновичъ Клочковъ, артиллерійскій капитанъ, призванный на службу изъ запаса. Онъ жилъ въ нѣсколькихъ часахъ отъ города и работалъ въ мастерской по заготовкѣ снарядовъ. Черный, какъ цыганъ, съ курчавыми волосами, съ красивой черной бородой, аккуратно подстриженной, въ новомъ мундирѣ въ обтяжку, онъ пріѣхалъ ради Ирины, за которой ухаживалъ давно.

Скоро всѣ усѣлись за большимъ столомъ, обильно заставленнымъ угощеніями домашняго приготовленія, съ привѣтливо шумѣвшимъ самоваромъ. Говорили всѣ вмѣстѣ, никто никого не слушалъ, никто никому не отвѣчалъ; всѣ насыщались вкусными яствами. Только Степанъ не ѣлъ и молча разсматривалъ комнату.

— Мама, это же невозможно! Что ты сдѣлала!

Татьяна Андреевна съ испугомъ и недоумѣніемъ смотрѣла на него.

— Это прямо ужасно: синіе обои въ столовой и при этомъ лиловый бордюръ!

Онъ развелъ руками.

— Я думала, въ самомъ дѣлѣ что-нибудь случилось. Какъ ты меня испугалъ!—сказала, улыбаясь, Марина.

— Конечно, случилось! Безвкусица больше всего отравляетъ жизнь. Здѣсь было такъ хорошо раньше, а теперь точно въ скверномъ трактирѣ!—мрачно продолжалъ Степанъ.

— У насъ эти обои были, а другіе пришлось бы покупать...

— Мама, лучше совсѣмъ безъ обоевъ, чѣмъ такой ужасъ. Я не могу здѣсь сидѣть. Господа, пойдемъ въ другую комнату.

— Не все ли равно, гдѣ сидѣть, — сердито замѣтила Ирина.—Ты и уходи, если тебѣ не нравится.

— Я и уйду!—спокойно сказалъ Степанъ.

Онъ взялъ свой стаканъ съ чаемъ и вышелъ.

— Какъ это глупо!—бросила Ирина.

Всѣ засмѣялись.

— Я пойду, чтобы возвратить блуднаго сына, — сказала Вавина и побѣжала за Степаномъ.

Юрій любилъ очень горячій чай. Онъ имѣлъ обыкновеніе

раньше, чѣмъ передать свой стаканъ, пробовать рукой самоваръ.

— Какъ идетъ папиросная фабрика? — спросилъ у него Клочковъ.

Юрій въ городѣ спеціализировался по сбору папиросъ для солдатъ.

— Хорошо идетъ!—сказалъ онъ. — Я получилъ разрѣшеніе выпустить воззваніе. Сначала разошлю прокламаціи, а потомъ выпущу осла съ двумя ящиками. Я досталъ осла. Ословъ у насъ нѣтъ, а я нашелъ. Всѣ будутъ давать. Посмотрѣть на осла—интересно.

— Вы изобразите на ящикѣ двухъ солдатъ, — сказалъ Клочковъ иронически. — Одинъ веселый, приплясывающій съ папиросой въ зубахъ, другой угнетенный, мрачный, безъ папиросы.

Юрій не замѣтилъ ироніи.

— А что вы думаете — это правильно. Непремѣнно надо сдѣлать. У меня и художникъ есть знакомый.

Ирина, обидѣвшаяся вмѣсто брата, выступила на его защиту.

— Вы думаете — это шутка? Напрасно. Онъ за три недѣли собралъ девять тысячъ папиросъ. Вы отлично знаете, что солдаты больше всего цѣнятъ папиросы. Приходите-ка въ поѣздъ, когда привозятъ раненыхъ съ передовыхъ позицій. Какъ они радуются папиросочкѣ! Одинъ солдатъ мнѣ сказалъ: «Она душу спокоитъ».

Возвратились Степанъ съ Вавиной.

— Мама, ты весь домъ испортила своими ужасными обоями!—заявилъ Степанъ съ мрачнымъ лицомъ, подсаживаясь къ столу.

— Ты его гораздо больше портишь своими нелѣпыми претензіями.

— Могу молчать.

— О, если бы ты молчалъ? Но ты молчать не можешь.

— Вотъ что, Степукъ, сыграй намъ. Брось обои! Лучше сыграй, право,—примирительно сказалъ Юрій.

— Я стараюсь сдѣлать такъ, какъ лучше, — сказала Татьяна Андреевна, обиженно. — Вѣдь я не для себя дѣлала. Мнѣ ничего не нужно... Хотѣла, чтобы вамъ было пріятнѣе.

— Хорошая пріятность—нечего сказать...

Татьяна Андреевна встала и вышла изъ столовой.

— Какой ты противный, Степанъ! — сказала Ирина. — Хоть бы на минуту забылъ о себѣ. Неужели ты не пони-

маешь, что ее серьезно огорчаютъ твои никому ненужныя замѣчанія!

— Мнѣ непріятно, и я говорю.

— А что это матери непріятно—тебѣ все равно?

— Она также можетъ сказать, когда ей бываетъ непріятно.

— Ты отлично знаешь, что она никогда не скажетъ.

— Очень знаю. Было бы лучше всего, чтобы каждый свободно высказывалъ свои мнѣнія.

— Однако, ты не очень любишь выслушивать замѣчанія, когда дѣло касается тебя.

— Оставимъ личности!—воскликнулъ Юрій.

— Мнѣ кажется, — вмѣшалась Вавина, краснѣя и не замѣчая, что повторяетъ слова Степана, — что каждый человѣкъ имѣетъ право свободно выражать свои мысли. Изъ-за этого не стоитъ спорить.

— Если не спорить, то на свѣтѣ воцарится вѣчное молчаніе,—сказалъ Юрій. — Спорить необходимо. Но надо спорить принципіально, не касаясь личностей...

Татьяна Андреевна вернулась совсѣмъ веселая. Она шла подъ руку со Степаномъ и смѣялась.

— Что онъ выдумалъ!—говорила она сквозь смѣхъ.—Сочинить музыку на стихи, которые ты...

— Мама, это твое произведеніе! —воскликнулъ Степанъ.— Не отрекайся. Я переложилъ на музыку балладу, которую она сочинила въ молодости...

— Послушаемъ... Играй!—сказалъ Юрій.

— Какую балладу? Мама, разскажи! Я ничего не понимаю,— спросила Ирина.

— Погоди... Сейчасъ...

Она сѣла къ столу, все еще улыбаясь. Степанъ стоялъ посрединѣ комнаты съ серьезнымъ лицомъ, съ смѣющимися глазами и пощипывалъ тѣ мѣста, гдѣ должны были вырости усы.

— Когда Ирина была маленькая,—начала Татьяна Андреевна,—она знала наизусть много стиховъ.

— Она и теперь ихъ знаетъ,—замѣтилъ Яковъ Валерьяновичъ.

— Молчите!—топнула ногой Ирина, задержавъ на немъ радостные, свѣтящіеся глаза. — Я теперь знаю, о какой балладѣ идетъ рѣчь.

— Погоди, я разскажу,—продолжала Марина. — Ей было тогда около четырехъ лѣтъ. Она была очень хорошенькая, бойкая дѣвочка...

— Она и теперь...—не унимался Клочковъ.

Ирина погрозила ему пальцемъ.

— Къ намъ пріѣхалъ сенаторъ Крумъ, чопорный, важный баринъ. Мнѣ захотѣлось похвастать Ириной. Она была нарядная, въ бѣломъ платьѣ, въ бѣлыхъ башмачкахъ, съ бантомъ на головѣ. Я говорю ей: Дѣточка, скажи намъ, какіе ты знаешь стихи? «Подъ Кіевомъ на базарѣ»... Я говорю, нѣтъ, не надо этихъ. Ты другіе прочти. «Не хочу другихъ. Я хочу эти»... И, не слушая моихъ упрашиваній, выпалила безъ запинки...

Подъ Кіевомъ на базарѣ
Черти бабу разорвали...
Только пупъ да языкъ
На базарѣ лежитъ...

— Превосходные стихи!—воскликнулъ Клочковъ.

— Сенаторъ кисло улыбнулся и спрашиваетъ: «Кто тебя, дѣтка, научилъ?» А она меня и выдала: «Мама», — говоритъ. Каково мое положеніе! Совсѣмъ меня передъ сенаторомъ сконфузила...

— Отличнѣйшіе стихи!—восхищался Клочковъ.—Ирина Лукинишна, продекламируйте! Пожалуйста! Ну, пожалуйста. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе. «Только пупъ и языкъ»... Это очаровательно... Главное, языкъ... Бабій языкъ... Это очень хорошо... Остался на базарѣ... Милая, пожалуйста, продекламируйте...

— Отстаньте!

— Я вижу,—сказалъ Степанъ, все съ тѣмъ же серьезнымъ лицомъ обращаясь къ Якову Валерьяновичу,—что вы прониклись глубиной этого дивнаго музыкальнаго сюжета...

— Онъ говоритъ, что сочинилъ музыку на эти стихи,— сказала Марина.

— Огромный матеріалъ!—продолжалъ Степанъ.—Вдумайтесь, господа, въ эти замѣчательные стихи. Въ нихъ безпредѣльность. Можно написать симфонію, ораторію, и во всякомъ случаѣ балладу. Возьмите первый стихъ, первыя слова: Подъ Кіевомъ...

— Ты не разсказывай, а играй! —настаивалъ Юрій.

Степанъ подошелъ къ роялю, сѣлъ и взялъ нѣсколько аккордовъ. Затѣмъ онъ все время, пока говорилъ, иллюстрировалъ слова музыкой.

— Кіевъ... Что такое Кіевъ? Мать русскихъ городовъ... Кій, Щекъ и Хоривъ. Первобытная музыка... Набѣги половцевъ..

Шумы битвъ... Дикіе воинственные звуки... Перунъ... Языческая обѣдня, пляски жрецовъ... Allegro, переходящее въ presto... Владиміръ Красное Солнышко, Илья Муромецъ... Adagio... Илья Муромецъ—adagio maestoso... Далѣе: войны съ Польшей—мазурка; казачество—гопакъ... Далѣе: присоединеніе къ Россіи—камаринская... Затѣмъ слѣдуютъ первые звуки базара... scherzo, развертывающееся въ allegro... Шумъ толпы, скрипъ возовъ, ржаніе лошадей, мычаніе коровъ, тысячеголосый хоръ. Вдругъ среди базарнаго гомона отчетливо раздается голосъ бабы—флейта... Баба, подвыпивши, вспоминаетъ деревенскій праздникъ—allegro pastorale... Голосъ ея звучитъ на фонѣ базарнаго хаоса... Появляются первые намеки на близость чертей... Базаръ напуганъ... Затихаетъ... Только баба неизмѣнно продолжаетъ свою партію... Черти все ближе. Базаръ разбѣгается... Баба остается одна. Шествіе чертей... Грандіозно. Danse macadre... Баба въ ужасѣ... Вопли бабы чередуются съ визгомъ чертей... Фуга. Голосъ бабы пока доминируетъ... crescendo di forte. Но оргія чертей все наростаетъ... Они наконецъ приступаютъ къ дѣлу: начинаютъ разрывать бабу... con brio... Послѣдній вопль бабы... forte possibile... на мгновеніе заглушаетъ все и—стихаетъ. Оргія чертей продолжается. Они растаскиваютъ бабу съ бѣшеной пляской—furioso... Нѣчто среднее между Рихардомъ Штраусомъ и Скрябинымъ... Вдругъ раздается глухое пьяниссимо на барабанахъ... Черти догадываются, что идетъ городовой. Его шаги, тяжелые, внушительные раздаются все громче... tempo di Marcia... Черти разбѣгаются... Но не забывайте, что бабій языкъ остался на базарѣ... Теперь ясно слышно, какъ онъ жалуется городовому... appassionato... Пупъ молчитъ, но языкъ излагаетъ всю исторію, повторяется тема базара, чертей и проч. Городовой взволнованъ... Онъ сознаетъ необходимость отправить языкъ въ участокъ... agitato...

— Нѣтъ... Нѣтъ... Невозможно. Перестань, ради Бога!

Въ то время какъ Степанъ продѣлывалъ свою музыку съ величайшей серьезностью, въ комнатѣ раздавался ураганъ смѣха. Смѣхъ овладѣлъ всѣми, тотъ безумный смѣхъ, съ которымъ нѣтъ возможности бороться. Попытки удержаться приводятъ къ новому взрыву. Смѣялись буквально до слезъ, до судорогъ...

Неожиданно вошла няня. Ея неподвижное, серьезное лицо казалось страннымъ, непонятнымъ, пугающимъ среди общаго смѣха. Она остановилась въ обычной позѣ возлѣ двери и смотрѣла на всѣхъ безъ улыбки.

Только, когда Татьяна Андреевна, раньше другихъ овладѣвшая собой, кивнула ей, няня подошла ближе и сообщила, что пришелъ Ѳома, ночной сторожъ. Онъ принесъ письмо съ войны и проситъ прочесть ему, такъ какъ онъ неграмотенъ.

— Письмо давно пришло,—пояснила няня.—У писаря долго лежало.

Въ комнатѣ стало такъ тихо, что было слышно тиканіе часовъ.

— Я пойду прочту,—сказала Ирина.

— Позови его... Всѣмъ интересно прочесть письмо съ войны,—сказала Татьяна Андреевна.

Няня вышла.

— Ничего тамъ не можетъ быть интереснаго,—сказалъ Клочковъ.—Всѣ письма по шаблону: еще кланяйтесь, да еще кланяйтесь. Я, слава Богу, пока живъ, чего и вамъ отъ Господа Бога желаю...

— Неправда, есть очень интересныя письма,—сказала Ирина.

Няня вернулась съ письмомъ, а за нею бокомъ всунулся въ дверь Ѳома.

Лица его не было видно, такъ онъ закутался башлыкомъ. Въ просвѣтѣ для лица виднѣлись только глаза; усы и борода облипли ледяными сосульками. Онъ осторожно снималъ льдинки и бросалъ ихъ за дверь въ людскую.

Няня передала письмо Татьянѣ Андреевнѣ, которая разсматривала конвертъ.

— Изъ-за границы...—сказала она.—Отъ Ефрема Сумакова... Какой это Ефремъ?

— Который у насъ работалъ прошедшей зимой,—сказала няня.—Онъ въ плѣну... Изъ плѣна пишетъ. Ефремъ на его сестрѣ женатъ...

Татьяна Андреевна вскрыла конвертъ и вынула синеватый листокъ бумаги.

Опять стало тихо. Всѣ приготовились слушать. Степанъ сидѣлъ за роялемъ и машинально перебиралъ пальцами клавиши.

Вдругъ раздался рѣзкій стукъ отодвигаемаго стула. Татьяна Андреевна встала блѣдная, какъ снѣгъ, и сказала хриплымъ голосомъ:

— Вася... убитъ... Мой Вася... убитъ...

Она обвела глазами всѣхъ и по ихъ растеряннымъ, смущеннымъ лицамъ угадала, что для нихъ это не новость.

— Вы знали! Вася убитъ... убитъ... убитъ...

— Видишь, мама,—началъ Юрій,—это вѣдь еще недостовѣрно.

— Убитъ!—крикнула она.—Онъ убитъ. Вы знали и не сказали мнѣ... Мы смѣялись, шутили, а его нѣтъ... Вася убитъ...

Она нетвердыми шагами шла черезъ комнату. Степанъ съ Ириной бросились къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ... Оставьте меня... Не надо... Ахъ, не надо лжи... Я хочу быть одна.

Она выпрямилась и, махая рукой на дѣтей, ушла.

Всѣ устремились къ письму. Въ немъ при первомъ взглядѣ бросались въ глаза двѣ строчки: «А сынъ барыни Мариновой убитъ. Хорошій былъ Василій Лукичъ и нѣтъ его больше». Въ дальнѣйшемъ изъ письма выяснялось, что находившійся въ плѣну Сумаковъ былъ раненъ и лежалъ въ нѣмецкомъ госпиталѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими французскими солдатами. Въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ русскій. Ефремъ познакомился съ нимъ и отъ него узналъ о смерти Василія.

— Все у насъ было предусмотрѣно,—сказалъ Юрій,—а этого предусмотрѣть мы не могли.

— Что будетъ? Что будетъ съ мамой?—тихо сказала Ирина.

— Пойди къ ней,—посовѣтовалъ Степанъ.

Она покачала головой.

— Что дѣлать? Боже мой, что дѣлать? Она не перенесетъ этого...

Ѳома виновато попятился къ двери въ своихъ огромныхъ валенкахъ и вышелъ такъ же беззвучно, какъ и вошелъ. Письмо осталось на столѣ.

Юрій взялъ письмо, машинально перечитывая роковыя строки. Яковъ Валерьяновичъ также наклонился надъ письмомъ и сказалъ.

— Какъ эпически просто!.. «А сынъ барыни Мариновой убитъ»... Онъ и о своемъ сынѣ написалъ бы такъ же просто.

Вавина ушла въ дальній уголъ и сидѣла почти невидимая въ глубокомъ креслѣ.

— Няня, пойди къ мамѣ,—сказала Ирина.—Не говори, что знала.

— Грѣхъ это... Большой грѣхъ, что не сказали имъ...

Душа въ молитвѣ нуждается... Душѣ безъ молитвъ спокою нѣтъ... Господи, Богъ мой, она мертваго за живого считала...

Няня качала головой; лицо ея было сурово.

— Иди, иди!—настаивалъ Степанъ.

Она пошла, повторяя:—Грѣхъ... грѣхъ...

— Не хорошо мы сдѣлали, не хорошо...—сказала Ирина.—Мы теперь даже плакать вмѣстѣ не можемъ. Время прошло... Мы привыкли... А какъ ей? Если бы сказали тогда, поплакали бы вмѣстѣ... А теперь у меня нѣтъ слезъ.

— Ты забываешь, что она была больна,—сказалъ Юрій.

— Кто могъ отгадать, что такъ случится?—сказалъ Степанъ.

— Развѣ теперь она здорова?—сказала Ирина.

— Она могла умереть,—замѣтилъ Степанъ.

— Лучше было ей умереть, чѣмъ переживать этотъ ужасъ,—сказала Ирина.

Долго длилось молчаніе; отчетливо постукивалъ тяжелый маятникъ старыхъ часовъ.

Послышались шаги Татьяны Андреевны. Она вошла вмѣстѣ съ няней, все такая же блѣдная, съ сухими глазами, съ жутко спокойнымъ лицомъ, направилась къ креслу, стоявшему въ неосвѣщенномъ углу, обвела всѣхъ глазами и сѣла. Ирина подошла и опустилась возлѣ нея на колѣни. Няня прошла на свое мѣсто; руки ея были опущены; лицо по-прежнему сурово.

— Разскажи все, какъ было.

— Мало мы знаемъ, мама. Два мѣсяца тому назадъ получилось въ Москвѣ письмо отъ товарища Васи... Намъ его переслали...

— Гдѣ письмо?

— Оно осталось въ городѣ. Тамъ нѣтъ никакихъ подробностей. Коротко сообщается, что Вася убитъ въ сраженіи въ Эльзасѣ...

— Два мѣсяца!.. Зачѣмъ не сказали мнѣ? Мы плакали бы вмѣстѣ... Теперь мнѣ не съ кѣмъ плакать, и у меня нѣтъ слезъ... Такая страшная, холодная пустота въ душѣ. Безумно хочется возвратить время... Два мѣсяца! Не проходило дня, чтобы я не думала о немъ... Два мѣсяца!.. Два мѣсяца, какъ нѣтъ его на свѣтѣ... Нѣтъ и никогда не будетъ... Никогда не увижу его добрыхъ глазъ, не услышу ласковаго голоса... Два мѣсяца! Боже мой... Какъ же мнѣ жить безъ Васи? Восемь лѣтъ я не видѣла его... Онъ убитъ, а я не могу плакать о немъ... Вы жестоко поступили со мной. Вы отняли у меня слезы—

единственное, что оставалось мнѣ. Боже мой, Боже, пошли мнѣ слезы!.. Вы оставили меня одну... Вѣдь ты плакала, ты плакала?

— Я много плакала, мама... Намъ страшно было сказать тебѣ и тяжело было скрывать отъ тебя...

— Ты была больна, мама,—сказалъ Степанъ.

— Лучше умереть, чѣмъ терпѣть эту муку... Что такое болѣзнь!.. Мы вмѣстѣ несли бы наше горе... Теперь я одна... Я никогда не была такъ одинока... Смерть суждена всѣмъ. Когда умеръ вашъ отецъ... Онъ умиралъ на моихъ рукахъ... Въ послѣднюю минуту хотѣлъ приподняться... Я держала его голову... Я приняла его смерть спокойно, какъ неизбѣжное. А это, это!.. Два мѣсяца! Вѣдь я писала ему, ждала писемъ. Онъ жилъ со мной... А его уже не было въ живыхъ... И я не знала! Зачѣмъ не сказали мнѣ? Всѣ знали, только я... Мнѣ вы чужіе теперь... Мнѣ трудно съ вами... Куда бы уйти... Уйти, уйти...

— Мама, прости!—тихо сказала Ирина.

— Почему ты не плачешь?

— Ахъ, мама!

Она спрятала голову въ колѣни матери, но слезъ не было.

Вавина, ничего не знавшая раньше о смерти Василія, давно боролась съ подступавшими рыданіями. Теперь она дала волю слезамъ и залилась истерическимъ плачемъ.

Марина отстранила Ирину и встала. Высокая, прямая, она направилась твердыми шагами къ плачущей дѣвушкѣ. Обняла ее...

— Лидочка!—сказала она новымъ, смягченнымъ голосомъ.

Но вдругъ руки ея безсильно упали. Она пошатнулась. Вавина поддержала ее. Степанъ и Клочковъ бросились къ ней и, поддерживая, вели, обезсилѣвшую, къ дивану. Всѣ окружили ее.

Она плакала.

Е. Ганейзеръ.

ВѢЧНОСТЬ.

Уже съ небесъ Венера пролила
Дрожащій свѣтъ. Уже дневная птица
Не поднимала соннаго крыла.
На горизонтѣ меркла багряница.

Земная ночь—безмолвная царица—
Изъ далей мракъ медлительно влекла.
И синяя таинственная мгла
На ликъ земли легла, какъ плащаница.

Тогда изъ мглы, окутавшей Востокъ,
Пришла Она и засвѣтила млечность
На небесахъ. И трепетно далекъ
Сталъ отсвѣтъ звѣздъ, ушедшихъ въ безконечность,
Струящихся, какъ огненный потокъ.

Молился міръ. Въ него глядѣла Вѣчность.

Дмитрій Цензоръ.

РАНА.

I.

Чтобы увидѣть отъ кого письмо, Аделаидѣ Викторовнѣ не было надобности его распечатывать,—почеркъ на конвертѣ сейчасъ же ей объ этомъ сказалъ. И хоть было письмо отъ человѣка, взятаго на войну въ самый разгаръ любви къ ней, а теперь, судя по лазаретному штемпелю на конвертѣ, лежащаго раненымъ или больнымъ, она вскрыть конвертъ не спѣшила. Разъ писалъ самъ, собственной рукой, почеркомъ, почти здоровымъ, значитъ—состояніе не тяжелое. Она предпочла сначала представить себѣ, какъ и что онъ ей пишетъ послѣ такой необычайной разлуки, при такихъ необычайныхъ условіяхъ, какъ лазаретная койка. Вотъ подвели его, а, можетъ быть, принесли на носилкахъ. Уложили. И только передохнулъ, сейчасъ же ее извѣстилъ. Это красиво,—эта упорная привязанность, не ослабѣвающая ни отъ разлуки, ни отъ подавляющихъ переживаній на войнѣ, въ этомъ аду, наполненномъ грохотомъ, огнемъ, кровью, страданіями, не говоря уже о лишеніяхъ. И письмо его написано, несомнѣнно, красиво. Короткое, выразительное, сильное яркостью и выпуклостью выраженій. Она вертѣла конвертъ въ рукахъ и съ удовольствіемъ думала, какъ подъ ея руководствомъ, за восемь мѣсяцевъ, что́ продолжалась ихъ связь, человѣкъ этотъ ушелъ впередъ. Явился къ ней изъ провинціи, съ письмомъ отъ знакомой, и она сейчасъ же увидала, что это—умный, талантливый, но не въ мѣру порывистый, несуразный и эстетически неразвитой парень безъ самыхъ элементарныхъ знаній въ искусствѣ. Она за него взялась тотчасъ же, и скоро онъ понялъ, что́ такое и истинное искусство, и истинная красота. У него на глазахъ писала она свои этюды, заставляла долго на нихъ смотрѣть, чтобы пріучился воспринимать переливы и сочетанія красокъ. Для него играла классиковъ,

чтобы ухо привыкло къ серьезной музыкѣ. А онъ, юный и сильный, уже заявившій себя въ газетахъ нѣсколькими великолѣпными статьями, смотрѣлъ больше на нее, чѣмъ на этюды, говорилъ, что ея лицо—это самое прекрасное сочетаніе красокъ и линій, что ея голосъ — самая чистая музыка, и поднималъ на нее глаза, какъ набожный человѣкъ на икону. Въ то время, какъ руки бѣгали по клавишамъ, она сравнивала его съ бывшими поклонниками, думала, что у него очень красивый тембръ голоса, вспоминала самыя хорошія мѣста въ его статьяхъ. И отъ этой безграничной преданности человѣка, написавшаго такія хорошія вещи, въ ней крѣпла гордость собой и рука увѣреннѣй ударяла по инструменту, тѣмъ болѣе, что его критики, какъ—профана, она не боялась совершенно. Но ощущеній своихъ она ему не показывала, какъ не показывала ихъ никому и никогда. Ужъ очень давно, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, она пришла къ выводу, что быть интересной, — это прежде всего себя не раскрывать. Давалось это ей легко, потому что потребность раскрываться являлась у нея чрезвычайно рѣдко. Лицо ея, молочной бѣлизны, съ розовымъ налетомъ, мягкимъ оваломъ и почти по-дѣтски мягкими линіями, подъ короной изъ свѣтлыхъ золотистыхъ волосъ, было такъ нѣжно и мягко, такъ чисто и свѣже, что собесѣдникъ, глядя на нее, чувствовалъ какъ бы близкое вѣяніе свѣжаго весенняго утра и ласково охватывалъ ея лицо повеселѣвшимъ взоромъ. И только, натолкнувшись на сдержанные и по-мужски устойчиво глядящіе глаза, немного сжимался: улыбка дѣлалась сдержанной, рѣчь не такой свободной, глаза—осторожнѣй.

Письмо оказалось, дѣйствительно, короткимъ. Но было оно не такимъ, какъ она ожидала: не яркимъ и не красивымъ. Самымъ обыкновеннымъ слогомъ онъ извѣщалъ, что раненъ, лежитъ тамъ-то, а въ концѣ письма не было обычнаго «вашъ». И не было въ этомъ письмѣ и тѣни той горячей преданности, какой всегда дышали его прежнія записки. Еще разъ поглядѣла на эти строчки, дышавшія такимъ спокойствіемъ, почти равнодушіемъ, еще разъ прочла, взвѣшивая каждое слово. Положила письмо, сильно потянулась на стулѣ, заложила за голову руки, хрустнула пальцами, закрыла глаза. «Та-акъ... Скоро... Очень скоро... Да, это—конецъ». Первыхъ двухъ строчекъ достаточно, чтобы дѣло стало ясно. Не впервые... Знакомо... Не могло быть сомнѣнія—влюбленный человѣкъ такъ писать не могъ. Но... такъ скоро? Сидѣла, застывшая, съ застывшимъ лицомъ, теперь суровымъ и жесткимъ. Молча старалась вытѣснить изъ души обиду, отдѣлиться отъ стыда за себя. Вспомнила, съ

какой безграничной преданностью онъ глядѣлъ на нее тамъ, на вокзалѣ, между вторымъ и третьимъ звонкомъ. Уѣхалъ такимъ, а теперь... Такъ скоро? Уже?

Какъ на пружинѣ, сразу и упруго, поднялась со стула, заложила за спину руки, прошлась къ двери, назадъ... Лишній разъ подтверждается ея взглядъ на мужчинъ.

Взялъ, что нужно, позаимствовалъ все, что могъ, и опять—дальше, къ новымъ переживаніямъ, новымъ красотамъ, исканіямъ и страданіямъ. А ты, давшая ему все, что онъ хотѣлъ,—ты ему уже не нужна. Свое онъ уже получилъ. И даже вотъ этотъ птенецъ, только-что вылупившійся изъ яйца, только раскрывшій съ ея же помощью глаза на міръ, и онъ—тоже... Эгоизмъ, звѣриный эгоизмъ, ничего не желающій знать, кромѣ себя. И сама озвѣрѣешь съ ними, право... — Она шагала все быстрѣе, отъ двери къ стѣнѣ и назадъ:—«Что же имъ надо, этимъ двуногимъ жаднымъ звѣрямъ? Красоту и умъ, которые они и сами въ ней признаютъ, даешь имъ. Пониманіе въ искусствѣ, совѣты въ трудахъ—даешь. Что же имъ еще нужно, чтобы они тобой не швырялись? Вотъ такой... мальчикъ почти... Онъ успѣлъ, вѣрно, тамъ, несмотря на трудности, лишенія и опасности, еще что-то такое для себя найти. Теперь я ему уже не нужна. Какъ правильно она поступаетъ, ставя между собой и мужчиной невидимую, но очень прочную перегородку, о которую они стукаются лбами, какъ только проявляютъ желаніе повластвовать надъ ея душой, распоряжаться ея личностью!.. Ея женская гордость остается, по крайней мѣрѣ, цѣлой. Да, таковъ мужчина, и его не передѣлаешь. Они затрутъ и личность, если имъ позволить, и возьмутъ все, что имъ ни дай, и потомъ все равно надоѣшь... Да... Но такъ скоро? Такъ оскорбительно скоро? Этого еще съ ней никогда не было. Годами сидѣли около нея люди зрѣлые, видавшіе виды, умѣющіе понять, что такое интересная женщина. А этотъ... что же это? Стариться, что ли, она начинаетъ? «Схожу, посмотрю»—рѣшила она.—А! такъ?.. Ну, и хорошо... Изъ памяти вышвырнуть его будетъ не трудно. Хорошо, что не успѣла опуститься съ этимъ мальчикомъ—не показала ему свою страстность. Похвалила себя за выдержку и рѣшила идти сейчасъ же, чтобы сейчасъ же разрѣшить этотъ вопросъ, поставить точку.

II.

Швейцаръ, открывшій ей въ лазаретѣ наружную дверь, отвѣтилъ тотчасъ же и съ большой охотой, хотя такой благо-

склонностью пользовался у него далеко не всякій посѣтитель. Умѣвшій сразу очень тонко разобраться, несмотря ни на какое платье, богатый передъ нимъ человѣкъ, или нѣтъ, и отвѣчавшій всегда съ готовностью, строго соотвѣтствующей ожидаемому начаю, онъ на этотъ разъ былъ введенъ въ заблужденіе. Платье, правда, было дешевое, но вопросъ, скоро ли начнется пріемъ, Аделаида Викторовна задала, даже на него не взглянувъ и съ полной увѣренностью въ быстромъ и точномъ отвѣтѣ. Словно стояла машина, и надо было въ ней только кнопку нажать. Она даже не задержалась, чтобы слышать отвѣтъ. И швейцаръ, какъ нажатый кнопкой, отвѣтилъ быстро, точно и ровнымъ голосомъ:

— Начался. Пожалуйте. Прямо по лѣстницѣ, вторая дверь налѣво.

Снялъ ея спинѣ шапку и рѣшилъ:

— Полтинникъ.

Встрѣтившуюся въ корридорѣ сестру милосердія съ краснымъ крестомъ на груди и рукѣ Аделаида Викторовна привѣтствовала мягкимъ кивкомъ головы и, задавая вопросъ, какъ пройти къ больному, Бѣлецкому, посмотрѣла ей въ лицо внимательно-ласково и даже дружелюбно, какъ можетъ смотрѣть женщина, понимающая другую, понимающая и уважающая ея безкорыстный трудъ здѣсь, для больныхъ. Сестра, обласканная теплымъ взглядомъ, остановилась, мягко и открыто на секунду слилась съ ней глазами, съ большой готовностью объяснила, какъ пройти, и по родственному прибавила:

— Онъ ужъ внѣ опасности. Но четыре дня мы очень боялись за исходъ.

Аделаида Викторовна сдержала на лицѣ удивленіе только потому, что передъ ней стояла сестра. Она поблагодарила и оставила ее съ ясной улыбкой.

Лежитъ, значитъ, не меньше четырехъ дней, а ей написалъ только вчера. Такъ... Она рѣшила не заходить, не разспросивъ подробнѣй. Подождала возвращающуюся въ палату сестру и остановила ее у самыхъ дверей.

— Простите... Онъ эти четыре дня былъ въ сознаніи?

Сестра поспѣшила ее успокоить, даже взяла за руку.

— Въ полномъ сознаніи, не безпокойтесь! Даже особенно сильныхъ болей не было. Онъ даже ѣлъ и пилъ. Но рана въ такомъ мѣстѣ, что могли быть осложненія. Теперь все хорошо.

— Благодарю васъ.

— Пойдемте, я вамъ покажу, гдѣ онъ лежитъ.

Если бы не это приглашеніе, Аделаида Викторовна поду-

мала бы: идти ли вообще? Въ палату вошла, не торопясь, и лицо у нея было совершенно покойное, какъ если бы пришла не близкаго человѣка навѣстить, а просто изъ любопытства посмотрѣть раненыхъ. Постояла у дверей и медленно направилась къ указанной сестрой койкѣ.

Онъ спалъ навзничь, накрытый по самую шею сѣро-желтымъ казеннымъ одѣяломъ, руки въ желтоватой плотной рубашкѣ были заложены за голову.

Она тихо спустилась на табуретъ.

Его почти не узнавала.

Исхудалъ такъ, какъ живой человѣкъ, кажется, и не могъ бы. Кожа, потемнѣвшая, обтянувшая кости, по-мертвому гладкая на выпуклостяхъ, въ морщинахъ на подбородкѣ и около рта.

На минуту забыла и о томъ, что онъ ее бросилъ, и о своихъ давешнихъ волненіяхъ: теперь онъ могъ возбудить только жалость.

Какой это былъ недавно свѣжій, здоровый человѣкъ! Не то совсѣмъ лицо, не тѣ черты, не то выраженіе. Какъ удивительно скоро стирается то, что́ называется человѣческой красотой... Эта быстрая разительная перемѣна была интересна, какъ явленіе, и она очень внимательно стала разглядывать его, чтобы понять, ясно увидѣть, куда дѣвалось то мужественное и интересное, что́ ей всегда въ немъ нравилось. Лицо это, какъ нарочно, до-смѣшного, потеряло все то, что́ она считала въ немъ красивымъ и что́ онъ, по ея совѣту и настоянію, всегда старательно сохранялъ. Волосы съ проборомъ на боку и локономъ, спускающимся на лобъ, были острижены машинкой до самой кожи, дѣлали голову непріятно-сизой и похожей на какой-то уродливый кувшинъ. Характерныя, полныя, искривленныя въ умную улыбку, губы и крупный, крутой подбородокъ, раньше всегда чисто выбриваемые, служившіе главнымъ украшеніемъ его лица, теперь заросли щетиной, и нельзя было понять, талантливый ли это человѣкъ съ выразительнымъ лицомъ, или просто солдатъ, можетъ быть, изъ ремесленниковъ, попавшій на войну въ числѣ многихъ тысячъ такихъ же безличныхъ и сѣрыхъ, какъ онъ самъ? Исхудавшая, пожелтѣвшая шея была слишкомъ длинной и увеличившаяся вслѣдствіе этого голова не сливалась съ ней, какъ раньше, а была точно приклеена и притомъ неудачно.

Вдругъ лицо, до сихъ поръ совершенно неподвижное, въ сѣрой, съ глубокими тѣнями, худобѣ своей, со впавшими за-

крытыми глазами, почти напоминающее лицо трупа, дернулось будто изнутри и чѣмъ-то затревожилось. Стали коситься губы, съ мрачнымъ страхомъ сжиматься лобъ, перекашиваться подбородокъ. Складки у губъ растянулись, раскрылся ротъ, показались зубы, и все лицо занѣмѣло передъ чѣмъ-то ужаснымъ, чего нельзя передать никакими словами, отчего языкъ прилипаетъ къ гортани, и человѣкъ лишается голоса. При закрытыхъ, ввалившихся глазахъ оно походило на страшную, сѣрую маску, говорящую объ ужасѣ и смерти. Аделаиду Викторовну охватила жуть, но она умѣла смотрѣть всему прямо въ глаза. И чѣмъ страшнѣе становилось лицо, тѣмъ внимательнѣй она его разглядывала. Ни на секунду не отрывала глазъ, чтобы не упустить малѣйшую перемѣну, и вдругъ увидѣла въ этомъ перекошенномъ лицѣ все, что̀ читала о войнѣ въ газетахъ и добавляла своимъ воображеніемъ: и взрывы снарядовъ, и грохотъ, огонь и дымъ, и валящихся другъ на друга людей, и штыки, прокалывающіе тѣла, и крики, и стоны, и хрипѣніе умирающихъ. Она сразу поняла, какъ сильно онъ мучается, что его сейчасъ же надо разбудить, и дотронулась пальцами къ его лбу. Лицо сейчасъ же отвѣтило на это прикосновеніе. Дернулось въ послѣдній разъ, закрылся ротъ, складки опять собрались около губъ, разгладился лобъ. Судорожно поднялась подъ одѣяломъ грудь, и раскрылись глаза. Но и они еще не видѣли. Они были еще тамъ, и то, что̀ было передъ ними теперь, не могло въ нихъ проникнуть. Еще разъ вздохнула грудь, на этотъ разъ глубоко, легко и свободно, и вслѣдъ за этимъ передъ нимъ появилось ея лицо, обрамленное золотистыми волосами, мягкое, свѣжее, весеннее. И сейчасъ же въ его глазахъ заиграла искренняя радость, и рука сама потянулась для пожатія. Она молча подала свою и сразу почувствовала, что пожатіе его было не такимъ, какимъ было раньше, до войны. Вмѣсто ласковаго, приникающаго, оно теперь было прямымъ, крѣпкимъ, увѣреннымъ, попріятельски простымъ и короткимъ. Точно передъ нимъ была не любимая женщина, а старый другъ. И глаза смотрѣли, хоть и весело, но просто и покойно, не ищущіе, ничего не желающіе и по ней не изголодавшіеся. Съ этимъ пожатіемъ и съ этими глазами сслились въ одно цѣлое его письмо и четырехдневное молчаніе. Она сразу стала въ опредѣленную позицію: взяла легкій тонъ, сдѣлала беззаботное лицо. Онъ, пожавъ, сразу выпустилъ руку и спросилъ:

— Какъ поживаете? Какъ здоровье?

Аделаида Викторовна спохватилась, что первая о здоровьѣ

должна была спросить она, и, не отвѣтивъ на вопросъ, поспѣшила:

— Куда вы ранены?

— Въ животъ.

— Больно было?

— Очень.

— А какъ здѣсь ухаживаютъ, хорошо?

— Да, очень хорошо.

— А какъ... какъ вы себя чувствуете вообще?

— Теперь хорошо.

Она двинулась на табуретѣ, точно собралась сказать, наконецъ, то, что̀ должна сказать раненому человѣку близкая женщина, но не нашлось словъ, и она посмотрѣла на стѣны, на потолокъ, на другихъ больныхъ.

— Ну, какъ тамъ, на войнѣ, отличились вы?

Улыбнулась и постаралась посмотрѣть прямо ему въ лицо. Онъ покойно принялъ ея взглядъ, улыбнулся въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, не успѣлъ.

— И вы объ этомъ жалѣете?

Она спрашивала, чтобъ не молчать, и уже совсѣмъ не сомнѣвалась, что въ немъ произошла какая-то большая перемѣна. Глаза его легко и свободно покоились на ея лицѣ, онъ испытывалъ видимое удовольствіе отъ ея присутствія, но прежней преданности не было и слѣда. Онъ, Бѣлецкій, былъ самъ по себѣ, глядящій и наслаждающійся видомъ красивой женщины, хладнокровно сознающій эту красоту. Дѣло было ясно—отъ нея онъ оторвался. Надо было только спросить, отчего не писалъ четыре дня, и положеніе, вѣроятно, опредѣлилось бы, и она знала бы, какъ себя съ нимъ держать. Но самолюбіе женщины, такъ недавно стоявшей на пьедесталѣ, не позволило ей это сдѣлать. Въ то же время было оскорбительно переносить его почти равнодушный взглядъ, являлось желаніе уйти, чтобы обдумать происшедшее. Но молчать было неудобно все-таки.

— Можетъ быть, вамъ что-нибудь нужно? Я принесу.

— Да, я составлю списокъ.

— Въ слѣдующій разъ, когда я приду, вы мнѣ разскажете что-нибудь о войнѣ, да?

— Да, сегодня я ужъ не успѣю. Сейчасъ кончается пріемъ. Вы немножко запоздали.

— Я порядочно сидѣла и ждала. Вы спали.

— Ахъ, да...

— Посидѣть еще все-таки можно. Вѣдь мы давно не видались.

Это была пріятельская просьба, не безпокоющаяся объ отказѣ. Они посмотрѣли другъ на друга, и оба сразу отвели глаза. Послѣднія нѣсколько минутъ прошли иначе, лучше, потому что было естественно говорить о пустякахъ, разъ серьезно все равно не успѣть. Но, уже подымаясь со стула, она вдругъ спросила сразу и твердо:

— Скажите, отчего вы четыре дня не давали о себѣ знать?

Его лицо, несмотря на сѣрую блѣдность, порозовѣло. Слишкомъ неожиданнымъ и рѣзкимъ былъ переходъ отъ пустяковъ къ главному, сразу видна стала ненужность, лживость всего, до сихъ поръ сказаннаго. Она хорошо замѣтила и эту вспышку, и какъ онъ поглядѣлъ на потолокъ, сжалъ губы, и не сводила съ него глазъ, пока онъ не отвѣтилъ:

— Видите ли... Я раненъ внизу живота... въ... въ пузырь. Почти каждые четверть часа вызывалось раздраженіе и приходилось... Это было некрасиво.

Теперь онъ посмотрѣлъ на нее, а она покраснѣла. Это ея смущеніе вызвало въ немъ увѣренность, и онъ твердо добавилъ:

— Я знаю, вамъ это было бы непріятно.

— Пустяки какіе...

Она уже овладѣла собой и сказала больше для того, чтобы его понаблюдать. Его лицо говорило больше, чѣмъ слова.

— Это пустяки для близкихъ... А мы... мы недостаточно близки, несмотря... на прежнее.

Она вскинула на него свои глаза и встрѣтилась съ его взглядомъ, твердымъ, простымъ и теперь немножко грустнымъ. Сейчасъ же поняла, что груститъ онъ о прошломъ и что, слѣдовательно, оно для него уже дѣйствительно прошлое. Нагнула голову, скрыла глаза подъ широкимъ полемъ шляпки, подумала.

— Вы дадите мнѣ знать, когда у васъ можно будетъ посидѣть не во время пріема, чтобы было меньше народа. До свиданія.

Лицо и голосъ были у нея совершенно покойны.

Руку она выдернула раньше, чѣмъ Бѣлецкій успѣлъ разжать свою и, ни слова больше не прибавивъ, быстро скрылась за дверью.

Ушелъ, значитъ, и этотъ. И какъ быстро, какъ поразительно быстро! Приходила мысль, что онъ въ кого-нибудь влюбленъ. Но нѣтъ, это пришлось бросить. Она видѣла много влюбленныхъ мужчинъ—и въ нее самое, и въ другихъ. Не то. У него просто было спокойствіе. Спокойствіе человѣка, что-то очень нужное для себя нашедшаго. Значитъ, и такого молодого, еще

не испытаннаго жизнью, не избалованнаго женщинами, еще жаднаго до наслажденій, она около себя удержать не могла?

Опять выросъ вопросъ, уже не разъ являвшійся за послѣдніе годъ-два: уйти отъ всего этого развѣ? Вѣдь это страшно утомляетъ душу,—эти удары самолюбію. Оставить себѣ живопись, музыку, литературу и выбросить изъ своей жизни этихъ двуногихъ звѣрей, ненасытныхъ и всегда жадныхъ до новыхъ впечатлѣній. И опять, какъ раньше, самъ являлся отвѣтъ: Нѣтъ, рано еще. Она умѣетъ сама себѣ прямо смотрѣть въ глаза. Рано. Она должна слышать, видѣть и чувствовать, какъ эти сильные звѣри, все забирающіе въ свои жадныя лапы, вѣчно борющіеся за свои ненасытные аппетиты и стремленія,— преклоняются передъ ея наружностью и даровитостью. Она не можетъ не видѣть, какъ въ ихъ глазахъ, всегда ищущихъ труда и наслажденій, появляются и послушаніе, и робость, и восторгъ, какъ только она пожелаетъ подпустить поближе котораго-нибудь изъ нихъ. Не можетъ она безъ этого...

III.

А на другой день, послѣ обѣда, получилась отъ него записка, что онъ выхлопоталъ для нея посѣщеніе въ тотъ же вечеръ, что посѣтителей не будетъ, врачей—тоже, въ лазаретѣ будетъ очень удобно поговорить и просилъ ее придти непремѣнно. По запискѣ чувствовалось, что разговоръ будетъ интересный. По дорогѣ въ лазаретъ думала, что вотъ идетъ она покончить еще съ однимъ эпизодомъ въ своей жизни, но зрѣлище это, во всякомъ случаѣ, будетъ интересное. Видѣть человѣка, перенесшаго какую-то ломку, что-то или нашедшаго, или ищущаго новыхъ путей для мысли и чувства. Она гордилась тѣмъ, что не обманулась въ немъ, угадала его тревожную натуру. И за то, что онъ ее не обманулъ, она испытывала къ нему даже уваженіе. Она считала себя достаточно справедливой, чтобы признать за человѣкомъ право свободы, разъ онъ самъ сумѣлъ для себя эту свободу добыть. И, если бы не личная обида, она чувствовала бы себя, какъ будто идетъ послушать новую музыку, новую лекцію...

Говорить, и вправду, оказалось очень удобно. Былъ часъ, когда больные, осмотрѣнные врачемъ и поужинавшіе, тихо дремлютъ на своихъ койкахъ, тихо бесѣдуютъ по угламъ, тихо ходятъ. Электричество, наполовину потушенное, давало мало свѣта и много тѣни, задумчивымъ полусумракомъ ложившейся на бѣлыя стѣны и потолокъ. Бѣлецкій былъ уже не такимъ, какъ вчера

утромъ. Голова, вчера еще сизая, потемнѣла отъ отросшихъ за сутки волосъ, выпуклости черепа немного сгладились, и вся она не казалась ужъ мертвой костью на мертвой шеѣ. Лицо было не сѣрое, а очень блѣдное, худоба—не мертвой. Эта худоба и блѣдность говорили о страданіяхъ, уже прошедшихъ, придавали лицу томную слабость, углубляли его выраженіе, облагораживали,—точно прошелъ онъ сквозь какое-то чистилище, потерявъ немного тѣла, но зато очистивъ душу. Жизнь опять взяла въ свои руки человѣка и уже напитывала его своими соками, накладывала на лицо свои краски, возвращала ему человѣческое выраженіе. Аделаида Викторовна помѣстилась, по-вчерашнему, на табуретѣ, но придвинулась ближе къ изголовью. Уже поздоровались, она ужъ совсѣмъ умѣстилась на табуретѣ, а говорить они не начинали. Она—потому, что вообще предпочитала всегда говорить второй, онъ—не рѣшался начинать прямо, чтобы не задѣть самолюбія оставленной женщины. Лицо у него было сосредоточенное, остановившееся на одной какой-то, очень большой и очень важной, мысли. При блѣдной, прозрачной худобѣ, да еще слабо освѣщенное, неуловимое для глаза въ своихъ обыденныхъ очертаніяхъ, на фонѣ простого больничнаго халата, оно казалось почти подвижническимъ. Онъ ей, противъ воли, нравился въ такомъ видѣ,—былъ очень интересенъ. Оба чувствовали, что это молчаніе, это отсутствіе обычныхъ незначительныхъ словъ и есть начало разговора, сразу устанавливаютъ его важность и значительность. Его лицо продолжало стоять застывшимъ, ея глазъ уже сталъ утомляться однообразіемъ, и она сказала первая:

— Ну-съ... выкладывайте.

Тонъ она взяла, по-вчерашнему, легкій,—свою обиду она бы не показала ни за что на свѣтѣ. Бѣлецкій медленно повернулся на бокъ, уперся въ подушку локтемъ, повернулъ къ ней лицо и посмотрѣлъ на нее серьезно и внимательно. А ей показалось, что смотритъ онъ не на нее, а сквозь нее, точно тамъ, гдѣ-то за ея спиной, видитъ свои собственныя мысли. А сама, захваченная по пути его глазами и вся ими освѣщенная, такъ недавно таинственная и увлекательная, теперь сидитъ передъ нимъ съ обнаженной душой, ясная, простая и понятная. Даже двинулась на стулѣ, словно хотѣла спрятаться въ тѣнь, уйти отъ этихъ глазъ, прошедшихъ сквозь нее, какъ сквозь прозрачное тѣло. Однако, осталась сидѣть совершенно спокойно, даже улыбнулась, какъ улыбаются слишкомъ серьезно задумавшемуся ребенку. И, чтобы заставить его отвести глаза, сказала коротко и совсѣмъ легко:

— Ну-съ... Вы меня больше не любите.

Онъ ухватился за ея легкій тонъ, тоже улыбнулся и почти весело отвѣтилъ:

— И не любилъ.

Она бровью не двинула. Его это, впрочемъ, не смутило. Онъ зналъ, что чѣмъ серьезнѣй положеніе, тѣмъ спокойнѣй она съ виду. Ея спокойствіе было самымъ вѣрнымъ признакомъ, что она глубоко задѣта. Но въ то же время оно давало возможность идти дальше въ томъ же направленіи, довести разговоръ до конца. За эту способность онъ всегда уважалъ ее раньше и благодаренъ былъ теперь.

— Это очень любопытно.

Онъ охотно согласился.

— Очень.

— А что́ же это было?

— Все, что́ угодно. Можетъ быть, это и называется любовью. Только это—не любовь. Мои глаза наслаждались, наслаждался мой слухъ, я часто бывалъ въ чаду и опьяненіи. Только это—не любовь. Это я себя любилъ, а не васъ. Любилъ свои наслажденія.

Сразу зажглась у нея въ сердцѣ вражда къ человѣку. Голосъ ея зазвучалъ очень пренебрежительно.

— Отчего же вы такъ много говорили о своей любви? Гдѣ же вы были тогда? Это похоже на младенчество.

— Я и самъ былъ увѣренъ, что это и значитъ—любить... Съ самаго начала любви не было. Намъ нужно будетъ объ этомъ поговорить.

— Я знаю: вы никогда не умѣли коротко излагать свои мысли. Мои уроки мало помогли.

— Не сердитесь... Но то, что́ я хочу сказать, я скажу, потому что знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло. Это—уваженіе къ вамъ.

— Предисловія не нужны.

— Хорошо. Такъ вотъ, припомните первую нашу встрѣчу. Я вамъ уже много разъ говорилъ, что́ меня къ вамъ потянуло. Въ первый моментъ—ваша свѣтящаяся наружность. Свѣтло и легко было около васъ, какъ бываетъ въ очень хорошей, съ хорошими голосами, оркестромъ и костюмами, оперѣ. Это было для меня именно богатѣйшей оперой, которая ошеломляетъ, когда ее слушаешь, и потомъ только наслаждаешься ею безконечно долго и много. Я былъ, такъ сказать, во власти эстетическихъ эмоцій...

Онъ задумался, посмотрѣлъ на электрическую лампочку на потолкѣ.

— Ну...

— Да... Вы во время спора молчали. Но я по вашему лицу видѣлъ, что это—не молчаніе ограниченной женщины, не умѣющей и не желающей поддерживать разговоръ. Уже къ самому концу вы вдругъ тихо и покойно, ровнымъ голосомъ вставили свое замѣчаніе. Меня поразила вѣрность вашей мысли, сумѣвшей уловить центръ, душу обсуждаемаго. Я нарочно начинаю съ самаго начала. Хочу возстановить все зданіе цѣликомъ, хочу показать вамъ его со всѣхъ сторонъ. Я на васъ посмотрѣлъ. А вы, не глядя, уловили этотъ взглядъ, сразу рѣшили, что я васъ уже не оставлю въ покоѣ. Это я понялъ потомъ, тамъ, въ окопахъ. А тогда я только думалъ, какъ бы васъ еще разъ встрѣтить. И вы не ошиблись. Вѣдь я не то что думалъ о васъ. Просто былъ порабощенъ.—Онъ улыбнулся, какъ улыбаются при воспоминаніи о собственныхъ дѣтскихъ увлеченіяхъ.—Послушайте, Аделаида Викторовна! Вы не будете обижаться, не правда ли? Это я васъ уважаю, что говорю вамъ. Съ другой бы говорить такъ не сталъ.

— Ну, не будьте ребенкомъ. Обижусь—уйду. Говорите.

Ему захотѣлось пожать ей за это руку, но вспомнилъ, что она—не любительница нѣжностей.

Только рѣшительнѣй и смѣлѣй сталъ говорить:

— Вы тотчасъ увидѣли мое порабощеніе, и понравилось это вамъ очень. Вы даже не выдержали и пришли ко мнѣ первая подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ. И это я въ васъ очень уважаю. Жадная рѣшимость,—взять понравившееся въ руки, не бояться это показать. Уважаю васъ и за то, что сразу меня поняли. Эта прямота и свобода дѣйствія—были вѣрнымъ средствомъ закрѣпить мое увлеченіе. Молодецъ. Вспомнить пріятно. Вы и до меня имѣли, и послѣ меня будете имѣть, кого порабощать. Вы—хищникъ и притомъ—предпочитающій не прятать когтей. Это хорошо и красиво.

— Демоническая женщина, однимъ словомъ.

— Маху не дадите, я за васъ покоенъ.

Онъ пріятельски ей улыбнулся.

— Вы успѣли набраться солдатскихъ выраженій. Ну, дальше.

— А потомъ и началось то, что продолжалось все время. Я былъ въ вашихъ рукахъ игрушкой и вполнѣ этого заслуживалъ. Я на васъ не сердитъ и на себя не пеняю. Это все-таки

лучше—быть игрушкой въ рукахъ другого, чѣмъ превратить въ игрушку чужую жизнь. Лучше для меня, по крайней мѣрѣ.

— Это у васъ грубовато выходитъ. Что же я, по-вашему, разбойникъ на большой дорогѣ?

— Демоническая женщина,—сами сказали.

— Ну...

— И въ то же время вы испытывали ко мнѣ симпатію. Я вамъ, несомнѣнно, нравился. Вы меня выдѣлили изъ числа другихъ, отдавали мнѣ много времени, часто становились изъ-за меня въ затруднительное положеніе и минутами испытывали ко мнѣ даже нѣжность,—если мои поступки вполнѣ сливались съ вашими желаніями. А что я былъ игрушкой, это я вамъ сейчасъ докажу. Вы помните, какъ я часами простаивалъ на улицѣ, у дверей вашихъ знакомыхъ, чтобы имѣть возможность проводить васъ домой? Вы знали, что я дорожу каждой минутой, проведенной съ вами, и нарочно сидѣли тамъ дольше, скучали, чтобы заставить меня васъ дожидаться,—сознайтесь въ этомъ. А потомъ, когда вы, наконецъ, выходили, у васъ былъ видъ барыни, которую дожидается лакей. Вы устремлялись изъ двери, проходили мимо меня, даже на меня не взглянувъ. Я спѣшилъ за вами. Вы были увѣрены, что накопившаяся на улицѣ досада у меня пройдетъ при первомъ взглядѣ на ваше лицо, при первой вашей фразѣ. Вы даже не извинялись, не говорили о надобности тамъ сидѣть. Вамъ доставляло огромное удовольствіе это безмолвное и полное подчиненіе человѣка. Не знаю, можетъ быть, кромѣ сладкаго сознанія власти, считали такое подчиненіе еще и красивымъ. Можетъ быть, это даже усиливало ваше расположеніе ко мнѣ,—эта возможность посредствомъ меня производить эксперименты въ области того, что вы называете красотой.

Онъ посмотрѣлъ на нее, ожидая отвѣта...

Она глядѣла мимо него въ уголъ.

— Да... дальше.

— Вы на это ничего не можете возразить, не правда ли?

— Вы кончайте. Я ужъ потомъ.

— Послушайте, Аделаида Викторовна, сознайтесь: вѣдь вы меня, вѣрно, тогда дуракомъ считали, а?—Онъ добродушно усмѣхнулся.—А дуракомъ другіе пользуются по-неволѣ, ей-Богу... Вы тутъ, пожалуй, ни при чемъ.

— Тѣмъ болѣе, я знала: рано, или поздно вы поумнѣете.

Она серебристо разсмѣялась, и противъ воли въ ея голосѣ прозвучала побѣдная нотка, и поглядѣла она на него, точно онъ стоялъ на улицѣ и ея дожидался. Улыбнулся и онъ.

— И вамъ хотѣлось видѣть, какъ это произойдетъ, да?

— Продолжайте.

— Такъ вотъ, значитъ, приходилъ я къ вамъ. А вы, только-что унизивъ во мнѣ человѣка, одѣвались къ лицу, причесывались такъ, чтобы быть красивѣй, и говорили, что это—для меня. Вы знали, что нечаянно спустившійся локонъ нарушаетъ ту красоту, которая на меня такъ дѣйствуетъ. И такую же красоту въ мелочахъ вы старались привить и мнѣ, считая это въ человѣкѣ главнымъ его достоинствомъ.

— Не только это. Впрочемъ, не буду вамъ мѣшать. Вамъ, видно, очень хочется высказаться.

— Да...

Она подумала, что онъ все это очень много разъ, должно быть, переворачивалъ въ своемъ мозгу и напередъ знаетъ, что̀ будетъ говорить.

— Вы вѣдь знали, какъ я не люблю подбирать галстухи къ лицу, модные пиджаки и прически по вашему вкусу. Но это все-таки было лучше, чѣмъ видѣть вашъ недовольный взглядъ, когда я вамъ не нравился. Вамъ просто нужна была мягкая глина, чтобы измѣнять ея форму въ каждую, угодную вамъ, минуту.— Онъ замялся.—Я хочу вамъ кое-что разсказать. Однажды ночью, въ саду я стоялъ передъ вами... на колѣняхъ. Вы казались мнѣ воплощеніемъ всего прекраснаго, я молился на васъ... Не преувеличиваю. Такія вещи не забываются. А вы вдругъ сказали: «у васъ высунулась манишка, поправьте». Это было некрасиво—высунувшаяся манишка. Смѣшной водевиль... если въ немъ участвуетъ другой. Ну, впрочемъ, все это мелочи. Я не хотѣлъ ихъ упустить просто для полноты картины. Перейдемъ къ главному, что̀, по вашему увѣренію, могло и должно было насъ крѣпко связать и дать намъ ту гармонію, о которой я всегда мечталъ, а вы говорили. Нѣтъ, впрочемъ, и вы мечтаете... и до сихъ поръ ее нигдѣ и ни съ кѣмъ не находите.

— Я вамъ никогда не говорила, что не нашла.

Ему стало ее немножко жалко. Онъ зналъ, какъ она не любила защищаться, а это было защитой.

— А, можетъ быть, найдете. У насъ, вѣрно, разные пути.

Онъ говорилъ мягко и задушевно, даже положилъ руку на ея колѣно. Она тотчасъ же отодвинула колѣно, лицо ея стало холоднымъ, но онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ.

— Я хочу уважать васъ до конца и поэтому скажу все, что̀ долженъ вамъ сказать. Если бы вы эту гармонію съ кѣмъ-нибудь нашли, то нашедшій съ вами никогда отъ васъ не ушелъ бы. Когда два

человѣка находятъ другъ въ другѣ то, что имъ обоимъ жизненно необходимо, то одинъ безъ другого они уже жить не могутъ. А отъ васъ уходили и будутъ уходить. Потому что та красота, посредствомъ которой вы хотите слиться съ другимъ въ одно цѣлое, сдѣлать этого не можетъ. Ни красота линій, ни красокъ, ни словъ, ни звуковъ сдѣлать этого не могутъ. Что это за сила для единенія, которую одинъ признаетъ, а другой отвергаетъ? Которую одинъ находитъ божественной, а другой—скучной? Которая вчера была совершенствомъ, а сегодня—безобразіе? Припомните разговоры и споры на вашихъ вечерахъ! Что это за красота, возбуждающая въ своихъ жрецахъ другъ къ другу зависть, а иногда ненависть и злобу? Я ужъ не говорю о красотѣ, пропадающей отъ нечаянно высунувшейся манишки.—Онъ замѣтилъ, какъ она двинулась на стулѣ, и еще больше смягчилъ голосъ.—Нѣтъ, не красота это. Это, можетъ быть, только украшеніе къ красотѣ настоящей, ясной, простой и неопровержимой. Это не храмъ, какъ вы его называете. Это—украшенія на храмѣ, сдѣланныя слабыми человѣческими руками и отъ самаго слабаго вѣтра разрушающіяся. Это такъ же не храмъ, какъ не храмъ — фрески, картоны, изображенія святыхъ и всѣ произведенія искусства, въ немъ помѣщенныя. Храма вы не видите. Храмъ—это то, для чего всѣ эти украшенія создаются, что въ немъ всегда должно твориться, что сквозь украшенія эти просвѣчиваетъ и ихъ освѣщаетъ. А этого у васъ нѣтъ. Вы помните тѣ страшные дни, когда вы говорили, что на свѣтѣ нѣтъ ни настоящихъ чувствъ, ни прочныхъ привязанностей? Вы говорили тогда, что жизнь—безсмысленное бремя, тяжелое и ненужное. Отчего же вы тогда не уходили въ свой храмъ? Вѣдь для того храмы и существуютъ, чтобы укрыться въ нихъ въ трудную минуту. Потому что въ немъ нѣтъ главнаго, дающаго бодрость и силу. Вы толкали меня къ живописи, которая нужна мнѣ гораздо меньше, чѣмъ то, чего вы дать мнѣ не могли и никогда никому дать не сумѣете. У меня были свои ощущенія отъ музыки и живописи, воспринятыя еще въ дѣтствѣ, но вы называли это младенчествомъ. И не могли понять, что это младенчество мнѣ нужнѣй, чѣмъ ваши дары. Вы забыли о моей душѣ и заботились о моемъ развитіи. Вы тянули меня къ своей красотѣ, можетъ быть, для того, чтобы закрѣпить свое вліяніе, но сами этого не замѣчали.

Онъ передохнулъ, поглядѣлъ на нее. Она молчала, и лицо у нея было такое, словно никакого впечатлѣнія его слова на нее не производятъ.

— У насъ не было ни любви, ни красоты. Любви нуженъ человѣкъ, а не его пониманіе въ живописи. А въ особенности, любви не нужно униженіе человѣка. Нѣтъ, не нужно... Вы для меня были средствомъ для наслажденій, я для васъ глиной для лѣпки. Есть другая красота—настоящая,—(онъ опять глядѣлъ сквозь нее и ее почти не замѣчалъ).—Я видѣлъ красоту, отъ которой несетъ грязью и потомъ и усыпанную вшами. Я видѣлъ этихъ людей, падающихъ смертельно ранеными и коснѣющимъ уже языкомъ произносящихъ имена своихъ, любимыхъ не за красоту и не за пониманіе искусства. Вѣдь они въ искусствѣ ничего почти не понимаютъ и имъ не живутъ. Я видѣлъ этихъ людей, отправляющихся въ самую пасть воющей, ревущей и облитой потоками крови, смерти, чтобы вытащить оттуда другихъ людей, которыхъ они до этихъ поръ никогда въ жизни не видали. Для нихъ человѣческая жизнь была тѣмъ, для чего они жертвовали своей собственной.

Голосъ сдѣлался у него совсѣмъ слабый, а лицо было розовое, и глаза блестѣли. Она сидѣла неподвижно, нагнувъ голову и широкимъ полемъ шляпки скрывъ глаза.

— Потомъ, ночью, когда я лежалъ въ окопахъ, глядѣлъ на звѣзды и сравнивалъ вашу красоту съ этой, я сталъ понимать, отчего отъ васъ уходятъ, несмотря ни на вашу наружность, ни на умъ, ни на таланты. Хочу вамъ показать еще красоту. Только вамъ придется меня извинить за сюжетъ: некрасивый.

Она не отозвалась ни звукомъ, ни движеніемъ. Сидѣла по-прежнему съ закрытымъ полями шляпки лицомъ, и онъ не могъ понять, собирается ли она что-нибудь сказать, или просто его не слушаетъ.

— Я ужъ говорилъ вамъ—рана у меня внизу живота... въ... въ пузырѣ. И приходилось часто... приходилось... освобождаться. И дѣлать это надо было очень осторожно, не шевелясь. И вотъ—вонъ та сестра не хотѣла довѣрить этого никому. Я сразу попалъ къ ней, и она рѣшила, что меня спасти—это ея дѣло. Она—барышня, изъ свѣтской семьи, ей 19 лѣтъ, со свѣтскимъ образованіемъ и по своимъ привычкамъ очень чистоплотная. Она изъ-за меня три ночи почти не спала. Дремала только въ короткіе промежутки, когда я не нуждался въ ея услугахъ. Я каждый разъ закрывалъ глаза, чтобы ее не видѣть, а она, чтобы меня обрадовать, каждый разъ говорила, что все меньше показывается крови. А въ вечеръ передъ вашимъ приходомъ она заявила мнѣ, что крови нѣтъ совсѣмъ и что я внѣ опасности. Какимъ-то особеннымъ показался мнѣ ея голосъ, и

я на нее взглянулъ. И знаете, что̀ я увидѣлъ на ея лицѣ?—(Аделаида Викторовна по-прежнему не отзывалась).—Счастье. Настоящее счастье. И посмотрѣла она мнѣ въ глаза такъ, что я забылъ, что я—мужчина, а она—барышня. Сквозь глаза свѣтила вся ея душа—до самаго дна. Я опять закрылъ глаза—было слишкомъ много свѣта. Я сейчасъ же послѣ этого заснулъ, какъ засыпалъ только въ дѣтствѣ, у матери на рукахъ. Это лицо и этотъ взглядъ я не забуду до послѣдняго часа моей жизни.

Слабая еще голова закружилась отъ напряженія, склонилась на подушку, и ужъ почти шопотомъ онъ кончилъ:

— Если человѣкъ что-нибудь съ собой туда уноситъ, то я съ собой возьму это. А рану свою я благословляю.

Отдохнулъ и тяжело поднялъ голову, чтобы посмотрѣть на Аделаиду Викторовну.

Ея не было. Ушла...

М. Кисинъ.

СѢНОКОСЪ.

У погоста травы скошены,
Травы скошены и брошены,—
Сладокъ запахъ мертвыхъ травъ.

На землѣ все дышитъ ладаномъ,
Умереть спокойно надо намъ,
Не страшась земныхъ отравъ.

Вѣдь отрава ядовитая,
Изъ земли родной добытая,
Только тлѣнъ въ тебѣ убьетъ.

А небесный ядъ плѣняющій,
Ядъ, блаженствомъ соблазняющій,
Онъ и душу въ плѣнъ возьметъ.

Небесами не тревожимы,
Умереть спокойно сможемъ мы,
Безъ стенаній и безъ слезъ.

И, косою острой скошены,
У погоста будемъ брошены
Въ грозный смертный сѣнокосъ.

Конст. Эрбергъ.

Слѣпая.

Разсказъ.

Все больше и больше замыкалась жизнь Варвары Петровны.

Не осталось у нея ни родныхъ, ни знакомыхъ, никого, кромѣ чужой семьи, въ которой она жила за деньги.

Время текло такъ однообразно, такъ сливаясь, такъ была прилажена минута къ минутѣ, что оно перестало существовать для нея.

Ея имя тоже стало лишнимъ, такъ какъ некому было окликать ее, и даже въ ея присутствіи громко говорили о ней: «она» или просто кивали въ ея сторону, или въ сторону ея комнаты. Говорили о ней мало, скупо, будто жалѣли тратить на нее не только время, но и слова.

Варвара Петровна была слѣпа и глуха.

А впослѣдствіи,—не слыша ни своей, ни чужой рѣчи,—стала почти нѣмой. Ее перестали понимать: она то мычала, растягивая слова, то глотала звуки. Но всѣ эти несчастья случились съ ней постепенно, уже въ зрѣлыхъ годахъ, а родилась и росла она нормальнымъ и даже одареннымъ ребенкомъ. Такъ какъ страданія приходили постепенно, то она перестала даже замѣчать ихъ. Сегодня было хуже, чѣмъ вчера, а завтра хуже, чѣмъ сегодня.

Такъ приходитъ старость—ступень за ступенью. Вчера молодъ и сегодня молодъ, а на завтра вчерашній юноша уже старикъ, и жизнь прожита.

Такъ постепенно, день за днемъ, растеряла Варвара Петровна сокровища жизни, и осталась одна въ темномъ и узкомъ пространствѣ ничѣмъ не питающагося сознанія.

Когда Варвара Петровна была еще Варей, той маленькой Варей, которой жилъ весь домъ полковника Стеблева, съ ней случилось несчастье.

Въ богатой и счастливой семьѣ Стеблевыхъ, послѣ трехъ сыновей, родилась долго и страстно желанная дочь. И такъ много и съ такой любовью произносили это слово «дочь», что первыми словами ребенка были: «Вава-дочечька», и стоило ей съ дѣтски хитрой улыбкой сказать: «дай Вавѣ-дочечькѣ», какъ ей ни въ чемъ не было отказа. И, несмотря на то, что Варей-дочечькой жилъ весь домъ, когда случилось съ ней несчастье, никто объ этомъ не зналъ.

За годъ до поступленія въ институтъ, послѣ своихъ именинъ, такого веселаго дня, въ который все удалось, всѣ были довольны и устали, взрослые отъ желанія сдѣлать этотъ день какъ можно радостнѣе, а дѣти отъ бѣготни, шума и сюрпризовъ, Варя заболѣла скарлатиной. Мальчиковъ изолировали, а мать и м-ль Клемансъ остались ухаживать за больной. М-ль Клемансъ, жившая много лѣтъ въ домѣ, не захотѣла разстаться со своей любимицей, и хоть мало были нужны ея услуги у постели ребенка—все ревниво дѣлала сама мать,—но она осталась на заразной половинѣ дома и была большой поддержкой госпожѣ Стеблевой въ минуты отчаянія.

Послѣ кризиса, оставившаго позади опасность и тревогу за жизнь ребенка, силы оставили мать. Горе и страхъ дѣлали ее бодрой и сильной, а счастье и благодарность Богу сдѣлали слабой. Она поминутно принималась плакать и хоть внѣшне была очень ласкова и внимательна ко всѣмъ, но она такъ ушла въ свои, теперь радостныя переживанья, что рѣдко слышала, когда обращались къ ней. Полковникъ тоже ослабѣлъ, но онъ подбадривалъ себя папиросами и сталъ будто суровѣе обыкновеннаго съ домашними: онъ боялся, чтобы не увидали слезинокъ, то и дѣло нависавшихъ на его рѣсницахъ, когда онъ курилъ, стоя за занавѣсками у окна и подрагивая въ тактъ ногой напѣваемому веселому мотиву. Этотъ мотивъ ему никогда не удавался вполнѣ, но вспоминался всегда при волнующей радости. Когда онъ услыхалъ, когда запѣлъ его впервые, онъ не помнилъ, но очень-очень давно. Можетъ быть, въ дѣтствѣ. Въ тяжелые моменты жизни онъ тоже напѣвалъ все одинъ и тотъ же мотивъ, но когда и при какихъ обстоятельствахъ вошелъ этотъ въ его душу, онъ помнилъ. Это была музыка Монюшки изъ «Гальки»...

Панъ явился, и тобою
Я забытъ съ тѣхъ поръ!
Ахъ, Галина, ахъ, дивчина,
Вся вина твоя... Какъ страдаю я...

Но много, много грустнѣе... Въ 18 лѣтъ, страдая первой любовью и первой ревностью, онъ услышалъ эту оперу, и потомъ всю жизнь возвращалась къ нему эта мелодія. За годъ до рожденія Вари полковникъ, бывшій тогда еще капитаномъ, заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Въ жару онъ все порывался писать рапортъ командиру полка, и никто не понималъ, о чемъ.

Передъ смертью самымъ необходимымъ казался этотъ рапортъ, и исполненіе его просьбы казалось не только возможно, но и нисколько не затруднительно. И частное письмо къ Василію Ивановичу, дирижеру ихъ полкового оркестра, съ просьбой о послѣдней дружеской услугѣ. Вѣдь солдатамъ все равно, что́ играть. Пусть сыграютъ вмѣсто обычнаго марша

Панъ явился, и тобою
Я забытъ съ тѣхъ поръ...

Но только очень медленно. Модерато:

Вся вина твоя... Какъ страдаю я...

И чтобы зарыдали инструменты и чтобы поняли всѣ, какъ велика вина ея въ его неудавшейся жизни и, какъ казалось ему, въ его ранней смерти. И въ бреду онъ видѣлъ свою роту, офицеровъ на лошадяхъ и пѣшкомъ, видѣлъ, съ какимъ проникновеніемъ дирижируетъ Василій Ивановичъ и какъ горестно выраженіе его, похожаго на маску, будто складного лица. Солдаты оркестра никогда не смотрѣли на дирижерскую палочку Василія Ивановича: они слѣдили за складками кожи на его лицѣ. Природа надѣлила его безобразной смѣшной маской и чуткой и нѣжной душой. Поэтому глаза Василія Ивановича бывали грустны, даже когда онъ дирижировалъ гопака, и ноги его двигались въ тактъ танцу.

— Только бы разрѣшилъ командиръ, а Василій Ивановичъ пойметъ, чего хочу я,—думалъ полковникъ, требуя у окружающихъ бумаги для рапорта и письма.

Выздоравливающую Варю предоставили всецѣло заботамъ преданной и надежной француженки.

Мадемуазель Клемансъ обладала всѣми качествами, необходимыми въ ея званіи, но у нея было два недостатка: крайняя близорукость и полная увѣренность въ точности своего зрѣнія и памяти. Если бы не было этой утѣшительной для француженки маленькой слабости, не случилось бы съ Варей большого несчастья, такъ по-особому повернувшаго ея жизнь, по-

тому что Клемансъ не влила бы въ глаза Вари лѣкарство, которое было для глазъ особенно вредно. Если бы не несчастный случай, любимое и холеное дитя полковника Стеблева, для котораго развѣ только жизнь сказочной королевы была желанной и достойной, выросло бы въ стройную и милую дѣвушку, и жизнь пошла бы, какъ всѣ, болѣе или менѣе счастливо, болѣе или менѣе богато и полно...

Докторъ, увидавъ ухудшеніе, сталъ разспрашивать француженку о пріемѣ лѣкарствъ. Узнавъ, что́ и въ какомъ количествѣ вливала мадемуазель въ глаза его любимицѣ и крестницѣ, докторъ, бывшій своимъ человѣкомъ въ домѣ, сжалъ кулаки и бросился на испуганную француженку, но тотчасъ опомнился.

Помочь нельзя было никакъ. Единственное, что́ сдѣлалъ докторъ — это объяснилъ мадемуазель, что́ она сдѣлала и что́ ожидаетъ Варюшу. Но, увидавъ, въ какое отчаяніе пришла несчастная гувернантка, самъ же сталъ ее уговаривать, успокаивать, что авось, Богъ дастъ, все пройдетъ. Порѣшили сообща не безпокоить родителей. Когда Варя встала съ постели, похудѣвшая, поблѣднѣвшая и сильно выросшая, мадемуазель Клемансъ выглядѣла рядомъ съ ней не лучше. Казалось, она перенесла еще болѣе тяжелую болѣзнь.

Къ лѣту, ссылаясь на нездоровье, француженка уѣхала на родину, а докторъ, не видя рѣзкаго ухудшенія въ зрѣніи Вари, понемногу сталъ забывать о случившемся, все больше и больше надѣясь, что все, Богъ дастъ, обойдется.

Въ институтѣ зрѣніе Вари, какъ и характеръ, портились съ каждымъ годомъ. Подростая, живая, веселая дѣвочка становилась замкнутой, религіозно-экзальтированной дѣвушкой. Подруги по институтскому обычаю обожали ее и называли темнымъ ангеломъ за грустное выраженіе блѣднаго лица и мечтательные больные глаза.

Она становилась очень близорукой, и это придавало ея глазамъ выраженіе сосредоточенной углубленности.

Врачи рекомендовали ей заниматься какъ можно меньше, но она любила свое положеніе первой ученицы и продолжала работать, стремясь къ шифру. Она больше врачей понимала, что здоровье ухудшается, но серьезное лѣченіе откладывала на послѣ. Тѣмъ болѣе, что и безъ того дурной послѣ скарлатины слухъ начиналъ замѣтно слабѣть. Но это она скрывала чуть-ли не отъ самой себя. Иногда видитъ, что обращаются къ ней, не-

хочетъ переспросить и отвернется съ такимъ презрительнымъ лицомъ, что стали считать ее гордой, странной и замкнутой, но о второй надвигающейся бѣдѣ даже родные не догадывались.

Уже въ послѣднихъ классахъ института она стала жить не тѣмъ, чѣмъ жили дѣвушки ея круга, возраста и развитія. Завѣтной мечтой ея стало здоровье.

Окончить институтъ и лѣчиться. Вылѣчиться и тогда жить. И лишь изрѣдка мечта ея шла дальше. Здоровье и счастье придутъ вмѣстѣ. Все будетъ, какъ въ концѣ хорошей сказки, гдѣ для героя не только оканчиваются всѣ невзгоды, всѣ препятствія, которыя ставитъ царь далекаго враждебнаго царства, но и любимая дочь злого царя и полцарства вмѣстѣ съ ней достанутся Ивану Царевичу.

Выздоровѣвшая похорошѣвшая Варя встрѣтитъ «его». Она ждала и вѣрила, что онъ будетъ необыкновенный человѣкъ и герой, и получитъ ея руку не просто, а послѣ долгихъ исканій и борьбы, какъ рыцарь награду отъ своей дамы.

Ближайшее желаніе—полученіе шифра было достигнуто, и моментъ его полученія былъ торжественен, точно знала судьба, что этотъ первый праздникъ будетъ единственнымъ въ ея жизни.

Вернувшись изъ института домой, Варя заперлась съ отцомъ въ кабинетѣ (мать умерла скоропостижно за годъ до этого) и сказала, что хочетъ серьезно и основательно лѣчиться. Тутъ она впервые открыла ему, ошеломившую и сильно пошатнувшую здоровье полковника тайну о своемъ слабѣющемъ зрѣніи и слухѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого открытія съ полковникомъ случился легкій ударъ, и мотивъ изъ «Гальки» все чаще сталъ звучать въ его ушахъ. Но теперь, когда пѣлось «вся вина твоя», онъ смотрѣлъ полными слезъ глазами на Варюшу, которая укладывалась, чтобы ѣхать къ московскому окулисту, въ котораго она глубоко вѣрила и отъ котораго ждала чуда.

Коля Духопельниковъ, молодой, казачій офицеръ, товарищъ дѣтскихъ игръ Вари, только и ждавшій окончанія ею курса, не обратилъ вниманія на ея здоровье, да и не зналъ полной истины, не понялъ ея мечтаній о здоровьѣ — онъ никогда еще не думалъ о своемъ, и поспѣшилъ высказать ей свою любовь.

Въ мечтахъ «онъ» представлялся иногда въ Колиномъ образѣ, и если бы Духопельниковъ пришелъ просить ея руки въ концѣ сказки, когда были бы преодолѣны всѣ препятствія и

было бы найдено главное — безмятежная радость жизни — она иначе отнеслась бы къ его признанію. А теперь она просто не услыхала его словъ, они прозвучали для нея какъ что-то лишнее, представились, какъ и его взволнованный, дрожащій голосъ— помѣхой на ея пути—къ первой и главной цѣли.

Она отказала равнодушно, отмахнувшись отъ его любви, какъ отъ назойливыхъ приставаній съ пустыми ненужными разговорами.

Не дошла до нея его любовь, не отмѣтила она даже такого важнаго въ жизни каждой дѣвушки событія, какъ первое признаніе. Она спѣшила къ московскому окулисту. Такъ потомъ съ такой же страстной вѣрой ѣздила она къ харьковскому, вѣрила въ берлинскаго, вѣнскаго. И отъ каждаго возвращалась разбитой, еще болѣе утративъ увѣренность, но съ еще большей жаждой жизни, здоровья и счастья.

Полковникъ умеръ послѣ третьяго удара.

Между вторымъ и третьимъ, съ трудомъ владѣя правой рукой,—онъ составилъ завѣщаніе, подъ которымъ подписался докторъ, лѣчившій Варю отъ скарлатины, и одинъ знавшій причину ея несчастья, и Василій Ивановичъ.

Къ этому времени лицо Василія Ивановича стало еще больше похоже на маску, и еще глубже стали складки вокругъ рта. Когда онъ свидѣтельствовалъ своею подписью, что другъ его полковникъ Стеблевъ находится въ полномъ умѣ и твердой памяти, у него было такое выраженіе, что, если бы увидали его музыканты его оркестра, они на мгновеніе задержали бы звукъ, опустили бы трубы и послѣ паузы заиграли бы піаниссимо. Василій Ивановичъ сдѣлалъ росчеркъ и, отложивъ перо, всталъ и молодцевато, маршемъ прошелся по комнатѣ. Руки его невольно дѣлали движенія, дирижируя невидимому оркестру то, что звучало въ его душѣ. И если слушаться лѣвой руки, то нужно играть грустно, тягуче-безнадежно. Но правая двигалась нервно, приказывая разбивать, мѣшать впечатлѣнію, и если слушаться ея сидящимъ вправо, то въ грустную мелодію должны были врываться немного раздражающіе, но на борьбу зовущіе звуки. Старость гонитъ мрачныя мысли.

Докторъ особенно радовался содержанію завѣщанія. Оно обезпечивало Варю на всю жизнь.

Послѣ смерти отца Варя поселилась въ семьѣ любимой тетки, думая, что жизнь въ большой шумной компаніи двоюрод-

ныхъ сестеръ и братьевъ будетъ похожа на институтскую жизнь. Но зрѣніе и слухъ слабѣли, и всѣ вокругъ были всегда въ чемъ-нибудь виноваты. Тетка въ томъ, что обращалась, какъ съ больной, бережно ласково и слишкомъ была внимательна, а молодежь въ томъ, что съ головой уходила въ свою жизнь.

Прошло пять лѣтъ, и тетка, какъ и отецъ, умерла отъ паралича сердца. Варя опять осталась одна. Близкихъ никого не осталось. Дальняя родственница, Анна Ивановна Шмакова, искавшая всюду возможности заработать, чтобы прокормить свою большую семью, а главное, поддержать старшаго любимаго сына, которому пророчили блестящую будущность художника - портретиста,—предложила Варѣ поселиться у нея за плату. И вотъ, на проценты, получаемые Варей, стала жить цѣлая семья.

Анна Ивановна не скрывала этого.—Болѣзнь Варички будетъ прогрессировать, и уходъ за нею будетъ все труднѣе и труднѣе. Нужно же мнѣ вознагражденіе за мой трудъ и заботу... У этой Анны Ивановны за долгіе годы нужды и перебиванія образовалась манія исканія заработка или просто денегъ. Идя по улицѣ, она внимательно, будто искала потерянное, смотрѣла себѣ подъ ноги, надѣясь найти кошелекъ. А, читая газету, первымъ дѣломъ смотрѣла объявленія: не предлагаютъ ли гдѣ-нибудь нуждающимся денегъ. Она сама признавалась въ этомъ дѣтямъ въ хорошія минуты жизни, т.-е. когда въ домѣ заводились какіе-нибудь гроши.

— Ѣду иногда въ трамваѣ,—разсказывала она,—а противъ меня сидитъ богато-одѣтая дама. Я и думаю: а можетъ она посмотритъ мнѣ въ глаза и пойметъ, что 25, 30 рублей выручатъ меня изъ бѣды, вынетъ и дастъ. И смотрю на нее ласково - просительнымъ взоромъ и стараюсь ей внушить мои мысли. Вѣдь говорятъ же о силѣ внушенія! Когда Анна Ивановна возвращалась домой въ хорошемъ настроеніи, дочери спрашивали:

— Не видали, мама, богатой дамы?

— Еще сколько!

— Ничего не внушили?

— Ничего не даютъ, сколько ни внушай.

— Плохой вы гипнотизеръ!

Съ поселеніемъ Варвары Петровны, Анна Ивановна свободнѣй вздохнула.

— Почти находка на улицѣ,—говорила она.

Въ первое время жизни у Анны Ивановны зрѣніе Вари было еще настолько сильно, что можно было говорить съ нею при

помощи пальцевъ, а она отвѣчала голосомъ, но съ каждымъ днемъ бѣднѣй становился ея языкъ. Особенно ощутительна была его бѣдность, когда приходилось заговорить съ нею о чемъ-нибудь, что̀ хоть сколько-нибудь выходило изъ рамокъ обыденнаго.

Разговаривать при помощи пальцевъ было мучительно долго, а Анна Ивановна была постоянно занята, и съ Варварой Петровной говорили только въ случаяхъ необходимости. Разговоры были только дѣлового характера.

Лишь изрѣдка извѣстіе о смерти какого-нибудь родственника входило, какъ что-то постороннее, и нарушало обычное теченіе жизни.

Но больше оставляли Варю въ покоѣ.

Въ низенькомъ, еще материнскомъ креслѣ, она вязала шарфы и пелерины, предназначавшіеся всегда кому-нибудь въ подарокъ.

Для удобства ей остригли начавшіе сѣдѣть локоны, которые такъ любилъ ласкать когда-то полковникъ, купили, какъ дѣвочкѣ, круглую гребенку, стали одѣвать въ темныя, все одного фасона платья.

По природѣ Анна Ивановна была мягкой женщиной и въ отношеніи слѣпой была вполнѣ добросовѣстна. Да не могла она и не сознавать, что только, благодаря Варѣ, могъ ея Петя не давать уроковъ, и всѣ они могли не думать о завтрашнемъ днѣ: вѣдь только у старшей дочери былъ постоянный заработокъ.

Отъ прежней жизни слѣпая сохранила привычку пудриться и любовь къ цвѣточному одеколону. И то и другое всегда покупалось ей по вкусу. Одно сокращеніе расхода мучило добрую Анну Ивановну, и ей приходилось уговаривать самое себя, что Варя не является въ немъ ничѣмъ обиженной, но думать о немъ она не любила и, какъ о грѣхѣ, молилась передъ отходомъ ко сну. Дѣло въ томъ, что Варя вязала одну вещь за другой, предназначая ихъ всякій разъ въ подарокъ кому-нибудь, а Анна Ивановна во избѣжаніе лишнихъ расходовъ разматывала связанную вещь и снова, какъ новую, наматывала шерсть на бумагу и отдавала слѣпой, передавая при этомъ благодарность того, кому вещь назначалась.

Говорить приходилось съ больной при помощи пальцевъ, но съ годами она перестала видѣть даже на близкомъ разстояніи и научилась ощупывать каждую букву. И, смотря невидящими глазами на руки говорящаго, кивала головой въ знакъ того, что она поняла.

Будущаго не было, настоящее, будущимъ только и живущее и питающееся, перестало тоже существовать, и постепенно слѣпая стала возвращаться къ прошлому. Отсутствіе перспективъ и впечатлѣній родило особую жизнь, которая стала давать свои печали и радости.

Стало воскресать въ памяти то время, когда была вѣра въ силу лѣченія, и, какъ когда-то видѣнный и забытый сонъ, вспомнился ея короткій, блѣдный романъ съ Колей Духопельниковымъ. И то, что тогда промелькнуло почти незамѣченнымъ, встало въ памяти ярче дѣйствительности. И она полюбила эти воспоминанія. Все чаще и чаще представлялось ей загорѣлое лицо, каріе, немного наивные, но добрые и думающіе глаза, большая, еще не совсѣмъ сформировавшаяся фигура, и нѣжность, съ какой онъ смотрѣлъ на нее—слабую дѣвочку съ мечтательнымъ больнымъ взоромъ. Подолгу думала она о немъ, и съ такой яркостью всякій разъ вспоминалась его любовь и горе, когда она отказывала ему тогда такъ равнодушно, такъ мимоходомъ, что появлялась увѣренность, что разлюбить онъ не могъ и не могъ забыть. И, съ трудомъ вспоминая начертанія буквъ, написала ему нѣжное письмо, въ которомъ умоляла простить ей ея невниманіе тогда и просила о скорѣйшемъ отвѣтѣ. Письмо послала на Донъ на старый адресъ Колиныхъ родителей. Отвѣта не было долго. Но она объ отвѣтѣ не безпокоилась и не думала о немъ. Все больше росла увѣренность въ его любви, вѣрности и согласіи. Потомъ случилось какъ-то такъ, что стала рисовать себѣ (незрячіе глаза этому очень помогали) свою съ нимъ семейную жизнь, и объ отвѣтѣ и своемъ письмѣ перестала думать вовсе.

Сначала воображеніе рисовало семейную жизнь вообще, но, когда мысль эта сдѣлалась обычной, она стала жить каждымъ отдѣльнымъ днемъ.

Съ утра собиралась на рынокъ за провизіей, откуда всегда приходилось торопиться, чтобы напоить мужа чаемъ, а не то онъ могъ опоздать на службу и имѣть изъ-за нея непріятности.

Какъ ни старалась она угодить ему, все же выходили ссоры. Въ семейной, да вообще въ совмѣстной жизни не можетъ быть безъ шероховатостей и столкновеній. Мужъ курилъ дорогой табакъ, а ей отказывалъ въ новой шляпкѣ. Она упрекала его. Скажетъ только:

— Вѣдь это, Коля, несправедливо, если хватаетъ тебѣ на табакъ, почему же стѣсняешь меня въ туалетахъ?—а выйдетъ

цѣлая исторія. До того договаривались, что она велитъ бывало укладываться и соберется уѣзжать.

— Брошу и тебя и дѣтей, живите, какъ знаете!

Дѣти появились незамѣтно. Безъ нихъ ничего не выходило, да и наполнили они жизнь необыкновенно.

Въ памяти ея былъ единственный примѣръ семейной жизни, который знала она подробно и близко—это семья ея родителей, ея семья. Подражать она могла только матери и отцу.

Когда въ пылу ссоры вещи начинали выносить въ экипажъ, Коля становился нѣженъ, какъ былъ тогда, когда дѣлалъ ей въ гостиной за цвѣтами предложеніе. Съ трогательной покорностью цѣловалъ онъ у нея руки, и не простить она не могла. Она оставалась. Всѣ становились веселы. Няня, не переставшая еще дуться за глупыя исторіи, какъ позволяла она себѣ выражаться, вносила обратно картонки и узелки, а Коля, заглядывая ей въ глаза, обѣщалъ не только отвыкнуть отъ дорогихъ сигаръ, но бросить курить совсѣмъ. Она отворачивала отъ него довольное, немного смущенное побѣдой лицо и, когда онъ хотѣлъ поцѣловать ее, указывала глазами на прислугу.

Успокоенныя дѣти, которыя только видъ дѣлали, что вѣрятъ, будто мамочка по дѣлу уѣзжаетъ къ бабушкѣ, а на самомъ дѣлѣ прекрасно знавшія, что вышла ссора, играли неслышно въ дѣтской съ мадемуазель Клемансъ, Коля усаживался читать газету, а она садилась за работу.

Это были любимые часы покоя, уюта и отдыха. Она еще изрѣдка вздыхала, не улеглись еще слезы недавней ссоры, но на душѣ было хорошо и вязалось безъ пропусковъ.

Случалось, что Анна Ивановна врывалась въ эту жизнь съ предложеніемъ ѣды, либо съ какимъ-нибудь распоряженіемъ. Слѣпая съ раздраженіемъ и нетерпѣніемъ страстно увлекшагося игрой ребенка отъ всего отказывалась и просила объ одномъ—оставить ее въ покоѣ.

Все было, какъ у нихъ въ семьѣ. Жили въ провинціи, была та же квартира и столько же дѣтей: дѣвочка Варя и три мальчика—Степа, Миша и Вася, какъ звали братьевъ.

Мужъ любилъ больше дѣвочку и былъ несправедливъ къ мальчикамъ. Изъ-за этого больше всего и было непріятностей. Онъ жаловался (жаловался всегда полковникъ), что мальчики бѣгаютъ мимо кабинета, стучатъ сапогами и мѣшаютъ ему работать. Тогда она не могла удержаться и упрекала его, что Варѣ все можно, что Варя беретъ безнаказанно вещи съ его письменнаго стола, къ которому никто не смѣетъ прикоснуться.

Иногда кого-нибудь изъ дѣтей (мальчики, правда, были очень своевольны) необходимо было наказать—оставляли безъ сладкаго. Оставлялъ отецъ. Тогда кто-нибудь изъ гостей, особенно часто бывали Василій Ивановичъ и докторъ, крестный Вари, заранѣе о томъ предупрежденный, спрашивалъ:

— Что жъ это ты, братъ, безъ сладкаго?

А она отвѣчала:

— Ужъ лучше вы его не спрашивайте!..

— Неужели наказанъ?—удивлялся гость.

Глаза маленькаго преступника наполнялись слезами, и ему уже больше, чѣмъ сладкаго, хотѣлось улизнуть изъ-за стола.

А гость продолжалъ свою роль:

— Прошу васъ, ради меня, освободите его сегодня отъ наказанія.

И виноватому, къ общему удовольствію, отпускался его грѣхъ.

Была странная черта.

Въ домѣ Стеблевыхъ было всегда много прислуги, въ своей же воображаемой семьѣ слѣпая работала сама. Жизнь ли у Анны Ивановны, которая не имѣла возможности держать прислугу, пріучила ее къ этому, была ли то потребность жертвы, полная отдача себя, потребность ли труда и движенія, но въ воображеніи она работала цѣлые дни, не покладая рукъ. Со дня отправки письма Духопельникову, она повеселѣла, похорошѣла и стала лучше спать. Совсѣмъ не было кошмаровъ и тяжелыхъ сновъ.

Въ ея лицѣ появилось выраженіе покоя и довольства, какое бываетъ въ лицѣ много страдавшихъ передъ смертью покойниковъ.

Лучше всего помнила она свое дѣтство за годъ до поступленія въ институтъ и время болѣзни скарлатиной, и поэтому ея маленькая Варя появилась на свѣтъ въ ея воображеніи сразу восьмилѣтней дѣвочкой. Мать часто разсказывала подробности этой болѣзни и о радости, когда наступило выздоровленіе.

Когда доходило до того мѣста, когда ребенокъ заболѣвалъ, Варвара Петровна не отходила отъ постели. Неизмѣнно участвовало любимое вязанье — она вязала пелерину выздоравливающей дочери. Слѣпая окончила пелерину раньше, чѣмъ дѣвочка выздоровѣла, и, спрятавъ ее въ сундучекъ, спросила у Анны Ивановны новой шерсти.

Анна Ивановна подумала, что слѣпая догадалась о ея

хитрости, и была очень сконфужена. Желая загладить свою вину, она была особенно внимательна въ этотъ день къ Варварѣ Петровнѣ, а та, переживая кризисъ болѣзни своей дѣвочки, не могла отойти отъ ея постели, и вмѣшательство Анны Ивановны ее несказанно раздражало. Больное дитя бредило, звало отца, и Варварѣ Петровнѣ приходилось то и дѣло звать мужа къ ребенку.

Во время болѣзни дочери бывали ссоры изъ-за докторовъ. Фигурировалъ полковой докторъ, но мужъ настаивалъ на консиліумѣ, она боялась обидѣть крестнаго (такъ было по разсказамъ матери).

За обѣдомъ чаще другихъ присутствовалъ Василій Иванычъ. Варвара Петровна ясно видѣла его подвижное лицо и его смѣшныя гримасы, которыя онъ дѣлалъ спеціально для нихъ—для дѣтей. Они—дѣти, не находили его безобразными и очень обижались, когда взрослые смѣялись надъ нимъ.

За обѣдомъ Василій Ивановичъ стучалъ себя неожиданно по затылку кулакомъ и, къ шумному удовольствію дѣтей, языкъ его выскакивалъ и болтался, какъ подвязанный за тонкую ниточку. Тогда Василій Ивановичъ бралъ себя за правую щеку и языкъ его, какъ по волшебству, двигался вправо, потомъ влѣво и, когда Василій Ивановичъ бралъ себя за горло, языкъ проглатывался. Все это дѣлалось мгновенно, и не успѣвали дѣти оглядѣться, какъ лицо Василія Ивановича становилось строго и онъ съ дѣланнымъ недоумѣніемъ спрашивалъ у взрослыхъ:

— Чему они смѣются?

Тогда мать ласково шутила:

— Всѣхъ, и Василія Ивановича посажу за шалости въ гостиной обѣдать. Хуже маленькихъ себя ведете.

Тогда Василій Ивановичъ поднимался изъ-за стола и, подражая кому-нибудь изъ дѣтей голосомъ и манерой, просилъ у матери прощенія и цѣловалъ у нея руку. Тогда смѣялись ужъ не только дѣти, а и взрослые, до того художественно было перевоплощеніе пожилого Василія Иваныча въ ребенка.

Варвара Петровна ласково улыбалась сидящему противъ нея за столомъ Василію Ивановичу (давно покойнику) и грозила ему пальцемъ.

Анну Ивановну слегка тревожили эти движенія и разговоры слѣпой, и обращенія къ кому-то невидимому, но ее успокаивало выраженіе покоя и довольства, появившееся на ея лицѣ, и она перестала обращать на нее вниманіе. Да и времени не было слѣдить и вдумываться...

Съ Дона получился отвѣтъ.

Степанъ Духопельниковъ (очевидно, родственникъ Николая) сообщалъ, что адресатъ три года назадъ умеръ отъ тифа въ Москвѣ, оставивъ послѣ себя вдову и взрослаго сына.

Посовѣтовавшись со своими, Анна Ивановна рѣшила передать эту печальную новость слѣпой, считая себя не въ правѣ скрывать отъ нея приходящія на ея имя письма.

Слѣпая ощупывала пальцы, улавливала смыслъ сообщенія, и лицо ея становилось все мрачнѣе, но, когда Анна Ивановна показала на пальцахъ, что осталась вдова и сынъ, Варвара Петровна недовѣрчиво покачала головой и, держась за стѣну и мебель концами пальцевъ, ушла въ свою комнату. На другой день она забыла о письмѣ и съ утра зажила прежней жизнью дѣятельной и дѣловитой женщины, и даже изъ-за чего-то поссорилась съ мужемъ.

Ссора продолжалась недолго.

Послѣ обѣда мужъ велѣлъ запрягать, и она съ дѣтьми и француженкой поѣхала кататься. Это ее окончательно развлекло и успокоило. Иллюзіи прогулки помогало открытое на улицу окно. Слѣпая сидѣла въ креслѣ, и въ лицо ея дулъ вѣтерокъ и пригрѣвало мартовское солнышко.

Она заботливо кутала ноги рядомъ сидящей дочери.

О вчерашнемъ письмѣ, извѣщающемъ о смерти Духопельникова, о какой-то вдовѣ съ сыномъ, она ни разу не вспомнила. Такъ хорошо было ѣхать по укатанной дорогѣ и мечтать о томъ, какъ вернутся они домой веселые и голодные и какъ уютно будетъ пить вечерній чай.

Все больше и больше путались въ ея представленіи образы Духопельникова и отца, и сама она играла двойственную роль, то свою собственную, то матери.

Но для нея все было ясно, а главное—испытываемое наслажденіе отъ этой выдуманной жизни было такъ велико, что никакія письма, приходящія изъ дѣйствительной жизни, не могли заставить ее сойти съ этого пути.

Полной жизнью счастливой семьянинки прожила она долгую жизнь.

И когда, уже пожилой женщиной, она простудилась во время воображаемой прогулки (она долго просидѣла у открытаго окна въ сырой дождливый день) и слегла, то въ ея обманутомъ жизнью мозгу окончательно смѣшались двѣ жизни, два образа: свой и матери.

Она такъ часто переживала свою давнюю, дѣтскую болѣзнь уже не какъ свою, а своей Вари, что, заболѣвъ, въ жару, она не могла понять: сама ли она больна, или она ухаживаетъ за своей больной дѣвочкой.

Въ ея памяти жило еще одно яркое воспоминаніе, которое во время ея болѣзни, вызванное воображаемой жизнью, встало предъ ней и смѣшалось съ дѣйствительностью—короткая болѣзнь и смерть ея матери.

Страдая отъ болей въ боку и груди (у нея было воспаленіе легкихъ), она воображала, что она не она, а мать, и подлѣ нея стоитъ ея шестнадцатилѣтняя дочь Варя, которую экстренно привезли изъ института. Она держитъ ея руку, цѣпляясь за нее холодѣющими пальцами, будто хочетъ удержаться въ жизни (отъ постели больной не отходила младшая дочь Анны Ивановны), а въ комнатѣ чувствуетъ, какъ безпокойно и взволнованно ходитъ полковникъ. Ей даже казалось, что она слышитъ его шаги.

Это ходила Анна Ивановна, то подавая ей лѣкарство, то оправляя постель. Она все держала руку своей дѣвочки и повторяла слова, слышанныя когда-то отъ умирающей и метущейся въ предсмертной тоскѣ матери.

— Что съ нами будетъ, дочь моя, дитя мое?

По своей материнской привычкѣ думать только о нихъ, умирающая хотѣла спросить: что съ вами, дѣтьми, безъ меня будетъ, но боялась испугать ихъ, и безъ того убитыхъ грядущимъ, ею же причиняемымъ горемъ и говорила:

— Что съ нами будетъ?

Такъ и умерла она, не ясно понимая, кто умираетъ: мать ея или она сама, и до послѣдняго мгновенія не перестала ее мучить забота о сиротствѣ покидаемой семьи.

Елена Босковичъ.

ВОЙНА и ЛУБОКЪ.

I.

Издавна создались у насъ опредѣленныя традиціи — въ смыслѣ отрицательнаго, а, въ лучшемъ случаѣ, индифферентнаго отношенія къ лубку, и самое слово «лубокъ» получило оттѣнокъ осужденія. «Лубочнымъ», вообще, у насъ называютъ все, что́ вульгарно, грубо. Лубокъ былъ осужденъ цѣликомъ и безповоротно; только рѣдкіе цѣнители-коллекціонеры и изслѣдователи народной старины—собирали и изучали эти картинки, снабженныя печатнымъ текстомъ, оттиснутыя на плохой дешевой бумагѣ и предназначавшіяся для народа. Теперь мы имѣемъ возможность по этимъ матеріаламъ изучать старорусскій фольклоръ. Особенно жестокому гоненію подвергся лубокъ со стороны нашей публицистики, заклеймившей его, какъ «подворотную» макулатуру, и не видѣвшей въ немъ ничего, кромѣ безстыдной спекуляціи на темныхъ инстинктахъ народа. Въ настоящій моментъ лубокъ переживаетъ, такъ сказать, эпоху возрожденія. И снова возникаетъ старый вопросъ, волновавшій въ свое время людей, интересовавшихся просвѣщеніемъ народа: что́ же такое лубокъ?

Война—это та почва, на которой лубокъ разростается буйной травой, заглушающей подлинное искусство, которое во время войны молчитъ. Такъ было и въ Отечественную войну 12 года, и въ послѣднюю русско-турецкую войну (77—78 гг.). Въ этомъ отношеніи поразительное исключеніе представляетъ война съ Японіей, когда лубочное творчество вяло и тускло отозвалось на событія. Лубокъ этой войны поражаетъ своимъ невѣжествомъ и каннибальствомъ своихъ сюжетовъ. Объясненіе этому слѣдуетъ искать въ непопулярности русско-японской войны. Не то теперь. Современная міровая война возродила лубочное искусство.

Народное сознаніе всегда вращается въ кругу космическихъ и религіозныхъ интересовъ. Такія событія, какъ землетрясеніе, появленіе кометы, подвижничество святыхъ, чудеса и т. п., напрягаютъ умъ и воображеніе народа. Война—явленіе человѣческое, слишкомъ человѣческое, однако, по своей катастрофичности и силѣ, съ какой она ложится на сознаніе массъ, можетъ сравниться развѣ лишь съ явленіями космическаго и метафизическаго порядка. Проблемы о Богѣ, о смерти, о концѣ міра, историческія событія, какъ войны, паденіе государствъ и созиданіе новыхъ, въ одинаковой мѣрѣ находили себѣ отзвукъ въ сознаніи народа. Народная психологія имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ психологіей дѣтской—по своей примитивности, образности, усѣченности. Народъ, какъ онъ отражаетъ себя въ искусствѣ—наивный реалистъ и фантастъ. И если современныхъ художниковъ увлекаетъ оригинальное дѣтское творчество, то не менѣе интересно заглянуть въ лабораторію и современнаго народнаго творчества. Это, конечно, и дѣлается; но матеріаломъ для этого не служилъ еще, хотя бы и отчасти, лубокъ. Нельзя думать, разумѣется, что лубокъ въ такой же мѣрѣ народенъ, какъ народна пѣсня или былина. Лубокъ, въ особенности современный, явленіе сложное и многоструйное, и если въ немъ есть струя подлинно народнаго творчества, то имѣются и элементы, чуждые народной душѣ, навязанные ей и, къ сожалѣнію, значительные по своему вліянію.

Лубокъ — это искусство *для* народа, но продиктованное широкими народными вкусами и руководимое стремленіемъ угодить на спросъ потребителя, которымъ и является самъ народъ. Яркость красокъ, выразительность и наглядность художественныхъ пріемовъ, складность и бойкость рѣчи — вотъ тѣ средства, къ которымъ неизмѣнно прибѣгаютъ лубочники, и всегда съ равнымъ успѣхомъ. Лубокъ, или «простовикъ», какъ его называютъ офени, выпеченный, главнымъ образомъ, въ московской печкѣ, въ коробахъ офеней-«ходебщиковъ», проникаетъ въ самые отдаленные углы нашей необъятной провинціи. Онъ расходится въ милліонахъ листовъ и привлекаетъ къ себѣ не только деревенскихъ грамотеевъ, но, что особенно важно, и совершенно неграмотныхъ, замѣняя для послѣднихъ печатное слово образомъ. Поэтому именно, лубокъ и является такимъ могучимъ орудіемъ для всякаго рода вліяній на народъ. Въ мирное время имъ пользовались монастыри для религіозной пропаганды въ массахъ, во время войнъ къ тому же средству прибѣгало правительство. Лубокъ нашего времени хотя и не избѣгъ совершенно оффиціальныхъ вліяній, но они обозначились гораздо

слабѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Лубокъ растетъ теперь почти исключительно подъ давленіемъ необычайно поднявшагося спроса на него со стороны народныхъ массъ. Волна лубочнаго потока пробилась и въ смежныя съ нимъ области иллюстративнаго искусства: журналы, открытыя письма, плакаты и т. п. Съ другой стороны, сами художники пошли въ лубокъ, и подъ ихъ вліяніемъ, онъ сталъ замѣтно преображаться. Такова сфера дѣйствія современнаго лубка. По своему успѣху въ массахъ онъ можетъ соперничать только съ побѣдоноснымъ кинематографомъ. Но въ то время какъ «кине» обслуживаетъ лишь города, лубокъ просачивается во всѣ захолустья, куда доступъ кинематографу пока еще закрытъ. Къ тому же кинематографъ, хотя и даетъ представленіе о психологіи своего потребителя, — достаточно безцвѣтенъ по самому своему интернаціональному существу, тогда какъ лубокъ самобытенъ и своими корнями глубоко сидитъ въ русской народной старинѣ.

Исторія гравюры вообще есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія зарожденія лубка [1]). Первоначально гравюра и лубокъ являются въ связанномъ видѣ, и только затѣмъ происходитъ дифференціація: совершенствуясь, художественная гравюра опережаетъ лубокъ, оставляя его повторять избитыя темы съ помощью устарѣлыхъ пріемовъ.

По указу Ивана Грознаго заведена была на Руси, какъ извѣстно, первая типографская печатня, а одновременно съ ней и «фигурная», въ которой печатались сначала иллюстраціи къ книгамъ (преимущественно, духовнаго содержанія). Позже картинка отдѣлилась отъ книги и получила самостоятельное существованіе; стали даже появляться цѣлые альбомы гравюръ, порою замѣнявшіе книги: («Апокалипсисъ» рисовальщика Григорія, гравированный Василіемъ Коренемъ, Библія Иліи и т. п.). Такъ условное типографское письмо развивалось у насъ наравнѣ съ образнымъ, между тѣмъ какъ на Западѣ образное гравированное письмо предшествовало печатному типографскому. Вначалѣ у насъ гравированіе производилось на деревѣ, при чемъ рисунокъ рѣзали

1) Основнымъ *источникомъ* для ознакомленія съ историческимъ лубкомъ являются 4 т.т. атласа: „Русскія народныя картинки" (СПБ., 1881 г.) извѣстнаго изслѣдователя русской, въ особенности народной — гравюры, Д. Ровинскаго. Что касается нашей *литературы* о лубкахъ, то она ограничивается путеводителемъ Ровинскаго, по указанному выше атласу; нѣкоторыми критическими статьями В. В. Стасова (въ его „Собраніи сочиненій"); статьями и книгой („Лубочныя картинки" Москва 61 г.) историка русской народной старины И. Снегирева; наконецъ, брошюрой И. Голышева („Лубочныя старинныя картинки"), любопытной особенно тѣмъ, что авторъ ея самъ—издатель лубковъ. Новѣйшая литература сводится къ нѣсколькимъ журнальнымъ статьямъ.

нарочито грубо и размашисто, чтобы получить какъ можно болѣе оттисковъ съ доски (образцы такой гравюры, сохранившіеся донынѣ: «Баба-яга дерется съ крокодиломъ», «Мыши кота погребаютъ» [1])—сатира на Петра В. и Екатерину I, и нѣкоторыя друг.) Сто лѣтъ спустя со времени введенія гравированія, и опять-таки по царскому указу, стали гравировать на мѣди,—это облегчало работу и давало возможность при относительно миніатюрномъ рисункѣ умѣщать подъ нимъ убористый текстъ. Деревянныя гравюры (особенно московской школы) отмѣчены большей самобытностью, но и болѣе слабой техникой сравнительно съ гравюрами мѣдными, заимствованными съ западныхъ образцовъ (нѣмецкихъ «Kunst'овъ», а затѣмъ болѣе изящныхъ французскихъ гравюръ), хотя сильно русѣвшихъ подъ рѣзцомъ нашего мастера — «знаменщика». «Знаменовать» означало и рисовать, рѣже—сочинять самому, и копировать, «переводить» съ чужого «истинника». Очевидно, художественное сознаніе того времени плохо различало рисовальщика отъ рѣзчика. Для тогдашняго гравера это была одна профессія.

«Куншты» или «фрязь», какъ назывались въ то время гравюры, украшавшія царскія хоромы и служившія для обученія царевичей—наравнѣ съ дворцовой утварью — гравировались въ Серебряной Палатѣ (отдѣленіи Оружейной), замѣнявшей намъ, начиная съ половины XVII в., Академію Художествъ. Изъ нея выходили, впослѣдствіи, такіе мастера, какъ Л. Бунинъ, выгравировавшій «Букварь въ лицахъ», знаменитый царскій «изографъ», Симонъ Ушаковъ, В. Кипріяновъ, гравировальщикъ ландкартъ и Брюсова календаря, и другіе. Произведенія этихъ граверовъ стали проникать постепенно въ народъ въ видѣ отпечатанныхъ на деревѣ нѣсколько вульгаризованныхъ копій съ эстамповъ, предназначившихся для царскихъ палатъ. Это случилось какъ-то само собой, незамѣтно, потому что народъ и все общество того времени жило болѣе или менѣе однородной культурой, и граверамъ, зачарованнымъ сказочно-рыцарскими романами, книгами церковными, а позже самобытной русской сатирой, не было нужды приспособляться къ народнымъ понятіямъ. Такъ появились первыя лубочныя картинки [2])

---

1) См. собр. „Русскихъ народныхъ картинокъ“ Д. Ровинскаго; всѣ дальнѣйшія наши указанія на старыя лубоч. картинки относятся къ тому же собранію.

2) Въ старину кора липы—*лубъ*—играла у насъ роль бумаги, поэтому и само письмо, всякая грамота стала называться лубомъ. Съ введеніемъ привозной бумаги народъ все же продолжалъ писать на лубкахъ. Появившіяся затѣмъ картинки для народа печатались на плохой бумагѣ на-

Петръ Великій особенно много содѣйствовалъ успѣхамъ нашей гравюры, хотя именно при немъ ея самобытность стала замѣтно стираться. Самъ онъ обучался въ дѣтствѣ космографіи и исторіи по «потѣшнымъ» градировальнымъ листамъ, и впослѣдствіи заявлялъ, что «безъ живописца и градированнаго мастера обойтиться невозможно будетъ, понеже изданія, которыя въ наукахъ чиниться будутъ, ежели оныя сохранять и публиковать, имѣютъ рисованы и градированы быть» [1]). И, дѣйствительно, Петръ выписывалъ изъ-за границы «градированныхъ дѣлъ мастеровъ» (голландцевъ—П. Пикара, А. Шхонебека) и требовалъ, чтобы они обучали русскихъ своему искусству. Болѣе того, самъ онъ находилъ досугъ учиться гравированію, и сохранился до настоящаго времени офортъ его работы [2]).

Гравировальное искусство окончательно привилось на русской почвѣ, и пріобрѣтая все болѣе самостоятельное художественное значеніе, въ особенности съ момента возникновенія у насъ Академіи Художествъ, уже во второй четверти XVIII в. выдѣлило изъ себя особую отрасль—*гравюру для народа*, т.-е. лубокъ.

Первыми лубочными мастерами (въ общемъ, лубокъ, какъ всякое, впрочемъ, примитивное искусство, безымяненъ) были братья Зубовы, бывшіе типографскіе ученики, копировальщики «Bibliae pauperis» (съ образца голландца Пискатора), обслуживавшей народныя массы на Западѣ, а затѣмъ и у насъ. Впослѣдствіи ихъ смѣнили граверы-серебренники подмосковныхъ селъ (Измайлова, Мстеры и др.) Среди этихъ лубковъ наиболѣе извѣстны картинки П. Чуваева. Спросъ на лубочныя произведенія все возрасталъ въ народныхъ массахъ, и къ половинѣ XIX в. цѣлыя села подъ Москвой заняты были гравированіемъ и раскраской лубковъ.

Однако, цензура давно уже косилась на эти произведенія, проникнутыя народнымъ духомъ. Такъ какъ гравированіе, какъ уже сказано, производилось, по преимуществу, съ иноземныхъ образцовъ и было первоначально почти исключительно духовнаго

шего собственнаго производства. Эти картинки получили названіе *лубковъ*. Надо полагать, что слово это въ такомъ смыслѣ создано было образованнымъ классомъ, придавшимъ ему оттѣнокъ порицанія. „Залубѣнѣлый“ (производное отъ слова „лубъ“ значитъ заскорузлый, топорный). Отсюда „лубочнымъ“ стали называть всякое издѣліе грубой работы. (См. словари Срезневскаго и Даля).

[1]) Цит. по кн. Д. Ровинскаго „Русскіе граверы“, СПБ., 1870 г. стр. 29 прим.

[2]) Впервые этотъ офортъ воспроизведенъ въ кн. І Лемана: „Гравюра и литографія“, СПБ., 1913 г.

содержанія, такъ что въ бѣдныхъ приходахъ лубки нерѣдко замѣняли даже церковную иконопись, а крестьянину—иконостасъ [1]), то неудивительно, что первымъ обратило на нихъ вниманіе высшее духовенство. Въ концѣ XVII в. запрещено было печатать на бумажныхъ листахъ, продавать «иконы на подобіе лицъ нимецкихъ и въ своестранныхъ одеждахъ» [2]). Въ томъ же направленіи стала дѣйствовать и свѣтская власть. Петръ I установилъ впервые строгую цензуру надъ лубочнымъ изданіемъ царскихъ портретовъ. Надо замѣтить, что Петръ самъ широко пользовался лубкомъ для распространенія своихъ преобразовательныхъ идей въ народѣ (см. «Брадобрѣя», «Компанію курящихъ табакъ» и т. п.). Къ тому же средству прибѣгала и Екатерина II, при которой духовная и гражданская цензура дала свое новое предостереженіе лубку. Съ помощью лубочныхъ картинокъ Екатерина боролась съ предразсудками своихъ подданныхъ (серія картинокъ подъ названіемъ: «Споры и покоры рябыхъ и похвальбы спасшихъ себя послушаніемъ отъ безобразія оспы»; по ея же приказу была переиздана сатира на монастырскую жизнь: «Челобитная калязинскаго монастыря»). Веденная ею турецкая война немало содѣйствовала, несмотря на цензурныя стѣсненія, развитію лубочнаго производства. Но особенно сильный толчекъ въ этомъ отношеніи данъ былъ лубку въ царствованіе Александра I. Отечественная война неожиданно развернула заманчивыя перспективы для лубочнаго творчества, къ которому обратились какъ подлинные художники (И. Теребеневъ, извѣстный жанристъ А. Венеціановъ, И. Ивановъ и ихъ ученики, прославившіеся, особенно первый, карикатурами на французовъ) [3]), такъ и тѣ безымянные лубочники, которые копировали этихъ художниковъ или составляли знаменитыя «афиши» гр. Растопчина, долженствовавшія распространять въ народѣ необходимыя свѣдѣнія и взвинчивавшія, и такъ уже напряженныя, народныя чувства [4]).

Въ царствованіе Николая I московской цензурой былъ нане-

---

1) См. объ этомъ у Ровинскаго: „Русск. нар. к-ки", 2-томное сокр. изд. Голике, СПБ., 1900 г. стр. 66—72.

2) И Снегиревъ: „Луб. к-ки", стр. 8.

3) В. Верещагинъ: „Русская каррикатура", см. II т. „Отечественная война", СПБ., 1911 г.

4) Насколько общество того времени интересовалось этими лубками, показываетъ слѣдующая цитата изъ ром. Л. Н. Толстого,—„Война и миръ": „Растопчинскія афишки съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и московскаго мѣщанина Корнюшки Чихирина... читались и обсуждались наравнѣ съ послѣднимъ буриме В. Л. Пушкина". Цит. по изд. „Библіотеки Русскаго Слова", VI т. стр. 143.

сенъ лубку непоправимый ударъ, а именно: запрещено было какіе бы то ни было лубки печатать и гравировать безъ предварительной цензуры; лубки же, отпечатанные со старыхъ досокъ, велѣно уничтожить. «Вслѣдствіе чего мѣдныя доски лубочныхъ картинокъ заводчиками были изрублены по гравюрамъ топоромъ и проданы на вѣсъ въ ломъ въ колокольный рядъ» [1]). Такъ отъ печальнаго удара топоромъ прекратилъ свое существованіе старый народный лубокъ.

Завершился періодъ, такъ сказать, кустарнаго лубочнаго мастерства, но струя чисто-народная пробилась и въ то новое фабричное производство лубка, которое черезъ литографію, пришедшую на смѣну гравюрѣ, вошло въ современную жизнь. Литографскіе эстампы воспроизводились прежде всего съ досокъ лубковъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія въ рукахъ раскольниковъ, этихъ ревнителей народной старины, особенно церковной. Новый лубокъ мірского характера сталъ поставляться разными выходцами изъ народа, или, наоборотъ, опустившимися «бывшими» людьми,— различными недоучками и самоучками, «живописцами» и малярами.

Съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка интеллигенція, задумавшаяся надъ своими обязанностями передъ народомъ, освобожденнымъ уже отъ крѣпостного права, но нуждавшимся еще въ просвѣщеніи, открыла походъ на эти лубочныя изданія, противопоставляя имъ свою популярную художественно-иллюстрированную книжку и устраивая въ городахъ народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ [2]). Возникшее въ связи съ этимъ издательство «Посредникъ» (кстати, справившее въ текущемъ году свой 30-лѣтній юбилей) выкинуло на книжный рынокъ многочисленныя брошюрки, которыя должны были вступить въ конкурренцію съ необъятнымъ моремъ лубья. Л. Н. Толстой, принявшій участіе въ этой борьбѣ, прибѣгнулъ къ болѣе убѣдительному средству воздѣйствія на народъ: онъ воспользовался лубкомъ (въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е., лубочной картинкой противъ лубка же, придавъ ему только недостающія обычному лубку литературность и художественность [3]). Ка-

---

[1]) И. Голышевъ. „Лубочныя старинныя народныя картинки", стр. 16.

[2]) См. кн. Пругавина: „Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія", Спб., 1895 г., и статью В. Яковенко: „Съ книгами по ярмаркамъ", „Вѣст. Евр.", № 9, за 1894 г. Въ смыслѣ рѣзко отрицательнаго отношенія къ лубку очень характерна статья Некрасовой: „25 лѣтъ борьбы книгъ для народа съ лубоч. изд.", въ „Сѣв. Вѣстн.", №№ 6—7, за 1889 г. Напротивъ, ст. крестьянина Ивана „О народ. луб. лит." („Русск. Обозрѣніе" 1893 г., №№ 9—10) является апологіей лубка.

[3]) Эти лубки отчасти можно видѣть въ Петроград. Толстовскомъ музеѣ.

залось бы, этого второго удара, нанесеннаго интеллигенціей, не выдержать лубку, выросшему изъ глубинъ народной старины и на рубежѣ XIX ст. жившему интересами XVII ст. Такъ и думалъ изслѣдователь и собиратель народныхъ картинокъ Д. Ровинскій [1]), но не совсѣмъ такъ случилось въ дѣйствительности.

II.

Современный лубокъ [2]) представляетъ собой чрезвычайно сложное явленіе, сочетая, казалось бы, совсѣмъ несочетаемые элементы. Основныя черты, такъ сильно исказившія его лицо, это: во-первыхъ, строжайшая цензура, установленная съ половины XIX вѣка и введшая лубокъ въ очень узкія рамки; во-вторыхъ, болѣе совершенная, сравнительно съ гравированіемъ, литографская техника, хорошо приспособленная къ печатанію лубковъ, равно какъ и афишъ, плакатовъ, этикетовъ и т. п., и, наконецъ, въ третьихъ, разлагающая власть города, испортившая посторонними примѣсями чистоту народнаго искусства. Современный лубокъ такъ же похожъ на старинный, какъ, напр., частушка—на народную пѣсню. Улица придвинулась къ лубку вплотную, и онъ очутился въ сосѣдствѣ съ бульварной иллюстративной печатью. Между ними установилось очевидное взаимодѣйствіе, и лубокъ падалъ все ниже. Однако, когда разразилась война, поникшій-было лубокъ широко развернулся. Постараемся разобраться въ пестромъ многообразіи и хаосѣ лубочныхъ картинокъ, которыя въ настоящій моментъ носятъ почти исключительно военный характеръ.

Прежде, однако, слѣдуетъ упомянуть объ одной характерной чертѣ военнаго лубка вообще. Мы говоримъ о героизмѣ. Героизмъ—это лейтмотивъ лубка. О немъ говорятъ портреты героевъ, лица которыхъ пытается запечатлѣть народная память, изображеніе ихъ подвиговъ, зачастую принимающихъ легендарный характеръ и т. п. Что ни лубокъ, то какой-нибудь военный подвигъ. Тутъ и геройски погибшіе офицеры, въ родѣ молодого князя Олега Константиновича, отдѣлившагося отъ своего отряда и павшаго въ неравномъ поединкѣ съ врагомъ, или полковника Комарова, подхватившаго знамя и двинувшаго въ бой свой полкъ,

---

1) См. его „Р. н. к—ки“, сокр. изд., стр. 83—84.

2) Матеріалами для главъ о соврем. лубкѣ намъ послужили комплекты лубковъ Имп. Публ. Библ. и лубочный отдѣлъ выставки „Война и печать“.

и мн. др. Особенно повезло въ лубкѣ нашимъ летчикамъ. Штабсъ-капитана Нестерова лубокъ изображаетъ въ нѣсколькихъ варіантахъ,—на одномъ изъ нихъ авіаторъ представленъ въ моментъ столкновенія его аппарата съ австрійскимъ «таубе»: онъ крѣпко держитъ руль загорѣвшагося уже мотора, въ то время какъ врагъ падаетъ внизъ. Встрѣчаются также имена французскихъ летчиковъ (Пегу, Гарро и др.). Но исключительнымъ вниманіемъ лубка пользуются казаки. Казакъ—это излюбленная тема лубочнаго творчества. Еще при Елизаветѣ Петровнѣ, въ связи съ прусской войною, извѣстны были лубки, изображающіе ловкихъ сухопарыхъ казаковъ, торжествующихъ побѣду надъ неуклюжими толстыми нѣмцами, не успѣвающими попрятать трубки, чтобы схватиться за ружье и т. п. Теребеневскія каррикатуры, выходившія сто лѣтъ тому назадъ и наиболѣе остро запечатлѣвшія войну съ французами, также прославляютъ казацкое мужество и безстрашіе. Подъ этими картинками имѣются такія, напр., надписи: «Чѣмъ онъ (т.-е. казакъ) побѣдилъ?—Нагайкой!». Среди нихъ особенно характерна одна: мародеры испуганно убѣгаютъ изъ дому старухи, которая на ихъ вопросъ: «кто кричитъ?» отвѣчала: «коза», имъ же послышалось: «казакъ». Въ настоящее время казацкимъ подвигамъ удѣлено такъ много лубковъ, что трудно выбрать изъ нихъ, хотя бы только наиболѣе типичные. Кто не знаетъ, впрочемъ, столь распространенныхъ нынѣ картинокъ, изображающихъ геройство Козьмы Крючкова и его товарищей, втроемъ расправляющихся съ германскимъ разъѣздомъ. Въ текстѣ описывается этотъ фактъ и прозой, и такими, напр., стихами:

Великій воинъ войны великой,
Донской казакъ Крючковъ Козьма,
Дай Богъ, такихъ, какъ ты, чтобъ было тьма,
И чтобы всѣ владѣли также пикой.

Назовемъ еще нѣсколько, характерныхъ въ этомъ отношеніи, лубковъ: «Наши герои-казаки», «совершающіе чудеса храбрости», «Геройство русскихъ казаковъ», рисующее «молодецкую штыковую атаку нашихъ богатырей», «Охота казаковъ за нѣмецкими аэропланами», «Лихая схватка казаковъ съ германской кавалеріей» и т. д. Во всѣхъ этихъ лубкахъ прославляется казацкое оружіе, напр.: «Пика—не пуля, и съ пикой казакъ ринется въ бой и разсѣется врагъ» и т. п. Народный богатырь на конѣ—это казакъ, но отводится мѣсто и нашему солдату, въ родѣ вольноопредѣляющагося Льва Оснаса, вынесшаго знамя изъ битвы, или рядового Каца (лубки эти, издаваясь въ

Западномъ краѣ, затрагиваютъ, и въ этомъ ихъ современность, національный вопросъ и лойально рѣшаютъ его въ смыслѣ дружественнаго отношенія къ малымъ народностямъ, населяющимъ Россію). Однако, подвиги совершаются не только организованной военной силой; иногда и мирные жители, ставъ близкими къ театру войны, превращаются, неожиданно для себя, въ героевъ. Обыкновенно лубокъ изображаетъ ихъ дѣйствующими на фонѣ вторженія въ наши предѣлы германскихъ войскъ, жестоко расправляющихся съ безоружнымъ населеніемъ. Эти картинки извѣстны подъ общимъ названіемъ «Нѣмецкихъ звѣрствъ»,— тема совершенно новая, доселѣ не встрѣчавшаяся въ исторіи нашего лубка. Сюда относится и подвигъ—«жертвы долга— казначея Соколова», разстрѣляннаго въ Калишѣ нѣмцами, и красивый жестъ принцессы Люксембургской, защищающей нейтралитетъ своего маленькаго королевства, заградивъ автомобилемъ проходъ германскимъ войскамъ; подъ этой картинкой читаемъ:

Въ сердцахъ несмѣтнаго количества людей
Геройскій подвигъ твой записанъ будетъ,
Его весь міръ во вѣки не забудетъ,
Какъ не забудетъ онъ «культурныхъ» палачей.

Героизмъ проявляется не только отдѣльными лицами,—порою толпа людей мужественно защищается отъ врага чѣмъ ни попало. Таковъ лубокъ: «Геройскій подвигъ польскихъ крестьянъ», прогоняющихъ съ базара косами австрійскихъ фуражировъ. Таковы же и всѣ эти картинки, изображающія «Звѣрства въ Калишѣ», «Германскія звѣрства подъ Ченстоховомъ» и т. п. «Санитаръ— герой невидный», сестра милосердія, священникъ съ крестомъ также фигурируютъ во многихъ лубкахъ, въ моментъ исполненія своихъ обязанностей.

Геройство, какъ мы уже сказали, присуще всему военному лубку, который по своему содержанію и по формѣ распадается на нѣсколько группъ. Въ торговомъ обиходѣ лубочниковъ (офеней) существуетъ выработанная классификація лубочныхъ картинокъ, которой мы, нѣсколько модернизируя ее, воспользуемся при характеристикѣ нашего современнаго лубка [1]). Есть, напр., группа картинокъ, фиксирующихъ длительный процессъ войны въ одномъ какомъ-нибудь, полномъ напряженія и красочности, моментѣ,—атака, штурмъ вражескихъ укрѣпленій, рукопашный бой—таковы ихъ сюжеты. На языкѣ офеней они

[1]) См. лубочную классификацію офеней, приводимую ниже, въ трудѣ И. Снегирева („Луб. к-ки", стр. 28).

носятъ названіе «конницы», мы ихъ назовемъ—*батальными*. Но всякое дѣйствіе въ народномъ сознаніи всегда сочетается съ опредѣленными лицами—вдохновителями и вожаками, поэтому героямъ современной міровой войны удѣлено также не мало вниманія: портреты оффиціальныхъ особъ—царей и генераловъ, въ полной парадной формѣ, и, особенно охотно изображаемыхъ, народныхъ героевъ—казаковъ и солдатъ—занимаютъ много мѣста въ лубочномъ творчествѣ. Въ мирное время воиновъ замѣняли подвижники и святые. Къ разряду этихъ лубковъ офени относили такъ называемые «праздники»; назовемъ ихъ — *портретами*. Но всего больше лубочники любятъ изощрять свое остроуміе на слабостяхъ врага, выказывая, впрочемъ, при этомъ добродушіе побѣдителя; преувеличить недостатки врага, обнаружить бездушный механизмъ его дѣйствій, словомъ, повалить врага насмѣшкой—вотъ задача третьяго вида лубка—*сатирическаго*, или, какъ онъ назывался на жаргонѣ офеней, «балагурника».

Особенно много среди всей массы современныхъ народныхъ картинокъ—*батальныхъ лубковъ*, изображающихъ непосредственно театръ военныхъ дѣйствій, — объ этомъ можно судить хотя бы по количеству однихъ только названій. Не имѣя за собой никакого историческаго значенія, не воспроизводя ни внѣшней правды, ни колорита изображаемой дѣйствительности, эти лубки тѣмъ не менѣе плѣняютъ массоваго зрителя своей выдумкой, примитивной изобразительностью, патріотичностью своего настроенія. Это, большей частью, очень условная передача выдающихся событій нашей войны, прикрѣпленныхъ къ той или иной мѣстности, при чемъ тутъ трудно бываетъ отличить сушу отъ моря и лѣсъ отъ деревни, а одинъ городъ отъ другого—можно отличить лишь по надписи. Авторы лубковъ обнаруживаютъ, вообще, крайне поверхностное знакомство со своимъ предметомъ. Въ батальномъ лубкѣ нѣтъ ничего типическаго, оригинальнаго, напротивъ, онъ утомляетъ своей монотонностью и однообразіемъ. Сбившіеся въ одинъ клубокъ кони и люди, въ дыму орудій и заревѣ огня, съ уходящими вдаль колоннами войскъ—таковъ обычный шаблонъ этихъ картинокъ.

Лишь только война была объявлена, тотчасъ появились лубки подъ названіемъ: «Русско-австрійская война»; съ присоединеніемъ къ войнѣ Германіи, посыпались лубочныя картинки подъ заголовкомъ: «Война Россіи съ Германіей и Австріей» и, наконецъ, всѣ они были объединены подъ общимъ наименованіемъ: «Европейской войны». Позднѣе стали выходить лубки, посвя-

щенные войнѣ съ Турціей. Они имѣли ту особенность, что вмѣсто лѣсовъ и морей теперь выступили горы, а на ихъ фонѣ замелькали красныя фески. Лубокъ замѣчательно быстро реагируетъ на событія, и какъ только былъ взятъ нами Баязетъ, появились яркія картинки, изображающія его взятіе, а паденіе г. Перемышля еще задолго до 9-го марта предвосхищено было лубкомъ («Осада русскими войсками крѣпости Перемышля»). Любопытно также, что лубокъ изображаетъ событія, совершающіяся не только на нашемъ фронтѣ, но и на западномъ театрѣ: («Затопленіе бельгійцами нѣмцевъ» (открытіе шлюзовъ), «Геройская оборона бельгійцами Льежа», «Англійская кавалерійская атака горящаго лѣса близъ Реймса», «Побѣда англійскаго флота въ морскомъ бою» и т. п.).

Отличить нашихъ и союзныхъ солдатъ отъ враговъ можно по одной, двумъ внѣшнимъ чертамъ, которыя становятся какъ бы символическими, такъ: нѣмцы—въ каскахъ, у турокъ—фески; одежда врага — синяя, у нашихъ войскъ — защитнаго цвѣта. Большую роль играетъ въ батальномъ лубкѣ лошадь. Кони, похожіе то на львовъ, то на лебедей, всегда красуются на первомъ планѣ, и безъ нихъ не происходитъ ни одного настоящаго боя,—черта совершенно дѣтская, но крѣпко ассоціированная въ сознаніи лубочника съ войной. Собственно, эти баталіи мало отличались бы отъ подобныхъ же въ старинномъ лубкѣ (даже такомъ старомъ, какъ «Сраженіе Александра Македонскаго съ Поромъ, царемъ Индѣйскимъ» или «Вятская баталія» изъ собр. Ровинскаго), если не принять во вниманіе современной военной техники, которая сильно поразила и оплодотворила фантазію лубочниковъ. Тутъ и блиндированные автомобили, и забронированные поѣзда, и цеппелины, парящіе въ небѣ, аэропланы, сражающіеся въ воздушномъ пространствѣ при свѣтѣ прожекторовъ, наконецъ, подводныя лодки, отъ которыхъ гибнутъ броненосцы и пр. («Война въ воздухѣ», «Морской бой», «Захватъ германскаго дирижабля и гибель аэроплана» и т. д.).

Подъ всѣми батальными лубками имѣется печатный текстъ, разъясняющій смыслъ картинокъ и заимствованный, большей частью, изъ оффиціальныхъ сообщеній; рѣже—это цитаты изъ бульварной прессы. Стиль, какимъ излагаются сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія, едва-ли доступенъ тому читателю, для котораго лубокъ, главнымъ образомъ, предназначается. Къ тому же одиноко стоящій фактъ, уснащенный именами и цифрами, и при болѣе популярномъ изложеніи, едва-ли сталъ бы понятнѣе. Да и самая печать этого текста слишкомъ мелка и нечетка. По-

этому, сама картинка съ сенсаціоннымъ заголовкомъ есть все, что привлекаетъ массы къ подобнаго рода лубку, замѣняя малодоступную имъ газету и какъ бы вводя, даже неграмотныхъ, въ кругъ развертывающихся нынѣ міровыхъ событій. Батальный лубокъ совершаетъ свое тріумфальное шествіе, переходя отъ побѣды къ побѣдѣ и оставаясь неизмѣнно оптимистомъ и патріотомъ.

Меньшимъ однообразіемъ, по самому своему существу, отличается портретный лубокъ. Изображая тѣ или иные военные подвиги, лубочникъ обнаруживаетъ тенденцію выявить детально лицо своего героя, и, не стѣсняясь художественными требованіями гармоніи и цѣльности рисунка, тутъ же, въ углу картинки, помѣщаетъ его портретъ. Это довольно распространенный видъ лубка. Стоитъ увеличить такой портретъ, и предъ нами будетъ новая форма лубка—*лубокъ портретный*.

Портреты, изображающіе царей, всегда шли въ массы; во время войны спросъ на нихъ особенно повышается, равно какъ и на полководцевъ, ближайшихъ руководителей войны. Въ прежнее время особенной популярностью пользовался въ народѣ Суворовъ (недавно у насъ появился лубокъ: «Суворовъ и Слава», гдѣ знаменитый полководецъ изображенъ въ небесахъ бесѣдующимъ съ аллегорической фигурой Славы о событіяхъ нашихъ дней и благословляющимъ русскихъ воиновъ на подвигъ). Въ турецкую войну не менѣе популяренъ былъ Скобелевъ, котораго, впослѣдствіи, не разъ воскрешала народная легенда [1]). Но обратимся къ современной портретной галлереѣ: Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ занимаетъ здѣсь первое мѣсто; очевидно, въ сознаніи массъ онъ вытѣснилъ испытанные образы «бѣлыхъ» генераловъ прошлыхъ войнъ. Имѣются портреты, изображающіе его во весь ростъ, иногда верхомъ на конѣ, скачущимъ «выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго», порою на полѣ сраженія. Изъ другихъ полководцевъ современной войны наиболѣе извѣстны лубку: генералъ Рузскій, взявшій Львовъ, и Брусиловъ, взявшій Галичъ, Ивановъ, Радко-Дмитріевъ и пр.; изъ союзниковъ — генералиссимусъ Жоффръ и др. Въ этомъ лубкѣ запечатлѣны также видные представители державъ согласія: король Георгъ, бельгійскій — Альбертъ, французскій президентъ Пуанкаре и др. Изъ героевъ народныхъ, — конечно, первый георгіевскій кавалеръ Козьма Крючковъ.

---

[1]) Объ этомъ любопытномъ фактѣ см. статью С. Ан—го: „Народъ и война“, „Вѣстн. Евр.“, за 1910 г., №№ 3—4.

Есть несомнѣнное сходство этихъ портретовъ съ ихъ оригиналами, но подъ вліяніемъ нѣкотораго идеализированія ихъ, главнымъ образомъ, достигаемаго яркой раскраской, эти лица сильно напоминаютъ лики святыхъ, и какъ-будто писаны народными богомазами. Снабженные пояснительными надписями, эти лубки знакомятъ, такимъ образомъ, самые широкіе слои населенія съ главными участниками европейской войны. Что касается вождей враждебныхъ государствъ, то они представляютъ собою неистощимую тему третьяго рода лубка—*сатирическаго.*

Сатира всегда являлась излюбленнымъ родомъ народнаго творчества, и именно въ ней сохранились въ наибольшей чистотѣ характерныя черты народнаго жизнепониманія. Цѣль сатиры диктуется требованіями самой жизни. Ея задача—это возстановленіе равновѣсія извѣстной среды, нарушеннаго однимъ изъ ея членовъ, а средствомъ для этого служитъ смѣхъ [1]). Какими же художественными пріемами пользуется разсматриваемый нами видъ сатиры—каррикатура? Въ старинномъ русскомъ лубкѣ отводится не мало мѣста изображенію «дураковъ» и скомороховъ. Одинъ изъ такихъ, извѣстный шутъ Петра Великаго—Балакиревъ, самъ сочинялъ и издавалъ лубочныя каррикатуры. Лубокъ запомнилъ похожденія царскаго шута, и до сихъ поръ перепечатываются картинки, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которыхъ является самъ Балакиревъ. Возможно, что именно тутъ, въ сатирическомъ лубкѣ, надо искать сердцевину всего лубочнаго творчества, корни котораго лежатъ въ народныхъ «комедійныхъ дѣйствахъ»—балаганѣ. Отсюда, м. б., и самое названіе сатирическаго вида лубка («балагурникъ»), и то, что любимыми героями его являются клоуны и скоморохи. Чѣмъ же смѣшны всѣ эти Петрушки, Ѳомы и Еремы? Даже при бѣгломъ взглядѣ на нихъ, можно замѣтить общую имъ всѣмъ черту—невѣроятныхъ размѣровъ носъ, при маленькомъ ростѣ. Преувеличеніе и контрастъ, обращающіе живое человѣческое лицо въ застывшую гримасу, а естественныя движенія въ искусственныя—вотъ незатѣйливое средство заставить смѣяться. Этимъ же средствомъ пользовались наши выдающіеся каррикатуристы отечественной войны 12 г., совершенствуя попутно рисунокъ и доводя технику каррикатуры до изумительной виртуозности. Къ тѣмъ же пріемамъ прибѣгаетъ и современный сатирическій лубокъ.

Изображая врага, онъ останавливается на какой-нибудь

---

[1]) На такую прагматическую роль смѣха, м. пр., указываетъ А. Бергсонъ, въ книгѣ „Смѣхъ въ жизни и на сценѣ“, перев. съ 5 изд. 1908 г.

чертѣ его и доводитъ ее до максимума, въ томъ или противоположномъ направленіи. При этомъ лубокъ ограничивается самымъ элементарнымъ, общеизвѣстнымъ, простымъ. Такъ, напр., вся Германія представлена однимъ «Василіемъ Ѳедоровичемъ Гогенцолерномъ», какъ называютъ лубочники имп. Вильгельма, Австро-Венгрія Францемъ-Іосифомъ, а Турція—«Султаномъ». Громадный носъ турка замѣненъ въ изображеніи «кайзера» щетинистыми усами и солдатской выправкой; въ немощномъ же старикѣ можно узнать Франца-Іосифа. Всѣ эти лица, ставшія символами враждебныхъ государствъ, — взяты на амплуа комиковъ въ нашемъ лубкѣ и замѣняютъ прежнихъ «дураковъ». Всѣ они гримасничаютъ и совершаютъ, подобно маріонеткамъ, всякія манипуляціи, по волѣ создавшаго ихъ мастера. (Эта черта, помимо собственно лубка, достигла высшаго выраженія въ, такъ называемыхъ, движущихся военныхъ каррикатурахъ, напоминающихъ игрушечныхъ картонныхъ плясуновъ). Вотъ, напр., лубокъ: «Бесѣда подъ Царьградомъ»: нашъ солдатъ, сидя на барабанѣ и покуривая цыгарку, хладнокровно разсуждаетъ съ горячо жестикулирующимъ горбоносымъ туркомъ въ красной фескѣ. Изъ разговора выясняется все ничтожество и глупость врага: «Эхъ, пріятель, хоть ты турокъ и по виду очень юрокъ, но насчетъ ума того, видно, ровно ничего» — заключаетъ съ откровенностью русскій. Врагъ не только глупъ, но и позорно трусливъ. Таковъ, напр., лубокъ «Про трусость турецкую, да про удаль молодецкую»: огромный турокъ, въ широчайшихъ шароварахъ и неизмѣнной фескѣ, удираетъ отъ виднѣющагося вдаль казака. Этотъ лубокъ повторяетъ — какъ и многіе, впрочемъ, другіе — изображенія предыдущихъ войнъ (въ частности турецкихъ). Бѣгство врага—обильная тема для военнаго юмора. Позорное бѣгство французовъ изъ Москвы составляетъ содержаніе большинства теребеневскихъ каррикатуръ. Въ наше время худ. Е. Нарбутъ, давшій нѣсколько шедевровъ лубочныхъ картинокъ, также затронулъ эту тему, въ лубкѣ: «Казакъ и нѣмцы», — удалой казакъ на конѣ, одинъ, гонитъ германскую конницу, мелькаютъ только крупы лошадей и нѣмецкія спины. Мы уже говорили о казацкихъ подвигахъ, въ которыхъ, главнымъ образомъ, и выражается паѳосъ лубка. Похожденіямъ нашихъ казаковъ посвящено также большинство лубочныхъ картинокъ сатирическаго характера. Тутъ и «Подвиги казака Лавина», погоняющаго передъ собою обезоруженный имъ германскій отрядъ, и славнаго казака Крючкова, нанизывающаго на пику, какъ бирюльки, германскихъ воиновъ.

Есть цѣлыя казацкія повѣсти въ картинкахъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Какъ нѣмцы со стадомъ воевали, да на казацкія пики попали», «Какъ казакъ училъ австрійцевъ работать пикой и шашкой», не совсѣмъ цензурная «Сказка о нѣмцѣ, казакѣ и русскомъ скипидарѣ», «Русскія пословицы въ лицахъ» и т. п. Цѣль всѣхъ ихъ—противопоставить слабостямъ врага силу нашего воина. Мускульная сила, въ лучшемъ случаѣ, хитрость и изворотливость, во всѣ времена культивировалась въ нашей народной поэзіи. Лубокъ не прочь даже воздать должное русскому кулаку. Среди современныхъ лубочныхъ картинокъ встрѣчается и такая: казакъ подноситъ огромный кулакъ султану, за которымъ прячутся, знакомыя уже намъ, характерныя фигуры враговъ, и при этомъ его комментируетъ: «На, понюхай, Магометъ, видѣлъ этакій предметъ? Называется—кулакъ, хочешь—этакъ, хочешь—такъ». Впрочемъ, лубокъ нынѣшней войны тѣмъ и отличается отъ лубка предыдущихъ войнъ, въ частности японской, что онъ сравнительно скроменъ и менѣе грубъ [1]). Еще того болѣе, въ современномъ лубкѣ зазвучали, какъ мы уже видѣли выше, новыя культурныя ноты. Во всякомъ случаѣ въ противоположность «Удали казака» (есть и такая картинка) врагъ жалокъ и убогъ. Лубокъ—«Вильгельмовы скоты»—изображаетъ враговъ въ самомъ плачевномъ видѣ: Вильгельмъ побѣдоносно ѣдетъ на Францѣ, бредущемъ на четверенькахъ, съ помощью костылей; за нимъ—другой разбитый на ноги конь—султанъ; изъ-за забора видна осклабившаяся физіономія казака (эта картинка напоминаетъ теребеневскую «Ретираду французской конницы, которая съѣла своихъ лошадей въ Россіи» и возвращается домой на палочкахъ верхомъ). Въ такомъ же духѣ картинка: «Парадъ» (рис. С. Ивановъ): няньки и мамки унимаютъ расплакавшихся ребятъ, представшихъ предъ «кайзеромъ» въ качествѣ рекрутовъ, нѣкоторые изъ нихъ явились на деревянныхъ лошадкахъ. Обычный пріемъ народной сатиры—контраста по величинѣ—наиболѣе явственно выступаетъ въ лубкахъ, подобныхъ, напр., тому, гдѣ нашъ мужичекъ изображенъ въ видѣ великана, въ валенки и варешки котораго набиваются иззябшіе австрійцы. Бойкая фантазія лубочника заставляетъ извѣстную намъ тройку (Вильгельма, Франца и Султана) везти на себѣ этого русскаго великана. На этомъ же пріемѣ построена картина: «На буксирѣ»—громадный солдатъ тащитъ за уши двухъ близнецовъ-уродцевъ («Вилю» и «Фрица»). Такихъ луб-

1) Характеристику лубковъ японской войны см. въ статьѣ Бѣлоконскаго: „Лубоч. лит. о русско-японской войнѣ“ („Образованіе“ №№ 8—12).

ковъ—множество. Но особенно много лубочныхъ картинокъ, повѣствующихъ о неудавшихся планахъ враговъ. «Пара гнѣдыхъ» (заимствовано изъ извѣстнаго, избитаго романса)—печальная повѣсть о томъ, какъ Германія прельстила турка и какъ это не только не избавило ее отъ гибели, но «пара гнѣдыхъ», т.-е. Вильгельмъ и Францъ-Іосифъ, въ концѣ концовъ, тащутъ Германію на кладбище. Въ pendant этому лубку—другая похоронная процессія, изображающая смерть турка. Выразителенъ лубокъ «Мыльные пузыри»: Вильгельмъ—«отъ зари до зари выдуваю пузыри, они всюду полетятъ, о побѣдахъ возвѣстятъ». Францъ ему возражаетъ на это: «очень радъ тебѣ помочь, только мнѣ уже не въ мочь, отъ зари до зари выдувать пузыри». «Бредъ Вильгельма», его фантазіи и сны (завтракъ въ Петроградѣ, обѣдъ въ Варшавѣ и ужинъ въ Москвѣ), все это—повтореніе одного и того же мотива: несбывшихся ожиданій возомнившаго-было о себѣ врага. Есть много лубковъ, построенныхъ на простой игрѣ словами, вотъ нѣкоторые изъ нихъ: «Чего это ты, Ванька, дѣлаешь»?—спрашиваетъ баба казака.—«Аль не видишь, дурака валяю», отвѣчаетъ тотъ, подбрасывая на рукахъ маленькаго Франца-Іосифа. Или: красная дѣвица подбодряетъ пляшущаго въ присядку казачка: «Не жалѣй, Ванюха, ногъ, двинь по таракану, я-жъ персидскимъ порошкомъ посыпать ихъ стану». А онъ отвѣчаетъ: «Брось, Матреха, всѣ сумленья, у россійскихъ казаковъ есть такое положенье: каблукомъ бить пруссаковъ». Имѣется нѣсколько варіантовъ, иллюстрирующихъ этотъ каламбуръ.

Наша характеристика лубка оказалась бы незавершенной, если бы мы не упомянули о цѣлой серіи своеобразныхъ художественныхъ картинокъ, выпускаемыхъ издательствомъ «Сегодняшній лубокъ» и носящихъ на себѣ несомнѣнную печать крайняго лѣваго теченія нашей современной живописи. Приведемъ нѣсколько образчиковъ этой каррикатуры, сверкающей веселыми и наивными красками, забавной и удачливой рифмой. Каламбуръ и механизація живого человѣческаго матеріала—самые употребительные ея пріемы.—На бѣломъ конѣ желтый усачъ, предводительствующій такими же желтыми, будто деревянными, солдатиками,—это германцы; вдали на зеленомъ фонѣ показывается казакъ. Подписано: «Выѣзжалъ казакъ за Прутъ, видитъ, нѣмцы прутъ да прутъ». А вотъ двухстворчатая картинка: на первой створкѣ—ботикъ съ турками, конечно, въ фескахъ, смотрящими въ подзорныя трубки: «плыли этимъ мѣсяцемъ турки съ полумѣсяцемъ», другая створка изображаетъ турокъ метнувшимися внизъ головой въ море: «какъ бы турки

у Синопа не увидѣли потопа». Есть также лубки, изображающіе военныя дѣйствія: посрединѣ карточный домикъ, надъ нимъ вывѣска: «Берлинъ», на него наведены дула игрушечныхъ пушекъ:

Эхъ, ты, нѣмецъ, при да при же,
Не допрешь, чтобъ сѣсть въ Парижѣ.
И ужъ, братецъ,—клиномъ клинъ:
Ты—въ Парижъ, а мы—въ Берлинъ.

Авіатикѣ удѣленъ особый лубокъ: на первой створкѣ—казакъ, малороссъ, съ коня пронзаетъ пикой цеппелинъ: «Нѣмецъ рыжій и шершавый, разлетался надъ Варшавой, да казакъ Данило Дикій продырявилъ его пикой»; на слѣдующей: у хаты, на завалинкѣ, баба шьетъ что-то; къ ней подходитъ довольный Данило; подпись поясняетъ: «И ему жена Полина шьетъ штаны изъ цеппелина». Вотъ еще одна столь же идиллическая картинка: нашъ солдатъ, у себя, въ избѣ, разложивъ на колѣняхъ маленькаго нѣмца, стегаетъ его розгами: «Подъ Варшавой и подъ Гродно били нѣмцевъ какъ угодно». На другой половинѣ представлена баба въ подоткнутомъ сарафанѣ, занятая уборкой избы: «Пруссаковъ у насъ и бабы истреблять куда не слабы». Вообще, надо сказать, что женщины въ военномъ лубкѣ, особенно сатирическомъ, играютъ видную роль, какъ это было, впрочемъ, и въ народную войну съ французами. Теребеневъ посвятилъ женскому героизму нѣкоторыя изъ своихъ каррикатуръ, такова, напр., «Французы голодныя крысы въ командѣ у старостихи Василисы», но особенно много женщинъ-героинь у другого каррикатуриста этой войны—А. Венеціанова. У насъ, въ современномъ лубкѣ, тоже не мало такихъ партизанокъ. Назовемъ наиболѣе любопытные въ этомъ отношеніи лубки: вотъ бабы, поймавшія австріяка и расправляющіяся съ нимъ собственными силами, подъ этой картинкой подпись: «Наша баба не чурбанъ, можетъ взять аэропланъ». «Въ плѣну у бабъ»: крѣпко ухватившись за спустившійся аэропланъ, который онѣ называютъ «коршуномъ», бабы тянутъ его къ землѣ.

Такъ задорно и весело смѣются лубочныя картинки надъ врагомъ, не щадя при этомъ его недостатковъ. Простымъ, беззлобнымъ смѣхомъ великодушнаго побѣдителя смѣется лубокъ, и этотъ смѣхъ—по сердцу массовому потребителю.

Намъ остается сказать о стилѣ или, точнѣе, о стиляхъ лубка,—о его художественной сторонѣ и о тѣхъ художникахъ, которые пришли въ современный лубокъ.

III.

Лубочныя картинки—это бойкій рыночный товаръ и, какъ всякій товаръ, фабрикуются оптомъ и носятъ на себѣ клеймо своего издательства. Лубокъ—это массовый фабрикатъ, и его пошибъ, какъ принято выражаться, стиль зависитъ отъ того издательства, которое его фабрикуетъ. Тамъ же, гдѣ лубочная картинка носитъ на себѣ печать индивидуальности, гдѣ болѣе или менѣе явно выступаетъ лицо художника, мы имѣемъ особое явленіе въ мірѣ лубка, о которомъ скажемъ нѣсколько ниже. Въ массѣ своей столичный лубокъ, несомнѣнно, лучше провинціальнаго. Провинціальный лубокъ (въ крупныхъ городахъ, какъ Кіевъ, Одесса, Казань, Вильно, Рига) слишкомъ убогъ и безпомощенъ. Напротивъ, столичный — ярче, смѣлѣе, художественнѣе, добротнѣе — по шрифту, краскамъ и бумагѣ, на которой онъ печатается. Но и тутъ имѣется различіе, уже между столицами: центромъ лубочнаго производства издавна считается Москва. Въ ней онъ выросъ (у Успенья, близъ Лубянки), въ ней развивался (особенно въ войну 1812 г.), изъ нея же огромныя партіи лубочнаго товара до сихъ поръ поставляются на всю Россію старѣйшими лубочными фирмами. Зато въ Петроградѣ, гдѣ старыхъ издательствъ мало, лубокъ нѣсколько окультурился, сравнительно съ московскимъ. Какъ бы то ни было, всѣ эти картинки, если онѣ только изданы заправскими лубочниками, обладаютъ общимъ имъ всѣмъ элементомъ спекуляціи. Ходкость лубочнаго товара достигается его дешевизной, злободневностью, а съ этимъ неизбѣжно связаны свойственныя всѣмъ этимъ лубкамъ черты—пренебреженіе къ требованіямъ хорошаго вкуса, крикливость улицы и ея же поверхностность, безцеремонное пользованіе чужой, художественной и литературной, собственностью.

Лубки до-литографскаго періода, стремясь передать какое-нибудь поученіе, послѣдовательно развертывали предъ зрителемъ одинъ образъ за другимъ, въ формѣ повѣствованія (эта форма, вообще, характерна для примитивовъ). Художественная сторона оставалась при этомъ на заднемъ планѣ. Краски играли въ такихъ картинкахъ второстепенную роль. Картинки раскрашивались какъ попало, чистыми, несмѣшанными красками: сурикомъ, вохрой, празеленью, сандаломъ и сажей. Красили, большею частью, женщины изъ подмосковныхъ деревень [1]). Повѣствова-

[1]) См. брошюру И. Голышева, издателя лубковъ и изслѣдователя народной гравюры: „Луб. стар. к-ки“, стр. 14—15.

тельная трактовка сюжетовъ осталась и въ современномъ лубкѣ излюбленной формой; палитра же его стала богаче, и простую раскраску замѣнило, отчасти, употребленіе красокъ, какъ средства художественной изобразительности. Въ смыслѣ художественности, вообще, лубокъ очень неровенъ: то онъ опускается до ремесла, и тогда поражаетъ своей безпомощностью, наивнѣйшимъ незнаніемъ перспективы, неумѣніемъ передать третье измѣреніе на плоскости, раскраской въ одну краску или, напротивъ, испещреніемъ картинки рябью всевозможныхъ цвѣтовъ. Иногда онъ сильно напоминаетъ плакаты—по упрощенности линій, однотонности и рѣзкости красочныхъ сочетаній. То онъ, напротивъ, подымается до подлиннаго искусства, становится экспрессивенъ, неожиданно остроуменъ, своеобразенъ и неистощимъ въ своей художественной изобрѣтательности. — Тогда въ немъ чувствуется твердая рука художника. Художники не только тайно (анонимно), но и явно нынѣ приходятъ въ лубокъ. Среди неизвѣстныхъ именъ встрѣчаются и такія, какъ О. Шарлеманя, Е. Нарбута, Д. Митрохина и нѣк. др. Правда, художники въ лубочномъ мірѣ бывали и прежде (А. Венеціановъ—яркій тому примѣръ), но они приходили рѣдко и въ одиночку—не то теперь. У насъ даже имѣется особое лубочное издательство, отмѣченное опредѣленнымъ художественнымъ стилемъ. Мы имѣемъ въ виду «Сегодняшній лубокъ». Упомянутые нами выше представители крайняго («футуристскаго») теченія въ живописи, поклонники уличнаго искусства (вывѣсокъ) пришлись тутъ какъ нельзя впору. Ихъ примитивный рисунокъ, звонкія дѣтскія краски, дерзкая риема—нашли здѣсь примѣненіе.

Разумѣется, это уже не стиль, или не только стиль, но и стилизація, поддѣлка подъ стиль подлинно народнаго искусства. Вообще, художники, пришедшіе въ лубокъ, стремятся посмотрѣть на міръ глазами народа, слить свое художественное воспріятіе съ народнымъ и, затѣмъ, найти достойное этого міропониманія выраженіе. А это уже шагъ впередъ по сравненію съ отмѣченными выше попытками интеллигенціи отбить у народа вкусъ къ лубку художественной картинкой, преподнесенной хотя въ дешевомъ и скверномъ изданіи, но исполненной по заказу художниками (кажется, и И. Рѣпинымъ въ томъ числѣ). Въ позднѣйшее время стали въ общедоступныхъ изданіяхъ знакомить широкія массы съ классическими художниками, въ видѣ репродукцій съ ихъ произведеній. Однако, эта популяризація плохо удавалась. Теперь художники изъ «Міра искусства», «Союза молодежи» и т. п. не поучать пришли народъ, но сами

у него учиться. Сохраняя свою художественную личность, они сумѣли стать по существу доступными народу, и лубокъ отъ ихъ сосѣдства значительно выигралъ. На почвѣ этой стилизаціи лубка развилась, между прочимъ, своеобразная спекуляція, которая, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ художниками, пришедшими въ лубокъ. Одно петроградское издательство стало выпускать «лубочныя картинки», недоступныя, впрочемъ, по цѣнѣ широкимъ массамъ, которыя писаны якобы въ старинномъ народномъ стилѣ. Эта «стилизація» есть не что иное, какъ плохо замаскированное копированіе народныхъ картинокъ изъ собр. Д. Ровинскаго («Русскія народныя картинки»). Приведемъ нѣсколько такихъ копій, которыя претендуютъ на оригинальность, скрывая свое происхожденіе подъ измѣненными, примѣнительно къ современнымъ событіямъ, заголовками. Напр., «Нѣмецкая баба-яга встрѣчаетъ Франца-клоуна. Привезла ему склянку вина»; «Нѣмка, жена султана, учитъ его пить вино, а онъ пьянъ давно» (извѣстная сатира на Петра Великаго и Екатерину I); «Несутъ Османку хоронить» («Мыши кота погребаютъ»—классическая сатира, изданная раскольниками на смерть Петра); «Гербъ Германіи» (старинная «Курочка-хохлушечка»); «Нѣмецкая кавалерія» (приведенная нами выше «Ретирада французской конницы»—изъ каррикатуръ Теребенева). Мы могли бы удлинить этотъ списокъ, но думаемъ, что и этихъ примѣровъ достаточно; впрочемъ, можно добавить, что даже портреты нашихъ генераловъ—точь-въ-точь Ильи Муромцы и Василіи Буслаевичи—все изъ того же атласа Д. Ровинскаго.

Таковы стили лубковъ.

Что касается языка лубка,—а у него есть и языкъ,—то надо признать, что онъ очень пестрый. Размѣръ стиховъ, риѳмы, зачастую цѣлыя выраженія, заимствуются изъ частушки, уличной пѣсенки, если понадобится, то и изъ самого Пушкина. Лубокъ заимствуетъ отовсюду—изъ народной поэзіи и пословицъ, изъ произведеній признаннаго поэта, наконецъ, просто изъ газетъ.

Война въ лубкѣ похожа на игру въ солдатики и изображается съ казовой, праздничной стороны. И хотя лубокъ любитъ прибѣгать къ сгущенію тоновъ, но это дѣлаетъ его въ глазахъ народа еще значительнѣе и заманчивѣе. Всѣ эти баталіи, гдѣ дыбятся кони, рвутся шрапнели и льется кровь, все это—народная романтика, разукрашивающая, такимъ образомъ, тягостное иго войны. Лубокъ бьетъ въ одну точку: идеализировать военные подвиги и ихъ героевъ, возвеличить себя и свое, унизить и высмѣять врага—такова непосредственная цѣль лубоч-

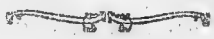
наго творчества. Лубокъ стремится воздвигнуть апоѳеозъ войны,— стремленіе это опредѣленно чувствуется въ его аллегоріяхъ. Особенно интересна одна изъ нихъ, она называется: «Россія и ея воинъ»: нашъ солдатъ бесѣдуетъ съ фигурой, олицетворяющей Россію.—«Раздавить насъ нѣмецъ хочетъ, онъ коваренъ и силенъ, у него на все машины»... но Россія отвѣчаетъ:

Пушки сами не стрѣляютъ,
Цеппелины—не летятъ,
Ими люди управляютъ,
Храбрецы лишь побѣдятъ.

Такова «философія» современнаго лубка.

Мы указывали выше на сложившееся опредѣленно-отрицательное отношеніе къ лубку. Но лубокъ—это и въ наши дни печать для широкихъ народныхъ массъ—грамотныхъ и неграмотныхъ—проникающая туда, куда газета еще не дошла, и идущая съ ней параллельно, освѣщая образами газетныя сообщенія. Лубокъ, какъ образное письмо, всегда былъ первой ступенью въ народномъ просвѣщеніи посредствомъ печати—въ самомъ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова.

Вѣра Славенсонъ.



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ВЪ РОССІИ ЗА СТО ЛѢТЪ.

I.

Самыя раннія извѣстія о существованіи на Руси государственнаго учрежденія съ контрольными функціями относятся къ очень позднему, сравнительно, времени—ко второй половинѣ XVII вѣка. При чемъ, какъ это ни странно, оказывается, что московское государство, несмотря на все свое мѣщанское скопидомство и кулаческое умѣнье прибрать все къ рукамъ, не выработало за долгіе вѣка сколько-нибудь правильной системы государственной отчетности и не создало хоть какого-нибудь прочнаго и постояннаго учрежденія для цѣлей провѣрки государственныхъ доходовъ и расходовъ. Первоначально для выполненія контрольнаго дѣла былъ учрежденъ въ Москвѣ счетный приказъ, которому дана была узкая задача—провѣрить раздачу полкового жалованья во время войны по приходо-расходнымъ книгамъ, за 1653—63 г.г., а потомъ ему поручается обревизовать приказъ большой казны за пятьдесятъ лѣтъ. Тѣ же контрольныя функціи выполняетъ затѣмъ, между прочимъ, и учрежденная Петромъ I въ 1699 году ближняя канцелярія, а позднѣе—сенатъ, который обязанъ былъ «смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ и ненужные, а особливо напрасные отставлять». Но результаты ревизіи, производившейся названными учрежденіями, не были успѣшны, вслѣдствіе новизны дѣла и неупорядоченности самой отчетности.

Съ установленіемъ въ 1718 году коллегіальнаго порядка управленія была учреждена «для счета всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ» ревизіонъ-коллегія, которая вѣдала это дѣло одновременно съ сенатомъ. Скоро, однако, было сознано

неудобство такой двойственной ревизіи, и въ 1722 году рѣшено было «ревизіонъ-коллегіи быть при сенатѣ, понеже едино дѣло есть, что сенатъ дѣлаетъ и не разсмотря тогда учинено было»; при чемъ ревизіонъ-коллегія была обращена въ ревизіонъ-контору сената и получила въ руководство для своихъ дѣйствій инструкцію, которая является первымъ опытомъ систематизаціи обязанностей государственнаго контроля. Въ основу ревизіонныхъ требованій былъ положенъ принципъ соотвѣтствія хозяйственныхъ операцій съ законными основаніями для ихъ производства. Но дѣло отъ этого все-таки не улучшилось, и черезъ шесть лѣтъ ревизіонъ-контора снова превращается въ ревизіонъ-коллегію, съ подчиненіемъ ея верховному тайному совѣту. «Понеже—говорится въ указѣ по этому поводу—ревизія не меньше, какъ и экономія, а у насъ только она именемъ, а въ самомъ дѣлѣ счету никогда не бывало, и оттого происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершеннаго извѣстія о приходѣ и о расходѣ и объ остаткахъ; того ради учредить ревизіонъ-коллегію, чтобы счеты годовые весьма порядочно слѣдовали и оная коллегія накрѣпко того смотрѣла, что не превосходитъ ли государственный расходъ приходу». Однако, и послѣ этого контрольное дѣло по-прежнему не идетъ на ладъ, несмотря на широкія полномочія ревизіонъ-коллегіи, которая, по данной ей въ 1733 году инструкціи или регламенту, обязана была «имѣть вышнюю дирекцію въ свидѣтельствѣ и въ ревизіи счетовъ о всѣхъ государственныхъ доходахъ и расходахъ, какого бы оные званія ни были». Подочетныя учрежденія по-прежнему доставляютъ счета на ревизію крайне медленно и въ неисправномъ видѣ, такъ что эти документы приходится возвращать имъ для исправленія. Строгіе указы и суровыя угрозы, возвѣщенные еще Петромъ I, «ковать за ноги и на шеи положить цѣпи, лишить движимаго и недвижимаго имущества, а по важности вины—и живота»—дѣлу не помогаютъ, такъ какъ не устранена главная причина этого непорядка—несовершенство мѣстнаго счетоводства и отчетности и недостатокъ личнаго состава ревизіонныхъ учрежденій. Въ результатѣ такого положенія дѣла манифестъ 15-го декабря 1763 года долженъ былъ признать, что «въ ревизіонъ-коллегіи, какъ намъ извѣстно, отъ времени до времени столь великое число умножилось не ревизованныхъ счетовъ, что многіе милліоны государственной казны въ неизвѣстности находятся».

Въ 1775 году съ учрежденіемъ казенныхъ палатъ предпринимается новая попытка улучшить контрольное дѣло сперва

путемъ возложенія его на обязанность губернскихъ казначеевъ, а потомъ и учрежденіемъ при казенныхъ палатахъ особыхъ экспедицій для свидѣтельства счетовъ. Вмѣстѣ съ этимъ преобразуется и центральное учрежденіе контроля. При экспедиціи государственныхъ доходовъ, состоявшей въ это время при сенатѣ, а потомъ поступившей въ вѣдѣніе государственнаго казначея, учреждается по указу 31-го декабря 1779 года экспедиція ревизіи счетовъ для провѣрки оборотовъ гражданскихъ учрежденій, за исключеніемъ повѣряемыхъ казенными палатами; при этомъ ревизіонъ-коллегія упраздняется (въ 1781 году). Но казенныя палаты обязаны были посылать въ экспедицію ревизіи счетовъ отчеты въ производимыхъ ими расходахъ и краткія выписи изъ всѣхъ обревизованныхъ ими счетовъ. Такія же выписки должны были посылать въ названную экспедицію военная и адмиралтейская коллегіи; для самого же производства ревизіи приходо-расходной отчетности всѣхъ военныхъ мѣстъ и частей при военной коллегіи организуется въ 1780 году военно-счетная экспедиція подъ начальствомъ генералъ-контролера. Морская отчетность провѣряется при адмиралтействъ-коллегіи, сперва въ контролерской конторѣ, а потомъ въ особой счетной экспедиціи, въ которую поступали всѣ шнуровыя книги по Петербургскому и Кронштадтскому портамъ и адмиралтействамъ, а изъ отдаленныхъ морскихъ учрежденій—только денежные отчеты, засвидѣтельствованные тамошними главными командирами. Позднѣе, въ 1808 году, была образована новая черноморская счетная экспедиція.—Но и послѣ всей этой реформы ревизіонное дѣло на Руси страдало разрозненностью и медленностью теченія.

Въ такомъ неупорядоченномъ и разбросанномъ положеніи мы застаемъ государственный контроль въ началѣ XIX вѣка, когда выяснилась настоятельная необходимость объединить его въ одномъ независимомъ органѣ.

Исторія государственнаго контроля въ видѣ отдѣльнаго и самостоятельнаго вѣдомства, какимъ оно является въ настоящее время, оффиціально начинается съ Высочайшаго манифеста 28-го января 1811 года. Въ основу этого акта была положена смѣлая и здоровая мысль М. М. Сперанскаго, что контрольная часть по существу своему должна быть независима. Въ этихъ видахъ было образовано «главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ», на обязанность котораго была возложена «провѣрка и ревизія приходовъ и расходовъ всѣхъ казенныхъ и общественныхъ суммъ и капиталовъ и надзоръ за совершив-

шимся движеніемъ оныхъ»—какъ говорилось въ этомъ манифестѣ. Управленіе дѣлами этой отрасли государственнаго строительства было ввѣрено особому лицу съ званіемъ государственнаго контролера, который являлся независимымъ отъ другихъ, съ правами и обязанностями, «равными прочимъ министрамъ». Главное управленіе составлялось изъ двухъ департаментовъ. Департаментъ ревизіи по гражданской части образовался изъ экспедиціи ревизіи счетовъ, а департаментъ ревизіи по военной части—изъ счетныхъ экспедицій, существовавшихъ при военной и адмиралтейской коллегіяхъ. Въ вѣдѣніе главнаго управленія поступили вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ мѣста и лица, стоявшія въ подчиненіи прежнимъ контрольнымъ учрежденіямъ, и всѣ «учрежденныя по разнымъ предметамъ особенныя отдѣленія и разряды для ревизіи счетовъ».—Такимъ образомъ, существовавшая до того времени вѣдомственная провѣрка отчетности теряла свое контрольное значеніе, и все дѣло ревизіи сосредоточивалось въ особомъ вѣдомствѣ государственнаго контроля.

Однако, тѣмъ же манифестомъ были допущены въ этомъ отношеніи и нѣкоторыя изъятія. Отъ ревизіоннаго наблюденія государственнаго контроля освобождались государственныя кредитныя учрежденія, воспитательные дома и другія благотворительныя заведенія по вѣдомству Имп. Маріи и по кабинету Его Величества; «всѣ же прочія мѣста, управленія и лица—говорилось въ манифестѣ—такъ, какъ и всѣ министерства, имѣющія въ обращеніи какія-либо суммы, имѣютъ отдавать въ нихъ отчетъ главному управленію ревизіи счетовъ или непосредственно, или черезъ посредство тѣхъ начальствъ, отъ коихъ они по учрежденію зависятъ». Съ такимъ широкимъ сравнительно кругомъ ревизіоннаго наблюденія является въ этомъ учредительномъ актѣ контрольное вѣдомство въ первую пору своего возникновенія. Это было время, когда еще не совсѣмъ погасли радужныя мечты объ общественной самодѣятельности, когда еще не сошелъ со сцены либеральный Сперанскій. Но время это скоро миновало, государственный абсолютизмъ снова усилился, выродившись къ концу царствованія Александра I въ аракчеевщину. И государственный контроль, какъ нѣкоторая узда въ сферѣ экономической жизни государства, какъ символъ нѣкоторой отвѣтственности безотвѣтственной до того бюрократіи, которая должна была отсчитываться передъ нимъ,—государственный контроль, говоримъ, также долженъ былъ—подъ вліяніемъ общихъ политическихъ причинъ—сдать теперь не мало своихъ позицій. Въ это время, въ двадцатыхъ годахъ столѣтія, отъ

ревизіоннаго наблюденія контроля освобождается длинный рядъ казенныхъ мѣстъ, лицъ и капиталовъ. Привилегіей безконтрольнаго распоряженія казенными суммами пользуются теперь: удѣльный департаментъ, кадетскій корпусъ, комиссія прошеній въ суммахъ, отпускаемыхъ по Высочайшимъ повелѣніямъ въ пособія частнымъ лицамъ, комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ, россійская академія; освобождаются, далѣе, отъ ревизіи суммы на расходы по царскосельскому дворцу, суммы на содержаніе римско-католическихъ церквей св. Іоанна Іерусалимскаго, канцелярія комитета министровъ, англичанинъ Виллеръ въ суммахъ, отпускаемыхъ ему на осушеніе болотныхъ мѣстъ въ окрестностяхъ Петербурга, расходы по постройкѣ Зимняго дворца, комиссія духовныхъ училищъ, Пажескій корпусъ. При этомъ слѣдуетъ добавить, что на-ряду съ общими причинами, вліявшими на ограниченіе круга дѣятельности контроля, въ томъ же направленіи дѣйствовали и тѣ ближайшія неблагопріятныя тяжелыя условія и обстановка, среди которыхъ приходилось выполнять свою работу молодому контрольному вѣдомству. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, условій и обстоятельствъ оно само потомъ легко стало поступаться своими правами. Такъ, напримѣръ, обстояло дѣло съ департаментомъ удѣловъ, по отношенію къ которому трудно было контролю установить начала ревизіи. Такъ какъ отчеты этого департамента составлялись въ видѣ общихъ балансовъ и совершенно не давали матеріала для провѣрки или ревизіонныхъ соображеній, а попытки выяснить путемъ письменныхъ и личныхъ сношеній полную картину оборотовъ этого учрежденія не привели ни къ чему, то государственный контролеръ пошелъ на уступку и обратился къ управляющему этого департамента съ письмомъ, въ которомъ писалъ, между прочимъ, что такъ какъ «Государь Императоръ самъ изволитъ входить въ разсмотрѣніе отчетовъ по оборотамъ департамента удѣловъ и какъ департаментъ сей находится въ одинаковомъ почти положеніи съ кабинетомъ Его Величества, отчеты коего не поступаютъ на ревизію, то я бы согласенъ былъ и вообще на отмѣну доставленія на ревизію отчетовъ удѣльнаго департамента, установленнаго Высочайшимъ манифестомъ отъ 28-го января 1811 года».

Не таковъ былъ, однако, первоначальный проектъ устройства государственнаго контроля, допускавшій одно только изъятіе изъ вѣдѣнія контроля по отношенію къ государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ. Не таковъ былъ и финансовый планъ Сперанскаго съ его широко задуманнымъ преобразованіемъ го-

сударственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, «отъ кабинета Государя до волостного правленія включительно», съ его основной идеей подчинить всѣ расходы независимому государственному контролю — съ той идеей, которая, если вѣрить отзывамъ его современниковъ, снискала ему едва-ли не болѣе враговъ, чѣмъ ненавистная для того времени реформа его объ экзаменахъ чиновниковъ. Не таковы были, наконецъ, и первые шаги только-что учрежденнаго контрольнаго вѣдомства.

Съ самаго начала во главѣ управленія этимъ вѣдомствомъ было поставлено лицо, отвѣчавшее, казалось, всѣмъ труднымъ и сложнымъ требованіямъ организаціи новаго учрежденія. Это былъ прибалтійскій баронъ Балтазаръ Кампенгаузенъ, сухой, холодный, но трудоспособный и образованный человѣкъ, примыкавшій къ интимному кружку Сперанскаго,—впослѣдствіи ставшій, однако, другомъ и знаменитаго Аракчеева. Знакомый съ проектомъ финансовыхъ преобразованій Сперанскаго и посвященный въ истинныя намѣренія либеральнаго правительства, Кампенгаузенъ сначала взялъ было, какъ увидимъ ниже, правильный курсъ управленія ввѣреннымъ ему вѣдомствомъ. Но со второго же года пребыванія его во главѣ этого вѣдомства политическія обстоятельства на Руси круто измѣнились, а съ ними измѣнилась и дѣятельность Кампенгаузена и весь ходъ жизни молодого вѣдомства. Надвигавшаяся на Россію страшная гроза военной непогоды и паденіе Сперанскаго съ его широкимъ планомъ преобразованія государственнаго управленія ударили сильно и больно, конечно, по этому юному учрежденію, которое въ ту пору едва только становилось на ноги.

Трудны были первые шаги его. Помимо насѣдавшихъ на него тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, ему приходилось выдерживать и упорную внутреннюю борьбу въ самой сферѣ своихъ полномочій, защищая и отстаивая свое право на жизнь. Нарожденіе отдѣльнаго независимаго и самостоятельнаго государственнаго контроля, подчиняющаго своему ревизіонному надзору всѣ другія вѣдомства, было встрѣчено послѣдними крайне несочувственно. По мысли манифеста 28 января 1811 г. въ составъ этого новаго вѣдомства должны были войти всѣ ревизіонныя части и счетныя отдѣленія, существовавшія при распорядительныхъ управленіяхъ для повѣрки ихъ отчетности. Порядокъ и сроки перехода этихъ счетныхъ частей въ новое вѣдомство контроля подлежали совмѣстному опредѣленію государ. контролера съ подлежащими министерствами. Но когда государ. контролеръ попытался на дѣлѣ осуществить это свое право и обратился къ

разнымъ вѣдомствамъ съ предложеніемъ по этому вопросу, то ни одно изъ нихъ не согласилось перечислить въ составъ контроля свои счетныя отдѣленія, уклоняясь отъ этого подъ тѣмъ предлогомъ, что занятые въ этихъ отдѣленіяхъ чиновники выполняютъ, кромѣ счетныхъ, и другія текущія обязанности по дѣлопроизводству, и потому вѣдомства не могутъ отчислить ихъ безъ ущерба для нормальнаго теченія своихъ вѣдомственныхъ дѣлъ. Напрасно государ. контролеръ соглашался при этомъ на разныя уступки и предлагалъ различные компромиссы въ видахъ хотя бы частичнаго усиленія своего вѣдомства, напрасно неоднократно взывалъ онъ объ этомъ къ распорядительнымъ управленіямъ. Послѣднія хорошо понимали, что такое для нихъ контрольное вѣдомство, которое они приглашаются теперь поставить на ноги, и потому упорно молчали на эти призывы. Откликнулся одинъ лишь министръ финансовъ, пообѣщавъ собрать нужныя для этого справки, — но такъ и не исполнилъ своего обѣщанія, а при личномъ объясненіи съ государ. контролеромъ заявилъ, что съ этимъ дѣломъ нужно подождать до переустройства всей вообще счетной части въ его министерствѣ.

Уже на зарѣ своихъ юныхъ дней обезсиленное средой и обстоятельствами контрольное вѣдомство захирѣло, захворало тѣмъ хроническимъ недугомъ, которымъ страдаетъ оно весь свой вѣкъ вплоть до настоящаго дня. Недугъ этотъ—недостатокъ у него личнаго состава. Контрольная служба была усѣяна такими терніями, что не могла никого привлекать: ни чиновниковъ другихъ вѣдомствъ, ни образованныхъ и способныхъ людей со стороны. Къ такимъ терніямъ нужно отнести прежде всего болѣе низкіе оклады содержанія здѣсь, нежели во всѣхъ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ того времени. Исправить сколько-нибудь этотъ недостатокъ не представлялось возможнымъ ни немедленно, ни въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ начавшійся въ это время періодъ наполеоновскихъ войнъ требовалъ огромныхъ затратъ, напрягая до послѣдней крайности всѣ рессурсы государственнаго казначейства. Тяжесть этого финансоваго положенія государства должна была отразиться самымъ чувствительнымъ образомъ именно на контролѣ, какъ новомъ, только-что образующемся учрежденіи. Чтобы судить, каково было положеніе контрольнаго вѣдомства въ этомъ отношеніи, достаточно сказать, что къ началу 1822 г., за всѣми послѣдовавшими разновременно дополнительными ассигнованіями на контроль, общая затрата казны на всѣ пятнадцать учрежденій его выражалась лишь сум-

мой въ 383.698 рублей. Не удивительно, поэтому, что въ нѣкоторыхъ контрольныхъ учрежденіяхъ иногда цѣлые десятки штатныхъ должностей оставались не замѣщенными.

Кромѣ недостатка въ денежныхъ средствахъ и общаго въ это время недостатка въ образованныхъ людяхъ, на ограниченность личнаго состава контроля вліяли и другія неблагопріятныя условія, связанныя исключительно со службой въ этомъ вѣдомствѣ. Эти условія вѣрно отмѣтилъ государ. контролеръ въ одномъ изъ своихъ представленій въ комитетъ министровъ. «При большомъ у насъ вообще недостаткѣ людей, въ счетныхъ дѣлахъ опытныхъ,—писалъ онъ,—при непрестанно умножающейся въ нихъ надобности по открывающимся время отъ времени по разнымъ вѣдомствамъ счетнымъ установленіямъ; при чрезвычайной трудности и скучности, съ которыми сопряжена вся ревизіонная работа вообще, а особливо при той запутанности, въ которой у насъ большая часть отчетности представляется; при томъ общемъ негодованіи, кое ревизоры всегда лично на себя навлекаютъ, коль скоро они по долгу своему коснутся какого-либо частнаго интереса или откроютъ неустройство той или другой части управленія; при гораздо меньшей трудности и большей привлекательности всякаго рода упражненій по другимъ частямъ и при неимѣчіи, наконецъ, способовъ предоставить служащимъ по государ. контролю всѣхъ тѣхъ выгодъ, кои они по другимъ вѣдомствамъ имѣютъ,—предвидѣть должно, что мѣста по оному болѣе и болѣе въ людяхъ оскудѣвать будутъ». И государственный контролеръ былъ совершенно правъ. Личный составъ его вѣдомства постоянно и безпрерывно таялъ, едва пополняясь въ нѣкоторой части менѣе надежными элементами. Такъ, съ 1812 г., т.-е. со времени фактическаго устройства этого вѣдомства, по 1818 г. «изъ государ. контроля уволилось для опредѣленія къ другимъ дѣламъ 447 чиновниковъ, большею частью изъ числа лучшихъ, опытнѣйшихъ и, такъ сказать, въ самомъ государ. контролѣ въ счетной части образовавшихся»,—какъ докладывалъ однажды государ. контролеръ комитету министровъ. Положеніе вещей въ контролѣ, вслѣдствіе такого бѣгства изъ него чиновниковъ, становилось угрожающимъ. И вотъ бар. Кампенгаузенъ входитъ въ комитетъ министровъ съ проектами различныхъ мѣръ къ ограниченію этого бѣгства. Онъ то проситъ министровъ предписать своимъ департаментамъ и канцеляріямъ не принимать къ себѣ на службу чиновниковъ, бѣжавшихъ изъ контроля, то предполагаетъ постановить не увольнять контрольныхъ чиновниковъ до тѣхъ поръ, пока не

найдутся на ихъ мѣста другіе съ достаточными способностями. Но комитетъ министровъ отклонилъ и тотъ и другой проектъ въ виду того, что предложенныя мѣры были бы большимъ стѣсненіемъ для чиновниковъ, а для имѣющихъ дворянское достоинство—и нарушеніемъ ихъ дворянскихъ правъ. Тогда государственный контролеръ рѣшается прибѣгнуть къ мѣрамъ другого порядка: онъ старается пробудить въ своихъ подчиненныхъ тѣ своеобразныя, специфическія и всегда уродливыя чувства мелкаго чиновничьяго честолюбія и тщеславія, которыя, развиваясь въ затхлой, канцелярской средѣ на почвѣ молчалинской угодливости и самоуниженія, переходящія сплошь и рядомъ въ іерархическій сервилизмъ, свойственны обыкновенно канцелярскому сословію. Онъ исходатайствовалъ для контрольныхъ чиновниковъ тѣ же преимущества по производству въ чины, какія были присвоены служащимъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, а также и право носить мундиръ съ бархатомъ яхонтоваго цвѣта.

При такомъ состояніи своего личнаго состава новое вѣдомство съ первыхъ же шаговъ встрѣтилось и съ другимъ огромнымъ затрудненіемъ, которое было связано съ первымъ, образуя тотъ замкнутый кругъ, среди котораго на долгіе годы осуждено было безсильно и безплодно биться молодое учрежденіе. Такимъ затрудненіемъ являлся огромный, подавляющій матеріалъ, доставшійся ему по наслѣдству отъ прежнихъ, вошедшихъ теперь въ его составъ, ревизіонныхъ установленій. Чтобы дать хоть приблизительное представленіе о размѣрахъ этого наслѣдства, достаточно сказать, что одна только вошедшая въ составъ контроля военная экспедиція принесла съ собой въ контроль 154.794 неревизованныхъ книги, да 4.446 такихъ книгъ, по которымъ производилась еще переписка съ подотчетными учрежденіями; кромѣ того, впослѣдствіи еще поступило огромное количество книгъ, относившихся къ прежнему, дореформенному положенію самой экспедиціи. Въ концѣ концовъ неревизованныхъ книгъ накопилось такое множество, что имъ и счетъ потеряли,—цѣлая треть чиновниковъ этой экспедиціи болѣе двухъ лѣтъ занималась одной только разборкой этихъ книгъ и приведеніемъ ихъ въ извѣстность. Съ такимъ же приблизительно наслѣдствомъ перешли въ контрольное вѣдомство и другія экспедиціи. Въ дальнѣйшемъ дѣло еще болѣе осложнилось—какъ потому, что съ подчиненіемъ всѣхъ вѣдомствъ контролю увеличилось число подотчетныхъ ему мѣстъ, такъ и вслѣдствіе роста вызванныхъ войною расходовъ, а слѣдовательно, и объема подлежащей обревизованію отчетности.

Тягость такого положенія дѣла усугублялась еще и другимъ непреоборимымъ обстоятельствомъ, которое сводило огромный трудъ контрольныхъ чиновниковъ къ совершенно ничтожнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что и послѣ образованія отдѣльнаго самостоятельнаго контрольнаго вѣдомства распорядительныя управленія, которыя должны были теперь отчитываться передъ нимъ въ оперируемыхъ ими суммахъ, относились къ этой отчетности крайне небрежно. Даже вѣдь и до сей поры невыработано у насъ сколько-нибудь правильныхъ или цѣлесообразныхъ формъ государственной отчетности, ни въ отношеніи порядка ея составленія, ни даже въ отношеніи сроковъ представленія ея въ контроль на повѣрку. Эта сторона дѣла всегда находилась у насъ въ совершенно неупорядоченномъ состояніи. Отчеты составлялись и доставлялись разными вѣдомствами самымъ различнымъ образомъ. Одни вѣдомства доставляли одинъ общій отчетъ по всѣмъ учрежденіямъ и оборотамъ, другія—нѣсколько отчетовъ по группамъ учрежденій или даже по отдѣльнымъ учрежденіямъ. Цифровыя данныя по разнороднымъ оборотамъ нерѣдко смѣшивались въ кучу, а разобраться въ этомъ, при отсутствіи подлинныхъ документовъ, не представлялось никакой возможности. Расходы штатные и опредѣленные особыми указами смѣшивались въ общихъ перечняхъ безъ указанія на штаты и указы. Это хаотическое состояніе отчетности доходило по нѣкоторымъ учрежденіямъ до того, что рѣшительно парализовало всякую контрольную повѣрку, такъ какъ къ такому безпорядочному отчетному матеріалу нельзя было примѣнить даже самыхъ скромныхъ требованій сколько-нибудь правильной ревизіи. Поэтому бывали случаи, когда отчетность, вслѣдствіе ея неисправности, совсѣмъ оставалась безъ повѣрки. Такъ, напримѣръ, съ Высочайшаго разрѣшенія была оставлена безъ ревизіи отчетность медицинскаго департамента за время съ 1811 по 1828 годъ. Кромѣ того, отчетность доставлялась на ревизію крайне неисправно или даже систематически не доставлялась, несмотря на то, что за неисполненіе требованій относительно срочнаго доставленія ея установлены были и дѣйствительно налагались крупные штрафы. Вызванныя такимъ положеніемъ дѣла жалобы государ. контролера въ сенатъ не приводили ни къ чему: указъ сената соотвѣтствующему министру оставался безъ вліянія, и у контроля послѣ этого уже не оказывалось болѣе никакихъ средствъ добиться въ своихъ сношеніяхъ съ подотчетнымъ вѣдомствомъ какихъ-нибудь результатовъ.

Послѣдствіемъ такого положенія вещей явилась крайняя

запущенность и отсталость ревизіи. Для устраненія этого зла принимались всевозможныя мѣры: упрощались до послѣднихъ предѣловъ пріемы и способы повѣрки отчетности, предоставлялось самимъ распорядительнымъ управленіямъ производить подъ наблюденіемъ назначенныхъ туда или командированныхъ контрольныхъ чиновниковъ предварительную и даже окончательную ревизію, учреждались, наконецъ, въ самомъ контролѣ особыя временныя комиссіи для рѣшенія счетныхъ дѣлъ за прежнее время. Эти комиссіи стали потомъ хроническимъ недугомъ контрольнаго вѣдомства, существуя на-ряду съ постоянными контрольными учрежденіями иногда десятки лѣтъ, притомъ во множественномъ числѣ, и обходясь казнѣ дороже, чѣмъ самыя эти постоянныя учрежденія.

При такой тяжелой обстановкѣ дѣятельность контрольнаго вѣдомства не могла вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ цѣлямъ и задачамъ, выполнять которыя оно было призвано. Въ результатѣ должно было получиться рѣзкое несоотвѣтствіе между идеей и выполненіемъ, противорѣчіе условій жизни и дѣятельности вѣдомства его цѣлямъ и задачамъ. И на низкую ступень съ предположенной высоты спустилъ въ самомъ же началѣ дѣятельность этого вѣдомства не кто другой, какъ первый руководитель его— государ. контролеръ Кампенгаузенъ. Хотя въ манифестѣ объ учрежденіи государственнаго контроля и не была точно указана система или порядокъ производства въ немъ ревизіи, однако, уже въ силу того, что съ учрежденіемъ самостоятельнаго контроля документальная повѣрка каждымъ вѣдомствомъ своей отчетности теряла контрольное значеніе, и все дѣло ревизіи сосредоточивалось, такимъ образомъ, во вновь образованномъ вѣдомствѣ,—ясно было, что эта ревизія должна была носить исчерпывающій характеръ; не даромъ же и въ манифестѣ она опредѣлялась, какъ окончательная, обнимающая всѣ стадіи движенія казенныхъ капиталовъ. На первыхъ порахъ такъ именно и понялъ контрольное дѣло бар. Кампенгаузенъ, придавая огромное значеніе документальной ревизіи, какъ вполнѣ отвѣчающей основнымъ задачамъ контроля. Но, когда съ первыхъ же шаговъ дѣятельности новаго вѣдомства обнаружились тѣ разнообразныя затрудненія, о которыхъ мы говорили выше, Кампенгаузенъ скоро свернулъ съ этой прямой и правильной дороги и настолько легко пошелъ по пути компромисса, что, когда въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ особомъ комитетѣ изъ представителей вѣдомствъ рѣшался основной вопросъ о системѣ ревизіи въ государственномъ контролѣ, онъ энергично отказывался отъ документальной ревизіи и вошелъ

затѣмъ въ комитетъ министровъ съ особымъ представленіемъ объ установленіи системы ревизіи общихъ отчетовъ. Представленіе это имѣло рѣшающее значеніе въ исторіи государ. контроля. Комитетъ министровъ согласился съ мнѣніемъ Кампенгаузена о необходимости ограничить дѣйствія государственнаго контроля ревизіей общихъ отчетовъ министерскихъ департаментовъ и главныхъ управленій, не касаясь повѣрки всѣхъ частныхъ счетовъ и подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ, какъ до того времени дѣлалось по нѣкоторымъ частямъ. И это мнѣніе было утверждено потомъ.

Такъ, къ концу царствованія Александра I потерпѣла крушеніе и была отвергнута основная задача контроля—производить ревизію по подлиннымъ книгамъ и документамъ, а утвердилась система общихъ или, какъ ихъ стали называть потомъ, генеральныхъ отчетовъ. Сущность этой системы ревизіи состояла въ томъ, что документальную повѣрку отчетности производили у себя сами распорядительныя вѣдомства; въ государственный же контроль они доставляли лишь результаты этой повѣрки въ видѣ сводныхъ систематизированныхъ отчетовъ.

Неудивительно, если растраты и хищенія казенныхъ денегъ—исконная черта русской жизни—не уменьшились и теперь, съ учрежденіемъ независимаго государ. контроля, и продолжали давать такую же обильную пищу обличительной литературѣ, какъ и во времена Новикова и Екатерины II.

II.

Начало слѣдующаго царствованія не внесло въ контрольную жизнь никакихъ значительныхъ перемѣнъ. По-прежнему распорядительныя управленія доставляютъ отчетность въ контроль на ревизію въ крайне безпорядочномъ видѣ, несвоевременно и игнорируя всякія просьбы и заявленія контроля. По-прежнему внутренняя жизнь контроля страдаетъ отъ безпорядочности и хаотическаго состоянія ревизіоннаго дѣла. Новый государ. контролеръ Хитрово пытается въ извѣстной степени урегулировать механику контроля. Онъ заботится о составленіи подробныхъ правилъ ревизіи въ видѣ инструкцій, въ которыхъ было бы указано, «какимъ образомъ должно приступать къ ревизіи какого-либо счета, продолжать и оканчивать ревизію, и что слѣдуетъ замѣчать по счету каждаго рода», а также обращаетъ вниманіе и на надлежащее устройство отчетности и

предварительной ревизіи въ самихъ распорядительныхъ управленіяхъ путемъ составленія для нихъ особыхъ правилъ по этой части. По его же настоянію, въ видахъ упорядоченія хозяйственной дѣятельности казенныхъ управленій, образуется особый комитетъ изъ чиновниковъ разныхъ министерствъ для составленія положенія о подрядахъ и контрактахъ для военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ движеніе приготовленному его предмѣстникомъ проекту новаго образованія государственнаго контроля.

Въ основу этого «образованія» была положена уже принятая раньше удобная для распорядительныхъ управленій система общихъ отчетовъ. Хитрово настолько былъ убѣжденъ въ ея цѣлесообразности, что у него и вопроса объ этомъ не поднималось. Однако, этому основному въ дѣлѣ ревизіи пункту суждено было еще разъ стать предметомъ общаго сужденія и воскресить предъ успокоившейся было бюрократіей ненавистный ей призракъ государственнаго контроля съ правомъ документальной повѣрки. Этотъ призракъ вызвалъ на сцену генералъ-адъютантъ Киселевъ. Онъ внесъ въ Государственный Совѣтъ свой проектъ преобразованія государственнаго контроля и доказывалъ необходимость установленія документальной ревизіи по подлиннымъ книгамъ и документамъ, возложивъ это дѣло какъ на центральныя учрежденія контроля въ Петербургѣ, такъ и на подчиненныя ему въ губерніяхъ контрольныя отдѣленія. Учредить послѣднія было необходимо, по его мнѣнію, въ виду массы поступающей на ревизію отчетности. Въ то же время Киселевъ указывалъ на экономическое удобство осуществленія его плана, такъ какъ губернскій контроль въ видѣ счетныхъ отдѣленій при казенныхъ палатахъ уже существовалъ, только въ зависимости отъ другого вѣдомства. Дѣйствующая же въ контролѣ система ревизіи общихъ отчетовъ страдаетъ, по его мнѣнію, двумя крупными недостатками: во-1-хъ, государственный контроль при существующемъ порядкѣ не принимаетъ на себя отвѣтственности за точность ревизіи, выдавая квитанціи только условныя, и во-2-хъ, дѣйствительная ревизія производится въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя распоряжаются суммами, т.-е. распорядительныя управленія сами себя ревизуютъ.

Проектъ Киселева глубоко и больно задѣвалъ правящую бюрократію, а потому вызвалъ съ ея стороны страстный и энергичный отпоръ. Государственный контролеръ возражалъ, что контроль отвѣчаетъ за то только, что онъ дѣйствительно ревизуетъ, и что, независимо отъ этой высшей ревизіи, мѣста и

лица, представляющія свои отчеты, получаютъ полныя квитанціи отъ тѣхъ учрежденій, которыя ревизовали ихъ по документамъ. Министръ финансовъ Канкринъ доказывалъ, что при нынѣшней системѣ никто не ревизуетъ самъ себя, а высшія мѣста повѣряютъ низшія, и что «всякая совершенно посторонняя ревизія будетъ болѣе вредна, нежели полезна», между тѣмъ «расходы по устройству контроля отдѣльной во всѣхъ степеняхъ ея будутъ огромны, а польза отъ нея крайне сомнительна». Такъ же взглянули на дѣло и соединенные департаменты государственнаго совѣта, находя неудобнымъ и даже опаснымъ мѣнять установившійся порядокъ на другой, «къ которому, при всѣхъ предполагаемыхъ его совершенствахъ, всякій приступъ доселѣ сопровождался неудачами». Общее же собраніе этого совѣта нашло въ себѣ достаточно мужества, чтобы открыто заявить, что «непреложность началъ, содержащихся въ мнѣніи генералъ-адъютанта Киселева, въ нравственномъ смыслѣ оспаривать невозможно, ибо нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что окончательная цѣль ревизіи состоитъ въ повѣркѣ каждой статьи прихода и расхода, и въ повѣркѣ совершенно независимой, слѣдовательно, лицами, нисколько не участвовавшими въ распоряженіяхъ по тѣмъ приходамъ и расходамъ». Но осуществленіе этого плана на дѣлѣ общее собраніе государственнаго совѣта также признало неудобнымъ, опираясь на высказанныя министромъ финансовъ соображенія. Первое изъ нихъ состояло въ томъ, что съ принятіемъ новой системы ревизіи потребовалось бы усилить составъ контроля, а это, въ свою очередь, вызвало бы новый огромный расходъ; второе же—въ томъ, что, въ виду безконечнаго разнообразія выполняемыхъ государствомъ сложныхъ хозяйственныхъ операцій, невозможно собрать въ одномъ вѣдомствѣ необходимое число свѣдущихъ и опытныхъ лицъ, которыя были бы въ состояніи правильно оцѣнить дѣйствія распорядителей этими операціями, такъ какъ для этого потребовались бы со стороны ревизующихъ и бо́льшія теоретическія свѣдѣнія и огромный долговременный практическій навыкъ. Эти казуистическія соображенія рѣшили судьбу проекта Киселева, и положенная въ основу его вполнѣ правильная идея документальной ревизіи еще разъ была отвергнута государственнымъ совѣтомъ, который предпочелъ въ этомъ отношеніи прежній покойный и удобный для бюрократіи путь компромисса.

И бюрократія даже не особенно скрывала тѣ истинныя побужденія, которыя заставляли ее добиваться возможно льготнаго для себя порядка ревизіонной подчиненности контролю.

Морской министръ князь Меншиковъ свои замѣчанія на проектъ образованія контроля снабдилъ, напримѣръ, слѣдующимъ откровеннымъ заявленіемъ: «заключенія сіи имѣютъ въ виду одну лишь цѣль:—огражденіе правъ, присвоенныхъ министерствамъ существующими постановленіями, и отвращеніе захватовъ контрольной власти, которая при Алексѣѣ Захаровичѣ (Хитрово), конечно, удержана будетъ въ должныхъ предѣлахъ, но онъ не вѣчный контролеръ». А министръ финансовъ Канкринъ, особенно крѣпко стоявшій за необходимость ограничить компетенцію контроля, писалъ въ одномъ мѣстѣ своихъ „Очерковъ политической экономіи и финансіи“: „само собой разумѣется, что государственный контроль долженъ ревизовать правильность отчетовъ и счетовъ, а не подвергать своей критикѣ административныхъ мѣстъ министерствъ. Въ противномъ случаѣ государственный контролеръ былъ бы выше, чѣмъ всѣ министры... При такой власти государственнаго контролера всеконечно ни одинъ бы министръ не могъ оставаться на своемъ постѣ“. Ясно, что, при такомъ явно недружелюбномъ отношеніи къ контролю, правящая бюрократія въ лицѣ государственнаго совѣта должна была выбрать именно ту контрольную систему, которая, несмотря на очевидное и признанное несовершенство ея, достаточно, однако, гарантировала бы подотчетнымъ учрежденіямъ наименьшую степень хлопотъ и безпокойства по поводу производимыхъ расходовъ.

Такимъ образомъ, важная въ государственномъ отношеніи и крупная реформа контроля была отодвинута еще на нѣсколько десятковъ лѣтъ, и новое «образованіе» контроля, утвержденное 30 декабря 1836 года, внесло въ его устройство лишь скромныя внѣшнія перемѣны. Такъ, былъ установленъ коллегіальный порядокъ разсмотрѣнія ревизіонныхъ дѣлъ. Государственный контролеръ долженъ былъ дѣйствовать въ ревизіонномъ отношеніи совмѣстно съ совѣтомъ государственнаго контроля, заключенія котораго онъ не въ правѣ отмѣнять единолично; а генералъ-контролеры или директора департаментовъ — совмѣстно съ общими присутствіями этихъ департаментовъ. Обязанности контролера были двоякаго рода: производство ревизіи и утвержденіе ея. Первое возлагалось на контрольные департаменты, а второе—на совѣтъ государственнаго контроля, который являлся высшей инстанціей для всѣхъ возникавшихъ изъ ревизіи дѣлъ. Дѣла въ немъ рѣшались безъ ограниченія суммы и окончательно большинствомъ голосовъ или единогласно. Въ случаѣ же несогласія съ этимъ рѣшеніемъ того министра, къ вѣдомству котораго относи-

лось разсматриваемое дѣло, оно переходило уже на рѣшеніе сената. На основаніи новаго устройства, штатъ государственнаго контроля опредѣлялся, по всѣмъ его учрежденіямъ, въ 270 чиновниковъ, содержаніе которыхъ было сравнено съ окладами, существовавшими въ счетныхъ частяхъ другихъ министерствъ. Общая сумма на содержаніе контроля исчислялась въ 456.780 руб.

Принявъ теперь, съ этимъ «образованіемъ», нѣсколько болѣе опредѣленныя формы и организацію, контрольное вѣдомство тѣмъ не менѣе по-прежнему оставалось неустроеннымъ и не достигало тѣхъ цѣлей, для которыхъ оно было предназначено. Несмотря на нѣкоторое улучшеніе положенія контрольныхъ чиновниковъ, замѣщать подходящими лицами вакантныя должности по контролю и теперь было очень трудно: «большая часть способныхъ чиновниковъ имѣетъ отвращеніе къ скучнымъ и труднымъ занятіямъ по дѣламъ сего рода»,— писалъ Хитрово еще въ первомъ своемъ всеподданнѣйшемъ годовомъ отчетѣ. Для подготовки кандидатовъ на контрольную службу вѣдомствомъ принимались разныя мѣры, но искусственный характеръ этихъ мѣръ заранѣе обрекалъ ихъ на неудачу. Чтобы судить, въ какомъ положеніи находилась въ николаевскую эпоху эта сторона контрольнаго дѣла, достаточно сказать, что въ 1853 г. изъ 300 лицъ, служившихъ въ этомъ вѣдомствѣ въ должностяхъ начальниковъ отдѣленій и ниже, было только 90 человѣкъ обучавшихся въ какихъ-либо учебныхъ заведеніяхъ, а изъ нихъ только 25 съ высшимъ образованіемъ. Такой личный составъ не могъ, конечно, служить достаточной порукой относительно высокой доброкачественности ревизіонной работы.

Притомъ работа эта протекала въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Распредѣлительныя управленія по-прежнему доставляли свою отчетность крайне неисправно и въ безпорядочномъ видѣ, и никакія мѣры со стороны контроля не могли побѣдить этихъ препятствій. Казалось, какъ будто вѣдомства щеголяютъ своею безнаказанною неисправностью въ этомъ отношеніи, стараясь отбить рекордъ другъ отъ друга. Такое впечатлѣніе складывается само собой, если принять, напримѣръ, во вниманіе, что даже такое скромное по своимъ финансовымъ оборотамъ, а слѣдовательно, и по отчетности, вѣдомство, какъ министерство юстиціи, ухитрилось за одно десятилѣтіе съ 1836 по 1846 годъ не доставить въ контроль къ 1849 году отчетности въ оправданіи своихъ расходовъ на сумму свыше 33.000.000 руб. Въ результатѣ подобнаго положенія вещей ни государственный

контроль, ни отчетныя предъ нимъ вѣдомства рѣшительно не знали ни размѣра неоправданныхъ отчетностью суммъ, ни самаго числа отчетовъ, подлежавшихъ доставленію на ревизію.

Между тѣмъ, за этой безпорядочностью въ отчетности скрывались очень крупные безпорядки въ веденіи государственнаго хозяйства, устранить которые оказывалась безсильною даже верховная власть. На одномъ изъ отчетовъ государственнаго контролера о безобразномъ исполненіи операціи въ вѣдомствѣ путей государь положилъ резолюцію: «о всѣхъ безпорядкахъ, замѣченныхъ по сему управленію, сообщить по Моему приказанію графу Клейнмихелю и потребовать отъ него объясненія». Но «объясненія» Клейнмихеля стоили государству дорого: казна должна была отпустить за нихъ 9 милліоновъ рублей на покрытіе долговъ этого вѣдомства, при чемъ государственный контролеръ докладывалъ государю и о необходимости, кромѣ того, скрывать дѣйствія этого управленія «отъ разглашеній и укоризнъ, ведущихъ къ неуваженію правительственныхъ властей».

И все-таки, несмотря на всю эту номинальную ревизіонную зависимость отъ государственнаго контроля, всѣ вѣдомства крайне тяготились ею, и всѣ управленія и учрежденія наперерывъ другъ передъ другомъ старались подъ разными предлогами совершенно освободиться отъ нея. Попытки уклониться отъ контроля шли со всѣхъ сторонъ и были такъ настойчивы, что контроль безсиленъ былъ сдерживать ихъ безъ помощи высшей власти. Къ несчастію, помощь эта приходила лишь въ рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ; такъ, на отчетѣ государственнаго контроля за 1838 годъ, противъ статьи объ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ, который считалъ, что онъ не подлежитъ отчетностью государственному контролю, Николай I написалъ: «подлежитъ несомнѣнно, какъ и всѣ прочіе кадетскіе корпуса». Въ большинствѣ случаевъ, однако, учрежденіямъ удавалось освобождаться отъ подотчетности контролю, такъ что къ концу этого царствованія число такихъ учрежденій возросло чрезвычайно.

При такихъ отношеніяхъ вѣдомствъ къ государственному контролю гибли всякія благія начинанія, которыя могли до извѣстной степени ослаблять недостатки существовавшей системы государственной отчетности. Примѣромъ можетъ служить исторія возникновенія въ это царствованіе фактическаго контроля— въ видѣ обозрѣнія контролемъ на мѣстѣ текущаго счетоводства въ подотчетныхъ учрежденіяхъ и внезапнаго освидѣтельствованія кассъ. Мысль о такомъ контролѣ первоначально была

встрѣчена сочувственно даже нѣкоторыми вѣдомствами и нашла полное одобреніе у руководителя военно-учебнымъ вѣдомствомъ, наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Послѣдній прямо высказалъ, что «внезапное свидѣтельство суммъ и обозрѣніе книгъ чиновниками государственнаго контроля есть мѣра весьма полезная, особенно если такая ревизія будетъ производиться по всѣмъ вѣдомствамъ и по возможности чаще». Принципіально согласился съ этимъ и государственный совѣтъ въ лицѣ своихъ соединенныхъ департаментовъ. Однако же, относительно военнаго вѣдомства онъ полагалъ, что мѣра эта «не согласна ни съ существующими нынѣ постановленіями о взаимныхъ отношеніяхъ онаго министерства съ государственнымъ контролемъ, ни съ достоинствомъ высшаго военнаго управленія». Въ то же время и министръ финансовъ, признавшій первоначально пользу этой мѣры, потомъ взялъ назадъ свое мнѣніе, заявивъ, что такая форма ревизіи выходитъ изъ круга обязанностей государственнаго контроля, что цѣлость и храненіе кассъ каждаго мѣста достаточно обезпечены закономъ и отвѣтственностью хранителей, что такая ревизія «нарушала бы существенныя права министровъ, подвергая ихъ зависимости отъ равной власти», и, наконецъ, означенная мѣра не можетъ, по его мнѣнію, принести существенной пользы. Такъ погибла здоровая идея объ установленіи въ хозяйственной жизни государства правильнаго фактическаго контроля. Въ этотъ періодъ господства самодержавной бюрократіи не могло найти себѣ мѣста въ жизни все, что носило хоть тѣнь ограниченія этого самодержавія.

Однако, время и жизнь брали свое. Недостатки существовавшей системы генеральныхъ отчетовъ били въ глаза, и внутренняя несостоятельность ея сознавалась все болѣе и болѣе. Постепенно входила въ сознаніе людей идея устройства документальной ревизіи въ независимомъ вѣдомствѣ, робко воскресала вновь забытая мечта генералъ-адъютанта Киселева. Наконецъ, 14 августа 1852 года было учреждено подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, князя Гагарина, особое совѣщаніе, подъ названіемъ контрольнаго комитета, для разсмотрѣнія вопроса о контрольной системѣ. Въ этомъ комитетѣ вопросъ былъ поставленъ прямо: «какую именно систему отчетности избрать и установить на будущее время». Мнѣнія раздѣлились. Большинство, въ томъ числѣ и государственный контролеръ Хитрово, не признавали нужнымъ мѣнять дѣйствующую систему и предлагали ограничиться лишь нѣкоторыми дополненіями ея и поправками.—Меньшинство же, Княжевичъ (впослѣд-

ствіи министръ финансовъ) и Норовъ,—высказались за систему Киселева, предлагая поручить государственному контролю ревизію подлинной отчетности и передать въ его вѣдѣніе всѣ контрольныя отдѣленія казенныхъ палатъ, образовавъ изъ нихъ мѣстныя губернскія ревизіонныя инстанціи. Это разногласіе обратило на себя вниманіе Николая I, который на докладѣ комитета объ этомъ написалъ: «мнѣніе г. Княжевича кажется Мнѣ весьма основательнымъ; желаю, чтобы государственный контролеръ подробно Мнѣ объяснилъ, почему не соглашается съ нимъ». Хитрово, цѣлую четверть вѣка отстаивавшій систему генеральныхъ отчетовъ и потратившій много усилій для ея упроченія, предпочиталъ эту уже налаженную систему ревизіи новой съ ея неизвѣстными результатами и съ большими, неизбѣжными въ первое время недочетами, которые должны были ослабить уже достигнутые контролемъ при старой системѣ успѣхи въ ревизіонномъ дѣлѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ представилъ свое объясненіе государю, который и согласился съ нимъ.

Тѣмъ не менѣе, время господства системы генеральныхъ отчетовъ явно приходило къ концу, такъ какъ кончалась уже и породившая ее эпоха бюрократическаго самовластія. Мнѣніе Княжевича нашло новую поддержку въ лицѣ наслѣдника престола, будущаго государя Александра II, который по поводу предположеній контрольнаго комитета высказался такъ: «Я не только согласенъ, но убѣжденъ, что существующая нынѣ въ Россіи система контрольной отчетности требуетъ преобразованія существеннаго: требуетъ для того, чтобы подчинить ревизіи строгой и правильной, и по документамъ и на самомъ мѣстѣ, всѣ операціи денежныя и матеріальныя, всѣхъ безъ изъятія отраслей государственнаго управленія». Эти слова перешли до извѣстной степени въ дѣло лишь съ восшествіемъ высказавшаго ихъ на престолъ.

III.

Эпоха великихъ реформъ принесла съ собой обновленіе и контрольнаго дѣла на Руси въ соотвѣтствіи съ давно назрѣвшими потребностями времени и съ духомъ предпринятыхъ преобразованій. Основные принципы контрольной реформы взяты были на западѣ, заимствованы у тѣхъ народовъ, у которыхъ государственный бюджетъ и народное хозяйство стояли на одной высотѣ съ развитой у нихъ гражданственностью и политической свободой. Изучить эти принципы на мѣстѣ, пересадить ихъ, затѣмъ, на

русскую почву и воплотить ихъ въ русскую жизнь выпало на долю извѣстнаго контрольнаго дѣятеля Валеріана Алексѣевича Татаринова.

По мысли великаго князя Константина Николаевича, въ концѣ ноября 1855 года состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи за границу генералъ-контролера контрольнаго департамента гражданскихъ отчетовъ В. А. Татаринова для изученія въ Бельгіи, Франціи, Пруссіи и Австріи дѣйствовавшихъ тамъ счетныхъ и контрольныхъ учрежденій съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ къ русскимъ порядкамъ и установленіямъ. При исполненіи этой задачи Татариновъ скоро убѣдился, что государственная отчетность тѣсно связана съ ея финансовыми учрежденіями, что, слѣдовательно, для изученія системъ отчетности нужно изучить, кромѣ того, систему составленія и исполненія смѣтъ и организацію кассъ. Онъ увидѣлъ, что въ основѣ системъ отчетности всѣхъ названныхъ государствъ лежатъ одни и тѣ же коренныя начала, которыя обнимаютъ всѣ стороны бюджетно-контрольнаго дѣла и касаются смѣтнаго, кассоваго и ревизіоннаго порядковъ. Въ отношеніи перваго изъ нихъ требуется, чтобы смѣта включала въ себя всѣ безъ исключенія государственные рессурсы и потребности съ указаніемъ данныхъ, на которыхъ основываются смѣтныя исчисленія; чтобы отъ общихъ государственныхъ расходовъ всегда отдѣлялись издержки взиманія доходовъ; чтобы предѣлы каждой отдѣльной статьи и смѣты были ненарушимы, вслѣдствіе чего не допускается замѣна недостатковъ по одной статьѣ сбереженіями по другой, и наконецъ, чтобы каждая смѣта дѣйствовала въ теченіе строго опредѣленнаго срока. Въ основаніи кассоваго порядка лежалъ принципъ единства государственной кассы, какъ въ отношеніи прихода, такъ и расхода. Ревизіонный порядокъ требовалъ установленія контроля предварительнаго, т.-е. предшествующаго совершенію расходовъ, и производства повѣрки по подлиннымъ актамъ и документамъ, при чемъ этой повѣркѣ должны подвергаться дѣйствія и распорядителей кредита, т.-е. лицъ, дающихъ предписанія, и исполнителей этихъ предписаній, т.-е. кассъ.

Результатомъ командировки Татаринова заграницу явился подробно и обстоятельно составленный имъ сравнительный обзоръ системъ отчетности въ перечисленныхъ выше государствахъ, на которомъ государь, ознакомившись съ нимъ, написалъ: «Прочелъ съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Искренно благодарю д. с. с. Татаринова за его добросовѣстный и основательный трудъ. Дай Богъ, чтобы у насъ умѣли извлечь изъ него ожи-

даемую Мною пользу». Вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ эта польза должна была проявиться на Руси, былъ обстоятельно разработанъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ государственнаго контролера Анненкова. Планъ этотъ былъ одобренъ и государемъ, который сдѣлалъ на докладѣ такія отмѣтки: «Признаю всѣ эти соображенія весьма цѣнными», и затѣмъ: «По важности сего дѣла желаю, чтобы оно было прочитано въ совѣтѣ министровъ. Я, съ своей стороны, совершенно раздѣляю вашъ взглядъ и желалъ бы, чтобы и прочіе г.г. министры убѣдились въ необходимости приступить къ радикальному улучшенію какъ нашего счетоводства, такъ и вообще финансовой системы нашей». Но убѣдить министровъ въ необходимости этой реформы было не такъ-то легко: такое убѣжденіе было для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ неудобно. Чѣмъ больше подвигалось дѣло впередъ, тѣмъ сильнѣе становились препятствія для него, и самовластная бюрократія напрягала всѣ усилія, чтобы отстоять свою независимость противъ всякаго внѣвѣдомственнаго контроля. Вступали въ борьбу два разнородныхъ начала: бюрократическій абсолютизмъ и отвѣтственность въ лицѣ независимаго отъ этого абсолютизма, хотя и государственнаго, контроля. И эта борьба достигла наивысшаго напряженія.

Для обсужденія основныхъ началъ реформы, изложенныхъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Анненкова и въ сравнительномъ обзорѣ системъ отчетности Татаринова, была учреждена въ ноябрѣ 1858 года, подъ предсѣдательствомъ графа Гурьева, высшая комиссія. Когда соображенія этой комиссіи были конфиденціально сообщены затѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, съ ихъ стороны посыпались самыя разнородныя, большею частью, придирчивыя или наивныя возраженія, плохо скрывавшія истинный смыслъ ихъ сердитаго недовольства предположенной реформой. Возражали какъ по существу реформы, такъ и противъ принциповъ, на которыхъ она утверждалась. Указывали, главнымъ образомъ, на обширность Россіи и особое политическое устройство ея, какъ на препятствія для этой реформы; на этомъ особенно настаивалъ министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ. Высшая комиссія отвѣчала на это, что подъ такимъ предлогомъ устранялось введеніе у насъ многихъ полезныхъ учрежденій. А государь на докладѣ комиссіи написалъ противъ возраженія противниковъ реформы: «Эти разсужденія весьма покойны для тѣхъ, которые не хотятъ никакихъ улучшеній,— и оттого столь много полезныхъ предначертаній остались не-

исполненными, которыя имѣлись въ виду лѣтъ двадцать тому назадъ». Указывали, далѣе, на то, что правильный, самостоятельный и независимый отъ распорядителей контроль можетъ существовать только при гласности общественнаго мнѣнія и законодательной власти. Комиссія отвѣчала, что тамъ, гдѣ гласность того и другого вида не развита, самостоятельное государственное контрольное учрежденіе еще болѣе необходимо, ибо оно должно замѣнить собою, до извѣстной степени, контроль общественнаго мнѣнія. Крѣпко отстаивали также вѣдомства существованіе своихъ собственныхъ, вѣдомственныхъ капиталовъ для секретныхъ цѣлей, вопреки принципу единства государственной кассы, и горячо возражали противъ права государственнаго контролера оцѣнивать дѣйствія министровъ и доводить до Высочайшаго свѣдѣнія о нехозяйственности въ ихъ распоряженіяхъ, такъ какъ это означало бы, по ихъ мнѣнію, что равный судитъ равнаго. Комиссія на послѣднее возраженіе отвѣчала, что право это уже предоставлено государственному контролеру дѣйствующимъ закономъ (ст. 1671 т. I св. зак. гражд. изд. 1857 г.), но до сихъ поръ оставалось лишь мертвой буквой. Новыми правилами было предположено также предоставить контролю право постановлять окончательные ревизіонные приговоры лишь по дѣйствіямъ исполнителей, т.-е. кассъ, а заключенія свои по дѣйствіямъ распорядителей кредитами контроль долженъ былъ представлять на обсужденіе высшихъ учрежденій или Высочайшей власти. Наконецъ, энергичное возраженіе вѣдомствъ вызвалъ и проектъ учрежденія предварительнаго контроля, т.-е. повѣрки контролемъ предписанія распорядителя кредитомъ до уплаты денегъ изъ кассы. Но и эти возраженія были опровергнуты высшей комиссіей, съ мнѣніями которой согласился и государь.

Были допущены, однако, нѣкоторыя изъятія изъ общеустановленнаго порядка ревизіи. Были освобождены отъ повѣрки государственнымъ контролемъ суммы, расходуемыя подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Высочайшей власти и на предметы, Его Величеству извѣстные, а также и капиталы сословные, общественные или пожертвованные съ опредѣленною цѣлью въ тѣхъ именно случаяхъ, когда ревизія ихъ производится самими этими сословіями, обществами или жертвователями, какъ заинтересованными въ правильномъ употребленіи этихъ капиталовъ. На докладѣ же объ этомъ государь прибавилъ: «Къ этому слѣдуетъ еще отнести всѣ расходы, которые производятся изъ капиталовъ, принадлежащихъ опекунскимъ совѣтамъ».

Съ окончаніемъ занятій высшей комиссіи была образована

въ февралѣ 1859 года, подъ предсѣдательствомъ Татаринова, спеціальная комиссія изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ для составленія, на основаніи одобренныхъ высшей комиссіей и Высочайше утвержденныхъ основныхъ началъ, общаго проекта государственной отчетности и выработки правилъ и формъ смѣтнаго, кассоваго и ревизіоннаго порядковъ. Эта междувѣдомственная комиссія, какъ послѣдній оплотъ вѣдомствъ, отстаивавшихъ свои интересы, должна была стать ареной жестокой борьбы старыхъ порядковъ съ нарождавшимися новыми. И такъ какъ для принятія новыхъ мѣръ требовалось по закону согласіе всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ, то можно было быть заранѣе увѣреннымъ въ отсутствіи такого согласія, вслѣдствіе чего вся реформа была въ сущности обречена на безплодіе. Примѣровъ подобнаго рода въ исторіи бюрократическаго творчества было множество. Особенно свѣжа была въ памяти недавняя дѣятельность контрольнаго комитета, выработавшаго въ 1852—53 г.г. положенія по преобразованію государственной отчетности, которыя были одобрены затѣмъ и государственнымъ совѣтомъ, но остались, однако, безъ примѣненія за отсутствіемъ согласія всѣхъ министровъ на ихъ осуществленіе. Предвидя возможность такого плачевнаго исхода реформы, Анненковъ заранѣе испросилъ всеподданнѣйшимъ докладомъ 23 февраля 1857 года согласіе государя на отмѣну этого порядка, ссылаясь, главнымъ образомъ, на чрезвычайную трудность достиженія единомыслія въ общихъ контрольныхъ вопросахъ, гдѣ каждое отдѣльное вѣдомство или управленіе смотритъ на дѣло съ своей спеціальной вѣдомственной точки зрѣнія въ то время, какъ государственный контроль обсуждаетъ вопросы на основаніи данныхъ, добытыхъ наблюденіемъ надъ разными отраслями управленія. Такимъ путемъ былъ обезпеченъ ходъ работъ спеціальной комиссіи. На ея долю выпалъ большой и сложный трудъ, слѣдить за которымъ въ подробностяхъ, нерѣдко очень интересныхъ, мы здѣсь не можемъ, и отмѣтимъ лишь самое существенное.

Комиссія эта привела въ извѣстность и полноту нашъ государственный бюджетъ, разобравшись въ тѣхъ денежныхъ средствахъ и капиталахъ, которые находились въ непосредственномъ распоряженіи министерствъ и имѣли отдѣльное отъ государственнаго казначейства существованіе. Послѣдствіемъ этой работы явилась передача вѣдомствами въ государственное казначейство свыше 300 капиталовъ разныхъ наименованій на сумму около 56 милл. рублей. Оказалось, что въ распоряженіи разныхъ вѣдомствъ накоплялись въ качествѣ мертваго капитала

огромныя суммы въ то время, когда государство для удовлетворенія потребностей тѣхъ же вѣдомствъ вынуждено было дѣлать займы съ уплатою по нимъ $4^1/_2$%. Несмотря на всю ненормальность такого положенія вещей, вѣдомства упорно не желали уступать казнѣ свои вѣдомственные капиталы, накопленные ими за счетъ той же казны, и всячески старались отдалить по крайней мѣрѣ срокъ этой передачи. Они уступили только по предписанію Высочайшей власти. Окончательнымъ результатомъ работъ комиссіи по бюджету и по системѣ смѣтъ было составленіе ею смѣтныхъ правилъ, Высочайше утвержденныхъ 22 мая 1862 года, дѣйствующихъ и нынѣ.

Установленіе единства государственнаго бюджета влекло за собой и учрежденіе единства государственной кассы. Въ этомъ отношеніи спеціальной комиссіей былъ выработанъ проектъ такъ называемыхъ «кассовыхъ правилъ», опредѣлявшихъ весь порядокъ новаго кассоваго устройства и все движеніе государственныхъ средствъ, начиная съ пріема въ казну отъ плательщика подлежащихъ суммъ и кончая уплатою изъ казны денегъ непосредственно прямымъ ея кредиторамъ. Такой порядокъ лишалъ теперь распорядительныя управленія возможности держать на рукахъ какія-либо суммы, кромѣ авансовъ, и обязывалъ въ то же время кредитора казны являться непосредственно въ кассу министерства финансовъ за полученіемъ слѣдующей ему уплаты. При чемъ этими правилами предусматривалось введеніе предварительнаго контроля, т.-е. повѣрка контролемъ каждой ассигновки до выдачи по ней денегъ кредитору казны.

Новый порядокъ единства кассы введенъ былъ первоначально, въ видѣ опыта, только въ Петербургѣ. Однако, министръ финансовъ Рейтернъ, соглашаясь на этотъ опытъ, рѣшительно возражалъ противъ предварительнаго контроля, какъ мѣры непримѣнимой, по его мнѣнію, въ Россіи и замедляющей будто бы хозяйственныя распоряженія вѣдомствъ. Напрасно Татариновъ входилъ по этому поводу съ особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, опровергая въ немъ всѣ мнимыя опасенія Рейтерна. Государь уступилъ министру финансовъ, и проектъ кассовыхъ правилъ былъ соотвѣтственнымъ образомъ измѣненъ. Въ этомъ видѣ опытъ единства кассы былъ осуществленъ въ Петербургѣ съ 1-го января 1864 года и вводился затѣмъ постепенно во всей Россіи, закончившись лишь въ 1868 году. Хотя опытъ этотъ вполнѣ оправдалъ основныя начала, на которыхъ было введено единство кассы и выработанъ спеціальной комиссіей роектъ новыхъ кассовыхъ правилъ, подвергшихся въ дальнѣ

шемъ по указанію практики измѣненію лишь въ частностяхъ, тѣмъ не менѣе единство кассы было встрѣчено вѣдомствами весьма недружелюбно, такъ что, напримѣръ, въ Царствѣ Польскомъ пришлось даже смѣстить значительную часть мѣстныхъ чиновниковъ, упорно не желавшихъ слѣдовать новому порядку; проектъ же кассовыхъ правилъ такъ и остался проектомъ, не получивъ законодательнаго утвержденія вплоть до сего дня.

Заключительная часть реформы состояла въ устройствѣ ревизіоннаго порядка, въ основу котораго было положено учрежденіе единаго и независимаго государственнаго контроля, производящаго повѣрку денежныхъ оборотовъ по подлиннымъ документамъ, по слѣдамъ дѣйствій какъ исполнителей (т. - е. кассъ), такъ и распорядителей казенными средствами. Въ этихъ видахъ распорядительныя управленія обязаны были доставлять контролю документы по всѣмъ произведеннымъ ими расходамъ и по поступившимъ къ нимъ доходамъ. Для выполненія этихъ новыхъ ревизіонныхъ функцій въ отношеніи центральныхъ казенныхъ учрежденій была образована въ Петербургѣ временная ревизіонная комиссія, а для повѣрки мѣстныхъ оборотовъ—контрольныя палаты на мѣстахъ, съ предоставленіемъ имъ права производить ревизію окончательно и самостоятельно, подчиняясь въ административномъ отношеніи только государственному контролеру. Устройство такихъ контрольныхъ частей по губерніямъ было встрѣчено очень несочувственно губернской администраціей. Губернаторы, главные и единственные распорядители всѣхъ гражданскихъ кредитовъ въ губерніи, естественно стали, по примѣру высшей бюрократіи, во враждебное отношеніе къ контрольнымъ палатамъ, рѣшавшимъ ревизіонныя дѣла независимо, и послѣднія съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности натолкнулись на значительныя затрудненія и непріятности. Съ своей стороны и комитетъ министровъ сдѣлалъ было попытку посягнуть на независимость контрольныхъ палатъ, подчинивъ ихъ, на-ряду со всѣми губернскими учрежденіями, надзору губернатора. Независимость была, однако, сохранена за палатами лишь по особому всеподданнѣйшему докладу Татаринова.

Но ревизіонной самостоятельности контроля угрожала опасность отъ бюрократическаго самовластія и съ другой стороны. Ранѣе установилась такая практика, что каждый министръ, безъ предварительнаго сношенія съ контролемъ, испрашивалъ особымъ докладомъ, когда это признавалъ нужнымъ, Высочайшее разрѣшеніе на сложеніе начета или на изъятіе того или другого вида расходовъ изъ общихъ правилъ отчетности

Такимъ путемъ результаты контрольной ревизіи сплошь и рядомъ сводились на нѣтъ, а само контрольное учрежденіе теряло смыслъ своего существованія. При введеніи новаго порядка отчетности и созданіи контроля на новыхъ началахъ пришлось бороться и съ этимъ зломъ, расцвѣтшимъ на почвѣ безотчетнаго веденія бюрократіей государственнаго хозяйства. По особому докладу Татаринова было Высочайше повелѣно, чтобы впредь разрѣшенія по такимъ дѣламъ испрашивались не иначе, какъ по соглашенію съ контролемъ и съ представленіемъ его мнѣнія по данному вопросу.

На такихъ общихъ основаніяхъ реформирована была у насъ система государственной отчетности. При свѣтѣ этихъ новыхъ началъ ярко обнаружились всѣ недочеты нашего дореформеннаго хозяйства. Такъ, оказалось, напримѣръ, что бюджетъ государства при прежнемъ порядкѣ отчетности и ревизіи всегда долженъ былъ оставаться величиной неизвѣстной и неопредѣленной, такъ какъ почти не существовало ревизіи доходовъ и матеріальнаго имущества государства. Главное вниманіе всегда обращалось на производство расходовъ, и здѣсь старались предотвратить всѣ ущербы и утечки казенныхъ денегъ; о правильномъ же и полномъ подсчетѣ доходовъ и казеннаго имущества почти вовсе не заботились. Между тѣмъ, несомнѣнно, что, при взиманіи въ то время государствомъ свыше 350 милліоновъ рублей дохода, неправильности и злоупотребленія со стороны сборщиковъ должны были имѣть мѣсто, и притомъ въ значительной степени,—тѣмъ болѣе, что при доходахъ они менѣе замѣтны, чѣмъ при расходахъ. Равнымъ образомъ и отсутствіе надзора за матеріальнымъ имуществомъ казны не давало возможности имѣть истиннаго понятія о дѣйствительномъ положеніи государственнаго хозяйства, активъ и пассивъ котораго слагаются не изъ однихъ только приходовъ и расходовъ, но также изъ принадлежащаго ему имущества и взаимныхъ долговыхъ обязательствъ.

Въ виду этого тогда же, подъ руководствомъ Татаринова, были разработаны и изданы правила для ревизіи важнѣйшихъ государственныхъ доходовъ: питейнаго, соляного, сахарнаго и установленъ былъ фактическій контроль на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, а также въ почтовомъ вѣдомствѣ и отчасти по вѣдомству департамента таможенныхъ сборовъ. Въ отношеніи ревизіи матеріальнаго имущества было поставлено установить тѣсную связь между матеріальными и денежными оборотами каждаго управленія. Выработанныя сообразно съ этимъ принципомъ правила матеріальнаго счетоводства и отчетности были

примѣнены въ видѣ опыта сперва въ хозяйствѣ интендантскихъ складовъ, а затѣмъ и на горныхъ заводахъ, портовыхъ магазинахъ, адмиралтействахъ, заводахъ морского вѣдомства и на нѣкоторыхъ судахъ флота.

Результаты введенія новой системы государственной отчетности обнаружились въ скоромъ времени. Уже въ 1868 году Татариновъ могъ засвидѣтельствовать, что при дѣйствіи новаго порядка ревизіи многіе виды неправильныхъ оборотовъ и дѣйствій, обычные въ дореформенное время, теперь значительно сократились и стали явленіемъ рѣдкимъ. Установленная новыми бюджетными правилами предварительная повѣрка контролемъ финансовыхъ смѣтъ министерствъ и управленій дала возможность сократить на значительныя суммы смѣтныя требованія и увеличить поступленія по нѣкоторымъ доходнымъ статьямъ. Такъ, за время съ 1864—1866 годы смѣтныя требованія разныхъ вѣдомствъ, благодаря настояніямъ контроля, были сокращены на сумму свыше 39 милліоновъ рублей. Такое же вліяніе оказалъ контроль и на постоянно возраставшую до того времени цифру сверхсмѣтныхъ кредитовъ, которые съ 25 милл. руб. въ 1861 году упали черезъ два года до 8 милліоновъ рублей. Съ этого же времени сталъ исчезать и застарѣлый недугъ нашего бюджета—постоянный дефицитъ по росписямъ.

Однако, какъ ни благопріятны были эти результаты, опытный глазъ могъ замѣтить, что и новый реформированный строй страдаетъ закоренѣлой болѣзнью; что эти результаты не совсѣмъ отвѣчаютъ той широтѣ и силѣ размаха, какую обнаружила реформа въ самомъ началѣ своего дѣйствія, въ своихъ основныхъ замыслахъ. Видно было, что среда, обстановка постепенно укоротили и принизили значеніе новой идеи до того уровня, который давалъ просторъ всесильному бюрократическому самовластію. И это вовсе не трудно было сдѣлать: стоило лишь подрѣзать жизненный нервъ новаго учрежденія, лишить его денежныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы развернуть свою силу и мощь до предѣла принадлежащихъ ему по существу полномочій. Такъ именно и поступили съ реформированнымъ контролемъ. Достаточно сказать, что вся эта крупная и серьезная реформа, потребовавшая отъ контроля громаднаго напряженія силъ, когда приходилось одновременно и заключать дореформенную ревизію, производившуюся до того времени счетными частями разныхъ вѣдомствъ, и заводить дѣло на новыхъ началахъ, приспособляясь къ новымъ порядкамъ и требованіямъ,— вся эта реформа не стоила государству ни одной лишней

копейки. Дѣятели реформы взваливали на себя непосильное бремя, чтобы только отнять у противниковъ ея основанія ссылаться, съ цѣлью затормозить реформу, на обременительность ея для государственнаго казначейства. Въ этихъ видахъ, между прочимъ, контрольные чиновники оставлены были при этой громадной напряженной и отвѣтственной работѣ на томъ же содержаніи, которое опредѣлено было для нихъ еще штатами 30-хъ и 40-хъ годовъ. Но эта скудость окладовъ неизбѣжно влекла съ собой и другое зло—приходилось прибѣгать къ дешевому вольнонаемному труду, который, конечно, понижалъ и качество ревизіонной работы. Отсюда и запоздалость въ производствѣ и заключеніи ревизіи, нарушавшая основной принципъ новаго ревизіоннаго порядка — современность ревизіонной повѣрки. Затѣмъ, новый контроль, въ сущности, слабосильный и фактически связанный, былъ обезсиленъ еще и юридически. Несмотря на всю осторожность, съ которою вводилась реформа, несмотря на доказанную многолѣтнимъ опытомъ непреложность положенныхъ въ основаніе реформы началъ и правильность нормъ и положеній, опредѣлявшихъ кругъ дѣятельности преобразованнаго учрежденія и отношенія его къ другимъ государственнымъ установленіямъ,—нормы эти, тѣмъ не менѣе, лишь въ небольшой своей части стали закономъ. Лишь общія смѣтныя правила, регулирующія собственно бюджетную часть, были Высочайше утверждены 22-го мая 1862 года; правила же, обнимающія собою порядокъ кассовый и счетно-ревизіонный, и до сего времени не получили силы закона. И до сего времени государственный контроль руководится въ своихъ ревизіонныхъ дѣйствіяхъ не строго опредѣленной и утвержденной законодательнымъ путемъ нормой, соображенной съ его новымъ положеніемъ и функціями, а изданными ad hoc многочисленными правилами, инструкціями и положеніями, имѣющими лишь условную обязательность, да нѣкоторыми статьями старыхъ дореформенныхъ законовъ, изданныхъ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Юридически сильный государственный контроль не мирится съ самовластіемъ бюрократіи, и потому уже при самомъ рожденіи его онъ лишенъ былъ полноты принадлежащихъ ему правъ и, обезкровленный съ самаго начала, онъ до сего времени являетъ собою видъ немощнаго старца, докучливая воркотня котораго мало кого безпокоитъ. И это безсиліе контроля, привитое ему еще въ періодъ реформъ, стало хроническимъ и органически связано со всѣмъ нашимъ бюрократическимъ укладомъ.

Но зато тамъ, гдѣ контролю былъ предоставленъ извѣстный

просторъ, гдѣ административная власть, хотя и сильная, но прямая и открытая въ своихъ дѣйствіяхъ, видѣла въ контролѣ своего союзника, а не врага,—тамъ онъ оказалъ этой власти и государству важнѣйшія услуги. Примѣромъ этого является дѣятельность полевого контроля въ русско-турецкую кампанію 1877—78 г.г., раскрывшаго здѣсь такія злоупотребленія, которыя, по выраженію государ. контролера Грейга, «глубоко возмутили и покрыли стыдомъ всю страну». Но этотъ стыдъ, съ котораго контроль безцеремонно срывалъ тогда личину невинности, оказывался спасительнымъ для государства: позднѣйшіе наши походы и военныя дѣйствія стали уже невозможными безъ самаго широкаго участія контроля. Когда открылась въ 1880 году Ахалтекинская экспедиція, начальникъ ея, М. Д. Скобелевъ, отказывался стать во главѣ отряда, если при немъ не будетъ организованъ фактическій контроль, подобно дѣйствовавшему въ русско-турецкую кампанію. И, наблюдая затѣмъ, во время самаго похода, работу этого контроля, онъ между прочимъ писалъ: «Разбирая дѣйствія контроля на западномъ берегу (Каспійскаго моря), должно подивиться и дѣятельности, и опытному, практическому направленію его дѣйствій. Я еще разъ имѣлъ случай убѣдиться въ той по-истинѣ громадной пользѣ, которую приноситъ это учрежденіе при войскахъ въ военное время, и еще въ томъ доблестномъ духѣ служебной исполнительности, которою воодушевлены чиновники, служащіе въ этомъ столь почитаемомъ государственномъ учрежденіи. Такое же впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ людей порядочныхъ и контроль въ бывшей дѣйствующей арміи».

Мы не станемъ приводить здѣсь другихъ лестныхъ отзывовъ этого военачальника о контролѣ; но не можемъ, однако, не отмѣтить здѣсь, какъ особенную заслугу Скобелева, что благодаря ему именно былъ сдѣланъ у насъ первый опытъ введенія въ нашу систему государственной отчетности предварительнаго контроля. Этотъ видъ ревизіи былъ предусмотрѣнъ еще въ періодъ реформы, но въ жизнь не проводился исключительно вслѣдствіе противодѣйствія ему со стороны подотчетныхъ вѣдомствъ, особенно въ лицѣ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Самовластная бюрократія, едва терпѣвшая реформированный контроль, и притомъ въ его ослабленномъ видѣ, никакъ, конечно, не могла согласиться на установленіе контроля предварительнаго. Это сдѣлалъ лишь М. Д. Скобелевъ. Онъ смѣло допустилъ этотъ видъ ревизіи въ своемъ экспедиціонномъ отрядѣ и даже написалъ на представленномъ ему проектѣ объ этомъ: «во вся-

комъ случаѣ, это могучая узда всему ворующему». И онъ въ этомъ не ошибся и не раскаялся,—напротивъ, этотъ именно видъ контроля оказалъ ему, какъ военачальнику, по собственному его признанію, незамѣнимую услугу. Въ своемъ послѣднемъ приказѣ войскамъ онъ писалъ: «счастливъ высказать убѣжденіе, что своевременное введеніе предварительнаго контроля *дало* мнѣ то нравственное *спокойствіе*, которое въ сердцѣ отвѣтственнаго распорядителя столь обширнаго и рискованнаго дѣла *являлось наилучшимъ залогомъ побѣды*» [1]). Общее свое впечатлѣніе о дѣятельности контроля при его отрядѣ онъ высказалъ въ письмѣ къ начальнику этого контроля В. П. Череванскому. «Въ настоящее время,—писалъ онъ послѣднему,—экспедиція пришла къ концу. Высочайшимъ приказомъ послѣдовало назначеніе мнѣ преемника генерала Рерберга, а потому я считаю вполнѣ умѣстнымъ высказать вамъ, милостивый государь, до какой степени, по крайнему моему убѣжденію, дѣятельность контроля была полезна, и то чувство безпредѣльнаго уваженія, которое присуще относительно чиновъ контроля всѣмъ дорожащимъ интересами службы и ставящимъ ихъ выше личныхъ. Заключаю положительнымъ заявленіемъ, что для меня непонятно, какъ можно вести военныя дѣйствія безъ самаго широкаго участія контроля».—Такъ цѣнилъ дѣятельность контроля начальникъ военной экспедиціи, который, будучи облеченъ въ походѣ самыми широкими правами и полномочіями, не считалъ тѣмъ не менѣе финансовую подотчетность свою другому постороннему вѣдомству ни унизительной для себя, ни умаляющей полноту его власти.

Михаилъ Кремяновскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Курсивъ подлинника.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Я на югъ вернулась. Поклонюсь я солнцу.
Сѣверъ не забуду, сѣверъ не кляну.
Улыбнусь привѣтно даже незнакомцу,
Къ изумруднымъ травамъ грудью я прильну.

Солнце протянуло золотыя струны
Къ дышащей цвѣтами, радостной землѣ.
Сѣверъ! буду помнить я твои буруны
Здѣсь, подъ синимъ небомъ въ ласковомъ теплѣ.

Мнѣ о счастьѣ нѣжно шепчутъ хризантемы.
Сѣверъ, буду помнить я печаль твою—
Но теперь здѣсь радость. Солнца дѣти всѣ мы.
Солнце славословлю, солнце я пою!

II.

Вдоль озера аллея кипарисовъ
Ведетъ туда, гдѣ спятъ безъ думъ, безъ сновъ,
Подъ нѣжнымъ взглядомъ золотыхъ нарцисовъ,
Лиловыхъ ирисовъ и бѣлыхъ облаковъ.

Какая тишь! Въ послѣднюю обитель
Какой спокойный, величавый путь!
Земли печальный, утомленный житель,
Здѣсь наконецъ ты можешь отдохнуть.

Тамъ, гдѣ цвѣтутъ душистые нарцисы,
Такъ хорошо, такъ сладостно лежать!
Не возмутятъ покоя кипарисы
И озера серебряная гладь.

Екатерина Бунге.

СЛУЧАЙНОСТЬ.

(The morals of Marcus Ordeyne)

Романъ Уильяма Локка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

По причинамъ, которыя будутъ выяснены впослѣдствіи, я сижу здѣсь въ Веронѣ и пишу исторію своего необычайнаго приключенія. Передо мной лежитъ раскрытымъ мой дневникъ; и мнѣ хочется развить подробнѣе его отрывочныя записи. Начну съ веселаго майскаго утра, шесть мѣсяцевъ тому назадъ.

Мая 20-го Лондонъ.—Сегодня седьмая годовщина моего освобожденія отъ рабства. Каждый годъ я отмѣчаю въ своемъ дневникѣ этотъ день со вздохомъ невыразимой благодарности. Вотъ ужъ семь долгихъ счастливыхъ лѣтъ, какъ я свободенъ отъ унизительныхъ вліяній древней исторіи и первой книги Эвклида. Нѣкоторые находятъ, что современный англійскій школьникъ существо очень занятное и что у древнихъ египтянъ было много юмора. Это прирожденные учителя, а школьные учителя, какъ и поэты, nascuntur, non fiunt. Для чего я рожденъ, я никакъ не могу опредѣлить. Ужъ, конечно, не для того, чтобы быть школьнымъ учителемъ—сколько лѣтъ я пробовалъ, и все не сдѣлался имъ, а только превратился въ автомата, котораго я самъ боялся, надъ которымъ мои коллеги издѣвались и къ которому ученики относились съ добродушной терпимостью.

Ровно семь лѣтъ тому назадъ пришло письмо отъ адвоката. Почту обыкновенно приносили какъ разъ передъ началомъ перваго урока. Я распечаталъ письмо въ классѣ и опустился

на стулъ, совершенно пришибленный ужасной катастрофой, сразу истребившей всѣхъ моихъ родныхъ. По моему разстроенному лицу ученики мои, должно быть, поняли, что со мной приключилось неладное, ибо, вопреки обыкновенію, они всѣ тридцать молчали, какъ убитые, въ ожиданіи, пока я начну урокъ. Насколько я помню, они такъ прождали цѣлый часъ напрасно. По окончаніи урока я прошелъ къ себѣ. По дорогѣ я слышалъ, какъ одинъ изъ мальчиковъ впереди меня крикнулъ другому:

— Я увѣренъ, что отъ получилъ отставку.

Обернувшись, онъ увидѣлъ меня и покраснѣлъ, какъ индѣйскій пѣтухъ. Я громко разсмѣялся. Крикъ этого мальчишки прозвучалъ для меня, словно труба архангела съ седьмого неба. Ну, да, я получилъ отставку! Никогда больше мнѣ не придется объяснять ему квадратныхъ уравненій. Мнѣ не придется больше видѣть этихъ ненавистныхъ стѣнъ и еще болѣе ненавистныхъ площадокъ для игръ. И свою тюрьму я покидаю не для того, чтобъ перейти въ другую для новаго рабства, какъ это уже было раза два. Нѣтъ, просто, я выхожу на волю. Я могу теперь грѣться на солнышкѣ и свободно смотрѣть въ глаза ближнему безъ неотступнаго и удручающаго сознанія своей непригодности къ тому дѣлу, за которое я взялся. Я свободенъ. Пока мальчишка не крикнулъ, я не могъ осознать этого цѣликомъ... Зубы мои стучали отъ волненія.

Къ счастью, во время второго урока, я былъ не занятъ. Половину этого времени я употребилъ на то, чтобы прійти въ себя. И, когда пришелъ къ директору, уже могъ говорить и разсуждать, какъ разумный человѣкъ. Директоръ былъ большеголовый, толстый, съ шарообразнымъ тѣломъ и круглымъ лицомъ, и золотыя очки его были большія и круглыя. Онъ очень напоминалъ собой фигуру изъ третьей книги Эвклида. Но глаза его сверкали, какъ осколки стекла на солнцѣ.

— Что вамъ, Ордайнъ?—спросилъ онъ, поднимая голову отъ писемъ къ родителямъ, которыя писалъ.

— Я пришелъ просить, чтобы вы уволили меня въ отставку. И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Если можно, сегодня же.

— Ну, полноте, ваши дѣла не такъ ужъ плохи,—ласково сказалъ онъ.

Я недоумѣнно воззрился на него.

— Положимъ, это правда, что вамъ достались два очень непослушныхъ класса,—продолжалъ онъ.

Я поморщился. Его предположеніе жестоко обидѣло меня.

— О, это не имѣетъ никакого отношенія къ моему неумѣнью преподавать.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Мой дѣдъ, двое дядей, два племянника и лакей два дня тому назадъ всѣ утонули въ Средиземномъ морѣ,— спокойно отвѣтилъ я.

И тутъ только понялъ, какъ должно дѣйствовать на людей такое неожиданное сообщеніе. Мой директоръ ошалѣлъ и сразу не нашелся, что отвѣтить.

— Я глубоко сочувствую вамъ,—сказалъ онъ наконецъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ я.

— Какое ужасное несчастіе! Неудивительно, что вы такъ взволнованы. Ужасно! Шесть человѣкъ погибло. Сразу три поколѣнія.

— Въ томъ-то и дѣло,—сказалъ я.—Въ моемъ семействѣ три поколѣнія смыто волной, и теперь главой семьи становлюсь я.

Въ это время въ кабинетъ директора вошла его жена съ утренней газетой въ рукѣ. Увидя меня, она сразу бросилась ко мнѣ.

— Вы получили дурныя вѣсти?

— Да. Въ газетахъ тоже есть объ этомъ?

— Я затѣмъ и шла, чтобы показать мужу. Фамилія такая рѣдкая. Мнѣ сразу подумалось, не родственники ли это вамъ.

Я кивнулъ головой въ знакъ согласія. Директоръ пробѣжалъ замѣтку, на которую ему указала пальцемъ жена, потомъ посмотрѣлъ на меня съ величайшимъ недоумѣніемъ.

— Я понятія не имѣлъ...—началъ онъ.—Позвольте, да вѣдь теперь—теперь, значитъ, вы—сэръ Маркусъ Ордайнъ?

— Это звучитъ ужасно глупо,—не правда ли?—съ улыбкой сказалъ я.—Но, повидимому, это такъ.

Такимъ образомъ я освободился изъ неволи. Я былъ глубоко потрясенъ ужасной катастрофой, но было бы лицемѣріемъ утверждать, будто я былъ очень огорченъ. Никого изъ погибшихъ лично я не зналъ и, по правдѣ говоря, самымъ лучшимъ и самымъ достойнымъ изъ нихъ, по всей вѣроятности, былъ лакей. Мой дѣдушка и дяди всю жизнь игнорировали мое существованіе. Ни разу они не помогали моей овдовѣвшей матери, а между тѣмъ, она была очень больна и очень нуждалась въ участіи и помощи.

Повидимому, всѣ эти Ордайны довольно-таки черствы сердцемъ. Каковъ былъ младшій изъ нихъ, мой отецъ, я поня-

тія не имѣю.—Онъ умеръ, когда мнѣ было всего лишь два года; но мать моя, строгая пуританка, отзывалась о немъ въ томъ же духѣ, какъ она говорила бы о пророкѣ Іоилѣ, если бъ была лично съ нимъ знакома.

Вотъ уже семь лѣтъ, какъ я свободный человѣкъ и живу со всѣми въ мирѣ.

Сегодня утромъ я нанесъ визитъ тетѣ Джессикѣ, м-ссъ Ордайнъ; она добрая женщина и не сердится на меня за то, что я случайно занялъ мѣсто, которое по праву наслѣдія должно было достаться ея мужу и потомъ ея сыну. Она даже не прочь, какъ мать, руководить мной, направляя мое честолюбіе и выясняя мнѣ мои обязанности главы рода. Если я отказываюсь быть руководимымъ, бѣгу отъ честолюбія и отрекаюсь отъ обязанности, вина въ томъ не ея. Она—свѣтская, хорошо сохранившаяся женщина, лѣтъ 55-ти и, такъ какъ она начала красить волосы въ эпоху, когда въ модѣ была перекись водорода, теперь у нея не является желанія оставить эту привычку и посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ. Мнѣ бы хотѣлось походить на нее. Не могу. Она, напримѣръ, умѣетъ мурлыкать. Иной разъ я чувствую, что она умѣетъ и царапаться. Но на этотъ разъ она меня встрѣтила ласково.

— Мой милый Маркусъ. Наконецъ-то. Вѣдь я уже съ Пасхи въ городѣ. Неужели вы не знали?

— Нѣтъ. Боюсь, что не зналъ.—Это была правда.—Почему вы не дали мнѣ знать?

— Я хотѣла васъ позвать обѣдать, но вѣдь вы все равно не пришли бы—вы никогда не приходите. А увѣдомленія о пріѣздѣ и о пріемныхъ часахъ вамъ не стоитъ и посылать—это только маркамъ переводъ.

— Вы могли бы просто написать мнѣ маленькую милую записочку, такъ, безъ всякаго особеннаго повода.

— Чтобъ вы сказали: «Съ какой стати эта женщина надоѣдаетъ мнѣ своими глупыми письмами?» Знаю я васъ, мужчинъ!—Глаза ея лукаво улыбались.

Она была права: я именно такъ и сказалъ бы. И такъ какъ я не мастеръ врать, вмѣсто отвѣта я могъ только смущенно улыбнуться. Не умѣю я разговаривать съ тетей Джессикой. И ей, навѣрное, со мною скучно. Я не вращаюсь среди богачей и знати, какъ она, и, если бъ даже хотѣлъ этого—отчего Боже избави,—мои средства не позволили бы мнѣ окружить себя такою роскошью. Мой дядюшка, мужъ тети Джессики, чтобъ вернуть былой блескъ разорившемуся роду, сталъ заниматься разными коммерческими предпріятіями и нажилъ огромное со-

стояніе, во всякомъ случаѣ, вполнѣ достаточное, чтобы позолотить нашъ потускнѣвшій гербъ; я же, случайный наслѣдникъ титула, вполнѣ довольствуюсь тѣмъ, что у меня есть. Ни общихъ взглядовъ, ни общихъ вкусовъ у меня съ моей теткой нѣтъ. Навѣрное, ей очень скучно со мной. Но она переноситъ эту скуку съ сіяющимъ лицомъ и всякій разъ даетъ мнѣ понять, что мое общество доставляетъ ей невыразимое удовольствіе. Не могу понять, зачѣмъ я ей.

Она всегда поучаетъ, руководитъ и дружески даетъ совѣты. А я терпѣть этого не могу. Сорокалѣтній мужчина не нуждается въ совѣтахъ пожилыхъ женщинъ, да еще вдобавокъ неумныхъ. Впрочемъ, я наблюдалъ: есть женщины, глубоко убѣжденныя, что онѣ геніальны уже потому, что онѣ женщины. Сегодня тетка все время приставала ко мнѣ насчетъ брака. Мнѣ, молъ, надо жениться. Я спрашиваю: почему? Оказывается, это долгъ каждаго мужчины.

— Съ какой точки зрѣнія?—спрашиваю я.—Съ точки зрѣнія необходимости продолженія человѣческаго рода или же предоставленія средствъ къ жизни какой-нибудь молодой особѣ, не сумѣвшей пристроиться и не знающей, куда себя дѣвать. Если вы имѣете въ виду первое, такъ, по-моему, на свѣтѣ и безъ того слишкомъ достаточно людей; если же второе—боюсь, что для этого я недостаточно альтруистиченъ.

— Какой вы смѣшной!—разсмѣялась тетка.

Я и не подозрѣвалъ, что я такой «смѣшной».

— Нѣтъ, серьезно,—продолжала она,—вы *должны* жениться.—У этой женщины пренепріятная манера подчеркивать слова.—Не забывайте, что, если у васъ не будетъ сына, родъ угаснетъ, и титулъ перестанетъ существовать.

— Да хоть бы и такъ,—воскликнулъ я:—никто объ этомъ не заплачетъ. Кому какое дѣло?

Этотъ титулъ начинаетъ мнѣ надоѣдать. Вначалѣ онъ, признаться, забавлялъ меня. Но теперь это становится несноснымъ. Какъ будто онъ числится въ спискахъ небесной канцеляріи и весь кругомъ обставленъ божественными постановленіями. Надняхъ одинъ, совсѣмъ мнѣ незнакомый, пасторъ такъ настойчиво требовалъ, чтобы я выступилъ съ рѣчью на открытіи базара въ пользу его церкви, какъ будто у него было на это повелѣніе свыше.

— Какъ: «кому какое дѣло»?—возмущенно перебила меня тетка.—Всѣмъ дѣло. У васъ есть обязанности по отношенію къ вашимъ потомкамъ, точно также какъ и по отношенію къ вашимъ

предкамъ. Притомъ же,—прибавила она, казалось бы, совсѣмъ некстати,—человѣкъ съ вашимъ титуломъ долженъ жить соотвѣтственно своему положенію.

— Я и стараюсь,—возразилъ я.

— Не представляйтесь, будто вы не понимаете меня. Вы *должны* жениться на деньгахъ.

Я улыбнулся и покачалъ головой. Повидимому, тетушкѣ не нравится, когда я улыбаюсь и покачиваю головой, потому что въ глазахъ ея сверкнулъ сердитый огонекъ.—Нѣтъ, дорогая тетушка, жениться на деньгахъ я рѣшительно отказываюсь. Никакой радости въ этомъ я не вижу. Цѣловать ихъ нельзя,—онѣ холодныя. Обнимать ихъ—онѣ будутъ колоться острыми углами. Никакихъ эмоцій отъ нихъ не дождешься—онѣ умѣютъ только звенѣть.

— Тогда, что же вамъ нужно?

— Ничего. А если ужъ это необходимо, то просто живого человѣка изъ плоти и крови.

— Каннибалъ!—сказала тетка, и мы оба засмѣялись.

— Но вѣдь и живого человѣка можно имѣть съ деньгами...—Она хотѣла продолжать, но въ это время въ гостиную вошли мои кузины, Гвендолэнъ и Дора, и перебили разговоръ. Обѣ онѣ полныя румяныя, шумливыя дѣвицы лѣтъ 20-ти съ небольшимъ. Обѣ ѣздятъ верхомъ и на велосипедѣ, стрѣляютъ, играютъ въ гольфъ танцуютъ. Старшая пишетъ небольшіе разсказы для ежемѣсячныхъ журналовъ. И такъ какъ я ничего этого не умѣю дѣлать,—я увѣренъ, что онѣ считаютъ меня очень жалкимъ существомъ. Когда которая-нибудь изъ нихъ передаетъ мнѣ чашку чаю, мнѣ всегда кажется, что вотъ-вотъ она погладитъ меня по головѣ и скажетъ: «хорошая собака». Я длинный, тощій, сутуловатый съ длиннымъ, угловатымъ лицомъ, близорукій, съ крюковатымъ носомъ—совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ веселые молодые маклера, которыхъ онѣ привыкли имѣть своими кавалерами. И для меня онѣ слишкомъ шумливы. Притомъ же, у нихъ обѣихъ огромный запасъ совершенно невѣрныхъ свѣдѣній о чемъ угодно которыми онѣ имѣютъ привычку огорашивать васъ совершенно неожиданно. А меня, если огорошатъ, я теряюсь и становлюсь неспособнымъ продолжать разговоръ.

Доры я не видалъ еще послѣ ея возвращенія изъ Рима, гдѣ она провела всю раннюю весну, и потому не безъ интереса сталъ ее разспрашивать объ ея впечатлѣніяхъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, она уже прочла мнѣ цѣлую лекцію о соборѣ св. Петра. И сообщила, что онъ построенъ Микель Анд-

жело. Я осторожно намекнулъ, что въ постройкѣ его принималъ нѣкоторое участіе и Браманте, не говоря уже о Розеллино, Бальтазаре, Перуцци и обоихъ Санъ-Галло.

— О!—возразила эта молодая дѣвица съ великолѣпнѣйшею самоувѣренностью,—но вѣдь планъ-то былъ весь Микель Анджело. Всѣ остальные были только ремесленники, возившіеся надъ деталями.

Меня это заявленіе такъ ошеломило, что я поспѣшилъ проститься.

Въ утѣшеніе себѣ вечеромъ я перечиталъ благородную статью Микель Анджело о Браманте.

«Нельзя отрицать, говоритъ онъ, что Браманте, какъ зодчій, можетъ выдержать сравненіе съ любымъ изъ древнѣйшихъ и новыхъ мастеровъ. Онъ заложилъ первый камень собора св. Петра и начерталъ весь планъ дальнѣйшей стройки, такой ясный, такой блестящій, что тѣ строители, которые послѣ Браманте уклонялись отъ него, какъ напримѣръ Санъ-Галло, уклонялись отъ истины». Микель Анджело не любилъ Санъ-Галло; не любилъ онъ и Браманте, который былъ старше его 30-ью годами, но тѣмъ великодушнѣе эта оцѣнка его творчества старѣйшимъ его преемникомъ.

А она говоритъ: «детали». Каково нахальство!

Мая 21-го. Я провелъ все утро за работой у открытаго окна.

Я живу въ небольшомъ домикѣ на Лингфильдской террасѣ, на сѣверной сторонѣ Риджентъ-парка, и окна моей гостиной выходятъ на югъ. Послѣдніе дни погода стоитъ теплая и солнечная; вязы и чинары черезъ дорогу отъ меня начинаютъ уже буйно зеленѣть, какъ бы упившись золотымъ виномъ весны. Мое большое до полу окно раскрыто настежь, и на балконѣ треугольникомъ лежитъ полоска солнечнаго свѣта, которая постепенно вползаетъ все глубже въ комнату. Мой письменный столъ придвинутъ къ самому окну. Я работаю надъ первой частью своей «Исторіи морали Ренессанса»; кажется, теперь матеріалъ у меня собранъ уже полностью. Надъ верхушками деревьевъ стелется розоватая дымка, а позади ихъ лежитъ Лондонъ, съ его борьбой за жизнь и нищетой, съ его грѣхами и тщеславіемъ. Всего какихъ-нибудь 20 минутъ ѣзды отдѣляютъ меня отъ центра. И, если бы я захотѣлъ, я могъ бы быть тамъ, въ самой гущѣ, также бороться, быть такимъ же несчастнымъ, преисполненнымъ грѣховъ и суетности, какъ другіе. Могъ бы играть на биржѣ и заниматься политикой, или же пробовать поймать на удочку

моего титула какую-нибудь богатую невѣсту, благо въ Лондонѣ ихъ много. Тетя Джессика какъ-то сказала мнѣ, что Лондонъ «у моихъ ногъ» и превосходно!—пусть онъ тамъ и остается. Онъ внушаетъ мнѣ такой же нервный страхъ, какъ море въ бурю, съ ревомъ набѣгающее на берегъ. Если бъ я отважился пуститься въ плаваніе по немъ, меня перебрасывало бы съ волны на волну и потомъ, навѣрное, разбило бы объ утесы. Я предпочитаю стоять въ сторонѣ и наблюдать. Можетъ быть, я и могъ бы чего-нибудь достигнуть, но у меня не хватаетъ смѣлости рискнуть. Боюсь, что въ жизни я напрасно копчу небо, но милостивая судьба, вмѣсто того, чтобъ выбросить меня на мостовую, почему-то бережетъ меня подъ стеклянным колпакомъ, какъ рѣдкость, въ своемъ собственномъ музеѣ. Ну, что же, мнѣ и здѣсь недурно. Я, можно сказать, счастливъ.

Мнѣ помѣшала писать своимъ приходомъ моя экономка и кухарка Антуанетта. Она очень извиняется, что помѣшала monsieur работать, но ей непремѣнно надо узнать, кушаетъ ли monsieur щавель. Она приготовила къ обѣду de veau à l'oseille. А Стевсонъ (мой камердинеръ) говоритъ, что это гадость, и что monsieur не будетъ ѣсть этого.

— Антуанетта,—говорю я.—Пойдите и скажите Стенсону, что его дѣло слѣдить за моей внѣшностью, а о моей внутренности заботитесь вы, и что обоимъ вамъ я вполнѣ довѣряю, но ваши сферы дѣйствія должны быть строго разграничены.

— А, все-таки, monsieur, вы кушаете щавель?—тревожно допытывается Антуанетта.

— Обожаю!—говорю я. И Антуанетта съ торжествомъ уходитъ.

Какъ благоговѣйно заботятся француженки о желудкахъ своихъ мужчинъ! По временамъ это бываетъ даже трогательно. Мнѣ не разъ случалось бросать въ огонь лакомыя блюда, которыхъ я не въ состояніи былъ ѣсть, для того только, чтобы не оскорбить Антуанетты.

Я встрѣтилъ ее три года назадъ въ маленькой гостиницѣ маленькаго городка въ департаментѣ Луары. Приготовивъ обѣдъ, она сама мнѣ подала его и потомъ такъ трогательно бесѣдовала со мной о немъ, что скоро мы стали съ ней закадычными друзьями. Черезъ нѣсколько дней послѣ того у кого-то изъ жильцовъ пропали деньги; заподозрили Антуанетту и тотчасъ же уволили ее. У меня были свои подозрѣнія на счетъ вора—которыя потомъ и оправдались,—и я съ негодованіемъ вступился за Антуанетту. Но, тѣмъ не менѣе, ее уволили.

Родомъ она была изъ деревушки за 80 миль отъ того мѣста, гдѣ жила, и тамъ у нея не было ни одного друга, кромѣ меня... Кончилось это тѣмъ, что я предложилъ ей поѣхать со мною въ Англію, страну свободы и пріютъ всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ, и сдѣлаться моею экономкою. Съ улыбкой и слезами она согласилась. Улыбка у нея была широкая, расплывчатая, отъ которой собиралось въ складки все ея толстое, красное лицо, и по этимъ складкамъ, какъ по желобкамъ, скатывались большія, свѣтлыя слезы, падавшія въ самыя неожиданныя мѣста. Она была одна на свѣтѣ. Единственный сынъ ея умеръ, отбывая воинскую повинность на Мадагаскарѣ. Мужъ ея тоже умеръ, но въ глазахъ закона она не была вдовой, такъ какъ не была обвѣнчана съ нимъ, и потому единственному сыну ея пришлось служить.

— On ne peut être jeune qu'une fois, n'estcre pas, monsieur,—говорила она, какъ бы оправдываясь за ошибку своей молодости. И прибавила:

— Жанъ-Мари былъ очень храбрый и такой добрый сынъ для меня, какъ если бъ я была замужемъ по всѣмъ правиламъ и вѣнчалъ меня самъ папа.

Я махнулъ рукой и сказалъ ей, что это совершенно ничего не значитъ. Въ роду делла Скала, которые на протяженіи многихъ поколѣній были владыками Вероны, всѣ были такими же незаконными дѣтьми. Даже Вильгельмъ Завоеватель...

— Tiens!—радостно воскликнула Антуанетта,—а вѣдь онъ сдѣлался потомъ германскимъ императоромъ—онъ и Бисмаркъ.

Представленіе объ исторіи у Антуанетты самое элементарное. Больше я ужъ не пытался разговаривать съ ней на эти темы.

Стенсонъ чуть въ обморокъ не упалъ, когда я привезъ на Лингфильдскую террасу эту жертву иностранной тиранніи. Стенсонъ корректнѣйшій изъ всѣхъ англійскихъ слугъ; у него, кажется, одинъ только порокъ—аккордеонъ, на которомъ онъ играетъ гимны, когда меня нѣтъ дома. Оправившись, онъ почтительно спросилъ меня: какъ же они будутъ понимать другъ друга? Я объяснилъ ему, что придется либо ему самому выучиться по-французски, либо научить Антуанетту англійскому языку. Въ результатѣ, они вмѣстѣ изобрѣли какой-то кошмарный lingua franca, на которомъ и объясняются весьма изрядно. По временамъ у нихъ бываютъ разногласія, какъ, напримѣръ, сегодня по поводу того, ѣмъ я или не ѣмъ veau à l'oseille; но, въ общемъ, они прекрасно ладятъ между собой, и она умѣетъ поддерживать

въ немъ хорошее настроеніе. И, само собой, кормитъ это животное до отвалу.

Навѣстивъ вчера одну изъ своихъ тетушекъ, я счелъ долгомъ сегодня нанести визитъ другой, м-ссъ Ральфъ Ордайнъ. Это женщина совсѣмъ иного типа, чѣмъ ея невѣстка, ревностная католичка; послѣ страшной катастрофы два года назадъ, отнявшей у нея мужа, она стала еще религіознѣй и съ головой ушла въ благотворительность. Живетъ она въ маленькомъ мрачномъ домикѣ въ Кенгсингтонскомъ переулкѣ, куда никогда не заглядываетъ солнце. Дома я засталъ только свою кузину Розали. Она угостила меня теплымъ чаемъ и занимала разговоромъ о выставкѣ въ Эрльсъ-Кортѣ, на которой она не была, и о новомъ романѣ, о которомъ она только слыхала. Напрасно я пытался сколько-нибудь оживить разговоръ. Она, кажется, ничѣмъ на свѣтѣ не интересуется; даже о нарядахъ и модныхъ магазинахъ говоритъ совершенно равнодушно.

Мнѣ ужасно жаль ея. Ей ужъ подъ 30; она тонка, плоска, безцвѣтна и безстрастна, словно отъ рожденія предназначена быть старой дѣвой. Она никогда въ жизни не пила горячаго чаю, не ходила по солнцу, не смѣялась беззаботнымъ смѣхомъ. Помню, разъ, истощивъ всѣ темы, я разсказалъ ей старый анекдотъ о Теодорѣ Гукѣ, какъ онъ на улицѣ обратился къ чванному, напыщенному иностранцу съ учтивой просьбой сообщить ему, что онъ собственно такое собой представляетъ, что у него такой надменный видъ. Она сказала безъ улыбки: «Да, это удивительно, до какой степени нѣкоторые люди бываютъ грубы».

И надо же, чтобъ при крещеніи ее назвали Розой! Это все равно, какъ если бы меня назвали Геркулесомъ.

Кузина сообщила мнѣ, что мать ея хочетъ пригласить меня къ нимъ обѣдать, какъ-нибудь на будущей недѣлѣ. Когда у меня свободный вечеръ? Я выбралъ четвергъ. Странно—въ этомъ домѣ я обѣдаю охотно, хотя отношенія у насъ очень оффиціальныя и называемъ мы другъ друга «сэръ Маркусъ» и «м-ссъ Ордайнъ». Но и мать и дочь, обѣ настоящія аристократки и прекрасно воспитаны, а это у нынѣшнихъ дамъ встрѣчается очень и очень рѣдко.

Къ 6-ти часамъ я вернулся домой и нашелъ на столѣ у себя телеграмму:

«Къ сожалѣнію, не могу накормить васъ обѣдомъ. Кухарка въ невозможномъ видѣ. Приходите вечеромъ. Юдиѳь».

Сознаюсь, я вздохнулъ съ облегченіемъ. Я очень люблю

Юдиѳь и грущу объ ея домашнихъ невзгодахъ, хотя зачѣмъ она держитъ у себя эту пьяницу, я рѣшительно не могу понять. Удивительно, до чего женщины не умѣютъ выбирать и дисциплинировать своихъ домашнихъ слугъ. Одинокіе мужчины устраиваются много лучше. Но, помимо этого, Антуанетта избаловала меня, и обѣды у Юдиѳь мнѣ не очень-то приходятся по вкусу. А потому, получивъ такую телеграмму, я только обрадовался и поспѣшилъ предупредить Стенсона, что я буду обѣдать дома. Во время обѣда мнѣ принесли большую пачку книгъ отъ букиниста и въ томъ числѣ 9 томовъ «*Исторіи Неаполитанскаго Королевства*» *Пьетро Джіаноне*, которую мнѣ давно хотѣлось имѣть. Она посвящена «Могущественнѣйшему и Блаженнѣйшему Государю, Карлу VI Великому, Богомъ вѣнчанному на царство Императору Романскому, Королю Германіи, Испаніи, Неаполя, Венгріи, Богеміи, Сициліи et coetera». Есть ли въ цѣломъ мірѣ хоть одна живая душа, которая бы хоть сколько-нибудь помнила этого «блаженнѣйшаго и могущественнѣйшаго монарха» и восхищалась его добродѣтелями? Да и претензіи-то его на владычество надъ доброй половиною Европы были, помнится, сильно урѣзаны по Утрехтскому договору. Этого маленькаго монарха съ большими претензіями мы помнимъ только въ связи съ его *Прагматической Санкціей;* помимо этого, онъ не оставилъ въ исторіи ни малѣйшаго слѣда. А, между тѣмъ, вотъ въ этомъ предисловіи, помѣченномъ 12-мъ февраля 1723 года, большой ученый, умный историкъ и превосходный стилистъ пресмыкается передъ этимъ человѣкомъ, подписываясь: «Вашего Священнаго Цесарскаго и Католическаго Величества смиреннѣйшій и преданнѣйшій нижайшій вассалъ и слуга Пьетро Джіаноне». Какъ безпощадно топчетъ потомство всѣ эти нѣкогда гремѣвшія дутыя репутаціи!.. Въ великолѣпномъ предисловіи Джіаноне къ своей книгѣ мы читаемъ о знаменитомъ, «il celebre Arthur Duck, il quale oltre à confini della sua Inghilterra volle in altri e piu Contani Paesi andar rintracciando l'uso e l'autorità delle romane leggi ne'nuosi domini de' Principi cristiani; e di quelle di ciascheduna Nazione volle ancora aver conto: le ricerco nella vicina Scozia, e nell' Ibernia; trapassò nella Francia e nella Spagna; in Germania, in Italia, e nel nostro Regno ancora: si stese in oltre in Polonia, Boemia, in Ungheria, Danimarca, nella Svezia ed in piu remote parti».

Преловкій малый, въ самомъ дѣлѣ, этотъ прославленный англичанинъ Артуръ Дёкъ, который помимо того, что онъ написалъ ученый трактатъ «De Usu et Aut. Jur. Civ. Rom. in

Dominiis Principum Christianorum», былъ рыцаремъ, членомъ парламента, канцлеромъ лондонской епархіи и еще вдобавокъ совѣстнаго суда. Джіаноне, по крайней мѣрѣ, на двухъ страницахъ разсыпается въ похвалахъ этому чуду, которое онъ любовно называетъ просто «*Артуро*», какъ говорятъ: *Рафаэль* или *Джіордано*; а кто же теперь помнитъ сэръ Артура Дёка? Если онъ и пользуется славой, то только дурной. Англичане не могутъ простить ему, что человѣкъ съ такой фамиліей могъ стать популярнымъ герсемъ. Однако, былъ же у насъ герой *Дрэкъ* [1]). Но въ этомъ имени, по крайней мѣрѣ, есть что-то мужское...

Я зачитался и, боюсь, очень поздно пришелъ къ Юдиѳи.

II.

Мая 22-го. Не знаю, былъ ли бы я счастливѣе теперь, если бы въ дни моей юности я жилъ на чердакѣ и терпѣлъ голодъ и нужду, услаждаясь соотвѣтствующими компенсаціями въ видѣ «une folle maitresse, de francs amis et l'amour des chansons». Я въ юности жилъ скромно, это правда, но ни разу со мной не было, чтобъ я не зналъ, будетъ ли у меня чѣмъ сегодня пообѣдать, вращался я всегда въ болѣе или менѣе приличномъ обществѣ, и никакая Лизетта не завѣшивала на ночь моего окна своимъ платкомъ. Иногда я теперь жалѣю, что этого никогда не было. Никогда я не мечталъ о славѣ, о любви, о наслажденьяхъ и безумствахъ; никогда со мной не бывало, чтобъ я за одинъ мигъ пережилъ цѣлую жизнь, какъ пѣвецъ въ безсмертной пѣснѣ. Скучныхъ минутъ, тянувшихся цѣлую вѣчность—вотъ этого было у меня вдоволь.

А теперь, когда мнѣ подъ сорокъ, ужъ поздно начинать. Веселыхъ собутыльниковъ у меня, къ счастью, нѣтъ, а если бъ были, они съ ума меня свели бы своимъ несноснымъ хохотомъ и шутками. Это я знаю по опыту—я провелъ однажды вечеръ въ «Клубѣ Дикихъ». Что же касается *folle maitresse*, *такой* спутницы своей жизни я абсолютно не могу себѣ представить.

— О чемъ вы думаете?—спрашиваетъ Юдиѳь.

— Я вспоминалъ пѣсенку: «Dans un grenier qu'on est bien à vingt ans!..» И соображалъ, насколько это было бы примѣнимо ко мнѣ.

Я отвѣтилъ правду, такъ какъ думалъ именно объ этомъ.

---

[1]) *Duck*—утка; *Drake*—селезень, а также—мусоръ, дерьмо.

Юдиѳь смѣется.

— Вы—на чердакѣ? Ну, нѣтъ! Это вовсе не по васъ; у васъ темпераментъ для этого неподходящій.

— Должно быть, что такъ. Раньше я не задумывался надъ этимъ вопросомъ. И Беранже не упоминаетъ объ этомъ въ своемъ перечнѣ компенсацій.

— Въ томъ-то и разница между нами,—прибавляетъ она, помолчавъ.—У меня есть темпераментъ, у васъ нѣтъ его.

— Надѣюсь, вы довольны этимъ?

— Чѣмъ же тутъ быть довольной? Темпераментъ—это страшно неудобная вещь, вдесятеро хуже совѣсти; это—отрава жизни.

— Почему же вы такъ гордитесь тѣмъ, что онъ у васъ есть?

— Если я вамъ скажу, вы не поймете.

Я встаю, иду къ окну и задумчиво смотрю на дождь, поливающій скучную, узенькую улицу. Юдиѳь живетъ въ Тоттенхэймѣ, въ окрестностяхъ Кортъ-Родъ. Подъ ея квартирой въ нижнемъ этажѣ помѣщается трактиръ, и въ лѣтніе вечера можно, сидя у открытаго окна, дышать благодѣтельнымъ для здоровья запахомъ пива и виски и слушать нѣжныя пѣсенки странствующихъ музыкантовъ. Мое наслѣдство дало мнѣ возможность предоставить милой женщинѣ маленькую поддержку, которая позволила бы ей взять себѣ болѣе удобную квартиру—Лондонъ великъ и выбрать есть изъ чего. Почему она осталась жить въ этой ужасной мѣстности, я никогда не могъ понять. Нельзя даже сказать, чтобы ея квартира была особенно дешева; напротивъ, повидимому, именно изъ-за того, что она помѣщается надъ трактиромъ, она идетъ дороже. Юдиѳь говоритъ, что ей здѣсь нравится форма дверного молотка и узоръ облицовки въ ванной. Я смутно догадываюсь, что тутъ, должно быть, есть что-то другое, связанное съ ея темпераментомъ.

— Удивительно намъ не везетъ: только задумаемъ прогулку—дождь идетъ. Съ Пасхи это уже четвертый разъ,—говорю я.

Мы собирались съѣздить за городъ, но изъ-за проливного дождя остались дома.

— Можетъ быть, Господь Богъ этимъ выражаетъ намъ свое неодобреніе,—замѣчаетъ Юдиѳь.

— За что же ему не одобрять насъ?—спрашиваю я.

Она пожимаетъ плечами и слегка вздрагиваетъ. — Я вся простужена...

— Бѣдная моя дѣвочка, почему же вы не велите затопить?

— Въ тотъ разъ, когда вы были, я велѣла, — такъ вы сказали, что здѣсь нечѣмъ дышать.

— Но вѣдь въ тотъ разъ на дворѣ ярко свѣтило солнце. Какъ же можно такъ нелогично разсуждать! — воскликнулъ я, ища въ карманѣ спичекъ.

Чтобъ растопить каминъ, мнѣ пришлось опуститься на колѣни возлѣ ея кресла. Она протянула руку—руки у нея бѣлыя и нѣжныя, съ тонкими пальчиками, и слегка дотронулась до моей головы.

— Сколько времени мы уже знаемъ другъ друга?—спросила она.

— Лѣтъ восемь.

— И долго это будетъ продолжаться?

— Пока вамъ не надоѣстъ,—отвѣтилъ я, глядя въ огонь.

Юдиѳь отдернула руку. Я не вставалъ съ коврика, пока веселое потрескиваніе разгорающихся дровъ не убѣдило меня, что усилія мои увѣнчались успѣхомъ.

— Отличныя у васъ дрова!—сказалъ я весело, придвигая къ огню покойное большое кресло.

— Да, хорошія,—равнодушно отвѣтила она.

Наступило долгое молчаніе. Я очень люблю, когда съ человѣкомъ можно молчать. Вѣдь разсказываютъ же, что Теннисонъ и Карлейль проводили восхитительнѣйшіе вечера за кружкой пива и съ трубкой въ зубахъ, среди полнаго безмолвія. Это что-то въ родѣ Уистлеровскаго ноктюрна, окутаннаго золотымъ туманомъ.

Я предложилъ Юдиѳи папироску. Она отрицательно покачала головой. Тогда я самъ закурилъ и, удобно расположившись въ креслѣ, сталъ разглядывать ея лицо, обращенное ко мнѣ профилемъ. Большинство мужчинъ назвало бы ее некрасивой. Я самъ не могу рѣшить, красива она или нѣтъ. Она блондинка, съ очень свѣтлыми волосами, удивительно красивыми и пышными, но цвѣтъ лица у нея желтоватый, а глаза глубокіе и темные, словно фіалки. Лицо у нея худощавое, усталое, лицо женщины, много страдавшей на своемъ вѣку—все «темпераментъ». Углы рта, по крайней мѣрѣ, сейчасъ, опущены книзу. Фигура тонкая, но граціозная. Хорошенькія ножки. Одна изъ нихъ высунулась изъ-подъ юбки, и на кончикѣ ея болтается туфелька. И, въ концѣ концовъ, спадаетъ. Я зналъ, что этимъ кончится. У Юдиѳи манія — покупать себѣ туфли, на которыя идетъ минимальное количество матеріала—не больше вершка кожи (должно

быть, это кожа, а можетъ быть, и что-нибудь другое). Я поднялъ эту изящную игрушку и водворилъ ее на мѣсто.

— Сдѣлаете ли вы это и черезъ восемь лѣтъ?..—говоритъ Юдиѳь.

— Дорогая моя, въ виду того, что за эти восемь лѣтъ я дѣлалъ это, по крайней мѣрѣ, восемь тысячъ разъ, надо полагать, что и черезъ восемь лѣтъ я буду дѣлать то же,—смѣясь, говорилъ я.—Я человѣкъ привычки.

— Вы можете жениться, Маркусъ...

— Боже избави!

— На какой-нибудь молоденькой хорошенькой дѣвушкѣ...

— Ненавижу молоденькихъ хорошенькихъ дѣвушекъ. Для меня разговаривать съ ними все равно, что съ ребенкомъ, котораго возятъ въ колясочкѣ.

— Мужчины влюбляются безъ памяти и женятся далеко не всегда на тѣхъ женщинахъ, съ которыми имъ особенно пріятно разговаривать,—возражаетъ Юдиѳь.

Я закуриваю вторую папироску.—И почему это женщины такъ любятъ говорить о бракѣ?.. Третьяго дня ко мнѣ все время съ этимъ приставала моя тетушка. Какое *ей*-то дѣло до меня?

— Ахъ, вы простакъ!—тихонько смѣется Юдиѳь.

— Почему?

— А потому, что у васъ нѣтъ темперамента.

Отвѣтъ былъ нелѣпый, не имѣвшій ничего общаго съ вопросомъ. Я такъ и сказалъ ей. Она отвѣтила, что она гораздо старше меня и лучше понимаетъ жизнь и причинную связь между вещами. Я напомнилъ ей, что она на много лѣтъ меня моложе.

— Сколько разъ у васъ въ жизни билось сердце—по-настоящему, бурно, бѣшено, словно готовое вырваться изъ груди—такъ, чтобы часъ вамъ показался вѣчностью?

— Позвольте. Это вы изъ Блэка.

— Я знаю. Отвѣчайте на вопросъ.

— Вопросъ-то глупый.

— Нѣтъ, не глупый. Въ слѣдующій разъ, когда вы увидите дѣвочку въ колясочкѣ, извольте снять передъ нею шляпу.

Я не очень находчивъ на реплики и потому, боюсь, отвѣтилъ грубо:

— А вы, когда въ слѣдующій разъ будете нанимать кухарку, милая Юдиѳь, возьмите лучше повара.

Она покраснѣла. Я разсыпался въ извиненіяхъ. Она очень обидчива и каждый пустякъ принимаетъ къ сердцу. Положеніе

получается довольно странное. Она, не стѣсняясь, вышучиваетъ мои слабости, а я, когда позволю себѣ подтрунить надъ чѣмъ-нибудь, хотя бы чисто-внѣшнимъ, у нея, она жестоко обижается, и я же начинаю чувствовать себя безсовѣстнымъ негодяемъ. Положительно, я начинаю думать, что если бы у меня въ юности была Лизетта, завѣшивающая на ночь мое окно своимъ платкомъ, я лучше зналъ и понималъ бы женщинъ. Но за всю мою жизнь Юдиѳь — единственная женщина, съ которой я былъ интимно близокъ. И то я иной разъ думаю, что и ея тоже я, какъ слѣдуетъ, не знаю. Одинъ разъ я сказалъ ей это. Она отвѣтила: «*Если бъ вы любили меня, вы бы знали*». По всей вѣроятности, она права. Говоря по совѣсти, я не люблю Юдиѳи. Я привыкъ къ ней. Она — лэди, умная, хорошо воспитанная. При этомъ она образована и очень интересуется эпохой Возрожденія. Она даже тоньше меня судитъ о венеціанской школѣ живописи. Когда мы путешествовали по Италіи, она первая открыла мнѣ глаза на красоты колорита Пальма Веккіо. Вообще, она очень симпатичный человѣкъ и пріятная спутница въ путешествіи. И очень милая собесѣдница. Заглядывая глубже, въ корень человѣческаго инстинкта, я убѣждаюсь, что она воплощаетъ собою для меня *das ewig Weibliche*, которое въ нормальныхъ условіяхъ существованія неизбѣжно должно дополнять собою мужское начало. Но, чтобъ это «вѣчно-женственное» такъ уже особенно меня «влекло» къ себѣ—это нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, оно не можетъ меня вытянуть изъ моей сферы. Нѣтъ такой женщины на свѣтѣ, ради которой я могъ бы совершить безумство, способное обезсмертить человѣка.

Не понимаю я Юдиѳи. Положимъ, это не такъ ужъ важно. Я многаго не понимаю,—напримѣръ, интеллигентнаго жонглера, который проводитъ жизнь въ томъ, что вертитъ передъ своимъ носомъ палку съ тремя бильярдными шарами на концѣ ея. Но я знаю, что Юдиѳь понимаетъ меня, и это то, чѣмъ я больше всего дорожу въ нашей дружбѣ. Она превосходно знаетъ цѣну моей дружбѣ и привязанности къ ней. Въ этомъ отношеніи она незамѣнима. Она не требуетъ отъ меня африканскихъ страстей. Въ ней нѣтъ ничего театральнаго, никакой позы.

Но сегодня она почему-то неспокойна, обидчива, капризна. Я только-было, сидя у огня, ушелъ въ свои мечты, и это было такъ пріятно, какъ вдругъ она нарушила очарованіе, назвавъ меня по имени.

— Да?—откликнулся я.

— Мнѣ надо кое-что сказать вамъ. Пожалуйста, обѣщайте мнѣ, что вы не разсердитесь.

— Милая Юдиѳь, мой великій царственный тезка, въ размышленіяхъ котораго я всегда черпаю великое утѣшеніе для себя и отраду, говоритъ: «Если что-нибудь извнѣ раздражаетъ тебя, имѣй въ виду, что не это само раздражаетъ тебя, а твои мысли объ этомъ, и эти мысли въ твоей власти сейчасъ же выбросить изъ головы». Такъ и я обѣщаю вамъ выбросить изъ головы всякую мысль о томъ, что ваше сообщеніе можетъ разсердить меня, и не стану сердиться.

— Если я кого терпѣть не могу за его страсть говорить общими мѣстами, такъ это Марка Аврелія.

Я засмѣялся. Такъ хорошо было сидѣть передъ огнемъ, который по-своему, весело, протестовалъ противъ царившаго вокругъ унынія, и дразнить Юдиѳь.

— Я не совсѣмъ понимаю—сказалъ я.—Мужчина обыкновенно черпаетъ утѣшеніе въ философіи, женщина—въ религіи.

— А я не умѣю дѣлать ни того, ни другого,—возразила она, мѣняя позу и при этомъ слишкомъ громко шурша юбками, что̀ было вовсе не необходимо.—Если бъ я могла, я бы уѣхала.

— Уѣхали?

— Да. Не сердитесь на меня. Я сижу безъ кухарки...

— Этого никто бы не подумалъ, судя по тому завтраку, которымъ вы накормили меня, дорогая.

Кстати сказать, пьяницу-кухарку она-таки расчитала и отправила ее вмѣстѣ съ вещами, какъ только эта непоправимая алкоголичка протрезвилась настолько, что была въ состояніи ходить.

— Такъ что случай какъ разъ удобный,—продолжала Юдиѳь, игнорируя мой комплиментъ—и хорошо сдѣлала, ибо не успѣлъ я сказать этого, какъ тотчасъ же смутился: ужъ навѣрное, чтобы достать провизію, она сама бѣгала сегодня къ французской зеленщицѣ на Тоттенгэмъ-родъ, потревоживъ ея субботній отдыхъ.

— Квартиру просто можно запереть,—продолжала Юдиѳь. Я, вообще, терпѣть не могу Лондона въ началѣ сезона. Я знаю, что это глупо съ моей стороны—если бъ я могла выносить вашего ужаснаго Марка Аврелія, можетъ быть, я стала бы умнѣе—въ остальное время года—ничего, но во время сезона всѣ въ городѣ—въ томъ числѣ и тѣ люди, съ которыми я прежде была знакома, у которыхъ бывала—я встрѣчаю ихъ на улицѣ, они не узнаютъ меня, и это—задѣваетъ... И потому мнѣ хочется уѣхать. Когда мнѣ наскучитъ одиночество, я возвращусь.

Быстрымъ граціознымъ движеніемъ она очутилась на колѣняхъ передо мной, схватила мою руку.

— Ради Бога, Маркусъ, скажите, что вы понимаете, почему я это дѣлаю!

Я отвѣтилъ:—Я велъ себя сегодня, какъ послѣдній болванъ и эгоистъ. Я не догадывался. Разумѣется, я понимаю.

— Если бъ вы не понимали, это было бы ужасно для обоихъ насъ! Прямо-таки невозможно.

— Успокойтесь,—сказалъ я ласково и поцѣловалъ ея руку.

Я вошелъ въ ея жизнь, когда Юдиѳь считала уже, что для нея все кончено—въ 28 лѣтъ!—и терпѣливо жила затворницей въ маленькомъ пансіонѣ въ Римѣ. Надолго ли у нея хватило бы терпѣнія вести такую жизнь, я не могу сказать. Строить предположенія, что̀ было бы, если бъ не было того, что есть, совершенно праздное занятіе. А случилось то, что обстоятельства свели насъ вмѣстѣ, какъ теченіе два обломка, плавающіе на поверхности воды, и съ тѣхъ поръ мы не разлучались, такъ какъ не было никакихъ вліяній извнѣ, которыя бы разлучили насъ. Она не заботилась объ освященіи нашего союза въ глазахъ общества, такъ какъ репутація ея давно погибла, задолго до нашей встрѣчи; я, одинокій, безъ друзей, не имѣлъ никакого основанія отталкивать единственную руку, протянутую ко мнѣ съ теплой лаской. Какъ я сказалъ ей давеча: «За что же bon Dieu насъ не одобрять?» Я настолько уважаю Господа Бога, что не предполагаю въ немъ такой узости взглядовъ.

Когда я получилъ наслѣдство, Юдиѳь сказала:—Я рада, что я не свободна: если бъ я была свободна, вы захотѣли бы жениться на мнѣ, и это было бы роковымъ для нашего союза.

— Милая женщина! Какъ она изумительно здраво разсуждаетъ. Какъ честный человѣкъ, я, конечно, предложилъ бы ей обвѣнчаться. И, прими она предложеніе, это было бы несчастьемъ для обоихъ.

У брака двѣ стороны, одна—общественный договоръ—*quid* покровительства, обязательствъ содержать, кормить, давать извѣстное положеніе и пр., и пр. И, взамѣнъ этого, *quo* различныхъ услугъ, которыя можно резюмировать словами—*de mensa et thoro*. Другая—единственная возможная форма существованія для двухъ существъ, которыхъ страстное взаимное влеченіе требуетъ полнаго сліянія двухъ жизней въ одну. Такого страстнаго влеченія я никогда не зналъ, и такъ какъ у меня нѣтъ темперамента (и слава Богу), должно быть, никогда, и знать не буду. Съ этимъ связано

столько волненій, что самая мысль о нихъ пугаетъ меня, какъ зрѣлище шумнаго города или океана. Однажды на нѣмецкомъ кладбищѣ я прочелъ эпитафію: «Когда Ты позовешь меня, о Христосъ, я встану на зовъ, но пока дай мнѣ спать, такъ какъ я очень усталъ». Какая жгучая жажда покоя въ этихъ словахъ, какая усталость души!.. Если бъ я встрѣтился съ этимъ человѣкомъ при жизни его, мы, вѣроятно, крѣпко сдружились бы, ибо онъ, какъ и я, любилъ покой, прохладу, тѣнь и тишину и не имѣлъ возможности наслаждаться всѣмъ этимъ въ земной юдоли. Я, можетъ быть, и не найду того покоя въ жизни, къ которому стремлюсь, но, во всякомъ случаѣ, не дамъ перевернуть всю свою жизнь безумной страсти къ женщинѣ. Что же касается той, первой стороны брака,—лучшей хозяйки, чѣмъ Антуанетта, мнѣ не нужно. И такъ какъ у меня не бываетъ званыхъ обѣдовъ, мнѣ не нужна и прекрасная дама, которая сидѣла бы во главѣ стола, украшая его своимъ присутствіемъ; увеличивать же населеніе я *à priori* не стремлюсь. «Если бы актъ дѣторожденія былъ актомъ чисто сознательнымъ и разумнымъ, неужели бы человѣчество продолжало существовать? Неужели человѣкъ не имѣлъ бы настолько жалости къ грядущимъ поколѣніямъ, чтобъ избавить ихъ отъ бремени существованія? Неужели бы у него хватило духу обдуманно и хладнокровно навалить на нихъ такое бремя?» Жениться по расчету, или ради удобства, и производить на свѣтъ дѣтей—значило бы именно сознательно и хладнокровно взваливать на своихъ потомковъ бремя жизни. Я этого не желаю. Я согласенъ съ Шопенгауэромъ.

Такой бракъ—да вѣдь это же худшая неволя! Сто восемьдесятъ часовъ въ недѣлю пребывать въ самой тѣсной физической и моральной близости съ существомъ, съ которымъ я не могу полностью дѣлиться ни мыслями своими, ни мечтами, и при этомъ каждый часъ, каждую минуту чувствовать себя обязаннымъ имѣть общіе интересы, взаимно нести отвѣтственность и всякаго рода жертвы—о, нѣтъ, никогда!.. Au grand non, au grand jamais! Юдиѳь—прекрасная женщина, во многихъ отношеніяхъ незамѣнимая, но она «не братъ моихъ мыслей и не сестра моихъ грезъ», какъ говоритъ поэтъ; и я не могу быть этимъ для нея.

Но она для меня добрый товарищъ—что̀ тоже необходимо человѣку, какъ хлѣбъ насущный, а моя привязанность къ ней отвѣчаетъ на нѣкоторые запросы ея натуры. Такимъ образомъ, мы, все же, взаимно нужны другъ другу, и это освящаетъ нашъ союзъ. Бракъ, будь онъ возможенъ, только испортилъ бы наши свободныя и пріятныя отношенія, во всѣхъ смыслахъ идеальныя.

Не могу понять, почему она вообразила, будто ея желаніе уѣхать, перемѣнить на время обстановку, можетъ разсердить меня.

Самое предположеніе включаетъ мысль о моемъ правѣ налагать veto на ея поступки, и это мнѣ противно. Для порядочнаго человѣка всего омерзительнѣй представить себя по отношенію къ женщинѣ въ роли турецкаго паши. Но женщины рѣдко цѣнятъ въ мужчинѣ такое отношеніе къ себѣ...

Я поцѣловалъ бѣлую ручку Юдиѳи и сказалъ ей, чтобъ она не сомнѣвалась во мнѣ и не безпокоилась: я прекрасно понимаю ее. Она немного поплакала.

— О чемъ, Юдиѳь?—шепнулъ я.—Вѣдь вашъ жизненный путь не сталъ тернистѣй оттого, что съ вами я?

Она стряхнула слезы съ рѣсницъ, глаза ея заблестѣли и стали удивительно красивы.

— Вы? Вы только сгладили его и уровняли.

— Какъ паровой прокатный валъ?—шутилъ я.

Она засмѣялась, вскочила на ноги и потащила меня въ кухню помогать ей готовить чай. Помощь моя заключалась въ томъ, что я затопилъ газовую плиту и поставилъ на нее чайникъ безъ воды. Потомъ наткнулся бокомъ на буфетъ и съ ужасомъ слѣдилъ, какъ она по-женски, неумѣло, нарѣзываетъ хлѣбъ тонкими ломтиками. Одинъ разъ, когда блестящее лезвіе ножа едва не коснулось ея ладони, я невольно вскрикнулъ:

— Мужчинѣ никогда и въ голову бы не пришло такъ рѣзать хлѣбъ!

Она спокойно положила отрѣзанный ломтикъ на тарелку и съ притворнымъ смиреніемъ протянула мнѣ хлѣбъ и ножъ.

— Нарѣжьте вы, по-своему.

Я сдѣлалъ это и прорѣзалъ себѣ палецъ.

— Чортъ бы побралъ этотъ ножъ!—воскликнулъ я.—А все-таки, рѣзать надо такъ, а не иначе.

Юдиѳь ничего не сказала, только перевязала мнѣ палецъ и, какъ най-дѣвочка въ сказкѣ, продолжала рѣзать хлѣбъ и намазывать его масломъ. Но улыбка ея была краснорѣчива.

Полчаса спустя я спрашивалъ ее:—Куда же вы собственно ѣдете? Вы до сихъ поръ мнѣ не сказали.

— Въ Парижъ. Къ Дельфинѣ Каррэръ, погостить.

— Я думалъ, вы жаждете одиночества.

Я встрѣчался съ этой Дельфиной— несомнѣнно, brave

femme и преданнымъ другомъ Юдиѳи, единственной изъ всѣхъ ея бывшихъ пріятельницъ, которыя не отрекались отъ нея, когда она, что называется, «забросила свой чепецъ за мельницу» (впрочемъ, и у самой-то этой милой и доброй Дельфины чепецъ врядъ ли сидитъ на мѣстѣ); но Дельфина никогда не казалась мнѣ такой особой, возлѣ которой можно найти уединеніе и отдыхъ. Но Юдиѳь пояснила:

— Дельфина цѣлый день рисуетъ, а по ночамъ кутитъ. Въ студію къ ней я не могу ходить, потому что работа у нея срочная и ей мѣшать нельзя, а кутить я не собираюсь. Такъ что я весь день и ночь буду одна, наединѣ съ моими собственными мыслями.

Я ничего не возразилъ, но, тѣмъ не менѣе, почти увѣренъ, что и сама Юдиѳь отлично повеселится въ Парижѣ, такъ какъ Юдиѳь вездѣ останется сама собой. Она вполнѣ искренна въ своихъ намѣреніяхъ—вообще, она на рѣдкость искренній человѣкъ,—но только она сама себя обманываетъ. Будущая мечтательница и затворница въ данный моментъ сидѣла на ручкѣ моего кресла съ папиросой въ зубахъ и, безъ стѣсненія, наслаждалась всѣмъ, что̀ въ жизни есть хорошаго. Голубой дымокъ вился кольцами сквозь ея пушистые свѣтлые волосы, словно кадильный дымъ сквозь нимбъ святой. Когда я сообщилъ ей это свое наблюденіе благодушнымъ тономъ человѣка сытаго и довольнаго всѣмъ окружающимъ, она выразила опасеніе, какъ бы мой умъ не вытекъ весь черезъ порѣзъ на моемъ пальцѣ. Нѣтъ, я увѣренъ, что recueillement (чудесное французское словечко, соотвѣтствующаго которому у насъ на англійскомъ языкѣ нѣтъ) въ улицѣ Буасси д'Англэ—только счастливая иллюзія, которой обольщаетъ себя Юдиѳь. И я радъ за нее, искренно радъ. Ея темпераментъ—я давно примирился съ этимъ—жаждетъ веселья, котораго Лондонъ не можетъ ей дать.

— Когда же вы уѣзжаете?

— Завтра.

— Завтра?

—Почему же нѣтъ? Я сегодня уже послала телеграмму Дельфинѣ. Мнѣ надо было выйти купить кое-что для завтрака (значитъ, моя догадка была вѣрной), и я подумала, что лучше уже съѣздить въ омнибусѣ въ Чарингъ-Кроссъ и заодно отправить телеграмму.

— Но когда же вы успѣете уложиться?

— Я уложилась, ночью. Я нынче не спала до четырехъ.

Дѣло въ томъ, что ѣхать я рѣшила только вчера послѣ вашего ухода,—прибавила она, предупреждая всѣ мои вопросы.

Да, это лучше, что мы не женаты. Такія внезапныя рѣшенія выбивали бы меня изъ колеи. Я все время волновался бы, какъ курица передъ автомобилемъ. Когда *я* ѣду заграницу, я начинаю собираться по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли. Мнѣ надо настроить себя на извѣстный ладъ, мысленно приспособиться къ новымъ условіямъ, выработать планъ распредѣленія времени, заранѣе насладиться предвкушеніемъ всѣхъ тѣхъ прелестей, которыя тамъ ждутъ меня, или еще невѣдомыхъ и заманчиво манящихъ, или уже знакомыхъ и милыхъ. Я люблю думать и мечтать объ этомъ, люблю постепенные и незамѣтные переходы отъ одной картины къ другой. Человѣкъ, который способенъ въ одно прекрасное утро проснуться въ Лондонѣ, почесать себѣ затылокъ и воскликнуть: «Что же я сегодня буду дѣлать? Ба! Придумалъ! Я поѣду въ Тимбукту» для меня непостижимая загадка. Это какой-то не настоящій человѣкъ. Онъ лишенъ эстетическаго чутья.

Я, разумѣется, не осмѣлился сказать Юдиѳи, что она лишена эстетическаго чутья. Для нея это было бы такъ же оскорбительно, какъ если бъ я обвинилъ ее въ кражѣ серебряныхъ ложекъ. Я только сказалъ, что мнѣ будетъ недоставать ея (это навѣрное), и обѣщалъ писать ей разъ въ недѣлю.

— А вы пишите чаще, у васъ, вѣдь, будетъ масса свободнаго времени. Ну, а теперь, пойдемъ куда-нибудь обѣдать.

Вернувшись домой, я нашелъ на столѣ въ передней визитную карточку: «М-ръ Себастіанъ Паскуале».

Мнѣ жаль, что Паскуале не засталъ меня дома. Я не видалъ его ужъ года три. Это очаровательнѣйшій юноша. Надо будетъ какъ-нибудь на-дняхъ позвать его обѣдать. Это спокойнѣе, чѣмъ въ клубѣ.

III.

Мая 24-го. Случилось нѣчто фантастическое, невообразимое, непостижимое. Теперь меня ничто уже не удивитъ. Если бы вотъ сейчасъ въ окно ко мнѣ въѣхала вѣдьма верхомъ на помелѣ и прочла бы мнѣ лекцію о колдовской четверкѣ, я принялъ бы это, какъ нѣчто вполнѣ нормальное. Вотъ уже нѣсколько часовъ я шагаю изъ угла въ уголъ по этой комнатѣ, въ которой всѣ стѣны уставлены полками съ книгами, и спрашиваю себя: кто же изъ насъ съ ума сошелъ—міръ или я?

Иногда я смѣюсь, потому что это-таки дѣйствительно забавно. Иногда проклинаю случай, имѣвшій дерзость ворваться въ мою жизнь такою неожиданностью. Одинъ разъ я споткнулся на книгу Муратори, лежавшую на полу, и со злостью отшвырнулъ ее ногою въ уголъ. А потомъ поднялъ ее и чуть не плакалъ надъ испорченнымъ переплетомъ.

Вопросъ стоитъ такъ: что же мнѣ теперь дѣлать? И надо же было Юдиѳи какъ разъ теперь запереть свою квартиру и уѣхать въ Парижъ! И надо же было моимъ повѣреннымъ какъ разъ сегодня утромъ вызвать меня къ себѣ въ контору подписывать эти дурацкіе документы! Зачѣмъ я не вернулся двумя-тремя часами раньше? Зачѣмъ пошелъ по набережной Темзы? Зачѣмъ, ахъ, зачѣмъ я присѣлъ отдохнуть на скамейкѣ въ саду подъ террасою клуба Національ-Либераловъ?

Вчерашній день былъ однимъ изъ самыхъ мирныхъ и счастливыхъ дней всей моей жизни. Я отлично поработалъ; потомъ болталъ съ Антуанеттой, которая пришла просить у меня разрѣшенія держать кошку.

— Какую кошку?—спросилъ я.

— Можетъ быть, monsieur не любитъ кошекъ,—тотчасъ испугалась моя домопровительница.

— Древніе египтяне поклонялись кошкѣ, какъ божеству,—отвѣтилъ я.

— Но эта кошка, monsieur,—поспѣшила она успокоить меня,—одноглазая.

Я гораздо больше люблю разговаривать съ Антуанеттой, чѣмъ съ моими бывшими начальниками въ школѣ. Если бъ она, какъ-нибудь утромъ, проснувшись, замѣтила, что у нея есть мозги, она бы, по всей вѣроятности, сочла себя больной.

Позавтракавъ, я пошелъ погулять въ Риджентъ-паркъ и, встрѣтивъ девятилѣтняго сына Макъ Муррея, подъ опекой горничной, за которой увивался какой-то субъектъ съ идіотской физіономіей и въ котелкѣ, взялъ его съ собою въ Зоологическій садъ. По пути туда онъ радостнымъ тономъ сообщилъ мнѣ, что у его нѣмки-гувернантки страшно болитъ горло и она лежитъ въ постели, поэтому учиться ему сегодня не надо; что субъектъ съ идіотской физіономіей—дружокъ Милли, и они оба такъ глупо ведутъ себя, что на нихъ тошно смотрѣть. Когда онъ напитался всѣмъ, что здѣсь можно было достать съѣдобнаго, и накатался верхомъ на всѣхъ животныхъ, на которыхъ здѣсь позволяютъ ѣздить, я свезъ его на Веллингтонъ-Родъ и сдалъ съ рукъ на руки родителямъ. Я люблю провести часокъ—

другой съ ребенкомъ, когда онъ здоровъ и веселъ и хорошо ведетъ себя. И удовольствіе при этомъ еще усугубляется чувствомъ глубокой признательности небесамъ за то, что это не мой ребенокъ.

Весь вечеръ я читалъ и раздумывалъ о томъ, какъ счастливо сложилась моя жизнь. Годы моего учительства, такіе тягостные для меня, въ воспоминаніи утрачиваютъ свою остроту, и порой я спрашиваю себя: я ли это переживалъ всѣ эти униженія? Никакихъ заботъ у меня нѣтъ, нѣтъ и желаній, которыхъ я не могъ бы удовлетворить. Я думалъ о Юдиѳи. Думалъ о Себастіанѣ Паскуале. И мысленно соображалъ, какой изъ типовъ Ренессанса повторился въ немъ такъ цѣльно. Скорѣе всего онъ перевоплотилъ собою юнаго Ольджіати, одного изъ убійцъ Джіана Галеаццо Сфорца. Изъ нѣсколькихъ сотъ британскихъ юношей, прошедшихъ передъ моими глазами въ годы моего школьнаго рабства, онъ—единственный, который разыскалъ меня уже взрослымъ человѣкомъ. А между тѣмъ, странно,—мы всего нѣсколько мѣсяцевъ провели вмѣстѣ въ первый годъ моего учительства въ этой противной школѣ; онъ тогда былъ въ шестомъ классѣ и всего года на четыре моложе меня. Это былъ очень странный мальчикъ—страшный шалунъ, затѣйникъ, хитрый, какъ чертенокъ: въ школѣ его не любили. Учителя, которые любятъ только пай-мальчиковъ, терпѣть его не могли. Я одинъ заинтересовался имъ. Теперь мнѣ кажется, что въ этой моей привязанности къ нему нѣкоторую роль играло мое пристрастіе къ итальянскому чинквеченто. По внѣшности, онъ такой же англичанинъ, какъ и я, такъ какъ выросъ въ Англіи и воспитанъ матерью-англичанкой, но я увѣренъ, что тысячи индусовъ съ бо̀льшимъ правомъ могутъ назваться британцами, чѣмъ онъ. Не далѣе, какъ сегодня, Макъ Муррей и жена его разсказывали мнѣ о немъ ужасающія вещи. Увлекшись одной танцовщицей въ Вѣнѣ, отвергнувшей его ухаживанія, онъ напоилъ до безчувствія ея кучера, надѣлъ на себя его ливрею и послѣ спектакля увезъ танцовщицу куда-то за городъ. Что было дальше, Макъ Муррей въ точности не зналъ, но только стоило это ему бѣшеныхъ денегъ. А между тѣмъ этотъ самый вѣтрогонъ и волокита на моихъ глазахъ сдѣлалъ слѣдующее. Однажды, суровой зимой 1894 года, мы вмѣстѣ шли по Пиккадилли. Холодъ былъ жестокій, мучительный. Какой-то оборванецъ, весь трясясь отъ холода, предложилъ намъ купить у него спичекъ. Изъ его дырявыхъ сапогъ торчали ужасные, распухшіе, красные пальцы. «Боже мой, какой ужасъ!—воскликнулъ Паскуале;—

я не могу этого видѣть». Онъ вскочилъ въ первый попавшійся кэбъ, сорвалъ съ себя сапоги, швырнулъ ихъ оборванцу и поѣхалъ домой въ однихъ носкахъ. Я стоялъ на троттуарѣ и съ очень смѣшанными чувствами смотрѣлъ, какъ оборванецъ, окруженный цѣлой толпою любопытныхъ, примѣрилъ изящный маленькій сапогъ къ своей ножищѣ, потомъ съ усмѣшкой взялъ оба сапога подъ мышку и отправился съ ними къ ближайшему закладчику. Будь Паскуале такимъ же сострадательнымъ британцемъ, онъ посмотрѣлъ, подумалъ бы и сунулъ бы оборванцу въ руку золотой. Но онъ поступилъ, *не раздумывая*, какъ настоящій представитель чинквеченто. За это я и люблю его.

Вчера вечеромъ, какъ я уже говорилъ, я легъ въ постель счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. И проснулся утромъ безъ всякихъ обязательствъ и заботъ, кромѣ предстоявшаго мнѣ визита къ моимъ повѣреннымъ. Солнце свѣтило ярко. Дроздъ весело распѣвалъ на высокомъ вязѣ напротивъ оконъ моей спальни. И дерево словно смѣялось и кокетливо, какъ женщина, кивало мнѣ своими зелеными листьями, словно говоря: «Смотри, какъ я зазеленѣло и посвѣжѣло послѣ воскреснаго дождика». Одноглазая кошка Антуанетты (пребезобразное животное) встрѣтила меня въ передней и, выгнувъ горбомъ спину, ласково привѣтствовала меня. А возлѣ своего прибора за столомъ я нашелъ экземпляръ перваго изданія Кристофоро да Косто «Elogi delle Donne Illustri»—книгу, которая мнѣ была очень нужна. Она принадлежала лорду Карнфорту, совершенно незнакомому мнѣ человѣку, у котораго я рискнулъ попросить разрѣшенія просмотрѣть эту книгу у него въ библіотекѣ; а лордъ Карнфортъ, съ любезностью истаго ученаго, прислалъ мнѣ ее на домъ съ разрѣшеніемъ держать ее у себя, сколько мнѣ понадобится.

Въ мирѣ и благоволеніи со всѣми, какъ и подобаетъ христіанину въ маѣ мѣсяцѣ, я вышелъ нынче утромъ изъ дому повидаться со своими адвокатами. Добрался я до нихъ только къ тремъ часамъ, такъ какъ по дорогѣ позавтракалъ и нѣсколько разъ останавливался передъ витринами букинистовъ. Поставивъ свое имя подъ какой-то непонятной для меня бумажкой, которую мнѣ дали подписать, я направился садами Темпля къ набережной. Проходя подъ Хенфордскимъ мостомъ, я почувствовалъ, что мнѣ жарко и что я немного усталъ; сады Викторіи на набережной такъ привѣтливо манили отдохнуть. Я свернулъ на тѣнистую дорожку, подъ террасой Клуба Національ-Либераловъ и присѣлъ на удобную скамью. На другомъ концѣ скамьи сидѣла какая-то женщина, одѣтая въ черное. Такъ какъ я не

интересуюсь женщинами въ черномъ, я не обратилъ вниманія на ея присутствіе и предался созерцанію красивыхъ клумбъ съ цвѣтами, зеленыхъ лужаекъ, большихъ деревьевъ, маскирующихъ неприглядный Суррейскій берегъ Темзы, и памятника сэру Бартлю Фрэру, повернутому ко мнѣ спиной. Послѣднее зрѣлище было не изъ интересныхъ, и потому я вынулъ изъ кармана небольшой томикъ въ коричневомъ кожаномъ переплетѣ, который я только-что выудилъ въ лавочкѣ букиниста: «*Suite de l'Histoire du Gouvernement de Venise ou l'Histoire des Uscoques, par le sieur Houssaie, Amsterdam, MDCCV*».

За одинъ пенни полный учебникъ исторіи забытаго народа! Ускоки—это въ сущности далматы, поселившіеся въ Сегнѣ на берегу Адріатическаго моря, отчаянные головорѣзы и разбойники, сумѣвшіе прогремѣть своими пиратскими набѣгами даже въ шестнадцатомъ столѣтіи. Я раскрылъ книжечку и съ удовольствіемъ вдохнулъ въ себя горьковатый, затхлый ароматъ пожелтѣвшихъ листковъ. Сколько знаній, думалъ я, быть можетъ, дорого доставшихся, сколько милліоновъ часовъ напряженной умственной борьбы положено на то, чтобъ написать вотъ этакую книгу! А кто теперь знаетъ о ней, кто помнитъ... Развѣ только какой-нибудь любитель-коллекціонеръ... На страницахъ книжечки неоднократно повторялось имя Франджипани, нѣкогда владыкъ Сегны. Ихъ дѣянія и подвиги давно стерлись со страницъ исторіи и мало кому извѣстны, но въ самомъ звукѣ имени есть какой-то чувственный ароматъ—въ родѣ того, какъ пахнетъ иной разъ изъ флакончика дешевыхъ духовъ. Я улыбнулся этому странному совпаденію, спрашивая себя, есть ли на свѣтѣ еще человѣкъ, который бы въ этотъ моментъ, какъ я, читалъ книгу сэра Уссэ, какъ вдругъ меня неожиданно потянули за рукавъ—такъ забытый фоксъ-терьеръ напоминаетъ о себѣ, царапая васъ лапой—и это вернуло меня къ дѣйствительности. Я круто повернулся—и встрѣтилъ жалобный, молящій взглядъ карихъ, бархатныхъ, чисто-собачьихъ глазъ, но только принадлежащихъ не терьеру, а женщинѣ въ черномъ, на которую я не обратилъ вниманія.

— Пожалуйста, сэръ, посовѣтуйте мнѣ, что́ мнѣ дѣлать.

Я невольно вздрогнулъ. Женщина въ черномъ совсѣмъ не походила, при ближайшемъ разсмотрѣніи, на то смутное представленіе о ней, которое я составилъ себѣ на основаніи перваго бѣглаго взгляда. Она была очень молода и замѣчательно хороша собой. Съ первой минуты меня поразили ея глаза, роскошные, бронзовые волосы и жалобно вздрагивавшій, совсѣмъ дѣтскій

ротикъ. Но все на ней было какое-то затасканное, сборное, неряшливое, съ печатью непорядочности. И руки у нея—это сразу бросалось въ глаза, такъ какъ она была безъ перчатокъ—очевидно, были давно немыты.

— Что вамъ сдѣлать, я не знаю,—сказалъ я,—но чего *не слѣдуетъ дѣлать* такой молоденькой дѣвушкѣ—такъ это вступать въ разговоры съ незнакомыми мужчинами.

— Тогда мнѣ остается только умереть,—жалобно сказала она, отодвигаясь отъ меня.

У нея былъ какой-то странный иноземный акцентъ, едва замѣтный. Я обвелъ ее критическимъ взглядомъ и убѣдился, что видъ непорядочности придаетъ ей главнымъ образомъ старое черное платье, очевидно, съ чужого плеча и слишкомъ широкое для нея. Чтобы сколько-нибудь пригнать ее по фигурѣ, въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ оно было заложено большими складками, заколотыми англійскими булавками, и такимъ образомъ изъ отдѣлки лифа—чернаго бархата и стекляруса—получался самый причудливый хаосъ. Инстинктивно чувствовалось, что это купленное у закладчика праздничное платье какой-нибудь толстой пожилой женщины. На этой дѣвичьей фигуркѣ оно было совершенно не у мѣста и непріятно рѣзало глаза, точно такъ же, какъ и ея головной уборъ,—какая-то безформенная шляпа съ дешевымъ, чернымъ перомъ, уныло свисшимъ на бокъ.

Она съ укоромъ посмотрѣла на меня и отвернулась. Потомъ передернула плечами и засопѣла носомъ. У моей матери была горничная, которая всегда такъ сопѣла носомъ передъ тѣмъ, какъ разревѣться. Положеніе получилось самое дикое. Не могъ же я сидѣть, какъ безчувственное бревно, и смотрѣть, какъ реветъ эта нелѣпо одѣтая дѣвица; уйти же и оставить ее одну въ такомъ состояніи тоже не могъ. Она снова подняла на меня свои полные слезъ, молящіе, не человѣческіе, а собачьи глаза. И я сдался.

— Не плачьте,—сказалъ я.—Скажите мнѣ лучше, что́ я могу для васъ сдѣлать.

Она придвинулась немножко ближе.

— Мнѣ надо найти Гарри. Я потеряла его.

— А кто такой Гарри?—естественно освѣдомился я.

— Это мой женихъ.

— А какъ его фамилія?

— Забыла.

— А развѣ кромѣ него въ Лондонѣ вы никого не знаете?

Она грустно покачала головой.—Я такъ проголодалась...

Я намекнулъ, что въ Лондонѣ есть рестораны.

— Но у меня нѣтъ денегъ,—воскликнула она.—Ни денегъ, ничего, кромѣ вотъ этого.—Она указала на свое платье.—Не правда ли, какъ это безобразно?

— Да это платье къ вамъ не идетъ,—согласился я.

— Но что̀ же мнѣ дѣлать? Скажите мнѣ, и я сдѣлаю. А, если не скажете, я умру.

И, возложивъ такимъ образомъ на мои плечи отвѣтственность за свою жизнь, она преспокойно откинулась на спинку скамьи. Я не зналъ, чему больше дивиться: ея спокойствію, самоувѣренности, или же стойкости, съ которой она смотрѣла въ лицо смерти.

— Я могу вамъ дать немного денегъ, дня на два вамъ этого хватитъ,—сказалъ я,—но какъ найти Гарри, не зная его фамиліи...

— Да онъ въ концѣ концовъ не такъ ужъ мнѣ и нуженъ теперь—перебила меня эта удивительная молодая особа.—Все время, пока мы ѣхали на пароходѣ, онъ заставлялъ меня сидѣть въ каютѣ. Вначалѣ я радовалась этому, потому что пароходъ все время качало, то вверхъ и внизъ, то съ боку на бокъ, и я думала, что умру, такъ я была больна; но потомъ мнѣ стало легче...

— Да вы откуда ѣхали-то?

— Изъ Александретты.

— А тамъ вы что̀ дѣлали?

— Сидѣла цѣлый день на деревѣ и смотрѣла черезъ стѣну...

— Какую стѣну?

— Стѣну моего дома—дома моего отца, т.-е. онъ не отецъ мнѣ, но онъ женатъ на моей матери. А я англичанка.—Это она сказала не безъ гордости.

— Вотъ какъ?

— Да. Отецъ и мать у меня оба англичане. Онъ былъ вице-консуломъ; онъ умеръ раньше, чѣмъ я родилась. А потомъ его другъ Хамди Эффенди взялъ мою маму къ себѣ и женился на ней, понимаете?

Я признался, что не понимаю.—Да Гарри-то при чемъ?

Она озадаченно посмотрѣла на меня.—Какъ: при чемъ? Это что̀ такое значитъ?

Я поставилъ вопросъ иначе. Она оживилась.

— Ахъ, вотъ что! Когда никого не было дома, онъ перелѣзалъ черезъ стѣну, и мы съ нимъ болтали. Онъ такой хорошенькій—красивѣе васъ.

— Неужели?

— О, да,— совершенно серьезно подтвердила она.—У него есть усы, только онъ не такой высокій.

— Ну, хорошо. Вы разговаривали съ Гарри. Что же дальше?

Она безхитростно повѣдала мнѣ всю исторію, старую, какъ крестовые походы: переодѣванье въ европейское платье, купленное у старьевщика все тѣмъ же Гарри, веревочная лѣстница, бѣгство ночью, переѣздъ по морю на англійскомъ пароходѣ и, наконецъ, прибытіе въ Европу. Премилая исторійка. Я неожиданно напустилъ на себя строгость и огорошилъ ее вопросомъ:

— Послушайте, молодая особа, да вы, можетъ быть, все это выдумали?

Она обидѣлась и отодвинулась.

— Вы хотите сказать, что я лгу? Ничуть не бывало. Все это правда. Почему вы думаете, что неправда? Какъ же иначе я попала бы сюда?

На этотъ вопросъ я не могъ отвѣтить. Ея исторія была такъ же нелѣпа, какъ ея костюмъ. Но вѣдь и костюмъ этотъ былъ подлинный, не выдуманный. Я долго смотрѣлъ въ эти большіе, невинные глаза. Да, она, несомнѣнно, мнѣ сказала правду. Она еще что-то болтала про себя. Я понялъ только, что ея отчимъ Хамди Эффенди—турецкій чиновникъ, и всю свою жизнь она провела въ гаремѣ, откуда ее увезъ красивый молодой англичанинъ Гарри.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?—повторила она.

Я попросилъ ее дать мнѣ время подумать. Встрѣча была не изъ заурядныхъ. Не каждый день наталкиваешься въ садахъ Викторіи, подъ террасой фешенебельнаго клуба, на похищенную звѣзду гарема. Я оглядѣлся вокругъ. За послѣднія десять минутъ какъ будто ничего и не случилось. Блѣдный юноша на сосѣдней скамьѣ, котораго я запримѣтилъ еще при входѣ, попрежнему читалъ засаленный розовый уличный листокъ. Воробьи и голуби по-прежнему весело прыгали вокругъ. Сквозь деревья виднѣлся на улицѣ рядъ экипажей; кучера по-прежнему дремали на козлахъ въ ожиданіи сѣдоковъ. Сэръ Бартль Фрэръ по-прежнему упорно поворачивалъ мнѣ спину, ни капельки не интересуясь романтическими похожденіями моей сосѣдки. Я всегда удивлялся силѣ характера этого человѣка. Однако, что же мнѣ ей посовѣтовать? Самое лучшее было бы, конечно, разыскать этого проклятаго Гарри. Я сталъ разспрашивать, какимъ образомъ она потеряла его. Повидимому, въ дорогѣ онъ совершенно не занимался ею, а по пріѣздѣ вышелъ съ нею

вмѣстѣ на берегъ въ Соутгэмптонѣ, усадилъ ее въ вагонъ желѣзной дороги, строго наказавъ не трогаться съ мѣста, пока онъ не позоветъ ее, и затѣмъ исчезъ.

— А билетъ онъ вамъ оставилъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ негодяй!

— Я совсѣмъ не люблю его,—объявила она.

Какимъ образомъ она ухитрилась проѣхать и выйти въ Лондонѣ безъ билета, для меня не совсѣмъ ясно. Повидимому, она, со свойственной ей довѣрчивостью, объяснила кондуктору, что билетъ у Гарри, а когда онъ никакого Гарри во всемъ поѣздѣ не нашелъ и вернулся обратно сообщить ей это, она подняла на него свои молящіе, полные слезъ глаза, и кондукторъ растаялъ. На вокзалѣ Ватерлоо ей сказали, что здѣсь ей надо выйти—и она покорно вышла. Потомъ пошла по улицѣ, перешла черезъ мостъ и какъ-то случайно забрела въ тотъ садъ, гдѣ я ее нашелъ. И придумала спросить меня, какъ ей разыскать Гарри. Совсѣмъ, какъ въ сказкѣ. Курьезнѣе всего, что она даже не знала фамиліи своего такъ называемаго жениха.

— Кстати,—сказалъ я,—какъ васъ самихъ зовутъ?

— Карлотта.

— Карлотта—а дальше?

— Другого имени у меня нѣтъ.

— Но вѣдь у вашего отца—у вице-консула—была же какая-нибудь фамилія.

Она наморщила лобъ, съ трудомъ припоминая, и наконецъ съ торжествомъ выговорила:

— Рамсботамъ.

— Ну, такъ вотъ что, миссъ Рамсботамъ—нѣтъ—это сочетаніе какой-то чудовищный анахронизмъ, совершенно нелѣпый. Не могу я васъ такъ называть. Ужъ разрѣшите мнѣ звать васъ просто: Карлотта.

— Но вѣдь я же сказала вамъ, что меня зовутъ Карлоттой, — наивно отвѣтила она, очевидно, не понимая разницы.

— А меня зовутъ сэръ Маркусъ Ордайнъ. Или просто «сэръ Маркусъ».

— Сиръ Маркосъ,—повторила Карлотта.

Мой титулъ баронетта, повидимому, не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія.

— Ну-съ, а теперь, Карлотта, — продолжалъ я,—намъ первымъ дѣломъ надо попытаться разыскать Гарри. Можетъ быть, онъ просто не попалъ на поѣздъ, поѣхалъ со слѣдующимъ

и теперь бродитъ около вокзала Ватерлоо, разыскивая васъ. Если мы его не найдемъ и не узнаемъ, гдѣ онъ, я васъ отвезу въ турецкое консульство, поручу васъ заботамъ консула, и васъ благополучно доставятъ домой въ Александретту. Добрый Хамди Эффенди, навѣрное, въ отчаяніи и встрѣтитъ васъ съ раскрытыми объятіями.

Все это было сказано очень учтиво и ласково.

Дѣвушка вскочила на ноги, бѣлая, какъ полотно, широко раскрывъ глаза и дѣтскій ротикъ, и неожиданно упала передо мной на колѣни, заломивъ руки надъ головой.

— Ради Бога, встаньте!—вскрикнулъ я, торопливо поворачивая ее спиной къ скамьѣ.—Господь съ вами, можно ли дѣлать такія вещи? Весь Лондонъ сбѣжится смотрѣть на насъ.

Даже блѣдный юноша на сосѣдней скамьѣ пробудился отъ своего летаргическаго сна и уронилъ розовую газетку на колѣни. Я крѣпко стиснулъ кисти рукъ Карлотты. Она зарыдала, безсвязно лепеча:

— Не отсылайте меня назадъ!—Хамди убьетъ меня. Пожалуйста, пожалуйста, не отсылайте меня назадъ—онъ выдастъ меня замужъ за своего друга Мустафу—у Мустафы только два зуба—ему семьдесятъ лѣтъ, онъ старый и у него уже есть одна жена—я затѣмъ и уѣхала съ Гарри, чтобъ не быть женой Мустафы. Хамди убьетъ меня,—онъ будетъ бить меня,—онъ заставитъ меня выйти замужъ за Мустафу.

Вотъ все, что́ я могъ понять въ ея безсвязномъ лепетѣ. Она, видимо, страшно испугалась и совершенно потеряла голову.

— Но вѣдь турецкій консулъ вашъ естественный защитникъ, куда же мнѣ иначе везти васъ, если не къ нему?

— Вы не будете такъ жестоки,—рыдала она.—Вы не можете быть такъ страшно жестоки.

Она сильно картавила, и отъ этого слово «страшно» получало какой-то оттѣнокъ варварской жестокости. И опять она уставилась на меня своими проклятыми глазами.

Не знаю, есть ли на свѣтѣ еще такой дуракъ, какъ я.

Я далъ ей честное слово не отвозить ее въ турецкое консульство. Я взялъ извозчика и повезъ ее на вокзалъ въ Ватерлоо. По дорогѣ она напомнила мнѣ, что она голодна. Я накормилъ ее въ буфетѣ. Повидимому, она обожаетъ яйца вкрутую и лимонадъ. И, очевидно, не очень спѣшитъ найти Гарри, такъ какъ долго болтала со мной по поводу устройства буфета. Особенно забавляютъ ее автоматическіе краны.

Она заставила меня взять стаканчикъ горькой (напитокъ, котораго я не могу переносить), чтобы посмотрѣть, «какъ это дѣлается», и радостно смѣялась, глядя, какъ изъ крана текла желтоватая влага. Буфетчица, франтоватая, но явно лишенная воображенія, съ недоумѣніемъ смотрѣла на нее. Два-три посѣтителя также уставились на насъ. Я обрадовался, когда мы наконецъ вышли на платформу.

Но и здѣсь, опять-таки, возлѣ насъ вскорѣ собралась кучка любопытныхъ, обступившихъ насъ тѣснымъ кольцомъ въ то время, какъ мы вели переговоры съ желѣзнодорожнымъ чиновникомъ. Юная красавица, съ бронзовыми волосами, съ глазами волоокой Геры, въ какомъ-то разубахистомъ костюмѣ—я никогда не видалъ, чтобъ сломанное черное перо виляло кончикомъ съ такимъ безстыдствомъ—это было зрѣлище, естественно возбуждавшее любопытство лондонскихъ cockney. А, можетъ быть, еще и то, что рядомъ съ ней былъ я. Я—тощій, длинный, некрасивый—это мнѣ извѣстно. Но я утѣшаюсь тѣмъ, что внѣшность моя безупречно респектабельна. Изъ насъ двоихъ, несомнѣнно, я былъ болѣе смущенъ такимъ вниманіемъ къ намъ публики. «Спокойная и ничѣмъ несмущаемая, какъ Судьба», Карлотта позволяла глазѣть на себя, сколько душѣ угодно и, повидимому, даже немного досадовала на мои усилія разыскать Гарри. Посреди серьезнѣйшаго разговора съ начальникомъ станціи она попросила у меня пенни, чтобы положить его въ автоматъ, выбрасывавшій шеколадинки, какъ это только-что сдѣлалъ на ея глазахъ маленькій мальчикъ. Я не далъ и повернулся снова къ начальнику станціи. Черезъ минуту взрывъ смѣха перебилъ мнѣ рѣчь. Карлотта съ умоляющимъ взглядомъ протянула руку къ мальчику, словно обезьянка шарманщика, выпросила у него половину липкой конфетки и отправила ее въ собственный ротъ.

Я поспѣшилъ проститься съ начальникомъ станціи, сказавъ ему:

— Завтра утромъ я зайду еще. Если до того, этотъ господинъ зайдетъ сюда завтра за справками, попросите его оставить фамилію и адресъ.

Затѣмъ я взялъ Карлотту подъ руку и, чтобъ избавиться отъ длинной свиты, поспѣшилъ усадить ее въ первый попавшійся кэбъ.

Никакихъ слѣдовъ Гарри мы не видѣли. Ни одинъ красивый молодой человѣкъ не бродилъ въ уныніи возлѣ вокзала. Ни одинъ не рвалъ на себѣ волосъ передъ чиновниками, допы-

тываясь, не видали ли они заблудившейся молодой особы женскаго пола въ черномъ платьѣ. Гарри исчезъ безслѣдно. И у насъ больше не было основаній угощать британскую публику даровымъ зрѣлищемъ.

— Трогай,—сказалъ я кучеру.—И живѣй! Скачи во весь опоръ.

— Куда прикажете, сэръ?

Я ахнулъ. Въ самомъ дѣлѣ, куда же мнѣ везти ее. Я положительно терялъ голову.

— Поѣзжайте просто такъ, куда хотите, пока я не велю вамъ остановиться.

Извозчикъ, очевидно, былъ философъ: можетъ быть, онъ и счелъ меня чудакомъ, но не подалъ виду и весело подхлестнулъ лошадь. Когда мы съѣхали по крутому спуску и очутились далеко отъ ненавистнаго вокзала, я вздохнулъ свободнѣе и началъ собираться съ мыслями. Карлотта обсасывала, одинъ за другимъ, липкіе пальцы, перепачканные шоколадомъ, и обтирала ихъ о платье.

— Куда мы ѣдемъ?—спросила она.

— Черезъ Ватерлооскій мостъ.

— Зачѣмъ?

— Надо же мнѣ куда-нибудь дѣвать васъ. Но куда—я не могу придумать. У насъ въ Лондонѣ есть пріютъ для потерянныхъ собакъ и другой—для сбѣжавшихъ кошекъ; есть отдѣленіе при Скотандъ-Ярдѣ для храненія потерянныхъ вещей, но, такъ какъ вы не собака, не кошка и не зонтикъ, все это для васъ не подходитъ.

Мы доѣхали до Странда.

— На востокъ или на западъ, сэръ?—спросилъ извозчикъ.

— На западъ,—наудачу бросилъ я.

Мы не спѣша поѣхали по Странду. Я переживалъ минуты мучительнаго напряженія мысли. Возлѣ меня сидѣла бездомная, безпомощная, молодая женщина, безъ семьи, безъ друзей и безъ гроша въ карманѣ, прекрасная, какъ богиня, и несмысленная, какъ младенецъ. Что́ же мнѣ съ ней дѣлать и куда ее дѣвать? Я съ отчаяніемъ воззрился на нее. Она отвѣтила на мой взглядъ милой улыбкой, точно мы съ ней были старые знакомые и я занималъ ее разговоромъ за обѣдомъ. Непривычный шумъ и суета лондонскихъ улицъ смущали ее не больше, чѣмъ смутили бы какую-нибудь приблудную собаченку, нашедшую себѣ добраго хозяина.

— А что, если я дамъ вамъ денегъ и высажу васъ здѣсь, а самъ уйду?—предложилъ я ей.

— Тогда я умру,—отвѣтила она съ кроткой покорностью.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, есть ли у васъ душа,—сказалъ я.

Она посмотрѣла на свое платье.—У меня есть только это,—сказала она—и это ужасно некрасиво. Я бы хотѣла розовое платье.

Мы проѣзжали черезъ Трафальгарскую площадь. Я взглянулъ на башню Большого Бена—было уже безъ четверти шесть. Не могъ же я безъ конца кататься съ ней по Лондону. Къ тому же дома въ половинѣ восьмого ждалъ меня обѣдъ.

— Зачѣмъ, о, зачѣмъ Юдиѳь ухала въ Парижъ! Будь она въ городѣ, я отвезъ бы Карлотту прямо къ ней и съ легкимъ сердцемъ вернулся бы къ себѣ домой обѣдать и читать Кристофоро да Коста. Юдиѳь, навѣрное, нашла бы Карлотту очень занятной. Она прежде всего посадила бы ее въ ванну, а затѣмъ произвела бы анализъ ея темпераменту. Но Юдиѳь гоститъ въ Парижѣ у Дельфины Карреръ, а меня оставила здѣсь одного нести все бремя жизни—и въ томъ числѣ Карлотту.

Кэбъ медленно въѣзжалъ на площадь Ватерлоо. Я подумалъ-было, не обратиться ли мнѣ къ одной изъ тетушекъ, но тотчасъ же отвергъ эту мысль.—Куда же мнѣ ее везти?—въ полицію, въ отель, къ моимъ повѣреннымъ (туда уже поздно), въ меблированныя комнаты, въ госпиталь?... Я ломалъ себѣ голову и ничего не могъ придумать.

— Гдѣ вы живете?—спросила Карлотта.

Я посмотрѣлъ на нее и вздохнулъ. Это былъ единственный исходъ.

— Я живу по пути въ Риджентъ-паркъ,—отвѣтилъ я и сквозь окошечко на крышѣ сказалъ адресъ кучеру.

— Сегодня я возьму васъ ночевать къ себѣ домой,—строго сказалъ я.—У меня есть экономка, француженка, чуднѣйшая женщина, которая позаботится о васъ. А завтра,—если къ завтрему британская полиція не разыщетъ этого вашего негодяя возлюбленнаго, вина будетъ во всякомъ случаѣ не ея.

Карлотта положила свою маленькую ручку на мою руку. Рука у нея была прохладная и нѣжная.

— Вы сердитесь на меня? За что?

Я отнялъ руку.

— Вы не должны больше этого дѣлать. Нѣтъ, я нисколько не сержусь на васъ. Но, я надѣюсь, вы понимаете, что я не былъ подготовленъ къ такой случайности, не имѣющей прецедентовъ въ моей жизни.

— А что́ такое пре-це-дентъ?—запинаясь, повторила она незнакомое длинное слово.

— То, чего никогда раньше не бывало и что, я горячо надѣюсь, никогда больше не повторится.

Она повернулась ко мнѣ лицомъ. Нижняя губка ея слегка дрожала. Удивительные глаза опять смотрѣли на меня молящимъ собачьимъ взглядомъ.

— Вы будете добры ко мнѣ?—спросила она, какъ-то совсѣмъ по-дѣтски, старательно выговаривая каждое слово и съ длинными промежутками между словами.

Я почувствовалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я усадилъ ее въ экипажъ возлѣ вокзала Ватерлоо, я все время велъ себя, какъ безсердечная скотина. Сердце мое смягчилось, и я засмѣялся.

— Если вы будете умницей и будете слушаться меня во всемъ.

— Сиръ Маркосъ—господинъ мой, а я—его раба.

Таковъ былъ ея неожиданный, ошеломляющій отвѣтъ. Тутъ только я вспомнилъ, что она выросла въ домѣ Хамди Эффенди. Все-таки, въ конечномъ счетѣ, гаремное воспитаніе имѣетъ свои хорошія стороны.

— Очень радъ слышать это,—молвилъ я.

Она закрыла глаза. Теперь видно было, что она очень утомлена. Я думалъ, что она уснула, и углубился въ размышленія о предстоящей мнѣ задачѣ. Неожиданно дверь каретки съ силой распахнулась и, если бъ я не удержалъ моей дамы, она выпрыгнула бы на мостовую.

— Смотрите!—взволнованно восклицала она.—Вотъ какая фамилія у Гарри.

Она указывала на телѣжку мясника впереди насъ, на которой большими буквами было выведено имя «Э. Робинзонъ».

— Велите кучеру остановиться,—требовала она.—Онъ скажетъ намъ, гдѣ Гарри.

Всю дорогу отъ Оксфордскаго цирка до Портмэнъ-сквера я убѣждалъ ее, что въ Лондонѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько тысячъ Робинзоновъ и предполагать, что этотъ мясникъ можетъ сообщить намъ что-нибудь о Гарри, по меньшей мѣрѣ, нелѣпо.

На Бекеръ-стритъ она усталымъ голосомъ спросила:

— Далеко еще до вашего дома?

— Нѣтъ,—ободрилъ я ее.—Не особенно далеко.

— Мнѣ разсказывали въ Александреттѣ, что по лондонскимъ улицамъ можно ѣздить нѣсколько дней подрядъ и впереди

все будутъ улицы и все дома. И еще говорили, что Лондонъ такой же большой, какъ и луна.—Правда это?

Я до нелѣпости обрадовался. Значитъ, она, все-таки, способна мыслить. Можетъ быть, она не такъ уже безнадежно глупа? Можетъ быть, ее можно развить? Что она умѣетъ читать, было, во всякомъ случаѣ, пріятно.

— Нѣсколько часовъ,—да, пожалуй. Нѣсколько дней—это ужъ слишкомъ. Вамъ кажется, что Лондонъ очень великъ?

— О, да!—сказала она, проводя рукой по глазамъ.—У меня въ головѣ все спуталось. Вы какъ-нибудь въ другой разъ покатайте меня по этимъ красивымъ улицамъ. Сегодня я слишкомъ устала. У меня голова болитъ отъ шума.

Она снова закрыла глаза и не открывала ихъ, пока мы не остановились у Лингфильдской террасы. Я принужденъ былъ измѣнить первое свое предположеніе о ней—что она, какъ животное, невоспріимчива къ впечатлѣніямъ извнѣ. Если бы сейчасъ оживить Боадицею и послать ее на Чарингъ-Кроссъ, ея психологическое состояніе было бы, по всей вѣроятности, близкимъ къ идіотизму, а, между тѣмъ, у себя дома, въ своей средѣ, Боадицея слыла весьма разумной и способной женщиной.

Мой удивительный слуга Стенсонъ не выразилъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго изумленія, когда онъ отворилъ намъ дверь. Это было бы не корректно для хорошо выдрессированнаго лакея. Онъ нисколько бы не изумился и въ томъ случаѣ, если бы я привезъ домой какого-нибудь допотопнаго ихтіозавра. Я восхищаюсь невозмутимостью нашихъ англійскихъ слугъ. Я велѣлъ Стенсону сейчасъ же прислать ко мнѣ въ гостиную Антуанетту.

— Антуанетта,—сказалъ я,—эта молодая особа пріѣхала изъ Малой Азіи, гдѣ у добраго святого Павла было столько приключеній, и ей въ дорогѣ нечѣмъ было перемѣниться.

— C'est y Dieu possible! Да какъ же это!—воскликнула Антуанетта.

— Сдѣлайте ей теплую ванну и,—можетъ быть, у васъ найдется что-нибудь изъ бѣлья, что́ вы могли бы одолжить ей? И приготовьте ей постель въ запасной спальнѣ, такъ какъ она остается у насъ ночевать. И вообще, позаботьтесь, чтобы ей было удобно.

— Bien, m'sieur,—сказала Антуанетта, не сводя изумленныхъ глазъ съ нежданной гостьи.

— А ея шляпку и платье бросьте въ сорную корзину.

— Bien, m'sieur.

— И, такъ какъ мадемуазелль очень устала съ дороги— пріѣхавши сюда прямо изъ Малой Азіи,—ей надо лечь въ постель какъ можно раньше.

— Бѣдный ангелъ! — умилилась Антуанетта. — Но, вѣдь, обѣдать же она будетъ вмѣстѣ съ monsieur.

— Не думаю,—сухо сказалъ я.

— А какъ же молодыя утки, которыя у насъ сегодня жарятся на обѣдъ?

— Если бъ вы не изжарили ихъ, онѣ, можетъ быть, выросли бы въ старыхъ утокъ.

— Oh, la, la!—прошептала изумленная Антуанетта.

— Карлотта, — сказалъ я, поворачиваясь къ дѣвушкѣ, скромно усѣвшейся на стулъ съ высокой прямой спинкой:— идите съ Антуанеттой и слушайтесь ея во всемъ. Она не говоритъ по-англійски, но она умѣетъ сдѣлать такъ, что всѣ здѣсь понимаютъ ее.

— Mais, moi parler français un peu,—объявила Карлотта.

— Въ такомъ случаѣ, вы покорите сердце Антуанетты и она вамъ дастъ лучшіе свои... Спокойной ночи,—круто оборвалъ я рѣчь.—Желаю вамъ хорошенько отдохнуть.

Она взяла мою протянутую руку и, къ величайшему моему изумленію и конфузу, поднесла ее къ губамъ. Антуанетта такъ расчувствовалась, что у нея даже слезы выступили на глазахъ.

— Бѣдный ангельчикъ!—повторила она.

Затѣмъ, я далъ Стенсону краткій отчетъ о происшедшемъ. Ради своей репутаціи, я обязанъ былъ сдѣлать это. А потомъ пошелъ наверхъ переодѣться къ обѣду. Это я тоже считаю своею обязанностью дѣлать для Стенсона. Было уже восемь часовъ, когда я сѣлъ за столъ, но молодыя утки подъ соусомъ изготовленія Антуанетты были восхитительны и до извѣстной степени утѣшили меня за мои сегодняшнія треволненія. Я только-было развернулъ вечернее изданіе «*Вестминстерской Газеты*», которою я обыкновенно услаждаю полчаса послѣ обѣда, отведенные пищеваренію, какъ явилась Антуанетта съ докладомъ.

Бѣдная дѣтка уже крѣпко спитъ. О! она такъ страшно устала. Она съѣла немножко consommé, кусочекъ рыбы и omelette. Но какая же она красоточка! и кротка, какъ ягненокъ; а кожа у нея—on dirait du satin. Развѣ monsieur не замѣтилъ?

— Нѣтъ, не замѣтилъ,—съ преувеличенною сухостью отвѣтилъ я.

— Monsieur все только въ книжки смотритъ.

— Книги гораздо достойнѣе этого, чѣмъ люди.

Антуанетта ничего не сказала, но по-женски усмѣхнулась одними уголками толстыхъ губъ.

Слава Богу! она улеглась, наконецъ. Я вздохнулъ свободнѣе. Завтра мы натравимъ Скотландъ-Ярдъ на этого навострившаго лыжи Гарри. Хорошо, что Карлотта вспомнила его фамилію—это облегчитъ поиски. Я закурилъ папироску и раскрылъ газету.

Но черезъ минуту уставился на нее съ недоумѣніемъ и ужасомъ.

Гарри найденъ. Ошибиться было невозможно. Гарри Робинзонъ, младшій компаньонъ фирмы Робинзонъ и К°, изъ Майнсингъ-Лэна. Обращаться за помощью въ Скотландъ-Ярдъ теперь незачѣмъ. Гарри вчера вечеромъ застрѣлился въ юго-западномъ отелѣ въ Соутгэмптонѣ.

Я разъ десять перечиталъ эту газетную замѣтку. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это—тотъ самый Гарри.

Поведеніе его для меня абсолютно непостижимо. Похитить дѣвушку изъ восточнаго гарема, напялить на нее какой-то омерзительный костюмъ, обманомъ затащить ее на пароходъ, тамъ держать ее, что называется, подъ замкомъ, не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія, потомъ посадить ее безъ билета и безъ гроша денегъ въ лондонскій поѣздъ, а самому пойти и застрѣлиться. Я васъ спрашиваю: есть ли во всемъ этомъ хоть капля смысла?

Ни чуточки мнѣ не жаль желторотаго Гарри, показавшаго себя такимъ дуракомъ и эгоистомъ. Ему слѣдовало бы пустить себѣ пулю въ лобъ годъ тому назадъ. Ну, можно ли такъ возмутительно вести себя! Какъ же мнѣ-то теперь быть съ Карлоттой? Какъ сообщить ей эту новость? Что за ужасающій эгоизмъ! Хорошо ему лежать тамъ, въ юго-западномъ отелѣ, а у Карлотты, можно сказать, буквально нечего надѣть, такъ какъ ея ужасное черное платье выброшено въ сорную корзину. Кто же теперь, по его мнѣнію, долженъ кормить и содержать Карлотту, и покупать ей розовыя платья. Какъ онъ полагаетъ: что́ станется теперь съ бѣдной сироткой? Въ жизнь свою не слыхивалъ о такомъ циническомъ самоубійствѣ!

Часа два я шагалъ по комнатѣ, смѣясь и кляня Гарри, и толкая ногой моего драгоцѣннаго Муратори, и спрашивая себя: кто же изъ насъ сошелъ съ ума: міръ или я. Ибо для меня ясно одно—Карлотта здѣсь, и здѣсь должна остаться.

И, хотя это, несомнѣнно, нарушитъ весь покойный и мирный укладъ моей жизни, я долженъ взять къ себѣ Карлотту.

Иного выхода нѣтъ.

IV.

Мая 25-го. Чего добраго, скоро меня обвинятъ въ томъ, что я завелъ у себя на Лингфильдской террасѣ гаремъ. Клевета и Преувеличеніе разгуливаютъ рука объ руку даже на сѣверной сторонѣ Риджентъ-парка. Если онѣ замѣтили сегодня у моего окна Карлотту, онѣ уже навѣрное поспѣшатъ доложить объ этомъ моей тетушкѣ Даже спеціально для этого проберутся въ молельню, чтобы оповѣстить объ этомъ м-ссъ Ральфъ Ордайнъ.

Вопросъ въ томъ: можетъ ли Истина предупредить ихъ. Не думаю. Въ каждой семьѣ есть свое enfant terrible, которое всегда дѣлаетъ то, чего не слѣдуетъ, съ самыми лучшими намѣреніями. Въ семьѣ Добродѣтелей правда является такимъ enfant terrible. Иной разъ она ихъ конфузитъ и заставляетъ краснѣть; въ другой разъ нашумитъ и накричитъ, какъ самый отъявленный враль; а бываетъ и такъ, что Правда не смѣетъ поднять глазъ и лепечетъ, запинаясь, какъ уличенный воръ. Какъ себя поведетъ Правда, предугадать заранѣе трудно, поэтому я лучше не поведу ее въ гости къ своимъ родственникамъ.

Долженъ сознаться, однако, что я очень боялся, чтобъ эти двѣ старушонки не прошли мимо, когда Карлотта стояла въ моей комнатѣ у большого, до полу раскрытаго окна. Она, дѣйствительно, прямо-таки до неприличія красива. На ней былъ темно-красный шелковый пеньюаръ съ открытымъ воротомъ, несомнѣнно, парижскаго происхожденія, обрисовавшій всѣ линіи ея фигуры. Я понять не могъ, гдѣ она раздобыла этотъ пеньюаръ. Потомъ узналъ, что это собственность Антуанетты, ея радость и гордость, подаренная ей этуалью одного изъ парижскихъ кафешантановъ, у которой она служила femme de chambre. Всѣ эти годы она бережно хранила у себя въ сундукѣ этотъ даръ отсіявшей звѣзды—этуали было теперь ужъ подъ семьдесятъ—и неувядаемыя чары, скрытыя въ этомъ нарядѣ, сразу преобразили Карлотту. Кромѣ того, теперь она была безукоризненно чисто вымыта, и при каждомъ ея движеніи отъ нея исходилъ какой-то ароматъ,—очевидно, запахъ ея кожи, котораго нельзя было заглушить никакимъ запахомъ мыла или духовъ. Ея золотисто-

бронзовые волосы были очаровательно причесаны. Я невольно обратилъ вниманіе на ея руки, обнаженныя до локтей въ широкихъ рукавахъ капота—кожа, дѣйствительно, была точно атласная. Et sa peau! On dirait du satin!.. Проклятая Антуанетта! При этомъ она имѣла дерзость сойти внизъ босой, показывая такіе очаровательные пальчики, какіе не приснятся и во снѣ.

Повторяю: она до неприличія красива. По-моему, такая восемнадцатилѣтняя дѣвченка (оказывается, ей всего лишь восемнадцать лѣтъ) не имѣетъ права блистать вполнѣ расцвѣтшей красотой, которая у нашихъ женщинъ развивается лишь годамъ къ двадцати семи. Она должна быть скромно миловидна, какъ и подобаетъ дѣтской стадіи развитія. Среди моихъ книгъ она совершенно не у мѣста, и я слѣжу за ней не безъ досады. Я не люблю ничего экзотическаго. И предпочитаю герани орхидеямъ. На балконѣ у меня цѣлый рядъ горшковъ съ геранями и, хотя всѣми соединенными усиліями, Стенсона, Антуанетты и моими собственными, намъ до сихъ поръ не удалось заставить ихъ цвѣсти, мнѣ все же нравятся простенькіе, не бьющіе въ глаза, бархатистые листья. Карлотта же—яркая до дерзости орхидея, и ея красота какъ-то тревожитъ.

По возможности мягко и въ осторожныхъ выраженіяхъ я сообщилъ ей о происшедшей катастрофѣ. Серьезнымъ тономъ я сказалъ, что получилъ извѣстія о Гарри. Она съ интересомъ взглянула на меня и спросила: когда онъ придетъ?

— Боюсь, что онъ вовсе не придетъ,—сказалъ я.

— А если онъ не придетъ, значитъ, я могу остаться здѣсь, у васъ?

Глаза ея смотрѣли на меня съ тревогой. Въ отвѣтѣ моемъ невольно прозвучала иронія—я буквально не могъ удержаться:

— Если вы снизойдете до того, чтобы жить, какъ членъ моей семьи, подъ моимъ скромнымъ кровомъ.

Но Карлотта ироніи не понимаетъ. Она радостно вскрикнула и протянула ко мнѣ обѣ руки. Глаза ея засіяли восторгомъ.

— О, какъ я рада, что онъ не придетъ! Я совсѣмъ его больше не люблю. Я хочу жить здѣсь, у васъ.

Я взялъ обѣ ея ручки въ свои. Смертный на моемъ мѣстѣ не могъ бы поступить иначе.

— Подумали ли вы о томъ, почему вы не увидите больше Гарри?

Она покачала своей хорошенькой головкой и, наклонивъ ее на одинъ бокъ, сморщила лобикъ, словно опечаленный фоксикъ.

— Онъ умеръ?

— Вы очень огорчились бы, если бъ узнали, что онъ умеръ?

— Н-ѣѣтъ,—задумчиво протянула она.

Я выпустилъ ея руки и отвернулся.—Ну, такъ знайте же, что Гарри умеръ.

Минуты двѣ она стояла молча, глядя на свои розовые пальчики, виднѣвшіеся изъ-подъ пеньюара. Потомъ вздохнула, ласково взглянула на меня и сказала:

— Я *такъ* рада!

Это было все, что̀ она удостоила сказать по поводу смерти этого злополучнаго юноши. «*Я такъ рада*». Она даже не спросила, какъ и почему онъ умеръ. Она просто-на-просто приняла мои слова, какъ должное. Гарри умеръ, ушелъ изъ ея жизни, какъ вчерашнее солнце или брошенное старое платье. Если бъ я сказалъ ей, что извозчичья лошадь, на которой мы вчера ѣздили по Лондону, сломала себѣ шею, она не могла бы отнестись равнодушнѣе. Нѣтъ, она даже рада. — Гарри не былъ милъ съ ней. Онъ держалъ ее все время взаперти, въ каютѣ и заставлялъ ее терпѣть множество разныхъ неудобствъ. Я же, наоборотъ, окружилъ ее роскошью и нарядилъ ее въ красный шелкъ. Она немножко боялась, что Гарри, все-таки, придетъ за ней и, когда узнала, что это мало вѣроятно, у нея стало легче на душѣ. Со смертью его, маловѣроятное стало невозможнымъ. И отлично. Значитъ, этому всему конецъ. Она *такъ* рада!..

А, между тѣмъ, было же у ней какое-нибудь нѣжное чувство къ этому хорошенькому англичанину. Ужъ, навѣрное, онъ цѣловалъ ее, когда везъ изъ дому на пароходъ. Ужъ, навѣрное, ея молодая, горячая кровь приливала къ щекамъ при видѣ его красиваго лица.

Что же это за миѳологическое существо я пріютилъ у себя въ домѣ? Да полно, вправду ли она выросла въ гаремѣ Хамди Эффенди? Можетъ быть, это русалка, вскарабкавшаяся на бортъ корабля и околдовавшая бѣднаго юношу, изъ котораго она высосала всю душу и довела его до самоубійства. Или Демонъ, Вампиръ? Или Гамадріада? Или Саламандра?

Въ одномъ могу поклясться—человѣческаго въ ней очень мало.

Если бъ хоть Юдиѳь была здѣсь, чтобъ я могъ посовѣтоваться съ нею! А между тѣмъ внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что Юдиѳь, со свойственной ей рѣзкостью, настаивала бы на единственномъ выходѣ, котораго я не могу принять: отправить Карлотту назадъ, къ Хамди Эффенди. Но не могу же я нарушить слово... Я предпочелъ бы много охотнѣе сломать Карлоттѣ ея хорошенькую шейку.

Я не писалъ еще Юдиѳи. Да и отъ нея, кстати сказать, до сихъ поръ еще не имѣю писемъ. Очевидно, Дельфина закружила ее въ вихрѣ развлеченій, и ей стыдно признаться, что ея затворничество было только миѳомъ. Хотѣлъ бы я хоть вполовину умѣть такъ веселиться, какъ это умѣетъ Юдиѳь!..

— Я оставляю у себя мадемуазель, — сообщилъ я сегодня Антуанеттѣ.—Если она вернется въ Малую Азію, ей надѣнутъ петлю на шею, завяжутъ ее въ мѣшокъ и бросятъ въ море.

— Это было бы страшно жалко! — горячо воскликнула Антуанетта.

— *Cela dépend*. Какъ бы то ни было, она здѣсь, и здѣсь останется.

— Въ такомъ случаѣ, подумалъ ли monsieur о томъ, что у бѣднаго ангела нѣтъ ни платьевъ, ни бѣлья и никакихъ туалетныхъ принадлежностей, и того, и этого—а мало ли нужно молоденькой, хорошенькой барышнѣ.

— И даже башмаковъ нѣтъ, чтобы прикрыть свои ноги, безстыдно выставляемыя напоказъ.

— Ахъ, какія у нея ножки! Я въ жизнь свою не видала такихъ прелестныхъ ножекъ!—въ какомъ-то дурацкомъ восторгѣ воскликнула Антуанетта.

Эта русалка совсѣмъ околдовала бѣдную старуху.

Я надѣлъ шляпу и отправился на Веллингтонъ-Родъ совѣтоваться съ м-ссъ Макъ Муррей. Какое счастье, думалъ я, что давеча я взялъ съ собою ея мальчика въ Зоологическій садъ смотрѣть звѣрей и тѣмъ покорилъ сердце матери. Она поможетъ мнѣ разрѣшить эту дилемму. Къ несчастью, м-ссъ Макъ Муррей была дома не одна. Ея супругъ, журналистъ, работающій въ одной утренней газетѣ, сидѣлъ за завтракомъ, когда я вошелъ. Это—огромный рыжебородый великанъ, у котораго голосъ гудитъ, какъ басовой регистръ органа, а когда онъ хохочетъ—точно громъ гремитъ. Такое олицетвореніе мужественности немного угнетаетъ людей, не обладающихъ хорошо развитыми мускулами, бритыхъ и говоря-

щихъ теноркомъ, въ родѣ меня. М-ссъ Макъ Муррей—маленькая, веселая, какъ птичка, и ужасно милая.

Я разсказалъ имъ отъ начала до конца свое удивительное приключеніе, неоднократно прерываемый хохотомъ Макъ Муррея.

— Вамъ хорошо смѣяться,—заключилъ я,—а каково мнѣ. Когда у васъ въ домѣ поселяется миѳическое существо, сошедшее съ Олимпа, это, я вамъ доложу, не шутка.

— Ужъ и съ Олимпа?—недовѣрчиво протянулъ Макъ Муррей.

— Ну да. Вотъ увидите сами.

— Привезите ее сегодня ко мнѣ, сэръ Маркусъ, часамъ къ пяти, когда этотъ противный насмѣшникъ уйдетъ въ клубъ,—вмѣшалась м-ссъ Макъ Муррей,—мы поѣдемъ съ ней по магазинамъ и купимъ все, что̀ надо.

— Но, милая барынька,—съ отчаяніемъ вскричалъ я;—у нея только одинъ костюмъ: шелковый пеньюаръ, ужасающе яркій и съ огромнымъ декольте, принадлежавшій танцовщицѣ временъ второй Имперіи. И даже башмаковъ нѣтъ—она ходитъ босая.

— Ну, тогда я сама заѣду къ вамъ и посмотрю, что̀ можно сдѣлать.

— И я съ тобой, ей-Богу!—воскликнулъ Макъ Муррей.

— Ничего подобнаго!—возразила его жена.

— Если я вамъ дамъ чекъ на сто фунтовъ,—сказалъ я,—какъ вы думаете, хватитъ этого, чтобы купить ей все необходимое?

— Сто фунтовъ!—ахнула маленькая женщина, съ такимъ восторгомъ, что я думалъ: она кинется мнѣ на шею. Макъ Муррей хлопнулъ меня по плечу своей тяжелой, какъ молотъ, рукой.

— Послушайте!—загремѣлъ онъ.—Знаете ли вы, что̀ вы дѣлаете? Пустить почтенную женщину, мать семейства, по лондонскимъ моднымъ магазинамъ съ сотней фунтовъ въ карманѣ?—Да вѣдь она все на свѣтѣ забудетъ, и домъ, и мужа. Вы что̀ же это̀? Хотите погубить мой душевный покой, разбить мой семейный очагъ, довести меня до алкоголизма?

— Если вы еще разъ это сдѣлаете,—возразилъ я, потирая плечо,—я дамъ ей двѣсти.

Когда я вернулся домой, Карлотта сидѣла на диванѣ, по-турецки поджавъ подъ себя ножки, съ папироской въ зубахъ (которую она безъ спроса взяла у меня изъ ящика), и перелистывала книгу. Этотъ интересъ къ литературѣ былъ для меня неожиданностью. Но вскорѣ оказалось, что у нея въ рукахъ

второй томъ моего édition de luxe Луандрова «Les Arts Somptuaires». Должно быть, женское чутье подсказало ей, гдѣ находится на полкѣ эта книга. Я предупредилъ Карлотту, что къ намъ заѣдетъ одна дама, и сказалъ, зачѣмъ. Она на радостяхъ вскочила съ дивана и швырнула мою книгу на полъ (а она въ драгоцѣннѣйшемъ переплетѣ изъ телячьей кожи и заключаетъ въ себѣ до двухсотъ восхитительно раскрашенныхъ гравюръ). Я заботливо поднялъ ее и положилъ на письменный столъ.

— Карлотта,—сказалъ я,—первое, чему вы должны научиться здѣсь,—это, что книгами въ Англіи дорожатъ больше, чѣмъ ребятами въ Александреттѣ. Если вы будете швырять ихъ такимъ образомъ, вы ихъ убьете, и я васъ велю повѣсить.

Она сразу присмирѣла, задумалась и съ раскаяніемъ потупила головку, а я продолжалъ разговоръ о костюмахъ.

— Словомъ,—заключилъ я,—съ завтрашняго дня вы будете одѣты, какъ лэди.

Она раскрыла книгу на ярко раскрашенной картинкѣ съ подписью: «Франція, XVI вѣкъ—Скоромохъ и Цыганка» и объявила:

— Я хочу вотъ такое платье.

На цыганкѣ была ярко-зеленая туника съ золотой каймой, краснымъ поясомъ и красной же обшивкой на короткихъ до локтя рукавахъ, и ярко-розовая юбка, а на головѣ вѣнокъ изъ плюща, съ вплетенными въ него красными и бѣлыми гвоздиками.

Хорошо, если у м-ссъ Макъ Муррей есть чувство красокъ, а то онѣ Богъ знаетъ чего накупятъ вмѣстѣ. Я попробовалъ мягко вразумить Карлотту, что въ Лондонѣ неловко выходить на улицу въ такомъ костюмѣ, но о вкусахъ не спорятъ, и я видѣлъ, что мнѣ удалось убѣдить ее только на половину. Надо будетъ попытаться развить въ ней эстетическое чувство.

Она очень послушна. Я ей сказалъ:—«Ну, теперь, бѣгите внизъ къ Антуанеттѣ», и она убѣжала, рѣзво, какъ дитя. Надо будетъ устроить ей отдѣльную гостиную; нельзя же, чтобъ она вѣчно торчала у меня въ кабинетѣ. Да и обѣдать ей, пока, лучше у себя. Великолѣпный Стенсонъ будетъ жестоко шокированъ, если она сядетъ за столъ въ этомъ красномъ капотѣ. Притомъ же Антуанетта сообщила мнѣ, что «этотъ бѣдный агнецъ» мясо ѣстъ руками, по восточной модѣ. Я знаю, что это такое: я былъ однажды приглашенъ въ Каирѣ къ одному египтянину и видѣлъ, какъ они пальцами отрываютъ отъ бараньей ноги клочки дымящагося мяса. Уфъ! Я вамъ доложу, зрѣлище! Но Карлотта, навѣрное, еще ни разу въ жизни не сидѣла съ мужчиной за однимъ столомъ и не обидится, если я не при-

глашу ее съ собой обѣдать. Однако, надо, все-таки, научить ее прилично держать себя за столомъ и ѣсть по-христіански; затѣмъ, надо будетъ обучить ее эстетикѣ и еще многому чему другому.

М-ссъ Макъ Муррей явилась съ сентиметромъ, карандашемъ и записною книжкой.

— Прежде всего,—объявила она,—надо снять съ нея мѣрку. Затѣмъ я пойду и куплю ей выходной костюмъ, а завтра мы поѣдемъ съ ней по магазинамъ. Вы не будете въ претензіи, если я изъ этихъ же ста фунтовъ возьму карету по часамъ?

— Хоть коляску, запряженную шестеркой, дорогая Макъ Муррей,—Карлоттѣ это еще больше понравится.

Я позвалъ Карлотту и представилъ ихъ другъ другу. Къ удивленію моему, она нисколько не смутилась и очень любезно пригласила гостью пройти съ ней въ ея комнату.

Когда м-ссъ Макъ Муррей вернулась въ гостиную, на лицѣ ея было выраженіе, котораго я не умѣю передать словами.

— Милый мой сэръ Маркусъ, какъ вы полагаете, какова будетъ послѣдующая участь этой особы. Вы, собственно, къ чему ее готовите?

Меня внезапно осѣнило вдохновеніе.

— Она выучится писать на пишущей машинѣ и будетъ переписывать мою «Исторію морали Ренессанса».

— Хорошая изъ нея выйдетъ переписчица! Какъ разъ подъ стать морали Ренессанса.

— Развѣ она ужъ такъ ужасна?—съ тревогой спросилъ я.—Положимъ, этотъ пеньюаръ...

— Можетъ быть, тутъ и пеньюаръ при чемъ-нибудь.

— Тогда, ради самого Господа, одѣньте ее въ темные цвѣта—сѣрое, коричневое, что-нибудь потусклѣе. Остригите ей волосы и на спинѣ посадите рядъ пуговицъ.

У моей пріятельницы блеснули глаза.

— А, все-таки, завтра у меня будетъ преинтересный день.

Карлотта уже легла спать, какъ пояснила мнѣ Антуанетта, когда изъ магазиновъ принесли вещи, купленныя м-ссъ Макъ Муррей. Я радъ, что она рано ложится спать. Повидимому, она провела день пріятно за коллекціей французскихъ иллюстрированныхъ комическихъ журналовъ, собираемыхъ моею экономкой.

Не знаю, правильно ли это, что она свое посвященіе въ идеи западной цивилизаціи начинаетъ съ французскихъ комическихъ журналовъ. Объ этомъ слѣдуетъ подумать. Надо будетъ

также серьезно переговорить съ ней относительно ея дальнѣйшей участи. Но, такъ какъ ея красный капотъ раздражающе дѣйствуетъ на мою сѣтчатую оболочку и не даетъ сосредоточиться, я лучше подожду съ этимъ, пока она будетъ прилично одѣта. Придется, пожалуй, удѣлять нѣсколько часовъ въ день для поучительныхъ бесѣдъ съ Карлоттой. Зачатки умственныхъ способностей у нея, несомнѣнно, есть. Надо будетъ развить ихъ; а остальное время пусть проводитъ, какъ знаетъ. При ея восточной привычкѣ сидѣть взаперти, для нея это не будетъ трудно. Ужъ навѣрное, Хамди Эффенди не заботился особенно о томъ, чтобъ обитательницы его гарема не скучали, и не справлялся, какъ онѣ проводятъ время. И, конечно, ужъ не позволялъ Карлоттѣ, когда угодно, безъ спросу, входить въ его комнату. Ей вовсе незачѣмъ такъ спѣшить усваивать себѣ навыки запада. У турецкой системы воспитанія тоже есть свои достоинства.

Все это до извѣстной степени утѣшительно. Если бъ только я могъ смотрѣть на нее, какъ на обыкновенную представительницу человѣческой породы! Но, вспоминая, какъ безучастно она отнеслась къ извѣстію о смерти этого злополучнаго Гарри, я положительно теряюсь. Этакая особа способна зарѣзать васъ соннаго безъ всякой жалости. А если вы взвизгнете со страха, она расхохочется. Вы только обратите вниманіе на эту черную неблагодарность по отношенію къ доброму Хамди Эффенди, который взялъ ее къ себѣ еще до того, какъ она родилась, и воспитывалъ ее, какъ дочь. Нѣтъ, ея душа должно быть въ родѣ, какъ у тѣхъ прелестницъ, которыя являлись соблазнять святого Антонія—въ свободное время, когда онѣ активно не занимались соблазнами. Не вѣрится мнѣ, чтобы ея отецъ былъ англійскимъ вице-консуломъ. Вѣрнѣй, это былъ діаволъ.

Интересно знать, чего она тамъ наболтала м-ссъ Макъ Муррей...

Весь вечеръ сегодня я размышлялъ объ этомъ. Моя добрая пріятельница ошибается. Каковы бы ни были понятія о нравственности въ эпоху Ренессанса, типы этой эпохи отличались большою опредѣленностью. Всѣ они были или діавольски злы, или же ангельски добры. Въ итальянскомъ Ренессансѣ не было ничего аморальнаго, того, что́ у французовъ зовется *rosse*. Женскіе характеры тамъ очень сильные. Я охотно вѣрю тому, что́ разсказываютъ Маккіавелли и Муратори про Катарину Сфорца, во время осады крѣпости Форли. «Сдайся, или мы убьемъ твоихъ дѣтей, которыхъ держимъ у себя заложниками!»—кричали ей осаждающіе.—«Убивайте, если хотите. Я нарожу

другихъ, которыя отомстятъ за нихъ», отвѣчала она. Такъ говорить можетъ лишь очень крупный человѣкъ. Я восхищаюсь ею, хотя имѣть такую даму спутницей жизни для такого кроткаго человѣка, какъ я, было бы вовсе нежелательно.

А Бонна, другой женскій типъ, по поводу котораго мнѣ и нужно было справиться у первѣйшаго авторитета, Кристофоро да Коста? Сегодня я какъ разъ писалъ о ней. Кондотьеръ Буноро, во время набѣга на какую-то деревню, похитилъ дѣвушку и посадилъ ее къ себѣ въ сѣдло. Эта крестьяночка сражается съ нимъ рядомъ, какъ солдатъ. Въ Валенціи его беретъ въ плѣнъ неаполитанскій король Альфонсо. Десять лѣтъ онъ томится въ подземной темницѣ. Десять лѣтъ Бонна ѣздитъ отъ одного европейскаго двора къ другому, отъ принца къ принцу, черезъ моря и горы, неутомимая, не падающая духомъ, съ небесной любовью въ сердцѣ и адской рѣшимостью въ душѣ, моля и требуя, чтобы освободили ея милаго. Черезъ десять долгихъ лѣтъ ей это удается. И тогда онъ женится на ней. Какія чувства обуревали ея душу, когда она стояла передъ алтаремъ? Старикъ-историкъ не говоритъ объ этомъ, но, навѣрное, она была на седьмомъ небѣ, когда въ безмолвномъ храмѣ зазвенѣлъ колокольчикъ, возвѣщая ей, что ея любовь отнынѣ благословенна во вѣки вѣковъ. А послѣ свадьбы она снова пошла съ мужемъ воевать и сражалась рядомъ съ нимъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Когда же его убили, она послѣ того не прожила и года и умерла съ тоски. Порчелли видѣлъ ихъ въ 1455 году. Буноро—старый паралитикъ съ раскосыми глазами; Бонна—сморщенная желтая старуха, съ шлемомъ на головѣ, прикрывающимъ сѣдые волосы, и въ высокихъ солдатскихъ сапогахъ. Удивительное зрѣлище! Что-то невыразимо-трогательное есть въ этой четѣ скрюченныхъ увядшихъ стариковъ, утратившихъ всякій блескъ мужества и красоты, но сохранившихъ святое единеніе стойкихъ и страстныхъ душъ. Я не могу думать о нихъ иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Странно, что исторія ихъ не дошла до насъ въ качествѣ исторіи одной великой любви.

У морали Ренессанса, несомнѣнно, есть своя оборотная, красивая сторона—и вотъ примѣръ.

Но я принимаю слишкомъ въ серьезъ слова м-ссъ Макъ Муррей... И, право же, это недурная мысль—выучить Карлотту писать на пишущей машинѣ.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Зацвѣли лиловыя сирени...
Раннимъ утромъ—вижу изъ окна:
Тихо-тихо всходитъ на ступени
Сѣверная, блѣдная весна...

Отчего лицо твое печально
И о чемъ груститъ твоя душа?
Помню утро осени хрустальной,
Лѣсъ багряный, шелестъ камыша...

И душѣ,—въ минуты пробужденья,
— Какъ тогда, въ осенней тишинѣ,—
Говоритъ земля о примиреньи,
О послѣднемъ, о покорномъ снѣ...

Ахъ, уснуть! Не думать, не желать бы...
Солнце тихо свѣтитъ на балконъ...
Въ тишинѣ заброшенной усадьбы—
Утренній, прозрачный, чуткій сонъ...

Вл. Вѣтвицкій.

ЖЕНА БУСКАТЕЯ.

Изъ романскихъ разсказовъ Эдуарда Рода.

Вотъ уже недѣля, какъ я поселился въ одной изъ гостиницъ маленькой валлисской деревни Фэн-Го, находящейся на высотѣ ста двадцати метровъ надъ уровнемъ моря, въ одной изъ боковыхъ ронскихъ долинъ, въ той, которая идетъ изъ Вернеиза въ Шамуни. Я люблю ея оживленный видъ: ея пейзажи въ широкихъ вырѣзахъ, страшныя пропасти, зеленые склоны, на которыхъ пышно растутъ чудные альпійскіе цвѣты. Я люблю также и жителей ея: людей степенныхъ, съ медленной, тяжелой походкой, мало сообщительныхъ, неразговорчивыхъ, плохо одаренныхъ для жизненной борьбы, честныхъ и кроткихъ. Я съ любопытствомъ наблюдалъ ихъ, но видѣлъ мало—они не проявляютъ себя. Утромъ раздается свирѣль пастуха, сзывающая стада, и если выйдешь въ это время изъ дому, то увидишь мужчинъ и женщинъ, идущихъ по дорогамъ съ косой или граблями на плечахъ. Весь день деревня тиха. Къ вечеру встрѣчаются женщины, сгибающіяся подъ огромными связками сѣна, соломы или сноповъ, которыя онѣ носятъ на головахъ. Вечеромъ мужчины собираются группами на площади, курятъ трубки, перекидываясь рѣдкими словами. Иногда мнѣ случалось втянуть въ бесѣду проводника Прюнье, болѣе разговорчиваго, чѣмъ другіе. Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ восхожденіяхъ на горы—это все, что я могъ извлечь отъ него. Что касается хозяина гостиницы «Тріана»—моей гостиницы—дядюшки Антуана Пелломеля, онъ чрезвычайно охотно давалъ справки, если у него ихъ спрашивали, о здѣшней мѣстности, но болѣе ничего. Одинъ только священникъ, добрый, умный старикъ, уже тридцать лѣтъ живущій въ своемъ приходскомъ домѣ съ зелеными ставнями, въ двухъ шагахъ отъ своей церкви, съ остроконечной колокольней, заговаривалъ иногда, не безъ оттѣнка насмѣшки, о томъ, какого

рода жизнь ведутъ его прихожане и какъ посѣщеніе здѣшнихъ мѣстъ иностранцами подымаетъ благосостояніе Фэн-Го.

Однажды утромъ я замѣтилъ необычайное оживленіе въ деревнѣ. Никто не ушелъ въ поле: мужчины столпились возлѣ церкви, женщины у бассейна.

— Что случилось?—спросилъ я у Прюнье.

Онъ засмѣялся хитро и таинственно.

— Что случилось? Вотъ что—Бускатей уѣзжаетъ въ Америку.

И онъ оставилъ меня на этомъ съ видомъ торжества, точно желая сказать: «Ты не знаешь, что это значитъ, тѣмъ лучше—догадайся!»

Нѣсколько минутъ спустя я увидѣлъ почтоваго осла, везущаго телѣжку, нагруженную чемоданами; женщины показывали на нее пальцами, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея слѣдовала странная парочка, сильно возбудившая мое любопытство.

Мужчина былъ лѣтъ тридцати, коренастый, приземистый—горецъ—смуглый, одѣтый по-праздничному, въ соломенной, съ прямыми бортами шляпѣ. Женщина приблизительно того же возраста, высокая, стройная, довольно красивая, очень бѣлая, съ большими черными презрительными или равнодушными глазами—была другой породы: въ своемъ дорожномъ пальто, подъ своей, отдѣланной кружевами шляпой, съ мѣшочкомъ изъ русской кожи въ рукахъ, она имѣла видъ дамы, идущей за покупками.

— Кто эта дама?—спросилъ я дядюшку Пелломеля, который, запыхавшись, бѣжалъ изъ своего отеля.

Онъ колебался довольно долго прежде, чѣмъ отвѣтить.

— Это жена Бускателя, чортъ побери!... «барышня».

Тѣмъ временемъ вся деревня спѣшила къ нимъ. Бускатей съ добродушной и растроганной улыбкой жалъ протягивающіяся къ нему руки: «Прощай, Пьеръ... Прощай, Жанъ!... Быть можетъ, когда-нибудь еще опять увидимся!»...

Госпожа Бускатей не смотрѣла ни на кого, шла, будто не слышала: «Прощайте, госпожа!... Добрый путь!... До свиданія!»... и тому подобныя привѣтствія, которыя сопровождались ироническими и церемонными реверансами.

Когда они прошли, деревня сзади ихъ зажужжала, точно взбудораженный улей. Я уже послѣдовалъ за ними машинально. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога начинаетъ пропадать, спускаясь въ сосны, Бускатей обернулся, утирая глаза. Госпожа Бускатей не обернулась. Я видѣлъ, какъ они скрылись на поворотѣ, онъ—своей тяжелой походкой горца, она—легкая, почти воздушная въ своемъ красивомъ дорожномъ пальто.

Вечеромъ я разспрашивалъ Прюнье, дядюшку Пелломеля, потомъ священника объ этихъ двухъ эмигрантахъ. И вотъ ихъ исторія, которую я могъ возстановить на основаніи свидѣтельскихъ показаній Прюнье, Пелломеля и священника.

I.

Въ двадцать пять лѣтъ Бускатей былъ славный малый, немного диковатъ, но пользовался въ Фэн-Го завиднымъ положеніемъ. Онъ имѣлъ, какъ тамъ говорятъ, «сѣно въ сапогахъ»: поле для хлѣба и картофеля, завоеванное дюймъ за дюймомъ по скаламъ; нѣсколько коровъ, пастбище и шале, въ которомъ онъ жилъ со своей теткой Жаклиной, управлявшей его домашнимъ хозяйствомъ. Отецъ его былъ человѣкомъ честолюбивымъ и хотѣлъ дать ему образованіе, но тяжелый умъ Жана не поддался ни тонкостямъ грамматики, ни искусству правописанія, и показалъ себя настолько мало успѣвающимъ въ школьныхъ наукахъ въ Мартиньи, что родители должны были взять его обратно въ деревню. Отецъ Бускатея былъ въ отчаяніи и приписывалъ неудачу своего сына враждебности людей долинъ къ горнымъ жителямъ.

— Къ чему богатство, если мальчикъ не можетъ стать ничѣмъ другимъ, какъ только крестьяниномъ, такимъ же, какъ я самъ?...

На это священникъ говорилъ ему:

— Утѣшьтесь, дядюшка Бускатей, утѣшьтесь... Для горца, видите ли, самое лучшее оставаться въ горахъ.

Жанъ такъ и остался въ горахъ. Но любопытное явленіе: въ Мартиньи онъ плакалъ въ три ручья въ ожиданіи воскресенья, когда онъ увидитъ свое шале, и страшно тамъ скучалъ; входя же въ возрастъ, онъ сталъ испытывать тоску по городу и лучшей жизни, которую желалъ для него отецъ. Его воспоминанія объ ученіи сдѣлались очень смутными; онъ забылъ тумаки, ослиные колпаки, скуку отъ ариѳметики, географіи и помнилъ только красивые дома, обширныя площади, парный фаэтонъ, въ которомъ катался мальчикъ его лѣтъ въ бархатномъ костюмѣ. При всемъ этомъ онъ рѣдко покидалъ горы и спускался въ долину только для отбыванія воинской повинности; и тогда съ ружьемъ на плечѣ, кепи на головѣ, ранцомъ на спинѣ, онъ отправлялся въ Лозанну, утѣшая себя при мысли о казарменной скукѣ и ученіи перспективой возможности пожить город-

ской жизнью; имѣя туго набитый кошелекъ, онъ кутилъ, выпивалъ большое количество бутылокъ Иворна и Вильнэва, осмѣливался даже ухаживать за горничными въ бѣлыхъ фартучкахъ, которыя приходили смотрѣть, какъ онъ выдѣлывалъ: «разъ-два»; а черезъ два дня подымался въ Фэн-Го, печальный, какъ собака, которую хозяинъ собирается бить. Кончено! Нужно снова приниматься за ту же почти праздную жизнь подъ стеклянным взглядомъ тетки Жаклины, бѣгающей по своей кухнѣ съ той походкой въ подпрыжку, которую пріобрѣтаютъ съ возрастомъ почти всѣ горскія женщины, подорванныя слишкомъ большими тяжестями, которыя онѣ носятъ на головахъ. Тетка Жаклина всегда бранилась, всегда была недовольна, готовила вѣчно одну и ту же капусту съ жесткими кусками копченой козы. Особенно зимы были безконечны. Казалось, что никогда не выберешься изъ этого снѣга, нагроможденнаго на крышахъ шале, въ печахъ которыхъ не переставали трещать дрова; хотѣлось уснуть на это время, какъ сурокъ, отъ скуки при этихъ нескончаемыхъ короткихъ дняхъ, когда съ четырехъ часовъ не было другого свѣта, какъ только коптящая лампа. Время отъ времени для того, чтобы стряхнуть это оцѣпенѣніе, Пелломель и Прюнье устраивали охоту на дикихъ козъ. Вонзая шипы и гвозди своихъ грубыхъ сапогъ въ полутвердый снѣгъ маленькихъ тропинокъ, протоптанныхъ на крутыхъ бокахъ горъ, которыя Прюнье инстинктивно находилъ, оставляя пропасти въ сторонѣ, они шли подъ совсѣмъ бѣлыми соснами, переходили черезъ громадныя каменныя глыбы, закрывающія горизонтъ; затѣмъ внезапно показывалась остроконечная вершина Люезена или пять архитектурныхъ главъ Дан-дю-Миди, блистающихъ точно огромные куски слюды на голубомъ фонѣ неба, освѣщеннаго лучезарнымъ, но холоднымъ зимнимъ солнцемъ,—тогда какъ внизу океанъ тумана окутывалъ долины. Здѣсь были замѣтны слѣды животнаго, здѣсь подстерегали его; скоро оно показывало свою изящную осторожную головку; раздавался выстрѣлъ, и красивая коза отскакивала, чтобы умереть.

Но Бускатей не любилъ охоты; если онъ ходилъ на охоту, то только, чтобы не отставать отъ другихъ, и все время, пока длилась она, онъ думалъ о городскихъ людяхъ, спокойно сидящихъ у камельковъ, подобравъ подъ себя ноги.

Онъ думалъ о нихъ еще и весною, когда пастбища покрываются чудными цвѣтами, когда нужно позаботиться о сѣнѣ, о хлѣбѣ, о картофелѣ—городскимъ людямъ, небось, не приходится проливать столько поту для того, чтобы имѣть прибыль на свой капиталъ...

Лучшимъ временемъ для него было лѣто, когда, къ концу іюня, гостиницы начинаютъ наполняться иностранцами. Пріѣзжаютъ швейцарцы изъ Лозанны, англичане, нѣмцы въ небольшомъ количествѣ; сначала они сумрачны, скучающіе, гуляютъ маленькими группами вдоль дороги, одѣтые въ костюмы изъ матеріи въ квадратахъ, съ бѣлыми вуалями на шляпахъ, таская съ собой свои безполезныя горныя палки; потомъ число ихъ увеличивается, они знакомятся между собою, оживляются, устраиваютъ прогулки, и мирная деревня становится шумной, какъ улей въ часы полной дѣятельности.

У Бускатея было въ это время мало работы: коровы его были уже выше въ горахъ на его пастбищѣ Фенестраль, подъ хорошимъ присмотромъ стараго вѣрнаго пастуха, на котораго онъ ходилъ взглянуть въ двѣ недѣли разъ; въ промежуткахъ онъ наблюдалъ за рабочими, когда они свозили его сѣно, жали его хлѣбъ и, положивъ руки въ карманы съ видомъ деревенскаго барина, чрезвычайно былъ доволенъ тѣмъ, что можетъ показать, что ему нѣтъ нужды работать для того, чтобы существовать. Куря трубку и облокотясь на свое окно, онъ часто проводилъ время въ наблюденіи за иностранцами дядюшки Пелломеля. Вообще онъ вертѣлся возлѣ нихъ, счастливый, если къ нему обращались съ вопросомъ, направлялъ ихъ въ ихъ прогулкахъ, предлагалъ имъ даже сопровождать ихъ, конечно, не въ качествѣ проводника, а по дружбѣ, и тогда всю дорогу онъ жаловался имъ на горы, гдѣ жизнь такъ тягостна.

Въ сентябрѣ, когда начинаютъ дуть холодные вѣтры, иностранцы разъѣзжались. Бускатей провожалъ ихъ до станціи Вернейазъ, и скука его возобновлялась.

— Ну что, Бускатей, вы еще не женитесь,—спросилъ его однажды весною обычный посѣтитель гостиницы Пелломеля господинъ Левьэ, веселый малый, полюбившій этотъ уединенный уголокъ Валлисскихъ горъ и каждое лѣто, уже съ давнихъ поръ, пріѣзжавшій сюда.

Бускатей покачалъ головой: — Я никогда не думалъ объ этомъ.

— У васъ, значитъ, нѣтъ никого на примѣтѣ?

— Нѣтъ—здѣсь нѣтъ дѣвушки, которая бы мнѣ нравилась.

— Вамъ, вѣрно, трудно угодить?

Бускатей снова покачалъ головой:

— Всѣ онѣ здѣсь скоро старѣются,—сказалъ онъ.

— Ну такъ поѣзжайте въ городъ—тамъ найдете довольно

ихъ и такихъ, которыя знаютъ, какъ сохранить себя молодыми!..

Господинъ Левьэ бросилъ эту фразу, проходя мимо, не придавая ей значенія, но она упала на подготовленную почву и засѣла въ умѣ Бускатея: и правда, почему бы ему не жениться на городской барышнѣ, которая бы имѣла маленькія ручки и ножки, лицо бѣлое?.. Онъ богатъ за двухъ: ей не нужно будетъ работать, она могла бы жить счастливо въ его шале, не дѣлая ничего. Можно было бы привезти мебель изъ города, чтобы ей не было здѣсь странно, взять прислугу, піанино... Вѣдь городскіе люди любятъ горы и пріѣзжаютъ проводить здѣсь каникулы, въ концѣ концовъ и ей бы здѣсь понравилось...

Идея жениться на барышнѣ держалась въ головѣ Бускатея въ отвлеченной формѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ. Она созрѣвала тихо, медленно, какъ всѣ плоды въ горахъ, въ тѣ часы, когда онъ, спрятавшись за своими полузакрытыми ставнями и имѣя за собой бѣгающую въ подпрыжку тетку Жаклину, осматривалъ молодыхъ дѣвушекъ, когда онѣ, послѣ обѣда, болтая между собой, прогуливались передъ гостиницей Пелломеля. Нѣкоторыя изъ нихъ были блондинки, другія—брюнетки; были смѣшливыя и меланхолическія, деликатныя, какъ нѣжныя солданели (горный цвѣтокъ), очень блѣдныя, прелестныя своимъ томнымъ видомъ; у другихъ были пунцовыя, точно вишни, губки и большіе, жгучіе глаза; иногда онѣ прогуливались по-парно, рука объ руку, повѣряя одна другой свои тайны тихимъ голосомъ; или же рѣзвились, точно стадо козъ, прыгая и звонко смѣясь, или же очаровательной группой окружали почтальона, который ошеломленный ими раздавалъ имъ письма и пакеты. И Бускатей выбиралъ.

Когда у него было весело на душѣ, онъ предпочиталъ брюнетокъ и веселыхъ, когда же ему было грустно, онъ обращался къ блондинкамъ и меланхоличнымъ. Въ его лѣнивомъ воображеніи смутно развертывались идилліи, среди которыхъ онъ предлагалъ свою руку и сердце какой-нибудь изъ этихъ героинь и она принимала ихъ. Нѣсколько романовъ, забытыхъ дачниками у Пелломеля по окончаніи сезона и которые онъ прочитывалъ, доставляли ему образцы для его переживаній. Такъ проходили чудные лѣтніе дни.

Когда дѣйствующія лица уѣзжали, Бускатей чувствовалъ себя очень одинокимъ, съ тоской въ душѣ. Онъ упрекалъ себя въ нерѣшительности. Мечтая о хорошенькой маленькой женщинѣ, которая бы бѣгала мелкими ровными шажками по его

шале и грѣлась бы возлѣ его печки въ эти первые октябрьскіе, пронизывающіе холода, онъ страдалъ еще болѣе отъ воркотни тетки Жаклины, отъ ея грубости, ея безобразія и ея безконечнаго подпрыгиванья. — «Ну ужъ въ слѣдующемъ году, думалъ онъ, это сбудется навѣрно!» Но такъ какъ срокъ былъ далекій, то онъ не ставилъ себѣ безпокойнаго вопроса: «Какъ приступить къ дѣлу?»

— Ну что же, Бускатей, ты все еще не женишься?—спрашивалъ его время отъ времени священникъ...

Онъ остерегался отвѣчать ему такъ, какъ господину Левьэ.

— Еще время не ушло, батюшка,—говорилъ онъ.—Есть время...

Добрый старикъ улыбался:

— Да, да—такъ говорятъ въ твоемъ возрастѣ... но жизнь не такъ-то длинна—нужно пользоваться молодостью... Вотъ тебѣ Регина Прюнье—славная дѣвушка, изъ которой выйдетъ добрая жена и работница, какъ ея мать... Что ты на это скажешь?..

Бускатей качалъ головой съ сомнительнымъ видомъ и думалъ о теткѣ Прюнье: женщинѣ едва сорока лѣтъ, совсѣмъ пожелтѣвшей, сморщенной и уже начавшей подпрыгивать, какъ тетка Жаклина. Дочь станетъ такой, и какъ мать: увядшей, выцвѣтшей прежде времени, какъ всѣ горныя женщины; нѣтъ, нѣтъ, онъ ихъ не хочетъ, ему нужно что-нибудь лучше, и онъ отвѣтилъ съ хитроватой улыбкой:

— Не ищите, батюшка: видите ли—еще слишкомъ рано!..

— Хорошо, хорошо! Ты найдешь себѣ самъ,—сказалъ добрый человѣкъ, уходя и думая про себя, что Бускатей не изъ быстрыхъ, а жаль—такой богатый парень!..

II.

На третье лѣто послѣ того, какъ Бускатей составилъ себѣ опредѣленное намѣреніе, выборъ его былъ рѣшенъ внезапно: Маргаритѣ Делангль было на видъ лѣтъ тридцать. Не будучи красивой, ни даже особенно миловидной, при цвѣтѣ лица, начинавшемъ уже увядать, она тѣмъ не менѣе была обаятельна, имѣла манеры, хотя и свободныя, но приличныя для дѣвушки, привыкшей жить независимо; у нея были прелестные глаза и чудные волосы. Очень живая, подвижная, она, какъ только

появилась у Пелломеля, сдѣлалась одной изъ руководительницъ общества. Общество состояло изъ семействъ очень буржуазныхъ, надутыхъ, всегда чрезвычайно щепетильныхъ на счетъ благопристойности, строгихъ въ выборѣ знакомствъ, враждебно относящихся ко всему, что имѣетъ хоть малѣйшій оттѣнокъ богемы. Но въ горахъ нужно мириться со всякой компаніей, которую посылаетъ вамъ случай, поэтому никто и не подумалъ удивляться, увидя, что молодая дѣвушка пріѣхала и поселилась въ деревенской гостиницѣ одна. Левьэ, который являлся сюда каждый годъ и игралъ роль старшаго за обѣденнымъ столомъ, назвалъ ее прелестной; остальные приняли эту характеристику. А между тѣмъ въ ея безпокойныхъ глазахъ было смущеніе: возможно, что причиной этого было ея прошлое. Но никто не обратилъ на это вниманія. Добродушіе въ такихъ случайныхъ обществахъ, люди котораго расходятся такъ же, какъ и сошлись—по окончаніи сезона,—бываетъ больше обычнаго: для того, чтобы дачная жизнь принесла пользу, нужно не поддаваться подозрительности, сплетнямъ, недовѣрію, презрѣнію, которыя обыкновенно составляютъ сущность жизни—и имъ не поддаются по молчаливому соглашенію, часто единодушно. Но добродушіе не исключаетъ любопытства: соглашаются не говорить дурно о людяхъ, но не отказываются узнавать, кто они, откуда, чѣмъ занимаются. Поэтому дѣвица Ленуаръ, старая, сухая дѣва, ханжа, которую всѣ избѣгали, скоро могла сообщить всѣмъ, не называя источниковъ, откуда она получила эти свѣдѣнія,—что мадемуазель Делангль—дѣвушка хорошей фамиліи, дочь ватландскаго адвоката, сирота, безъ состоянія, до сихъ поръ зарабатывала себѣ средства къ жизни, какъ гувернантка, у русскихъ князей (отсюда ея драгоцѣнныя вещи, красивые туалеты,—подарки); она разсчитываетъ пробыть въ Фэн-Го два мѣсяца, чтобы поправить свое здоровье, разстроенное преподаваніемъ грамматики, англійскаго языка, музыки. Десять лѣтъ тому назадъ она покинула родину и вернулась теперь; никто или почти никто ее уже не знаетъ здѣсь. Эти подробности живо заинтересовали общество.

Мадемуазель Делангль прекрасно видѣла, что ея прошлымъ занимаются, но не подала виду, что замѣчаетъ это. Она участвовала во всѣхъ общихъ прогулкахъ, подымалась легкой походкой по крутымъ тропинкамъ, никогда не жалуясь ни на усталость, ни на жару, а вернувшись вечеромъ, садилась за пьянино, чтобъ доставить обществу возможность потанцовать. Въ промежуткахъ она флиртировала съ молодымъ инженеромъ господиномъ Люде-

номъ, который, повидимому, скоро влюбился въ нее; сидя за столомъ одинъ возлѣ другого, они болтали и смѣялись про себя, а въ лунную ночь они иногда долго гуляли по дорогѣ, не заходя слишкомъ далеко, почти не разговаривая, какъ люди, которымъ не нужно словъ, чтобы понимать другъ друга. Въ другомъ мѣстѣ, не въ горахъ, ихъ бы осудили, но здѣсь они пользовались общимъ благожелательствомъ. Одна только мадемуазель Ленуаръ поджимала губы и говорила:

— У теперешнихъ молодыхъ дѣвушекъ странные нравы!..

Г. Левьэ снисходительно протестовалъ:

— Да нѣтъ же, нѣтъ... Это называется флиртъ, началось въ Англіи и теперь въ модѣ...

На это старая ханжа отвѣчала съ ѣдкой ироніей:

— Ну, конечно—если это изъ Англіи!..

— Кромѣ того вы увидите, что это кончится свадьбой!— говорилъ въ заключеніе Г. Левьэ.

А Бускатей со времени пріѣзда мадемуазель Делангль уже не оставлялъ своего окна, развѣ только для того, чтобы бродить вокругъ гостиницы; а такъ какъ хитрости его, которыя онъ употреблялъ для того, чтобы быть почаще возлѣ дѣвушки, были сшиты бѣлыми нитками; такъ какъ онъ краснѣлъ, едва она обращалась къ нему съ разговоромъ, такъ какъ онъ становился при ней болѣе робкимъ и неловкимъ, то кончилось тѣмъ, что его разгадали. Однажды г. Левьэ внезапно спросилъ его, указывая глазами на Маргариту:

— А что, Бускатей, нравится вамъ эта барышня?

На лицѣ Бускатея прошли всѣ цвѣта радуги, онъ что-то бормоталъ, силился засмѣяться, а Левьэ продолжалъ:

— Вы знаете, мой милый, у васъ вкусъ недуренъ, чортъ побери! Если вамъ нуженъ будетъ сватъ—я здѣсь, Бускатей. Я замѣню вамъ отца,—добавилъ онъ, подмигивая, торжественнымъ и въ то же время насмѣшливымъ тономъ.

Съ этого дня начали и Маргариту дразнить ея ухаживателемъ: толкали другъ друга локтемъ, какъ только замѣчали, что онъ подходилъ, держа руки въ карманахъ своего праздничнаго костюма, съ напускнымъ равнодушіемъ на лицѣ.

Правду сказать, онъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы не подавать виду, что надъ нимъ смѣются, но самолюбіе его страдало. И все-таки, ради такого пустяка, онъ не могъ отказаться отъ удовольствія бывать вблизи Маргариты, кромѣ того, на этотъ разъ рѣшеніе его было безповоротно, и онъ положилъ себѣ добиваться исполненія его съ упорствомъ мула, не

глядя на подшучиванья иностранцевъ, къ которымъ начали уже присоединяться и насмѣшки товарищей. Ему оставалось бороться противъ этихъ насмѣшекъ, только дѣлая видъ, что онъ не понимаетъ, къ кому онѣ относятся; онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ на сарказмы, чѣмъ привлекалъ на свою сторону смѣющихся: «Въ городахъ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—любятъ шутки». И онъ переносилъ ихъ.

Онъ даже принялъ приглашеніе г. Левьэ, который собственно больше всѣхъ его преслѣдовалъ,—на обѣдъ въ отелѣ. Его посадили рядомъ съ Маргаритой. Онъ держалъ себя прекрасно: будучи болѣе хитрымъ, чѣмъ казался, онъ наблюдалъ другихъ прежде, чѣмъ сдѣлать какое-либо движеніе или жестъ, и отъ него не ускользнуло ничего; онъ говорилъ тихимъ голосомъ и, несмотря на всѣ ловушки, которыя ему разставляли, онъ не сказалъ ни одного смѣшного слова, такъ что желавшіе посмѣяться надъ нимъ сами оказались въ смѣшномъ положеніи.

За дессертомъ, конечно, заговорили о его женитьбѣ:

— Итакъ, господинъ Бускатей, вы рѣшительно не хотите жениться?

— Ну да—не хочу, какъ видите.

— Такой прекрасный молодой человѣкъ, какъ вы! да еще обладающій коровами и полями, имѣющій шале... Найдется много барышень, которыя будутъ гордиться, выйдя за васъ замужъ—повѣрьте!..

— Барышнямъ нужны баре, а я не кто иной, какъ крестьянинъ...

— Да! Но крестьянинъ, хорошо воспитанный, образованный, уважаемый въ деревнѣ... Стоитъ вамъ захотѣть, и вы будете синдикомъ... Я думаю, что ваша жена не будетъ несчастной... Что скажете вы на это, мадемуазель Делангль?

Маргарита не любила такихъ шутокъ и если принимала въ нихъ участіе, то всегда съ отвращеніемъ; но въ концѣ концовъ ей приходилось поддерживать общество, возможно лучше скрывая, что это ей противно. И на этотъ разъ она отвѣтила:

— Почему ей быть несчастной?.. Г. Бускатей, по всей вѣроятности, прекрасный человѣкъ... Я убѣждена, что онъ не будетъ бить ее...

Бускатей страшно покраснѣлъ и воскликнулъ: —О!

Маргарита продолжала: — Затѣмъ я надѣюсь, что если онъ женится на барышнѣ, то не заставитъ ее носить сѣно на головѣ.

— О!—повторилъ Бускатей.

Онъ качался на стулѣ съ отчаяніемъ, подыскивая слова протеста, которыя нужно было бы сказать и которыхъ онъ не находилъ. Сидѣвшіе за столомъ слушали, едва сдерживая смѣхъ, нѣсколько молодыхъ людей кусали себѣ губы и гремѣли вилками. Пелломель у своей конторки обратился весь въ слухъ.

— Въ такомъ случаѣ,—заговорила снова Маргарита:—чего же еще нужно женѣ Бускатея? Общества? Не всегда оно такъ умно, чтобъ нельзя было бы обойтись безъ него. Возможно, что зимою здѣсь нѣсколько тоскливо...

— Это правда,—пробормоталъ Бускатей, чтобы сказать что-нибудь,—зимы бываютъ...

— Но съ книгами...

— О! да! съ книгами...

Маргарита была такъ невозмутимо серьезна, что начинали сомнѣваться, шутитъ ли она. Бускатей, возбужденный нѣсколькими выпитыми стаканами ужаснаго валисскаго вина, крутилъ салфетку въ рукахъ и чувствовалъ, какъ его сердце наполняется надеждой. Въ итогѣ дѣло приняло оборотъ въ его пользу: онъ не былъ смѣшонъ, показалъ даже болѣе такта, чѣмъ его насмѣшники. И, вставая изъ-за стола, мадемуазель Делангль сказала г-ну Левьэ:

— А знаете, я нахожу его, вашего Бускатея, очень приличнымъ... Серьезно, увѣряю васъ... Его можно было бы воспитать, взявшись съ умѣніемъ...

— Вы хотите теперь посмѣяться надъ нами, послѣ того какъ вы въ достаточной степени посмѣялись надъ нимъ?..

Она вызывающе улыбнулась:

— Вы думаете, что это было бы много труднѣе?

Послѣ обѣда всѣ усѣлись въ кружокъ, играли въ фанты. Солнце заходило во всемъ своемъ великолѣпіи. При всякой смѣшной выдумкѣ, которую изобрѣталъ г. Левьэ для выкупа фанта, взрывъ хохота нарушалъ торжественную меланхолію сумерекъ. Наступила глубокая тишина, когда появился большой ножъ въ роговомъ черенкѣ Бускатея, которому присудили прозвонить полночь на часахъ по его выбору. Съ минуту стоялъ онъ въ смущеніи, стараясь спокойно разсуждать и не достигая этого. Затѣмъ съ внезапной рѣшимостью онъ приблизился къ Маргаритѣ и поцѣловалъ ее храбро двѣнадцать разъ въ обѣ щеки, послѣ чего онъ вытеръ свои губы обшлагомъ рукава, а общество въ это время умирало отъ хохота.

— Онъ звонитъ сильно, этотъ Бускатей,—проговорилъ г. Левьэ.

Маргарита улыбнулась очень спокойная, но съ розовыми пятнами на щекахъ. Когда, въ свою очередь, появился ея фантъ, за который, какъ всегда, присудили ей нѣсколько поцѣлуевъ, она съ видимой непринужденностью выбрала г. Людена. Бускатей немедленно омрачился и не былъ въ состояніи скрыть этого, а г. Левьэ говорилъ ему на ухо:

— Что дѣлать, мой бѣдный Бускатей—всякому свой чередъ... Нельзя же быть въ одно время и звонаремъ и колоколомъ!..

Онъ однако просвѣтлѣлъ, когда Маргарита, разставаясь съ нимъ, пожала ему руку и сказала дружескимъ голосомъ, глянувъ на него хорошимъ взглядомъ своихъ большихъ глазъ:

— До свиданія, господинъ Бускатей!

— До свиданія, мадемуазель!—отвѣтилъ онъ, сжимая своей большой, слишкомъ сильной рукой маленькую и деликатную ручку дѣвушки.

Онъ вернулся въ свое шале; голова его была наполнена смутными мыслями, которыя онъ не могъ привести въ порядокъ. Храпѣніе тетки Жаклины въ сосѣдней комнатѣ долго не давало ему заснуть.

Маргарита въ своей комнатѣ въ то время, когда отельный шумъ мало-по-малу затихъ, тоже предавалась раздумью. Она закрыла ставни, зажгла свѣчу и, взявъ голову въ руки, старалась заглянуть въ самое себя и въ свою судьбу...

— Конечно, г. Люденъ человѣкъ одного съ ней общественнаго положенія, ходящій за ней, какъ тѣнь, и повидимому любящій ее, прислушивающійся къ ея мыслямъ и уже начинающій ласкать ее нѣжными словами. Но съ нимъ навѣрно будетъ такъ, какъ и съ другими: флиртъ на недѣлю, на мѣсяцъ, и больше ничего!.. Въ одинъ прекрасный день, исчерпавъ свой репертуаръ банальнаго ухаживанья и пресытившись маленькими удовольствіями мотылька, которыхъ онъ только и добивается и которыя она, пожалуй, и уступитъ ему такъ же, какъ она ихъ уже не разъ выстрадала,—онъ уйдетъ, быть можетъ, напишетъ ей одинъ, два раза, а затѣмъ забудетъ, что она была чѣмъ-то въ его жизни... И въ ея памяти воскресли знакомыя лица, которыя также манили ее и исчезали: это были прекрасные молодые люди, почти всѣ знатные, элегантные и богатые, съ которыми она встрѣчалась тамъ и сямъ на пути своей бродячей жизни—въ салонахъ, куда она сопровождала своихъ учениковъ, на водахъ, куда ѣздила съ ихъ семействами; они увлекались не на-

долго ея граціей, умомъ, или попросту надеждой завязать съ ней мимолетную интрижку. Случалось, что она любила—большею же частью за этими флиртами, которые ея неопытность принимала за искреннее чувство, ей представлялся конецъ ея необезпеченной жизни, богатство и свобода послѣ зависимости, счастье семейнаго очага, который будетъ принадлежать ей, котораго желаютъ всѣ молодыя дѣвушки; желаютъ же его еще больше тѣ, которымъ приходится бороться съ страшнымъ вопросомъ о кускѣ насущнаго хлѣба, и еще больше, когда съ годами уменьшается вѣроятность зарабатывать его. Надежды эти одна за другою рушились; возобновлялись въ другихъ формахъ и снова гибли. Всѣ «они» исчезали, всѣ, кого она любила, могла полюбить, всѣ, кому бы она могла дать свое согласіе, наконецъ, кого бы она могла стерпѣть, всякій уносилъ частицу ея самой, нанося кровавую рану ея самолюбію и сердцу... Она ихъ теперь изучила и не ждала ничего отъ нихъ. Она знала, что «они» будутъ являться теперь все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того какъ она съ годами будетъ все болѣе и болѣе увядать; и она увидѣла передъ собою длинный путь жизни безъ радости, безъ семьи, въ концѣ концовъ угрюмую старость—начало смерти... Да, конечно, этотъ крестьянинъ неуклюжъ, но онъ по крайней мѣрѣ не презираетъ ее; онъ не умѣетъ ни флиртировать, ни лгать; онъ будетъ счастливъ, счастливъ и гордъ, если она согласится быть его женой! Она не ждетъ отъ него счастья, но онъ ждетъ его отъ нея,—это ужъ кое-что!.. Она улыбается при мысли о бѣдномъ шале, въ деревянныхъ стѣнахъ котораго дырки, вмѣсто оконъ, закроютъ ей горизонтъ... Несомнѣнно, это шале не имѣетъ ничего общаго съ дворцомъ волшебнаго принца, о которомъ мечталось когда-то... Но, съ другой стороны, какъ страшно устала она отъ той жизни, которой жила въ продолженіе десяти лѣтъ; отъ этого великолѣпія, бросавшаго на нее только отраженіе; отъ этой роскоши, которая проходила мимо нея и давила ее своимъ высокомѣріемъ!..

Чтобы получить за все это покой, уединеніе, горы, отдыхъ, стоитъ пожертвовать самолюбіемъ! Какъ бы онъ любилъ ее, этотъ честный Бускатей!.. Смѣшное имя, неуклюжія манеры, пусть такъ! Но въ его глазахъ свѣтится сердечная доброта! Она вела бы его, какъ ребенка, воспитала бы его, создала бы изъ него человѣка образованнаго, достойнѣе г. Людена и другихъ. Она почувствовала отлично, когда онъ пожималъ ей руку съ такой силой, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжно и неловко, что онъ былъ бы ея собственностью, ея вещью, мягкимъ воскомъ, изъ

котораго она могла бы лѣпить, что ей угодно... Почему не принять ей этой привязанности, которую онъ предлагаетъ?.. Будутъ смѣяться?... Ахъ, господа, Люденъ и Левьэ могутъ смѣяться: ихъ смѣхъ не встревожитъ ее, когда она достигнетъ покоя!..

Она открыла ставни: напротивъ шале Бускатея выступило темнымъ пятномъ при лунномъ свѣтѣ; дыханіе пахучаго лѣсного воздуха скользнуло по ея волосамъ, какъ таинственная ласка духа покоя и доброты. Горы спали, выдѣляясь на небѣ; не слышно было шума, а только этотъ едва уловимый шопотъ уснувшихъ предметовъ, который схватываетъ ухо въ глубокой тишинѣ. Ее пробрала дрожь—вырвалось рыданіе, и она, закрывъ окно, стала не спѣша раздѣваться.

III.

Чтобы не остаться въ долгу, Бускатей пригласилъ все общество гостиницы Пелломеля, какъ-то послѣ обѣда, къ себѣ на кофе. Тетка Жаклина не слишкомъ-то охотно согласилась исполнить этотъ капризъ племянника и хотя уступила, но съ бо́льшимъ ворчаніемъ, чѣмъ когда-либо, и приготовила кофе съ огромнымъ количествомъ цикорія. Къ кофе были поданы сливки, за которыми самъ Бускатей ходилъ утромъ на свое пастбище Фенестраль, а также тортъ изъ черники, намазанной на толстое губчатое тѣсто, котораго огромные куски тетка подала на тарелкахъ съ синими разводами. Букеты альпійскихъ цвѣтовъ въ вазахъ розоваго стекла украшали большую комнату и придавали ей почти уютный видъ.

— У васъ очень хорошо, Бускатей,—сказалъ г. Левьэ, принявъ сразу насмѣшливый тонъ.—Стѣнные часы!.. вольтеровское кресло... Какова роскошь! Знаете ли вы, что у меня нѣтъ вольтеровскаго кресла...

Подозрѣвая насмѣшку, Бускатей все-таки отвѣтилъ, хотя сдержаннымъ голосомъ, но добродушно:

— Это однако не стоитъ ужъ такъ дорого!...

— Не стоитъ такъ дорого, мой милый?!. Сейчасъ видно, что вы богачъ, Бускатей. А ну-те-ка, мадемуазель Делангль, сядьте на это кресло: оно здѣсь для васъ... А что скажете вы объ этой комнатѣ? Нужно прибавить совсѣмъ немного кое-чего, чтобы изъ нея вышелъ настоящій салонъ, не правда ли?..

— Конечно,—отвѣтила Маргарита,—стоитъ повѣсить занавѣски на окна...

— Положить турецкій коверъ,—продолжалъ г. Левьэ.

И каждый изъ гостей спѣшилъ вставить свое слово:

— Пьянино—здѣсь...

— Софу—тамъ...

— Стѣны выкрасить подъ орѣхъ...

— Украсить ихъ нѣсколькими фаянсовыми тарелками...

— Повѣсить двѣ-три картины...

Тетка Жаклина слушала все это съ нескрываемымъ страхомъ, наконецъ съ негодованіемъ вскрикнула:

— Не вбивайте ему въ голову такихъ выдумокъ!.. Довольно у него и собственныхъ!.. Развѣ видано когда, чтобы въ шале было пьянино, картины?..

Бускатей пожалъ плечами:

— Не слушайте ее... Она не знаетъ, что говоритъ... Она никогда даже не спускалась въ городъ. Я не боюсь картинъ и былъ бы очень доволенъ, если бы имѣлъ ихъ...

— Въ добрый часъ,—сказалъ г. Левьэ,—видно, что вы знаете толкъ въ искусствахъ... Почему же вы не попросите мадемуазель Делангль нарисовать вамъ что-нибудь?..

Лицо Бускатея приняло выраженіе величайшаго удивленія:

— Развѣ она умѣетъ?—спросилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтилъ г. Левьэ...—Вы не вѣрите?.. Мадемуазель Делангль, вамъ необходимо нарисовать его портретъ, чтобы убѣдить его...

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтила Маргарита чрезвычайно просто,—если г. Бускатей пожелаетъ позировать.

Бускатей продолжалъ недовѣрять; но на другой день онъ не могъ болѣе сомнѣваться: г. Левьэ пришелъ за нимъ, посадилъ его на стулъ противъ Маргариты, которая приготовляла палитру, а затѣмъ серьезно принялась за работу.

Портретъ Бускатея былъ настоящимъ событіемъ: онъ взбудоражилъ всю деревню; разговоры за отельнымъ столомъ сдѣлались веселѣе; Пелломель и Прюнье смѣялись по угламъ; священникъ подходилъ, чтобы освѣдомиться, успѣшно ли онъ подвигается; туристы, возвращаясь съ экскурсіи послѣ цѣлаго дня ходьбы, спрашивали о немъ тѣхъ, кто оставался въ отелѣ:—Ну что? Какъ идетъ портретъ Бускатея?

Что же касается Бускатея, то онъ позировалъ добросовѣстно, неподвижно, точно привязанный къ стулу, болѣе спокойный, чѣмъ статуя, не осмѣливаясь ни улыбнуться, ни высморкаться, несмотря на то, что г. Левьэ постоянно повторялъ ему тономъ знатока:

— Вы можете двигаться, Бускатей—вы не у фотографа!..

Иногда приходилъ и г. Люденъ, наклонялся надъ полотномъ, и у него всегда находились колкія слова для замѣчаній о носѣ, ушахъ, позѣ и о всей модели. Бускатей морщилъ брови; Маргарита дѣлала видъ, что не слышитъ, и продолжала рисовать быстрыми маленькими штрихами. Но шутники не все время были при нихъ. Часто Бускатей цѣлыми часами оставался наединѣ съ мадемуазель Делангль: онъ сидѣлъ неподвижно, а она рисовала. Сеансъ бывалъ въ жаркое солнечное послѣполуденное время: темно-голубое небо стояло надъ ними въ своей молчаливой безконечности; не слышно было другого шума, какъ только стрекотанье насѣкомыхъ въ травѣ, ни одной души не было видно по дорогѣ, изгибы которой убѣгали, извиваясь. Живыя существа, казалось, слились съ неодушевленными предметами—все дѣлалось одинаково ничтожнымъ передъ необъятностью горизонта.

По окончаніи сеанса она обмѣнивалась съ нимъ нѣсколькими словами:

— Благодарю васъ, г. Бускатей,—говорила Маргарита,—вы были очень терпѣливы.

Когда она была наединѣ съ нимъ, голосъ ея становился другимъ—болѣе мягкимъ—любезнымъ.

Онъ отвѣчалъ:

— О, мадемуазель! Это доставляетъ мнѣ только удовольствіе!..—и стоялъ передъ нею, переминаясь съ ноги на ногу до тѣхъ поръ, пока она ему не скажетъ еще что-нибудь.

Мало-по-малу однако онъ началъ осмѣливаться: заговорилъ о своихъ дѣлахъ, о коровахъ, пасущихся тамъ въ Фенестрелѣ, о свезенномъ въ эти послѣдніе хорошіе теплые дни хлѣбѣ, о своей теткѣ Жаклинѣ, которая хотя и ворчала постоянно, но въ сущности была хорошая женщина, о горахъ, которыя онъ понималъ и любилъ по-своему безъ всякой сентиментальности, но не безъ нѣкоторой прирожденной поэзіи; о городѣ, который привлекалъ его и котораго онъ въ то же время боялся. Маргарита кончила тѣмъ, что заинтересовалась этой наивной исповѣдью, которая выливалась непринужденно изъ неловкихъ устъ; иногда она помогала ему, предлагая вопросы:

— Значитъ, если бы вы могли, вы покинули бы горы и поселились бы въ городѣ?..

— Я не говорю этого, нѣтъ, мадемуазель... Горы, видите ли, это—какъ бы привычка... Я не знаю, какъ выразиться, но... я бы желалъ такъ: то одно, то другое, потому что, видите ли, всегда одно и то же надоѣдаетъ...

Скоро онъ дерзнулъ разспрашивать и молодую дѣвушку о ней самой. Сначала она, очень сдержанная, смущенная неловкостью его нескромныхъ вопросовъ, едва отвѣчала и заговаривала о другомъ. Потомъ она увидѣла, что нескромность его не была нахальствомъ: его простое любопытство перестало ее коробить, она сдѣлалась болѣе довѣрчивой, говорила о себѣ и была этимъ счастлива, она, положеніе которой обрекало ее быть безличной. Онъ заставлялъ ее повторять по нѣсколько разъ нѣкоторыя вещи, которыя приводили его въ изумленіе и въ которыхъ, при своей врожденной подозрительности горца и крестьянина, онъ нѣсколько сомнѣвался.

— Значитъ, вы уѣхали вотъ—такъ: совсѣмъ одна, когда вамъ было восемнадцать лѣтъ?..

— Да!

— И вы видѣли всѣ эти страны, о которыхъ разсказываете? И это правда?

— Ну, да!

— И вы были на морѣ, на кораблѣ?..

Онъ восхищался этой отвагой, этой опытностью, при свѣтѣ которой его наивность выступала еще больше. Онъ видѣлъ въ мадемуазель Делэнгль высшее существо не потому только, что она была изъ города, но и потому, что́ она видѣла и умѣла сдѣлать. Когда она ему протягивала руку, говоря: «До свиданія!» онъ испытывалъ нѣчто въ родѣ грубаго экстаза, чувствуя себя передъ ней слишкомъ низшимъ и въ то же время очень счастливымъ; его взглядъ, въ которомъ появлялась слеза умиленія, получалъ выраженіе вѣрной собаки, и онъ бормоталъ неясныя слова. Все измѣнялось, едва появлялся г. Левьэ и особенно г. Люденъ; тогда, точно животное, прячущееся при видѣ непріятеля, онъ съеживался: смотрѣлъ украдкой, слѣдилъ за смысломъ каждаго слова, готовый придать ему оскорбительное для себя значеніе, не отвѣчалъ на ихъ вопросы, дѣлался ни болѣе, ни менѣе, какъ мужикомъ хитрымъ—себѣ на умѣ.

— Вамъ должно быть весело съ Бускатеемъ?—говорилъ г. Люденъ Маргаритѣ.

— Я васъ увѣряю, что онъ чрезвычайно милъ, когда васъ нѣтъ здѣсь.

Портретъ былъ готовъ и помѣщенъ въ красивую золотую рамку. Рѣшили отпраздновать это событіе, и Бускатей пригласилъ все общество отправиться на его пастбище Фенестрель—пить сливки.

Между горами и горцами существуетъ несомнѣнная гармонія: Бускатей, взбираясь своимъ ровнымъ шагомъ по тропинкамъ и крутымъ зеленымъ склонамъ, казался другимъ человѣкомъ; онъ былъ силенъ, и его сила давала ему извѣстную красоту; онъ былъ брюнетъ, его смуглый цвѣтъ лица выдѣлялся при блескѣ горячаго свѣта, разлитаго на ясномъ и голубомъ небѣ; онъ былъ спокоенъ, и его невозмутимость, когда быкъ, обернувшись, остановилъ свой долгій взглядъ на гуляющихъ, когда дамы вскрикнули, а мужчины трусливо ускорили свои шаги,—придала его фигурѣ что-то мужественное и даже поэтическое. Городскіе жители съ блѣдными лицами, слишкомъ тонкіе, задыхающіеся, поминутно вытирающіе свои лбы, въ шляпахъ съ вуалями, съ зонтиками, съ горными палками—однимъ словомъ, со всѣми атрибутами туристовъ, напоминали смѣшныхъ насѣкомыхъ, недоразвившихся лазящихъ личинокъ; онъ же былъ точно геній горъ, вполнѣ у себя, среди высокихъ травъ, густыхъ кустарниковъ, отцвѣтшихъ рододендръ, желтыхъ генціанъ, необыкновенныхъ цвѣтовъ, розовые и голубые букеты которыхъ онъ топталъ равнодушно своими ногами; онъ шелъ неспѣша своимъ широкимъ, правильнымъ шагомъ, безъ той неуклюжести, которая такъ непріятно поражала, когда онъ сидѣлъ и ничего не дѣлалъ; онъ принужденъ былъ постоянно останавливаться, чтобы поджидать другихъ, и тогда у него появлялась хорошая улыбка—довольная и немного презрительная.

— Что это сегодня съ Бускатеемъ?—сказалъ г. Левьэ:—онъ положительно красивъ...

Когда же г. Люденъ пожелалъ посмѣяться надъ нимъ и, несмотря на одышку, состроумничать на его счетъ, Бускатей взглянулъ на него такъ, что тотъ замолчалъ.

Впрочемъ, это была послѣдняя экскурсія г. Людена: два дня спустя онъ упаковалъ свои фланелевыя рубахи, свою сѣрую пару и, облекшись въ платье, сшитое по самой послѣдней модѣ, уѣхалъ, простившись холодно со всей компаніей. Г. Левьэ замѣтилъ, что наканунѣ онъ имѣлъ длинный разговоръ съ мадемуазель Делангль, у которой послѣ этого глаза были очень красные.

— Вы видѣли?—сказалъ онъ ехидно своему сосѣду по столу. — Онъ уѣхалъ... Она плакала. Акціи Бускатея подымаются...

Посмѣялись и продолжали подшучивать надъ будущимъ замужествомъ Маргариты.

IV.

Собственно никто не вѣрилъ въ это невѣроятное замужество. Когда же кто-нибудь говорилъ о немъ съ нѣкоторою серьезностью, Левьэ возражалъ:

— Какъ можно! Она слишкомъ красива, молода и умна для того, чтобы сдѣлать подобную глупость!.. Она не сможетъ жить въ этой дырѣ!.. А кромѣ этого—выйти замужъ за такого парня, у котораго руки и ноги въ аршинъ... Нѣтъ, нѣтъ... это невозможно!.. Она только забавляется, вотъ и все!..

Таково было и всеобщее мнѣніе. Однако, какъ было не замѣтить того, что хотя, по окончаніи портрета, приходить предлога не было, Бускатей все-таки приходилъ каждый день, усаживался возлѣ Маргариты, которая встрѣчала его весело—полушутя, полу-серьезно—почти дружески. Теперь она съ нимъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ съ г. Люценомъ, прогуливалась вечеромъ недалеко по дорогѣ, и ея ясный и граціозный силуэтъ былъ виденъ въ тѣни при заходящемъ солнцѣ, рядомъ съ неуклюжимъ горцемъ.

— Повидимому,—они созданы другъ для друга,—зло подсмѣивался г. Левьэ.

И вся деревня наблюдала за ними съ злобнымъ изумленіемъ. Молодыя дѣвушки у бассейна помирали со смѣху и толкали другъ дружку локтями, когда видѣли Бускатея, каждый день одѣтаго по-праздничному, подходящимъ къ Маргаритѣ осторожно своей переваливающейся походкой. Что касается мужчинъ, то они провожали его серьезнымъ взглядомъ, пожимали плечами и морщили лбы. Иногда Прюнье не выдержитъ и пробормочетъ: «Вотъ подлецъ, этотъ Бускатей»!..

Между тѣмъ лѣто приходило къ концу; снѣгъ, упавшій на сосѣднихъ горахъ, освѣжилъ воздухъ. Дядюшка Пелломель съ грустью видѣлъ, какъ гости его уѣзжали одинъ за другимъ, какъ почтовый оселъ увозилъ ихъ багажъ, не чуя ногъ подъ собою. А Маргарита все еще оставалась.

— Прощайте, госпожа Бускатей,—сказалъ ей, уѣзжая послѣднимъ, г. Левьэ.—До будущаго года!...

Она улыбнулась и сказала: «До будущаго года!»

И Левьэ началъ думать, что она не шутитъ.

Она дѣйствительно или рѣшилась, или покорилась—кто можетъ знать, что́ происходило въ ея душѣ?.. Отъѣздъ Людена, кото-

рый хотя и не очень ей нравился, но котораго она предпочла бы, напомнилъ ей ея горькія неудачи; видя, что этотъ человѣкъ удалился отъ нея, какъ и многіе другіе, которые убаюкивали ее нѣжными, но тщетными словами, она задумалась надъ своей печальной будущностью, скукой, одиночествомъ, рабствомъ и бѣдностью съ одной стороны, а съ другой—она освоилась ужъ съ этимъ непосредственнымъ и добрымъ существомъ, со взглядомъ вѣрной собаки, въ полудикости котораго не было недостатка въ извѣстной тонкости и который, будучи въ своей настоящей средѣ, въ своей рамкѣ, дѣлался почти красавцемъ. Никогда не чувствовала она себя такой свободной, какъ въ эти два прошедшіе мѣсяца, а свобода—это почти счастье. Горы ее побѣдили, она ихъ полюбила; ее охватывалъ ужасъ при мысли о переѣздахъ по Европѣ, о возобновленіи преподаванія грамматики, музыки новому поколѣнію маленькихъ графовъ и князей; она чувствовала страшную потребность гдѣ-нибудь осѣсть, хотя бы на этомъ клочкѣ земли, между этихъ скалъ, въ этомъ простомъ деревянномъ шале, гдѣ подпрыгивала тетка Жаклина. А затѣмъ она больше не разсуждала, какъ существо, оказавшееся между двухъ огней—она отдалась случаю и плыла по волѣ вѣтра и теченія...

Въ тотъ день, когда вѣсть о свадьбѣ распространилась оффиціально, неопровержимо, въ Фэн-Го поднялся настоящій бунтъ: эти хорошіе люди, всегда поглощенные трудностями борьбы за существованіе и мало занимающіеся другъ другомъ, казалось, сразу переродились. Женщины у бассейна, мужчины въ трактирѣ—въ обыкновенное время пустомъ цѣлую недѣлю—кричали, размахивали руками, смѣялись. Хотя они давно уже что-то подозрѣвали, они все-таки не могли представить себѣ, чтобы эта высокая дѣвушка, на которую они, съ начала весны, смотрѣли съ тѣмъ оттѣнкомъ презрѣнія, которое они питаютъ ко всѣмъ иностранцамъ, когда она расхаживала по ихъ сѣнокосамъ и вдоль дорогъ,—останется жить съ ними, какъ они, ихъ жизнью, въ одномъ изъ ихъ шале. Они сердились и негодовали: одни, какъ Прюнье, имѣющій дочь-невѣсту, считали себя обманутыми въ ихъ законной надеждѣ, почти правѣ; другіе, менѣе заинтересованные въ дѣлѣ, чувствовали себя оскорбленными въ своей сословной чести. Тетка Жаклина ушла отъ племянника, объявивъ, что она ни одного дня больше не останется у него. Она пріютилась у Прюнье и проводила время въ подливаньи масла въ огонь: страшная, она переносила свою ярость изъ шале въ шале. Такимъ образомъ, Бускатей долженъ былъ

самъ перестилать себѣ постель, готовить обѣдъ, и это было не совсѣмъ удобно, тѣмъ болѣе, что лавочникъ время отъ времени устраивалъ ему штуки, отказывая продавать ему самые необходимые предметы, какъ сахаръ, свѣчи и т. п. Мальчики, при встрѣчѣ съ нимъ, смѣялись, продѣлывали надъ нимъ всякія издѣвательства: по вечерамъ не разъ камни летали ему въ окно. Онъ однако не смущался; не заговаривалъ ни съ кѣмъ и, казалось, не замѣчалъ ничего. Однажды священникъ, встрѣтясь съ нимъ, старался образумить его, но ничего подѣлать не могъ:

— Итакъ, мой милый, ты женишься?

— Да, батюшка!

— И это правда, что ты берешь эту барышню?

— Да, батюшка!

— Хорошо ли ты размыслилъ?

— Да, батюшка!

— Не думаешь ли ты, что деревенская дѣвушка была бы лучше для тебя?.. Дочь Прюнье, напримѣръ?..

— Нѣтъ, батюшка!

— Но, несчастный, неужели ты думаешь, что твоя жена сможетъ такъ жить, какъ тетка Жаклина и ты жили? Подумалъ ли ты, что ей нужна хорошая мебель и говядина каждый день?.. Что она будетъ тутъ дѣлать зимою? Съ кѣмъ ей тутъ водить знакомство въ деревнѣ?.. Подумалъ ли ты обо всемъ этомъ?..

Священникъ нарочно останавливался послѣ каждой фразы, ожидая отвѣта, котораго не было. Бускатей стоялъ передъ нимъ неподвижно, наклонивъ голову со смиреннымъ и упрямымъ видомъ.

— Все это устроится,—сказалъ онъ наконецъ.

И священникъ ушелъ, добавивъ въ заключеніе: «Ты безумецъ, Бускатей! мученіямъ твоимъ не будетъ конца... Увидишь!»

Отношеніе къ Маргаритѣ было сначала сдержанное, но мало-по-малу дѣлалось оно свободнѣе и неуважительнѣе. Ее разбирали по косточкамъ, смотрѣли на нее въ упоръ, кланялись съ ироніей. Она, впрочемъ, не имѣла времени замѣтить этой враждебности, которой она никакъ не ожидала. Она уѣхала въ городъ, гдѣ занялась приготовленіями къ свадьбѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько недѣль, богатыхъ событіями: первымъ было оглашеніе въ церкви—никогда церковь не была такъ полна и взволнована. Все затихло, когда священникъ началъ: «желаютъ заключить брачный союзъ такой-то и такая-то»... Смѣхъ встрѣтилъ имя Бускатея и превратился въ шепотъ изумленія, когда былъ объявленъ возрастъ невѣсты: тридцать четыре

года—четырьмя годами старше Бускатея!.. Кто бы это подумалъ, видя ее такой стройной и такой молодой?!. Сколько нужно было для этого всякихъ притираній и туалетныхъ водъ!..

И, выйдя изъ церкви, люди не расходились по домамъ и долго стояли группами на площади: «Вотъ подлецъ Бускатей! Еще глупѣе, чѣмъ можно было думать!..»

Послѣ этого Бускатей началъ устраивать свое шале. Онъ дѣлалъ все втихомолку, скрывая свои затѣи. Время отъ времени онъ уѣзжалъ дня на два, на три—никто не видѣлъ, когда онъ исчезалъ, но отсутствіе его замѣчали и говорили: «Конечно, онъ у своей невѣсты!»...

Затѣмъ начали появляться огромные ящики, которые нужно было распаковывать на площади, потому что они не могли пройти въ узкую дверь шале; разсматривая красивыя кресла изъ чернаго дерева, покрытыя репсомъ, зеркальный шкафъ и тому подобную мебель, невиданную въ Фэн-Го, глаза у всѣхъ дѣлались круглыми отъ удивленія. Когда же привезли пьянино, то вокругъ собралась цѣлая толпа. Внести его въ шале было чрезвычайно трудно, но никто и не подумалъ помочь, и извозчикъ, имѣя въ помощь только Бускатея, ругался и клялся, что имъ двумъ никогда не справиться самимъ. Потомъ явились рабочіе со свертками обоевъ и большими ведрами съ красками; тетка Жаклина воспользовалась отсутствіемъ племянника, пробралась въ шале и вышла оттуда очарованная, точно увидѣла дворецъ изъ тысячи и одной ночи. Повсюду только и слышно было, что разговоры о Бускатеѣ, въ которыхъ высказывалось порицаніе, смѣшанное съ завистью:

— И богатъ же этотъ подлый Бускатей!..

— Куда богаче, чѣмъ можно было ожидать!..

— Только это кончится плохо!..

— Что бы было, если бы бѣдный отецъ его видѣлъ все это?!.

Прошелъ-было слухъ, что не онъ, а невѣста его богата. Къ сожалѣнію, Пелломелю нужно было поѣхать въ Лозанну по своимъ дѣламъ, и онъ привезъ оттуда самыя точныя свѣдѣнія о состояніи, жизни и семействѣ Маргариты; легенда рухнула, осталось еще большее презрѣніе къ «барышнѣ».

Вѣнчанье, какъ и устройство шале, было совершено втайнѣ въ Лозаннѣ. Бускатей не пригласилъ никого, не пригласилъ даже тетку Жаклину, которая пришла отъ этого въ ярость.

— Онъ хочетъ разыгрывать гордеца! — говорили. — Хорошо—это не пройдетъ ему даромъ!..

И, чтобы наказать его, послѣ его пріѣзда, вечеромъ, ему задали кошачій концертъ.

Онъ пріѣхалъ послѣ обѣда. Встрѣтившая его по дорогѣ тетка Прюнье показала ему кулакъ. А вечеромъ въ девять часовъ вся деревня собралась передъ его шале, съ кастрюлями, барабаномъ, коровьими звонками, свистками, рожками—однимъ словомъ, со всѣми инструментами, которые только могли найти. Они подошли чрезвычайно тихо, чтобы поразить сильнѣе. Прюнье дирижировалъ; онъ подалъ знакъ, и трескотня разразилась внезапно: барабанъ выбивалъ атаку, рожокъ издавалъ визгливыя ноты, звонки звенѣли, къ этому присоединялись завывающіе голоса: «Бускатей, Бускатей... и его барышня»!.. Въ то же время камни летѣли въ заново выкрашенныя ставни.

Маргарита сразу остолбенѣла, потомъ поняла и заплакала. Бускатей смотрѣлъ на нее своими нѣжными, печальными глазами. Шумъ увеличивался, она начала бояться и приблизилась къ нему: «Они выломаютъ двери,—сказала она,—это дикари!»

Наконецъ, они утомились кричать и гремѣть своими инструментами; ихъ смѣхъ и шаги затихли, наступила тишина.

— Что ты имъ сдѣлалъ?—спросила Маргарита своего мужа.

Бускатей пожалъ плечами:

— Ничего,—отвѣтилъ онъ.—Они сердятся на меня за то, что я женился, не спросясь у нихъ,—такъ я думаю!..

Въ это время началась настоящая зима: суровая, которая съ конца октября засыпала дороги снѣгомъ на цѣлый футъ. Маленькія темныя шале, съ ихъ постоянно дымящимися трубами, были удалены ото всего свѣта, потеряны въ этой безконечной бѣлизнѣ, надъ которой, точно призраки, возвышались тоже бѣлыя высокія горы. Скоро дороги были занесены такъ, что письма и газеты получались только изрѣдка. Деревня притихла совсѣмъ. Люди работали у себя, занимаясь шитьемъ, починкой возлѣ печекъ, которыя пылали. Въ воскресенье они встрѣчались въ церкви, куда Бускатей и его жена боялись ходить. Они были одиноки, совершенно одиноки, такъ одиноки, точно находились на безлюдномъ островѣ. Служанка, которую они-было наняли, ушла черезъ двѣ недѣли. Маргарита не хотѣла, чтобы мужъ оставлялъ ее одну, а самой спускаться внизъ было невозможно, вслѣдствіе заносовъ, которые все увеличивались, поэтому подыскать другую служанку они не могли. Желудокъ молодой женщины не могъ привыкнуть также къ однообразію въ пищѣ: приходилось питаться только солониной, картофелемъ да кое-какими консервами. Книги, на которыя она набросилась, скучая днемъ и ночью, уже утомили ее; музыка тоже надоѣла; бѣдняжка Бускатей сказалъ уже все, что только

могъ сказать, и разговоры ихъ начали ограничиваться нѣсколькими отрывочными фразами утромъ и вечеромъ; открывая ставни, онъ объявлялъ:

— А сегодня погода хорошая... менѣе холодно, чѣмъ вчера...

Она пожимала плечами и съ ироніей спрашивала:

— А снѣгу не болѣе полуметра?..

Во время обѣда онъ рѣшался иногда пошутить надъ солониной, которая безъ перемѣны подавалась одна и та же. Маргарита бросала на него сердитый взглядъ, или говорила, вздыхая:

— Если бы можно было достать хоть яицъ!..

Когда онъ заставалъ ее лежащей на диванѣ съ блуждающимъ взоромъ, онъ говорилъ, стараясь засмѣяться:

— Вотъ хорошо было бы, если бы можно было уснуть на всю зиму, какъ сурокъ!...

Она отвѣчала ему холодно:

— Да! Но это невозможно!

Никакихъ сценъ, никакихъ ссоръ—ничего. Бускатей былъ образцовымъ мужемъ. Маргарита не жаловалась никогда. Одинъ разъ только она сказала, вздыхая:

— Если бы мы могли жить въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь!..

Бускатей наморщилъ лобъ и отвѣтилъ:

— Я недостаточно богатъ, чтобъ жить въ городѣ.

— Даже продавши все?

— Да, даже продавши все!

Все было бы еще кое-какъ, если бы не было къ нимъ этой зависти всей деревни — но она давила крышу ихъ шале, еще болѣе холодная и тяжелая, чѣмъ снѣгъ: когда дорога становилась лучше, и Бускатей со своей женой рѣшались выйти, то на пути ихъ раскрывались окна, смѣхъ и глупыя шутки посылались имъ въ догонку, и они чувствовали себя такъ— точно преслѣдовалъ ихъ рой разсвирѣпѣвшихъ осъ. Они были паріи, прокаженные, которыхъ навѣрное избили бы камнями, если бы не боялись полиціи. Священникъ былъ у нихъ одинъ разъ, и они устроили ему настоящій праздникъ. Но такъ какъ въ деревнѣ разсердились на него за это, а онъ не былъ изъ храбрыхъ, то и не заходилъ къ нимъ больше.

— Что дѣлать, мой милый,—сказалъ онъ Бускатею, когда тотъ возвращалъ ему визитъ,—ты оскорбилъ общественное мнѣніе, а я считаться съ нимъ долженъ.

Когда же Маргарита спросила Бускатея: «Почему это священникъ не заходитъ къ намъ?» ему пришлось отвѣтить: «По-

тому, что онъ такой же, какъ и всѣ!» Тогда она снова заявила ему о своемъ желаніи: «Вотъ ты не хочешь уѣзжать!.. Я одна уѣду,—жить такъ я не могу!..»

— Погоди, посмотримъ!—отвѣтилъ онъ.

Однажды утромъ ударилъ колоколъ, и Бускатей сказалъ:

— Это кто-то умеръ!

Дѣйствительно, площадь наполнилась закутанными таинственными тѣнями подъ валящимъ снѣгомъ. Вся деревня была въ сборѣ, и лица, при грубыхъ чертахъ горныхъ жителей, имѣли то выраженіе соболѣзнующаго равнодушія, которое принимается людьми въ такихъ случаяхъ во всѣхъ странахъ на свѣтѣ.

— Кого же это хоронятъ?—спросилъ себя Бускатей, и, перебирая въ памяти имена важныхъ въ деревнѣ лицъ, онъ видѣлъ, что ошибался, такъ какъ они, одинъ за другимъ, проходили мимо. Онъ почувствовалъ, какъ вздрогнула въ немъ та незримая цѣпь, которая связывала его жизнь съ жизнью этихъ близкихъ, родныхъ людей, съ которыми онъ такъ долго шелъ рука объ руку и которые стали ему теперь чужими; да—онъ любилъ этихъ оттолкнувшихъ его людей, не лично того, или другого—Пелломеля или Прюнье—но ихъ всѣхъ вмѣстѣ такъ, какъ бы они были тѣло, котораго однимъ изъ членовъ былъ онъ.

Когда гробъ вынесли изъ церкви, Бускатей не могъ долѣе выдержать: — Нужно однако узнать, кто умеръ,—сказалъ онъ женѣ и вышелъ.

Едва онъ подошелъ къ толпѣ, какъ тотчасъ замѣтилъ, что его умышленно не замѣчаютъ и удаляются отъ него; онъ остановился въ нерѣшительности, смущенный, не зная, къ кому обратиться. Наконецъ, онъ подошелъ къ Пелломелю—это былъ его лучшій товарищъ, послѣ него наиболѣе богатый въ деревнѣ, компаньонъ его по охотѣ на козы; они часто помогали другъ другу въ трудныя времена.

— Скажи мнѣ, Пелломель, кто это умеръ?

Пелломель смѣрилъ его презрительнымъ взглядомъ, положилъ руки въ карманъ и повернулся къ нему спиною. Одобрительный шепотъ послышался въ окружавшей его группѣ.

Бускатей медленно пересѣкъ площадь, направляясь къ Прюнье, который стоялъ у самой церкви. Онъ ударилъ его слегка по плечу:

— А ты, Прюнье, отвѣтишь ли мнѣ—кто это умеръ?

Прюнье сдѣлалъ такой жестъ, точно хотѣлъ что-то стряхнуть съ себя, точно рука Бускатея запачкала его, и тоже отвернулся отъ него, какъ и Пелломель. Очевидно, они всѣ сговорились: об-

ращаться къ другимъ значило бы подвергать себя новымъ оскорбленіямъ. Изъ церкви выходилъ священникъ, идя прямо впередъ, точно не видя никого, дѣтскій хоръ слѣдовалъ за нимъ. Хотя священникъ былъ въ полномъ облаченіи, Бускатей осмѣлился однако тронуть его за рукавъ:—Простите, батюшка! Скажите мнѣ, прошу васъ—кто это умеръ?

Не останавливаясь и не поднимая глазъ, священникъ отвѣтилъ, понизивъ голосъ:

— Это твоя тетка Жаклина!..

Бускатей почувствовалъ себя, какъ громомъ пораженнымъ. Кортежъ построился и пошелъ сзади священника и дѣтскаго хора. Они шли медленно и скрылись. Бускатей вернулся въ свое шале.

— Знаешь ли ты, кто это умеръ?—сказалъ онъ Маргаритѣ.— Это моя тетка Жаклина. И, опустившись на одно изъ своихъ красивыхъ репсовыхъ креселъ, залился горькими слезами.

Маргарита, и сама очень взволнованная, подошла къ нему и нѣжно положила свою руку на его плечо, а спустя немного, когда онъ успокоился нѣсколько, она сказала ему:

— Теперь ты видишь, что намъ нужно уѣхать отсюда...

— Да—уѣдемъ, уѣдемъ,—отвѣтилъ онъ.—Уѣдемъ, куда ты хочешь... подальше отсюда... въ Америку...

Вотъ почему Бускатей и его жена уѣзжали въ Буэносъ-Айресъ, провожаемые всей деревней, которая, хотя уже и не дулась на нихъ, но все еще смѣялась надъ ними.

Перев. съ франц. Л. Д.

ПРЕДОКЪ.

(Авторскій переводъ съ украинскаго).

Второй уже день мы шли лѣсомъ—я и песъ. Вчера я еще немножко пострѣливалъ, но за сегодняшній день не выстрѣлилъ ни разу. Песъ, сначала добросовѣстно дѣлавшій стойку при каждомъ появленіи дичи, наконецъ убѣдился, что я не буду стрѣлять, и при каждомъ новомъ взлетѣ только слегка оглядывался и продолжалъ идти, силясь принять такой видъ, что онъ тоже не обращаетъ вниманія на дичь—чтобы не служить укоромъ моему нерадѣнію и лѣни.

На ночлегѣ я въ послѣдній разъ видѣлъ людей. За весь слѣдующій день не показался никто, даже вдали. И я радовался, что людское лицо, людское слово, людской шорохъ не нарушаетъ моей молчаливой бесѣды съ лѣсомъ—что третье лицо не становится между мною и окружающею меня жизнью. Она бесѣдуетъ со мною тихимъ шумомъ лѣса, журчаніемъ потока, крикомъ птицъ, подаетъ знаки свѣтотѣнями облаковъ, едва замѣтными движеніями травы и вѣтвей. Все это, не заглушенное, не вспугнутое крикливымъ голосомъ человѣка, говоритъ такъ ясно, такъ необычайно сильно всему моему существу.

Я иду и прислушиваюсь къ тихому шепоту деревьевъ—ихъ верхушекъ, не видимыхъ мнѣ снизу, изъ-за вѣтвей. Ихъ колеблетъ тамъ вверху вѣтерокъ, незамѣтный здѣсь внизу, и непрерывнымъ тихимъ шумомъ наполняетъ лѣсъ. Но отъ времени до времени, словно рука, передвигающаяся по струнамъ—пролетаетъ ударъ вѣтра, извлекающій болѣе сильные звуки, сливающіеся въ энергическую фугу, звучащую еще нѣсколько мгновеній ему вслѣдъ—пока не распадется снова на отдѣльныя мелодіи, которыя ведетъ каждое дерево въ отдѣльности, и мѣсто пробужденнаго рокота занимаетъ снова этотъ монотонный, мирный шумъ.

Солнечные лучи врѣзываются въ прогалины чрезвычайно ясными, рѣзкими ударами, отъ которыхъ загорается сверкающимъ блескомъ все встрѣчающееся на пути: зеленая хвоя елей, сѣрая кора вѣтвей, червонная подстилка старой хвои на землѣ, а капли росы и зерна песку сіяютъ настоящимъ блескомъ самоцвѣтовъ—горятъ, сгораютъ и гаснутъ въ одно мгновеніе, пока я прохожу мимо ихъ.

Мнѣ чрезвычайно радостно. Сначала я проявлялъ эту радость очень рѣзко. Кричалъ и прислушивался къ своему голосу—какъ, пробѣгая эти безконечные ряды деревьевъ, онъ безсильно застревалъ среди нихъ. Перекликался съ насмѣшливою иволгою и силился перекричать ее. Стучалъ сучкомъ на сухихъ стволахъ, отвѣчая старому дятлу на его солидныя, дѣловитыя постукиванія. Но первый хмель этого пьянаго напитка уже прошелъ. Я иду молча, солидно, не окликая даже пса. Я тихъ и сдержанъ, какъ эта жизнь, окружающая меня. И только радость, тихая безграничная радость наполняетъ все мое существо. Я тѣшусь сіяніемъ солнца, темными тѣнями лѣса, нѣжнымъ прикосновеніемъ воздуха, твердымъ сопротивленіемъ почвы, тишиною растительнаго царства, рѣзкими криками птицъ. Я сливаюсь всѣмъ существомъ съ этою безграничною жизнью, пью солнце и влагу, распространяюсь въ безграничныя пространства, врѣзываюсь невидимыми корнями глубоко въ лоно матери земли и изъ ея глубинъ тянусь въ свѣтовую даль, чтобы связать въ одинъ крѣпкій узелъ эту сырую, полную плодотворящей силы массу съ солнцемъ, воздухомъ, безмятежными облаками, съ источникомъ свѣта, жизни, огня и движенія.

Мнѣ кажется, что я съ каждымъ шагомъ отхожу все дальше отъ «культурной» жизни, оставшейся тамъ за мною, за плотною стѣною лѣса, за глубокими провалами долинъ. Возвращаюсь отъ него назадъ, въ глубину столѣтій, тысячелѣтій. Отъ шумныхъ, крикливыхъ гостей, полныхъ всякой натянутой неестественности, принужденности, неискренности иду «къ себѣ», «домой».

Бросаю дорожку и бреду наобумъ черезъ лѣсъ, отводя руками вѣтви, заступающія мнѣ дорогу. Застреваю въ концѣ концовъ въ густомъ малинникѣ. Стою въ немъ долго, долго. Срывать ягоды мнѣ скоро прискучило, и я, какъ медвѣдь, начинаю собирать ихъ губами, прямо съ кустовъ. Ихъ очень много, и онѣ поспѣли; воздухъ наполненъ ихъ запахомъ. И среди нихъ темно-малиновые букеты цвѣтовъ, на длинныхъ стебляхъ, высокіе, пышные среди запущенной порубки—я едва могу узнать ихъ, такъ

буйно, въ такой массѣ они растутъ здѣсь. Растительность на этой богатой почвѣ срубленнаго лѣса дѣвственно роскошна—она производитъ впечатлѣніе чего-то сказочнаго, фантастическаго своей неописуемой нѣжностью, богатствомъ, буйностью, и мнѣ кажется, что я перенесся въ другія, далекія времена, когда земля еще не была такъ истощена, такъ ограблена и обезсилена, какъ теперь.

Дождь захватилъ меня въ малинникѣ и промочилъ меня до костей. Но онъ непродолжителенъ и нехолоденъ. Я продолжаю брести среди этихъ густыхъ, высокихъ кустовъ и вѣтвей, напоенныхъ дождемъ, и они окатываютъ меня своими брызгами снова и снова. Я весь мокрый, но радуюсь этому обилію воды. И когда изъ этихъ густыхъ зарослей я выхожу, наконецъ, къ потоку, я разстилаю на его галькѣ и пескѣ свою мокрую одежду, сохну и грѣюсь вмѣстѣ съ нею, лежу, не считаясь со временемъ, въ блаженной лѣни, когда ничего не нужно, никуда не нужно, и ничто не томитъ и не напоминаетъ о себѣ. Лѣнивымъ взглядомъ я слѣжу за тѣмъ, какъ нагрѣтый воздухъ и паръ, словно жертвенное курево, медленно поднимается вверхъ. И уже не разбираю, сплю ли я или вижу это на-яву.

Подъ вечеръ я дохожу до уединенной лѣсной избушки, у рѣки, среди лѣса. На этотъ разъ и здѣсь нѣтъ никого. Пока солнце прячется за горизонтъ, прорѣзывая лѣсъ пламенными лучами, превращающими стволы сосенъ въ настоящее червонное золото,—я собираю матеріалъ для костра. Сухой валежникъ, принесенныя рѣкою коряги, свѣжія сосновыя вѣтви, упругія, круглыя, какъ новыя ламповыя щетки; увѣшанныя пышными кистями вѣтки пихты и роскошные вѣера ельника. И, когда черная тьма наполнила лѣсъ, я раскладываю костеръ, высокій, огромный, и, лежа передъ нимъ рядомъ съ собакой, смотрю, какъ огонь просовываетъ свои языки среди этой груды дерева. Свѣтло-краснымъ пламенемъ схватываются вѣтви ольхи, темнымъ огнемъ горятъ сосновыя коряги, отражаясь на стѣнѣ лѣса дрожащимъ заревомъ, между тѣмъ какъ бѣлыя облака дыма стлались подъ нею; а когда я шевелилъ хвою, фонтаны золотыхъ искръ взлетали надъ костромъ, и неистовымъ вихремъ кружились среди нихъ обрывки коры и вѣтвей, брызгая во всѣ стороны. И меня охватываетъ неистовая радость, экстазъ древняго человѣка при видѣ огня — могущественнѣйшаго покровителя и товарища, защитника отъ холода и тьмы, подателя жизни и радости. И когда я, нѣсколько часовъ спустя, устраиваютъ на ночлегъ въ избушкѣ, выстлавъ роскошное ложе изъ свѣжей хвои елей, я

долго еще поддерживаю огонь на очагѣ, набивъ всю избушку всякимъ топливомъ. Вѣтви потрескиваютъ на огнѣ, искры съ дымомъ летятъ золотою лентою въ отверстіе крыши. Лѣсъ шумитъ тихимъ, приглушеннымъ шумомъ, сквозь который пробивается болѣе острый шумъ быстраго потока. И я тѣшу себя сознаніемъ, что я такъ далеко убѣжалъ отъ всего, что тяготило меня — ото всей этой безысходно-сложной, мучительной жизни. Я радуюсь, вспоминая, что лежу не на своей сѣтчатой кровати, обвѣшанный портьерами для защиты отъ шума и свѣта, но окруженный неизбывными привидѣніями назойливыхъ мыслей, неотступной и безвыходной путаницы, растравляющей наболѣвшія раны моей души, не дающей ни на минуту вырваться изъ проклятаго круга. Я лежу на свѣжей хвоѣ, и мои мысли около золотыхъ искръ очага. Меня не занимаетъ теперь ничто, кромѣ мыслей о солнцѣ, погодѣ, дождѣ и другихъ такихъ же ясныхъ, стихійно-простыхъ вещахъ. Словно я, въ самомъ дѣлѣ, ушелъ на цѣлое тысячелѣтіе назадъ, къ своимъ предкамъ, и живу ихъ простою, несложною жизнью, какая была тысячу лѣтъ тому назадъ.

Мнѣ, однако, не спится. Физическое и душевное возбужденіе, слишкомъ буйная радость жизни, которую я переживалъ цѣлый день,—не даютъ мнѣ покоя. Не спитъ и песъ—я вижу отблескъ огня на его глазахъ, когда онъ поднимаетъ вѣки. Дремота временами овладѣваетъ мною, потомъ снова прерывается, и снова толкутся въ голову, силясь продолжить предшествующую мысль, обрывки соображеній о старой цѣльности человѣческой жизни—моего далекаго предка, тысячелѣтіями отдаленнаго отъ меня...

И вдругъ при невѣрномъ свѣтѣ костра, въ своихъ колебаніяхъ то выдвигавшемъ контуры наваленнаго валежника, то прятавшемъ ихъ въ черномъ мракѣ,—я увидѣлъ *его*, моего предка, тысячелѣтіями отдаленнаго отъ меня, далекими тысячелѣтіями...

Прикорнувши въ темномъ углубленіи скалъ, загороженномъ буреломомъ, онъ сидѣлъ, положивъ голову на колѣни, съ лицомъ, обращеннымъ ко мнѣ. Онъ былъ весь голый, только ступни ногъ были обернуты истертой козьей кожей; но почти все тѣло было покрыто густыми темными волосами, сквозь которые оно едва просвѣчивало. Такіе же волосы покрывали его широкія и сильно выступающія челюсти и вверху почти доходили до густыхъ бровей на узкомъ, скошенномъ лбу. Видъ онъ имѣлъ измученный и истощенный, и не зажившая рана виднѣлась на его бедрѣ. Онъ былъ голо-

денъ. Сосѣднее враждебное племя разгромило его племя; безъ милосердія перебито было множество мужчинъ, женщины были захвачены, уцѣлѣвшіе — оттѣснены съ давнихъ мѣстъ, болѣе богатыхъ дичью и всякою другою пищею, въ эти каменистые обрывы, гдѣ было столько хищныхъ звѣрей, что почти невозможно было что-нибудь поймать человѣку. И теперь онъ среди дремоты тревожно прислушивался къ грохоту камней на тропинкѣ, по которой проходили къ водѣ жители недалекой пещеры—львы. И рука его машинально стискивала дубину съ грубо приправленнымъ остроконечнымъ камнемъ—его единственное оружіе.

Такъ сидѣлъ онъ долго противъ меня, то слегка дремля, то тревожно поднимая голову, чтобы отогнать сонъ, и пристально вглядываясь въ тьму ночи. Онъ чувствовалъ себя крайне утомленнымъ и ослабленнымъ. Пустой желудокъ сокращался съ мучительною болью. Ночной холодъ заставлялъ дрожать его тѣло. Ночь угнетала его страхомъ—не только присутствіемъ этого близкаго, но невидимаго звѣрья, а и сама по себѣ, какъ страшное, загадочное царство злыхъ, таинственныхъ силъ, завладѣвшихъ всѣмъ живымъ, поглотившихъ солнце-владыку свѣта, и задавшихся цѣлью убить, уничтожить холодомъ всякую жизнь. Съ томительною тоскою посматривалъ онъ въ ту сторону, откуда обыкновенно появлялось солнце, вырвавшись изъ своего плѣненія у злыхъ духовъ. Вырвется ли оно и на этотъ разъ, будетъ ли еще свѣтло и тепло, или на этотъ разъ уже конецъ всему? Все злое, очевидно, обладаетъ великою силою, и больше его на свѣтѣ, чѣмъ добраго. Такъ рѣдко случается быть сытымъ, чувствовать себя въ безопасности, а такъ много всякихъ опасностей, вѣчныхъ страданій отъ голода, страха...

И среди этихъ мыслей—отрывковъ мыслей, мелькавшихъ среди дремоты въ его утомленномъ мозгу, съ необыкновенною рѣзкостью и выпуклостью сонныхъ видѣній, ему явилось нѣчто столь странное, въ сущности безтолковое и вмѣстѣ съ тѣмъ несказанно привлекательное, удивительно счастливое. Ему представился образъ человѣка, спокойно спящаго, какъ дитя за спиною своей матери, не тревожимаго ночью, холодомъ и звѣрями. Обтесанные и плотно пригнанные стволы дерева защищаютъ его со всѣхъ сторонъ отъ звѣрей, холода и злыхъ духовъ; сверху у него тоже покрышка, такъ что и дождь, если бы пошелъ, не промочилъ бы его. Кромѣ того, онъ весь обмотанъ тонкими шнурками и не зябнетъ. Онъ нисколько не боится и темноты, потому что унесъ съ собою въ эту дере-

вянную пещеру кусочекъ солнца и держитъ при себѣ. У него есть заколдованный песъ, служащій ему и стерегущій его покой...

Въ экстатическомъ восторгѣ, широко открытыми глазами онъ пожиралъ этотъ чудесный образъ, на мгновеніе явившійся ему съ такой удивительною отчетливостью и богатствомъ подробностей, что они производили иллюзію долгаго переживанія, какъ то бываетъ въ моменты сильнаго напряженія воображенія. Онъ не зналъ, видитъ ли сонъ, или тѣ причудливые образы, какіе являются человѣку вслѣдствіе голода и утомленія, и онъ вглядывался, смакуя его всѣми нервами, полный наслажденія и страха, что эта чудная картина исчезнетъ, какъ разсѣивались и терялись прекрасные сны о великомъ обиліи дичи, многолюдныхъ толпахъ соплеменниковъ, мужчинъ и женщинъ, отправлявшихся вмѣстѣ съ нимъ на звѣря, и разныя другія счастливыя минуты.

И я чувствую на себѣ, на разстояніи десятковъ тысячъ лѣтъ, этотъ очарованный, восторженный взглядъ моего далекаго предка, какъ чуду культуры и прогресса, просто неимовѣрному, удивляющемуся тому, что мнѣ представлялось возвращеніемъ къ безкультурнымъ временамъ моихъ далекихъ предковъ, отдѣленныхъ отъ меня тысячелѣтіями.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ встряхнулся, чтобы отогнать отъ себя дремоту и убѣдиться, видитъ ли онъ это во снѣ или на-яву—и это видѣніе, очевидно, исчезло. Нѣкоторое время онъ оставался неподвижнымъ, весь еще во власти этой чудной картины. Затѣмъ его вниманіе заняли первые проблески дня, появившіеся на небосклонѣ. Они наполнили радостью его угнетенную душу. Солнце, свѣтъ, день возвращались снова, и онъ приглушеннымъ голосомъ повторялъ отрывочныя слова, бывшія его привѣтствіемъ свѣту, поздравленіемъ съ тѣмъ, что еще разъ ему удалось вырваться изъ власти враждебныхъ силъ.

Черезъ нѣкоторое время засѣрѣло уже и около него, и онъ, расправляя одеревянѣвшія ноги и сильно хромая, послѣ долгой неподвижности, на раненую ногу, началъ осторожно вылѣзать изъ своего убѣжища. Голодъ и утомленіе исчезали подъ новымъ приливомъ энергіи, подъ ощущеніями новаго свѣта, новаго дня...

Сонъ смежилъ мои вѣки, и я проснулся, когда уже горячій, ярко блестящій день прорывался во всѣ отверстія избушки, сгоняя прозрачныя тѣни въ самые темные углы ея. Песъ нетерпѣливо оглядывался на меня, подавляя въ себѣ порывы страстнаго же-

ланія разбудить меня и вырваться изъ этой тишины въ полный буйной жизни лѣсъ. Это желаніе охватило и меня, когда я отворилъ низенькую дверцу, и передъ моими глазами всталъ лѣсъ, залитый солнцемъ и ароматомъ смолы, освѣженный росою, полный утренней энергіи жизни. Не тратя времени на завтракъ, я перекинулъ черезъ плечо ружье и направился въ глубину лѣса, стремясь прежде всего удовлетворить свое желаніе войти въ эту жизнь, слиться съ нею и взять отъ нея свою часть.

И я шелъ снова среди ровныхъ, какъ свѣчи, стволовъ, среди роскошныхъ кистей хвои, среди буйныхъ зарослей лѣса. Откликался душою на каждый крикъ, на каждое дуновеніе этой жизни. Грѣлся подъ горячимъ сіяніемъ солнца, обвѣянный струями пара, поднимавшагося съ земли, съ росы, и прохлаждалъ свои ноги въ холодной влагѣ источника, проходилъ тихія, наполненныя солнцемъ просѣки и полныя пахучей сырости долины.

Я шелъ все далѣе и далѣе въ глубину лѣса. Но вчера меня радовала мысль, что я убѣгаю отъ современной жизни и его культурной утонченности въ глубину минувшихъ вѣковъ—отъ современнаго человѣка къ старымъ предкамъ съ ихъ первобытной, естественной жизнью. Сегодня, наоборотъ, мнѣ доставляло удовольствіе думать, что этимъ роскошнымъ лѣсомъ я иду къ жизни—что я отдыхаю въ гостяхъ у природы, чтобы съ новыми силами вернуться къ житейскому труду въ обстановкѣ современной культурной жизни, въ современномъ мірѣ идей. Мои мысли, перегоняясь съ птицами, летѣли въ этотъ полный безконечнаго страданія—и безконечнаго очарованія міръ...

И образъ моего предка мелькалъ въ моихъ воспоминаніяхъ какъ что-то жалкое, близкое, но пріятное тѣмъ, что оно уже прошло—какъ безвозвратно прошедшая бѣда.

М. Грушевскій.

ЛИВЪ.

Разсказъ Сигбьерна Обстфельдера.

Существуютъ въ большихъ городахъ темные уголки, въ сторонѣ лежащія улицы со странными названіями,—названіями, которыя рождаютъ предчувствія въ сумеркахъ жизни, гдѣ происходитъ многое такое, чего не знаютъ книги.

Въ настоящее время я какъ разъ живу на одной изъ такихъ улицъ. Тамъ такъ тихо. Случается, что проѣдетъ повозка съ молокомъ или телѣжка съ углемъ, точильщикъ пройдетъ изъ дома въ домъ. Но вслѣдъ затѣмъ здѣсь вдвойнѣ тихо.

Никого изъ богатыхъ, людей изъ общества, я не встрѣчаю, никого изъ тѣхъ, чьи имена значатся въ газетахъ или въ правительственномъ календарѣ. И все же у тѣхъ, кого я встрѣчаю, такъ много благородства въ глазахъ. Кто знаетъ: быть можетъ, хранится у нихъ тамъ наверху въ большихъ темныхъ зданіяхъ какая-нибудь тайна: свѣтлая комнатка на чердакѣ, канарейка въ цвѣтахъ на окнѣ, наслѣдственный чайный сервизъ изъ стараго фарфора.

Когда я вечеромъ возвращаюсь домой и изъ широкихъ улицъ сворачиваю въ свою улочку, мысли мои погружаются въ новый, свой собственный міръ. Въ немъ ихъ ничто не смущаетъ.

Недалеко отъ моего жилища есть кафе-погребокъ, который я часто посѣщаю, когда стемнѣетъ. Тамъ тогда обыкновенно пусто. Я сижу тамъ такъ охотно. Я могу тамъ сидѣть такъ долго, такъ долго.

Право, не знаю, почему мнѣ это нравится. Мнѣ кажется, что въ большинствѣ случаевъ я даже не думаю; у меня только чувство покоя оттого, что все такъ тихо, что трудные проклятые вопросы и жестокія сомнѣнія,—все это отсутствуетъ, и я спокойно дышу, и люди движутся вокругъ меня такъ безшумно, живутъ и отдаются жизни безъ жалобъ, не требуя, чтобы именно я принималъ въ этомъ участіе.

Могутъ также возникнуть картины и воспоминанія, какъ будто что-то изъ далекаго гула лѣса, шума моря, солнечнаго дѣтства. Это не причиняетъ страданій. Это не разстраиваетъ и не терзаетъ безпрестанно души. Нѣтъ, это какъ картины волшебнаго фонаря нѣжно скользятъ передо мной здѣсь внизу, въ погребкѣ, пока я медленно пью свой кофе.

Возможно, что это похоже на то, что́ чувствуешь, когда сидишь лѣтомъ въ маленькой деревенской церкви. Двери открыты. Врывается запахъ сѣна. По полу къ алтарю струятся цвѣтные солнечные лучи. Сидишь, смотришь на эти лучи, и все остальное—какъ сонъ.

У меня есть нѣсколько знакомыхъ въ этомъ городѣ, но я рѣдко ихъ навѣщаю. И это изъ-за какого-то своеобразнаго страха. Я какъ будто боюсь, что у меня что-то отнимутъ. Я стою долго внизу подъ окнами, вижу, какъ вырисовываются тѣни головъ на гардинахъ, и не знаю, хватитъ ли у меня смѣлости подняться туда и вступить въ яркое освѣщеніе.

Что это—воображеніе? Я нахожу, что они смотрятъ на меня такъ странно. Или въ моей походкѣ, въ моемъ взглядѣ появилось—такъ нѣчто, нѣчто... да, нѣчто отъ моей отдаленной улицы, отъ моего погребка? У меня появилась потребность тихо ходить и тихо говорить. Мнѣ мучительно, когда кто-нибудь кричитъ или громко смѣется.

Не могу также я принимать участія въ разговорахъ. Мнѣ занятно—такъ, просто сидѣть и слушать, не такъ, чтобы уловить связь и смыслъ. Я больше не понимаю того, о чемъ они говорятъ. Я не могу понять, почему это ихъ такъ интересуетъ. По-моему это такъ мало имѣетъ связи съ тѣмъ, ради чего мы живемъ и умираемъ.

Для меня это только концертъ людскихъ голосовъ. Я вижу, какъ работаютъ ихъ головы, чтобы найти подходящее слово. Я слѣжу, какъ повышаются и понижаются ихъ голоса. Иногда они злятся.

Я сижу и слушаю; я вижу, какъ ихъ лица краснѣютъ, руки поднимаютъ стаканы; слышу—они клянутся, колотятъ по столу.

Я не понимаю, что́ со мной происходитъ. Я сижу вечеромъ и прислушиваюсь ко всевозможнымъ звукамъ, которыхъ еще нѣтъ. Я долженъ былъ уже раньше слышать эти шаги. Я уже мѣсяцъ

живу здѣсь, и, насколько мнѣ извѣстно, никто вновь не въѣхалъ, стало быть, я замѣтилъ шаги только въ послѣднее время; огибаютъ уголъ—въ послѣднее время я никогда больше не ошибаюсь въ этихъ шагахъ—мимо моего окна, во входную дверь, по лѣстницѣ наверхъ. Какъ легки шаги! Она должна быть молода.

Я страстно жду, хочу услышать шаги также сегодня вечеромъ и шорохъ платья.

Меня это бѣситъ, но я не могу помочь: когда я встрѣчаю молодую дѣвушку, я спрашиваю себя: она? И думаю, что знаю навѣрное, что до сихъ поръ ни одна изъ нихъ не была она. Не странно ли? Я могъ бы просто идти и какъ будто случайно встрѣтить ее съ сѣняхъ. Но меня словно кто-то удерживаетъ.

Когда она тамъ, на лѣстницѣ, я не могу помѣшать тому, что мое сердце начинаетъ сильно биться.

Я получилъ письмо отъ Альберта. Оно приводитъ мнѣ на память лѣтніе дни. Да, дни!..

Какія были зеленыя волны моря и обдавали дымомъ пѣны груды скалъ, такія прозрачныя, что мы видѣли сады на днѣ—подъ открытымъ небомъ среди зелени.—И ея голая рука съ лесою удочки. Я вижу передъ собою сѣрую тѣнь на зеркалѣ воды.

Онъ пишетъ, что она говорила обо мнѣ... Говорила обо мнѣ...

Все это стало для меня такимъ далекимъ. Ея красныя славныя щечки, смѣющіеся глаза, эта бурная жажда жизни, желаніе броситься въ нее, что бы ни было—радость или горе. Бѣлыя ночи тамъ, дома—все это сдѣлалось мнѣ такъ странно чуждо, какъ тихое воспоминаніе дѣтства.

Марта, Марта... Нѣтъ, я не хочу туда, назадъ. Я еще много лѣтъ не хочу домой.

Глубокій покой здѣсь, онъ все же благороднѣе и даетъ мнѣ больше. Много глазъ въ немъ, ясныхъ и омраченныхъ, они видѣли и знаютъ. Они смотрятъ на меня по ночамъ, и я чувствую, что принадлежу имъ.

Нѣтъ, Марта, ты должна смѣяться на солнцѣ подъ открытымъ небомъ,—я... я въ школѣ...

Какъ она пѣла тамъ, наверху, какъ ея голосъ былъ чистъ! Природа пѣла вмѣстѣ съ ней, когда она пѣла.

Поздно вечеромъ,—да, очень поздно, иногда въ часъ,—а слышу быстрые шаги босыхъ ножекъ по полу надо мной. Оня ложится въ постель. Потомъ она гаситъ свѣчу или лампу, думаю я, ложится спать. Тогда я тоже ложусь. Потому что, когда она легла, я чувствую себя одинокимъ и больше не могу работать. Мы встаемъ утромъ въ одно время. И, можетъ быть, у насъ въ одно и то же время однѣ и тѣ же мысли.

Будетъ она смѣяться надо мной, если бы я поднялся къ ней и сказалъ, что я тоже одинокъ, что у меня, хотя я и мужчина и ей чужой, тѣ же радости и горе, та же тоска, что̀ и у нея?

Но кто мнѣ сказалъ, что она такъ одинока? Ея цѣлый день нѣтъ дома. Вѣроятно, она встрѣчаетъ его, другого. И если даже она одинока, кто сказалъ, что она блѣдна, что у нея задумчивые глаза и тонкія руки?...

Уже одиннадцать. Вѣрно, она на какомъ-нибудь вечерѣ. Я не на вечерѣ. Почему же именно она, а не я?

Затѣмъ, конечно, онъ проводитъ ее домой, можетъ быть, возлюбленный, веселый студентъ...

Шаги. Она. Она одна. Чего же я-то радуюсь?

Можетъ быть, ей стало грустно сегодня вечеромъ, вышла на воздухъ и вѣтеръ, шла и плакала, и думала о прошедшихъ дняхъ. Она сразу ложится. Я не могу разслышать ясно, но что-то происходитъ иначе, чѣмъ прежде.

Бѣдняжка! Теперь я понимаю:

Она опустилась на колѣни, прячетъ голову въ подушки и спрашиваетъ себя снова и снова:

— Зачѣмъ я живу?

Я былъ сегодня у разбитаго параличомъ художника. Старый домъ съ покосившейся, полуразвалившейся лѣстницей. Двѣ комнаты на чердакѣ подъ косою крышей. Какъ онъ смутился, когда я пришелъ! Стоялъ, лепеталъ, заикался и краснѣлъ, заикался и краснѣлъ.

Его мать, маленькая морщинистая старушка, суетилась и прибирала. Она была такъ невинна, она смѣялась всему и такъ мило цѣловала сына въ печальные глаза.

На столѣ стояли портреты русскихъ и нѣмецкихъ писателей. Вокругъ на стѣнахъ висѣли картины съ темнымъ небомъ, пустынное ночное, черное море, фантастическіе, безнадежно-грустные виды.

Мнѣ становится такъ тяжело, когда его глаза испуганно останавливаются на мнѣ. Не могу же я дать отвѣта на его вопросы, на его больную надежду.

Быть вынужденнымъ сидѣть тамъ долгіе сѣрые дни, глядѣть изъ окна и погружаться въ созерцаніе этихъ потемнѣвшихъ картинъ, которыя не принадлежатъ жизни текущаго дня, работающей жизни!...

Сидѣть тамъ день за днемъ и спрашивать себя: зачѣмъ я живу?...

Что это можетъ быть? Ея шаги больше не легки и не быстры. И я такъ безпокоюсь, не могу работать.

Стало такъ пусто. Нѣтъ больше знакомыхъ шаговъ, нѣтъ шороха платья. Стало такъ, будто всѣ люди ушли, и дома стоятъ пусто. Иногда, мнѣ кажется, я слышу стоны и подавленные крики. Я слишкомъ долго сидѣлъ одинъ, самъ съ собой. Сдѣлался нервнымъ.

У нея большіе задумчивые глаза, и блѣдное лицо, и тонкія худыя руки.

Ее зовутъ Ливъ. Это значитъ «жизнь». Необыкновенное, исключительное имя. И совсѣмъ по-норвежски. Я еще вижу ея глаза, когда она назвала себя. Было такъ, будто она видитъ далеко передъ собой какую-то землю, и ея имя—ключъ отъ этой земли.

Пять дней лежала она наверху больная, и никто ей не помогалъ, не ухаживалъ. Она чужая здѣсь, сирота, и у нея никого нѣтъ знакомыхъ. Какъ, должно быть, были ея ночи долги и полны страха!

Дома думаютъ, что я на вѣрной дорогѣ стать чудакомъ. Я замѣчаю это по письмамъ. Они жалѣютъ, что я затерялся въ нездоровыхъ, безплодныхъ мечтаніяхъ и становлюсь непригоднымъ къ серьезной, здоровой жизни.

Хорошо. Быть по сему. Вовсе не рѣшено, что я годенъ къ тому, что́ люди называютъ великимъ.

Мнѣ нравится моя уединенная жизнь. И есть человѣкъ, для котораго я кое-что значу. Я сижу днемъ у Ливъ. Ей нравится

держать мою руку въ своихъ рукахъ; ея глаза покоятся на мнѣ, когда я говорю.

Пусть другіе веселятся. Пусть они поютъ народныя пѣсни.

Вокругъ меня струится что-то чистое, цѣломудренное. Мысли Ливъ. Онѣ сплетаются вокругъ меня въ бѣлыя ткани.

Должна она умереть? Какъ разъ теперь, когда зацвѣтаютъ цвѣты, когда готовъ расцвѣсть цвѣтокъ ея собственной жизни?

Если я уходилъ, у нея всегда такъ много вопросовъ: выпущены ли уже лебеди, цвѣтутъ ли фіалки, ясно или облачно небо, слышалъ ли я скворца?

И обо всемъ прекрасномъ, что̀ я знаю, хочетъ она слышать. Тогда я сажусь въ сумерки и разсказываю ей о бѣлыхъ ночахъ сѣвера, о серебряномъ сіяніи вокругъ горъ, когда онѣ ждутъ перваго поцѣлуя солнца.

И она разсказываетъ мнѣ, что ее радовало, когда она еще могла ходить на работу: идти и смотрѣть на облака, какъ они мѣняютъ очертанія и окрашиваются измѣнчивыми цвѣтами, и груды осеннихъ листьевъ, какъ онѣ съ каждымъ днемъ растутъ, а верхушки деревьевъ обнажаются все больше, ихъ вѣтви становятся все тоньше, а воздухъ вокругъ все бѣлѣе. Лѣтомъ она часто дѣлала обходъ черезъ паркъ: немного подышать ароматомъ цвѣтковъ, постоять у озера и полюбоваться на лебедей, скользящихъ съ гордой граціей по водѣ.

Я чувствую, какъ она становится все возвышеннѣе и возвышеннѣе, и ея душа ширится въ могущественной чистотѣ. Часто бываетъ на ней что-то, что̀ дѣлаетъ меня робкимъ и жалко-ничтожнымъ. Моя грудь сжимается. Мнѣ сдается, что и я недолго еще могу пробыть здѣсь—въ этомъ шумномъ мірѣ, въ этомъ вихрѣ желѣзныхъ дорогъ, риксдага и театра. Я склоняюсь и молитвенно-смиренно беру ея руки. Она позволяетъ мнѣ взять ихъ и смотрѣть въ даль.

Ливъ изъ Исландіи. Она стройная, бѣлая, ея рука, какъ тѣнь, скользитъ по одѣялу, въ ея глазахъ сіяніе, нѣжнѣе котораго не бываетъ,—и вдругъ у нея такіе тяжелые грубые «р», которые такъ странно и тяжело выдѣляются въ ея нѣжной рѣчи.

Тамъ далеко, на сѣверѣ, гдѣ подвижно сіяетъ маленькая бѣлая звѣзда, ее ждутъ, говоритъ она, души ея матери и отца среди сѣверныхъ сіяній, какихъ мы здѣсь не можемъ видѣть.

Она лежала и смотрѣла на меня съ улыбкой, какую часто приходится видѣть у больныхъ. Потомъ она вдругъ задрожала всѣмъ тѣломъ, щеки поблѣднѣли, и на лбу подъ гладкими черными волосами выступили жилы, руки и голова поникли, и вѣки закрылись. Потрясаемая долгими болѣзненными судорогами, она упала на мои руки. Тогда—показалась кровь.

Послѣ этого она успокоилась. Она лежала неподвижно, прислонясь ко мнѣ. Потомъ заговорила, сначала шепотомъ, задыхаясь, потомъ громче. Она больше не могла удержать въ себѣ то, въ чемъ прежде гордость не позволяла ей признаться кому-нибудь. Изъ ея трепещущей груди вырывались пламенныя слова,—все, къ чему она стремилась: друзья, подруги, любовь, ликованіе жизни,—какъ ея тѣло жаждало первой капли дождя—поцѣлуя, какъ она въ темные вечера останавливалась подъ окнами, гдѣ были любовь и музыка, и ей страстно хотѣлось быть тамъ, быть обнятой, любить и быть любимой.

Осторожно привлекъ я болѣзненно-нѣжное тѣло къ себѣ.

Я люблю ея душу, страдающую, тоскующую. Она теперь сіяетъ въ ея глазахъ и въ движеніяхъ ея рукъ и дѣлаетъ ея слова нѣжнѣе.

Я люблю эти похудѣвшія руки и чахоточныя пятна щекъ, на которыхъ яснѣе сіяетъ ея душа, когда онѣ блѣднѣютъ.

Можетъ быть, лучше, что она не знала жизни. Можетъ быть, лучше, что она умираетъ, не узнавъ, что радость людей не свѣжа, что ликованіе за сіяющими окнами сомнительно и полно стыда и позора.

Въ томъ, что вокругъ насъ цвѣтетъ и дышитъ, сокрыто больше, чѣмъ видятъ наши глаза и слышатъ наши уши. Какъ существуютъ звуки, которыхъ мы не можемъ уловить, существуютъ свѣта и цвѣта, которыхъ мы не видимъ и въ которыхъ мы не увѣрены.

Для тонкой души цвѣта, которые намъ кажутся нѣжными, будутъ грубы. Звуки, которые намъ пріятны,—дики и рѣзки.

Когда я сегодня шелъ берегомъ озера, у меня было чувство, будто міръ сталъ новымъ. Въ туманѣ были голоса. Она говорила не моимъ языкомъ, не былъ это также языкъ птицъ или вѣтра. Краски тоже имѣли голоса и слова. Они были могущественнѣе и богаче, и ихъ было больше, чѣмъ обыкновенно бываетъ. Зелень дерева имѣла тысячи голосовъ.

И какъ она поетъ, и я слушаю, какъ растетъ пѣсня, льется потокомъ надъ травой и цвѣтами, черезъ озеро и буковую рощу,—пѣсня въ одномъ словѣ, которое заставляетъ звучать всѣ нити въ тканяхъ моего тѣла и цѣлуетъ меня, какъ вѣтеръ, какъ запахъ цвѣтовъ: Ливъ!

И всѣ эти невидимо льющіеся голоса сливаются съ моимъ голосомъ въ одинъ могущественный міровой голосъ: Ливъ!

Я ложусь теперь ночью наверху, въ ея комнатѣ, чтобы быть ближе къ ней. Я принесъ сюда мою постель и ложусь на полу.

Я сплю немного. Такъ странно, когда я просыпаюсь и смотрю въ окно,—небо приближается ко мнѣ. И я вижу его иначе, чѣмъ прежде. Въ немъ какъ будто есть что-то, что̀ я теперь знаю.

Иногда изъ темныхъ сновъ, изъ пугающихъ темныхъ предчувствій меня пробуждаетъ голосъ:—Ты спишь?

Иногда она шепчетъ: «Отче нашъ, иже еси»... Тогда я готовъ бѣжать. Въ одно и то же время это меня и удерживаетъ, и гонитъ, и угнетаетъ.

Я не спалъ. Я думалъ, что она спитъ. Но вотъ она сказала чуть слышно:

— Повѣрилъ бы ты въ Бога, если бы могъ?

Что я долженъ былъ отвѣтить?

— Знаешь ты, почему я вѣрю?

Я слышалъ, какъ она сѣла на постель и тяжело дышала.

— Да, милый. Я вѣрю, что Богъ есть, потому что... потому что... было бы такъ горько, если бы Его не было, было бы такъ горько мнѣ, которой жилось такъ худо, и многимъ другимъ, которымъ жилось еще много хуже... если вотъ—мы вѣрили, если я вотъ думаю: я вижу Его, вижу, какъ Онъ съ каждымъ днемъ, съ каждой ночью ближе ко мнѣ... о, было бы безпредѣльно горько, если бы все это было только представле-

ніе и ложь. Я не могу повѣрить, что все такъ ужасающе безсмысленно. Я должна узнать правду, должно быть нѣчто большее, чѣмъ эта темная жизнь, и кто-нибудь долженъ все это навѣрное знать. Я всегда надѣялась, что когда-нибудь буду больше видѣть и больше знать, что я не всегда останусь такой глупой и невѣжественной, какъ теперь. Вѣдь я ничего не видѣла и ничего не знаю... и когда я такъ увѣренно, такъ навѣрное ждала, это только—представленіе?.. былъ бы—я почувствовалъ, какъ она подняла руки—такой ужасъ, такое издѣвательство... если бы эта маленькая жизнь заботъ и лишеній была—все.

Я почувствовалъ—видѣть я не могъ, было слишкомъ темно,—что она въ изнеможеніи упала на подушки.

Я всталъ и подошелъ къ ней. Она лежала съ такими глазами, которые... сдѣлали меня чужимъ среди живущихъ.

— Какъ ты думаешь—растаялъ уже снѣгъ у тебя дома, въ твоихъ горахъ?

Если снѣгъ въ твоей странѣ уже растаялъ, то, вѣрно, скоро онъ растаетъ и въ Исландіи.

— Ты мечтаешь, Ливъ? О чемъ ты мечтаешь?

— Мнѣ грезится, что Исландія каждую ночь уменьшается на одинъ дюймъ. И все таетъ и таетъ ледъ на сѣверномъ берегу. И черезъ какихъ-нибудь двѣ тысячи лѣтъ берега будутъ такъ теплы, какъ будто они погружены въ Южное море. Вмѣсто оленьяго мха всюду, всюду цвѣтутъ красные и синіе колокольчики на высокихъ гордыхъ стебляхъ, всюду поютъ птицы и жужжатъ насѣкомыя, сверкающія серебромъ и золотомъ. Нѣтъ больше камней и ледяныхъ глыбъ,—густые зеленые лѣса окружаютъ дома и защищаютъ ихъ отъ вѣтра и холода.

И я тамъ, и ты. Но я больше не больна и не кашляю кровью, и мнѣ не надо работать изъ-за куска хлѣба. Нѣтъ, я высока и сильна, и мнѣ уже больше не стыдно, что ты меня лѣчишь. И ты сидишь рядомъ со мной и разсказываешь обо всемъ, что́ ты думала и видѣла, и никто не мѣшаетъ намъ, только водопадъ баюкаетъ, и въ небѣ играютъ сѣверныя сіянія.

Это было сегодня ночью около двухъ часовъ. Я услышалъ—она пошевелилась. Я не могъ говорить: смутный страхъ охватилъ меня.

Она сошла съ постели. Медленно, шагъ за шагомъ она по-

дошла къ окну. Она облокотилась обоими локтями на подоконникъ и смотрѣла.

Потомъ она подошла сюда, гдѣ я лежалъ. Она легла рядомъ со мной. Ея волосы касались моего лица. Мои глаза были судорожно закрыты.

Долго лежала она такъ. Я не могъ больше выдержать. Я прошепталъ: Ливъ. Она не отвѣчала. Я обнялъ ее и взглянулъ въ ея глаза. Въ полутьмѣ я увидѣлъ, что она мертва.

Я лежалъ, обнявъ ея шею рукой. Земля продолжала свой путь. Люди спали.

Я опять одинокъ. Болѣе одинокъ, чѣмъ прежде.

Я скитаюсь, какъ лунатикъ. Мимо меня проходятъ люди, но они, какъ тѣни изъ другого міра.

Собственно говоря, мнѣ надо уѣхать. Но меня что-то удерживаетъ: эти улицы, эти дома, эти фонари,—я все только хожу взадъ и впередъ среди нихъ, вмѣсто того, чтобы уѣхать. Я смотрю на все это такъ, будто у всего этого человѣческое лицо. Идетъ кто-нибудь темный?

Я люблю мосты,—тамъ, до предмѣстья. Я прихожу туда безсознательно, безсознательно останавливаюсь и стою такъ цѣлыми часами. Иногда, бываетъ, я сознаю, что это я лодку разсматривалъ тамъ внизу или дерево, склоненное надъ водой. Порою я вдругъ прихожу къ сознанію, что это небо надо мной: луна показывается изъ-за облаковъ, или порывъ вѣтра коснется моихъ волосъ. И вотъ опять кто-то такъ странно смотритъ мнѣ въ глаза: случайный прохожій.

Я будто дома въ рабочихъ кварталахъ. Эти склоненныя лица съ глубоко впавшими глазами и выдавшимися скулами, — они живутъ и умираютъ подобно плѣсени подъ камнями,—съ ними я сроднился.

Широкія главныя улицы дѣлаютъ меня больнымъ. Эти высокія груди, эти поднятыя головы, платья, обтягивающія гибкія аппетитныя бедра, улыбки,—все это каждому кричитъ: Цѣлуй меня, живи, наслаждайся!.. Дамы, подсаживаемыя похотливыми руками кавалеровъ въ темные блестящіе экипажи, звуки поцѣлуевъ за портьерами,—брудершафты со сквернымъ виномъ, жирныя рукопожатія хвостомъ виляющихъ друзей... о, это становится такъ удушливо! Тихое окаменѣвшее рыданіе перехватываетъ мнѣ горло: человѣческія радости — проститутки, весь воздухъ вокругъ отравляющія смрадомъ своихъ дешевыхъ духовъ.

Да, мнѣ надо ѣхать — далеко, далеко отсюда, въ такое мѣсто, гдѣ только дыханіе земли и моря поднимается къ небу.

Да, мнѣ надо ѣхать. Я долженъ бѣжать какъ можно дальше отъ омнибусовъ, асфальтовыхъ мостовыхъ и театровъ. Потому что мнѣ надо кое-что выяснить. Въ одну изъ ночей у великаго моря не придетъ ли слово рѣшенія загадки и шепотомъ войдетъ въ мою душу, сначала слабо и неувѣренно, какъ безшумный взмахъ крыльевъ, потомъ сильнѣе, чѣмъ тише и тише будетъ становиться вокругъ?

Когда всѣ тяжелые грубые звуки умолкнутъ, когда меня забудутъ, и я самъ забуду, не придетъ ли тогда оно — и все станетъ ясно—и моя душа проснется.

Перев. съ норвежскаго Л. Андрусонъ.

ВОЙНА и АНГЛІЙСКІЯ КОЛОНІИ.

I.

Въ эту «войну на фабричную ногу»—какъ охарактеризовалъ теперешній конфликтъ одинъ англійскій публицистъ—мотивы и задачи столкновенія отличаются не меньшей сложностью и разнообразіемъ, чѣмъ оправдывающіе такой эпитетъ размѣры военныхъ операцій.

Не приходится и говорить, что для каждой изъ націй, принимающихъ въ ней участіе, смыслъ ея окрашивается субъективно, подъ вліяніемъ конкретныхъ историческихъ причинъ, толкнувшихъ данную націю на путь вооруженнаго выступленія. Даже въ этихъ, такъ сказать, національно-субъективныхъ рамкахъ попытки безпристрастной оцѣнки войны не выливаются въ форму, которая свидѣтельствовала бы, если не объ единствѣ мысли, то объ единствѣ сущности конфликта. Англійскіе, напр., лозунги военнаго времени, сжато формулирующіе такую оцѣнку, отличаются большимъ разнообразіемъ [1]). Нынѣшній конфликтъ представляетъ собой, согласно этимъ лозунгамъ, и «войну противъ войны», и борьбу двухъ цивилизацій, и разрѣшеніе силой оружія вопроса о дальнѣйшихъ судьбахъ международнаго права, и, наконецъ, утвержденіе принципа суверенности небольшихъ націй—въ прямой зависимости отъ комплекса скрещивающихся и сплетающихся причинъ, побуждающихъ Англію принять въ немъ участіе, и отъ угла зрѣнія, подъ которымъ это участіе здѣсь разсматривается.

---

[1]) Примѣръ этому—серія „оксфордскихъ памфлетовъ“, выходящихъ въ Англіи за время войны въ изданіи печати оксфордскаго университета и при участіи выдающихся дѣятелей науки. Объединенные извѣстнымъ единствомъ отношенія къ войнѣ, эти памфлеты (ихъ вышло уже болѣе полусотни) даютъ смыслу ея, тѣмъ не менѣе, самыя, на первый взглядъ, не связанныя другъ съ другомъ оцѣнки.

Такой многосторонній характеръ войны позволяетъ поставить въ правильную перспективу то обстоятельство, что въ англійской общественно-политической жизни она сказалась постановкой, помимо общихъ и другимъ участникамъ конфликта вопросовъ, еще специфически англійскаго—о колоніальной политикѣ Англіи.

Интересъ къ этому вопросу, отражающійся на страницахъ періодической и неперіодической печати и даже придающій самой войнѣ, въ англійскомъ освѣщеніи, характеръ войны въ извѣстной степени колоніальной, нисколько не ослабляетъ силы той оцѣнки или, вѣрнѣе, тѣхъ оцѣнокъ, съ которыми читатель встрѣчается и въ англійской и въ континентальной литературѣ военнаго времени. Англія, конечно, приняла участіе въ европейскомъ конфликтѣ по мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ ея колоніальной политикой. Несмотря на занятіе ея войсками германскихъ колоній въ Африкѣ и Австралазіи или превращеніе турецкаго вассала Египта въ формальный протекторатъ Англіи, оккупировавшей его еще съ 1882 г., нельзя сказать, чтобы колоніальное расширеніе стояло, съ англійской точки зрѣнія, теперь на первомъ планѣ въ такой мѣрѣ, въ какой оно доминировало въ войны XVIII в., когда англійская «европейская и колоніальная политика представляла собой лишь различныя стороны одного и того же процесса великаго національнаго развитія» [1]). Эти эпизоды блѣднѣютъ и даже совершенно стушевываются передъ иными задачами войны, какъ онѣ рисуются здѣсь общественному мнѣнію. «Большинство въ этой странѣ—справедливо отмѣчаетъ одинъ изъ авторовъ «оксфордскихъ памфлетовъ»—предпочло бы, вѣроятно, чтобы послѣ тріумфа союзниковъ Великобританія подтвердила своимъ поведеніемъ (именно, возвращеніемъ Германіи отобранныхъ у нея колоній. А. У.), что она борется за священные принципы, а не ради собственнаго усиленія... Тотъ, кто знаетъ что-либо о Британской имперіи сегодняшняго дня, знаетъ, что умъ и энергію государственныхъ дѣятелей и администраторовъ занимаетъ вопросъ не о расширеніи, а о развитіи ея» [2]). Если, такимъ образомъ, возможнымъ послѣдствіемъ войны будетъ нѣкоторое увеличеніе площади колоніальныхъ владѣній, то не эта перспектива ставитъ въ Англіи вопросъ о колоніальной политикѣ ея.

Для Англіи самый фактъ ея участія въ нынѣшней войнѣ неизбѣжно ставитъ этотъ вопросъ, независимо отъ того, наблюдаются

[1]) „The Expansion of England“ by Sir J. R. Seely, Лондонъ, 1899, стр. 42.

[2]) Oxford Pamphlet № 21 („The Dominions and the War“ by prof. H. E. Egerton), четв. изд. Лондонъ, 1915, стр. 21—22.

или не наблюдаются съ ея стороны какія либо захватныя тенденціи. Конфликтъ съ Германіей создаетъ прямую угрозу колоніальной имперіи со стороны колоніальныхъ замысловъ государства, опредѣленно добивающагося «мѣста подъ солнцемъ» и стремящагося къ тропическимъ и субтропическимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ съ 1884 г. Враждебныя дѣйствія между Англіей и Германіей обусловливаютъ поэтому то, что удары по метрополіи необходимо отдаются по всему имперскому организму Британіи, что, другими словами, война представляетъ собой періодъ кризиса въ жизни не только Англіи, но и всей колоніальной имперіи ея.

И точно такъ же, какъ въ общественномъ быту самой Англіи кризисъ этотъ вызвалъ постановку въ совершенно новомъ видѣ ряда соціальныхъ проблемъ, вопросы внутренняго строительства имперіи, вопросы англійской колоніальной политики, столь же естественно всплываютъ въ такой критической моментъ имперской жизни на поверхность и становятся въ центрѣ общественнаго вниманія. Психологическая атмосфера момента благопріятствуетъ тому searching of the heart, той провѣркѣ самихъ себя, которая подводитъ обычно итоги прошлаго и намѣчаетъ для будущаго и настоящаго линію поведенія въ соотвѣтствіи съ этими итогами. Къ тому же, этотъ кризисъ имперской жизни засталъ Британскую имперію въ періодъ извѣстнаго внутренняго неустройства, сказавшагося возбужденіемъ вопросовъ перестройки государственной структуры ея.

Съ одной стороны, въ Англіи, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ причинъ, съ которыми мы познакомимся въ дальнѣйшемъ, сложилось за послѣдніе годы прочное убѣжденіе, что «со временъ Кобдена произошла извѣстная перемѣна въ отношеніяхъ между самоуправляющимися колоніями и метрополіей», «требующая болѣе конкретнаго и живого выраженія» для чувства имперскаго единства [1]). Съ такого рода убѣжденіемъ постоянно приходилось встрѣчаться въ работахъ, напр., такъ называемыхъ «имперскихъ конференцій», т.-е. совѣщаній колоніальныхъ премьеровъ съ членами собственно-англійскаго кабинета (созываемаго, время отъ времени, съ 1887 г. и каждыя пять лѣтъ—съ 1897 г.), независимо даже отъ того, какому политическому лагерю принадлежала въ метрополіи власть во время этихъ работъ. Покойный Джозефъ Чемберлэнъ предлагалъ на конференціяхъ, отъ имени консервативно-уніонистскихъ кабинетовъ, создать имперскій совѣтъ изъ представителей метрополіи и самоуправляющихся колоній для центральнаго руководства имперской жизнью; онъ же впослѣдствіи вернулся, благодаря неудачѣ

---

[1]) „Liberalism“ by L. Hobhouse, Лондонъ, 1911, стр. 240.

этихъ предложеній, къ идеѣ своего предшественника по министерству колоній, Стэнгопа, предлагавшаго обезпечить, болѣе тѣсный союзъ отдѣльныхъ частей имперіи путемъ таможеннаго соглашенія». Либеральный кабинетъ Асквита, отвергающій идею такого союза, не былъ чуждъ мысли о реформированіи государственной структуры Британской имперіи въ ея «бѣлой», самоуправляющейся части. Имъ былъ созданъ «комитетъ имперской защиты» (Imperial Defence Committee), единственный административный органъ имперіи, въ которомъ удѣлено мѣсто колоніальному представительству. На конференціи 1911 г. министръ колоній Гаркортъ внесъ на разсмотрѣніе колоніальныхъ премьеровъ проектъ «постояннаго совѣщательнаго комитета имперскихъ конференцій», въ качествѣ перваго шага къ учрежденію отсутствующаго въ настоящее время общеимперскаго органа законодательства и управленія.

Съ другой стороны, не недоставало иллюстрацій и того, что вопросы реорганизаціи управленія и «цвѣтной» частью Имперіи все настойчивѣе и настойчивѣе требовали своего разрѣшенія въ періодъ, непосредственно предшествовавшій войнѣ. Этого рода вопросы ставились въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ проблемы перестройки взаимоотношеній «доминіоновъ» и метрополіи. Поскольку рѣчь шла о «доминіонахъ», т.-е. «бѣлыхъ» самоуправляющихся колоніяхъ, то идея реформированія ихъ отношеній къ Англіи была продуктомъ почти исключительно собственно-англійскаго теченія политической мысли, а со стороны колоніальныхъ премьеровъ, опасавшихся за полноту самоуправленія въ своихъ колоніяхъ, она встрѣчала болѣе чѣмъ холодное отношеніе. Даже мысль сдѣлать представительство въ «комитетѣ имперской защиты» политическимъ, путемъ замѣны въ составѣ его членовъ колоніальныхъ «верховныхъ комиссаровъ» отвѣтственными членами колоніальныхъ кабинетовъ — мысль, вызвавшая переписку метрополіи съ «доминіонами» въ самый канунъ войны—была отвергнута послѣдними, какъ «непрактичная» [1]). По отношенію же къ реформѣ связи метрополіи съ «цвѣтными» колоніями, управляемыми болѣе или менѣе автократически генералъ-губернаторами по назначенію англійскаго кабинета, положеніе вещей было прямо противоположнымъ. Мысль о реформѣ зародилась въ данномъ случаѣ по преимуществу въ самихъ колоніяхъ, гдѣ,—какъ это особенно справедливо объ Индіи,—недовольство подчиненнымъ положеніемъ нерѣдко выливалось въ рѣзкія формы, а въ метрополіи она, если вообще и находила отзвукъ, то чаще всего

---

[1]) См. „Representation of Self-Governing Dominions on the Committee of Imperial Defence, ed. 7347, 1914, passim.

лишь крайне слабый и неполный. Но, тѣмъ не менѣе, вопросы реорганизаціи и «цвѣтной» части Британіи стояли до войны настолько рѣзко, что въ Англіи постановка ихъ порой порождала убѣжденіе въ «индійской» и иныхъ «опасностяхъ»—въ Indian Peril, какъ характерно «Times» и озаглавилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ серію статей о положеніи вещей въ Индіи.

Такимъ образомъ, война и порожденная ею провѣрка основъ англійской колоніальной политики застали Британскую имперію въ періодѣ извѣстнаго неустройства, застали ее стоящей лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ перестройки имперскаго государственнаго организма. Въ такихъ условіяхъ эта провѣрка не могла не привести къ возрожденію соотвѣтствующихъ вопросовъ, не могла не поставить ихъ въ новомъ освѣщеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ либо свести ихъ на нѣтъ, либо значительно приблизить къ разрѣшенію. Именно это значеніе она и пріобрѣла.

Прежде—до войны—конкретныя предложенія реформъ, выдвинутыя съ цѣлью устраненія наблюдавшагося и ощущавшагося неустройства Британской имперіи, не только не достигали своей цѣли, а, напротивъ, лишь выясняли извѣстный антагонизмъ интересовъ метрополіи и колоній. Соотвѣтственно и постановка проблемъ реорганизаціи взаимоотношеній колоній и метрополіи производилась въ крайне осторожной формѣ ballons d'essai. Попытки перестройки своихъ отношеній съ «доминіонами» англійскій кабинетъ предпочиталъ дѣлать въ видѣ академическаго обсужденія самой идеи на засѣданіяхъ «имперской конференціи», избѣгая шаговъ, которые могли бы быть истолкованы, какъ продуктъ желанія метрополіи усилить свое вліяніе на внутреннюю жизнь самоуправляющихся колоній. Аналогично англійское правительство предпочитало не удовлетворять прямо требованіе самоуправленія, предъявлявшееся «цвѣтными» колоніями, а идти навстрѣчу ему рядомъ мелкихъ уступокъ, нащупывая осторожно почву для каждаго шага впередъ и колеблясь передъ перспективой потери «верховной власти». Словомъ, тезисъ, высказывавшійся нѣкоторыми и сводившійся къ тому, что лучшій способъ управлять имперіей это—let the Empire run itself (предоставить имперіи самой жить своей жизнью) превращался на практикѣ въ существо «имперскаго строительства» Англіи.

Война создала совершенно иное положеніе вещей. Въ освѣщеніи, которое она придала имъ, «симптомы несогласія и недовольства оказались фактически нормальнымъ проявленіемъ системы, сдѣлавшей нашу имперію успѣшной—свободы слова и печати, привычки къ рѣзкой, даже преувеличенной, критикѣ государственной политики, горячей партійной борьбы, доходящей иногда до предѣ-

ловъ, за которыми начинается бунтъ [1])». Въ силу этой оцѣнки реальной сущности взаимоотношеній колоній и метрополіи, почва для соглашенія по спорнымъ вопросамъ «имперскаго строительства» оказалась подготовленной теперь лучше, чѣмъ до войны. Собственно такую роль войны въ жизни самоуправляющейся части имперіи сравнительно давно уже предвидѣли проницательные наблюдатели имперской эволюціи. «Болѣе тѣсный союзъ имперіи для организаціи имперской защиты, писалъ еще въ 1899 г. сэръ Чарльзъ Дилькъ, уже близокъ, и война быстро приведетъ его къ оформленію [2])». То, что обусловило лойяльность Канады, Австраліи, Новой Зеландіи и др. самоуправляющихся колоній—именно, сознаніе ими цѣнности ихъ связи съ Англіей—обусловливаетъ въ равной мѣрѣ и возможность столковаться относительно наиболѣе для всѣхъ пріемлемой формы этой связи. Вотъ почему въ Англіи, въ настоящее время, распространенъ взглядъ на текущій моментъ, какъ на моментъ, изъ котораго «бѣлая» часть «Британской имперіи выйдетъ иною, чѣмъ она была до войны» («Times» №-ръ 26 февраля 1915). Точно такое же значеніе война пріобрѣла, въ англійской оцѣнкѣ, и по отношенію къ «цвѣтнымъ» колоніямъ. «Почему Индія такъ много дѣлаетъ, чтобы помочь Британской имперіи въ годину нужды? спрашиваетъ, напр., одинъ изъ авторовъ «оксфордскихъ памфлетовъ», разсказывая о лойяльности всѣхъ политическихъ теченій Индіи въ нынѣшнюю войну. Изъ особой привязанности къ англійской націи? Врядъ ли. Нельзя ожидать привязанности, хотя можно надѣяться на взаимное уваженіе, между правящими и управляемыми, когда они принадлежатъ къ совершенно различнымъ расамъ и религіямъ. Индія лойяльна потому, что она сознаетъ теперь, какъ тѣсно связаны ея интересы съ Британской имперіей. Если бы имперіи было суждено погибнуть, Индія стала бы жертвой какой-либо иной націи, чье правленіе рѣзко отличалось бы отъ нашего» [3]). Такого взгляда на позицію Индіи въ войнѣ придерживается и сэръ Генри Коттонъ, въ свое время потерявшій постъ губернатора одной изъ индійскихъ провинцій «за чрезмѣрную близость» къ національному туземному движенію, прибавляя, что «надежда на будущее скорѣй, чѣмъ удовлетвореніе настоящимъ, составляетъ секретъ лойяльности со стороны Индіи [4])

---

[1]) „The South African Episode", Nation, № 106, отъ 17 октября 1914, стр. 53.

[2]) „The British Empire", by Charles Dilke, Лондонъ, 1899 г. стр., 11.

[3]) Oxford Pamphlet № 22 („India and the war, by Sir E. J. Trevelyan), четв. изд., Лондонъ, 1915, стр. 10

[4]) Sir Henry Cotton, „India: Now and after. Contemporary Review, февраль 1915, стр. 199.

Иначе говоря, уже нѣтъ основаній разсматривать проявленія недовольства формами правленія какъ «сепаратизмъ» и угрозу «верховной власти»,—разъ населеніе Индіи сознаетъ полезность и неразрывность своей связи съ Англіей; проявленія недовольства въ такихъ условіяхъ являются признаками его политической зрѣлости. Такимъ образомъ, теперь совершенно иначе ставится вопросъ о реформѣ управленія имъ: «Индія теперь закрѣпляетъ свое право быть разсматриваемой въ качествѣ равноправной части имперіи и нести свою долю отвѣтственности за управленіе этой имперіей» [1]).

И такъ, война—хотя она пока и не вызвала еще оффиціальную выработку конкретныхъ проектовъ имперской перестройки,—несомнѣнно, подготовила благодарную почву для этого, уничтоживъ наблюдавшееся ранѣе недовѣрчивое отношеніе другъ къ другу метрополіи и колоній. Но не война породила эти вопросы; они существовали и до нея, являясь плодомъ основныхъ чертъ государственнаго быта Британской имперіи. Не война, такимъ образомъ, придаетъ имъ и ихъ сущность и форму. Чтобы понять эту сущность, чтобы ясно представить себѣ историческое значеніе разрѣшенія данныхъ задачъ «имперскаго строительства», необходимо, поэтому, разсматривать эти задачи въ освѣщеніи, которое имъ дается характеромъ эволюціи имперскаго быта Британіи.

II.

Британская имперія представляетъ собой пестрый, въ политическомъ отношеніи, конгломератъ, въ которомъ наблюдается полная постепенность всѣхъ формъ управленія—отъ «военнаго деспотизма» на островахъ и угольныхъ станціяхъ, важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, до абсолютной почти независимости, являющейся долей «бѣлыхъ» самоуправляющихся колоній. Естественно, вопросы перестройки государственнаго организма, отличающагося подобной сложностью внутренней структуры, необходимо выливаются въ разнообразныя формы и пріобрѣтаютъ иную сущность, какъ только они ставятся по отношенію къ частямъ имперіи, отличающимся другъ отъ друга своимъ политическимъ характеромъ. Когда рѣчь заходитъ о «доминіонахъ» и урегулированіи ихъ сношеній съ метрополіей, въ опредѣленіи характера и объема такого урегулированія играютъ роль иные мотивы и соображенія, чѣмъ когда поставленъ вопросъ о реформѣ управленія Индіей, Египтомъ или другой какой-либо «цвѣтной» колоніей, протекторатомъ и т. п. Само собой, что въ

1) Oxford Pamphlet № 22, стр. 3.

основѣ этихъ мотивовъ и соображеній лежитъ вполнѣ опредѣленный комплексъ отношеній между колоніей и метрополіей, какъ они складывались въ длительный періодъ, предшествовавшій возникновенію задачи ихъ реорганизаціи.

Что, въ самомъ дѣлѣ, породило въ политической жизни Британской имперіи вопросъ объ урегулированіи связи самоуправляющихся «доминіоновъ» съ метрополіей? Если проанализировать происхожденіе этого вопроса, впервые возникшаго болѣе или менѣе остро въ 80-хъ годахъ, то первоисточникомъ его окажется характеръ образованія и развитія «бѣлыхъ» колоній Англіи—тѣхъ колоній, которыя всегда подразумѣваются, когда здѣсь говорятъ объ *имперіи*, т.-е. считающихся англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ главными составными частями ея.

Уже въ моментъ возникновенія той борьбы за «Новый Свѣтъ», которая наложила свою неизгладимую печать на всю исторію Западной Европы въ теченіе XVI—XVII вѣковъ, движущая сила колоніальнаго расширенія Англіи отличалась отъ мотивовъ другихъ европейскихъ государствъ. Стремленіе къ политическому господству и усиленію собственнаго значенія не было, разумѣется, чуждо англійской государственной организаціи. Блескъ испанскаго двора, напр., порожденный притокомъ золота изъ захваченныхъ Испаніей наиболѣе заселенныхъ и богатыхъ областей Америки, слѣпилъ глаза двору Елизаветы и ея ближайшихъ предшественниковъ. Но если выдающіеся моряки Англіи и превращались подъ вліяніемъ этого въ полулегализированныхъ пиратовъ, подстерегавшихъ на «Spanish Main» груженные золотомъ испанскіе галлеоны, то методы колоніальнаго расширенія Испаніи и ея наслѣдниковъ не находили себѣ здѣсь практическаго подражанія. Интересы «первоначальнаго накопленія», доминировавшіе въ странахъ средиземно-морского бассейна, въ болѣе давній періодъ вступившихъ на путь торговаго развитія, были относительно чужды Англіи, только къ XVI вѣку робко начавшей процессъ перевоплощенія «изъ учениковъ въ учителей, изъ экспортеровъ сырья въ его импортеровъ и изъ импортеровъ обработанныхъ продуктовъ въ ихъ экспортеровъ», о которомъ говорилъ Стэнли Джевонсъ [1]) и который сталъ свершившимся фактомъ лишь въ XVIII столѣтіи. Такимъ образомъ, для Англіи почти не существовалъ наиболѣе активный мотивъ къ захвату, съ цѣлью обогащенія на счетъ туземнаго населенія, тѣхъ территорій Новаго Свѣта, которыя уже были сравнительно густо заселены и обладали относительно развитой культурой. Что, въ дѣйствительно-

---

[1]) См. его „Coal Question", третье изданіе, Лондонъ, 1906, стр. 234.

сти, вызывало первоначально образованіе Британской имперіи, такъ это религіозныя преслѣдованія, тяжело давившія то на протестантовъ, то на католиковъ, то на квакеровъ и пуританъ. Эти преслѣдованія заставляли представителей опальныхъ сектъ искать мѣста, гдѣ бы нетерпимость торжествующей церкви не мѣшала имъ вести нормальное существованіе. Кароляйна и Мэри-лэндъ, населенные почти сплошь католиками, Пенсильванія, основанная главой квакеровъ Вильямомъ Пеномъ, Новая Англія пуританъ—таковы первыя колоніи Англіи. Процессъ образованія колоніальной имперіи сказывался, потому, заселеніемъ пространствъ, почти никѣмъ, кромѣ малочисленныхъ охотничьихъ племенъ, не занятыхъ. Вмѣсто стремленія къ быстрому обогащенію населенія метрополіи путемъ эксплоатаціи туземцевъ, основной чертой этого процесса былъ исходъ «избыточнаго населенія» съ цѣлью эксплоатаціи нетронутыхъ человѣкомъ природныхъ богатствъ. Вмѣсто аванпостовъ англійскаго *государства* основывались аванпосты англійской цивилизаціи.

Потребность въ извѣстной защитѣ отъ внѣшнихъ опасностей заставляла, конечно, колонистовъ поддерживать связь съ метрополіей и тѣмъ самымъ расширять площадь и англійскаго государства, усиливая его и придавая ему большій престижъ. Съ другой стороны, это обстоятельство не только мѣшало выявиться логическому послѣдствію той причины, которая гнала колонистовъ изъ родной страны, не только препятствовала образованію, вмѣсто колоній, независимыхъ государственныхъ ячеекъ, но и порождала въ тенденціяхъ Британской имперіи особенности, сближавшія ее съ колоніальными имперіями иного типа. Къ естественному отливу «избыточнаго населенія»,—напоминавшему выселеніе гугенотовъ изъ Франціи въ Англію или, въ наше время, русскихъ духоборовъ въ Канаду, присоединилось, подъ все возраставшимъ вліяніемъ торговаго капитала, сознавшаго экономическую цѣнность колоній, какъ рынковъ для мануфактуры и поставщиковъ сырья, стремленіе къ захвату новыхъ колоній силою оружія. *Основаніе* колоній дополнялось *присоединеніемъ* чужихъ территорій—послѣ войны съ Голландіей, напр., Новыхъ Нидерландовъ (теперь штатъ Нью-Іоркъ) и, постепенно, въ непрекращавшейся почти борьбѣ съ Франціей—французской Канады. Даже мотивы, которые побуждали Англію въ XVIII вѣкѣ и нѣсколько ранѣе вмѣшиваться въ континентальныя войны, сводились почти къ разсчетамъ на захватъ новыхъ колоній, окружавшихъ площадь колоній, возникшихъ естественнымъ путемъ. Все это создавало почву для постепеннаго превращенія молодой имперіи въ имперію типа испанской колоніальной державы, построенной на системѣ строго централизованнаго управленія, отправки въ колоніи губернаторовъ,

надѣленныхъ всей «полнотой власти» надъ туземнымъ и пришлымъ населеніемъ.

Но, какъ ни велико было это вліяніе торговаго капитала, оно было очень рано подорвано. Связь съ метрополіей колоній, основанныхъ людьми, которые бѣжали, какъ разъ, отъ «полноты власти» въ родной странѣ, вообще некрѣпкая, могла существовать только въ силу взаимныхъ потребностей въ ней съ обѣихъ сторонъ. Сознаніе этого съ самаго же начала побудило Англію отдать дѣло внутренняго управленія въ руки самихъ колонистовъ, сохранивъ за собой лишь право на обезпеченіе своихъ экономическихъ интересовъ въ обмѣнъ за охрану внѣшней безопасности новыхъ хозяйственныхъ общинъ. Однако, тонкая нить, связывавшая колоніи съ метрополіей, была все время туго натянута меркантильной политикой торговаго капитала, которая, въ концѣ концовъ, и вызвала возстаніе сѣверо-американскихъ колоній Англіи. Еще Адамъ Смитъ отмѣтилъ наканунѣ возстанія, какъ серьезно метрополія давила на нихъ, захватывая въ свою пользу «монополію ихъ торговли, ограничивая ихъ рынки и расширяя свои собственные за ихъ счетъ». И хотя ближайшей причиной образованія Соединенныхъ Штатовъ послужилъ мелкій споръ о взносѣ колоніями суммъ на содержаніе англійскаго гарнизона (что̀, между прочимъ, ранѣе защищалось Георгомъ Вашингтономъ), отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній свело нанѣтъ вліяніе торговаго капитала на колоніальную политику Англіи.

«Съ этого періода,—читаемъ мы, напр., въ докладѣ лорда Дорхэма отъ 1839 г. — колоніальная политика нашей страны подверглась полной перемѣнѣ. Предупредить дальнѣйшее расчлененіе имперіи стало первичной цѣлью нашихъ государственныхъ дѣятелей, и особенное стараніе было приложено, чтобы принять всѣ мѣры, которыя могли бы удержать оставшіяся сѣверо-американскія колоніи отъ подражанія примѣру успѣшнаго возстанія» [1]). Насколько колоніальная политика Англіи была послѣ этого изолирована отъ вліянія торговаго капитала, показываетъ та тревога, какую въ Англіи вызвала сама перспектива пріобрѣтенія «чрезмѣрно многихъ» колоній: послѣ паденія Наполеона, т.-е. тогда даже, когда торгово-промышленный капиталъ пріобрѣлъ въ странѣ безспорную гегемонію, руководители политической жизни ея добровольно вернули Франціи значительную часть захваченныхъ было французскихъ владѣній. «Эту умѣренность —отмѣчаетъ одинъ авторъ—нельзя

---

1) Report on the Affairs of British North America, from the Earl of Durham, 1839, стр. 25.

приписать какимъ-либо велѣніямъ альтруистической морали. Дѣло въ томъ, что потеря американскихъ колоній на время убила энтузіазмъ колоніальнаго расширенія стараго типа, а правительство, аристократическое по симпатіямъ и предразсудкамъ, не скоро признало значеніе тропическихъ владѣній для новаго индустріализма, который тогда быстро развивался» [1]). Принципомъ колоніальной политики Англіи стало «право и вольность каждой націи сохранить свой языкъ, свои традиціи и чувства въ предѣлахъ единой политической организаціи» [2]) независимо отъ лагеря, къ которому принадлежатъ руководители этой политики. Сплоченность отдѣльныхъ частей имперіи, согласно такому принципу, «обезпечивается преимуществами, *которыя онѣ находятъ въ своей связи* съ имперіей [3]), а отнюдь не какимъ-либо контролемъ со стороны метрополіи.

Этотъ фактъ ранняго отказа метрополіи отъ контроля надъ процессомъ колоніальнаго расширенія превращаетъ самый процессъ въ совсѣмъ иное историческое явленіе, чѣмъ захватъ тропическихъ и субтропическихъ областей, обладавшихъ или считавшихся обладающими неисчерпаемыми источниками богатства, который составлялъ отличительную особенность имперіализма Испаніи или Голландіи до XVIII в. и составляетъ не менѣе отличительную особенность современнаго имперіализма европейскихъ государствъ. Поскольку рѣчь идетъ объ образованіи и развитіи государственнаго быта «бѣлыхъ» колоній Англіи, мы въ нихъ не находимъ слѣдовъ того вліянія на иностранную политику со стороны финансоваго и торгово-промышленнаго капитала, которое заставляетъ имперіалистическія государства искать для капитала «мѣста подъ солнцемъ» установленіемъ «сферъ вліянія», захватомъ территорій при соучастіи другихъ государствъ (какъ это имѣло мѣсто при пресловутомъ «раздѣлѣ» Черной Африки въ концѣ XIX в.), либо покушеніемъ на владѣнія сосѣдей (какъ это дѣлаетъ Германія въ настоящую войну). Можно было бы даже сказать, что по своему происхожденію «бѣлая» часть Британской имперіи является «имперіей безъ имперіализма». Стремленіе къ власти, къ усиленію метрополіи и къ ближайшимъ, очевиднѣйшимъ выгодамъ ея въ финансовой и торговой областяхъ отступаетъ на задній планъ передъ «колоніализмомъ», передъ фактомъ естественнаго отлива ея населенія въ поискахъ возможности болѣе благопріятнаго расходованія своихъ производственныхъ силъ. Отсюда и тотъ

---

1) „Is the British Empire the result of wholesale robbery?“ by prof. H. E. Egerton, Лондонъ, 1914, стр. 11.

2) „The growth of the English Industry and Commerce in Modern Times“, by W. Cunningham, vol. III, Laissez faire, Кембриджъ 1907, стр. 882.

3) Earl of Durham's Report, стр. 101.

основной типъ, который имперія сразу же пріобрѣла—типъ добровольнаго *союза самоуправляющихся колоній и метрополіи на почвѣ національной и культурно-экономической близости*. Отсюда также и возникновеніе вопроса о «болѣе тѣсномъ союзѣ отдѣльныхъ частей имперіи».

Почти единственной внѣшней формой внутренняго единства имперіи, при условіи широкой автономности ея отдѣльныхъ частей, является, разумѣется, организація имперской защиты. Невѣсомые и неосязаемые интересы, обусловливающіе это единство—оживленный товарообмѣнъ и обмѣнъ людьми между колоніями и метрополіей, въ первую голову—при наличности постоянной внѣшней опасности, хотя бы въ возможности, дѣлаютъ эту форму даже настоятельно необходимой, помимо уже того, что она по традиціи считается рычагомъ управленія государственнымъ организмомъ. За всю почти исторію «бѣлыхъ» колоній Англіи эта форма и имѣлась: въ каждой изъ нихъ находился обычно небольшой англійскій гарнизонъ и торговые пути, соединяющіе метрополію съ ними, состояли подъ охраной спеціальныхъ эскадръ. По своему характеру, она представляла собой объектъ заботъ исключительно Англіи, правительство которой, такимъ образомъ, играло роль имперскаго стража. Но условія международной жизни въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка сдѣлали такую роль непомѣрно тягостной для метрополіи. Отсутствіе соперниковъ на морѣ и даже на сушѣ въ областяхъ, находящихся подъ англійскимъ вліяніемъ, обусловливавшее сравнительную экономность организаціи имперской защиты, замѣнилось появленіемъ на европейской аренѣ сильнаго государства, бросившаго перчатку вызова морской гегемоніи Англіи. Ростъ вооруженій, ускорявшійся въ геометрической прогрессіи, оказался далеко не подъ силу для глубоко не воинственной и сравнительно небогатой рессурсами государственныхъ доходовъ метрополіи. Англія принуждена была уничтожить все, что такъ или иначе не обезпечивало безопасность имперіи въ наиболѣе поддающемся раненію центрѣ: англійскій гарнизонъ былъ съ 80-хъ годовъ выведенъ изъ «бѣлыхъ» колоній, и «стаціонеры», охранявшіе эти послѣднія, постепенно стягивались въ территоріальныя воды Англіи. Вся организація имперской защиты должны была въ силу этого подвергнуться пересмотру согласно новымъ условіямъ международной жизни. Этому пересмотру она и подверглась—съ тѣмъ результатомъ, что единственная внѣшняя форма имперскаго единства мало-по-малу исчезла.

Австралія еще въ 1884 г. вошла, напр., въ соглашеніе съ метрополіей, обязавшись вносить ежегодную субсидію въ обмѣнъ на образованіе спеціальной «вспомогательной эскадры» (auxiliry squadron), оперирующей исключительно въ австралійскихъ водахъ. Впо-

слѣдствіи матерьяльное содержаніе дополнилось поставкой персонала. Аналогично, и другіе «доминіоны» предприняли шаги къ образованію защитной организаціи—какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Новая Зеландія ввела всеобщую воинскую повинность; австралійскіе штаты прибѣгли къ созданію милиціи и обязательной военной тренировкѣ извѣстныхъ возрастныхъ группъ населенія и т. д. Но такъ какъ самоуправляющіяся колоніи представляютъ собой вполнѣ автономныя области, то и контроль за этими мѣстными эскадрами и арміями, за неимѣніемъ общеимперской организаціи управленія, онѣ потребовали *себѣ*. Австралія съ самаго начала оговорилась, что военныя суда австралійской эскадры *даже во время войны* не должны принимать участія въ операціяхъ за предѣлами австралійскихъ территоріальныхъ водъ *безъ особаго на то согласія колоніи*. Въ недавнее время, именно въ 1913 г., бывшій либеральный премьеръ Канады, сэръ Уильфридъ Лорье, довелъ эту мысль еще дальше. «Канадскому парламенту, создающему канадскій флотъ—говорилъ онъ—должно принадлежать право сказать, не только *гдѣ*, но и *когда* этому флоту нужно принять участіе въ войнѣ» [1]). Другими словами, пересмотръ организаціи имперской защиты привелъ къ тому, что самоуправляющіяся колоніи поставили вопросъ о своемъ правѣ самостоятельно рѣшать—слѣдуетъ или не слѣдуетъ имъ принимать участіе въ войнахъ метрополіи, т.-е. разсматривали себя уже въ качествѣ не просто автономныхъ областей, компетенціи которыхъ не доступно направленіе международной политики имперіи, *а полноправныхъ членовъ федераціи*. И такъ какъ метрополія фактически лишена возможности провести въ жизнь свой взглядъ вопреки желаніямъ колоній,—что особенно рельефно выяснилось во время недавнихъ попытокъ генерала Боты подавить рабочее движеніе въ южной Африкѣ [2]),—то тѣмъ самымъ и характеръ имперіи, благодаря этой оцѣнкѣ его колоніями, пріо-

---

[1]) Цит. по „Our imperial system“ by prof. J. H. Morgan, Nineteenth Century, мартъ 1915, стр. 695.

[2]) Англійскій кабинетъ не былъ въ состояніи что-либо сдѣлать, чтобы привести въ исполненіе негодующую резолюцію палаты общинъ по поводу разстрѣла стачечниковъ въ Уитуотерерждѣ въ 1913 г. Давленіе на министерство Боты вызвало бы отставку послѣдняго и несомнѣнное возвращеніе его къ власти на новыхъ выборахъ избирателями, которые увидѣли бы въ давленіи только попытку нарушить фундаментальное условіе ихъ автономности, отвѣтственность колоніальнаго министерства передъ колоніальнымъ населеніемъ, а не англійскимъ кабинетомъ. Мы вынуждены... признать—писалъ, напр., Nation 7 февраля 1914 г. (стр. 782), что нашъ контроль надъ внутренними дѣлами самоуправляющихся колоній чисто номиналенъ. Онѣ обладаютъ правомъ самоуправленія къ добру или худу, въ данномъ случаѣ весьма даже къ худу“.

брѣталъ черты федеративнаго союза. Въ сущности этотъ фактъ сравнительно давно уже признанъ и въ самой Англіи. Здѣсь тоже имперія разсматривается скорѣй, какъ союзъ *государствъ*, чѣмъ въ качествѣ конгломерата *автономныхъ областей* подъ верховнымъ управленіемъ метрополіи. Говоря, напр., о превращеніи колоній въ націи, сказывающимся въ пріобрѣтеніи ими de facto положенія зависимыхъ государствъ, видный теоретикъ англійскаго имперіализма отмѣчаетъ, что «патріотическія традиціи и вожделѣнія могутъ имѣть полную сферу для своего проявленія въ націяхъ, которыя все же, для общаго политическаго дѣла и сознательнаго экономическаго сотрудничества, *федеративно* объединены въ одну великую имперію» [1]).

Но порожденный этимъ превращеніемъ автономныхъ областей въ зависимыя государства фактическій федерализмъ Британской имперіи оказался вовсе не закрѣпленнымъ юридическими формами. Такія формы не были созданы естественнымъ процессомъ заселенія пустырей міра англійскими колонистами. Этотъ процессъ происходилъ внѣ прямого контроля метрополіи. Правда, англійское правительство и парламентъ постепенно и незамѣтно превращались въ правительство и парламентъ имперскіе. Однако, съ демократической точки зрѣнія, на которой всегда послѣдовательно стоятъ «молодыя демократіи» Австраліи, Канады и Новой Зеландіи или Южно-Африканскаго Союза, такое возрастаніе имперской роли собственно-англійскаго парламента врядъ ли разсматривалось въ качествѣ положительнаго факта. Оно шло въ разрѣзъ съ федеративными тенденціями имперской организаціи, какъ она сказывалась въ ходѣ своего развитія. Правительство и парламентъ Англіи все время, несмотря на свою имперскую роль, сохраняли свой характеръ чисто-англійскихъ органовъ, отвѣтственныхъ только передъ англійскимъ избирателемъ. Полнота отвѣтственности власти передъ народомъ не могла, понятно, существовать, разъ акты органовъ верховной законодательной и исполнительной власти имперіи не получаютъ санкціи населенія значительныхъ областей этой имперіи, что привносило въ отношенія между колоніями и метрополіей элементъ безапелляціоннаго верховнаго контроля со стороны послѣдней. Именно такое появленіе въ государственной жизни имперіи не-демократическихъ элементовъ и побуждало колоніи относиться съ опаской къ политикѣ имперскаго правительства и скорѣй подчеркивать, чѣмъ смягчать, острые углы расхожденій,—съ тѣмъ послѣдствіемъ, что въ Англіи создавалось впечатлѣніе о наличности въ имперіи непреодолимыхъ центробѣжныхъ силъ, заставлявшее мечтать о «болѣе тѣсномъ союзѣ отдѣль-

[1]) W. Cunningham, loc. cit., стр. 872.

ныхъ частей» ея. Но уничтоженіе роли имперскаго стража, выполнявшейся до того Англіей, хотя оно и придало Британской имперіи болѣе демократическую сущность федеративнаго союза, не только не ослабило значенія задачъ оформленія имперскаго единства, а, напротивъ, сдѣлало его гораздо большимъ, подчеркнувъ *расхожденіе формы и содержанія* имперской организаціи.

Война поставила въ новыя условія вопросъ объ уничтоженіи этого расхожденія. Таковъ конкретный смыслъ той реорганизаціи отношеній между колоніями и имперіей, о которой идетъ въ настоящее время рѣчь въ печати военнаго времени. *Фактическая* близость другъ къ другу отдѣльныхъ частей имперіи не подвергается никакому сомнѣнію послѣ выясненія позиціи «доминіоновъ» въ нынѣшней войнѣ. Во всякомъ случаѣ, для тѣхъ, кто «не вѣрилъ—по выраженію покойнаго Чемберлэна—въ длительное единство имперіи», кто сомнѣвался въ истинной прочности внутриимперской спайки, вопросъ организаціи имперіи рисуется получившимъ мощный толчекъ къ развитію. Задача, выросшая на почвѣ естественной эволюціи Британской имперіи и поставленная на разрѣшеніе нынѣшней войной, можетъ быть, потому, формулирована, какъ задача превращенія имперіи изъ фактической въ формальную федерацію, какъ задача выработки конституціоннаго механизма такой федераціи. «Къ добру или худу—имперія пріобрѣла черты конфедераціи... и должна развиваться по пути автономности и свободнаго сотрудничества»—читаемъ мы теперь даже въ органахъ имперіалистскаго лагеря [1]).

Собственно говоря, эта задача не только стояла, но и получила уже, въ сущности, частичное разрѣшеніе еще до войны. Самый фактъ періодическаго созыва «имперскихъ конференцій»—несмотря на то, что на нихъ обычно отклонялись проекты «болѣе тѣснаго союза отдѣльныхъ частей имперіи»—представляетъ собой важный эпизодъ въ органическомъ процессѣ выработки конституціоннаго механизма такого именно федеративнаго союза. Конференціи, на которыхъ происходитъ обмѣнъ мнѣній по животрепещущимъ вопросамъ имперской жизни между аккредированными представителями метрополіи и колоній, стали уже фактическимъ центромъ этой жизни. Отсюда она направляется подъ контролемъ не одного только англійскаго кабинета, но и отвѣтственными передъ своими парламентами колоніальными премьерами. Выступленіе сэра Эдуарда Грея съ изложеніемъ принциповъ внѣшней политики Англіи на

---

1) „The Empire after the War“ by V. Palmer, British Review, февраль 1915, стр. 170—171.

конференціи 1911 г.; назначеніе, по рекомендаціи этой конференціи, особой «королевской комиссіи по изученію естественныхъ рессурсовъ доминіоновъ» (Dominions Royal Commission) съ участіемъ представителей колоній; созданіе, опять-таки по указанію конференціи 1911 г., имперской сѣти безпроволочнаго телеграфа, облегчающей постоянный обмѣнъ мнѣніями метрополіи съ колоніями и т. п.—все это представляетъ собой иллюстрацію реальнаго вѣса конференцій, какъ руководящаго de facto, если не de jure, центра федеральнаго союза. Передъ нами—выработка, если не общеимперской федеральной конституціи, то общеимперскаго федеральнаго *механизма* управленія. И аномаліи имперской жизни—какъ отсутствіе общеимперскаго гражданства (натурализованный британскій подданный въ Канадѣ не считается британскимъ подданнымъ въ самой Англіи, напр.)—точно также уничтожены или уничтожаются. Актъ, выработанный англійскимъ правительствомъ по соглашенію съ колоніями и вошедшій въ силу 1-го января 1915 г.—The British Nationality and Status of Aliens Act., 1914,—напр., вводитъ узаконеніе подданства, принятаго въ любой части имперіи, во всѣхъ частяхъ ея. Быть можетъ, наиболѣе показательнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о наличности перестройки имперіи на основахъ федерализма, является принятіе, съ 1911 г., Австраліей и Канадой Naval Defence Acts—актовъ о морской защитѣ. Не отказываясь отъ права контроля надъ своими эскадрами, эти колоніи данными актами предусматриваютъ предоставленіе судовъ и матросовъ въ распоряженіе англійскаго правительства «для службы въ Королевскомъ флотѣ», т.-е. признаютъ имперскій, а не чисто-мѣстный характеръ своей защитной организаціи. Подобный шагъ долженъ только быть предпринятъ «правителемъ въ совѣтѣ» (Governor in Council), другими словами—получить предварительную санкцію колоніальнаго правительства.

Поставленныя войною проблемы перестройки отношеній между самоуправляющимися колоніями и метрополіей являются въ такихъ условіяхъ, само собой, только вопросами оформленія уже имѣющагося на-лицо федеративнаго союза и дополненія и развитія того конституціоннаго механизма его, который началъ создаваться постепенно еще до войны. Подтвержденіемъ этого служитъ и ожидающееся въ Англіи участіе колоніальныхъ премьеровъ въ предварительномъ обсужденіи—на экстренной «имперской конференціи», либо путемъ обмѣна мнѣній по телеграфу,—условій заключенія мира, равно какъ и уравненія званія «верховнаго комиссара» Канады съ посольскимъ, о чемъ, какъ телеграфируетъ «Daily News» (№ отъ 18 марта 1915 г.), идутъ переговоры между канадскимъ и англійскимъ кабинетами.

III.

Если вопросъ о реформѣ государственнаго быта Британской имперіи, поскольку рѣчь идетъ о «бѣлыхъ» колоніяхъ, сводится къ одному лишь оформленію уже фактически сложившагося федеративнаго союза, то та же проблема въ примѣненіи къ «цвѣтнымъ» колоніямъ пріобрѣтаетъ характеръ вопроса объ образованіи изъ подчиненныхъ областей имперіи равноправныхъ членовъ ея.

Этотъ характеръ ея диктуется опять-таки государственнымъ бытомъ Британской имперіи и тенденціями его эволюціи. Подъ «имперіей» общественное мнѣніе Англіи нерѣдко понимаетъ только федеративный союзъ метрополіи съ «бѣлыми» самоуправляющимися колоніями. Но въ цѣломъ эта имперія далеко не представляетъ собою такой союзъ. «Не болѣе 5% населенія нашей имперіи,—отмѣчаетъ извѣстный англійскій экономистъ Гобсонъ,—обладаетъ сколько-нибудь замѣтной долей политическихъ и гражданскихъ свободъ, служащихъ базисомъ англійской цивилизаціи. Помимо одиннадцати милліоновъ британскихъ подданныхъ въ Канадѣ, Австраліи и Новой Зеландіи, ни одинъ сколько-нибудь крупный организмъ не надѣленъ полнымъ самоуправленіемъ въ наиболѣе жизненныхъ вопросахъ» [1]). И хотя съ того времени, когда эти строки были написаны, въ число самоуправляющихся колоній вошли бывшія южно-африканскія республики вмѣстѣ съ сосѣдними колоніями Наталь и Мысъ Доброй Надежды, что вмѣстѣ съ возрастаніемъ численности канадскаго и австралійскаго населенія подняло число населенія, надѣленнаго правомъ самоуправленія, почти до 20 милліоновъ душъ, данная въ нихъ общая характеристика имперіи продолжаетъ сохранять свою силу. Въ отношенія между метрополіей и огромными—по площади и по численности населенія—«цвѣтными» колоніями привнесенъ новый, не наблюдающійся въ «бѣлой» части имперіи элементъ *господства одной расы надъ другою*. Передъ нами фактъ расширенія рамокъ англійскаго *государства* за предѣлы англійской *націи*—фактъ, связанный съ важными послѣдствіями для самой Англіи и внушающій опасенія даже представителямъ англійскаго имперіализма. «Когда государство переступаетъ границы національности, — признаетъ, напр., сэръ Сили,—его сила становится ненадежной и искусственной. Это—условіе существованія большинства имперій; это—условіе, напр., нашего собственнаго господства въ Индіи. Англійское государство здѣсь всемогуще, но англійская нація является неза-

---

[1]) Iohn Hobson, „Imperialism". Лондонъ, 1905 г., стр. 102.

мѣтной каплей въ океанѣ азіатскаго населенія. Когда же нація врывается въ чужія территоріи, имѣются шансы, что она здѣсь встрѣтитъ другія національности, уничтожить или согнать которыхъ она не сможетъ, даже если она ихъ побѣдитъ. Подобное положеніе вещей представляетъ собой огромное и постоянное затрудненіе. Подчиненныя либо соперничающія національности не могутъ быть вполнѣ ассимилированы и остаются неизбывной причиной слабости и опасности» [1]).

До войны эти опасенія получали вполнѣ убѣдительныя иллюстраціи въ эпизодахъ индійской политической жизни, т.-е. жизни самой крупной и населенной части «цвѣтной» имперіи Англіи. Здѣсь конституціонное движеніе, добивающееся съ 80-хъ годовъ постепеннаго введенія самоуправленія и представляющееся «національными конгрессами», выдѣлило за послѣднее десятилѣтіе революціонную партію Sondeshi, усвоившую такіе методы политической борьбы, какъ бойкотъ «всего англійскаго» и террористическіе акты. Покушеніе въ 1913 г. на вице-короля Индіи является продуктомъ дѣятельности этого политическаго теченія, отвѣтственнаго также за цѣлый рядъ покушеній на менѣе крупныхъ представителей англо-индійской администраціи, покушеній, заставлявшихъ въ Англіи говорить объ «Indian peril», индійской опасности. Недовольство туземнаго населенія British Raj британскимъ правленіемъ было настолько велико, что репрессивныя мѣры, начиная съ раздѣленія Бенгальской провинціи, очага революціоннаго движенія, консервативнымъ вице-королемъ Керзономъ и кончая Indian Press Acts либеральнаго кабинета Асквита—не въ состояніи были ослабить его проявленій. «Вопреки тщательному примѣненію законовъ о бунтарствѣ,—читаемъ мы, напр., въ ежегодномъ отчетѣ за 1912 г.,—не наблюдается прочнаго улучшенія въ тонѣ прессы, опредѣленная часть которой продолжаетъ... прививать враждебность къ британскому правленію» [2]). Возстанія зулу, ашантіевъ и т. п. африканскихъ племенъ, отмѣчающія исторію англійскихъ цвѣтныхъ колоній и въ Африкѣ, подтверждаютъ этотъ же выводъ объ извѣстной искусственности государственнаго роста, выходящаго за рамки націи или, во всякомъ случаѣ, расы.

Пожалуй, еще большая опасность заключается въ порождаемой управленіемъ иными націями психологіи господства, которая въ состояніи превратить Англію въ центръ аггрессивнаго имперіализма,

---

[1]) J. R. Seely, loc. cit., стр. 54—55.

[2]) Moral and Material Progress and Condition of India. Forty eight uumber, H. C. № 220, 1913 г., стр. 363.

строющаго государственный бытъ на силѣ. Вообще не наблюдающаяся въ Англіи вѣра въ цѣлительное дѣйствіе репрессій побуждаетъ англо-индійскую администрацію съ изумленіемъ констатировать продолжающуюся, вопреки репрессіямъ, пропаганду враждебности къ британскому правленію. Это проникновеніе въ государственный бытъ имперіи элемента бюрократизма, привычки къ безотвѣтственности и убѣжденія въ собственной непогрѣшимости на первый взглядъ подтверждаетъ извѣстный выводъ изъ исторіи крупныхъ имперій, что объемъ и размѣры государственнаго организма обратно пропорціональны высотѣ его внутренней структуры. И именно оно побуждаетъ представителей прогрессивной Англіи говорить о томъ, что «отношенія между господствующей и подчиненной націей служатъ своего рода оселкомъ для демократическихъ принциповъ [1]) и ставя задолго до войны—параллельно требованіямъ самого туземнаго населенія—вопросы «коллективнаго политическаго воспитанія подчиненныхъ націй путемъ постепеннаго дарованія политической правомочности, для ультимативнаго самоуправленія» [2]).

Въ основныхъ чертахъ колоніальной политики Англіи всегда, однако, были и такія, которыя дѣйственно парировали, хотя и не уничтожали всецѣло, эту двойную опасность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подготовляли туземцевъ «цвѣтныхъ» колоній къ «ультимативному самоуправленію».

Конечно, колоніальное расширеніе, приводившее Англію къ захвату территорій, которыя уже были заселены, и притомъ заселены «низшими» расами, происходило подъ непосредственнымъ вліяніемъ того торгово-промышленнаго и финансоваго капитала, чью роль въ образованіи «бѣлыхъ» колоній можно считать совершенно ничтожной. Англія вполнѣ раздѣляетъ въ этомъ отношеніи грѣхи другихъ индустріализированныхъ государствъ и, фактически, активно участвовала съ ними въ «массовомъ грабежѣ» черной Африки. Въ сущности, иначе и не могло быть. Экономическое развитіе Европы требуетъ максимальной утилизаціи силъ природы, отличающихся особеннымъ богатствомъ въ тропическихъ и субтропическихъ областяхъ. Достаточно сказать, что недавняя революція въ транспортѣ, произведенная моторами внутренняго сгоранія, была бы немыслима безъ эксплоатаціи каучуковыхъ лѣсовъ, либо созданія искусственныхъ плантацій каучуковыхъ деревьевъ, чтобы представить себѣ ясно тѣсную зависимость экономической жизни Европы

---

[1]) „The Meaning of Liberalism“, by J. M. Robertson, Лондонъ, 1912 г., стр. 128.

[2]) Ibid, стр. 130.

нашего времени отъ тропиковъ. Между тѣмъ, специфическія условія культурной эволюціи расъ, населяющихъ области по обѣ стороны экватора, дѣлаютъ немыслимой организацію этой эксплоатаціи путемъ простого товарообмѣна, разъ за нее не берется «неизбѣжный бѣлый человѣкъ»—что́, въ условіяхъ капиталистической организаціи европейскаго народнаго хозяйства, равносильно захвату тропическихъ территорій торгово-промышленнымъ и финансовымъ капиталомъ.

Но, если такія обстоятельства и порождаютъ необходимость для современнаго индустріализированнаго государства вести послѣдовательную «колоніальную политику», политику захвата тропическихъ и субтропическихъ областей, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что общіе принципы этой политики во всѣхъ случаяхъ одинаковы. Государство можетъ быть «коммивояжеромъ національной индустріи», беря на себя прямую заботу по предварительной расчисткѣ почвы для финансоваго и торговаго капитала и впитывая въ себя тѣмъ самымъ духъ аггрессивнаго имперіализма. Германія и Франція съ середины 80-хъ годовъ доставили наиболѣе, пожалуй, рѣзко очерченные примѣры подобнаго «состоянія въ услуженіи» у капитала, захватывая даже такія территоріи, которыя только возлагали на налогоплательщика новыя тяготы, не оплачивая расходовъ по оккупаціи. Но государство можетъ и избѣгать этой неблагодарной роли піонера узко торговыхъ и финансовыхъ интересовъ, и Англія, *какъ государственный организмъ*, никогда не была такого рода орудіемъ капитала.

Напротивъ, въ образованіи ея «цвѣтныхъ» колоній мы наблюдаемъ отсутствіе прямого подчиненія государства иниціативѣ экономически господствующей финансовой и торгово-промышленной организаціи. Точно такъ же, какъ ея «бѣлыя» колоніи были основаны поселеніемъ колонистовъ въ пустыряхъ міра, «цвѣтныя» колоніи получили свое начало въ не менѣе естественномъ продуктѣ экономической эволюціи—основаніи торговыхъ станцій, охватывающихъ своимъ вліяніемъ прилегающую округу. Не завоеваніе войсками метрополіи, а, главнымъ образомъ, развитіе торговыхъ сношеній, лежитъ въ основѣ «цвѣтной» части Британской имперіи. Таково происхожденіе Индіи, какъ англійской колоніи, на пріобрѣтеніе которой государственное казначейство не израсходовало буквально ни одного шиллинга и «завоеваніе» которой не стоило странѣ ни одного солдата. Мы, напр., напрасно стали бы искать въ архивахъ слѣдовъ расходовъ Англіи на присоединеніе этой крупнѣйшей колоніи ея. Таково же происхожденіе и подавляющаго большинства другихъ «цвѣтныхъ» колоній, если ихъ присоединеніе не обусловливалось стратегическими соображеніями, что́, впрочемъ, равно распро-

страняется и на нѣкоторыя «бѣлыя» колоніи (напр. Мысъ Доброй Надежды, захваченный и post factum выкупленный у Голландіи, или Новую Шотландію). Единственное исключеніе изъ правила—это участіе Англіи въ раздѣлѣ не растасканныхъ еще территорій Африки въ 1885 году. Но характерно—и это исключеніе имѣло мѣсто тогда, когда у власти находился кабинетъ Гладстона, министръ колоній котораго, лордъ Грэнвилль, принадлежалъ къ теченію такъ называемыхъ Little Englanders, принципіальныхъ *противниковъ* колоніальнаго расширенія. Эта иронія судьбы показываетъ, что мотивомъ участія Англіи въ расхищеніи Африки было не столько стремленіе обезпечить національному капиталу добавочныя «мѣста подъ солнцемъ», сколько опасеніе роста и усиленія другихъ государствъ, активно урѣзавшихъ одну территорію за другой и тѣмъ самымъ угрожавшихъ уже сложившимся экономическимъ и стратегическимъ интересамъ Англіи [1]). Когда такой угрозы не было—какъ имѣло мѣсто, напр., во время первой англо-бурской войны, побѣду въ которой Гладстонъ завершилъ возвратомъ независимости бурамъ Трансвааля—Англія сознательно отказывалась присоединять даже завоеванныя территоріи. Отсюда—популярный здѣсь афоризмъ, что the flag follows the trade, что колоніальное расширеніе шествуетъ *за* развитіемъ торговыхъ сношеній.

Эта черта англійской колоніальной политики проливаетъ отчасти свѣтъ и на мотивы, благодаря которымъ собственность торговыхъ предпріятій становилась въ концѣ концовъ короннымъ владѣніемъ. Утвержденіе господства англійскаго государства было продуктомъ, какъ мы видимъ, вовсе не стремленія уготовить тучную ниву для будущей дѣятельности національнаго капитала. Оно являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ результатовъ операцій этого капитала, которые выяснялись въ процессѣ образованія его владѣній внѣ государственнаго контроля. Негодованіе англійскаго избирателя противъ «свободной» эксплоатаціи англійскими торговыми авантюристами пріобрѣтало опредѣленныя формы даже тогда, когда

[1]) Проявлявшаяся англійскимъ правительствомъ сдержанность въ пріобрѣтеніи новыхъ территорій отмѣчается нерѣдко и иностранными авторами, хотя на континентѣ отдѣльные, изолированные даже, эпизоды колоніальной исторіи Англіи чаще всего толкуются, какъ типичныя иллюстраціи этой исторіи. „Нужно... замѣтить — говоритъ, напр., въ своемъ обстоятельномъ трудѣ Эмиль Байо (La Politique indigène de l'Angleterre en Afrique Occidentale, par Emile Baillaud, Парижъ, 1912, стр. XXVI), что послѣдовательно „министерство колоній... исключая періодъ, когда во главѣ его стоялъ Дж. Чемберлэнъ, не переставало находиться въ оппозиціи ко всякой политикѣ расширеній и всякому сокращенію полномочій туземныхъ властей“.

протесты и петиціи противъ явнаго, либо видоизмѣненнаго рабства туземцевъ, посылавшіеся парламенту, сопровождались протестами и петиціями противъ государственной регламентаціи условій труда въ самой Англіи. Это-то негодованіе и побуждало государство въ Англіи выступать въ роли верховнаго наблюдателя за соблюденіемъ извѣстнаго минимума человѣчности въ неизбѣжныхъ сношеніяхъ бѣлой расы съ цвѣтными. Но такъ какъ непосредственный контроль связанъ былъ бы съ колоніальными пріобрѣтеніями,—чего государство избѣгало,—то «свободная» эксплоатація туземцевъ во вторую половину XIX в. ограничивалась путемъ возрожденія монопольныхъ торговыхъ компаній, оперировавшихъ на условіяхъ, которыя устанавливались англійскимъ кабинетомъ въ подлежащихъ періодическому пересмотру хартіяхъ. Гладстонъ мотивировалъ еще 17 марта 1882 г. дарованіе хартіи компаніи Сѣвернаго Борнео тѣмъ, что эти хартіи созданы для ограниченія своеволія торговыхъ компаній, возможнаго въ условіяхъ отсутствія всякаго контроля. Государство, иными словами, считало своимъ долгомъ обезпеченіе интересовъ тѣхъ расъ, столкновеніе которыхъ съ бѣлыми во всякомъ случаѣ фатально благодаря потребностямъ европейской экономической жизни. Но для этого оно избирало полумѣру, не желая брать на себя задачу предварительной расчистки почвы для капитала путемъ захвата «мѣстъ подъ солнцемъ» по собственной иниціативѣ, и лишь тогда отказывалось отъ этой полумѣры, когда она оказывалась безусловно недостаточной. Исторія восточно-индійской компаніи (East India Company), превратившей имперію моголовъ въ англійское владѣніе, иллюстрируетъ эту позицію государства въ Англіи. Только послѣ возстанія сипаевъ въ 1857 г., т.-е. свыше 250 лѣтъ по основаніи компаніи, хартія ея была уничтожена, и управленіе Индіей взято на себя англійскимъ кабинетомъ: возстаніе показало, что интересы компаніи, даже нормированные государствомъ, расходятся съ интересами туземцевъ и тѣмъ ставятъ въ опасность самую связь Индіи съ англійской націей. Для огражденія туземнаго населенія кабинетъ и уничтожилъ монополію компаніи, сравнивъ формально, въ прокламаціи королевы Викторіи отъ 1-го ноября 1858 г., юридическое положеніе этого населенія съ правами англичанъ въ Индіи.

На дѣлѣ, такимъ образомъ, превращеніе собственности торговыхъ компаній въ формальныя колоніи,—а это, какъ мы видѣли, и составляетъ основной типъ происхожденія «цвѣтныхъ» колоній,—связано съ выработкой новой туземной политики, сводящейся къ подъему культурнаго уровня туземнаго населенія и обезпеченія его интересовъ, а не къ огражденію эгоистическихъ интересовъ «колонизирующей» націи. «Наше правленіе туземными территоріями,—

говорилъ даже покойный Чемберлэнъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ государственныхъ дѣятелей Англіи отвѣтственный за зарожденіе здѣсь аггрессивнаго имперіализма, — можетъ быть оправдано *только въ томъ случаѣ, если мы въ состояніи показать, что оно прибавляетъ нѣчто къ суммѣ счастія и процвѣтанія туземцевъ»* [1]).

Вотъ такой характеръ англійской туземной политики дѣйственно парировалъ ту обоюдоострую опасность, которая обычно связана съ расширеніемъ рамокъ государства за предѣлы націи, какъ онъ обусловливалъ и дѣйственную подготовку почвы для дарованія «ультимативнаго самоуправленія» такимъ расамъ и національностямъ. Но всегда почти логическій выводъ изъ руководящаго принципа ея, изъ обезпеченія «счастія и процвѣтанія» туземнаго населенія не дѣлался Англіей. Чаще всего англійское правительство останавливалось на полдорогѣ, ограничивая свою дѣятельность укрѣпленіемъ экономическихъ позицій цвѣтного населенія, которыя это населеніе «не въ состояніи удержать» благодаря тому, что оно выброшено «изъ привычной соціальной среды въ условія ожесточенной индивидуалистической борьбы за существованіе, характерной для XX в.» [2]). Когда у власти въ Англіи находились имперіалисты, мотивомъ этого отказа отъ послѣдовательнаго доведенія до логическаго конца англійской туземной политики было, на-ряду съ обычнымъ, иногда даже сознательно не формулируемымъ, стремленіемъ къ верховному господству, убѣжденіе въ органической неспособности туземцевъ къ требующему иниціативы дѣлу [3]) и соотвѣтствующей обязанности государственной организаціи Англіи обезпечить good government, хорошее управленіе, хотя бы въ ущербъ идеѣ «конечнаго самоуправленія». Но даже когда руководство Британской имперіей переходило въ руки либераловъ, раздѣляющихъ взглядъ Кэмпбенъ Баннермана, что self-government is

---

[1]) J. Hobson, loc. cit., стр. 207.

[2]) Royal Commission on Dominions, Minutes of Evidence taken in South Africa in 1914, cd 7707, дек. 1914, показаніе C. F. Stallard, K. C., стр. 120.

[3]) Даже лордъ Кромеръ, положительно относящійся къ идеѣ самоуправленія въ Египтѣ, пишетъ въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Такъ какъ египтянинъ обладаетъ лишь незначительной иниціативой и часто не воспринимаетъ всецѣло, почему его учитель толкаетъ его въ опредѣленномъ направленіи, то реакція неизбѣжна, если будетъ уничтоженъ верховный контроль Англіи“. Lord Cromer, „The Modern Egypt“, vol. II, Лондонъ 1908, стр. 155. Объ аналогичномъ вліяніи на психологію „правящей“ расы самаго факта управленія ими разсказываетъ и Э. Баркеръ (Political Thought in England, Лондонъ, 1915, стр. 167—8).

better than good-government, что самоуправленіе лучше хорошаго управленія, реализація на практикѣ этого тезиса задерживалась и не доводилась до конца. Передъ либеральнымъ кабинетомъ всегда почти стояло препятствіе, наличность котораго признается самыми послѣдовательными сторонниками широкаго самоуправленія «цвѣтныхъ» колоній. Даже въ наиболѣе зрѣлой политически и подготовленной къ самодѣятельности Индіи особенности общественнаго быта существенно мѣшали простой прививкѣ и западно-европейскихъ формъ самоуправленія. Съ одной стороны, культурный уровень отдѣльныхъ индійскихъ территорій разнится въ такой рѣзкой степени, что объ Индіи, какъ единой націи, до самаго послѣдняго времени не могло быть и рѣчи. Съ другой, «введеніе прямой и всеобщей системы выборовъ» даже въ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе однообразныхъ по этническому составу и общественному быту областяхъ, оказалось практическимъ затрудненіемъ на пути къ успѣху мѣстнаго самоуправленія. «Теорія большинства,—свидѣтельствуетъ сэръ Генри Коттонъ,—связана съ затрудненіями при выработкѣ системы адекватнаго представительства меньшинства, какимъ является магометанская часть населенія, затрудненіями, существующими въ Индіи въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но фундаментальное возраженіе противъ системы выборовъ возникаетъ на почвѣ ея несовмѣстимости съ индусской концепціей личнаго достоинства» [1]). Всякія сношенія—а, слѣдовательно, и сношенія во время выборовъ или предвыборной агитаціи—между низшими и высшими кастами здѣсь недопустимы. «Браминъ» или «кшатрія» не можетъ, напр., не теряя касты, вести борьбу съ кандидатомъ, принадлежащимъ къ кастѣ «судра», и даже не можетъ быть избранъ голосами «нечистыхъ», «рожденныхъ лишь одинъ разъ». Въ виду этого попытки ввести политическую жизнь Индіи либо другихъ «цвѣтныхъ» колоній въ новое русло западно-европейскихъ формъ самоуправленія рисовались и либеральнымъ государственнымъ дѣятелямъ крайне опасными экспериментами.

Покуда рѣчь идетъ о сравнительно неразвитыхъ политически «цвѣтныхъ» колоніяхъ, такое положеніе вещей не отражается на положительномъ вліяніи творческой работы по подъему экономическаго уровня туземнаго населенія. Въ особенности это такъ, когда управленіе этими колоніями поручается такимъ людямъ, какъ бывшій недавно генералъ-губернаторомъ Ямайки сэръ Сидней Оливье, членъ общества фабіанцевъ, придерживающійся убѣжденія, что «методы капиталистической крупной индустріи... непріемлемы и не мо-

[1]) Sir Henry Cotton, „New India or India in Transition", Лондонъ, 1907, стр. 175.

тутъ быть пріемлемы для африканскихъ расъ... и что всякая попытка принудить ихъ къ усвоенію этихъ методовъ не только не приноситъ имъ благъ, но оказывается катастрофичной, равно и для черныхъ и для бѣлыхъ» [1]). Въ сущности, туземная политика Англіи въ такихъ колоніяхъ даетъ населенію именно ту мѣру самоуправленія, на которую оно только способно. Исходя изъ основной задачи охраненія туземцевъ отъ «своеволія бѣлаго капитала», эта политика приводитъ къ сохраненію наиболѣе пріемлемыхъ для нихъ формъ непосредственнаго правленія. Въ Индіи, напр., гдѣ, въ началѣ, туземныя вассальныя государства аннексировались, этотъ процессъ въ XIX в. пріостановленъ, а въ настоящее время здѣсь туземныя государства занимаютъ почти треть территоріи полуострова, являясь нерѣдко равными по площади самой Англіи (мусульманское княжество Гайдебарадъ, индусское—Барода и т. д.). Какъ правило, сохраняется и обычное право туземцевъ, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, покуда соприкосновеніе съ европейской мыслью не подготовитъ почвы для болѣе сложной системы юридической нормировки. «Акты, проведенные въ концѣ XVIII в.,—читаемъ мы, напр., въ оффиціальномъ отчетѣ объ Индіи,—предписываютъ, чтобы для индусовъ было въ силѣ индусское—обычное и формальное—право, а для мусульманъ—кодексъ ислама» [2]). Мѣстный судъ точно также остается въ вѣдѣніи родовой или общинной организаціи — въ Индіи panchayat'a, т.-е. совѣта старѣйшинъ деревни, въ Африкѣ — вождей племенъ, болѣе того,—въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстное самоуправленіе старой формы распадается подъ вліяніемъ столкновенія съ европейскими условіями жизни, производится нерѣдко попытка пересоздать его, чтобы сохранить извѣстную долю политической и общественной самодѣятельности населенія. Спеціальная королевская комиссія, изучавшая въ 1908 г. вопросы децентрализаціи Индіи, сочла нужнымъ такъ именно и освѣтить эти вопросы. «Основой всякаго прочнаго строя,—читаемъ мы въ ея докладѣ—который связалъ бы народъ съ системой управленія, должна быть деревня, какъ... область, гдѣ люди извѣстны другъ другу и гдѣ они имѣютъ общіе интересы опредѣленнаго и

---

[1]) Sir Sidney Olivier, „White Capital and the Coloured Labour", Лондонъ, 1906, стр. 176.

[2]) Moral and material progress and condition of India, 1913, стр. 69. Въ настоящее время, впрочемъ, обычное право въ чистомъ видѣ сохраняетъ силу лишь въ нормировкѣ семейнаго быта и системы наслѣдованія. Уголовное законодательство и судопроизводство приведено въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися экономическими и общественными условіями существованія индусовъ. Ср. ibid.

общепризнаннаго характера» 1). Такимъ образомъ, извѣстный минимумъ самоуправленія всегда такъ или иначе сохраняется за туземнымъ населеніемъ, а порой и развивается, не вызывая никакихъ осложненій.

Но, повторяемъ, эта туземная политика, не удовлетворяющая, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, требованію «ультимативнаго самоуправленія», служитъ предохранительнымъ клапаномъ для государства, разросшагося за предѣлы націи, только до тѣхъ поръ, пока политическое развитіе туземнаго населенія не переходитъ опредѣленной границы. Какъ только эта граница перейдена и населеніе чувствуетъ себя націей, нуждающейся въ высшихъ формахъ самоопредѣленія, чѣмъ предоставленныя ему деревенскимъ самоуправленіемъ родовой и племенной организаціи, такая политика теряетъ значительную долю своихъ положительныхъ сторонъ. Когда же къ нормальному политическому развитію націи, начинающей сознавать себя таковой, прилагаются, сверхъ того, особые тормоза и репрессіи, результатъ, понятно, сводится къ полному аннулированію предохранительнаго вліянія англійской туземной политики.

За послѣдніе годы такое положеніе вещей наблюдалось въ Индіи. Здѣсь, благодаря пребыванію у власти имперіалистовъ, расхожденіе между Англіей и туземнымъ населеніемъ достигло, какъ мы знаемъ, значительныхъ размѣровъ. Со стороны консервативнаго вице-короля Индіи послѣдовательно проводилась политика подавленія національнаго движенія и даже тѣхъ слѣдовъ политической самодѣятельности индусовъ, какіе уже имѣлись здѣсь. Мы упоминали о раздѣлѣ Бенгальской провинціи на двѣ части, годовщина котораго является днемъ національнаго траура для бенгальской націи. Можно было бы также указать на послѣдовательное сокращеніе числа членовъ по выбору въ муниципальныхъ корпораціяхъ и на рядъ другихъ фактовъ, прямо толкавшихъ индусовъ на путь ожесточенной борьбы. Въ самой Англіи оплотомъ такой «политики репрессій, смягченной благожелательнымъ отношеніемъ», является палата лордовъ, не отказавшаяся отъ своихъ обычныхъ позицій до самаго послѣдняго времени. 15 марта 1915 г., напр., подъ предлогомъ, что во время войны нельзя поднимать спорныхъ вопросовъ, лорды отвергли проектъ королевской прокламаціи, которою Соединеннымъ провинціямъ Агрѣ и Уду даровался, по рекомендаціи вице-короля Индіи, институтъ «исполнительнаго совѣта» при губернаторѣ, съ представительствомъ туземнаго населенія. Если прослѣдить

1) Report of the Royal Commission upon Decentralisation in India, Cd. 4. 360, 1909, vol. I, стр. 239.

источникъ недовольства, нашедшаго свое воплощеніе въ движеніи Swadeshi, то окажется, что оно ведетъ свое начало именно отъ такихъ попытокъ «утвердить авторитетъ» правящей расы. «Это движеніе порождено и питается умонастроеніемъ, созданнымъ попыткой разорвать узы національнаго единства»,—говоритъ, напр., сэръ Генри Коттонъ, подразумѣвая раздѣлъ Бенгаліи» [1]). И хотя либеральный кабинетъ Асквита, получившій въ наслѣдство этотъ результатъ политики репрессій, пытался аннулировать причиненное зло и даже принялъ мѣры къ удовлетворенію наиболѣе очевидныхъ требованій туземнаго населенія [2]) — даровавъ «актомъ объ индійскихъ совѣтахъ» (Indian Councils Act 1909 г.) большинство голосовъ въ центральномъ и провинціальныхъ законосовѣщательныхъ совѣтахъ членамъ по выбору, а не по назначенію—къ началу войны проблема дарованія Индіи ультимативнаго самоуправленія стояла въ порядкѣ дня.

Эту-то проблему война и приблизила значительно къ ея разрѣшенію. Чарльзъ Робертъ, товарищъ министра по индійскимъ дѣламъ въ кабинетѣ Асквита, выступая по вопросу объ участіи индійскихъ войскъ въ европейскомъ конфликтѣ, подчеркнулъ именно такое значеніе момента въ жизни Индіи. «Преждевременно пытаться—сказалъ онъ—предвосхитить послѣдствія, вытекающія изъ этого великаго событія. Результатъ можно будетъ увидѣть лишь по окончаніи войны. Но ясно, что Индія желаетъ быть не зависимой отъ имперіи, а равноправнымъ членомъ этой имперіи, и ея пребываніе въ одномъ съ нами лагерѣ по духу и на полѣ сраженій не можетъ не измѣнить тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ мы будемъ отнынѣ разсматривать проблемы управленія Индіей». Имѣются и кой-какіе факты, говорящіе объ этой, отчасти уже свершившейся, замѣнѣ «угла зрѣнія». Таково, напримѣръ, присутствіе, — впервые за всю исторію національнаго движенія въ Индіи,—губернатора Мадрасской провинціи на засѣданіяхъ «національнаго конгресса», собравшагося въ концѣ 1914 г. въ Мадрасѣ — присутствіе, свидѣтельствующее о томъ, что и англо-индійская администрація отказалась отъ своего былого взгляда на національныя стремленія «подчиненной» расы. Таково также и формальное заявленіе англійскаго кабинета о намѣреніи «всѣми конституціонными средствами» принудить палату лор-

---

[1]) Sir Henry Cotton. New India or India in Transition, стр. 13.

[2]) Такъ, раздѣлъ Бенгаліи былъ поправленъ соединеніемъ разбитыхъ надвое частей ея воедино, проведеннымъ въ королевской прокламаціи 1912 г. Точно также кабинетъ не примирился и съ вердиктомъ палаты лордовъ относительно „исполнительнаго совѣта“ Соединенныхъ провинцій, оффиціально объявивъ о своемъ намѣреніи провести данный актъ съ помощью „всѣхъ конституціонныхъ средствъ“.

довъ пересмотрѣть свой вердиктъ относительно «исполнительнаго комитета» Соединенныхъ провинцій, что̀ равносильно обѣщанію прибѣгнуть, для проведенія этой мѣры, къ «парламентскому акту», лишающему лордовъ права абсолютнаго вето.

Каковы бы ни были конкретныя формы индійскаго самоуправленія,—а въ данномъ случаѣ онѣ должны соотвѣтствовать не столько европейской, сколько индусской, концепціи самоуправленія—разрѣшеніе этой проблемы обѣщаетъ внести въ государственный бытъ Британской имперіи не менѣе важную черту, чѣмъ оформленіе федеративнаго союза Англіи съ ея «бѣлыми» колоніями. Индія — пока единственная «цвѣтная» колонія, стоящая передъ перспективой «ультимативнаго самоуправленія». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она также единственная «цвѣтная» колонія, въ которой нормальный процессъ зарожденія національнаго самосознанія пріобрѣлъ значительные размѣры, дѣлающіе недостаточной примѣняемую пока съ успѣхомъ къ другимъ колоніямъ благожелательную туземную политику Англіи. Поэтому самый фактъ дарованія ей самоуправленія выростаетъ до значенія принципа; служитъ симптомомъ того, что сдѣланъ конечный логическій выводъ изъ основныхъ тезисовъ этой политики. Тѣмъ же самымъ этотъ фактъ разрѣшаетъ для Англіи и другой вопросъ—вопросъ созданія имперіи, которая, несмотря на расширеніе рамокъ государства за предѣлы націи, сохраняетъ высокую политическую структуру и не находитъ въ размѣрахъ государственной организаціи непреодолимыхъ препятствій къ дальнѣйшему развитію внутренняго быта. Вмѣсто того, чтобы метрополія, благодаря зависимости отъ нея обширныхъ территорій, населенныхъ «низшими» расами, приноравливала темпъ своего политическаго развитія къ темпу наиболѣе отсталыхъ частей имперіи, мы находимъ, что здѣсь происходитъ прямо обратное.

А. Чекинъ.

ДНИ „ЛУЗИТАНІИ“.

(Письмо изъ Нью-Іорка).

I.

«Тогда, уступая неумолимой неизбѣжности, генералъ Вудъ приказалъ своимъ инженерамъ взорвать мосты и затопить пути подземной дороги. Нѣсколько минутъ,—и рухнула, разорвалась въ клочья великолѣпная, стальная громада Бруклинскаго моста»...

Вотъ образецъ самой новѣйшей, самой послѣдней фантазіи на тему: «Завоеваніе Америки нѣмцами». Она помѣщена въ только, что появившейся, майской книжкѣ «Mc Clures Magasin», и выходъ ея какъ разъ совпалъ съ тревожными, напряженными днями «Лузитаніи».

Фантазіи на эту тему не новы, и не всѣ онѣ напоминаютъ собою наши лубки на батальные сюжеты. Кромѣ интереснаго романа Уэлльса, написаннаго еще въ періодъ мира, этой темѣ посвящена также недавно вышедшая книга американскаго генерала, Франсиза Грина: «The present military situation in the United States» («Современное военное положеніе въ С. Штатахъ»). Авторъ ея—видный участникъ американо-испанской кампаніи и бывшій военный губернаторъ на Филиппинахъ. Книга написана на основаніи большой, теоретической и практической подготовки. По мнѣнію ген. Грина, С. Штатамъ предстоятъ въ будущемъ столкновенія съ тремя государствами: съ Японіей, Великобританіей и Германіей. Но въ то время, какъ столкновенія съ первыми двумя возможны лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, конфликтъ съ Германіей неизбѣженъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Даже въ томъ случаѣ, если Германія въ теперешней войнѣ будетъ разбита, она, по мнѣнію ген. Грина, быстро возродится и не оставитъ своихъ завоевательныхъ мечтаній. Аппетиты ея роковымъ образомъ должны обратиться на Америку. Въ германскомъ генеральномъ штабѣ, по всей вѣроятности, уже существуетъ подробно выработанный планъ нападенія на Нью-Іоркъ. Утверждая это, ген. Гринъ приводитъ, между прочимъ, интересныя выдержки изъ книги Фрейера фонъ-Эдельсгейма, вышедшей въ Германіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ и «въ основныхъ чертахъ» намѣтившей этотъ планъ.

Въ мою задачу не входитъ сейчасъ передавать содержаніе посвоему интересной, но, конечно, въ высокой степени спорной книги ген. Грина. Подходъ германской эскадры къ Нью-Іорку, высадка

дессанта, развитіе боя, плѣненіе Рокфеллера, Моргана и проч. милліардеровъ, наложеніе колоссальной контрибуціи, — все это написано не безъ таланта и съ большимъ подъемомъ. Но сейчасъ не объ этомъ рѣчь. Объ этой фантастикѣ вспоминается лишь потому, что жизнь на нашихъ глазахъ опережаетъ всякую фантазію. «Творимыя легенды», какъ бы подчасъ онѣ искусно ни создавались, блѣднѣютъ все же передъ непосредственнымъ творчествомъ жизни...

Вотъ теперь, въ тотъ моментъ, когда набрасываются эти строки, С. Штаты уже самымъ подлиннымъ, самымъ реальнымъ образомъ стоятъ передъ вопросомъ о разрывѣ съ Германіей. Въ чувствѣ небывалаго возмущенія встала вся страна, и тянутся тяжелыя, томительныя минуты ожиданія... Или Германія покинетъ, наконецъ, свою позицію морского разбойничества, или между нею и заатлантической республикою неизбѣжна борьба. Семьдесятъ инспекторовъ, по спѣшному распоряженію изъ Вашингтона, производятъ сейчасъ тщательный обыскъ на германскихъ и австрійскихъ судахъ, стоящихъ въ американскихъ портахъ. Ищутъ взрывчатыхъ веществъ, такъ какъ получено сообщеніе, что капитаны готовятся взорвать суда въ случаѣ разрыва между С. Штатами и Германіей. Какая фантазія предвосхитила бы такой финалъ той все разрастающейся міровой трагедіи, которая открылась такъ неожиданно убійствомъ австрійскаго принца,—событіемъ, которое, казалось, совсѣмъ не имѣло никакого мірового значенія!

Сложенъ, фантастиченъ, воистину замѣчателенъ каждый день въ переживаемой нами полосѣ. Настанетъ время, замолкнетъ пальба, разсѣются клубы орудійнаго дыма, смолкнутъ стоны, проклятія и плачъ. Миръ воцарится на землѣ... Но долго еще въ ушахъ и сердцахъ людей будетъ стоять это пламя міровой борьбы, этотъ пожаръ, съ шипѣніемъ перебирающійся даже къ намъ, черезъ безконечность океанскихъ водъ.

II.

Въ одной изъ нью-іоркскихъ газетъ, недѣли три тому назадъ, появилась небезынтересная каррикатура. Стоитъ прекрасная мраморная статуя съ надписью: «Нейтралитетъ С. Штатовъ». Германскій посолъ въ Вашингтонѣ, г. фонъ-Бернсторфъ, злобно нахмурившись, мечетъ въ нее каменьями: «интервью», «агитація», «меморандумъ». Надъ нимъ, съ пренебрежительной и насмѣшливой улыбкой склонился «дядя Сэмъ». «Будьте поосторожнѣе, молодой человѣкъ,— говоритъ онъ, слегка дотрагиваясь до плеча посла.—Вѣдь вы можете разбить эту статую»,

Въ этой каррикатурѣ, какъ это нерѣдко бываетъ, больше содержанія, чѣмъ въ самой краснорѣчивой передовой по вопросу о сущности германо-американскихъ отношеній за послѣднее время. «Что съ ними сдѣлалось»—спрашивалъ недавно, въ своихъ интересныхъ фельетонахъ о Германіи, кн. Е. Н. Трубецкой [1])... Что съ нимъ сдѣлалось?»—хочется спросить и намъ, представляя себѣ всю абсурдность, всю безсмыслицу, даже съ точки зрѣнія германскихъ интересовъ, той политики, которую оффиціальные представители Германіи ведутъ теперь въ С. Штатахъ.

Съ начала войны они поставили себѣ вполнѣ понятную задачу,—вывести С. Штаты изъ состоянія моральнаго нейтралитета и склонить ихъ симпатіи къ Германіи. Во главѣ этого дѣла всталъ д-ръ Дернбургъ, бывшій германскій министръ колоній. Итоги этой агитаціи всѣмъ извѣстны. Германскій геній на этотъ разъ достигъ результатовъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, о которыхъ мечталъ. Пропаганду «Vaterland'a» повели въ такой крикливой, такой недопустимой для нейтральной страны формѣ, что если Америка, подъ ея вліяніемъ, и сдѣлала какой-либо шагъ въ сторону воюющихъ, такъ это былъ опредѣленный сдвигъ въ сторону симпатій къ союзникамъ. И вотъ,—очевидно, вслѣдствіе неудачи,—германская политика въ С. Штатахъ за послѣднее время теряетъ уже всякую опредѣленность заданій и становится какимъ-то аггрегатомъ самыхъ разнообразныхъ, но всегда неумѣлыхъ и нетактичныхъ, по отношенію къ Америкѣ, дѣйствій. Достаточно лишь вкратцѣ воспроизвести германскія мѣропріятія послѣдняго времени, чтобы читателю стала ясна картина этого дипломатическаго распада.

Въ началѣ апрѣля во всѣхъ американскихъ газетахъ появилось воззваніе, подписанное представителями 370-ти газетъ и журналовъ, выходящихъ въ Америкѣ на 27-ми различныхъ языкахъ. «Будемъ облегчать человѣческія страданія и сохранять жизнь, а не содѣйствовать ея уничтоженію»,—читаемъ мы въ подзаголовкѣ этого воззванія. А дальше: «Мы обращаемся къ американскому народу, къ благородной, безстрашной американской прессѣ, къ американскимъ производителямъ, занимающимся выработкой пороха, шрапнелей и патроновъ, къ рабочимъ, работающимъ на фабрикахъ и заводахъ, на которыхъ производится аммуниція для воюющихъ странъ,—мы взываемъ къ нимъ о немедленномъ прекращеніи производства пороха, шрапнели и патроновъ, предназначенныхъ для истребленія нашихъ братьевъ, для нанесенія непоправимыхъ ударовъ нашимъ сестрамъ и матерямъ, для невозвратимыхъ утерь несчастнымъ дѣтямъ,

---

[1]) „Русск. Вѣдом.“.

для уничтоженія неоцѣнимыхъ наслѣдій человѣчества». И въ концѣ: «Мы призываемъ каждаго читателя помочь намъ спасти нашихъ братьевъ отъ истребленія. Пусть весь американскій народъ встанетъ безстрашно и заявитъ всему міру свое твердое рѣшеніе, продиктованное ему сознаніемъ долга. Прежде всего, мы должны требовать прекращенія выработки для продажи оружія и аммуниціи и, такимъ образомъ, положить конецъ нашему участію въ войнѣ. А тогда мы сможемъ настаивать на томъ, чтобы Европа исполнила наши требованія мира. Пусть прекратятся всѣ работы по изготовленію пороха, шрапнели и пушекъ. Пусть народная воля объединится въ одинъ мощный протестъ, выливаясь въ форму общественныхъ резолюцій, обращеній къ прессѣ, дѣйствій церкви, посланій къ оффиціальнымъ общественнымъ представителямъ. Наше участіе въ войнѣ должно прекратиться немедленно, и тогда наше требованіе о правосудіи и справедливости поможетъ прекратить борьбу».

Не правда ли, какъ благородно! И это, — замѣтьте, — не только благородный, но и большой протестъ. Большой,—въ буквальномъ смыслѣ этого слова: въ печатномъ видѣ, вмѣстѣ съ подписями, онъ занимаетъ цѣлую газетную страницу. «Благородная и безстрашная американская пресса» не печатаетъ такихъ объявленій безплатно, какъ бы симпатичны они ни были. «Business is business»,— говоритъ въ такихъ случаяхъ американецъ. И вотъ, возникаетъ вопросъ, откуда же взялись тѣ сотни тысячъ долларовъ, которыя должны были оплатить это краснорѣчивое «воззваніе къ американскому народу»? Говорю о сотняхъ тысячъ, такъ какъ это воззваніе одновременно появилось почти во всѣхъ американскихъ газетахъ и не сходило со столбцовъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Можетъ ли показаться удовлетворительнымъ, напримѣръ, то объясненіе, которое кратко и скромно дается въ самомъ текстѣ объявленія: «Это объявленіе оплачено изъ небольшихъ пожертвованій людей, движимыхъ сознаніемъ человѣчности, правосудія и честнаго желанія, чтобы наша мирная нація не принимала прямого или косвеннаго участія въ дальнѣйшемъ истребленіи жизни или уничтоженіи имущества»?

12-го апрѣля, т.-е. спустя нѣсколько дней послѣ напечатанія объявленія, «The Providence Journal»—обстоятельно разъяснилъ эту великую тайну. Оказалось, что текстъ объявленія былъ составленъ морскимъ атташе при германскомъ посольствѣ, г. Бой-Эдомъ. Имъ же былъ составленъ и списокъ тѣхъ изданій, въ которыхъ объявленіе должно было появиться, и выплачена, изъ средствъ посольства, необходимая сумма. Большинство издателей подписало воззваніе, такъ какъ за это, въ формѣ объявленія, имъ было щедро заплачено. Американцы отъ подписей уклонились, и послѣднія были взяты почти

исключительно отъ издателей газетъ и журналовъ, выходящихъ на иностранныхъ, т.-е. не на англійскомъ, языкахъ. Посредникомъ между издателями и г. Бой-Эдомъ былъ мистеръ Луи Гаммерлинъ, предсѣдатель американской ассоціаціи иностранной печати.

Вся эта исторія съ воззваніемъ разыгралась, какъ мы уже указали выше, въ первыхъ числахъ апрѣля. А ровно черезъ мѣсяцъ, 7-го мая, тѣ самые нѣмцы, которы спекулировали въ Америкѣ на чувства состраданія и человѣчности, — «будемъ сохранять жизнь, а не содѣйствовать уничтоженію ея»,—потопили «Лузитанію», пассажирскій пароходъ съ беззащитными женщинами и дѣтьми! Въ началѣ апрѣля они «добромъ», черезъ фальсифицированное воззваніе, пытались привлечь симпатіи къ Германіи, а одновременно съ этимъ, 8-го апрѣля, германскій посолъ въ Вашингтонѣ, г. фонъ-Бернсторфъ, выступилъ съ «меморандумомъ», неприличіе и рѣзкость тона котораго сразу же вызвали въ американской прессѣ голоса о необходимости вручить паспортъ г. Бернсторфу.

Такъ одновременно въ германской политикѣ въ С. Штатахъ за послѣднее время боролись двѣ тактики. Одна заключалась въ томъ, чтобы вызвать къ Германіи американскія симпатіи. Эта тактика была неумѣла и вызывала обычно противоположные результаты. Другая, разсудку вопреки, какъ бы прямо ставила своей цѣлью присоединить къ коалиціи недруговъ Германіи еще одного грознаго и могущественнаго союзника. Въ этой тактикѣ германскіе дипломаты достигли блестящихъ успѣховъ.

Фонъ-Бернсторфъ закидалъ каменьями статую нейтралитета. «Будьте поосторожнѣе, молодой человѣкъ»,—говоритъ ему въ нашей каррикатурѣ спокойный и миролюбивый «дядя Сэмъ». Но всѣ предостереженія прошли мимо германскихъ ушей. 28-го апрѣля американскій пароходъ «Cushing» подвергся нападенію со стороны германскаго аэроплана. 1-го мая германская подводная лодка взорвала американскій пароходъ «Gulflight». Статую нейтралитета разносили въ куски... Взрывъ «Лузитаніи», 7-го мая, довершилъ это дѣло.

За опавшими кусками холоднаго, неподвижнаго «нейтральнаго» лика выглянуло подлинное, живое, горящее гнѣвомъ лицо великой республики. Вся Америка не заговорила, а закричала о нѣмцахъ, о варварствѣ, неожиданно и страшно вставшемъ среди бѣла дня цивилизаціи. Открытаго разрыва съ Германіей не было, оффиціальная формула нейтралитета была въ силѣ, но все же, какъ возможно было бы сравнить переживаемые нами сейчасъ дни гнѣва и воинственныхъ угрозъ съ прежними днями, когда въ Соед.

Штатахъ увѣренно и спокойно царила вашингтонская формула: «No war talk. We're neutral» («Ни слова о войнѣ. Мы нейтральны»).

7-го мая была потоплена «Лузитанія», и однихъ только американцевъ на ней погибло свыше ста человѣкъ, а 8-го мая, *т.-е. на завтра*, изъ нью-іоркскаго порта отошелъ пароходъ «Филадельфія», направляясь, какъ и «Лузитанія», по тому же пути, черезъ «военную зону». Подъ вліяніемъ сообщенія о «Лузитаніи», въ кассу пароходства было возвращено шесть билетовъ, но въ то же время успѣли продать девять новыхъ. Пароходъ отошелъ переполненный пассажирами. Ихъ набралось свыше тысячи человѣкъ.

7-го мая была потоплена «Лузитанія», а 10-го мая, по сообщенію нью-іоркскаго «Times'a», въ пути по Атлантическому океану находилось свыше ста пароходовъ, вышедшихъ изъ американскихъ портовъ. Всѣ они должны были пересѣчь «военную зону» и, какъ мы уже знаемъ, пересѣкли ее благополучно. Еще «гремѣли витіи», взбудораженные гибелью «Лузитаніи», а изъ американскихъ портовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отправлялись пароходы съ пассажирами, съ военными и пищевыми грузами. И газеты, по-прежнему, не стѣснялись объявлять подробности и детали каждаго отправленія. Вотъ сейчасъ, напримѣръ, передо мною «The New York Times» отъ 15-го мая. Изъ него я узнаю, что 14-го мая, въ $12^1/_2$ часа дня, изъ нью-іоркскаго порта отправлялся въ Ливерпуль пароходъ «Cymric», съ 500 пассажирами и большимъ военнымъ грузомъ. Объявлено даже, какой это грузъ: 4.301 ящикъ патронъ, 1.750 шрапнели, 100 ящиковъ огнестрѣльнаго оружія и т. п., и т. п.

Съ 18-го февраля, т.-е. вотъ уже въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, дѣйствуетъ «военная зона», а тысячи пароходовъ попрежнему пересѣкаютъ океанъ, и американскій экспортъ въ страны союзниковъ находится въ состояніи наивысшаго расцвѣта. Въ декабрѣ 1914 г. онъ былъ на 12.436.930 долл. выше, чѣмъ въ декабрѣ предшествующаго года; въ январѣ 1915 г., соотвѣтственно, на 63.812.710 долл. больше; въ февралѣ—на 125.885.724 долл. больше; въ мартѣ—на 121.946.264 долл. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что почти половина февраля и весь мартъ стоятъ уже подъ знакомъ «военной зоны». На мартѣ мѣсяцѣ, пока что, къ сожалѣнію, оффиціальныя свѣдѣнія кончаются [1]). Но всѣ послѣдующіе недѣль-

---

[1]) Въ предшествующей статьѣ мы уже указали, что, начиная съ декабря, американскій экспортъ за мѣсяцы войны постоянно превышаетъ соотвѣтствующія данныя за предшествующій годъ. Вотъ относящіяся сюда

ные итоги, регулярно-подводимые американской прессой и имѣющіеся уже за весь апрѣль и за половину мая, говорятъ все о томъ же. Съ точки зрѣнія военно-стратегической, «военная зона», какъ это и предрекали многіе, оказалась «бумажной зоной». Германцамъ, несомнѣнно, удались отдѣльныя, единичныя, нападенія, но, въ общемъ, подводная война совершенно не затронула и не разстроила уже наладившійся военный экспортъ изъ Америки въ союзныя страны.

Изъ военнаго предпріятія «военная зона» превратилась поэтому, просто-на-просто, въ разбойное озорничество. Въ трагическомъ эпизодѣ съ «Лузитаніей»—наивысшій образецъ этой выродившейся военной тактики. Въ немъ апогей германской жестокости и безсмысленности, даже съ точки зрѣнія ихъ же собственныхъ интересовъ, всей ихъ теперешней военной политики.

Результаты «Лузитаніи» неисчислимы. Америку эта трагедія превратила пока еще въ сдержаннаго, но уже открытаго и упорнаго противника Германіи. Таковы, повидимому, отголоски «Лузитаніи» и въ прочихъ нейтральныхъ странахъ.

III.

Когда семьдесятъ американскихъ инспекторовъ, по распоряженію изъ Вашингтона, производили обыскъ на находящихся въ Соед. Штатахъ германскихъ и австрійскихъ судахъ, взору ихъ представилась великолѣпная картина. Въ американскихъ портахъ задержаны теперь самые лучшіе германскіе пароходы. Изъ состава «Гамбургско-Американской линіи» здѣсь находятся: знаменитый, недавно построенный «Фатерландъ»,—послѣднее слово судостроительной техники, успѣвшій совершить по океану всего лишь два съ половиной рейса; «Президентъ Линкольнъ», «Пенсильванія», «Богемія», «Принцъ Эйтель-Фридрихъ», превратившійся въ началѣ войны въ крейсеръ, но затѣмъ вынужденный зайти и разоружиться въ американскомъ порту; «Принцъ Іоахимъ», «Президентъ Грантъ», «Гамбургъ», «Король Вильгельмъ II» и друг. Изъ пароходовъ «Сѣверо-Американскаго Ллойда»: «Джорджъ Вашингтонъ», «Кайзеръ

цифры, заимствованныя изъ оффиціальнаго вашингтонскаго изданія: „Monthly Summary of Commerce and Finance of the U. S.“:

	1913—1914 г.г.	1914—1915 г.г.
Декабрь	233.195.628	245.632.558
Январь	204.066.603	267.879.313
Февраль	173.920.145	299.805.869
Мартъ	187.499.234	299.445.498

Вильгельмъ II», «Фридрихъ Великій», «Великій Курфюрстъ», «Принцесса Ирина», «Барбаросса», «Кёльнъ» и друг. Мы перечислили только тѣ германскія суда, которыя находятся въ нью-іоркскомъ порту. Но, кромѣ того, здѣсь задержанъ также цѣлый рядъ австрійскихъ судовъ. Наконецъ, много германскихъ и австрійскихъ судовъ находятся также и въ другихъ портахъ Соед. Штатовъ. Въ случаѣ открытой борьбы между Германіей и Соед. Штатами, на долю послѣднихъ достанется, такимъ образомъ, первоклассный торговый флотъ. Вполнѣ вѣроятно, поэтому, что капитаны судовъ, дѣйствительно, получили инструкцію взорвать ихъ, при первомъ же сообщеніи о разрывѣ дипломатическихъ отношеній. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что тщательный обыскъ до сихъ поръ не далъ никакихъ результатовъ: взрывчатыхъ веществъ нигдѣ обнаружить не удалось.

И въ американской, и въ нѣмецкой печати, послѣ случая съ «Лузитаніей», живо обсуждалась возможность войны между Соед. Штатами и Германіей. Такъ, по мнѣнію «Frankfurt. Zeitung», напримѣръ, Соед. Штаты по отношенію къ Германіи «совершенно безсильны». Мы не будемъ сейчасъ въ подробности разсматривать всю аргументацію, приводимую нѣмецкой газетой,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ лишь, что легкомыслія въ ней значительно больше, чѣмъ это можетъ показаться иному читателю. О томъ, какъ Соед. Штаты, въ случаѣ войны, могутъ справиться со своею внутренней «нѣмецкой опасностью», мы укажемъ ниже; что же касается непосредственно-военныхъ дѣйствій, такъ тутъ германская печать какъ будто права. Соед. Штаты не пошлютъ, конечно, къ берегамъ Германіи свой флотъ, такъ какъ германскій флотъ и безъ того спрятался и не выходитъ навстрѣчу даже англійской эскадрѣ. Не будутъ въ состояніи также Соед. Штаты высадить въ Европѣ хоть сколько-нибудь значительный дессантъ. Но, вѣдь, и помимо всего этого, развязавъ себѣ руки отъ всякихъ вольныхъ и невольныхъ по отношенію къ Германіи «дружественностей», Соед. Штаты въ состояніи будутъ нанести ей все же большой и очень чувствительный ударъ. Во-первыхъ, они могутъ оказать могущественную финансовую поддержку противникамъ Германіи, своимъ друзьямъ по борьбѣ. Во-вторыхъ, они заберутъ себѣ германскій торговый флотъ, находящійся теперь въ американскихъ портахъ и оцѣниваемый въ сумму свыше ста милліоновъ долларовъ. Наконецъ, въ случаѣ общей конфискаціи германскихъ капиталовъ въ Соед. Штатахъ, на долю послѣднихъ достанется цѣнностей на сумму около милліарда долларовъ [1]...

---

1) По вычисленіямъ „The New-York Times“, отъ 15-го мая 1915 г. общая сумма германскихъ капиталовъ, размѣщенныхъ въ настоящее

Какъ это ни странно, но, провоцируя Соед. Штаты на открытое выступленіе, Германія не готовитъ себѣ рѣшительно ничего, кромѣ тяжелаго, невознаградимаго удара. А Соед. Штаты, до сихъ поръ упорно отмалчиваясь и отмахиваясь отъ самыхъ беззастѣнчивыхъ по отношенію къ ихъ достоинству выходокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмахиваются отъ выгодъ, несомнѣнно и открыто лежащихъ передъ ними. Если въ настоящее время уже трудно опредѣлить, вокругъ какого стержня вращается политика Германіи,—«паѳосъ» американской политики ясенъ: «миръ, во что бы то ни стало, миръ!»

Въ самомъ дѣлѣ, потопленіе «Лузитаніи», казалось бы, должно было переполнить чашу даже самаго большого и спокойнаго терпѣнія. Дни, которые мы сейчасъ переживаемъ,—совсѣмъ исключительные, ни на что непохожіе дни. Пришло роковое извѣстіе, и сразу же отодвинулась въ сторону вся обычная, всѣмъ знакомая жизнь. Въ первые дни замерли и сократились даже извѣстія съ театровъ войны. Все жило, дышало и думало лишь о «Лузитаніи»...

Въ первый же день раздались голоса, настаивавшіе на немедленномъ разрывѣ съ Германіей. Во главѣ этого движенія, какъ и слѣдовало ожидать, всталъ Рузвельтъ. Еще въ самомъ началѣ войны, въ своей книгѣ «Amerika and the World War», ex-президентъ доказывалъ, что какъ ни велико благо нейтралитета, бываютъ все же моменты, когда отъ него приходится отказаться во имя другого, еще бо́льшаго блага. «Тотъ видъ «нейтралитета», — писалъ Рузвельтъ,—который заключается въ устремленіи къ миру, во что бы то ни стало, при боязливомъ отказѣ выполнить свои обязанности и выступить рѣшительно и активно противъ такой, напримѣръ, несправедливости (wrong), какъ нарушеніе бельгійскаго нейтралитета,—такого рода «нейтралитетъ» недостоинъ славной и могущественной націи». Совсѣмъ недавно, въ серединѣ апрѣля, Рузвельтъ отвѣтилъ интереснымъ письмомъ г-жѣ Rublee, въ Чикаго, приславшей ему приглашеніе присоединиться къ «Женской партіи по организаціи мира». Письмо Рузвельта было опубликовано въ «The Chicago Herald». Со свойственной ему откровенностью, ex-президентъ прямо заявилъ почтенной дамѣ, что принципы ихъ предполагаемой организаціи кажутся ему «глупыми и пошлыми» («The platform of prin-

---

время за-границей, достигаетъ 24.000.000.000 марокъ, т.-е. около шести милліардовъ долларовъ. Изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, шестая часть находится въ Соед. Штатахъ. Германцы располагаютъ здѣсь, между прочимъ, большимъ количествомъ акцій въ Bethlehem Steel C°,—той самой компаніи, которая теперь усиленно выполняетъ военные заказы для союзниковъ.

ciples inclosed in your letter seems to be both silly and base»). Онъ очень проситъ свою корреспондентку не принимать, конечно, этихъ словъ на свой счетъ. Онъ указываетъ ей, не безъ галантности, на свидѣтельство исторіи, согласно которому «даже въ самыхъ непривлекательныхъ движеніяхъ почти всегда, среди прочихъ, принимали участіе и въ высокой степени образованные и привлекательные люди». Но по существу, въ своемъ отношеніи къ этому новому «мирному» движенію, Рузвельтъ остается до конца рѣзокъ и суровъ. «Движеніе,—пишетъ онъ,—которое не въ состояніи различить, что на свѣтѣ существуютъ войны и мирныя состоянія двухъ сортовъ,—плохое движеніе... Миръ, который освящаетъ несправедливость,—хуже, чѣмъ война... Кричать о мирѣ и молчать о несправедливости,—пошло и отвратительно... Страшная несправедливость совершена надъ Бельгіей, надъ ея гражданами, женщинами и дѣтьми. Бельгійцы доблестно сражались противъ угнетателей; а вашъ манифестъ совсѣмъ не содержитъ протеста противъ того, что̀ сдѣлали съ Бельгіей. Войну вы характеризуете въ такихъ выраженіяхъ, что, кажется, одинаково осуждаете и защитниковъ Бельгіи, и тѣхъ, кто ее раздавилъ».

Естественно, что по поводу «Лузитаніи» Рузвельтъ выступилъ съ требованіемъ немедленнаго разрыва съ Германіей. По его мнѣнію, «потопленіе «Лузитаніи»—не просто актъ пиратства, но пиратство, осложненное убійствами,—нѣчто хуже того, что̀ практиковали пираты старыхъ временъ передъ тѣмъ, какъ ихъ отправляли на висѣлицу». Рузвельтъ указывалъ, что выраженія американской ноты отъ 10-го февраля, въ которой говорилось о «строгой отвѣтственности» («strict accountability»), возлагаемой на Германію, въ случаѣ потопленія судовъ и гибели американскихъ гражданъ, могли имѣть только одно значеніе: дипломатическій разрывъ и полная свобода дѣйствій въ томъ случаѣ, если на это предостереженіе Германія не обратитъ вниманія.

Конечно, въ своемъ призывѣ къ немедленнымъ активнымъ выступленіямъ, Рузвельтъ не остался одинокъ. Сразу же почувствовалось, что въ данномъ случаѣ онъ выражаетъ большое и сильное теченіе въ американскомъ общественномъ мнѣніи. Печать изо дня въ день давала мѣсто рѣчамъ и заявленіямъ «Тэдди». Изъ сторонниковъ немедленной активной политики, назовемъ, напримѣръ, Джорджа Уикершэма (Wickersham), бывшаго министра юстиціи. Уикершэмъ, въ письмѣ въ редакцію нью-іоркскаго «Times'а», отъ 9-го мая, опредѣленно заявилъ, что, по его мнѣнію, единственно достойнымъ для С. Штатовъ выходомъ изъ создавшагося положенія

является: 1) немедленный разрывъ дипломатическихъ отношеній съ Германіей; 2) созывъ экстренной сессіи конгресса и 3) ассигнованіе по меньшей мѣрѣ 250-ти милл. долл. для того, чтобы быть вполнѣ готовыми къ защитѣ своихъ правъ.

Несмотря на агитацію Рузвельта и его сторонниковъ, все же очень скоро стало ясно, что голоса вліятельной прессы и широкаго общественнаго мнѣнія склоняются совсѣмъ въ другую сторону. «It must be something more than a protest» («Должно быть нѣчто, бо́льшее, чѣмъ протестъ»),—писалъ нью-іоркскій «Times» въ своей первой редакціонной статьѣ по поводу трагедіи на океанѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни «Times», ни другія вліятельныя газеты не намѣчали пути дипломатическаго разрыва, какъ единственный выходъ изъ создавшагося положенія. Въ ихъ статьяхъ, весьма бурныхъ и негодующихъ, все же проскальзывали нотки надежды, что достоинство государства и безопасность американскихъ гражданъ удастся обезпечить и безъ вступленія на путь активныхъ дѣйствій.

Приглядываясь къ этой политикѣ осторожности и выжиданія, проводимой въ такихъ условіяхъ, когда, казалось бы, всякому выжиданію и миролюбію могъ придти конецъ, невольно вспоминаешь «воспламененіе» Америки годъ тому назадъ, по поводу нѣкоторыхъ, сравнительно совсѣмъ незначительныхъ недоразумѣній съ Мексикой. Тогда вѣдь кричали, и рвались въ бой, и проклинали президента, который якобы не защищаетъ достоинства страны... А теперь притихли, и всѣ глаза повернули на Вашингтонъ: спасетъ ли Вильсонъ, найдетъ ли и на этотъ разъ слова, которыя будутъ достаточно тверды въ защитѣ права и столь мягки, чтобы Германія имѣла полнѣйшую возможность благородно ретироваться...

Спрашивается, откуда же такая изумительная перемѣна въ духѣ страны? Не потому ли, что Германія, повидимому, опаснѣе Мексики? Такъ вѣдь нѣтъ: какъ это ни странно, но въ данный моментъ Германія для С. Штатовъ почти совсѣмъ неопасна. Въ случаѣ войны съ Германіей, С. Штатамъ терять почти нечего. Дружеское расположеніе Германіи утеряно уже давно. Какъ ни безукоризненна, съ правовой точки зрѣнія, позиція нейтралитета С. Штатовъ,—со стороны фактической, вслѣдствіе потери Германіей контроля надъ океаномъ, она давно уже превратилась въ самую дѣятельную поддержку союзниковъ. И въ моральномъ сочувствіи С. Штаты не отказывали имъ никогда. Поэтому, если бы возможна была побѣда Германіи, С. Штаты ожидала бы въ будущемъ весьма

незавидная участь. Злопамятные тевтоны вспомянули бы имъ ихъ «нейтралитетъ»...

Если нельзя говорить о непосредственно-военныхъ дѣйствіяхъ С. Штатовъ по отношенію къ Германіи,—нельзя, конечно, говорить и о нападеніи Германіи на С. Штаты. Въ настоящій моментъ, при настоящихъ условіяхъ, Атлантическій океанъ полагаетъ между ними непреодолимый барьеръ... И когда германцы начинаютъ точить зубы на заатлантическую республику,—за послѣднее время это случается нерѣдко,—ихъ мечты принимаютъ, поэтому, совсѣмъ другой оборотъ. Такъ, напримѣръ, уже вышеназванная «Frankfurter Zeitung» въ этихъ случаяхъ, съ подмигиваніями и намеками, начинаетъ говорить о «дѣтяхъ Германіи, населяющихъ Америку»: Они,—говорятъ,—не забыли свою старую родину...

Увы, и съ этой стороны, большія разочарованія ожидаютъ германскихъ патріотовъ. Правда, по даннымъ census'а (переписи) 1910 года, въ С. Штатахъ, въ круглыхъ цифрахъ, насчитывалось 8.200.000 лицъ германскаго происхожденія. Но изъ нихъ 5.700.000 родились уже въ С. Штатахъ. Эти поколѣнія могутъ, конечно, посочувствовать старой родинѣ, которую, быть можетъ, никогда и не видѣли; но на что-либо бо́льшее, съ ихъ стороны, разсчитывать врядъ ли разумно. Конечно, въ случаѣ разрыва съ Германіей, въ С. Штатахъ приходится ожидать нѣсколько отдѣльныхъ и, быть можетъ, даже крупныхъ скандаловъ. Нашелся же у насъ недавно такой несдержанный нѣмецкій патріотъ, который позволилъ себѣ, при сообщеніи о гибели «Лузитаніи», на одной изъ самыхъ людныхъ площадей Нью-Іорка, сдернуть шляпу съ головы и закричать: «Да здравствуетъ Германія!» По сообщеніямъ газетъ, дюжій полисменъ едва вырвалъ героя изъ рукъ разсвирѣпѣвшей толпы. Возведите эту выходку въ нѣсколько степеней,—и передъ вами картина будущаго германскаго «возстанія» въ С. Штатахъ. Кромѣ нѣсколькихъ скандаловъ, ждать ничего серьезнаго не приходится... Лучшее этому доказательство, между прочимъ, въ послѣднемъ выступленіи германо-американской прессы. Какъ ни старалась она оправдать потопленіе «Лузитаніи», а все же вся цѣликомъ подписалась подъ протестомъ Вильсона и выразила чувства полнѣйшей преданности и лойяльности президенту.

Такимъ образомъ, въ случаѣ разрыва съ Германіей, С. Штатамъ не грозитъ опасность ни извнѣ, ни извнутри. Не теряя ничего, они пріобрѣтаютъ чрезвычайно много. Президентъ Вильсонъ, еще въ своемъ обращеніи къ конгрессу, 8-го декабря 1914 г. указалъ на всю неотложную необходимость развитія американскаго коммерческаго флота. Исключительно благопріятный моментъ въ развитіи

торговыхъ отношеній съ Европой и Южной Америкой, война и открытіе Панамскаго канала,—все это ставитъ передъ С. Штатами грандіозныя коммерческія задачи. Въ стремленіи возможно быстро, не теряя драгоцѣннаго времени, создать для себя новый торговый флотъ, С. Штаты, какъ извѣстно, въ теченіе чуть ли не всей осени 1914 г. обсуждали вопросъ о покупкѣ тѣхъ германскихъ судовъ, которыя застряли въ американскихъ портахъ. Въ началѣ января 1915 года этотъ «Ship Purchase Bill» былъ сенатомъ положенъ подъ сукно, главнымъ образомъ, потому, что Англія заявила по поводу этой покупки протестъ. Поддержка Германіи, въ видѣ покупки на сто милліоновъ долларовъ, съ формальной стороны, вполнѣ справедливо могла быть разсматриваема, какъ нарушеніе нейтралитета, и, конечно, была невыгодна для союзниковъ.

Теперь наступилъ моментъ, когда германскій торговый флотъ, уже безъ всякихъ недоразумѣній, вотъ-вотъ, и перейдетъ въ американскія руки. Вся исторія германо-американскихъ отношеній за послѣднее время складывается такъ, что трудно предвидѣть какой-либо исходъ, кромѣ скораго и неизбѣжнаго разрыва между этими государствами. Къ разрыву толкаетъ, съ одной стороны, достоинство и интересы С. Штатовъ, съ другой,—политика провокаціи, упорно проводимая Германіей по отношенію къ заатлантической республикѣ. «Кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю».

Единственно, что поражаетъ въ этомъ еще незакончившемся эпизодѣ міровой борьбы,—это совершенно исключительное миролюбіе С. Штатовъ. «It must be something more than a protest»,—требовало общественное мнѣніе Америки послѣ потопленія «Лузитаніи», и нота Вильсона, на которую мы теперь ждемъ отвѣта, носитъ, какъ извѣстно, ультимативный характеръ. Вильсонъ надѣется: 1) «что императорское германское правительство отрицательно отнесется къ актамъ, вызывающимъ нареканія С. Штатовъ»; 2) «что оно возмѣститъ за оригинальный ущербъ въ той мѣрѣ, въ какой возмѣщеніе въ данномъ случаѣ возможно» (въ подлинникѣ здѣсь очень тонкая, изящная и ядовитая формула: «so far as reparation is possible for injuries which are without measure») и 3) «что оно приметъ немедленныя мѣры къ предупрежденію въ дальнѣйшемъ всего такого, что ясно противорѣчитъ правиламъ веденія войны». Ультимативный характеръ этихъ трехъ положеній ясно подчеркивается въ заключительныхъ строкахъ ноты, гдѣ говорится о томъ, что «императорское германское правительство должно понять, что правительство С. Штатовъ готово на всякія заявленія и дѣйствія для выполненія своего священнаго долга,—защиты правъ

С. Штатовъ и ихъ гражданъ и обезпеченія послѣднимъ свободнаго пользованія этими правами». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, текстъ ноты составленъ въ выраженіяхъ, долженствующихъ, во что бы то ни стало, облегчить Германіи возможность принятія ультиматума. Такъ, въ нотѣ вспоминается, что «способы дѣйствій Германіи и ея вліянія въ международныхъ отношеніяхъ всегда были на сторонѣ справедливости и гуманности» (sic!), и выражается предположеніе, что «командиры судовъ, совершившіе беззаконные акты, поступили такъ исключительно потому, что неправильно поняли распоряженія высшихъ властей императорскаго германскаго флота». Конечно, во всѣ эти завѣренія и предположенія не вѣрилъ ни самъ Вильсонъ, предложившій въ засѣданіи министровъ проектъ этой ноты, ни нація, единодушно привѣтствовавшая это выступленіе своего президента. Эти комплименты были послѣднимъ, во-истину героическимъ средствомъ отклонить, во что бы то ни стало, назрѣвающій разрывъ съ Германіей. . . . . .

. . . . . .

А. І. Закъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

I.

Вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ имѣетъ важное обще-государственное значеніе, такъ какъ дѣло прогресса и демократіи въ Россіи тѣсно связано съ дѣломъ освобожденія польскаго и еврейскаго народовъ. Онъ представляетъ тѣмъ большій интересъ теперь, когда волна націонализма быстро растетъ, угрожая исконнымъ традиціямъ русскаго либерализма и демократіи.

Русское прогрессивное общественное мнѣніе уже оказало и въ будущемъ можетъ оказать еще болѣе благотворное вліяніе въ сферѣ польско-еврейскихъ отношеній. Но оно, по нашему глубокому убѣжденію, достигнетъ тѣмъ бо̀льшихъ успѣховъ, чѣмъ больше будетъ имѣть въ виду интересы прогресса во всей Россіи, не давая воз-

можности націоналистической реакціи использовать польско-еврейскаго конфликта противъ всего польскаго народа, затормозивъ рѣшеніе польскаго и еврейскаго вопроса въ его цѣломъ. Наиболѣе послѣдовательные представители русской прогрессивной печати, какъ и слѣдовало ожидать, заняли вполнѣ объективную позицію. Но, къ сожалѣнію, бѣдствія, переживаемыя въ настоящій моментъ евреями въ Польшѣ, вызываютъ иногда, особенно въ ежедневныхъ газетахъ, слишкомъ пессимистическія заключенія о судьбѣ польско-еврейскихъ отношеній, основанныя нерѣдко на несправедливомъ приписываніи антисемитскихъ тенденцій всему польскому народу, на неточныхъ историческихъ справкахъ и данныхъ изъ современной жизни.

Мы далеки отъ мысли, что въ сферѣ этихъ отношеній все обстоитъ благополучно; но намъ думается, что и для пессимизма нѣтъ достаточныхъ основаній, что, во всякомъ случаѣ, ихъ въ настоящее время не больше, чѣмъ два года тому назадъ, въ періодъ разгара бойкота евреевъ.

Антисемитизмъ не является особенностью всего народа, а лишь нѣкоторыхъ его слоевъ, группирующихся вокругъ націоналдемократической партіи; онъ—лишь продуктъ опредѣленныхъ условій на данной стадіи историческаго развитія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, необходимо: 1) заглянуть въ прошлое польскаго народа, обратить вниманіе на тѣ условія, при которыхъ сложились его психическія особенности и его правовое сознаніе; 2) отдать себѣ отчетъ, въ чемъ именно проявилась печальная сторона вопроса въ послѣдніе мѣсяцы; 3) учесть тенденціи развитія взаимотношеній разныхъ слоевъ обоихъ народовъ.

Основной причиной польско-еврейскаго конфликта, какъ это неоднократно отмѣчалось, является обостреніе конкурренціи польскаго и еврейскаго элемента на всѣхъ поприщахъ общественной и экономической дѣятельности, порожденное ростомъ буржуазіи польскаго происхожденія и развитіемъ нео-еврейской культуры—печати, литературы, искусства, языка, національнаго сознанія евреевъ. Но такого рода конфликтъ существуетъ и въ Галиціи и другихъ странахъ, гдѣ онъ, однако, не играетъ той роли въ общественной жизни, что въ Царствѣ Польскомъ. Уже самъ этотъ фактъ показываетъ, что условій, благопріятствующихъ его обостренію, слѣдуетъ искать не только во внутреннемъ развитіи страны, но и во внѣшней обстановкѣ ея развитія—въ общегосударственныхъ отношеніяхъ, создавшихъ черту еврейской осѣдлости, наложившихъ свой отпечатокъ на психику ея населенія, отразившихся въ идеологіи

націоналдемократической партіи, играющей весьма важную роль въ развитіи польско-еврейскаго конфликта.

Если бы польскій народъ въ его цѣломъ остался вѣренъ своимъ традиціямъ, то этотъ конфликтъ не принялъ бы того остраго характера, которымъ онъ отличается въ настоящій моментъ. Евреи, приглашенные, какъ извѣстно, польскими королями для содѣйствія экономическому развитію страны, играли важную роль въ ея экономической жизни. Правда, особая отрасль хозяйственной дѣятельности, въ виду сосредоточія въ ихъ рукахъ торговли, особое ихъ самоуправленіе, различіе въ религіи, нравахъ, обычаяхъ, языкѣ рѣзко отдѣляли ихъ отъ большинства населенія Польши, вслѣдствіе чего среди своевольнаго дворянства установилось нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ нимъ. Но въ то же время ими дорожили, какъ полезнымъ, необходимымъ въ странѣ элементомъ. И поэтому въ правовомъ отношеніи въ бывшемъ польскомъ государствѣ евреи были обезпечены болѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, какъ, напр., въ Германіи. Въ послѣдней они составляли собственность императора—servi camerae, и таковыми остались и послѣ дарованія имъ льготъ въ 1235 г. императоромъ Фридрихомъ II вплоть до паденія феодальнаго строя. Въ Польшѣ евреи считались особымъ классомъ населенія. Въ теченіе всего времени существованія польскаго государства въ сферѣ еврейскаго вопроса боролись двѣ тенденціи: 1) «сеймовая», представляемая королевской властью и дворянствомъ,—проявляющаяся въ расширеніи правъ евреевъ, и 2) «синодальная», представляемая духовенствомъ и стремившаяся къ ограниченію ихъ правъ на-ряду, впрочемъ, съ ограниченіемъ правъ всѣхъ иновѣрцевъ. Уже въ 1264 г. Болеславъ V Стыдливый издалъ такъ наз. «калишскую привилегію», болѣе или менѣе уравнявшую евреевъ въ правахъ съ польскими мѣщанами. Вскорѣ синодъ, правда, запретилъ христіанамъ сближеніе съ евреями въ общественной и личной жизни и заключеніе у нихъ займовъ подъ залогъ. Но, затѣмъ король Казиміръ Великій подтвердилъ «калишскую привилегію», предоставивъ при этомъ евреямъ право брать въ залогъ даже землю. Впослѣдствіи привилегіи евреямъ были подтверждены королями: Казимиромъ IV, Сигизмундомъ I, Стефаномъ Баторіемъ, Владиславомъ IV, Яномъ Казимиромъ и Яномъ Собѣскимъ, а также рядомъ сеймовъ. И хотя синодамъ удавалось вводить нѣкоторыя ограниченія, все же въ теченіе всего такъ наз. электоральнаго періода вплоть до Августа II Саксонскаго, подтвержденіе привилегіи формулированной Стефаномъ Баторіемъ словами «aequantur cum cvibus, iisdem libertatibus dotantur»—было однимъ изъ условій

избранія короля шляхтой. Только въ царствованіе Августа II и III, когда іезуиты руководили фактически всей государственной машиной, положеніе евреевъ сильно ухудшилось. Но съ вступленіемъ на престолъ Станислава-Августа (Понятовскаго) опять наступилъ поворотъ, пришедшій къ извѣстнымъ рѣшеніямъ четырехлѣтняго сейма. Изъ этихъ рѣшеній наиболѣе характерными являются слѣдующія: «Законъ признаетъ евреевъ свободными гражданами; они не могутъ записываться въ подневольное состояніе. Въ обществахъ, къ которымъ принадлежатъ, они имѣютъ рѣшающій голосъ. Евреи могутъ быть избираемы чиновниками и сами избирать. Они имѣютъ доступъ ко всякаго рода достоинствамъ; могутъ покупать мельницы, землю, согласно общимъ для всѣхъ гражданъ постановленіямъ. Евреи уплачиваютъ лишь тѣ подати, которыя установлены и для христіанъ. Ни одинъ еврей не можетъ креститься—раньше достиженія извѣстнаго возраста (мужчина—20 лѣтъ, женщина—18 л.) и то только послѣ испытанія въ теченіе года».

Раздѣлъ Польши сдѣлалъ невозможнымъ проведеніе въ жизнь этихъ рѣшеній. Часть ея, включенная въ составъ Россіи, очутилась въ совершенно иныхъ условіяхъ. Въ Россіи уже въ 1791 г. была введена черта еврейской осѣдлости. Три года спустя тамъ былъ установленъ рядъ ограниченій правъ евреевъ. Они должны были уплачивать подати вдвое больше «противу положенныхъ для мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ вѣроисповѣданій». Равно ограничены: участіе евреевъ въ органахъ городского и сословнаго самоуправленія; компетенція кагала въ завѣдываніи «обрядами закона и богослуженія». Послѣ раздѣла Польши въ перешедшей къ Россіи ея части усилились подготовившіе таковой реакціонные элементы, враждебные четырехлѣтнему сейму. Отнынѣ въ своихъ выступленіяхъ противъ евреевъ они опирались на законы, существующіе въ Россіи. И даже, когда въ княжествѣ варшавскомъ было введено законодательство, гарантирующее всѣмъ гражданамъ равноправіе, они, годъ спустя, добились изданія временныхъ правилъ для евреевъ на срокъ 10 лѣтъ.

Съ тѣхъ поръ польская демократія включила въ число своихъ задачъ борьбу за равноправіе евреевъ. И она дѣйствовала въ этомъ направленіи въ періодъ романтизма и въ періодъ «позитивизма». Адамъ Мицкевичъ въ 1848 г. въ своемъ «Сводѣ принциповъ» (Swod zasad), исходя изъ положенія Польскаго Демократическаго Общества о гарантіи «правъ независимаго быта для всѣхъ гражданъ безъ различія пола и вѣроисповѣданія», слѣдующимъ образомъ формулировалъ задачи польскаго народа въ отношеніи къ

евреямъ: «§ 10. Старшему брату Израилю — уваженіе, братство, помощь въ дѣлахъ его земныхъ и духовныхъ и во всемъ равныя права».

5 (17) марта 1861 г. собраніе общества католическихъ купцовъ въ Варшавѣ постановило требовать равноправія евреевъ и съ этой цѣлью упразднить существующіе съ 1817 г. два списка лицъ купеческаго сословія — евреевъ и христіанъ и установить одинъ общій. 7 (19) марта собраніе всѣхъ промышленниковъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ рѣшило «уравнять евреевъ въ правахъ съ христіанами въ цехахъ и собраніяхъ». Въ силу этихъ постановленій маркизъ Велепольскій и провелъ равноправіе евреевъ въ сферѣ гражданскаго права. Участіе евреевъ въ польскихъ возстаніяхъ создало къ нимъ горячія симпатіи среди польскаго населенія. Еврей Берко Іоселевичъ, Лянде и др. зачислены въ сонмъ національныхъ героевъ.

Представители періода «Варшавскаго позитивизма», подвергшіе критикѣ тактику національныхъ возстаній и все міровоззрѣніе романтиковъ, были, такъ же, какъ и ихъ предшественники, сторонниками равноправія евреевъ. И отношеніе къ послѣднимъ отразилось, между прочимъ въ изящной литературѣ. Изъ еврейскаго быта взяты сюжеты произведеній Оржешко, Конопницкой, Свентоховскаго, овѣянныхъ глубокимъ чувствомъ симпатіи къ евреямъ.

II.

Сто слишкомъ лѣтъ развитія въ атмосферѣ національныхъ преслѣдованій и ограниченій правъ евреевъ изъ года въ годъ оказывали, однако, воздѣйствіе на психику польскаго общества. Развился польскій націонализмъ, ослабѣло уваженіе къ правамъ другихъ народовъ. Скопленіе евреевъ въ странѣ, благодаря чертѣ осѣдлости, и притокъ новыхъ еврейскихъ элементовъ, не сжившихся съ польскимъ населеніемъ, вызванный преслѣдованіемъ евреевъ въ Россіи, создали условія, благопріятствующія преобладанію реакціонныхъ тенденцій и развитію конфликта, порожденнаго указанными въ началѣ настоящей статьи причинами.

Разсадникомъ антисемитизма служитъ націоналдемократическая партія. Она отнюдь не является представительницей всего польскаго народа. Съ ней ведутъ непримиримую борьбу связанныя съ широкими народными массами рабочія и крестьянскія организаціи. Между этими двумя лагерями существуетъ рядъ промежуточ-

ныхъ партій — Реальной Политики, Прогрессивная, «Фронда Н.-Д.».

Въ польскомъ народѣ и въ настоящее время, равно какъ и до войны, происходитъ, въ сферѣ польско-еврейскихъ отношеній, борьба двухъ тенденцій, имѣющихъ глубокія основы въ интересахъ разныхъ его слоевъ и напоминающихъ тѣ, которыя господствовали въ давней Польшѣ. Источникомъ первой являются интересы буржуазіи польскаго происхожденія. Второй—интересы трудящихся классовъ.

Въ средѣ польской буржуазіи антисемитизмъ, являющійся идейнымъ выраженіемъ ея конкурренціи съ еврейскимъ элементомъ, получилъ преобладаніе надъ ея традиціями и политическими и національными стремленіями. Обостреніе этой конкурренціи и классовая борьба рабочихъ сблизили ее съ бюрократіей, оказывавшей дѣятельное покровительство индустріальному развитію страны и съ католическимъ духовенствомъ, а также находящейся подъ его вліяніемъ частью дворянства и крестьянъ. Ростъ нео-еврейской культуры придалъ конфликту характеръ борьбы двухъ націй. Н.-Д. и является представительницей этой части народа.

Жизненныя условія польскихъ рабочихъ дѣйствуютъ на нихъ въ противоположномъ направленіи. Они усиливаютъ борьбу съ капиталомъ и бюрократіей и объединяютъ ихъ съ еврейскими рабочими узами общихъ интересовъ. Конкурренція съ еврейскимъ элементомъ на полѣ физическаго труда незначительна и уступаетъ мѣсто настоятельной потребности въ улучшеніи экономическаго положенія и политическихъ и національныхъ правъ. Въ крестьянской средѣ антагонизмъ съ дворянствомъ и бюрократіей и эксплоатація со стороны духовенства гораздо болѣе чувствительны, чѣмъ антагонизмъ съ еврейскими мелкими торговцами и ростовщиками, эксплоатирующими крестьянъ въ меньшей степени, чѣмъ тѣ же элементы польскаго происхожденія. На полѣ умственнаго труда интересы борьбы за политическое и національное освобожденіе преобладаютъ надъ антагонизмомъ между польской и нео-еврейской культурой.

Н.-Д. въ средѣ трудовой демократіи пользовалась вліяніемъ лишь въ періодъ реакціи, наступившей послѣ движенія 1905—1906 гг. Судьба же польскаго антисемитизма, какъ мы отмѣтили, тѣсно связана съ судьбой Н.-Д. Въ идеологіи и дѣятельности этой партіи нашелъ свое выраженіе весь конфликтъ прогрессивныхъ и реакціонныхъ тенденцій въ польскомъ народѣ. Она возникла въ 80-хъ гг. въ періодъ реакціи и національныхъ преслѣдованій, какъ партія націоналистическая, антисемитская и, согласно, между прочимъ, авторитетному заявленію ея лидера г. Р. Дмовскаго, поставила себѣ задачу упроченіе

національнаго единства путемъ борьбы съ лѣвыми партіями за вліяніе на народныя массы. Съ этой цѣлью Н.-Д. еще въ періодъ революціонно-націоналистической ея дѣятельности старалась изолировать польскій народъ отъ вліянія русскихъ прогрессивныхъ идей и рѣзко противоставляла его интересы интересамъ еврейскаго населенія страны. Когда же послѣ 1905 г. сближеніе ея съ русской реакціей вызвало выступленіе изъ нея Національнаго Рабочаго Союза, крестьянскихъ организацій и элементовъ, составившихъ т. н. «фронду Н.-Д.», антисемитская агитація на почвѣ обострившихся къ тому времени польско-еврейскихъ отношеній не только отражаетъ стремленія представляемыхъ ею слоевъ населенія, но и служитъ средствомъ удержать падающее ея вліяніе. И бойкотъ былъ провозглашенъ ею именно въ моментъ, когда во время выборовъ въ IV Госуд. Думу объединенныя силы польской и еврейской демократіи нанесли ей ударъ въ центрѣ ея дѣятельности—Варшавѣ.

Правда, бойкотъ былъ поддержанъ «фрондой», частью реалистовъ, «прогрессистовъ», еврейской полонизированной буржуазіей и даже отдѣльными лицами изъ среды соціалистовъ-націоналистовъ. Но среди этой части общества антисемитизмъ былъ лишь рефлексомъ, вызваннымъ разочарованіемъ въ надеждахъ на ассимиляцію евреевъ, послѣдней попыткой толкнуть еврейскія массы на путь ассимиляціи. Всѣ сторонники бойкота, кромѣ Н.-Д., признавая права гражданства за большинствомъ еврейскаго населенія, издавна живущимъ въ Польшѣ, подняли знамя борьбы только противъ «литваковъ», которыхъ они считали наиболѣе стойкими представителями нео-еврейской культуры, видя притомъ въ нѣкоторыхъ «литвацкихъ» элементахъ носителей руссификаторскихъ тенденцій Н.-Д. же направила борьбу противъ всего еврейскаго населенія Польши, не исключая полонизированныхъ элементовъ, которые считаетъ «наиболѣе опасными, ибо скрытыми врагами польскаго народа». Этимъ она оттолкнула отъ бойкота значительное количество его сторонниковъ изъ среды буржуазіи, интеллигенціи и дворянства.

Рабочіе съ самаго начала не принимали въ немъ участія. Нѣсколько проявленій конфликта между польскими и еврейскими рабочими были плодомъ не антисемитизма, но демогогической агитаціи и чисто-экономическихъ мѣстныхъ условій. Онъ не нашелъ распространенія и среди крестьянъ за исключеніемъ наиболѣе отсталыхъ слоевъ, служившихъ орудіемъ духовенства и націоналистовъ. Рабочія партіи и крестьянскія организаціи имени Сташица вели повсемѣстно борьбу съ нимъ. И бойкотъ, разоривъ, правда, десятки тысячъ не только еврейскихъ, но и польскихъ предпріятій, все же потерпѣлъ фіаско. Это констатировали въ печати представители самыхъ различ-

ныхъ теченій: и марксистъ Л. Крживицкій на столбцахъ русскихъ и польскихъ газетъ, и народники изъ «Zarania», и прогрессисты изъ «Prawdy» и «Nowej Gazety», и лѣвые націоналисты изъ «Tygodnika Polskiego» и «Przedświta».

Обанкротился бойкотъ въ сферѣ экономическихъ отношеній, такъ какъ современное производство на широкій рынокъ настолько сплело между собой интересы еврейскихъ производителей и торговцевъ и польскихъ потребителей и, наоборотъ, настолько упрочило позицію еврейскихъ капиталистовъ, давнихъ хозяевъ польской торговли и промышленности, настолько углубило классовыя противорѣчія въ средѣ польскаго народа, что всѣ усилія Н.-Д. оказались тщетными. Онъ потерялъ raison d'être даже съ точки зрѣнія крайнихъ націоналистовъ и въ сферѣ борьбы съ нео-еврейской культурой и руссификаторской дѣятельности «литваковъ». Развитіе нео-еврейской культуры дѣлаетъ все болѣе быстрые успѣхи. Какъ раньше преслѣдованія евреевъ въ Россіи, такъ теперь борьба съ ними въ Польшѣ, содѣйствуя ихъ сплоченію, лишь усиливаетъ темпъ ея развитія. Одновременно все болѣе выясняется безпочвенность опасеній руссификаторской роли «литваковъ». Даже органъ враждебной имъ Н.-Д.—«Gazeta Warszawska», утверждая, что надежды «прогрессистовъ» на ассимиляцію евреевъ утопичны, въ то же время призналъ, что: 1) польская культура слишкомъ сильна, чтобы пользованіе русскимъ языкомъ со стороны незначительной части населенія могло представлять для нея опасность; 2) «литваки» составляютъ въ Польшѣ часть еврейскаго народа, обладающаго своей нео-еврейской культурой; тѣ же изъ нихъ, которые воспитались подъ вліяніемъ русской культуры, вынуждены въ обыденной жизни скорѣе «поверхностно, механически воспринять польскій языкъ», чѣмъ пользоваться русскимъ и навязывать его населенію.

Въ бойкотѣ польско-еврейскій конфликтъ достигъ кульминаціоннаго пункта своего развитія, и крушеніе бойкота должно повести, неизбѣжно, къ смягченію его проявленій, ибо острыя ихъ формы не могутъ найти впредь оправданія въ интересахъ широкихъ круговъ польской буржуазіи. И неудача эта вызвала съ одной стороны недовольство противъ организаторовъ бойкота, «втянувшихъ—по выраженію «Tygodnika Polskiego»—народъ въ рискованную игру»; съ другой—инстинктивное озлобленіе противъ евреевъ.

III.

Война, на первый взглядъ, должна была содѣйствовать сближенію польскаго и еврейскаго населенія страны, такъ какъ выдвинула задачу защиты отъ иноземнаго вторженія, противоставивъ поляковъ

и евреевъ, какъ одно цѣлое, внѣшнему врагу. Въ статьѣ «Къ польскому вопросу» мы отмѣтили симпатіи польской части населенія къ Россіи. Таковыя въ не менѣе яркой формѣ проявились и среди евреевъ. Въ «Гацефира»—вліятельномъ варшавскомъ еврейскомъ органѣ, слѣдующимъ образомъ опредѣляется отношеніе евреевъ къ войнѣ: «Врагъ, объявившій войну Россіи, въ то же время объявилъ ее и намъ, евреямъ. Въ такое время все отходитъ на задній планъ предъ лицомъ общаго врага всему безъ исключенія населенію»... По мнѣнію еврейскихъ націоналистовъ, для евреевъ существуетъ и можетъ существовать въ этой, какъ и въ каждой иной войнѣ, въ которой участвуетъ Россія, лишь одна «оріентація»—это — «русская оріентація», ибо: 1) отдѣленіе отъ Россіи западныхъ ея окраинъ неминуемо должно повести къ ихъ обнищанію, а слѣдовательно, нанести жестокій ударъ евреямъ; 2) раздѣленіе еврейскаго населенія Россіи крайне гибельно отразилось бы на судьбахъ еврейской культуры.

И около 300.000 евреевъ самоотверженно сражаются нынѣ въ рядахъ русской арміи. Въ началѣ войны тысячи евреевъ изъявляли желаніе поступить волонтерами, но таковое не осуществилось не по ихъ волѣ.

Были сдѣланы со стороны еврейскаго общества и вполнѣ опредѣленные шаги къ непосредственному сближенію съ польскимъ населеніемъ страны. Наиболѣе націоналистическая изъ варшавскихъ еврейскихъ газетъ—«Haint» въ № 176 заявляетъ: «Еврейское населеніе Польши привѣтствуетъ воззваніе съ неменьшимъ воодушевленіемъ, чѣмъ поляки. Исторія въ теченіе вѣковъ связала судьбу евреевъ съ Польшей. Во время совмѣстной жизни евреи принимали участіе какъ въ радостяхъ, такъ и въ горестяхъ польскаго народа. Въ великіе моменты польской исторіи вожди поляковъ никогда не забывали преданности евреевъ странѣ. Когда лучъ солнца озарилъ польское небо, онъ озарилъ и евреевъ. Слова воззванія объ уваженіи къ правамъ меньшинства возвѣщаютъ новую эпоху и намъ. Вѣримъ, что, когда солнце свободы засіяетъ надъ Польшей, всѣ недоразумѣнія и взаимныя пререканія забудутся навсегда».

Но война же создала и условія, неблагопріятствующія сближенію поляковъ съ евреями, сильно затормозившія это дѣло: 1) вызванныя ею бѣдствія породили среди населенія раздраженіе и ожесточеніе; 2) польскіе реакціонные элементы сплотились съ русской реакціей, усилились и одни только получили свободу слова и дѣйствій; 3) на территоріи Польши появились массы не-мѣстнаго населенія. Правда, поглощенная злободневными задачами польская печать перестала интересоваться еврейскимъ вопросомъ. Но въ изданіяхъ

Н.-Д. все же изрѣдка появляются посвященныя ему статьи, проникнутыя боевымъ антисемитизмомъ, принявшимъ новыя, отвѣчающія нынѣшнимъ условіямъ формы.

Вскорѣ послѣ извѣстнаго обращенія Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ «Gazeta Poranna—2 grosze» помѣстила статью по поводу выраженной въ немъ надежды, что поляки будутъ относиться съ уваженіемъ къ правамъ народовъ, съ которыми связала ихъ исторія. Въ статьѣ этой говорится, что евреи не могутъ быть разсматриваемы правительственными сферами, какъ народъ, ибо во всѣхъ государственныхъ актахъ они именуются не народомъ, а инородцами, и далѣе слѣдуетъ: «по крайней мѣрѣ, странной была бы заботливость Верховнаго Главнокомандующаго о евреяхъ, такъ какъ мобилизація выказала ихъ милитарную «цѣнность», а вступленіе непріятельскихъ отрядовъ на территорію Царства Польскаго обнаружило полную ихъ «лойяльность». Верховному Главнокомандующему, надо думать, извѣстно то, что происходило въ Калишѣ до безумныхъ выходокъ Прейскера, что происходитъ въ Ченстоховѣ, Влоцлавскѣ, Млавѣ и повсемѣстно, гдѣ только прусская нога стала или могла стать на нашихъ земляхъ»... и наконецъ: «развѣ не ясно, что усиленіе и хозяйственная самостоятельность польскаго элемента, его независимость отъ евреевъ будетъ однимъ изъ первыхъ пунктовъ нашей программы въ объединенной Польшѣ, такъ же, какъ нынѣ въ Польшѣ разъединенной».

Когда, во время наступленія германскихъ войскъ на Варшаву, началось повальное бѣгство евреевъ изъ городовъ и мѣстечекъ, расположенныхъ на ихъ пути, та же «Gazeta Poranna» указываетъ, что поляки должны воспользоваться таковымъ и занять мѣста бѣжавшихъ евреевъ, развивъ усиленную дѣятельность въ сферѣ торговли и промышленности.

Наконецъ, въ «Slowo Polskie» читаемъ: «Только въ виду выступленія Брандеса и враждебнаго выступленія евреевъ во время собиранія пожертвованій для Польши въ Кіевѣ, мы должны отмѣтить, что ихъ современная политика не принесетъ имъ пользы. Ея двигателемъ является амбиція еврейскихъ капиталистовъ, которые хотѣли бы создать что-то въ родѣ междугосударственнаго правительства, опираясь на концентрированныя въ Польшѣ еврейскія массы. Несомнѣнно, ихъ значеніе и вліяніе усиливается вслѣдствіе того, что они имѣютъ возможность продемонстрировать передъ Германіей свои заслуги въ сферѣ ея политики «nach Osten», но какая отъ этого польза еврейскому населенію Польши. Посягательство на чужое добро обыкновенно вызываетъ реакцію и кончается плохо. Еврейскіе политики имѣютъ теперь возможность использовать свое вліяніе съ

цѣлью возвращенія евреямъ Палестины въ виду нынѣшней войны съ Турціей; но ихъ мечты объ обращеніи Польши въ Сіонъ осуждены на полное фіаско. Мы легко можемъ придти къ соглашенію съ евреями, которые поддерживали наши общественныя и политическія стремленія, которые бы такъ же заботились о процвѣтаніи Польши, какъ нынѣ евреи заботятся о ея униженіи. Въ противномъ случаѣ окажутся неосуществимыми не только ихъ разсчеты на Польшу, но и ихъ дальнѣйшее мирное пребываніе въ странѣ, гдѣ имъ всегда жилось такъ спокойно... Евреи затѣяли свою кампанію противъ Польши въ тотъ именно моментъ, когда поляки ни дѣломъ, ни словомъ въ своей печати не трогаютъ ихъ, несмотря на то, что въ общей склокѣ легче всего было бы свести съ ними счеты».

Въ томъ же духѣ высказались: «Nasza Placówka», лодзинскій «Rozwoj», «Goniec Częstochowski». Позиція А. Свентоховскаго отражаетъ борьбу въ его чувствахъ и сознаніи давнихъ польскихъ традицій и его собственныхъ либеральныхъ взглядовъ, съ одной стороны, и тенденцій, развившихся въ послѣдній періодъ оргій антисемитизма, съ другой. Въ январскомъ № «Humanista Polski» онъ пишетъ между прочимъ: «Съ самаго начала войны въ мнѣніи нашего общества установилось убѣжденіе, что здѣшніе евреи пользуются замѣшательствомъ въ экономическихъ отношеніяхъ для разныхъ безчестныхъ спекуляцій и, что̀ хуже всего, симпатизируютъ нѣмцамъ, радуются ихъ побѣдамъ и помогаютъ имъ, даже очень активно. Мы не станемъ касаться того, насколько это справедливо, а констатируемъ только два факта: 1) что общество вѣрило этого рода разсказамъ; 2) что, несмотря на то, ничѣмъ за это не мстило. При томъ сильномъ возбужденіи, которое должна была вызвать самая страшная изъ войнъ, казнящая нашу страну разореніемъ и горемъ, отнимающая равновѣсіе мысли и спокойствіе духа, польскій народъ хранитъ въ себѣ глубокую культурность и не допустилъ ни единаго поступка, ни единаго случая массоваго насилія надъ тѣми, которыхъ онъ инстинктивно не любитъ и считаетъ союзниками враговъ... Казалось бы, что въ виду величія огромной трагедіи народа, въ виду его важности, отодвигающей на будущее время всѣ внутреннія недоразумѣнія, евреи хотя бы изъ чувства стыда да, наконецъ, изъ собственныхъ интересовъ не вырвутся съ своимъ обычнымъ гвалтомъ объ ихъ претензіяхъ. Не выдержали... Что мы народъ слабый, ибо мы лишены воли, объ этомъ мы прекрасно знаемъ, и никто намъ лучше не напоминаетъ, чѣмъ сами евреи, которые наподобіе паразитовъ, покрывающихъ больное дерево, сохраняютъ по отношенію къ намъ вызывающую и нападающую позицію, на которую они никогда не рѣшились бы по отношенію къ

народу сильному и самовластному. Но у насъ хватитъ силы даже и въ этомъ слабомъ состояніи для того, чтобы отбить ихъ нападеніе, для уничтоженія ихъ подкоповъ и для предупрежденія еврейскаго покушенія».

Солидарно съ органами Н.-Д. выступили, какъ извѣстно, «Новое Время» и «Русскій Инвалидъ» . . . . . .

. . . . . .

На-ряду съ рѣзкими проявленіями антисемитизма въ печати Н.-Д., замѣчается игнорированіе ея представителями интересовъ и правъ евреевъ въ обыденной жизни. Изъ 71 гражданскихъ комитетовъ въ Царствѣ Польскомъ въ 52 совершенно нѣтъ представителей отъ еврейскаго населенія, составляющаго въ районѣ ихъ дѣятельности 35 — 80% городского и 15—20% всего населенія. Евреи не входятъ и въ центральный гражданскій комитетъ. Правда, при немъ была организована «еврейская секція» для содѣйствія въ распредѣленіи среди евреевъ матеріальной помощи; но въ этой секціи было лишь 4 и то полонизированные евреи на 6 поляковъ. И между этой секціей и комитетомъ установились столь напряженныя отношенія, что она распустила себя, когда комитетъ отклонилъ ея предложеніе объ организаціи подобныхъ секцій при провинціальныхъ комитетахъ.

IV.

Разсматривая объективно причины современнаго положенія евреевъ въ Польшѣ, мы все же должны признать, что польскій антисемитизмъ не играетъ среди нихъ первой роли.

Матеріальное разореніе ихъ на-ряду съ польскимъ населеніемъ страны является слѣдствіемъ войны . . . . . .

. . . . . .

Конечно, крайне печально то обстоятельство, что разоренное еврейское населеніе не встрѣчаетъ надлежащаго вниманія со стороны гражданскихъ комитетовъ. Но его главная причина кроется не столько въ антисемитизмѣ этихъ учрежденій, сколько въ ихъ партійномъ, не демократическомъ характерѣ, обусловливающемъ ихъ антисемитизмъ. Какъ таковые, гражданскіе комитеты не въ состояніи успѣшно выполнять своихъ функцій . . . . . .

. . . . . .

Впрочемъ, въ послѣднее время центральный гражданскій комитетъ, подъ давленіемъ польскаго и русскаго прогрессивнаго общественнаго мнѣнія, счелъ нужнымъ озаботиться о болѣе справедливомъ распредѣленіи вспомоществованій среди еврейскаго населенія, предписавъ особымъ циркуляромъ всѣмъ гражданскимъ комитетамъ

«оказывать матеріальную помощь всему нуждающемуся населенію безъ различія вѣроисповѣданія; суммы же, получаемыя извнѣ—дѣлить между поляками и евреями, учитывая: потребности, размѣры постигшаго бѣдствія и тѣхъ средствъ, которыя уже въ распоряженіи каждой вѣроисповѣдной группы» . . . . . .

. . . . . .

Въ Лодзи и Ловичѣ въ нихъ приняли участіе лишь подонки населенія.

Часто случается, однако, что отдѣльныя лица изъ среды націоналистовъ, воспитанныя на такихъ изданіяхъ, какъ «Gazeta Porranna», послѣ ухода непріятельскихъ войскъ, несправедливо обвиняютъ евреевъ въ сношеніяхъ съ ними передъ русскими и военными властями, за что невинныя жертвы платятъ жизнью. Бывали случаи погромовъ, устроенныхъ германскими войсками, какъ, напр., въ Радомѣ. . . . . .

. . . . . .

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ погромахъ участвовали подонки польскаго народа, гражданскіе комитеты при помощи находящейся въ ихъ распоряженіи гражданской милиціи самымъ энергичнымъ образомъ противодѣйствовали имъ, какъ это показываетъ описаніе усмиренія погромщиковъ въ Ловичѣ въ «Kuryerze Warszawskim».

Нѣкоторые гражданскіе комитеты, какъ, напр., петроковскій, заблаговременно принимали мѣры противъ антисемитской агитаціи, конфискуя соотвѣтствующіе номера газетъ.

Но, что особенно знаменательно, политика Н.-Д. и ея послѣдствія начинаютъ все больше вооружать противъ нея широкія сферы польскаго народа. Когда лидеры Н.-Д. въ концѣ ноября при незначительномъ участіи представителей консервативной партіи Реальной Политики образовали въ Варшавѣ «Польскій Національный Комитетъ», объявившій себя представительствомъ всего народа, вся польская печать, за исключеніемъ органовъ объединившихся въ немъ партій, заявила, что она не признаетъ за нимъ права на таковое. А. Свентоховскій выдвинулъ задачу организаціи, на-ряду съ Польскимъ Національнымъ Комитетомъ, демократическаго центра, находя, что только согласованныя выступленія обоихъ будутъ въ состояніи удовлетворить потребностямъ польскаго народа. По мнѣнію газеты «Dziennik Polski», образованіе демократическаго центра необходимо, между прочимъ, потому, что Польскій Нац. Комитетъ, состоящій главнымъ образомъ изъ Н.-Д., извѣстной своимъ націонализмомъ, не способенъ къ регулированію отношеній польскаго народа къ другимъ народамъ. Еще болѣе рѣзко выступили противъ П. Н. К. и руководящей имъ Н.-Д. рабочія и крестьянскія организаціи.

23 широко извѣстныхъ въ Польшѣ дѣятеля крестьянскаго движенія опубликовали въ газетахъ слѣдующее заявленіе: «Принимая во вниманіе, что несчастіемъ нашего народа было то, что горсть князей, графовъ и пановъ считала себя отвѣтственной за политику страны и представляла «верховныя стремленія» народа въ мысли и дѣйствіи, что политическая и общественная организація народа должна быть глубоко и искренне демократической, ибо только это можетъ обезпечить развитіе нашей странѣ, что, наконецъ, лица, подписавшіяся подъ воззваніемъ самозваннаго комитета, своей прежней дѣятельностью не даютъ ни малѣйшей гарантіи, что смогутъ повести національныя дѣла въ желательномъ для народа духѣ, крестьяне людовцы (народники) изъ разныхъ концовъ края поручили нижеподписавшимся заявить публично, что они, крестьяне, не признаютъ за націоналдемократическимъ, панскимъ комитетомъ права говорить отъ имени всего польскаго народа и не считаютъ этотъ комитетъ національнымъ представительствомъ».

Въ послѣднее время, отчасти подъ давленіемъ польской демократіи, отчасти благодаря голосу прогрессивнаго общественнаго мнѣнія Россіи, даже органъ прогрессистовъ-антисемитовъ «Prawda» обрушился на политику Н.-Д. въ сферѣ польско-еврейскихъ отношеній. «Демонстрировать на примѣрѣ «Gasety Porannej» идеологію Польши—пишетъ редакторъ «Prawdy»—г. Ржимовскій—значитъ то же, что дѣлать изъ болотной лужи цѣлое море. Кто хочетъ во вредъ намъ использовать «Gaz. Poran», тотъ пусть используетъ и наше мнѣніе о ней. Тогда онъ откажется отъ нея такъ же, какъ мы отказываемся обращать вниманіе на слова «Земщины», когда дѣло идетъ о Россіи. Намъ ставятъ въ вину нѣкоторыя выходки «Двугрошувки», но вѣдь мы имѣли бы право обвинить русское общество въ самомъ фактѣ существованія ея и всей ея двугрошевой политики въ Польшѣ. Политика эта не отражаетъ физіономіи польскаго народа, а является лишь каррикатурой, созданной желаніемъ приспособиться къ вкусамъ покровителей. Вся подлость, заключающаяся въ этомъ, есть результатъ униженій, перенесенныхъ въ процессѣ приспособленія. Русская демократія должна глубоко призадуматься надъ этимъ явленіемъ, ибо во всякомъ случаѣ оно очень знаменательно. Именно то теченіе, которое монополизировало въ своихъ рукахъ борьбу съ евреями, больше всего добивается расположенія со стороны оффиціальной Россіи. Польскій антисемитизмъ является только отраженіемъ антисемитизма черной сотни. Расцвѣтъ Польши былъ всегда расцвѣтомъ толерантности».

Было время, когда Н.-Д. получала нравственную поддержку со стороны своихъ единомышленниковъ въ Галиціи; но въ теченіе

послѣднихъ лѣтъ Н.-Д. потерпѣла тамъ рядъ пораженій. Вопреки ея усиліямъ были болѣе или менѣе урегулированы отношенія между поляками и русинами. Идея бойкота евреевъ встрѣтила повсемѣстное осужденіе. Въ настоящее время партія эта находится тамъ внѣ національнаго польскаго блока, охватившаго все населеніе страны.

V.

Паденіе вліянія Н.-Д. постепенно начинаетъ сказываться на ея политикѣ въ сферѣ еврейскаго вопроса. Въ ея выступленіяхъ замѣчаются нѣкоторыя колебанія, на что указываетъ содержаніе послѣднихъ статей по этому вопросу въ «Gazecie Warszawskiej» по поводу декларацiи «евреевъ, поляковъ», составленной группой представителей полонизированныхъ евреевъ. Послѣдніе заявляютъ о преданности ихъ единомышленниковъ интересамъ польской культуры и народа, съ которымъ евреи всегда находились въ дружескихъ отношеніяхъ . . . . . и высказываютъ надежду, что отношенія эти . . . . . будутъ возстановлены, и евреи . . . получатъ полное гражданское равноправіе.

«Gazeta Warsz.», въ статьѣ, посвященной этой декларацiи, воздерживается отъ всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя она обыкновенно выдвигаетъ противъ еврейскаго народа. Она находитъ, что modus vivendi съ евреями долженъ быть установленъ, но что они должны безъ всякихъ оговорокъ поддержать стремленія польскаго народа, ибо судьба ихъ будетъ рѣшена послѣ осуществленія этихъ стремленій въ зависимости отъ ихъ поведенія въ нынѣшній тяжелый для Польши моментъ. Та же газета въ № 136 уже считаетъ необходимымъ ознакомленіе съ требованіями еврейскаго народа и предлагаетъ его представителямъ прямой вопросъ, стремятся ли еврейскія народныя массы къ гражданскому равноправію, поддерживая евреевъ-поляковъ, либо, согласно идеалу еврейскихъ націоналистовъ, къ равноправію «нѣмецкаго жаргона въ школахъ, администраціи и судѣ и гарантіи правъ меньшинства «еврейскаго народа».

Мы далеки отъ сочувствія націонализму, въ какой бы средѣ онъ ни проявлялся, и съ точки зрѣнія интересовъ прогресса и демократіи націонализмъ евреевъ, какъ и другихъ угнетенныхъ народовъ, можетъ считаться лишь меньшимъ зломъ по сравненію съ націонализмомъ господствующихъ народовъ. Но намъ кажется, что «Gazeta Warszawska» глубоко заблуждается, считая вышеуказанный идеалъ исключительнымъ достояніемъ еврейскихъ націоналистовъ. Сама жизнь выдвигаетъ его и передъ польской демократіей и передъ всѣмъ польскимъ народомъ.

Конечно, и реализація выставленныхъ полонизованными евреями требованій—1) уничтоженія черты еврейской осѣдлости и 2) гражданскаго равноправія облегчило бы положеніе евреевъ въ Польшѣ. Но послѣдніе, связанные неразрывными узами съ польскимъ народомъ въ теченіе столѣтій совмѣстной жизни, составляютъ часть народа, обладающаго національной культурой и національнымъ сознаніемъ, и уже поэтому урегулированіе польско-еврейскихъ отношеній, какъ мы уже отмѣтили въ статьѣ «Польско-еврейскій конфликтъ», можетъ быть достигнуто лишь путемъ надѣленія евреевъ полнымъ національнымъ равноправіемъ и гарантіи имъ правъ меньшинства . . . . . Проведеніе этихъ мѣръ, конечно, не исцѣлитъ всей польской буржуазіи отъ антисемитизма, но лишитъ послѣдній той роли, которую онъ играетъ въ общественной жизни Польши . .

. . . . . .

К. Залевскій.

АРГОНАВТЫ.

(*Vicente Blasco Ibanez*, „Los Argonautas". Novela. Valenci. 1915).

I.

Испанцы первые ввели реалистическій романъ. «La Vida de Lazarillo de Tormes», произведеніе, нашедшее безчисленныхъ переводчиковъ и подражателей во всѣхъ странахъ, появилось въ серединѣ XVI вѣка [1]). Любопытно, что авторъ перваго реалистическаго романа такъ и неизвѣстенъ, такъ какъ испанскіе критики давно уже доказали, что Діего Мендоса, которому произведеніе приписывается, не могъ написать его. Съ середины XVI вѣка реализмъ является отличительнымъ признакомъ всѣхъ великихъ, національныхъ испанскихъ произведеній. Реализмъ расцвѣталъ въ особенности тогда, когда Испанія пользовалась особенной свободой. Всѣ великія испанскія реалистическія произведенія проникнуты духомъ независимости и свободы. «Свобода, Санчо, самый драгоцѣнный даръ, полученный людьми отъ неба,—говоритъ Донъ-Кихотъ.—Съ свободой не могутъ

1) Русскій переводъ вышелъ въ концѣ девяностыхъ годовъ XIX вѣка.

сравниться всѣ сокровища, хранимыя землею и небомъ. Por la libertad, assi como per la honra, se puede y deve aventurar la vida» («За свободу, равно какъ и за честь, можно и должно рисковать жизнью»). Стиль всѣхъ великихъ испанскихъ писателей сильный, точный, удивительно ясный и простой. Стремленіе быть возможно болѣе ясными подсказываетъ авторамъ надлежащія слова, хотя, въ то же время, языкъ дѣйствующихъ лицъ носитъ безчисленное множество оттѣнковъ, въ зависимости отъ характера и настроенія. Все это создаетъ много трудностей для переводчика. Возьму первый примѣръ. Санчо-Пансо человѣкъ очень не глупый и, конечно, знаетъ, что такое «островъ». Почему же онъ, издавшій такіе мудрые законы во время губернаторства въ Баратаріи, не замѣтилъ, что не находится на островѣ? Справившись съ текстомъ, мы найдемъ объясненіе. Донъ-Кихотъ выражается у Сервантеса всегда нѣсколько устарѣлымъ и торжественнымъ языкомъ, гармонирующимъ со всею фигурою великаго рыцаря духа. Онъ говоритъ, напр., по-старинному «fazanas que han fecho», вмѣсто современнаго «hazanas que han hecho» («дѣянія, которыя они, т.-е. рыцари, сдѣлали»). Когда Донъ-Кихотъ говоритъ о вознагражденіи своего оруженосца, онъ употребляетъ старинное, книжное слово «insula», вмѣсто «isla» (островъ). Санчо-Пансо, конечно, отлично знаетъ, что такое «isla», но значеніе «insula», для него темно. Вотъ почему его не удивляетъ, что на «insula Barataria» (на островъ Баратарія) онъ пріѣхалъ верхомъ на ослѣ. Реализмъ романа Сервантеса удивительный. Произведеніе наполнено такими типами, которыхъ и до сихъ поръ можно встрѣтить на пыльныхъ дорогахъ Испаніи. Таковы дѣвицы, угощавшія Донъ-Кихота соленой треской и чернымъ хлѣбомъ; мальчишка, котораго дралъ въ дубовой рощѣ Хуанъ Альдубо изъ Кинтанары; пастухи, сидящіе вокругъ котла, въ которомъ варится кусокъ соленаго козьяго мяса; ночная процессія, сопровождавшая мертвое тѣло изъ Бассы въ Сеговію и голосившая похоронныя пѣсни; воры съ Хилисомъ изъ Пасамонте во главѣ и т. д. Вычурность языка и отступленіе отъ реализма являются въ испанской литературѣ только въ періоды упадка, когда писатели мѣняли свою гордую независимость на придворныя почести. И при чтеніи произведеній этихъ плѣнниковъ вспоминаются слова Донъ-Кихота: «El cantinerio es el mayor mal que puede venir à los hombres» (Плѣненіе—величайшее несчастье, могущее выпасть на долю людей). Когда Кальдеронъ писалъ, чтобы угодить двору, онъ заставлялъ *служанку* выражаться такъ: «Аврора не ошиблась бы, если бы дремала въ это утро въ своемъ снѣжномъ кристаллѣ, ибо свѣтъ прелестей ея госпожи былъ бы достаточенъ, чтобы отдернуть занавѣску

ложа солнца» [1]). Когда реализмъ и свободолюбивый духъ исчезаютъ, на смѣну являются сервилизмъ и вычурный языкъ—*гонгоризмъ*, представляющій собою испанскій футуризмъ. Языкъ, данный человѣку для того, чтобы выразить свою мысль наиболѣе ясно и точно, становится орудіемъ затемнѣнія ея. Испанскій «футуризмъ», т.-е. гонгоризмъ похоронилъ на два вѣка всю національную литературу. И когда она наконецъ возродилась въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка (вмѣстѣ съ политической свободой), то снова въ той формѣ, которую далъ ей Сервантесъ. Приблизительно каждое десятилѣтіе въ Испаніи, послѣ возрожденія, выступали группами очень талантливые беллетристы, изъ которыхъ нѣкоторые теперь хорошо извѣстны въ Россіи, а другіе ждутъ еще своихъ переводчиковъ. Къ первой группѣ относится Хуанъ Валера, авторъ романовъ «Пепита Хименесъ», «Донья Лусъ» и «Комендадоръ Мендоса», Пересъ Гальдосъ и Хосе Марія Переда, авторъ романовъ «Одинокій быкъ» (El Buey suelto), «Педро Санчесъ» и «Скалы впереди». Затѣмъ въ восьми-

---

1) „Bien vengas Mal si vengas Soio“. Jorn. I. У насъ въ Россіи, повидимому, переводчики Кальдерона смотрятъ на него рѣшительно такъ же, какъ Фридрихъ Шлегель. Согласно нѣмецкому критику, „Шекспиръ только *описывалъ* загадку жизни, тогда какъ Кальдеронъ *разрѣшилъ* ее, явивъ поэтому собою примѣръ наиболѣе христіанскаго, а потому наиболѣе романтическаго поэта“. Другой Шлегель, Августъ, находилъ, что „Кальдеронъ является величайшей вершиной романтической поэзіи“. „Въ его слезахъ отражается небо, точно такъ, какъ въ росинкахъ—солнце“. И послѣ этихъ статей Шлегелей всюду по Европѣ пронеслась вѣсть, что „нѣмцы открыли величайшаго драматическаго генія въ мірѣ“. Испанцы абсолютно не согласны съ такою оцѣнкою. Есть испанскіе критики, доказывающіе, что Кальдеронъ въ своихъ Comedias de Capa y Espada, изобразивъ жизнь, какою она никогда не была, взвелъ поклепъ на весь испанскій народъ. (Въ особенности это относится къ комедіи „El Medico de su honra“, т.-е. „Врачъ своей чести“). Они находятъ „caballeros“ нелѣпыми, дамъ — грубыми (hombrunas, т.-е. мужиковатыя, по выраженію критиковъ), а остроты неизбѣжныхъ „graciosos“, т.-е. шутовъ—книжными. Другіе испанскіе критики признаютъ Кальдерона очень талантливымъ поэтомъ и драматургомъ, но совершенно отказываются видѣть въ немъ „поэтическаго Мельхиседека“, безъ духовнаго отца и матери, безъ сколько-нибудь равнаго по таланту. Эти критики указываютъ, что Кальдеронъ, какъ и его современники, не брезгалъ брать свое добро, гдѣ находилъ его. Второй актъ, напр., „Los Cabellos de Absalon“ смѣло заимствовалъ изъ мрачной трагедіи Тирсо де Молина „La Venganza de Tamar“. Что касается философскихъ драмъ Кальдерона, которыя у насъ, вслѣдъ за указаніями Августа Шлегеля, ставятся необыкновенно высоко, то только двѣ заслуживаютъ это названіе: „La vida es sueno“ (Жизнь—сонъ) и „En esta vida todo es verdad y todo es mentire“ (Въ этой жизни все—правда и все—ложь). Послѣдняя пьеса, вѣроятно, навѣяна драмой Корнеля „Hiraclius“. Пьеса Корнеля появилась въ 1647 г., а драма Кальдерона въ 1664 г.

десятыхъ годахъ выступило второе поколѣніе романистовъ. То были «рехіоналисты», рисовавшіе по преимуществу нравы одной испанской провинціи: Эмилія Пардо Басанъ и Паласіо Вальдесъ, авторъ романовъ «Сестра Санъ Сульписіо», «Пѣна» (La Espuma), «Вѣра» (La Fé) и др. Въ девяностыхъ годахъ выступила новая группа романистовъ, изъ которыхъ два: Бласко Ибаньесъ и Піо Бароха—пользуются теперь широкой извѣстностью въ Россіи. Третій романистъ этой группы—Фелипе Триго, авторъ сексуальныхъ произведеній «La Sed de Amar», «Alma en los labios», «Sor Demonio», «La Claob» и др., кажется, у насъ совершенно неизвѣстны. Въ послѣднее время выступила четвертая группа романистовъ: Альберто Инсуа, авторъ произведеній «La Mujer Facil», «Las Neuroticas», «El Demonio de la volup tuosidad», «Los Hombres» и др., Хосе Франсесъ, написавшій, кромѣ нѣсколькихъ романовъ, сборникъ прекрасныхъ разсказовъ «La Ruta de sol» (Посолонь), Лопесь Пипильосъ, Эдоардо Леонъ и др. Передъ нами четыре поколѣнія (въ Испаніи, какъ я сказалъ, литературныя поколѣнія мѣняются каждыя десять лѣтъ) реалистовъ.

«Лучшей всемірной исторіей,—которая прожила бы дольше всего и дала бы наиболѣе точное представленіе объ исторіи, происходящей во всемъ мірѣ, была бы книга, дерзающая изобразить со всѣми подробностями интриги и козни, происходящія гдѣ-нибудь въ Карбахосѣ де ла Сьерра съ населеніемъ въ 300 человѣкъ,—говоритъ современный историкъ испанской литературы. Такая всемірная исторія должна была бы изобразить двѣ партіи: къ одной принадлежатъ алькадо и алькадеса, учитель и жена его да писарь съ его возлюбленной, тогда какъ враждебная партія состоитъ изъ священника, его экономки, дяди Рока и тетки Месуки. Обѣ партіи поддерживаются хоромъ. Что троянская война, давшая намъ *Иліаду*, въ сравненіи съ вѣчной войной, идущей въ Карбахосѣ?» [1]).

И между тѣмъ, несмотря на такой реализмъ, національные испанскіе романы, со временъ Донъ-Кихота, говорятъ постоянно о великихъ иллюзіяхъ. Яркій свѣтъ, облака и волны—все это реальное, но въ комбинаціи, какъ говоритъ Кальдеронъ, рождаетъ иллюзіи:

Hicieron luces y sombras,
confundiendo mar y cielo
con las nubes y las ondas,
mil enganos á la vista [2]).

(Свѣтъ и тѣни, смѣшивая море и небо съ облаками и волнами, порождаютъ тысячу иллюзій для глазъ).

---

1) *A. Gonzales-Blanco*, „Historia de la Novela en Espana", p. 591.
Principe Constante".

Бласко Ибаньесъ, только-что выпустившій новый романъ «Los Argonautas», является въ отношеніи изображенія «mil enganos á la vista» (тысячи обмановъ для глазъ) типичнымъ *національнымъ* испанскимъ беллетристомъ. Онъ реалистъ, но убѣжденъ, что иллюзіи необходимы въ жизни. Надо только, чтобы «mil enganos» создавались *живыми* людьми для *себя*. Только тогда иллюзіи будутъ прекрасны. Ни въ коемъ случаѣ эти иллюзіи не должны быть призраками, оставшимися послѣ *мертвыхъ*. «Живые никогда не бываютъ одни. Ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ мертвые, и такъ какъ мертвыхъ неизмѣримо больше, то они подавляютъ живыхъ. Нѣтъ, мертвые не уходятъ, но сидятъ на границѣ жизни, караулятъ новыя поколѣнія и каждый разъ напоминаютъ имъ про авторитетъ былого. Какъ велика тираннія умершихъ! Что за безграничная власть! Какое порабощеніе имъ! Домъ, гдѣ мы живемъ, построенъ отошедшими. Они создали культъ. Законы, которымъ мы подчиняемся, продиктованы мертвыми. Ихъ произведеніемъ является также наша приправа къ жизни, т.-е. наши увлеченія. Понятія о морали, обычаи, предразсудки, понятія о чести,—все это создано мертвецами. Намъ нравятся вещи потому, что такъ было угодно мертвецами. Если мы питаемъ отвращеніе къ чему-нибудь, то только въ силу подчиненія волѣ мертвецовъ... Наши вкусы, причуды, добродѣтели, пороки, влеченія и отвращенія—все это унаслѣдовано, все это работа отошедшихъ, слѣдящихъ за нами и подчиняющихъ насъ своей волѣ» [1]). Мертвецы соединяются вмѣстѣ, чтобы съ діавольской силой остановить людей, когда тѣ бросаются въ погоню за новымъ идеаломъ, за собственной иллюзіей. Души умершихъ наполняютъ міръ. Мертвые не уходятъ, потому что они хозяева на землѣ. Мертвые повелѣваютъ. А между тѣмъ человѣчество несчастно до тѣхъ поръ, покуда не сброситъ съ себя цѣпей, наложенныхъ мертвецами; покуда не погонится за иллюзіей,—созданной собственнымъ воображеніемъ. Человѣкъ долженъ быть свободенъ у груди благой природы, какъ птица. Мѣста хватитъ для всѣхъ. «Зачѣмъ мириться съ цѣпями, выкованными мертвецами? ...Покончимъ съ мертвецами. Переступимъ черезъ безполезныя препоны. Дерзнемъ пойти за собственными иллюзіями» [2]).

II.

Объ иллюзіяхъ читаемъ мы также въ новомъ романѣ Бласко Ибаньеса. Испанскіе беллетристы ужасно плодовиты. Даже молодые

---

1) *Blasco Ibanez*, „Los Muertos Mandan".
2) Ib.

писатели, работающіе всего нѣсколько лѣтъ, могли бы уже выпустить многотомныя собранія сочиненій. Бласко Ибаньесъ пишетъ лѣтъ 20-ть. За это время онъ далъ три сборника разсказовъ, три тома путешествій (въ томъ числѣ громадный томъ in folio «Argentina y sys grandezas») да четырнадцать большихъ романовъ (въ послѣднемъ, только-что вышедшемъ—600 страницъ убористой печати).

Авторъ заканчиваетъ два другихъ романа, навѣянныхъ поѣздкой въ Аргентину: «La Ciudad de la Esperanza» и «Los Murmullos de la selva». Какъ видите, все это свидѣтельствуетъ о необыкновенной плодовитости; но я далеко не перечислилъ того, что написалъ Бласко Ибаньесъ. Недавно въ испанскомъ переводѣ появился полный текстъ «Тысячи и одной ночи». Переводъ сдѣланъ съ шестнадцатитомнаго извѣстнаго французскаго перевода доктора Мардрила. И кто испанскій переводчикъ? Бласко Ибаньесъ. Я вижу въ каталогѣ «Исторію» Лависса и Рамбо. Трудъ этотъ, какъ извѣстно, большой. Кто перевелъ на испанскій языкъ? Опять-таки Бласко Ибаньесъ. Или вотъ капитальная и многотомная «Исторія французской революціи» Мишле. Всѣ томы переведены тѣмъ же Бласко Ибаньесомъ. «Всеобщая географія» Элизе Реклю, какъ читателю извѣстно, трудъ монументальный и многотомный. Весь онъ переведенъ на испанскій языкъ однимъ человѣкомъ:—Бласко Ибаньесомъ. Такая поразительная плодовитость и столь изумительная работоспособность можетъ пристыдить любого писателя. Эдуардо Самокинсъ, написавшій въ 1910 году интересную біографію Бласко Ибаньеса, разсказываетъ, что романистъ забылъ содержаніе собственныхъ книгъ. Я завелъ рѣчь съ нимъ о его книгахъ и убѣдился, что Бласко Ибаньесъ знаетъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ я. Я называлъ имена, типы, напоминалъ сцены, а романистъ только пожималъ плечами.

— Не помню,—говорилъ онъ.

Въ памяти у него сохранилось общее содержаніе произведеній, но романистъ совершенно забылъ детали»[1]).

— Меня интересуетъ только настоящее, а иногда еще будущее. Прошлое меня не занимаетъ. Я пренебрегаю имъ и забываю,—прибавилъ Бласко Ибаньесъ.

При такой интенсивной работѣ, впрочемъ, не трудно забыть свои произведенія. Плодовитость испанскихъ писателей, впрочемъ, не всегда объясняется интенсивнымъ желаніемъ возможно скорѣе и возможно полнѣе высказаться. Имъ *приходится* работать иногда ужасно много, потому что литературный трудъ въ Испаніи оплачивается,

1) *Eduardo Zamacois*, „Mis Conteporaneos“, Madrid, 1910. P. 110.

кажется, хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ силу этого, до послѣдняго времени популярный испанскій беллетристъ Піо Бароха былъ булочникомъ.

Спѣшность работы не сказывается вообще на романахъ Бласко Ибаньеса; но послѣднее произведеніе обнаруживаетъ одно явленіе. До сихъ поръ романистъ, собирая матеріалъ для новаго произведенія, не дѣлалъ никакихъ замѣтокъ, а полагался только на свою громадную память. Онъ не окружалъ себя, когда садился за столъ, справочниками и записными книжками, какъ это дѣлалъ Золя. Весь матеріалъ находился въ головѣ романиста. Вотъ почему не только въ бытовыхъ романахъ, описывающихъ исключительный міръ (контрабандистовъ въ «Flor de Mayo», мадридскихъ босяковъ въ «La Horda», іезуитовъ въ «El Intruso», матодоровъ въ «Sangre y Arena», майорканцевъ въ «Los Muertos Mandan»), но даже въ романѣ, изображающемъ судьбу древняго Сагунта (Sonnica la Cortesana), матеріалъ не подавляетъ автора. Этого нельзя сказать о только-что вышедшемъ романѣ «Аргонавты»: тутъ громадный матеріалъ часто наваливается на Бласко Ибаньеса. Несмотря на свою мощную фигуру и широкія плечи, авторъ, порою, барахтается подъ своимъ матеріаломъ и не можетъ выбраться изъ-подъ него. Для своего громаднаго труда «Argentina y sus grandezas» авторъ собралъ слишкомъ много матеріала, касающагося исторіи южно-американскихъ республикъ, и не забылъ этотъ матеріалъ, когда началъ писать романъ *Аргонавты*. Въ результатѣ то, что впервые у Бласко Ибаньеса мы видимъ *перегруженное* произведеніе. Романъ растянутъ. Историческій матеріалъ такъ изобилуетъ, что романъ можно сократить страницъ на 200, отъ чего онъ только выиграетъ. Новый романъ Бласко Ибаньеса изображаетъ отдѣльный міръ, существовавшій нѣсколько меньше мѣсяца и жившій за это короткое время интенсивной жизнью. Дѣйствіе романа происходитъ на громадномъ пассажирскомъ пароходѣ *Гете*, идущемъ изъ Гамбурга въ Буэносъ-Айресъ и забравшемъ въ Лиссабонѣ испанскихъ пассажировъ и переселенцевъ. Корабль изображается, какъ живое существо. «Пароходъ мѣнялъ свой характеръ во время каждаго путешествія въ зависимости отъ людей, которыхъ возилъ на себѣ. Иногда пассажирами были дипломатическіе агенты или важные политическіе дѣятели, отправлявшіеся, чтобы управлять республиками. Тогда казалось, что пароходъ скользитъ величественно, и торжественно входитъ подъ пушечные салюты въ гавани, украшенныя флагами. Пассажиры разговаривали другъ съ другомъ съ холодной вѣжливостью, взвѣшивали слова и боялись, повидимому, повысить голосъ. Даже поведеніе юнгъ было, какъ будто бы, выработано по церемоніалу. Когда его

превосходительство садился читать на рубкѣ, это мѣсто окружали тотчасъ же канатомъ. Матросъ, стоявшій у каната, смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы никто не потревожилъ думъ его превосходительства, отъ которыхъ, быть можетъ, зависѣла судьба нѣсколькихъ странъ. А президентъ республики читалъ французскій бульварный романъ. Во время другихъ плаваній на кораблѣ преобладали негоціанты, и тогда рубка на три недѣли превращалась въ биржу. Съ утра до ночи на палубѣ говорили о милліонахъ. Пароходъ тогда подвигался впередъ съ самодовольной увѣренностью богатаго банкира, не боящагося завтрашняго дня. Въ корридорахъ парохода даже воздухъ тогда былъ какой-то особенный, насыщенный серьезными, дѣловыми словами. Въ слѣдующее путешествіе преобладали на пароходѣ изящныя дамы. Тогда почти на всѣхъ столахъ играли въ *бриджъ*. Морской воздухъ, вмѣсто соли, бывалъ насыщенъ тогда ароматомъ дорогихъ духовъ. Пароходъ молодѣлъ отъ элегантныхъ туалетовъ, отъ цвѣточныхъ гирляндъ, навѣшанныхъ въ каютъ-компаніяхъ, и отъ рисовой пудры, разносимой вѣтромъ. И тогда пароходъ вздрагивалъ отъ движенія винта; онъ казался молодящимся галантнымъ старичкомъ, бесѣдующимъ со своими пріятельницами о тряпкахъ и свѣтскихъ скандалахъ.

Во время нѣкоторыхъ плаваній среди пассажировъ преобладали красивыя и развязныя женщины, державшія себя очень свободно. Тогда торжественная поступь парохода какъ-то мѣнялась сразу. Мужчины гнались за милостыней въ видѣ ласки. На пароходѣ возникали ссоры и даже драки. Всѣ вели себя, какъ безумные. Пароходъ бывалъ тогда угрюмъ и не въ духѣ; онъ съ нетерпѣніемъ дожидался конца путешествія, чтобы исцѣлиться отъ припадка безумія... Пароходъ несомнѣнно имѣлъ свою душу... Ежедневно отъ европейской почвы отрываются такія же чудовища; они царапаютъ океанъ невидимыми когтями своихъ винтовъ. Чрева чудовищъ набиты человѣческимъ мясомъ, содрогающимся отъ блестокъ надеждъ. Эти люди отплываютъ отъ туманныхъ, покрытыхъ инеемъ береговъ Балтійскаго моря; изъ англійскихъ гаваней, черныхъ отъ каменнаго угля и гдѣ воздухъ насыщенъ запахомъ чая и табака, сдобреннаго опіемъ; отъ западныхъ береговъ Франціи, подставляющихъ свои скалы, облѣпленныя молюсками, и обрывы съ сосновыми рощами подъ удары короткихъ волнъ свирѣпаго Гасконскаго залива; изъ зеркальныхъ бухтъ Италіи, въ которыхъ вой сирены или свистокъ парового крана вспугиваетъ тысячи чаекъ; отъ береговъ Средиземнаго моря, заснувшихъ подъ солнцемъ; изъ городовъ этого моря, съ выбѣленными известкой или съ мраморными домами; изъ городовъ, гдѣ въ гаваняхъ пахнетъ гніющими овощами и фруктами и гдѣ вѣтеръ доноситъ

до кораблей сладостный, волнующій запахъ цвѣтущихъ померанцевъ, благовоніе миндаля, затѣмъ ликующіе звуки тамбурина или томящій стонъ мандолины... И когда стальные драконы выходятъ въ океанъ, они, какъ разумныя существа, поворачиваютъ свои морды въ одну сторону и идутъ, какъ бы обнюхивая горизонтъ... И вотъ живой грузъ, манимый надеждами, плыветъ впередъ. Онъ ищетъ призрачную страну [1]).

На пароходѣ *Гете*—нѣсколько сотъ пассажировъ перваго класса и болѣе тысячи русскихъ, нѣмецкихъ, шведскихъ, арабскихъ, испанскихъ, итальянскихъ эмигрантовъ, манимыхъ иллюзіей и поддерживаемыхъ надеждой, что въ далекой, таинственной для нихъ странѣ, удастся еще перевернуть въ жизни новую страницу, чудесную, прекрасную. «Фернандо вспоминалъ постоянно одинъ образъ, каждый разъ, когда смотрѣлъ съ палубы перваго класса на эмигрантовъ. Онъ видѣлъ Прометея, прикованнаго къ скалѣ. Вокругъ него плескаются въ волнахъ сострадательныя океаниды, преисполненныя жалости къ страдающему титану.

— Что ты сдѣлалъ, несчастный? Чѣмъ навлекъ ты на себя такое ужасное наказаніе боговъ?—спрашиваютъ океаниды.

— Я училъ смертныхъ не думать о смерти,—отвѣчаетъ Прометей.

— И какъ же ты достигалъ этого?

— Я далъ смертнымъ познать слѣпую надежду.

И съ тѣхъ поръ вотъ уже тысяча лѣтъ, какъ царитъ въ мірѣ благодѣтельная богиня-утѣшительница, которую титанъ далъ человѣчеству, заплативъ за это жестокими муками отъ «Крылатаго пса», т.-е. орла, посланнаго Зевесомъ. Слѣпая богиня вела когда-то вооруженныя орды, двинувшіяся съ востока на западъ. Она летала впереди каравеллъ первыхъ великихъ мореплавателей; она тревожитъ своими легкими шагами тишину, въ которой размышляютъ ученые и писатели; она ведетъ за собою толпы, жаждущія перемѣны къ лучшему въ жизни и бросающіяся изъ одного полушарія, чтобы заселить другое. Фернандо видѣлъ ее. Она мчится впереди эмигрантскаго парохода, какъ сверкающій золотой шаръ, какъ полоса ослѣпительнаго свѣта, подобная образу, украшавшему галеры первыхъ аргонавтовъ. Крылья ея величественно раскрыты. Туника ея, развѣваемая вѣтромъ, облипаетъ тѣло гармоничными складками. Она похожа на знаменитую самоѳракійскую статую Побѣды. И точно какъ послѣдняя, она безъ головы. И по этому признаку въ особенности

---

1) „Los Argonautas", paginas 381—384.

узналъ ее Фернандо: надежда слѣпа и не думаетъ. Надежда, безголовная и слѣпая надежда вела эмигрантовъ на югъ» [1]).

Вотъ, напримѣръ, испанскій крестьянинъ - эмигрантъ. Онъ смертельно боленъ, но глубоко убѣжденъ, что немедленно выздоровѣетъ, какъ только прибудетъ въ городъ чудесъ, обѣтованную землю, въ Буэносъ - Айресъ. У пассажировъ перваго и третьяго классовъ одинаковыя иллюзіи. Крючникъ, спавшій раньше въ порту между тюками и бочками, «тоже видѣлъ безголовую, крылатую богиню и тоже слышалъ манящій шелестъ ея платья... И всѣ плыли, забывъ про родину, про настоящее. Всѣхъ ихъ сравняли общія иллюзіи. Буэносъ-Айресъ! Магическое слово это привлекло на корабль всѣхъ пассажировъ, какъ флейта гамелинскаго дудочника — голодныхъ крысъ» [2]). «Человѣчество живетъ иллюзіями, другъ мой Мальтрана,— говоритъ Фернандо. — Необходимо также, чтобъ объектъ нашихъ желаній находился въ далекихъ и неизвѣстныхъ странахъ, потому что разстояніе уничтожаетъ сомнѣніе и дѣлаетъ правдоподобнымъ самое невѣроятное».

III.

Героемъ новаго романа Бласко Ибаньеса является тотъ же молодой журналистъ Исидро Мальтрана, который выведенъ въ «La Horda». Въ прошломъ романѣ Мальтрана — интеллигентный пролетарій, талантливый, но совершенно не приспособленный къ жизни. Онъ составляетъ книги для честолюбивыхъ общественныхъ дѣятелей, пишетъ рѣчи для нихъ и работаетъ въ энциклопедіяхъ. Все это даетъ ему много разнообразныхъ знаній, но не средства къ жизни. Мальтрана и его возлюбленная терпятъ самую крайнюю нищету. Подруга молодого журналиста умираетъ, наконецъ, въ госпиталѣ, оставивъ Мальтранѣ маленькаго сына. Въ заключительной сценѣ «La Horda» мы видимъ ожесточеннаго молодого литератора. «Для блага сына онъ чувствовалъ себя способнымъ на грабежъ, на убійство. У Исидро не было другого оружія, другой шпаги, кромѣ пера; но онъ рѣшилъ превратить его въ кинжалъ или въ кистень, чтобы при помощи его убивать и грабить. То, что Исидро не дерзалъ сдѣлать ради любимой женщины, то сдѣлаетъ для маленькаго сына. Онъ съ дерзостью наемника ринется въ самую гущу свалки. Прощайте, идеалы, вѣра, энтузіазмъ. Все это иллюзіи. Мальтрана презиралъ свое образованіе, сдѣлавшее его неспособнымъ къ борьбѣ,

---

[1]) „Los Argonautas“, pagina 74.
[2]) Ibid., p. 30.

но теперь онъ рѣшилъ воспользоваться имъ, чтобы заставить людей, которыхъ онъ ненавидѣлъ, платить себѣ больше... Онъ сдѣлается рабомъ и будетъ наслаждаться своимъ униженіемъ, чтобы сынъ его былъ свободнымъ. Подобно передовымъ солдатамъ, штурмующимъ крѣпость, онъ послужитъ для того, чтобы заполнить ровъ и чтобы дать, такимъ образомъ, возможность товарищамъ ворваться въ брешь. Онъ погибнетъ въ грязи, но другіе Мальтрана, перебравшіеся черезъ его трупъ, ворвутся побѣдителями въ крѣпость» [1]). Въ «Los Argonautas» Исидро Мальтрана старше лѣтъ на десять. Героемъ перваго испанскаго реалистическаго романа является умный, безстыдный, ловкій, изворотливый пройдоха Лазарильо. То было въ XVI вѣкѣ. Теперь передъ нами въ романѣ Бласко Ибаньеса Лазарильо XX вѣка, такой же умный, такой же безстыдный и такой же изворотливый, но талантливый, вооруженный знаніемъ. Онъ ѣдетъ въ Буэносъ-Айресъ, чтобы добиться богатства. Полушутливо, полусерьезно онъ говоритъ пріятелю своему Фернандо Охеда: «Я думалъ-было стать воромъ и разсчитывалъ даже на связи, чтобы сдѣлать блестящую карьеру, но я трусъ. Еще меньше годился я въ убійцы; но я продавалъ мое перо, мою желчь и безстыдство такъ часто, что имѣю даже читателей и почитателей. Я сочинялъ книги, на которыхъ важныя особы выставляли свои имена, а затѣмъ писалъ рецензіи на эти сочиненія и оплевывалъ именитыхъ авторовъ. Я оскорблялъ людей, которыхъ уважаю и которыми восхищаюсь, лгалъ на нихъ и клеветалъ. Между тѣмъ моимъ искреннимъ желаніемъ было пасть имъ въ ноги и молить о прощеніи. Я получалъ удары и спокойно выносилъ ихъ, когда обидчикъ сильнѣе меня. Въ другихъ случаяхъ, припертый къ стѣнѣ, я превращался въ тигра и сражался съ мужествомъ рыцаря Круглаго стола, отстаивая то, что̀ меня совершенно не интересовало. Меня отправляли, какъ отвѣтственнаго редактора, въ тюрьму за газетныя статьи, которыя я не поинтересовался даже прочесть. Когда надо было выступить безстыдной статьей противъ чего-нибудь справедливаго, Мальтрана всегда былъ тутъ. Вопросъ былъ только: «Сколько дадите?» Чего я только не дѣлалъ, чтобы заработать деньги. Я бывалъ даже платнымъ посредникомъ между влюбленными... Не изумляйтесь, Охеда. Убѣдитесь, что вы имѣли пріятелемъ одного изъ наиболѣе отмѣнныхъ плутовъ въ Мадридѣ.

Богема помолчалъ, затѣмъ лицо у него омрачилось.—Не думайте, что меня огорчаетъ мое прошлое. Я не знаю, что̀ такое значитъ краснѣть и стыдиться. Все это роскошь, которую могутъ позво-

---

[1]) „La Horda“, 384—385.

лить себѣ только счастливые. Каждый разъ, совершивъ что-нибудь особенно гадкое, я, чтобы забыть это, отправлялся въ гимназію, гдѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми богатыхъ людей, воспитывается мой Фелисіано. Я добываю для него деньги поступками столь же почетными, какъ дѣянія какого-нибудь средневѣкового барона или графа, которые съ копьемъ наперевѣсъ отправлялись на перекрестокъ грабить» [1]).

По мнѣнію этого Лазарильо XX вѣка, литература повинна въ томъ презрѣніи къ деньгамъ, которое проявляютъ люди, не способные завоевать богатства. Писатели, желая воспитать толпу, пользуются для этого, по мнѣнію Мальтраны, «устарѣвшими идеями». Каждый романистъ и каждый драматургъ, желающій вырвать апплодисменты, распредѣляетъ свои симпатіи къ героямъ по опредѣленному масштабу. Мрачнымъ и антипатичнымъ героемъ является капиталистъ, а еще лучше—банкиръ. Въ литературныхъ произведеніяхъ банкиры имѣютъ всегда обезпеченную долю ненависти и презрѣнія. Наиболѣе симпатичными являются въ драмахъ и въ романахъ бѣдняки. Литература, по мнѣнію Лазарильо XX вѣка, открыла только четыре пружины, приводящія въ движеніе героевъ: любовь, ненависть, голодъ и страхъ. Деньги тоже являются, какъ пружина, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, но только онѣ служатъ аксессуаромъ, чтобы лучше и выпуклѣе обозначить благородныя стремленія симпатичныхъ героевъ. Безчисленные романы и драмы построены главнымъ образомъ на любви, которая, несмотря на всѣ свои оттѣнки, въ концѣ концовъ,—говоритъ Мальтрана,—очень однообразна. И, такимъ образомъ, прошли вѣка. Читающее человѣчество не задумывалось ни разу надъ тѣмъ, что есть какіе-нибудь другіе двигатели, кромѣ любви. И вотъ теперь даже наиболѣе глупыхъ начинаетъ утомлять, что столько драмъ написано и столько театровъ открыто только для того, чтобы познакомить насъ съ томленіями двухъ существъ, стремящихся соединиться, но не имѣющихъ возможности,—или съ душевной бурей дамы, желающей измѣнить супругу, но не знающей, какъ приступить... Нѣтъ, въ мірѣ любовь не составляетъ всего. Мы отдаемъ ей нѣсколько часовъ нашего существованія, безъ сомнѣнія, не непріятныхъ; но гораздо больше времени у насъ занимаютъ деньги и титаническая борьба за нихъ. Будь литература дѣйствительнымъ отраженіемъ нашей жизни, а не только пріятной забавой для праздныхъ людей, то деньги должны были бы стать двигателемъ героевъ послѣдняго времени. Современный капиталъ создалъ свою аристократію, обла-

---

[1]) „Los Argonautas", p. 204.

дающую сильной волей, и своихъ героевъ, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе интересныхъ, чѣмъ влюбленныя плаксы.

Замѣтивъ улыбку своего пріятеля, вспомнившаго, что Мальтрана привыкъ ослѣплять парадоксами длинноволосую молодежь, посѣщающую мадридскіе литературные кабачки,—Лазарильо XX вѣка продолжаетъ съ нѣкоторой горячностью:

— Послушайте. Когда доходитъ дѣло до гонорара и до разсчета съ издателями, то всѣ эти авторы, не пріемлющіе міра и проклинающіе «желтаго діавола», готовы пойти въ драку за каждыхъ сто песетъ полистной платы. Нѣтъ, Охеда, я предпочитаю откровенную грубость. Деньги презрѣнны только для тѣхъ, которые ихъ не имѣютъ. Я, бѣдный рабъ пера, свершилъ въ жизни много низостей. Я отстаивалъ одни вопросы, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, за лишнія песетасъ, писалъ діаметрально противоположное. Вотъ почему я хочу богатства. Я хочу быть впервые въ моей жизни свободнымъ и *самимъ собою*. Когда *Аргосъ* отправился за золотымъ руномъ, то кто первый вскочилъ на корабль? Орфей со своей лирой. Взгляните на пассажировъ третьяго класса. Они отправляются на другое полушаріе въ поискахъ за золотомъ. Неужели вы думаете, что они не мечтатели? Неужели вы думаете, что въ поискахъ за хлѣбомъ нѣтъ красивыхъ иллюзій?» [1]). «Если бы Хромой Чортъ Лессажа, поднявшій крыши всѣхъ домовъ, могъ поднять также крышки череповъ этихъ эмигрантовъ, то въ мозгу у всѣхъ можно было бы увидать одно слово: Буэносъ-Айресъ... Слово это, какъ музыка, пронеслось по всему Старому Свѣту, пробуждая заснувшія души. Расы, не имѣющія родины, и народы, уставшіе имѣть ее, молодѣютъ, когда думаютъ объ этой странѣ чудесъ, въ которой совершаются изумительныя превращенія. Лѣнтяй чувствуетъ себя дѣятельнымъ; апатичный человѣкъ проникается оптимизмомъ и энтузіазмомъ. Угнетенный чувствуетъ себя смѣлымъ и сразу рветъ цѣпи... Многіе трогаются въ дальній путь, не имѣя ни денегъ, ни друзей, не зная языка. Имъ вѣдомо лишь одно слово: «Буэносъ-Айресъ». Кто научилъ ихъ этому слову? Какое очарованіе заключается въ этихъ словахъ, влекущихъ безконечное множество людей?.. «Буэносъ-Айресъ»,—шумитъ зимній вѣтеръ въ трубѣ очага, вокругъ котораго сидятъ испанскіе крестьяне, проклиная голодъ и ростовщиковъ, держащихъ въ своихъ рукахъ поля. «Буэносъ-Айресъ»,—гудитъ вѣтеръ, ворвавшійся, вмѣстѣ съ хлопьями снѣга, въ лачугу шведскаго рыбака. «Буэносъ-Айресъ»—изображаетъ африканское солнце ослѣпительными арабесками на стѣнахъ мурьи гдѣ-нибудь въ арабской

---

[1]) „Los Argonautas", p.p. 214—218.

деревнѣ. И эти слова пробуждаютъ въ восточномъ рабѣ стремленіе стать свободнымъ. «Буэносъ-Айресъ» шелестятъ золотыя крылья Иллюзіи, порхающей отъ фонаря къ фонарю на бульварахъ громадной заснувшей столицы. И шелестъ слышатъ несчастныя женщины, бродящія подъ фонарями, или бездомный интеллигентный пролетарій, думающій о самоубійствѣ. И всѣ, безъ различія расы и класса, всѣ, сильные и слабые, гордые и смиренные, невѣжественные и развитые, заслышавъ слова «Буэносъ-Айресъ», видятъ передъ собою окрыленную Надежду, въ бѣлыхъ и лазоревыхъ покровахъ, какъ дѣва Мурильо, въ красномъ фригійскомъ колпакѣ. Она улыбается, раскрываетъ всѣмъ сильныя объятія и ласково шепчетъ: «Идите ко мнѣ, всѣ голодные и всѣ жаждущіе покоя! Ступайте ко мнѣ всѣ, поздно явившіеся въ старый міръ! Мой очагъ великъ. У него будетъ всѣмъ мѣсто. Двери моего дома открыты для всѣхъ народовъ земли!» [1]).

IV.

Фернандо указываетъ своему пріятелю на то, что всѣ пріиски Потози не спасли Испанію отъ гибели. Въ теченіе вѣковъ въ испанскія гавани прибывали изъ Америки корабли, нагруженные драгоцѣнными слитками. «И къ чему привели всѣ эти богатства? Они были причиной нашей смерти»,—говоритъ Фернандо. Мальтрана протестуетъ. Онъ имѣетъ въ виду не богатства, накопляемыя въ подвалахъ. Онъ восхваляетъ «современный капиталъ», «золото, одушевленное жизнью, окрыленное знаніемъ, не переносящее никакихъ стѣсненій и никакихъ препятствій», обращающееся по всему міру, всюду проникающее и вездѣ торжествующее, какъ человѣческая мысль». Мальтрана говорилъ съ увлеченіемъ о великомъ чудѣ, совершенномъ современнымъ денежнымъ капиталомъ. Земной шаръ ощетиненъ теперь фабричными трубами. На безграничномъ пространствѣ океана всюду чернѣютъ на горизонтѣ дымки пароходовъ. Водопады и рѣки движеніемъ своимъ порождаютъ энергію и свѣтъ. Каменныя преграды между странами, достигающія облаковъ, прорыты туннелями. На днѣ океановъ лежатъ телеграфные провода, передающіе человѣческую мысль. Таинственныя и враждебныя силы скованы и работаютъ для общаго блага. Голодъ цѣлыхъ провинцій сталъ достояніемъ исторіи, съ тѣхъ поръ, какъ флотъ бороздитъ во всѣхъ направленіяхъ океанъ, пополняя недородъ одной страны излишкомъ урожая другой. Человѣкъ, пресыщенный побѣдой надъ разстояніемъ на землѣ и на водѣ, устремился въ высь и научился летать.

---

[1]) Ib., p. 230.

«И всѣ эти чудеса, мой другъ Охеда, созданы моимъ божествомъ. Вы скажете, что все это создано человѣкомъ; но безъ надежды на полученіе денегъ человѣкъ работалъ бы очень мало при современномъ соціальномъ строѣ. Никто не предпринимаетъ тяжелыхъ работъ изъ одной любви къ нимъ. Если вы скажете сверлящимъ туннель или осушающимъ болото, что они дѣлаютъ это изъ любви къ ближнимъ и чтобы добиться ихъ благодарности,—рабочіе пожмутъ только плечами. Они трудятся и страдаютъ только для того, чтобы мое желтое божество наградило ихъ немедленно. И если оно этого не дѣлаетъ, то люди бросаютъ работу, какъ бы важна она ни была. Откройте глаза, Фернандо. Отдайте должное великому божеству нашего времени. Прежніе боги признали себя побѣжденными желтымъ божествомъ, льстятъ ему и боятся его. Плутосъ, нѣкогда презираемый и печальный, занимаетъ теперь престолъ благороднаго Зевса, признаннаго безполезнымъ. Аполлонъ и Марсъ все еще дурно отзываются о Плутосѣ и скорбятъ объ утерянной власти, — но они злословятъ только за спиною божества. Какъ только Плутосъ взглянетъ на нихъ своими золотыми глазами, одинъ предлагаетъ ему свою шпагу для защиты освященнаго вѣками порядка, а другой настраиваетъ свою лиру и слагаетъ оды по столько-то за стихъ.

Охеда расхохотался.

— Добродушные, простоватые богатыри Геркулесъ и Вулканъ слѣдуютъ за Плутосомъ, какъ вѣрныя собаки,— продолжалъ Исидро.— Первый богатырь несетъ динамитные патроны, при помощи которыхъ взрываетъ горы и прорываетъ перешейки, тогда какъ одноглазый кузнецъ бьетъ днемъ и ночью молотомъ, выполняя безконечные заказы своего повелителя. Обманщикъ Меркурій, обсчитывавшій прежде за прилавкомъ, стоитъ теперь въ передней банка, снимаетъ, завидѣвъ Плутоса, свою шляпу, украшенную крыльями, и смиренно проситъ объ отсрочкѣ платежа по векселю. Даже легкомысленная Венера высылаетъ по потаенной лѣстницѣ своихъ прежнихъ поклонниковъ олимпійцевъ, какъ бы стыдясь ихъ, и открываетъ потомъ настежъ парадную дверь передъ презираемымъ нѣкогда божествомъ.

— Но къ вамъ божество относилось всегда плохо, — шутливо вставилъ Охеда.—Вы всегда испытывали нищету.

— Мое божество меня не знаетъ. Оно никого не знаетъ. Оно слѣпо и глухо по отношенію къ людямъ, какъ всѣ силы природы. Когда вулканъ извергаетъ лаву, онъ не думаетъ о томъ, что люди настроили города на склонахъ. Рѣки выступаютъ изъ береговъ, не заботясь о муравейникахъ, которые будутъ залиты. Когда земля со-

дрогается, она не проситъ предварительно разрѣшенія у паразитовъ, гнѣздящихся на ней. Желтое божество не знаетъ про насъ, а человѣчество существуетъ въ его математическихъ расчетахъ, только какъ алгебраическія величины. Вотъ почему, когда оно благословляетъ, его милости падаютъ почти всегда на удачливыхъ грубыхъ животныхъ или на плутовъ, изловчившихся стать на дорогѣ. Когда же божество сердито и наноситъ удары, они падаютъ на совершенно неповинныхъ людей. Плутосъ, какъ всѣ божества, имѣетъ храмъ, въ которомъ жрецы, милліонеры, думаютъ о божествѣ и служатъ его интересамъ. Я отправляюсь теперь въ Буэносъ-Айресъ, чтобы перемѣнить жизнь, чтобы завоевать богатство и чтобы войти въ храмъ Плутоса, хотя бы только смиреннымъ послушникомъ».

Охеда отвѣчаетъ насмѣшками.

— Вы поэтъ, — говоритъ Мальтрана, — но не знаете величественной поэзіи мощи денегъ, когда послѣднія находятся въ рукахъ генія. Въ сравненіи съ этой поэзіей, все остальное мелко... Я восторгаюсь современными деміургами, которые, сидя въ своемъ кабинетѣ за картой какой-нибудь пустыни, превращаютъ ее черезъ нѣсколько лѣтъ въ цвѣтущій край. Если деміургъ удосужится когда-нибудь поѣхать туда, онъ найдетъ тамъ желѣзныя дороги, благоустроенные города и хорошо одѣтыхъ людей. «Все это сдѣлалъ я. Все это моя работа!» — сможетъ тогда сказать деміургъ. И правду сказать, я завидую» [1]).

Исидро Мальтрана, какъ я сказалъ, Лазарильо XX вѣка, но его парадоксы сильно отзываются также любимымъ кафе мадридской богемы *Форносъ*, описаннымъ въ «La Horda». «Ночи Исидро проводилъ въ кафе *Форносъ*, вмѣстѣ съ будущими геніями, столь же неизвѣстными покуда, какъ и Мальтрана. Всѣ они были глубоко убѣждены, что въ исторіи человѣчества имъ уготовлено видное мѣсто. Одни изъ нихъ были еще моложе, чѣмъ Мальтрана. Почти никто еще ничего не написалъ, но всѣ твердо рѣшили дать міру безсмертныя произведенія. Покуда они носили костюмъ геніевъ и великихъ реформаторовъ: широкополыя шляпы и пышные галстухи... Для нихъ не было вовсе какихъ-нибудь сложныхъ вопросовъ. Они имѣли радикальныя лѣкарства для всего. Приговоры ихъ были ужасны, неумолимы и безпощадны» [2]).

Все дѣйствіе новаго романа Бласко Ибаньеса происходитъ на пароходѣ между Европой и Южной Америкой. Передъ нами цѣлая галлерея типовъ: тутъ и погнавшійся за иллюзіей «gallegos», и

---

[1]) Ib., 212—213.

[2]) „La [illegible] da“, 59.

«gringos» (такъ южно-американцы зовутъ переселенцевъ изъ Испаніи и другихъ странъ), затѣмъ аргентинцы, парагвайцы и бразильцы. Всѣ эти типы очерчены смѣло и сильно. Пароходъ представляетъ собою особый міръ со своей исторіей и своими кастами, сложившимися въ пути, своими предразсудками, своими страстями. Если бы сократить романъ на $^1/_3$, онъ сильно выигралъ бы отъ этого. Бласко Ибаньесъ въ испанской беллетристикѣ выступилъ, какъ апостолъ борьбы. Онъ въ своемъ романѣ вывелъ цѣлый рядъ героевъ-бордовъ со всѣмъ установленнымъ, съ «властью мертвыхъ». Такъ какъ въ этомъ мірѣ «los muertos mandan» (т.-е. мертвецы повелѣваютъ), такъ какъ они строили крѣпко, то герои Бласко Ибаньеса часто гибнутъ *(La Catedral, El Intruso, La Horda)*; но авторъ большой оптимистъ и вѣритъ въ побѣду. Для достиженія ея герои испанскаго романиста пробовали разныя средства: проповѣдь, трудъ, возстанье. Каждый разъ они терпѣли пораженіе; но они все еще слѣдуютъ за иллюзіей и теперь, судя по замыслу автора, хотятъ осуществить ее при помощи «овладѣнія храмомъ Плутоса».

Діонео.

АМЕРИКА И ВОЙНА.

Совершенно невозможно описать во всей цѣлостности силу и разносторонность того воздѣйствія, которое, съ теченіемъ времени, стала оказывать война на всю американскую жизнь. Обычной самоувѣренности и самонадѣянности американскаго народа, основанныхъ на его народномъ богатствѣ, географической изоляціи, техническомъ превосходствѣ и громадной производительности земледѣлія и промышленности, нанесенъ самый тяжелый ударъ, особенно чувствительный благодаря его неожиданности и той очевидной безпомощности, съ которой приходится выносить его. Союзъ привыкъ думать, что онъ абсолютно «независимъ» отъ остального міра, и что какія бы то ни было распри въ Старомъ Свѣтѣ могутъ касаться его только сравнительно поверхностно. Не то оказалось на дѣлѣ, и онъ уже созналъ, что и настоящее ужасно, и что будущее грозитъ въ сущности всяческими возможностями. Прежде всего, онъ до очевидности пересталъ быть хозяиномъ во всей своей собственной иностранной политикѣ. Международное право de facto упразднено. Если починъ въ этомъ, грубый и цинично откровенный, какъ и все, что связано съ логикой и философіей «бронированнаго кулака», былъ сдѣланъ Гер-

маніей, не подлежитъ сомнѣнію, что и само международное право безнадежно отстало отъ современнаго развитія военно-морской техники, оставляя на произволъ судьбы и собственной интерпретаціи разныхъ странъ факторы такой громадной важности, какъ безпроволочный телеграфъ, морскія мины, авіація, подводныя лодки и многое другое. Опредѣленіе понятія о блокадѣ, напримѣръ, конечно, перестало отвѣчать требованіямъ дѣйствительности, хотя она, повидимому, и призвана играть гораздо болѣе важную роль, чѣмъ когда либо прежде. Борьба идетъ на смерть, и воюющимъ не до спорныхъ «юридическихъ тонкостей», какъ заявилъ всенародно Асквитъ въ англійскомъ парламентѣ. Съ упраздненіемъ международнаго права оказались, конечно, упраздненными и права нейтральныхъ странъ. Хотя это послѣднее и произошло какъ бы eo ipso, по инерціи, такъ сказать, но съ такой убѣдительной ясностью и неотразимостью, что большинство нейтральныхъ странъ даже не сочло умѣстнымъ протестовать,—а немногія слабыя возраженія, какъ протесты Вильсона, остались жалкимъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Имъ приходится или молчать и подчиняться, или самимъ воевать. И съ кѣмъ? Всякій часъ можетъ принести съ собой инцидентъ, крайне тяжелый, а можетъ быть и невыносимый для національнаго самолюбія, способный возбудить такія народныя страсти, съ которыми не справится самый упорный правительственный пасифизмъ. Настроеніе всѣхъ нейтральныхъ странъ не только приподнято, но и напряжено до крайности, и Союзъ не составляетъ исключенія. Послѣднее десятилѣтіе принесло съ собой жгучее обостреніе расоваго вопроса въ Европѣ, вызванное германскими интригами, войнами и болѣе или менѣе искусственными границами всѣхъ мелкихъ національностей. Произошли раздѣлъ Скандинавіи, аннексія Босніи и Герцеговины, радикальная перекройка Балканскаго полуострова. Все это отзывалось и возбуждало соотвѣтственное броженіе и въ Америкѣ, и посѣяло сѣмена раздора въ ихъ огромной и разношерстной иммиграціи. По переписи 1910 года, изъ 82 милл. бѣлаго населенія Союза $13^1/_2$ милл. были рождены внѣ страны, и, кромѣ того, у 13 милл. уроженцевъ оба родителя, да у 6 милл. одинъ изъ нихъ иностранцы. Какъ ни быстро происходитъ здѣсь американизація эмигрантовъ, первое ихъ поколѣніе почти цѣликомъ, а второе въ очень значительной степени сохраняютъ связь съ родиной и продолжаютъ такъ или иначе оставаться его партизанами. Война доказала это воочію. Нѣмцы, и до нея отлично организованные и за послѣднюю четверть вѣка ревностно поддерживавшіе здѣсь свой языкъ и нравы, образовали національную лигу съ нѣсколькими милліонами членовъ, приняли яркую

прогерманскую политическую платформу и обязались голосовать на выборахъ только за лицъ, согласныхъ ее поддерживать. Съ самаго начала войны они ведутъ здѣсь неслыханно энергичную политическую кампанію въ пользу Vaterland'a, снабженную огромными денежными средствами, умѣлыми организаторами, писательскими талантами и ничѣмъ необузданной наглостью. Немудрено, что, благодаря вышеочерченной воспріимчивости почвы, имъ удалось вызвать въ странѣ небывалую расовую рознь, которая, хотя и руководится совершенно чуждыми ей иностранными интересами, грозитъ, однако, оказать рѣшающее воздѣйствіе даже на такія первой важности стороны внутренней жизни, какъ выборы. Подавляющее большинство штатныхъ выборовъ опредѣляется обыкновенно незначительными перевѣсами партій, не превышающими десятковъ тысячъ голосовъ, а часто тысячами и даже сотнями; а штатные выборы опредѣляютъ собою и національные. Союзъ нѣмецко-ирландскихъ избирателей, энергично руководимый Берлиномъ, можетъ располагать двумя, даже тремя милліонами голосовъ, можетъ, чего добраго, захватить федеральную исполнительную власть. Немудрено, что вожаки нашихъ политическихъ партій находятся въ состояніи почти паники. У страха глаза велики. Въ чрезвычайно сложную, умѣло и хитро разсчитанную схему безчисленныхъ политическихъ махинацій грозитъ вторгнуться совершенно новый и могучій факторъ, руководимый извнѣ слѣпымъ расовымъ фанатизмомъ и способный безнадежно спутать всѣ ихъ разсчеты, такъ какъ онъ стоитъ абсолютно внѣ какихъ-либо внутреннихъ вліяній. Какъ все это можетъ отозваться на практикѣ, никто не въ состояніи предвидѣть— можно только гадать. Я лично думаю, что если нѣмцамъ и удастся осуществить свои настоящія мечты и организовать цѣлесообразно нѣмецко-ирландскія силы къ слѣдующимъ выборамъ, они фатально ошибутся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ народныя массы, сознавая иностранное вмѣшательство въ свои внутреннія дѣла, безнадежно забаллотируютъ всѣхъ ихъ завѣдомыхъ кандидатовъ, несмотря ни на свои личныя расовыя симпатіи или антипатіи, ни на партійную свою принадлежность. Вопросъ этотъ уже одной своей новизной въ американской исторіи успѣлъ внести страшную смуту во всѣ наши активныя политическія сферы и спуталъ какъ всѣ разсчеты вожаковъ демократической партіи и федеральной администраціи, такъ и ихъ отношеніе къ войнѣ. До сихъ поръ оно, хотя и крайне осторожно, было, однако, прогерманскимъ, насколько это позволяло общественное мнѣніе. Президентъ Вильсонъ надѣялся и пытался заручиться нѣмецко-ирландскими голосами въ странѣ, если это можно было бы сдѣлать безнаказанно, во-вторыхъ; но этотъ планъ,

повидимому, потерпѣлъ пораженіе въ виду наглости и публичности, съ которыми нѣмцы преждевременно развернули цѣли своей кампаніи. Если оффиціальныя англо-американскія отношенія и ограничиваются покуда обмѣномъ болѣе или менѣе колкихъ дипломатическихъ нотъ, совершенно безнадежныхъ въ смыслѣ возможности какого-либо соглашенія, англійская пресса не стѣсняется, и такія вліятельныя изданія, какъ Spectator и Outlook, всегда прежде надежно американофильскія, выступили съ самыми рѣзкими обвиненіями. Что Америка и встревожена и обижена, ясно изъ того, что редакторъ самаго солиднаго и вліятельнаго нашего ежемѣсячника, North American Review [1]), Харвэй, человѣкъ и писатель съ огромной, національной у насъ репутаціей, счелъ необходимымъ выступить съ открытымъ письмомъ къ своему другу, редактору Лондонскаго «The Times» лорду Нортклиффу, въ которомъ онъ страстно и талантливо взываетъ къ умѣренности и благоразумію англійскаго народа. Но въ такое время даже такіе призывы не производятъ никакого впечатлѣнія. Вся наша серьезная печать сознаетъ, что, во-первыхъ, Европѣ не до американскихъ притязаній, во-вторыхъ, что она для Европы совсѣмъ не такая первостепенная величина, которой она себя всегда считаетъ, и, въ-третьихъ, что, какъ она ни балансируй съ своимъ нейтралитетомъ, война надѣлаетъ ей множество сильныхъ и опасныхъ недруговъ. Все большее и большее значеніе придается и мрачнымъ предсказаніямъ, что, кто бы ни вышелъ побѣдителемъ, Союзу придется такъ или иначе считаться съ нимъ въ непосредственномъ будущемъ.

Этому возбужденію по поводу настоящаго международнаго положенія Союза не мало способствуетъ ничѣмъ не сдерживаемое разростаніе самой кровавой анархіи въ Мексико. Съ десятокъ вожаковъ, большинство которыхъ, какъ Вилла, Запата и другіе, не что иное какъ завѣдомые, откровенные убійцы—разбойники, борются уже не за власть, а за отмежеваніе извѣстныхъ районовъ, въ которыхъ они желаютъ невозбранно грабить населеніе. Они знаютъ, что война связала руки Европѣ, что Америки имъ сейчасъ опасаться нечего, и теперь убиваютъ и грабятъ всѣхъ иностранцевъ безъ разбора.

Явившіяся какъ одинъ изъ прямыхъ результатовъ міровой войны новѣйшія японско-китайскія осложненія также не сулятъ Америкѣ ничего хорошаго.

---

[1]) Этотъ почтенный журналъ празднуетъ въ настоящемъ мѣсяцѣ столѣтній юбилей своего существованія, и письмо Харвэя помѣщено на первомъ мѣстѣ юбилейнаго номера.

Но, какъ ни важна политическая сторона воздѣйствія войны на жизнь Союза, экономическая гораздо важнѣе, такъ какъ первая не ознаменовалась еще покуда ничѣмъ острымъ и неотложнымъ, тогда какъ вторая уже прямо задѣла все населеніе и даже успѣла выбить изъ обычной колеи многіе его элементы. Съ выборомъ Вильсона и демократическаго конгресса еще въ ноябрѣ 1912 г. начался въ Америкѣ одинъ изъ ея періодическихъ кризисовъ, разроставшійся мало-по-малу и къ лѣту прошлаго года принявшій острый характеръ. Война поразительно его усилила, вызвавъ множество новыхъ явленій, и тяжелыхъ, и неожиданныхъ. Въ смыслѣ промышленной производительности, и 1913 годъ былъ уже гораздо ниже своихъ предшественниковъ, а въ 1914 сравнительно съ нимъ добыча угля понизилась на 20%, желѣза на 35, желѣзнодорожное строительство и производство подвижного состава и всѣхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей на 50%, строительная дѣятельность въ городахъ на 50% и т. д. Въ іюлѣ 1914 г. въ союзѣ было до 2 мил. безработныхъ и общее чрезвычайно удрученное положеніе дѣлъ. Конгрессъ засѣдалъ безпрерывно уже полтора года—нѣчто небывалое во всей исторіи Союза,—утративъ до очевидности свою законодательную самостоятельность и утверждая цѣлый рядъ внесенныхъ президентомъ реформъ, которыя его противники считали основанными на книжномъ доктринерствѣ. Всякая дѣловая предпріимчивость замерла, всѣ показатели промышленной и торговой жизни шли хронически на убыль, деньги были зажаты. Въ этомъ-то состояніи дѣловой летаргіи, отъ чего бы она ни происходила, и застала Союзъ война, сразу разстроившая весь обычный международный промышленный и торговый аппаратъ міра. Внутренній аппаратъ Союза уже былъ разстроенъ,—а война разстроила и внѣшній, который все еще двигался кое-какъ до нея. Восемь мѣсяцевъ войны дали поражающіе результаты. Число безработныхъ поднялось до 5 милліоновъ,—а рабочее время работающихъ урѣзано гдѣ на треть, гдѣ на половину, а гдѣ и больше. Въ нашемъ городѣ нѣкоторые заводы работаютъ всего два дня въ недѣлю. Въ то же время предметы необходимости безпрерывно росли въ цѣнѣ. Прошлый сезонъ принесъ союзу огромный, рекордный урожай хлѣбовъ. Пшеницы было собрано 960 мил. бушелей, и цѣна на нее стояла въ іюлѣ и за весь предшествующій годъ на чикагской хлѣбной биржѣ отъ 80 до 90 центовъ за бушель, на кукурузу 55 ц., на овесъ 35 ц. Общій урожай и запасы хлѣба на земномъ шарѣ были таковы, что эти цѣны считались установленными на весь годъ.

Американскій фермеръ не имѣетъ собственныхъ амбаровъ, а

свозитъ свой хлѣбъ по мѣрѣ умолота въ публичные элеваторы, и обыкновенно тутъ же продаетъ его по существующимъ цѣнамъ, и, въ теченіе года, самъ покупаетъ муку, а часто и сѣмена весной. Къ моменту объявленія войны, minimum $^3/_4$ всего урожая былъ уже въ рукахъ хлѣбныхъ скупщиковъ, и только незначительная часть, меньше 50 м. бушелей, была потреблена и экспортирована. Война быстро подняла вышеприведенныя цѣны до 1 доллара 65 центовъ за бушель пшеницы, 85 ц. кукурузы и 60 овса, т.-е. почти вдвое, и эти цѣны только незначительно колеблются и по сейчасъ. Самъ Союзъ потребляетъ въ годъ, помимо сѣмянъ, 600 м. бушелей пшеницы и больше четырехъ пятыхъ кукурузы и овса. Вычислено, что maximum того, что онъ можетъ вывезти въ текущемъ году, не превышаетъ 250 м. бушелей пшеницы. На этомъ вывозѣ хлѣбные спекуляторы сдѣлаютъ 150—200 м. долларовъ, которые имъ переплатитъ Европа, а населеніе союза переплатитъ, главнымъ образомъ, имъ же не меньше милліарда, или больше десяти долларовъ на душу, за такой предметъ первой необходимости, какъ хлѣбъ. На долю фермера изъ этой громадной прибыли придется едва-ли 20%—остальные 80%, исключительно благодаря войнѣ, американскій народъ заплатитъ спекулятивному капиталу, зачатому хлѣбной торговлей. Такимъ образомъ, война, создавъ здѣсь нѣсколько десятковъ или сотенъ новыхъ громадныхъ частныхъ состояній, ограбила народныя массы на много разъ больше, чѣмъ переплатила странѣ Европа.

Съ хлопкомъ, которымъ цѣликомъ живетъ весь югъ, цѣлая четверть всего населенія союза, еще хуже. И тутъ урожай былъ громадный—до 16 милл. кипъ въ 500 анг. фунтовъ. Но общій запасъ хлопка на земномъ шарѣ былъ ниже обычнаго, и цѣны на него въ моментъ объявленія войны стояли твердыя, отъ 12 до 15 центовъ за фунтъ, смотря по качеству. У насъ издавна принято считать за земледѣльческую аксіому, что фунтъ хлопка обходится самому фермеру minimum въ 10 центовъ, не считая процентовъ на капиталъ и прибыль. На хлопковомъ рынкѣ война сразу вызвала острую панику, и цѣна на него упала до 6 центовъ за фунтъ, и держалась около этого цѣлые полгода—теперь она поднялась до 8 центовъ, но потреблено и вывезено до сихъ поръ не болѣе $6^1/_2$ милл. кипъ, и больше половины урожая все еще лежитъ въ складахъ. Большая часть хлопка въ Союзѣ производится мелкими фермерами и неграми-арендаторами, людьми безъ какихъ-либо другихъ рессурсовъ или запасовъ—и имъ грозилъ форменный голодъ, такъ какъ югъ все еще крайне инертенъ и безпомощенъ. Съ помощью федеральнаго правительства былъ организованъ фондъ

въ 150 милл. долларовъ для ссудъ подъ хлопокъ, и острая нужда временно устранена, но фондъ этотъ уже растаялъ, и необходимы новыя немедленныя спеціальныя мѣры. На одномъ хлопкѣ, опять-таки исключительно благодаря войнѣ, Союзъ потерялъ не менѣе полумилліарда долларовъ, при чемъ этотъ убытокъ упалъ на очень многочисленный и самый бѣдный классъ его населенія, неспособный перенести его безъ тяжелыхъ страданій.

Въ промышленномъ мірѣ особенно пострадали всѣ пути сообщеній, производства стали и желѣза, нефти и всѣ строительныя отрасли. Стальной трестъ, съ своей капитализаціей въ 1 милліардъ 300 милл. долларовъ, въ первый разъ со времени своего основанія долженъ былъ пропустить обычный дивидендъ, и его акціи упали до 40 долл., т.-е. до $^2/_5$ своей стоимости. Упали до половины или и совсѣмъ пропущены дивиденды множества желѣзныхъ дорогъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Совсѣмъ закрыты больше половины лѣсопильныхъ, строгальныхъ, кирпичныхъ и всякихъ другихъ заводовъ, занятыхъ выдѣлкой разнаго строительнаго матеріала. Не мало городовъ, въ которыхъ закрыты *всѣ* работавшія въ нихъ фабрики, и ремесленному населенію пришлось разбрестись кому куда. Не работаетъ множество нефтяныхъ колодцевъ, такъ какъ складочныя приспособленія всюду переполнены, а вывозъ керосина упалъ больше чѣмъ на-половину. Все текстильное производство страдаетъ весьма существенно отсутствіемъ красокъ и нѣкоторыхъ другихъ необходимыхъ ему химическихъ ингредіентовъ, получавшихся исключительно изъ Германіи и Австріи. Выяснилось, что и многія другія производства—часовое, оптическое, медицинскихъ инструментовъ, фармацевтическое и т. д.—получали то тотъ, то другой продуктъ только оттуда же. Во многихъ случаяхъ, это какой-нибудь, повидимому, совершенный пустякъ, а тѣмъ не менѣе успѣхъ безъ него невозможенъ—суррогаты или плохи, или дороги. Есть отрасли, которыя были вынуждены остановиться совсѣмъ, въ другихъ затруднено или урѣзано производство. Соотвѣтственно всему этому, сократились всякое потребленіе и всякая торговля.

За послѣдніе годы иммиграція въ Союзъ давала въ среднемъ милліонъ душъ въ годъ. Уже съ 1-го прошлаго августа она вдругъ упала—а съ декабря, въ первый разъ въ исторіи Америки, отливъ превысилъ приливъ, и за полугодіе 1 авг.—1 февр. оказалась чистая убыль почти въ 20 тысячъ душъ. До прошлаго лѣта иммиграція отправляла по почтѣ ежемѣсячно въ Европу свыше 40 милл. долларовъ—въ томъ числѣ не меньше 10 милл. въ мѣсяцъ въ Россію—теперь эти посылки уменьшились на $^2/_3$ и все еще падаютъ.

Единственнымъ плюсомъ противъ всѣхъ этихъ обуявшихъ Америку изъ-за войны золъ являются ея барыши отъ многихъ исполняемыхъ ею теперь европейскихъ заказовъ на разные предметы военнаго снаряженія и снабженія—пушки, снаряды, порохъ, сбрую, одежду, обувь, консервы. Но, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ, это такія спеціальности, которыя здѣсь сравнительно очень мало развиты, и ихъ производство не можетъ не быть ограничено. Я не думаю, чтобы общій итогъ этихъ барышей, о которыхъ трубитъ неумолчно наша «желтая пресса», могъ покрыть хотя бы десятую долю тѣхъ убытковъ, которые несетъ населеніе страны изъ-за одной высокой цѣны на хлѣбъ.

Невозможно обойти молчаніемъ той упорной, энергичной работы, которую, помимо политической и публицистической кампаніи, ведутъ здѣсь неустанно всевозможные нѣмецкіе агенты. На-дняхъ арестованы консулъ и его секретарь въ г. Сіэтлѣ, по обвиненію въ подкупѣ служащихъ судостроительной фирмы выкрасть разные документы изъ ея конторы. Военный агентъ въ Вашингтонѣ обвиняется тремя арестованными лицами въ соучастіи по добыванію фальшивыхъ американскихъ заграничныхъ паспортовъ для нѣмецкихъ шпіоновъ въ Англіи. Сидитъ въ тюрьмѣ нѣмецкій офицеръ запаса, осужденный за взрывъ моста на пограничной съ Союзомъ канадской желѣзной дорогѣ, по которой везутъ къ океану для отправки въ Англію канадскія войска и военные припасы. Въ Новомъ Орлеанѣ сидятъ въ тюрьмѣ нѣсколько лицъ, изобличенныхъ въ помѣщеніи адскихъ машинъ въ грузы отправлявшихся въ Европу судовъ съ военными припасами. Въ г. Чикаго, на огромномъ платномъ митингѣ, созванномъ якобы для того, чтобы помочь Бельгіи, и на которомъ должна была прочесть докладъ о ея разореніи пріѣзжая бельгійская баронесса съ громкимъ именемъ, на трибунѣ оказалась дебелая нѣмка, такъ неумѣренно восхвалявшая тамъ поведеніе нѣмецкихъ солдатъ, что митингъ былъ прерванъ первоклассным скандаломъ. На митингѣ, созванномъ мѣстными нѣмцами въ нашемъ городѣ и имѣвшемъ выслушать якобы русскаго офицера, бѣжавшаго политическаго каторжнаго изъ Сибири, о русскихъ порядкахъ вообще, объявился субъектъ, не говорившій по-русски и не имѣвшій ни малѣйшаго понятія объ организаціи русской арміи. Чуть ли не ежедневно газеты оповѣщаютъ о фактахъ въ томъ же родѣ, нерѣдко доказывающихъ грубый, иногда глупый пересолъ. Въ своемъ усердіи нѣмцы потеряли голову—хотя ихъ энергія прямо изумительна. Я начинаю вѣрить, опредѣленію одного путешествовавшаго по Германіи въ теченіе войны нашего журналиста, что нѣмцы—единственная въ мірѣ нація

которая долгой муштрой и дисциплиной доведена до того, что способна думать и дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ. Они утратили такъ присущее человѣку свойство индивидуальности, сдѣлались жертвой одной idée fixe, и живутъ, какъ покорное одному импульсу стадо.

Въ нашей серьезной печати все чаще и чаще затрагивается и освѣщается съ разныхъ сторонъ практическая мѣра, принятая Россіей относительно производства и продажи алкоголя и вина. Всѣ свѣдѣнія, изъ самыхъ разнообразныхъ и безпристрастныхъ источниковъ, сводятся единогласно къ тому, что Россію теперь узнать нельзя. Нѣкоторые лидеры нашей государственной жизни и общественной мысли высказались, что если Россія сумѣетъ удержать ее въ ея настоящей цѣлостности и по заключеніи мира, всему свѣту придется преклониться предъ ея величіемъ и рѣшимостью, и что одни результаты этой мѣры съ лихвой вознаградятъ ее за всѣ жертвы, которыхъ потребовала война. Проводится та мысль, что успѣшное практическое осуществленіе такого радикальнаго шага возможно только при особомъ, могучемъ подъемѣ народнаго духа, и что Россія использовала именно такой подходящій моментъ. Высказывается предположеніе, что и настоящее состояніе умовъ народныхъ массъ Союза способно къ проведенію радикальныхъ мѣръ, хотя и въ другомъ направленіи. Война открыла странѣ глаза на то, какъ современное развитіе промышленности и торговли связало весь свѣтъ въ одно цѣлое, и какъ ему необходимъ общій прочный миръ. Пришло такое время, когда и болѣе или менѣе отдаленная война разстраиваетъ всю обычную жизнь нейтральныхъ странъ. Въ экономическомъ смыслѣ Союзъ страдаетъ сегодня почти не меньше воюющихъ сторонъ, и, несмотря на свое страстное стремленіе сохранить нейтралитетъ, не знаетъ, не будетъ ли онъ вовлеченъ завтра же въ самый ужасающій водоворотъ. Такому нелѣпому порядку вещей необходимо положить конецъ. Теоретическій пасифизмъ и дворцы мира не помогутъ дѣлу. Нужно разрубить гордіевъ узелъ рѣшительнымъ шагомъ, нужно использовать то состояніе духа, въ которомъ будетъ неизбѣжно находиться весь цивилизованный міръ, когда наступитъ моментъ заключенія мира и народы Европы съ ужасомъ обернутся на то, что они надѣлали. Вотъ великій шансъ и для Америки, и для новаго Наполеона, откуда бы онъ ни явился, не Наполеона войны и разрушенія, а Наполеона мира и созиданія. Будетъ преступленіемъ пропустить этотъ моментъ, такъ какъ будущая исторія земного шара можетъ не повторить его долгое время. Это, конечно, мечты, которыя, по всей вѣроятности, неосуществимы; но нельзя не констатировать,

что дѣло пасифизма получило въ Америкѣ могучій толчокъ, и что имъ занялись теперь не одни фанатики мысли и праздныя дамы, а и активныя политическія и общественныя силы—люди дѣла. На мой взглядъ, пасифизмъ можетъ перейти изъ области теоретической мысли въ жизнь только, когда они серьезно за него возьмутся.

П. А. Тверской.

ТУРУХАНСКІЙ КРАЙ.

Туруханскій край занимаетъ огромное пространство. Начинаясь въ 400-хъ верстахъ отъ г. Енисейска, онъ тянется по р. Енисею, доходя до Ледовитаго океана. На западѣ граничитъ съ Томской и Тобольской губ., на востокѣ съ Иркутской и Якутской. Населенъ крайне рѣдко. По Енисею живутъ преимущественно крестьяне. Деревни [1]) ихъ отстоятъ одна отъ другой на 20—40 в. Въ верховьяхъ края встрѣчаются селенія и въ 25—30 домовъ, но ниже центра, с. Монастырскаго (1000 в. отъ Енисейска) обычнымъ ихъ типомъ является поселокъ изъ 2—5 домовъ.

По различнымъ притокамъ Енисея и въ глухихъ тундрахъ живутъ различные инородцы: остяки, тунгусы, юраки, долганы, самоѣды. Все населеніе, какъ крестьяне, такъ и инородцы занимаются рыбнымъ промысломъ и звѣроловствомъ; съ той лишь разницей, что у крестьянъ главнымъ источникомъ существованія служитъ рыбный промыселъ, а у инородцевъ пушной. Кромѣ того, многіе инородцы занимаются оленеводствомъ.

Культурное развитіе и тѣхъ и другихъ крайне низкое. Грамотныхъ даже среди крестьянъ незначительный процентъ. Да оно и понятно. На весь край лишь двѣ школы, и тѣ церковно-приходскія и обѣ въ верховьяхъ. Лишь съ конца 1914 г. открыта одна министерская съ интернатомъ, но послѣдній до сихъ поръ еще не функціонируетъ изъ-за неполученія ассигновки. Общественная жизнь совершенно неразвита. Никакихъ начинаній. Большинство не только не выѣзжало за предѣлы края, но дальше пары—другой станковъ вообще не бывало.

Мѣстное населеніе пребываетъ въ полной кабалѣ у различныхъ торговцевъ—скупщиковъ рыбы и пушнины. Рыцари «первоначальнаго накопленія» не брезгаютъ никакими средствами,—однимъ изъ

1) По-мѣстному онѣ зовутся „станками“.

главныхъ до сихъ поръ была водка,—чтобы кабала не только не ослабѣвала, но даже превращалась въ вѣчную. Не приходится и говорить, что чѣмъ дальше въ глубь края, въ тундры, тѣмъ эксплоатація становится сильнѣе и тѣмъ болѣе безобразныя формы она принимаетъ. Преобладаетъ натуральный обмѣнъ. Рыба и пушнина вымѣниваются непосредственно на товары. При низкой расцѣнкѣ мѣстной добычи, цѣны на всѣ товары неимовѣрно высоки. Даже и въ средній по добычѣ годъ къ веснѣ многіе заболѣваютъ цынгой. Сказывается отсутствіе овощей и хроническое недоѣданіе къ веснѣ. Въ различныхъ пунктахъ края имѣются казенные хлѣбозапасные магазины, отпускающіе крестьянамъ и инородцамъ муку въ ссуду. Послѣдняя выдается съ разсчетомъ 30 ф. на мѣсяцъ на душу. Притомъ разсчетъ производится лишь до іюня.

Если санитарныя и гигіеническія условія жизни крестьянъ оставляютъ желать очень многаго, то у инородцевъ они положительно невозможныя. И нѣтъ ничего удивительнаго, что инородцы быстро вымираютъ. Эпидеміи оспы, тифа уносятъ массу жертвъ. Обильную жатву собираетъ и потребленіе алкоголя, щедрой рукою распространяемое торговцами-хищниками. Медицинская помощь крайне скудна. На весь огромный край одинъ врачебный пунктъ съ больницей на 10 коекъ и два фельдшерскихъ. Имѣется и одинъ разъѣздной фельдшеръ, который въ нѣкоторыя мѣста попадаетъ едва одинъ разъ въ годъ, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ не бываетъ. На медикаменты для всего края ассигнуется лишь около 600 рубл. въ годъ.

За лѣто жизнь края нѣсколько оживляется. Ходятъ пароходы (частные и казенные), успѣвая сдѣлать два рейса. Въ августѣ выходятъ навстрѣчу заграничнымъ, приходящимъ къ устью Енисея. Все имѣетъ, однако, самый зачаточный видъ, и съ дальнѣйшимъ развитіемъ Сѣвернаго морского пути, конечно, усилится движеніе по рѣкѣ и отразится на жизни всего края. Если верховья Енисея, какъ Минусинскій районъ, дадутъ для вывоза хлѣбъ, часть Енисейскаго уѣзда лѣсъ, то Туруханскій край доставитъ пушнину, рыбу и различныя ископаемыя богатства, какъ графитъ, а также слюду и янтарь. Мѣстные жители увѣряютъ, что въ краѣ есть и драгоцѣнный металлъ, золото. Край, несомнѣнно, имѣетъ будущее. Пока же онъ представляетъ собою отчаяннѣйшую глушь съ первобытнымъ, темнымъ, полнымъ суевѣрія населеніемъ. Если послѣднее нѣсколько прогрессировало за послѣдніе годы, то оно обязано этимъ, главнымъ образомъ, политическимъ ссыльнымъ. Не оказавъ глубокаго вліянія на мѣстныхъ аборигеновъ, они все же принесли съ собою иныя понятія, навыки, образъ жизни.

Уголовные ссыльные появились въ краѣ очень давно. Поскольку приходилось разговаривать съ мѣстными крестьянами, многіе, если не большинство, ведутъ свою родословную отъ ссыльнаго [1]). Но лишь немногіе помнятъ разсказы дѣдовъ о Россіи. Никакихъ матеріаловъ по исторіи колонизаціи края не имѣется. Если что и было, то сожжено въ періодъ движенія, извѣстнаго подъ именемъ «Туруханской республики», въ 1908—09 г.г. Кое-что, имѣющее отношеніе къ исторіи края, сохранилось въ тобольскомъ духовномъ архивѣ, да немногое въ мѣстномъ мужскомъ монастырѣ, въ с. Монастырскомъ, основанномъ въ XVII в. и принадлежавшемъ нѣкогда къ тобольской епархіи.

Собственно уголовные ссыльные мало вносили своего въ жизнь края. Они сразу ассимилировались, сливались съ мѣстнымъ населеніемъ, перенимая отъ него весь укладъ жизни, промысла, занятія. Нѣкоторое вліяніе, какъ я указалъ выше, оказали позднѣйшіе политическіе ссыльные, «политика», но они не сливались, живя особо отъ мѣстныхъ, своей жизнью. Политическая ссылка началась въ край еще въ концѣ 90-хъ г.г., но то были лишь одиночки. Жили ссыльные чуть ли не исключительно въ тогдашнемъ центрѣ края, г. Туруханскѣ. Память о нихъ до сихъ поръ жива среди туруханцевъ. Особенно тепло поминаютъ доктора Ульрика, много разсказываютъ и объ извѣстномъ с.-д. литераторѣ Цедербаумѣ.

Массовая политическая ссылка началась лишь съ 1906 года Привозили сразу сотнями, размѣщая по станкамъ всего края, и до конца 1908 г. не прекращался подвозъ новыхъ большихъ партій. Затѣмъ, постепенно ослабѣвая, притокъ новыхъ ссыльныхъ дошелъ до minimum'а, почти совершенно прекратившись за послѣдній годъ. Въ моментъ наибольшаго скопленія количество ссыльныхъ доходило до двухъ съ лишнимъ тысячъ человѣкъ. Были станки, гдѣ за ссыльными оставался нѣкоторое время численный перевѣсъ. Въ настоящее время число ссыльныхъ немногимъ больше сотни. Съ самаго начала массовой ссылки въ край на-ряду съ административно-ссыльными доставлялись и ссыльно-поселенцы. Между этими двумя категоріями существенное различіе. Административные ссылаются на срокъ не выше 5 лѣтъ, за время ссылки получаютъ казенное пособіе въ размѣрѣ 15 рубл. въ мѣсяцъ, по окончаніи могутъ ѣхать куда угодно, въ любой пунктъ Россіи, за

---

[1]) Такъ, на одномъ станкѣ, Курейкѣ, мнѣ разсказывали, что дѣдъ ихъ пришелъ въ край вскорѣ послѣ 19 февраля 1861 г., будучи сосланъ „за землю". Съ нимъ пришелъ его взрослый сынъ. Онъ же и основалъ Курейку. Теперь въ деревнѣ 10 дворовъ, изъ нихъ 8 заселено Тарасѣевыми, потомками ссыльнаго.

побѣгъ могутъ быть подвергнуты 3-мъ мѣс. тюрьмы. Ссыльно-поселенцы только черезъ 9 лѣтъ получаютъ право жительства по Сибири, становясь крестьянами, пособія изъ казны не получаютъ, за побѣгъ, безъ перехода границы Сибири могутъ быть приговорены до 1 г. 4 мѣс. тюрьмы, а за переходъ границы къ 3 годамъ каторги. При этомъ надо добавить, что для евреевъ-ссыльно-поселенцевъ сохраняется черта осѣдлости, и этой чертой для нихъ является уѣздъ приписки въ крестьяне, а въ Туруханскомъ краѣ, не Енисейскій у., часть котораго онъ составляетъ, а предѣлы самого края.

Составъ политическихъ ссыльныхъ непосредственно отражалъ происходившее въ Россіи революціонное движеніе. Приходившіе до середины, конца 1907 г. ссыльные были въ большинствѣ элементами тѣхъ или иныхъ крайнихъ лѣвыхъ политическихъ партій. Преобладали с.-д., за ними шли с.-р., затѣмъ анархисты. Изъ національныхъ партій среди поселенцевъ преобладали латышскіе с.-д., среди административныхъ, польскіе п. п. с-овцы обѣихъ фракцій. Послѣдніе составляли большую часть всей ссылки вообще. Солидныя группы дали кавказцы—грузины и армяне, евреи-бундовцы.

Подобная національная и партійная пестрота не мѣшала до 1909 г. извѣстному единству. Съ середины 1907 г. въ край стали приходить все въ бо́льшемъ количествѣ элементы, мало связанные съ революціоннымъ движеніемъ, и много чисто-хулиганскихъ элементовъ. Особенно много послѣднихъ дала Польша. Варшавскіе сутенеры, шулера, карманники приходили въ массовомъ количествѣ, на-ряду съ немного выше ихъ стоявшими п. п. с-овцами фракціонерами (такъ называемой «правицей»). Партійный, идейный элементъ въ партіяхъ 1908—1909 г.г. почти отсутствовалъ. Лишь съ конца 1910 г. онъ вновь появляется, усиливаясь за послѣдніе годы. Долгое время не проводилась и самими ссыльными рѣзкая грань между двумя совершенно чуждыми составными частями. Нечего и говорить, что большинство мѣстныхъ крестьянъ и до сихъ поръ слабо раздѣляетъ ихъ. Да и невозможно было въ періодъ массовой ссылки рѣзкое размежеваніе. Промежуточныхъ элементовъ было много и часто не легко было сразу установить грани, тѣмъ болѣе, что о прошломъ большинства мало кому было извѣстно. «Товарищъ» и «товарищъ», или, какъ говорили крестьяне, все «политика». Теперь—иное дѣло: и крестьяне все легче начинаютъ узнавать «настоящаго политика», въ отличіе отъ не-«настоящаго». До сихъ поръ въ краѣ много «варшавскихъ» и другихъ чисто-уголовныхъ элементовъ. Такъ, только за лѣто 1913 года пришло въ край около 35 уголовныхъ бродягъ-поселенцевъ; за весь 1914 годъ почти одни «вар-

шавскіе» и имъ подобные. Политическая ссылка административная направлена на «колонизацію» по преимуществу Ангарскаго края, а поселенцы размѣщаются по всѣмъ уѣздамъ губерніи, кромѣ Туруханки. Въ общемъ интеллектуальный и моральный уровень ссылки послѣ 1905 г. сильно понизился по сравненію съ до-революціоннымъ періодомъ; ссылка же конца 1907—1910 г.г. оказалась особенно низкой.

Какъ же, чѣмъ жила ссылка въ указанныхъ выше краевыхъ условіяхъ?

Я уже указывалъ, что только административные получали пособіе. Поселенцы съ перваго дня своей новой жизни, выброшенные въ край послѣ долгаго предварительнаго заключенія буквально въ одномъ лишь арестантскомъ рубищѣ, должны были искать заработокъ. Найти таковой въ краѣ, гдѣ совершенно отсутствуетъ какая бы то ни было промышленность, среди крайне рѣдкаго населенія нелегко. Фабричнымъ рабочимъ, интеллигентамъ нечего было и думать о работѣ по спеціальности. Кое-какъ могли устраиваться лишь ремесленники. Остальнымъ приходилось браться за всякую поденную работу. Нѣкоторые нанимались въ работники къ крестьянамъ, нѣкоторымъ удавалось заработать нѣсколько грошей въ сѣнокосъ, нанимались въ пастухи и т. д. Все это, конечно, не могло удовлетворить острой нужды. Позднѣе, проживъ пару лѣтъ, многіе переняли отъ крестьянъ ихъ промысла, обзавелись неводами и прочими орудіями рыбнаго промысла,—гдѣ коллективно, гдѣ единолично,—и зажили «по-мѣстному». Съ самаго же начала вопросъ стоялъ чрезвычайно остро. Помощь изъ Россіи никогда не достигала крупныхъ размѣровъ. Нужно было здѣсь, на мѣстѣ, придумать что-либо существенное. И мысли ссылки направились въ сторону организаціи взаимопомощи.

Дороговизна жизни въ краѣ такова, что одному едва можно кое-какъ прожить на 15 рублей. Иное дѣло при веденіи хозяйства въ крупномъ масштабѣ. Совмѣстныя закупки на пароходахъ главныхъ продуктовъ, минуя мѣстныхъ торговцевъ, уже понижаютъ расходы на 10—20%. Много экономіи получается и при житьѣ «коммунами».

Послѣ ряда собраній, долгихъ дебатовъ по отдѣльнымъ станкамъ, послѣ налаживанія связи между станками, удалось взаимопомощь поставить на болѣе или менѣе правильныхъ началахъ. Если ссыльные и раздѣлены правительствомъ, это еще не основаніе для дѣленія между собою. И административные согласились съ тѣмъ, что казенное пособіе, получаемое ими, должно распредѣляться между всѣми ссыльными. Несмотря на пестроту состава, значитель-

ное большинство приняло участіе въ организаціяхъ взаимопомощи. Къ послѣднимъ не примыкали лишь завѣдомо уголовные элементы.

Самая форма взаимопомощи нѣсколько варьировалась въ зависимости отъ станочныхъ условій. Но, какъ мнѣ удалось установить, наиболѣе распространеннымъ типомъ являлось равномѣрное распредѣленіе казеннаго пособія между всѣми ссыльными, независимо отъ категоріи. Само собою, учитывались и индивидуальныя поступленія изъ Россіи. Всѣ эти организаціи сохранились до разгрома въ 1909 г., когда, послѣ безчинствъ группы налетчиковъ, выразившихся въ нѣсколькихъ экспропріаціяхъ и убійствахъ мѣстныхъ крестьянъ и торговцевъ, въ краѣ введено было военное положеніе. На-ряду съ мѣстными властями появились военныя, на-ряду со стражниками—солдаты. На всѣхъ станкахъ ссыльные массами подвергались избіеніямъ и арестамъ. Арестованныхъ отправляли въ Красноярскъ. Достаточно было плохого отзыва кого-либо изъ крестьянъ, чтобы начиналась экзекуція. Думать о какихъ-либо организаціяхъ, собраніяхъ въ періодъ военнаго положенія не приходилось. Только съ середины 1910 г., съ отмѣной военнаго положенія, жизнь снова начала входить въ норму. Большинство арестованныхъ было возвращено обратно. Но разрушенныя организаціи почти не возстановлялись. Отчасти потому, что острая нужда первыхъ моментовъ прошла, отчасти потому, что ссыльно-поселенцы присылались въ край лишь до середины 1907 г., а старые успѣли уже устроиться; отчасти же и въ силу пониженія уровня ссылки. Административные «первыхъ призывовъ» окончили свой срокъ и уѣхали; преобладаніе перешло къ элементамъ, къ политическому движенію мало прикосновеннымъ. Въ настоящее время въ краѣ осталось незначительное число политическихъ поселенцевъ. Огромное большинство получило по манифесту 1913 г. крестьянскія права и разъѣхалось. На весь край можно насчитать 15—20 человѣкъ, большинство изъ которыхъ за 6—7 лѣтъ жизни устроилось своимъ хозяйствомъ.

Но заботы ссыльныхъ о кускѣ хлѣба не вытравляли духовныхъ запросовъ. Арестованные въ періодъ высокаго подъема движенія, ссыльные и долго спустя послѣ воздержанія продолжали горѣть прежнимъ огнемъ. Въ налаживавшихся повсемѣстно ихъ усиліями библіотекахъ преобладали книги по общественнымъ вопросамъ. Изученію послѣднихъ удѣлялось наибольшее вниманіе. Устраивались рефераты, происходили диспуты между представителями различныхъ партій, міросозерцаній. Налаживались кружки по изученію политической экономіи, рабочаго движенія и проч. Обмѣнивались книгами между станками. Получались газеты, журналы. Создавалась сильная «видимость» развитой общественной жизни.

Все это порождало полную отчужденность отъ мѣстныхъ интересовъ. Не было почти точекъ соприкосновенія. Поворотъ сталъ замѣчаться уже ближе къ концу 1908 г. На-ряду съ нѣкоторымъ охлажденіемъ къ общественнымъ вопросамъ, появился интересъ къ элементарнымъ, практическимъ предметамъ. Этотъ процессъ былъ, можетъ быть, и отраженіемъ происходившаго въ Россіи.

По своему составу ссылка была очень демократической. Преобладали рабочіе, были и крестьяне, въ большинствѣ люди съ недостаточнымъ элементарнымъ образованіемъ. Интеллигентовъ было мало. И съ начала ссылки на-ряду съ изученіемъ общественныхъ вопросовъ велись занятія по русскому языку, ариѳметикѣ и проч. Но позднѣе «учеба» стала привлекать все большее вниманіе. Ликвидаціи перваго «общественнаго» періода помогъ разгромъ 1909 г. Періодъ свободнаго передвиженія по краю, свободныхъ собраній отошелъ въ прошлое. Съ дальнѣйшимъ уменьшеніемъ количества ссыльныхъ постепенно исчезла и «видимость» общественной жизни. Началось личное «устроеніе». Въ настоящее же время, когда народу осталось мало, библіотеки старыя разгромлены, станки живутъ совершенно замкнуто, да и на рѣдкихъ изъ нихъ больше 2—5 человѣкъ. Газетъ, журналовъ получается совсѣмъ немного. А съ началомъ войны изъ-за закрытія ряда органовъ и того меньше. Въ одномъ лишь пунктѣ, центрѣ края, начинаются вновь попытки совмѣстной выписки періодической литературы.

Оторванность отъ россійской жизни неимовѣрная. Газеты доходятъ лишь въ очень солидномъ возрастѣ, на 25—27 день по появленіи на свѣтъ. Всего лишь годъ, какъ проведенъ телеграфъ, да и то только до с. Монастырскаго. Война лишь усилила остроту оторванности. Получающіяся въ с. Монастырскомъ телеграммы Петроградскаго Агентства не могутъ удовлетворить, да и передача ихъ до-нельзя безграмотная.

Не осталась война безъ вліянія и на матеріальное положеніе. Дороговизна жизни возросла значительно, а рессурсы уменьшились. Получавшаяся нѣкоторыми помощь изъ дому почти прекратилась. Если и до войны едва-едва можно было прожить на 15 рублей, то теперь тѣмъ болѣе трудно. Особенно тяжело приходится поселенцамъ. На нихъ сильнѣе сказывается и обѣднѣніе крестьянъ вслѣдствіе паденія цѣнъ на рыбу и пушнину.

А. М—чъ.

ВОПРОСЪ СВОБОДЫ СОВѢСТИ ВЪ ОФФИЦІАЛЬНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

(По поводу книги: „Обзоръ мѣропріятій министерства внутреннихъ дѣлъ по расколу съ 1802 по 1881 годъ". Изданіе департамента общихъ дѣлъ).

Трудъ этотъ, напечатанный по распоряженію директора департамента общихъ дѣлъ гофмейстера Б. В. Штюрмера, выполненъ еще въ 1881 году д. ст. сов. Д. Ф. Хартулари, «занимавшимъ въ то время должность начальника III отдѣленія департамента общихъ дѣлъ». Такимъ образомъ эта работа во всѣхъ смыслахъ является совершенно оффиціальной. Къ сожалѣнію, труды, выходящіе изъ нѣдръ правительственныхъ канцелярій, почему-то не поступаютъ въ общій кругооборотъ книжнаго богатства и потому долго остаются незамѣченными ни спеціалистами даннаго вопроса, ни критикой. Впрочемъ, можетъ быть, именно потому труды оффиціальнаго происхожденія и не пускаются въ общую продажу.

Работа г. Хартулари соединяетъ въ себѣ всѣ недостатки оффиціальнаго творчества. Будучи работой исключительно вѣдомственной, вмѣщая въ себя только «обзоръ мѣропріятій министерства внутреннихъ дѣлъ», она не только не исчерпываетъ предмета, но очень далека отъ полноты. Въ области оффиціальныхъ отношеній къ старообрядчеству и сектантству, распоряженія по министерству юстиціи, по вѣдомству православнаго исповѣданія и даже по министерству иностранныхъ дѣлъ (относительно бѣженцевъ и зарубежныхъ общинъ старообрядцевъ и сектантовъ) имѣютъ не менѣе важное, нерѣдко даже большее значеніе, чѣмъ распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ. Вѣдомственное творчество помѣшало г. Хартулари заглянуть въ обширные архивы сосѣднихъ министерствъ. Если отбросить этотъ органическій недостатокъ книги, весьма умаляющій научную ея цѣнность, и обратиться къ разсмотрѣнію ея содержанія, то прежде всего бросается въ глаза дилеттантское отношеніе къ предмету работы, такъ ярко выразившееся даже въ самомъ заглавіи книги: «Обзоръ мѣропріятій... *по расколу*». По заглавію мы въ правѣ думать, что эта книга говоритъ о старообрядцахъ, именуя ихъ оскорбительнымъ для нихъ словомъ, въ настоящее время совершенно упраздненнымъ въ оффиціальной номенклатурѣ. Между тѣмъ дѣло обстоитъ совершенно иначе. Дѣйствительному статскому совѣтнику Хартулари соблагоразсудилось—вопреки всѣмъ

установившимся наименованіямъ, которыя и въ 1882 г. были уже болѣе или менѣе обсуждены спеціальной и общей печатью, — назвать и все многовѣтвистое русское сектантство также расколомъ. Нужно ли говорить о томъ, что происхожденіе русскаго сектантства и старообрядчества совершенно различны, и спутывать то и другое, подводя подъ одно наименованіе—значитъ еще болѣе усложнять тотъ вопросъ народной жизни, который и до сихъ поръ далекъ отъ благополучнаго разрѣшенія.

Работа г. Хартулари является новой только въ нѣкоторой своей части. Только обзоръ мѣропріятій вѣдомства въ царствованіе Александра II служитъ добавленіемъ къ тому, что̀ ранѣе не было сдѣлано. Бо̀льшая половина книги (181 стр.) является сокращеннымъ повтореніемъ свѣдѣній изъ восьмитомной работы П. Варадинова: «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ» (1863 г.), послѣдній томъ которой спеціально посвященъ «исторіи распоряженій по расколу». Эта «исторія» доведена Варадиновымъ до 1855 г. Томъ въ 656 страницъ, имѣющій свои крупные недостатки, во всякомъ случаѣ даетъ гораздо больше матеріала, чѣмъ работа г. Хартулари. Кромѣ того у Варадинова приведены не только выписки изъ распоряженій, но весь матеріалъ снабженъ статистическими данными, различными справками, ссылками; все изложеніе ведется въ видѣ историческаго обозрѣнія съ цитатами изъ подлинниковъ. Пользуясь самымъ широкимъ образомъ трудомъ Варадинова, г. Хартулари не только нигдѣ о томъ не упоминаетъ, но даже цитируетъ слово въ слово многія страницы безъ кавычекъ и безъ указанія, откуда именно почерпнуты публикуемыя имъ подъ своимъ именемъ свѣдѣнія.

Распоряженія XVII вѣка Варадиновымъ и Хартулари ведутся въ собственномъ изложеніи безъ цитатъ, и здѣсь особенно характернымъ является явное заимствованіе г. Хартулари у Варадинова. Для этого слѣдуетъ только сравнить соотвѣтствующія мѣста той и другой работы.

Всю труднѣйшую часть своей работы г. Хартулари просто списалъ у Варадинова, кое-что поставивъ въ скобки, замѣнивъ «г.» словомъ «годъ» и пр. Начиная, напримѣръ, съ 7 по 20 стр. г. Хартулари щедрой рукой черпаетъ изъ Варадинова, не указывая на это нигдѣ, ни однимъ намекомъ. Поговоривъ немного «отъ себя»,—онъ черезъ полторы страницы вновь притягивается къ труду Варадинова и опять начинаетъ переписывать оттуда страницу за страницей, конечно, не указывая источника, и такъ продолжается съ 22 по 27 страницы. Дальше, г. Хартулари немного освобождается отъ этого безграничнаго вліянія Варадинова, начинаетъ вводить новые документы, но и то, вплоть до конца царствованія Николая I,

чувствуется постоянное вліяніе работы доктора правъ и философіи П. Варадинова на «обзоръ» дѣйствительнаго статскаго совѣтника Хартулари. Даже ошибки одного источника переходятъ безъ исправленія къ другому. Такъ, Варадиновъ, излагая событія 1746-го года, пишетъ: «въ Москвѣ и С.-Петербургѣ секта квакерская, христовщина или *хлыстовщина*...» И слово въ слово то же самое переписываетъ г. Хартулари (стр. 18). А между тѣмъ ни въ одномъ документѣ XVIII столѣтія нельзя найти слово «хлыстовщина», которое прибавлено здѣсь было Варадиновымъ, а Хартулари повторено. Слова «хлыстъ», «хлыстовщина» появились въ русскомъ языкѣ только въ первой трети XIX столѣтія (около тридцатыхъ годовъ), а XVIII вѣкъ совершенно не зналъ этихъ словъ, нарочито придуманныхъ тѣми, кто вѣчно преслѣдовалъ русскихъ людей за ихъ разномысліе въ вѣрѣ. Въ XVIII вѣкѣ могли этихъ сектантовъ называть словомъ «Христомужи», но отнюдь не «хлысты». Такимъ образомъ, мы видимъ, что оффиціальное изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ утверждаетъ то, чего совершенно не было въ дѣйствительности и не могло быть. А развѣ такое утвержденіе не могло повліять на тѣхъ, кто писалъ законы, распоряженія, циркуляры по поводу сектантовъ, кто оставилъ и въ новомъ уложеніи ужасную 96 ст., по которой тѣхъ, кого именуютъ «хлыстами», лишаютъ всѣхъ правъ состоянія и ссылаютъ на вѣчное поселеніе въ Сибирь.

Авторъ оффиціальнаго обзора пытается формулировать свое отношеніе къ различнымъ эпохамъ законодательства по старообрядчеству и сектантству. Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ изданъ законъ, «въ которомъ предписывалось: «вѣроотступниковъ, боголживниковъ и церковныхъ мятежниковъ—казнить, жечь огнемъ безъ всякаго милосердія». Этотъ жестокій законъ сейчасъ же сказался въ жизни. Начались преслѣдованія раскольниковъ, которыхъ подвергали строжайшимъ наказаніямъ: ихъ мучили, истязали, ссылали въ отдаленныя мѣста, нещадно били кнутомъ и, наконецъ, предавали смертной казни. Какъ всегда бываетъ при насильственномъ подавленіи идейнаго движенія, изъ этихъ преслѣдованій ровно ничего не вышло. «Всѣ эти мѣры жестокости—пишетъ г. Хартулари,—не только не подавляли раскола, а, напротивъ того, увеличивали число его послѣдователей, которые смѣло шли на плаху, считая себя мучениками за вѣру и, сплачиваясь между собою все болѣе и болѣе, предпочитали смерть подъ ударами кнута и топора подчиненію тѣмъ нововведеніямъ, какія, по мнѣнію ихъ, имъ навязывала незаконно духовная и свѣтская власть» (стр. 5). Правительство того времени на эту мужественную стойкость старообрядцевъ и сектантовъ отвѣтило еще большей жестокостью, форму-

лированной въ спеціальныхъ правилахъ, на основаніи которыхъ эти слои населенія должны были подвергнуться сплошнымъ казнямъ, ссылкамъ, потоку и разграбленію. «Едва появились эти правила,— пишетъ Хартулари (стр. 6), какъ массы народа поднялись съ своихъ мѣстъ, бросили свои жилища и съ грудными младенцами, безъ всякихъ средствъ, бѣжали куда глаза глядятъ: одни въ непроходимые лѣса и болота, а нѣкоторые даже за предѣлы отечества. Этого мало: въ средѣ раскольниковъ возникаетъ фанатическое явленіе, небывалое и до сего времени приводящее въ содроганіе, а именно самосожиганіе. Жгли себя русскіе люди цѣлыми семействами, цѣлыми обществами». Это признаніе оффиціальнаго обозрѣвателя дѣяній правительства крайне характерно: здѣсь устанавливается—и совершенно вѣрно устанавливается—непосредственная связь между жестокими распоряженіями правительства XVII вѣка и огромнымъ трагическимъ явленіемъ русской народной жизни. Послѣ этого нельзя уже говорить, какъ это у насъ было принято, что самосожиганіе старообрядцевъ есть плодъ ученія самихъ старообрядцевъ. Отнюдь нѣтъ! Обстоятельства жизни заставляли прибѣгать къ этой крайней мѣрѣ самозащиты, потому что лучше было покончить съ собой самоубійствомъ, чѣмъ отдаваться въ руки жестокихъ преслѣдователей, которые не только все-равно убивали, но еще подвергали сначала страшнымъ мученіямъ тѣхъ, кто «бѣжали куда глаза глядятъ». Массовое самоубійство старообрядцевъ XVII и XVIII вѣка являлось такимъ же протестомъ, какой нерѣдко встрѣчался среди лицъ, преслѣдуемыхъ у насъ въ Россіи за политическій образъ мыслей въ XIX и въ XX столѣтіяхъ.

И лишь только преслѣдованія прекратились, прекращается самосожиганіе старообрядцевъ. «Царю Петру I,—видимо, было совершенно безразлично, кто какъ вѣруетъ на Руси»—пишетъ Хартулари (стр. 7). «Въ виду такого взгляда какъ бы слегка повѣяло вѣротерпимостью, и русскіе люди, бѣжавшіе отъ преслѣдованій правительства, начали цѣлыми семьями возвращаться въ прежнія мѣста своего жительства, занялись хозяйствомъ, казни прекратились и о самосожиганіи не было и слышно». Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Петръ I измѣнилъ свои взгляды на старообрядчество и «то, что прежде царь считалъ однимъ религіознымъ разномысліемъ, теперь представлялось ему государственною измѣною, открытымъ мятежемъ» (стр. 7). Преслѣдованія были настолько жестоки, что Петръ I пріобрѣлъ у старообрядцевъ званіе Антихриста.

«Мѣропріятія по расколу царствованій Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны не представляютъ собою какихъ-либо особыхъ самостоятельныхъ распоряженій» (12 стр.).

А «кратковременный періодъ царствованія Петра III, до настоящаго времени столь чтимый раскольниками, отличается рядомъ льготъ, дарованнымъ старообрядцамъ» (стр. 13).

Въ общемъ итогѣ и по мнѣнію обозрѣвателя министерства внутреннихъ дѣлъ, «всѣ эти мѣры, при совершенномъ невыясненіи себѣ правительствомъ смысла и значенія раскола,—были мѣрами случайными и не представляли какой-либо особой, зрѣло обдуманной системы дѣйствій, направляемыхъ къ примиренію раскола съ церковью и къ усмиренію массы недовольныхъ» (стр. 14). Такимъ образомъ, вся дѣятельность того времени въ старообрядческомъ и сектантскомъ вопросѣ сводилась къ нулю, оставляя по себѣ лишь тяжелую память и страшный слѣдъ мучительства въ народномъ сознаніи.

Екатерина II отмѣнила рядъ жестокостей, чинимыхъ, кому было не лѣнь, надъ старообрядцами и сектантами, облегчила ихъ участь, но, «къ сожалѣнію,—пишетъ г. Хартулари,—всѣ... мѣры правительства, отличавшіяся такою снисходительностью къ послѣдователямъ раскола, не могли принести желаемой пользы, частью вслѣдствіе распространенія ихъ только на поселянъ извѣстной мѣстности и на основаніи лишь особыхъ ходатайствъ о семъ сильныхъ въ то время своимъ вліяніемъ при дворѣ вельможъ, тогда какъ остальные раскольники оставались подъ дѣйствіемъ прежнихъ законовъ, частью потому, что подобныя мѣры предпринимались не во имя сознательной вѣротерпимости и убѣжденія въ безполезности преслѣдованія раскола мѣрами жестокости, но въ силу извѣстныхъ современныхъ политическихъ соображеній. Вотъ почему всѣ мѣропріятія императрицы Екатерины Великой, по существу своему наиболѣе дѣйствительныя, имѣли однако же послѣдствіемъ не улучшеніе положенія раскола на Руси, а только новыя среди его недоразумѣнія» (22 стр.).

Политика Павла I по отношенію религіознаго разномыслія пошла двумя руслами: болѣе или менѣе терпимое отношеніе къ старообрядцамъ и крайне враждебное и жестокое къ сектантамъ, главнымъ образомъ потому, что послѣдніе «не признавали Богомъ поставленной власти на землѣ». Такъ, въ именномъ указѣ отъ 28 августа 1799 г. говорилось: «всѣхъ изобличенныхъ въ этой (духоборческой) ереси отослать въ Екатеринбургъ вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, содержа ихъ всѣхъ скованными и употребляя въ наитягчайшія работы, дабы сіи духоборцы, отвергающіе внѣшнюю власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ поставленную, восчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя, на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе» (29 и 30 стр.).

Конечно, при такомъ отношеніи къ народному вѣрованію никакъ нельзя было ожидать какой-либо общей терпимости въ вопросахъ совѣсти. Скорая смерть Павла I прекратила тѣ жестокости, которыя щедро посыпались-было на сектантскія общества въ Россіи.

Программу дѣятельности въ старообрядческомъ и сектантскомъ вопросахъ императора Александра I «до двадцатыхъ годовъ», обозрѣватель министерства внутреннихъ дѣлъ представляетъ себѣ въ слѣдующихъ словахъ императора къ тамбовскому губернатору по поводу распространенія секты духоборцевъ: «общее правило, принятое Мною на заблужденіе сего рода, состоитъ въ томъ, чтобы, не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, не допускать однако же никакихъ внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякіе въ семъ соблазны не въ видѣ ереси, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка» (45 стр.).

И здѣсь, сто лѣтъ тому назадъ, какъ и теперь, поперекъ всѣмъ благимъ пожеланіямъ стало пресловутое недопущеніе «внѣшнихъ оказательствъ». Вѣровать, быть убѣжденнымъ въ чемъ-либо и молчать объ этомъ, ни съ кѣмъ не дѣлиться своимъ мнѣніемъ, вѣровать и не имѣть возможности проявить свою вѣру—это значитъ, при всемъ прекраснодушіи заботящагося о терпимости, быть сжатымъ желѣзными тисками произвола и насилія всякаго облеченнаго властью. «Столь неудачно употребленное въ программѣ слово «оказательство» дало возможность лицамъ, на коихъ возлагалась обязанность слѣдить за этимъ оказательствомъ, придавать этому слову самое широкое и разностороннее значеніе и пользоваться имъ, какъ средствомъ для всякаго рода злоупотребленій и вымогательствъ» (45 стр.). Въ видѣ примѣра г. Хартулари приводитъ извѣстный случай, когда, «спустя 10 лѣтъ послѣ законовъ о ненаказуемости, за одну лишь принадлежность къ молоканству по приговору генералъ-губернатора, нѣсколько солдатъ были наказаны кнутомъ и сосланы въ Нерчинскіе заводы» (46 стр.).

Съ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка наступаетъ поворотъ къ преслѣдованію раскольниковъ. Установляется строгій надзоръ за сектантами и старообрядцами. «Духоборцы и молокане высылаются въ Таврическую губернію, распространители сего ученія предаются суду, субботниковъ ссылаютъ на Кавказъ, скопцовъ поголовно отдаютъ на службу въ войска Сибири и Грузіи, а неспособныхъ—на жительство въ Иркутскую губернію» (48 стр.).

Въ царствованіе императора Николая I старообрядчество и сектантство были подвергнуты большимъ испытаніямъ, въ которыхъ

главное мѣсто занимаетъ православное духовенство, предложившее рядъ мѣръ, ничего общаго не имѣющихъ съ какой бы то ни было терпимостью.

Обозрѣватель министерства внутреннихъ дѣлъ сообщаетъ, что «императоръ возлагалъ большія надежды на учрежденныя въ то время миссіонерскія общества, но этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться, вслѣдствіе непониманія своихъ обязанностей лицами, на коихъ возлагались эти порученія, а также и вслѣдствіе ихъ неразвитости. Правда, въ 1842 году, духовная власть, не изслѣдовавъ въ сущности ученія раскольническихъ сектъ, составила своеобразную классификацію, избравши масштабомъ степень политическаго и религіознаго вреда; но такой односторонній взглядъ на расколъ и подобная классификація, сохранившая и до сего времени свое значеніе, еще болѣе укрѣпили въ императорѣ Николаѣ I убѣжденіе, что расколъ представляетъ собою антиполитическое (?) явленіе, а для императора Александра II служили главнымъ препятствіемъ къ осуществленію желанія сего государя дать большему числу раскольниковъ возможно широкія гражданскія права какъ по происхожденію и имуществу, такъ и по отправленію ими духовныхъ требъ» (84 стр.). Планъ духовенства того времени осуществился вполнѣ. Въ эпоху особаго страха передъ всякой политикой вѣрные сыны реакціи выдвинули фантастическую схему сектъ, не имѣвшую никакихъ основаній въ дѣйствительности, причисливъ всѣхъ инаковѣрующихъ къ сектамъ «вреднѣйшимъ», «вреднымъ» и «менѣе вреднымъ». Къ счастію, эти дѣленія почти совершенно отошли теперь въ область преданія, оставивъ лишь по себѣ слѣдъ въ жестокой 96 ст. угол. уложенія. Въ самыя вредныя секты были зачислены тѣ, которыя не поддавались вліянію проповѣдей и увѣщаній агентовъ вѣдомства православнаго исповѣданія, въ борьбѣ съ ними чувствовавшихъ себя наиболѣе безсильными. Исходя изъ несомнѣнно «личной» точки зрѣнія, духовенство навязало русскому законодательству антинаучную схему, по которой, какъ по хорошо протоптанной дорожкѣ, почти три четверти столѣтія ссылали и судили тысячи русскихъ людей, виноватыхъ лишь въ томъ, что они хотѣли жить согласно своей, а не чужой совѣсти.

До какой степени злобы, невѣжества и антихристіанскаго настроенія доходило духовенство эпохи Николая I даже въ верхнихъ своихъ слояхъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ разбираемой нами оффиціальной книги: «вообще нельзя не признать, что въ царствованіе императора Николая I духовенство, на которомъ лежала нравственная обязанность сѣять слово Божіе путемъ кротости между отступниками отъ православія, по взглядамъ

своимъ на расколъ недалеко ушло отъ церковныхъ пастырей XVII и XVIII вѣка,—если только припомнить предложеніе тамбовскаго архіепископа Георгія о томъ, чтобы называть сводные браки безпоповцевъ «сводною случкою» (85 стр.).

Въ эпоху императора Николая I сектантовъ и старообрядцевъ преслѣдовали всѣми способами, болѣе всего сдавая особенно сектантовъ въ солдаты; дѣтей ихъ отбирали, разсылали по монастырямъ или сдавали въ кантонисты. Только въ одномъ случаѣ было проявлено благоволеніе къ старообрядцамъ: когда «для поощренія къ переселенію русскихъ купцовъ и мѣщанъ въ города Западнаго края дозволено было раскольникамъ сектъ, пріемлющихъ священство, причисляться въ купцы и мѣщане этого края» (127 стр.). Здѣсь сказались руссификаторскія тенденціи того времени въ борьбѣ съ Польшей. Надо замѣтить, что старообрядцы и сектанты были лишены права пріобрѣтать собственность въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Бессарабской области и, согласно резолюціи государя, «ни въ которой изъ пограничныхъ западныхъ губерній» (127 стр.)

«Тяжелая, стойкая и послѣдовательная борьба императора Николая I съ расколомъ не имѣла желаемаго результата»—пишетъ г. Хартулари (стр. 182).

Въ царствованіе Александра II были сдѣланы нѣкоторыя улучшенія въ бытѣ старообрядцевъ и сектантовъ, были отмѣнены нѣкоторыя, противныя духу времени, распоряженія, но такъ какъ въ основу всего законодательства по религіозному разномыслію легла уже упомянутая нами фантастическая и зловредная, нынѣ, къ счастію отмѣненная, схема дѣленія сектантовъ,—то само собой понятно,—какъ это совершенно вѣрно отмѣтилъ и г. Хартулари,—и всѣ послѣдствія этой основной посылки были крайне печальны, антикультурны и антигражданственны.

«Подводя общій итогъ всему въ настоящей запискѣ изложенному, нельзя не замѣтить вообще, что, съ самаго возникновенія на Руси раскола, всѣ принятыя противъ него гражданскія мѣры не столько уничтожали расколъ, сколько иногда еще болѣе способствовали къ его усиленію и распространенію. Жестокія преслѣдованія и гоненія, какимъ подвергались защитники старины, еще сильнѣе раздражали, озлобляли и ожесточали ихъ, не говоря уже о томъ, что общій характеръ административной по расколу дѣятельности прямо указывалъ на отсутствіе всякой правильной и строго обдуманной системы дѣйствій» (200 стр.).

Таково мнѣніе начальника III отдѣленія департамента общихъ дѣлъ. Полагаемъ, что съ г. Хартулари было согласно и его высшее начальство, которое нашло нужнымъ напечатать въ 1903-мъ году

записку, написанную еще въ 1881-мъ году. Болѣе двадцати лѣтъ пролежала она подъ спудомъ, и только тогда, когда почуялось дыханіе весны, когда стали намѣчаться признаки приближающагося освобожденія Россіи отъ ужасовъ преслѣдованій за вѣру, совѣсть и убѣжденія, только тогда этотъ сводъ распоряженій, снабженный разъясненіями далеко не либеральными, но все-таки не чуждыми обыкновенной человѣческой терпимости, свободными отъ человѣконенавистничества, слишкомъ часто свойственнаго распоряженіямъ вѣдомства православнаго исповѣданія,—появляется на свѣтъ Божій, какъ матеріалъ для будущихъ законодательныхъ актовъ.

Свобода совѣсти провозглашена, но ...«оказательство» осталось такъ же незыблемо, какъ и при Александрѣ I.

И результаты тѣ же: преслѣдованія, преслѣдованія и преслѣдованія различныхъ сектантовъ и отчасти старообрядцевъ. Судьи Россіи ежегодно судятъ сектантовъ и за самое вѣроученіе, и за «оказательство», и за распространеніе своей вѣры.

Когда же наступитъ желанный день сознанія творцами законодательства, что «въ принужденіи нѣтъ вѣры» и что «свобода совѣсти» не терпитъ ни административныхъ, ни законодательныхъ преслѣдованій? Развѣ возможно у нашихъ нынѣшнихъ союзниковъ какое бы то ни было преслѣдованіе за вѣру? Когда же и къ намъ придетъ то, что̀ незыблемо утвердилось въ Западной Европѣ?

Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.

КРИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ.

Что принесъ годъ войны Европѣ и отдѣльнымъ воюющимъ націямъ? Достигнуты ли какіе-нибудь опредѣленные результаты тѣми страшными усиліями, которыя употреблены до сихъ поръ на дѣло войны? Мы видимъ, что энергія и рѣшимость борющихся сторонъ нисколько не ослабѣли; число противниковъ Германіи увеличивается, и тѣмъ не менѣе ея аггрессивные планы упорно проводятся въ жизнь, не останавливаясь передъ опасностью появленія новыхъ враговъ среди нейтральныхъ странъ. Теперь уже ясно, что безпощадная наступательная война была спеціальнымъ, давно задуманнымъ и основательно организованнымъ предпріятіемъ германскихъ правителей, и что Германія занимала и занимаетъ совер-

шенно исключительное положеніе въ культурномъ мірѣ по характеру, размѣрамъ и цѣли своихъ вооруженій. То, что въ другихъ государствахъ разсматривалось какъ неизбѣжное зло, связанное съ неопредѣленностью международнаго положенія, составляло для Германіи важнѣйшую самостоятельную задачу, предметъ неустанныхъ, исключительныхъ заботъ. Это проходило какъ-то незамѣченнымъ для постороннихъ наблюдателей. Такъ называемый вооруженный миръ, главнымъ оплотомъ котораго представлялась намъ Германія въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, превратился на нашихъ глазахъ въ организацію вооруженнаго нападенія, обставленнаго всѣми изобрѣтеніями и усовершенствованіями научной техники.

И другіе народы по необходимости вооружались, въ большей или меньшей мѣрѣ; но только одно правительство — германское — сознательно стремилось къ дѣйствительно полной боевой готовности, чтобы быть въ состояніи выступить активно противъ намѣченныхъ сосѣдей для внезапнаго разгрома ихъ въ возможно скорѣйшій срокъ. Ничего подобнаго не ожидали и не предвидѣли остальныя европейскія націи; для нихъ германскія вооруженія, хотя и казавшіяся чрезмѣрными въ послѣдніе годы, оставались все-таки только обычною, традиціонною принадлежностью старой системы вооруженнаго мира. Никто не предполагалъ, что подъ покровомъ этой установившейся военно-политической системы зрѣетъ идея настоящей завоевательной войны, и лишь очень немногіе въ самой Германіи были посвящены въ тайну генеральныхъ штабовъ двухъ союзныхъ имперій. Вотъ почему та исключительная боевая готовность, которую обнаружили нѣмцы, была тяжелымъ откровеніемъ для другихъ державъ. Это былъ первый печальный урокъ, данный событіями Европѣ.

Въ отличіе отъ своихъ соперниковъ и противниковъ, Германія вооружалась не для обороны, а для нападенія. Она дѣлала все для обезпеченія за собою преимуществъ на войнѣ; она дѣлала для этой цѣли много такого, чего и не подозрѣвали сосѣди. Въ 1912 году одна Пруссія затратила 480 милліоновъ марокъ на увеличеніе подвижного состава своихъ желѣзныхъ дорогъ для военныхъ надобностей; поэтому генеральный штабъ могъ располагать поѣздами изъ пятидесяти вагоновъ черезъ каждыя десять минутъ по разнымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, и армія въ сто тысячъ человѣкъ со всѣми принадлежностями свободно перевозится теперь съ одного конца страны до другого въ теченіе двухъ дней. По числу и силѣ орудій и по производству боевыхъ снарядовъ Германія, кажется, превзошла всѣ другія страны въ совокупности. Какъ отмѣтилъ недавно Ллойдъ Джорджъ въ одной изъ своихъ рѣчей, германскія войска въ галиційскихъ бояхъ выпускали по двѣсти тысячъ

снарядовъ въ два часа, въ другомъ случаѣ,—свыше семисотъ тысячъ въ теченіе четырехъ часовъ: «если бы мы имѣли возможность—говоритъ британскій министръ — слѣдовать этому примѣру, то мы давно изгнали бы нѣмцевъ изъ Франціи и проникли бы на германскую территорію, и конецъ войны былъ бы уже близокъ». Теперь остается только наверстать потерянное время и постараться догнать Германію въ дѣлѣ снабженія арміи военными припасами и принадлежностями, что̀ и предпринято англичанами съ присущею имъ энергіею и настойчивостью. Оттого и война должна затянуться дольше, чѣмъ предполагалось. Недостатокъ орудій и снарядовъ долженъ быть восполненъ во что бы то ни стало: въ этомъ заключается существенная матеріальная сторона задачи, лежащей на союзникахъ. Потребуются не только громадныя финансовыя средства, но и сложныя практическія мѣропріятія для скорѣйшаго выполненія того, что̀ у нѣмцевъ было устроено заблаговременно и что̀ было ими закончено при помощи экстренно собраннаго съ народа милліарда незадолго до войны. Техническая обстановка военнаго дѣла должна быть доведена у союзниковъ до такой полноты и до такого совершенства, чтобы въ этомъ отношеніи перевѣсъ окончательно перешелъ на ихъ сторону. Таково необходимое условіе побѣды, и таковъ настоятельный практическій выводъ изъ опыта перваго года военныхъ дѣйствій.

На эту матеріальную сторону дѣла обращалось слишкомъ мало вниманія въ первый періодъ войны. Обсуждая причины и особенности неожиданной катастрофы, обрушившейся на Европу, печать усиленно занималась вопросами политической этики, разборомъ нравственныхъ качествъ противника и оцѣнкою его поведенія; цѣлые трактаты появлялись по этому поводу въ иностранной литературѣ и журналистикѣ, и всѣ разсужденія сводились къ тому, что правое и чистое дѣло союзниковъ должно побѣдить именно въ силу своей правоты и чистоты.

Въ вышедшей недавно книжкѣ, составленной г. П. Кудряшовымъ: «Идейные горизонты міровой войны», собраны любопытные образчики такого рода философскихъ обобщеній и выводовъ. «Побѣда Германіи надъ Европой—говоритъ, напримѣръ, модный французскій мыслитель, Анри Бергсонъ—была бы побѣдой матеріи надъ духомъ. Передъ нами, съ одной стороны,—техника, машина, нѣчто готовое, застывшее, съ другой—жизнь, творческая сила, мѣняющаяся и совершенствующаяся ежеминутно. Съ одной стороны, то, что̀ подвергается порчѣ, гибели, съ другой—то, что̀ неистребимо». Но и машина дѣйствуетъ съ пользою и производитъ желательные результаты только подъ руководствомъ разумной на-

правляющей силы; техника есть только орудіе, значеніе котораго зависитъ отъ изобрѣтательности и искусства исполнителей. Противопоставлять мертвую машину живому творческому уму нѣтъ основанія въ данномъ случаѣ. Машины портятся, мѣняются и совершенствуются въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами, которыя постоянно взвѣшиваются и учитываются живыми людьми, способными къ творчеству; а безъ подходящихъ орудій и машинъ никакое творчество не достигнетъ реальнаго успѣха,—да и нѣтъ повода предполагать, что усовершенствованіе техники менѣе доступно англичанамъ и французамъ, чѣмъ нѣмцамъ.

Другой философъ, Эмиль Бодреро, провозглашаетъ гибель Германіи на основаніи общихъ историческихъ соображеній: «Германіи суждено быть побѣжденною, ибо ея назначеніе въ исторіи цивилизаціи закончено. Она оказала человѣчеству громадныя услуги—и принуждена уступить мѣсто другимъ. Гибнетъ не милитаризмъ только, гибнетъ цѣлая эпоха исторіи, и потрясенное человѣчество присутствуетъ при упадкѣ могучей цивилизаціи». Однако, другіе народы, насколько намъ извѣстно, вовсе не собирались отнимать у нѣмцевъ принадлежащее имъ мѣсто; напротивъ, они принуждены были выступить на защиту своихъ собственныхъ правъ отъ германскихъ притязаній и посягательствъ. Гибель Германіи никому не нужна, и едва-ли она входитъ въ планъ исторической эволюціи, какъ расположенъ думать Эмиль Бодреро. Нѣмецкіе патріоты съ своей точки зрѣнія доказываютъ, что Франція и Англія «завершили кругъ своего развитія» и должны уступить свое мѣсто Германіи. Такія пророчества ни для кого не убѣдительны и только безъ надобности усиливаютъ взаимное раздраженіе націй.

Каждый народъ естественно склоненъ преувеличивать свои нравственныя преимущества передъ другими, и мы не представляемъ исключенія въ этомъ отношеніи. Наши отечественные философы-публицисты часто выдаютъ свои личные взгляды за господствующія и общепринятыя въ Россіи національныя идеи, вслѣдствіе чего получаются явно ошибочные или односторонніе выводы. Нельзя отрицать существованіе у насъ цѣлаго ряда мучительныхъ національныхъ вопросовъ, постоянно напоминающихъ о себѣ въ такихъ формахъ, какихъ уже не знаютъ другія культурныя страны. Въ собственной внутренней жизни Россіи не соблюдаются еще принципы законнаго равноправія національностей и вѣроисповѣданій. Какъ справедливо замѣчаетъ князь Евг. Трубецкой, «борьба съ узкимъ націонализмомъ не только въ другихъ, но и въ насъ самихъ, должна стать нашимъ національнымъ дѣломъ». Россія должна стремиться къ «единенію всѣхъ племенъ и народностей въ одномъ мо-

гучемъ и святомъ порывѣ», но одного порыва недостаточно для осуществленія великой исторической миссіи, предполагающей еще другія разнообразныя условія, не менѣе важныя и существенныя.

Каковы бы ни были духовныя качества и стремленія русскаго народа, они не замѣнятъ собою тѣхъ матеріальныхъ средствъ и орудій, которыя необходимы для одолѣнія германскихъ вооруженныхъ силъ. Это ясно сознается теперь всѣми, безъ различія партій и направленій. Для организаціи и обезпеченія успѣха въ тяжелой внѣшней борьбѣ должны быть устранены всѣ традиціонныя внутреннія преграды, мѣшающія дѣйствительному объединенію различныхъ племенъ, національностей и сословій, входящихъ въ составъ Россіи. Симптомы этого объединенія становятся все болѣе ясными, и надо надѣяться, что они получатъ надлежащую санкцію въ соотвѣтственныхъ практическихъ мѣропріятіяхъ.

Л. Слонимскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Политическія колебанія, въ зависимости отъ хода событій.—Ошибки нейтральныхъ государствъ.—Политика Румыніи, Греціи и Болгаріи.—Отношенія съ Швеціей.—Сдержанные дипломатическіе протесты Соединенныхъ Штатовъ.— Настроеніе въ Англіи и Франціи.—Общія перспективы.

Давно уже замѣчено, что политика отстаетъ отъ событій, не поспѣваетъ за ними и впадаетъ съ ними въ противорѣчіе: рѣшенія принимаются послѣ того, какъ перемѣнились вызвавшія ихъ обстоятельства, и нерѣдко оказываются слишкомъ запоздалыми и потому не достигающими цѣли.

Нейтральныя государства, заинтересованныя въ торжествѣ державъ тройственнаго соглашенія, имѣли неоднократно возможность съ успѣхомъ вмѣшаться въ войну, чтобы сразу дать перевѣсъ силъ въ пользу союзниковъ. Такъ, послѣ французской побѣды на Марнѣ и занятія нами Галиціи вмѣшательство Италіи имѣло бы огромное значеніе, въ виду временнаго разстройства германскихъ наступательныхъ плановъ. Позднѣе, когда наши войска завладѣли Карпатами и готовились вступить въ предѣлы Венгріи, насталъ несомнѣнно самый благопріятный моментъ для выступленія Румыніи, которая легко заняла бы Трансильванію и довершила бы разстройство австрійскихъ армій. Италія и Румынія вновь имѣли безспорный шансъ нанести чувствительный ударъ Австро-Венгріи послѣ паденія Перемышля, въ

мартѣ. Наконецъ, Болгарія и Греція естественно должны были бы присоединиться къ противникамъ Турціи, когда англо-французская экспедиція угрожала прорывомъ Дарданеллъ и поставила на очередь вопросъ о судьбѣ Константинополя. Между тѣмъ, Италія тянула переговоры объ условіяхъ своего вмѣшательства или нейтралитета до тѣхъ поръ, пока Германіи не удалось существенно улучшить положеніе Австро-Венгріи и вытѣснить русскія войска изъ ея предѣловъ, при помощи неимовѣрныхъ усилій и жертвъ; въ Галиціи вновь возстановлено австрійское владычество, духъ австро-венгерскихъ армій повысился, и вѣнскій кабинетъ опять заговорилъ по отношенію къ Италіи въ тонѣ обычнаго высокомѣрія. Избавленная отъ непосредственной опасности съ востока, Австро-Венгрія совершенно иначе отнеслась къ итальянскому наступленію, чѣмъ это было бы мѣсяцемъ или двумя мѣсяцами раньше; она не чувствуетъ надъ собой угрозы сокрушительнаго удара, и эта перемѣна обстановки и настроенія значительно ослабляетъ эффектъ того вмѣшательства Италіи, котораго такъ долго опасались обѣ центральныя имперіи. Рѣшительный шагъ, сдѣланный своевременно, имѣлъ бы совсѣмъ другую силу и другую цѣну, чѣмъ теперь.

Итальянская дипломатія, очевидно, запоздала съ своими предположеніями; она стремилась выговорить для себя болѣе крупныя выгоды въ будущемъ и ради этого пропустила подходящій моментъ для наилучшаго использованія своихъ преимуществъ въ настоящемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она упустила случай сыграть выдающуюся и, быть можетъ, рѣшающую роль въ ходѣ европейскихъ событій. Конечно, Италія возьметъ свое; она займетъ намѣченныя австрійскія земли, и Австро-Венгрія въ концѣ концовъ невольно помирится съ ихъ потерею; но трудно ожидать, чтобы это участіе итальянцевъ въ войнѣ оказало существенное вліяніе на ея исходъ. А какъ блестяще могло быть положеніе Италіи, если-бъ она выступила тотчасъ послѣ паденія Перемышля, или еще раньше, послѣ германскихъ неудачъ подъ Варшавой!

Нѣтъ сомнѣнія, что кабинеты державъ тройственнаго согласія употребляли всевозможныя усилія для привлеченія Италіи на свою сторону и въ принципѣ достигли этой цѣли еще въ первый періодъ войны; но итальянская дипломатія откладывала окончательное рѣшеніе до того времени, когда противникъ будетъ обезсиленъ или побѣжденъ другими и когда останется лишь приложить руку къ совершившемуся уже разгрому. Итальянцы разсуждали по-своему здраво и логично; они увѣрены были, какъ и всѣ въ Европѣ, что Австро-Венгрія идетъ навстрѣчу неминуемой катастрофѣ, что ея войска разбиты или деморализованы и что никакихъ шансовъ на серьезное поправленіе

своихъ дѣлъ она не мѣетъ. Эта оцѣнка положенія вытекала изъ всего развитія военныхъ операцій на галиційскомъ фронтѣ, начиная съ августа прошлаго года; все шло именно такъ, какъ предполагали компетентные наблюдатели, и нельзя было предвидѣть, что колесо фортуны повернется въ другую сторону послѣ занятія нами Перемышля. Сами австрійцы, кажется, перестали надѣяться на спасительную помощь Германіи, и рѣшимость послѣдней бросить въ Галицію свои лучшія арміи, снабженныя баснословными запасами боевыхъ снарядовъ, проявилась какъ-то неожиданно. Чѣмъ объяснить эту внезапную рѣшимость—намъ неизвѣстно. Повидимому, такого поворота дѣлъ не ожидали военные спеціалисты, которые, впрочемъ, всегда находятъ объясненіе для самыхъ неожиданныхъ стратегическихъ комбинацій. События вообще не считаются съ логикою, и вмѣсто того, чтобы развиваться въ одномъ направленіи, нерѣдко идутъ обратно или поворачиваются въ другую сторону, безъ достаточно ясной къ тому причины. Вчерашніе побѣдители могутъ вдругъ очутиться въ положеніи тѣснимыхъ пришельцевъ. Нейтральныя правительства ошибались въ своихъ выводахъ и предвидѣніяхъ, и эти ошибки неизбѣжно приводили къ политическимъ разочарованіямъ.

Особенно чувствительны эти разочарованія для небольшихъ второстепенныхъ государствъ, не имѣющихъ возможности вести вполнѣ самостоятельную внѣшнюю политику. Для нихъ выжидательный нейтралитетъ есть вѣрнѣйшая гарантія безопасности, и они не выходятъ изъ этого состоянія, пока не опредѣлился приблизительный, болѣе или менѣе вѣроятный результатъ войны. Работа дипломатіи для пріобрѣтенія активнаго союза Румыніи отличалась большимъ усердіемъ, но оставалась большею частью безплодною именно вслѣдствіе неувѣренности румынскихъ правителей въ конечномъ торжествѣ той или другой изъ борющихся сторонъ. Чтобы получить пограничныя австрійскія области, населенныя румынами, бухарестскій кабинетъ, по примѣру Италіи, велъ одновременно переговоры съ Германіею и державами тройственнаго соглашенія; но понятно, что надежда на дѣйствительное осуществленіе національной программы была связана съ успѣхами антигерманской коалиціи, отъ которой прежде всего ожидался разгромъ Австро-Венгріи. Пока австрійцы терпѣли пораженія, Румынія обнаруживала склонность къ активному вмѣшательству и тщательно взвѣшивала условія этого вмѣшательства; она увеличивала свои требованія въ зависимости отъ хода событій и заявляла притязаніе не только на румынскую часть Трансильваніи, но и на сосѣднія области съ смѣшаннымъ румынско-славянскимъ населеніемъ. Чѣмъ болѣе цѣннымъ и важнымъ представлялось для союзниковъ участіе Румыніи въ войнѣ, тѣмъ болѣе возрастали румынскія домогатель-

ства и тѣмъ проблематичнѣе казался выходъ румынъ изъ нейтралитета. Дѣлежъ незанятой еще австро-венгерской территоріи заранѣе вызывалъ споры о правахъ пограничныхъ національностей, при чемъ державы тройственнаго соглашенія должны быть заступаться за русинъ и сербовъ, входящихъ въ составъ населенія тѣхъ земель, которыя собиралась присоединить къ себѣ Румынія. Событія шли своимъ чередомъ: австрійскія пораженія смѣнялись частичными удачами, настойчивыя «продвиженія» свѣжихъ германскихъ силъ съ ихъ ураганнымъ огнемъ все чаще отмѣчались въ оффиціальныхъ телеграммахъ съ театра войны,—а дипломаты продолжали спорить о раздѣлѣ австро-венгерскихъ областей, о территоріальныхъ уступкахъ въ пользу Румыніи, какъ будто имперія Габсбурговъ находилась уже въ полномъ распоряженіи союзниковъ. Моменты для успѣшнаго вмѣшательства систематически пропускались румынскимъ правительствомъ, и старанія кабинетовъ тройственнаго соглашенія пропадали напрасно; въ этомъ отношеніи европейская дипломатія не проявила ни искусства, ни дальновидности. Въ румынскихъ правительственныхъ кругахъ упорно поддерживались и господствовали германскія вліянія, которымъ привыкъ подчиняться и король Фердинандъ; министръ Братіано и его сотрудники не скрывали своего намѣренія сохранить нейтралитетъ до послѣднихъ предѣловъ возможности, хотя и вводили въ заблужденіе западно-европейскихъ дипломатовъ своими фиктивными требованіями и домогательствами относительно размѣровъ участія Румыніи въ будущей добычѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчался даже нѣкоторый антагонизмъ между румынскимъ правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ; но оппозиція въ сущности ограничивалась лишь сочувственными демонстраціями по адресу Франціи и Англіи, предоставляя министрамъ вести практическую политику съ тою осторожностью, какая вытекаетъ изъ скромнаго международнаго положенія Румыніи. Всѣ разсчеты на Румынію оказались такимъ образомъ ошибочными, и нейтралитетъ остается по-прежнему основою ея двусмысленной выжидательной политики. Трудно винить за это Румынію: маленькая страна, вынужденная жить въ сосѣдствѣ не только съ Россіею, но и съ Австро-Венгріею, Болгаріею и Турціею, не можетъ рисковать какъ великая держава, и потому она не двинулась вслѣдъ за Италіею, съ которою, по слухамъ, она будто бы условилась выступить одновременно. Очевидно, такого предварительнаго соглашенія не существовало, и свобода дѣйствій Румыніи пока еще ничѣмъ формально не стѣснена.

Болѣе опредѣленной тактики держалась Греція; при министрѣ-президентѣ Венизелосѣ она рѣшительно стояла на сторонѣ противниковъ Турціи и готовилась открыто присоединиться къ нимъ для совмѣстныхъ дѣйствій, но впослѣдствіи измѣнила свой курсъ по на-

стоянію вліятельныхъ германофильскихъ группъ, во главѣ которыхъ находился самъ король Константинъ, женатый на сестрѣ Вильгельма II. Король разстался съ Венизелосомъ, когда послѣдній предложилъ заключить союзный договоръ съ державами тройственнаго согласія на выгодныхъ для Греціи основаніяхъ. Предстоявшіе парламентскіе выборы должны были показать, на чьей сторонѣ стоитъ большинство греческаго народа. Министерство Гунариса не пользовалось популярностью въ странѣ и не могло разсчитывать на успѣхъ, хотя большинство населенія едва-ли стремится къ войнѣ. На выборахъ 13 іюня (31 мая) сторонники Венизелоса одержали блестящую побѣду. Изъ 316 членовъ новой палаты къ партіи бывшаго министра-президента принадлежитъ 193 человѣка, и только третья часть—около сотни депутатовъ—стоитъ за правительство Гунариса. Король вынужденъ будетъ вновь призвать къ власти Венизелоса, который съ своей стороны готовъ идти на компромиссъ и не настаивать уже на полномъ принятіи своей программы; онъ самъ отчасти измѣнилъ свои взгляды, подъ вліяніемъ совершившейся перемѣны въ ходѣ событій. Дарданелльская операція оказалась несравненно болѣе трудною и длительною, чѣмъ думали сами англичане, и вмѣшательство Греціи не имѣло бы того рѣшающаго значенія, какое предполагалось ея патріотами. Когда Венизелосъ выходилъ въ отставку, обстоятельства были вполнѣ благопріятны для державъ тройственнаго соглашенія; теперь положеніе измѣнилось, и торжество союзниковъ не представляется уже столь близкимъ, какъ оно казалось два мѣсяца тому назадъ. Оттого должны были измѣниться и практическіе планы Венизелоса, такъ что возвращеніе его на постъ министра-президента не будетъ еще означать рѣшительнаго поворота въ греческой политикѣ. Въ практическомъ отношеніи вмѣшательство Греціи въ войну далеко не имѣло бы такой существенной важности, какъ активное участіе Румыніи; но и то, и другое находится въ тѣсной зависимости отъ особыхъ условій балканскаго кризиса, съ которыми должны сообразоваться правительства отдѣльныхъ балканскихъ странъ.

Центральное положеніе въ балканскихъ дѣлахъ занимаетъ Болгарія, и именно въ ней находится узелъ тѣхъ сложныхъ противорѣчій и неудовольствій, которыя мѣшаютъ балканскимъ народамъ свободно выступать противъ Турціи и съ надлежащей энергіей отстаивать свои самостоятельные національные интересы. Болгарія, обиженная и Румыніей, и Греціею, и Сербіею, не рѣшается дѣйствовать съ ними заодно; она не отказалась и, повидимому, не откажется ни отъ части Македоніи, раздѣленной между сербами и греками, ни отъ части Добруджи, занятой румынами по бухарестскому договору. Македонскій вопросъ, неправильно поставленный съ самаго начала, парализуетъ

всѣ заинтересованныя въ немъ пограничныя государства и заставляетъ ихъ относиться другъ къ другу съ злобнымъ раздраженіемъ и недовѣріемъ; общіе жизненные интересы тонутъ въ этомъ чувствѣ взаимнаго озлобленія, и народы пассивно и безучастно слѣдятъ за событіями, отъ которыхъ въ сущности зависитъ ихъ собственная судьба. Дипломатія не съумѣла разобраться въ этомъ источникѣ скрытыхъ внутреннихъ конфликтовъ, обрекающихъ балканскія государства на безсиліе; она ошибочно допустила раздѣлъ Македоніи, вмѣсто признанія ея автономіи, и ничего не сдѣлала для предупрежденія произвольнаго захвата болгарской части Македоніи сербами и греками. Изъ-за этой жгучей македонской обиды Болгарія воздерживается отъ возможности занять обратно Адріанополь и Ѳракію, двинуть войска къ Чаталджѣ и направить ихъ даже къ Константинополю, чѣмъ значительно облегчилась бы задача Дарданелльскаго предпріятія союзниковъ. Подозрительное бездѣйствіе болгаръ останавливаетъ попытки вмѣшательства другихъ балканскихъ народовъ. Только Сербія и Черногорія успѣшно справляются съ принятыми на себя обязанностями по защитѣ своихъ интересовъ противъ австрійцевъ и солидарныхъ съ турками албанцевъ; сербы занимаютъ понемногу сѣверную часть побережья Далмаціи, а черногорцы вступили въ Скутари, несправедливо отнятый у нихъ дипломатіею по требованію Австро-Венгріи. Однако, общая картина балканскихъ дѣлъ представляется крайне печальною и совершенно не соотвѣтствуетъ важности историческаго момента, переживаемаго Европою и, въ частности, народами ближняго Востока.

Для Германіи это положеніе въ высшей степени благопріятно. Она заручилась содѣйствіемъ мѣстныхъ правителей и широко пользовалась ихъ услугами для провоза военныхъ грузовъ въ Турцію; въ этомъ отношеніи нейтралитетъ Болгаріи и Румыніи имѣлъ съ самаго начала и сохраняетъ понынѣ германофильскій оттѣнокъ. Только сильныя, серьезныя военныя неудачи Германіи могутъ дать другой оборотъ событіямъ на Балканахъ.

Изъ остальныхъ нейтральныхъ государствъ въ Европѣ много говорилось въ послѣднее время о Швеціи. Германская дипломатія давно старается возстановить противъ насъ шведское правительство и шведское общественное мнѣніе, распространяя разныя фантастическія свѣдѣнія о мнимыхъ аггрессивныхъ планахъ Россіи; въ то же время она рисуетъ шведскимъ патріотамъ заманчивыя перспективы новыхъ пріобрѣтеній и завоеваній въ Балтійскомъ морѣ. При нѣкоторой ловкости и изобрѣтательности нѣтъ ничего легче, какъ возбудить недовѣріе противъ мирныхъ сосѣдей путемъ завѣдомо ложныхъ слуховъ и сплетенъ; естественно, поэтому, что направленная противъ насъ систематическая нѣмецкая пропаганда создала

тревожное настроеніе въ нѣкоторой части шведскаго общества и печати, при чемъ случайные незначительные инциденты искусственно раздувались до степени серьезныхъ конфликтовъ. Одинъ изъ такихъ инцидентовъ произошелъ 19 іюня и послужилъ матеріаломъ для правительственнаго сообщенія, напечатаннаго въ газетахъ отъ 23-го числа того же мѣсяца. «Шведскій посланникъ въ Петроградѣ—сказано въ этомъ документѣ—сообщилъ Императорскому правительству, что 19 іюня, во время морского боя у острова Готланда, при преслѣдованіи русскими военными судами германскаго военнаго судна снарядъ пролетѣлъ надъ принадлежащимъ Швеціи островомъ Остраритъ (или Эстергартомъ) и упалъ затѣмъ въ воду на разстояніи около двухсотъ метровъ отъ острова. По этому поводу посланникъ отъ имени своего правительства выразилъ протестъ противъ произведеннаго такимъ образомъ нарушенія нейтралитета Швеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ шведскій посланникъ увѣдомилъ Императорское правительство о принятіи шведскимъ правительствомъ мѣръ къ разоруженію выбросившагося на берегъ острова Готланда германскаго военнаго судна и къ водворенію въ Швеціи его экипажа. Принявъ это сообщеніе къ свѣдѣнію, Императорское правительство выразило шведскому искреннее сожалѣніе по поводу паденія снаряда въ шведскія территоріальныя воды и объяснило при этомъ, что, согласно донесенію командующаго флотомъ Балтійскаго моря, случай этотъ могъ произойти лишь вслѣдствіе густого тумана, стоявшаго въ морѣ на мѣстѣ боя и мѣшавшаго точности стрѣльбы. Шведскому посланнику вмѣстѣ съ тѣмъ даны были самыя положительныя завѣренія о намѣреніи Россіи строго соблюдать нейтралитетъ Швеціи». Далѣе приводятся подробныя данныя объ обстановкѣ боя 19-го іюня, для доказательства того, что «паденіе снаряда въ шведскія территоріальныя воды могло быть лишь результатомъ досадной случайности, не зависящей отъ чьей-либо воли».

Очевидно, что описанный здѣсь случай могъ быть ликвидированъ очень просто и легко: шведское правительство потребовало объясненій, которыя и были ему представлены, и оказалось, что никакого сознательнаго нарушенія нейтралитета не произошло и, слѣдовательно, не было основанія для формальнаго протеста. Поэтому было бы, можетъ быть, правильнѣе не предъявлять протеста до выясненія обстоятельствъ, которыя дѣлали его излишнимъ. Протестъ, предъявленный безъ предварительныхъ объясненій, можетъ навести на мысль, что обоюдныя сосѣдскія отношенія не являются уже столь близкими и довѣрчивыми, какъ прежде. Этотъ оттѣнокъ недовѣрія и подозрительности внесенъ, конечно, извнѣ, и самый фактъ паденія снаряда въ ненадлежащемъ мѣстѣ могъ быть сообщенъ шведскому правительству только германскими моряками съ военнаго судна, выбросившагося на

берегъ острова Готланда. Нѣкоторыя газеты предполагаютъ даже, что нѣмцы нарочно вызвали на бой русскую эскадру близъ шведскихъ территоріальныхъ водъ, чтобы имѣть поводъ обвинить Россію въ нарушеніи шведскаго нейтралитета. Нѣтъ надобности идти такъ далеко, чтобы убѣдиться въ стараніяхъ Германіи возбудить раздоръ между государствами, одинаково заинтересованными въ сохраненіи взаимнаго мира и дружбы. Недавно еще нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ имѣлъ случай подтвердить, что Россія стремится поддерживать самыя лучшія отношенія съ Швеціею, и надо надѣяться, что это стремленіе найдетъ сочувственный отголосокъ въ лучшей части шведскаго общества.

Одна только нейтральная держава причиняетъ постоянныя непріятности германскому правительству: великая Сѣверо-Американская республика. Вашингтонскій кабинетъ не перестаетъ протестовать противъ неправильныхъ дѣйствій Германіи относительно торговыхъ и пассажирскихъ судовъ нейтральныхъ странъ; онъ посылаетъ въ Берлинъ весьма серьезныя дипломатическія ноты, на которыя приходится придумывать надлежащія отвѣтныя объясненія, и всѣ невыгоды этой оффиціальной полемики падаютъ на германскую дипломатію, вынуждая ее публично оправдывать поступки, единодушно осуждаемые всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Германское министерство иностранныхъ дѣлъ пыталось утверждать, что океанскій пассажирскій пароходъ «Лузитанія» былъ въ дѣйствительности замаскированнымъ крейсеромъ, что на борту онъ имѣлъ скрытыя орудія и былъ сверхъ того нагруженъ боевыми снарядами, воспламененіе которыхъ ускорило катастрофу, и что поэтому онъ былъ справедливо потопленъ, съ массою пассажировъ, женщинъ и дѣтей. Германскій министръ высказывалъ въ своей нотѣ опасеніе, что эти свѣдѣнія не дошли до правительства Соединенныхъ Штатовъ или не обратили на себя его вниманія. «Къ счастью,—отвѣчаетъ вашингтонскій кабинетъ,—по вопросамъ такого рода правительство Соединенныхъ Штатовъ располагаетъ всѣми нужными свѣдѣніями и имѣетъ полную возможность сообщить ихъ германскому правительству. Если бы приведенныя указанія относительно характера «Лузитаніи» были вѣрны, то прежде всего разоблачаемые ими факты должны были быть извѣстны правительству Соединенныхъ Штатовъ, на которомъ лежитъ по закону обязанность внимательно слѣдить за соблюденіемъ установленныхъ правилъ нейтралитета всѣми выходящими въ море судами. Эта обязанность въ точности была исполнена агентами правительства и по отношенію къ «Лузитаніи», и правительство категорически заявляетъ, что сообщенныя въ германской нотѣ свѣдѣнія совершенно неосновательны».

Запоздалыя обвиненія, выдвинутыя противъ потопленнаго пассажирскаго парохода — конечно, только жалкія выдумки, которыя странно встрѣчать въ оффиціальной нотѣ, исходящей отъ правительства великой державы. Министръ фонъ-Яговъ не потрудился даже придумать болѣе правдоподобную фактическую обстановку для своихъ указаній. Всякій можетъ спросить: какимъ образомъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ, находившихся на «Лузитаніи», никто не зналъ, что это—не пассажирскій пароходъ, а вспомогательный крейсеръ британскаго флота, снабженный орудіями и опаснымъ военнымъ грузомъ? Мыслимо ли скрыть отъ массы заинтересованныхъ людей такія важныя для нихъ обстоятельства? И для чего это дѣлалось бы? Неужели могло бы придти кому-нибудь въ голову рисковать множествомъ человѣческихъ жизней ради того, чтобы обманнымъ путемъ провезти такое количество военной контрабанды, какого не замѣтили бы сами пассажиры и которое не обращало бы на себя особеннаго вниманія экипажа? Во всякомъ случаѣ, милліардеръ Альфредъ Вандербильдъ не сѣлъ бы на пароходъ, относительно котораго существовали бы подобныя подозрѣнія. Наконецъ, если это былъ вооруженный крейсеръ, то почему онъ не воспользовался своими орудіями и не оказалъ сопротивленія, а далъ себя потопить, какъ самое обыкновенное торговое судно? Американская нота не останавливается на этихъ фактическихъ несообразностяхъ германскаго обвиненія, а настаиваетъ на явной неправильности самой системы потопленія нейтральныхъ кораблей безъ предварительнаго осмотра и провѣрки ихъ груза, и безъ принятія мѣръ для спасенія пассажировъ и команды. Въ нотѣ энергически подчеркивается необходимость руководствоваться соображеніями простой человѣчности, когда нѣтъ на-лицо какихъ-нибудь настоятельныхъ требованій военной безопасности; а такихъ требованій не было и не могло быть при встрѣчѣ съ «Лузитаніей». Общій тонъ ноты, при всей опредѣленности ея содержанія, остается довольно умѣреннымъ, и безпристрастному читателю можетъ даже показаться, что въ ней содержится слишкомъ много оговорокъ и дружескихъ увѣреній, ослабляющихъ силу ея основной аргументаціи. Германское правительство откровенно ставитъ себѣ цѣлью терроризировать нейтральныя націи, чтобы принудить ихъ отказаться отъ всякихъ торговыхъ и иныхъ сношеній съ Англіею; оно разсчитывало именно на то, что гибель «Лузитаніи» окончательно запугаетъ американцевъ, и ссылка на доводы гуманности въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія для нѣмецкихъ патріотовъ. Еще менѣе убѣдительны для нихъ указанія на общепризнанныя начала международнаго права, которыя вообще отвергаются новѣйшими германскими дѣятелями. Вашингтонскій кабинетъ все еще надѣется какъ будто доказать гер-

манскому правительству, что оно должно измѣнить свой способъ дѣйствій, а министръ фонъ-Яговъ дѣлаетъ видъ, что неудовольствіе американцевъ объясняется лишь незнаніемъ или недостаточнымъ пониманіемъ фактовъ, которые хорошо извѣстны въ Берлинѣ. Таковы характерныя черты всей этой странной дипломатической переписки, поучительной по существу, но безплодной на практикѣ.

Насколько можно судить по нѣмецкимъ каррикатурамъ, воспроизведеннымъ въ нѣкоторыхъ англійскихъ журналахъ, нѣмецкая публика смотритъ на американскіе протесты и жалобы, какъ на лицемѣрные пріемы жадныхъ эксплоататоровъ, которые съ одной стороны снабжаютъ оружіемъ Англію и наживаются на контрабандной торговлѣ, а съ другой—допускаютъ прекращеніе подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Германію и содѣйствуютъ такимъ образомъ британскому плану созданія искусственной голодовки для мирныхъ нѣмецкихъ обывателей. Американскіе дипломаты и публицисты много разъ объясняли, что правительство не можетъ запретить частнымъ торговымъ пароходамъ на свой рискъ заниматься контрабандной торговлей и что къ этому его вовсе не обязываетъ существующее международное право; они доказывали также, что не отъ нихъ зависитъ обезпечить свободу морской торговли съ Германіею, ибо зерновые и съѣстные продукты равнымъ образомъ отнесены къ числу предметовъ военной контрабанды. Каждой изъ воюющихъ сторонъ принадлежитъ одинаковое право принимать необходимыя мѣры для законнаго огражденія своихъ особыхъ интересовъ; но потопленіе общедоступныхъ пассажирскихъ пароходовъ съ цѣлью запугать нейтральныя націи выходитъ уже изъ круга военныхъ дѣйствій и является лишь актомъ безпричинной, ничѣмъ не мотивированной жестокости, разсчитанной на безнаказанность. Съ точки зрѣнія нѣмецкихъ патріотовъ, гибель «Лузитаніи» должна была заставить американцевъ отказаться отъ пользованія пароходами британскихъ компаній, а эта цѣль оправдываетъ въ ихъ глазахъ употребленное средство; но такія формы террора только ожесточаютъ, а вовсе не запугиваютъ противниковъ. Американцы волнуются и протестуютъ, германскіе дипломаты кое-какъ отписываются, и не видно перемѣны къ лучшему въ общемъ положеніи дѣлъ.

Неизмѣнно бодрое настроеніе господствуетъ въ Англіи, несмотря на испытанныя частичныя неудачи; рабочій классъ всецѣло примкнулъ къ патріотическому движенію, направленному къ дѣловой работѣ на пользу арміи и флота, всѣ партіи съ одинаковымъ довѣріемъ относятся къ организатору этого движенія, министру «военнаго снабженія», Ллойдъ-Джорджу. Въ печати и обществѣ была предпринята другого рода пропаганда, поддержанная газетою «Times» и направленная одновременно противъ военнаго министра,

лорда Китченера, и всего нынѣшняго коалиціоннаго министерства. Съ разныхъ сторонъ стали выступать проповѣдники всеобщей воинской повинности, и требованіе введенія этой повинности сдѣлалось лозунгомъ вновь образующейся неопредѣленной партіи, объединяемой, будто бы, однимъ лишь чувствомъ патріотизма. Въ газетахъ стали появляться статьи, доказывающія недостаточность принимаемыхъ мѣръ національной обороны; завязалась оживленная полемика около вопроса, одно возбужденіе котораго въ Англіи еще недавно казалось немыслимымъ. Вскорѣ агитація затихла, такъ какъ не нашла сочувствія въ широкихъ массахъ населенія. Требованіе радикальной военной реформы по прусскому образцу дотого противорѣчитъ всѣмъ политическимъ идеямъ и традиціямъ британскаго народа, что оно съ самаго начала вызывало лишь недоумѣніе, и весь разгорѣвшійся споръ представлялся чѣмъ-то искусственнымъ, лишеннымъ реальной почвы. Въ дѣйствительности не было даже фактическаго основанія для жалобъ, формулированныхъ сторонниками принудительныхъ военныхъ наборовъ, такъ какъ притокъ добровольцевъ превышалъ всѣ ожиданія, и численность британскихъ войскъ свободно пополняется и увеличивается безъ чувствительныхъ затрудненій. Шумное фиктивное движеніе, затѣянное органами лорда Нортклиффа, дало поводъ причислять эти органы къ такъ называемой «желтой прессѣ», но не произвело замѣтнаго вліянія на британское общественное мнѣніе. Въ Англіи, какъ и во Франціи, господствуетъ убѣжденіе, что настоящая война должна быть послѣднею въ Европѣ и что повтореніе подобныхъ ужасовъ должно быть предупреждено во что бы то ни стало,—а введеніе всеобщей повинности тамъ, гдѣ ея не было, означало бы, напротивъ, что войны признаются неизбѣжнымъ явленіемъ и для будущаго.

Психологія неискоренимой ненависти къ чужимъ націямъ, проповѣдуемая многими нѣмецкими патріотами и, въ томъ числѣ, самимъ Вильгельмомъ II, не можетъ и не должна приниматься за нѣчто серьезное и глубокое это лишь результатъ временнаго коллективнаго умопомраченія, которое исчезнетъ рано или поздно. Эта нравственная зараза не коснулась другихъ культурныхъ націй, и надо надѣяться, что и Германія избавится отъ нея въ свое время, когда пройдетъ кошмаръ разрушительной міровой войны.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Высочайшій рескриптъ 14-го іюня.—Задачи предстоящей сессіи.—Государственная Дума и органы мѣстнаго самоуправленія.—Бесѣда управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ представителями печати.—Совѣщаніе по польскому вопросу.—Вопросъ о приходѣ.—„Рабочія руки".—Кончина великаго князя Константина Константиновича.

Высочайшій рескриптъ 14-го іюня на имя предсѣдателя совѣта министровъ положилъ конецъ сомнѣніямъ, тяготѣвшимъ надъ русскимъ обществомъ. Необходимость выслушать, въ ближайшемъ будущемъ, «голосъ земли русской», долго и упорно оспаривавшаяся многими и въ бюрократическихъ, и въ думскихъ сферахъ, признана безповоротно. И это не могло быть иначе: когда переживается критическая минута, когда готовится рѣшительный отпоръ сильному врагу, когда потребность активнаго участія въ неотложной работѣ захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе круги общественныхъ и личныхъ силъ, тогда не должны безмолвствовать тѣ, кто уполномоченъ говорить отъ имени народа. Россія ожидаетъ не только повторенія тѣхъ призывовъ къ единенію, которые раздались въ началѣ войны, не только рѣшенія одной опредѣленной задачи, какъ въ январѣ нынѣшняго года; она ожидаетъ отъ нихъ отклика на всѣ очередные вопросы, ожидаетъ *свободнаго слова,* потребность въ которомъ чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше для него оставалось простора въ послѣднее время. Въ печати—когда для нея стало возможнымъ говорить о созывѣ Думы,—въ совѣщаніяхъ депутатовъ, происходившихъ, съ начала іюня, чуть не ежедневно, все громче и настойчивѣе раздавались голоса за *длительность* предстоящей сессіи, за возможно большее приближеніе ея къ нормальному типу. Рескриптъ 14-го іюня и въ этомъ отношеніи разрубаетъ Гордіевъ узелъ: совѣту министровъ поручено «разработать законопроекты, вызванные потребностями военнаго времени». Законодательнымъ учрежденіямъ предстоитъ, такимъ образомъ, исполненіе законодательныхъ функцій. Помимо массы указовъ, изданныхъ на основаніи ст. 87-ой зак. основ. и внесенныхъ или имѣющихъ быть внесенными въ Госуд. Думу, разсмотрѣнію ея будутъ подлежать вновь составленные, въ обычномъ порядкѣ, законопроекты, и между ними легко могутъ найти мѣсто и такіе, значеніе которыхъ простирается далеко за предѣлы военнаго времени. Въ движеніе бу-

дутъ приведены всѣ колеса сложнаго механизма, и Дума займетъ подобающую ей роль въ нашей государственной жизни.

Не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что на пути къ достиженію этой цѣли могутъ встрѣтиться препятствія, коренящіяся отчасти въ нѣдрахъ самой Думы. Когда начались совѣщанія съѣхавшихся въ столицу депутатовъ, единодушія между ними не было. И среди октябристовъ, и среди націоналистовъ не всѣ стояли за скорѣйшій созывъ Думы. Разногласіе не вполнѣ исчезло даже тогда, когда за этотъ созывъ высказались въ сеньоренъ-конвентѣ представители всѣхъ фракцій. Теченіе, идущее въ разрѣзъ съ требованіями минуты, можетъ, отраженное на одномъ пунктѣ, попробовать свои силы на другихъ, уже намѣченныхъ, отчасти, въ реакціонной печати и въ заявленіяхъ нѣкоторыхъ депутатовъ. Усилія, вызываемыя свѣтобоязнью, будутъ направлены, по всей вѣроятности, къ возможно большему сосредоточенію думской работы въ комиссіяхъ, къ возможно большему увеличенію числа закрытыхъ засѣданій, къ возможно большему ограниченію круга думскихъ занятій. Слишкомъ еще живуча, слишкомъ распространена вѣра въ спасительность тайны, въ мудрость молчанія, все равно, добровольнаго или вынужденнаго. Привычный девизъ: «какъ можно меньше свѣта» несомнѣнно будетъ выдвинутъ на сцену, если не во всей своей наготѣ, то въ слегка прикрашенномъ видѣ. Вопреки указаніямъ опыта, вопреки примѣру нашихъ союзниковъ, будутъ сдѣланы попытки перенести центръ тяжести преній съ открытой сцены за кулисы. Безспорно, есть вопросы, не подлежащіе, въ военное время, гласному обсужденію; но задача народнаго представительства состоитъ въ томъ, чтобы свести ихъ къ возможному минимуму. Необходимо довѣріе къ благоразумію, къ такту самихъ членовъ Думы, къ ихъ желанію и умѣнью оставаться въ рамкахъ, соотвѣтствующихъ важности момента. Не таково, притомъ, настроеніе общества и народа, чтобы была нужда въ усиленной внѣшней охранѣ этихъ рамокъ. «Голосъ русской земли» долженъ раздаться громко и свободно—и ничего успокоительнаго для себя, не найдутъ въ немъ германцы и австрійцы. Недаромъ Высочайшій рескриптъ 14-го іюня ожидаетъ сплоченной, дружной работы отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ родины, *безъ различія взглядовъ и направленій.*

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что на учрежденное въ концѣ мая особое военно-техническое совѣщаніе многіе расположены были смотрѣть какъ на суррогатъ Госуд. Думы, способный если не замѣнить ее вполнѣ, то надолго отсрочить ея созывъ. И этотъ взглядъ могъ бы, пожалуй, восторжествовать, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, если бы не произошла перемѣна въ настроеніи высшихъ правительственныхъ сферъ, выразившаяся, прежде всего, въ увольненіи

Н. А. Маклакова. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ принималъ энергичныя мѣры противъ обсужденія въ печати вопроса о неотложности созыва Думы—а однимъ изъ аргументовъ противъ немедленнаго обращенія къ народному представительству могло служить образованіе коллегіи, задача которой какъ бы совпадаетъ, отчасти, съ главной очередной задачей Думы. Само собою разумѣется, что это совпаденіе—только мнимое. Совѣщаніе, во главѣ котораго поставленъ военный министръ—органъ по преимуществу исполнительный. Включеніемъ въ его составъ нѣсколькихъ депутатовъ, одноцвѣтныхъ по своей политической окраскѣ и вовсе не представляющихъ собою большинства Думы, не измѣнялось его призваніе, не измѣнялся его характеръ. Оставаясь въ своей сферѣ, совѣщаніе можетъ сослужить большую службу; выходя изъ нея, оно могло бы только упустить изъ виду свои реальныя задачи и подорвать свой дѣловой авторитетъ. Непосильнымъ для него оказался бы даже высшій контроль надъ работами по снабженію арміи—контроль, организація котораго, судя по взглядамъ, высказаннымъ въ частныхъ собраніяхъ депутатовъ, будетъ поставлена на очередь въ Государственной Думѣ.

Если не отрицательное, то скептическое отношеніе къ созыву Думы еще недавно можно было замѣтить въ нѣкоторыхъ сферахъ, совершенно свободныхъ отъ бюрократизма. Превосходно поставленная, постоянно растущая въ глубь и ширь, все болѣе и болѣе плодотворная дѣятельность союзовъ общеземскаго и общегородского сильно повысила удѣльный вѣсъ нашего мѣстнаго самоуправленія. Противъ этого нельзя было бы сказать ни слова, если бы изъ безспорнаго факта не дѣлались иногда весьма спорные выводы. Въ яркомъ блескѣ результатовъ, достигаемыхъ представителями городовъ и земствъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, тускнѣли и меркли дефекты нормальной, повседневной земской и городской жизни—дефекты, въ значительной мѣрѣ обусловливаемые устарѣвшей, да и въ самомъ корнѣ несостоятельной избирательной системой. Нельзя сказать, чтобы давнишняя борьба противъ этихъ порядковъ уступила мѣсто ихъ защитѣ; но иногда до крайности преувеличивается польза, которую могутъ принести земскія и городскія учрежденія, хотя бы въ настоящемъ ихъ составѣ. Изъ-за подъема, вызваннаго исключительными обстоятельствами, забывается многолѣтній будничный опытъ. Каковы бы, притомъ, ни были силы, таящіяся въ органахъ самоуправленія, отодвинуть на задній планъ Государственную Думу они ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Читатели «Вѣстника Европы» знакомы съ нашимъ взглядомъ на положеніе о выборахъ, изданное 3-го іюня 1907-го года, и на практическіе его результаты, выразившіеся во всемъ сдѣланномъ и несдѣланномъ съ тѣхъ поръ Государственною Думой; но какъ бы многаго ни оста-

влялъ жедать составъ нашей нижней палаты, какъ бы недостаточной ни была связь между нею и народной массой, все же только она одна можетъ говорить отъ имени страны, одна можетъ объединить разрозненные голоса многомилліоннаго населенія. Но это еще не все; это, быть можетъ, даже не самое главное. Въ Россіи, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, трибуна законодательнаго собранія является мѣстомъ, поистинѣ единственнымъ въ своемъ родѣ. Только здѣсь можетъ быть высказано, безпрепятственно и прямо, многое изъ того, что накипаетъ въ умахъ и сердцахъ и неудержимо рвется наружу. Пускай сказанное не встрѣтитъ отклика, не возбудитъ ни сочувствія, ни вниманія большинства; разъ что въ немъ есть доля правды, оно прозвучитъ не безслѣдно. Вотъ почему такъ важно право запроса, принадлежащее Думѣ; вотъ почему такую высокую цѣнность представляетъ иногда не принятое ею рѣшеніе, а извѣстный моментъ предшествовавшихъ ему дебатовъ. Никакими комитетами, никакими организаціями, какъ бы удачно они ни исполняли свои спеціальныя задачи, не можетъ быть замѣнено представительство земли русской, хотя бы и очень далекое отъ идеала.

Сбитые съ своей первоначальной позиціи, принципіальные противники ускореннаго созыва Думы поспѣшили занять другую, менѣе рѣшительную, но все же отдаляющую наступленіе непріятнаго для нихъ момента. Вопреки ясному смыслу Высочайшаго рескрипта, предрѣшившаго возобновленіе занятій законодательныхъ учрежденій *не позднѣе августа сего года*, они утверждаютъ, что раньше этого срока Дума созвана быть не можетъ. Когда въ петроградской городской думѣ было предложено ходатайствовать о возможно скорѣйшемъ открытіи законодательной сессіи, меньшинство—правда, весьма незначительное—усмотрѣло въ этомъ попытку добиться перерѣшенія окончательно рѣшеннаго вопроса, и голосовало противъ или воздержалось отъ голосованія. Не расположенъ, повидимому, хлопотать о безотлагательномъ созывѣ законодательныхъ учрежденій и президіумъ Государственной Думы, составленный именно изъ тѣхъ элементовъ, которые съ самаго начала придерживались девиза: поспѣшай медленно. Противъ торопливости—если можно назвать этимъ именемъ совершенно законное желаніе положить конецъ тягостному бездѣйствію—выдвигается одинъ главный аргументъ: невозможность быстраго составленія законопроектовъ, «вызванныхъ потребностями военнаго времени». Но развѣ всѣ эти законопроекты должны быть внесены въ Думу въ самый день ея открытія? Развѣ не могутъ быть поставлены на первую очередь тѣ изъ нихъ, изготовленіе которыхъ потребуетъ всего меньше времени? Развѣ нѣтъ на-лицо проектовъ, уже теперь получившихъ окончательную отдѣлку или очень къ ней близкихъ? Развѣ первые дни, первыя недѣли сессіи не могли бы быть посвящены разсмотрѣнію указовъ,

изданныхъ на основаніи ст. 87-ой? Развѣ, наконецъ, «голосъ земли русской» не можетъ раздаться и внѣ непосредственной связи съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ вопросомъ? Чѣмъ тяжелѣе испытанія, переносимыя Россіей, тѣмъ понятнѣе страстное ожиданіе, овладѣвшее обществомъ. Яркимъ выраженіемъ господствующаго чувства служитъ печать, болѣе свободная, чѣмъ прежде, отъ крайностей цензурнаго гнета.

Эта сравнительная свобода была обѣщана печати при первой бесѣдѣ ея представителей съ новымъ главой министерства внутреннихъ дѣлъ. Потребность въ ней ощущалась съ каждымъ днемъ все больше и больше. Такъ называемая военная цензура распространялась на вопросы, не имѣющіе рѣшительно ничего общаго съ войною— и иниціатива этого распространенія шла, несомнѣнно, не отъ военнаго вѣдомства. Обычнымъ явленіемъ становилось зачеркиванье отдѣльныхъ словъ, искаженіе отдѣльныхъ фразъ, напоминавшее о давно миновавшемъ свирѣпствованіи красныхъ чернилъ. Стоило только взглянуть на любой газетный листъ, чтобы убѣдиться, что «пустыми пространствами» изобилуютъ не одни только военные обзоры. Князь Н. Б. Щербатовъ, въ прямую противоположность своему предшественнику, высказался за скорѣйшій созывъ законодательныхъ учрежденій—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ «излишнихъ стѣсненій» печати, т.-е., прежде всего, противъ злоупотребленія цензурой, установленной только въ виду военнаго времени и, слѣдовательно, законной только въ области всего, несомнѣнно соприкасающагося съ войною. Нѣсколько позднѣе, въ разговорѣ съ членомъ Думы Савенко, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ повторилъ еще разъ, что стѣсненіе печати не соотвѣтствуетъ государственнымъ видамъ, оно не даетъ печати выполнить возложенную на нее высокую задачу—укрѣпить духъ народа и арміи, чтобы довести войну до побѣдоноснаго конца. Намѣреніе правительства облегчить положеніе печати и поставить ее въ болѣе благопріятныя для работы условія подтвердилъ, въ бесѣдѣ съ тѣмъ же г. Савенко, главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ, А. В. Кривошеинъ [1]).

Не велика была бы перемѣна къ лучшему въ положеніи печати, если-бы она не пошла дальше мѣропріятій, намѣченныхъ въ бесѣдѣ

---

[1]) Нужно предположить, что г. Савенко, говоря съ министрами о необходимости перемѣнъ къ лучшему въ положеніи печати, выступалъ не какъ членъ партіи націоналистовъ, всегда и во всемъ враждебной прогрессу и свободѣ, а какъ *бывшій* членъ ея. Или, быть можетъ, вся партія близка къ „отказу отъ тѣхъ или иныхъ символовъ вѣры“, о которомъ говорилъ г. Савенко въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“? Едва-ли.

начальника главнаго управленія по дѣламъ печати съ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». Повременная печать, по мнѣнію А. А. Катенина, страдаетъ отъ отсутствія единообразія въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ цензоровъ: дозволенное однимъ изъ нихъ не разрѣшается другимъ, и газеты оказываются поставленными въ неравныя условія. Съ цѣлью устраненія этихъ ненормальныхъ явленій назначенъ—пока только въ Петроградѣ—особый составъ цензоровъ, не для просмотра газетъ и журналовъ, а для наблюденія за работой цензоровъ, на обязанности которыхъ лежитъ этотъ просмотръ. Такимъ образомъ «статьи приблизительно на одну и ту же тему будутъ ими разрѣшаться всѣмъ газетамъ, или точно также запрещаться всѣмъ газетамъ». Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы установленіемъ такой двухстепенной цензуры могъ быть достигнутъ какой-нибудь серьезный и полезный результатъ. Если и допустить, что она приведетъ газеты къ одному знаменателю, то для печати, а слѣдовательно и для общества, это столь же легко можетъ оказаться проигрышемъ, какъ и выигрышемъ. До сихъ поръ непропущенное въ одномъ періодическомъ изданіи могло иногда появиться въ другомъ—а теперь молчаніе по вопросу, признанному запретнымъ, станетъ общимъ правиломъ. И неизвѣстно, что будетъ встрѣчаться чаще—общее запрещеніе или общее разрѣшеніе: вѣроятнѣе—первое, потому, что самоограниченіе вообще не свойственно дискреціонной, хотя бы и многоэтажной власти. Трудно достижимымъ полное единообразіе въ дѣятельности цензуры является и потому, что съ ея точки зрѣнія важенъ не только выборъ темы: не менѣе важенъ способъ ея обсужденія и заключительный выводъ. Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что не для всѣхъ газетъ будетъ одинаково доступна тема, цензорами-наблюдателями à priori отнесенная къ числу дозволенныхъ. Неравенство, выведенное черезъ одну дверь, вновь войдетъ черезъ другую... Гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ двойной цензурный фильтръ, было бы по возможности точное установленіе границъ, за которыя не должна переходить военная цензура. Пускай она на самомъ дѣлѣ станетъ исключительно военной, охраняющей именно и только военную тайну: всѣ подчинятся ей безпрекословно, и въ наблюденіи за наблюдателями никакой надобности не будетъ.

Въ концѣ бесѣды начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати высказалъ нѣсколько мыслей о роли, которую въ настоящіе историческіе дни должна играть печать. Она должна, по его мнѣнію, «освѣщать государственные и общественные вопросы въ бодромъ, спокойномъ и объективномъ духѣ. Личные счеты и раздражительная полемика между газетами должны быть устранены; полемизировать будетъ время послѣ войны, а сейчасъ пресса должна заниматься вы-

полненіемъ общественныхъ задачъ». Нѣкоторыми газетами эти слова поняты, повидимому, какъ требованіе, оффиціально предъявляемое къ печати. Вѣрнѣе, думается мнѣ, видѣть въ нихъ только личное мнѣніе А. А. Катенина. Въ былое время власть, поставленная надъ печатью, дѣйствительно считала себя въ правѣ говорить съ нею въ наставительномъ тонѣ, преподавать ей правила поведенія. Это время прошло, и возвращеніе къ нему не оправдывалось бы и чрезвычайными обстоятельствами настоящей минуты. Спокойствіе и бодрость предписать нельзя; ихъ недостатокъ никому въ вину вмѣненъ быть не можетъ. Полемика является иногда лучшимъ способомъ выполненія «общественныхъ задачъ печати»; властное регулированіе ея тона столь же невозможно, какъ и установленіе обязательной нормы для писательскихъ темпераментовъ и привычекъ.

Возвращаюсь къ бесѣдѣ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ представителями печати. Особеннаго вниманія заслуживаетъ та часть ея, которая касается партій. «Съ момента избранія моего въ губернскіе предводители дворянства—сказалъ князь Щербатовъ,—я ни къ одной политической партіи не принадлежу. Тѣмъ болѣе я буду оставаться безпартійнымъ и впредь... Ко всѣмъ партіямъ я буду относиться совершенно одинаково. При мнѣ лейбъ-партіи министра внутреннихъ дѣлъ не будетъ». Чтобы оцѣнить значеніе этихъ словъ, достаточно припомнить близость предшественника кн. Щербатова къ такимъ организаціямъ, какъ палата Михаила Архангела или союзъ русскаго народа. Безпартійность министра немыслима при господствѣ парламентаризма; но при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ теперь находится Россія, она вполнѣ возможна и въ высокой степени желательна, какъ синонимъ справедливости и безпристрастія. «Совершенно одинаковое отношеніе ко всѣмъ партіямъ» логически исключаетъ возможность дѣленія партій на законныя и незаконныя, подлежащія и не подлежащія «легализаціи»—дѣленія, такъ явно несовмѣстнаго съ обновленнымъ государственнымъ строемъ и вносящаго столько ненормальнаго въ нашу политическую жизнь. Подобно тому, какъ существуютъ—и оффиціально признаются существующими—парламентскія *фракціи*, представляющія собою всѣ оттѣнки мнѣній, отъ самыхъ правыхъ до самыхъ лѣвыхъ, не могутъ не существовать и соотвѣтствующія имъ *партіи*. Наличность *части* предполагаетъ наличность *цѣлаго*; нельзя, безъ явнаго противорѣчія, считаться съ первою и въ то же время отрицать второе. Игнорировать фактъ—не значитъ его уничтожить. Законъ, идущій въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, остается безсильнымъ и безплоднымъ.

Война, по словамъ кн. Щербатова, «отодвинула созидательную реформу; она поглотила всѣ силы страны и настоятельно выдвинула

только одну задачу—бороться и побѣдить. Центръ тяжести — не въ планахъ, не въ проектахъ реформъ». Безспорно, военное время мало благопріятствуетъ широкимъ преобразованіямъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы должна была быть пріостановлена ихъ подготовка. Не вся же дѣятельность правительства обращена теперь на разрѣшеніе вопросовъ, непосредственно связанныхъ съ войною; не поглощены же этимъ всѣ силы, состоящія въ распоряженіи министерствъ. Возьмемъ, для примѣра, министерство внутреннихъ дѣлъ. Почти ничего общаго съ войною не имѣетъ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; сравнительно немногими сторонами соприкасаются съ нею земскій отдѣлъ и главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Едва-ли, поэтому, имѣются какія-нибудь серьезныя препятствія къ продолженію, напримѣръ, работъ по пересмотру положеній земскаго и городового. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что многое, сдѣланное въ этомъ отношеніи при Н. А. Маклаковѣ, потребуетъ коренной передѣлки при князѣ Н. Б. Щербатовѣ—и едва-ли цѣлесообразно было бы откладывать эту передѣлку до окончанія войны. Такой же передѣлки потребуетъ, безъ сомнѣнія, и внесенный въ Думу Н. А. Маклаковымъ законопроектъ о печати. На очереди стоятъ вопросы первостепенной важности, касающіеся крестьянства. Есть полное основаніе надѣяться, что народный духъ и послѣ заключенія мира удержится на той высотѣ, на которую его подняла война. Наступитъ моментъ, особенно благопріятный для движенія впередъ—и весьма важно, чтобы оно не было замедлено недостаткомъ подготовки. Возможность такой подготовки въ военное время доказывается наглядно усиленной работой, предпринятой новымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Преобразованіе университетовъ, среднихъ и низшихъ школъ едва ли осуществится раньше окончанія войны, но ничто не мѣшаетъ провести его уже теперь черезъ первую стадію, достигнувъ, тѣмъ самымъ большой экономіи времени и силъ... Въ пользу безотлагательной разработки давно назрѣвшихъ вопросовъ говоритъ еще одно вѣское соображеніе. Какъ ни поглощена народная мысль настоящимъ, она не можетъ не останавливаться и на будущемъ. Естественно возникаетъ вопросъ, на какой путь вступитъ Россія по окончаніи войны—и нѣкоторыя данныя для разрѣшенія этого вопроса можно найти какъ въ перемѣнахъ личнаго правительственнаго состава, такъ и въ содержаніи изготовляемыхъ правительствомъ законопроектовъ.

22-го іюня начались занятія совѣщанія, на которое возложено предварительное обсужденіе порядка осуществленія началъ, возвѣщенныхъ въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго 1-го августа

прошлаго года. Предсѣдателемъ совѣщанія состоитъ предсѣдатель совѣта министровъ, замѣстителемъ его—государственный секретарь, членами—шесть русскихъ и шесть польскихъ общественныхъ дѣятелей (бывшихъ или настоящихъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта). Имена націоналиста Балашова, праваго кн. Святополкъ-Мирскаго, октябриста Шубинскаго возбуждаютъ нѣкоторое удивленіе; ни съ однимъ изъ нихъ не соединено представленія о доброжелательномъ отношеніи къ полякамъ и Польшѣ. Особенно страннымъ можетъ показаться, съ перваго взгляда, выборъ кн. Святополкъ-Мирскаго, извѣстнаго только по гимну въ честь крѣпостного права, произнесенному имъ въ Государственной Думѣ. Оказывается, однако, что поводомъ къ приглашенію его въ составъ совѣщанія послужило изданіе имъ, года четыре тому назадъ, книги о польскомъ вопросѣ, написанной въ примирительномъ духѣ. Судя по свѣдѣніямъ объ этой книгѣ, появившимся въ печати [1]), авторъ ея допускаетъ возможность объединенія польскихъ областей, «безъ всякаго вреда для русскихъ интересовъ, подъ скипетромъ русскихъ государей, на положеніи края, пользующагося широкой культурной и національной автономіей». Весьма возможно, что кн. Святополкъ-Мирскій, какъ и г. Гурко [2]), видитъ въ объединенной Польшѣ преимущественно барьеръ или буферъ по отношенію къ Германіи; но во всякомъ случаѣ онъ не принадлежитъ къ числу непримиримыхъ враговъ польской національности, и, слѣдовательно, голосъ его можетъ быть выслушанъ безъ явнаго вреда для дѣла. Судя по слухамъ, прямого противодѣйствія задачамъ совѣщанія нельзя ожидать и отъ г. Шубинскаго. Страннымъ, тѣмъ не менѣе, является отсутствіе въ совѣщаніи представителей оппозиціи; очень желательно, чтобы подтвердился сообщенный въ печати слухъ о приглашеніи въ составъ совѣщанія одного изъ членовъ партіи народной свободы. Судя по бесѣдѣ сотрудника «Варшавской Зори» съ виднымъ польскимъ политическимъ дѣятелемъ [3]), среди поляковъ существуетъ довольно оптимистическій взглядъ на результаты работы, возложенной на совѣщаніе. Польское общество, по словамъ этого дѣятеля, «относится съ полнымъ довѣріемъ къ искреннему желанію правительства осуществлять реформы, обѣщанныя въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго. Оно хорошо понимаетъ, что условія военнаго времени, когда грохочутъ пушки, когда правительство имѣетъ священную обязанность посвятить всю

---

[1]) См. № 14915 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

[2]) Объ эволюціи г. Гурко по польскому вопросу я говорилъ въ іюньской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

[3]) См. № 167„ Рѣчи“.

свою работу дѣлу государственной обороны, неблагопріятны для проведенія крупныхъ внутреннихъ реформъ. Каковы планы польскихъ общественныхъ дѣятелей насчетъ будущей реформы Царства Польскаго, преждевременно говорить; польскіе общественные дѣятели явятся въ комиссію съ вполнѣ выработаннымъ планомъ. Многіе интересуются знать, каково будетъ ихъ отношеніе къ еврейскому вопросу и вообще къ различнымъ національнымъ группамъ; на это я могу отвѣтить, что польскій народъ добивается только свободы для себя, но не оковъ для другихъ». Чрезвычайно цѣнны послѣднія слова, такъ хорошо гармонирующія съ призывомъ Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ: «одного ждетъ отъ васъ Россія—уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія». Созывъ совѣщанія—благопріятный признакъ для дальнѣйшаго движенія польскаго вопроса; онъ позволяетъ думать, что, каковъ бы ни былъ исходъ войны, возвратъ къ положенію дѣлъ, существовавшему до нея, исключенъ рѣшительно и безповоротно.

Десять лѣтъ тому назадъ броженіе, охватившее общество и народъ, нашло отголосокъ въ рядахъ духовенства. Возникла мысль о созывѣ помѣстнаго собора; учреждено было предсоборное присутствіе, закипѣла подготовительная работа; появились духовные журналы новаго типа, составлялись коллективныя записки о необходимости реформъ въ церковномъ управленіи. Политическая реакція скоро положила конецъ мечтамъ и надеждамъ; въ духовной средѣ традиціонный застой одержалъ побѣду еще болѣе легкую, еще болѣе полную, чѣмъ въ свѣтской. Теперь и тамъ, и тутъ возобновляется прерванное движеніе. Починъ, какъ и прежде, принадлежитъ мірянамъ; но слишкомъ велика у насъ связь между церковью и государствомъ, чтобы волна, поднимающаяся въ послѣднемъ, могла пройти безслѣдно мимо первой. Въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія много говорили, много писали, въ послѣдніе годы, о преобразованіи прихода; но, предпринятое безъ одушевленія, заключенное въ узкія оффиціальныя рамки, дѣло не трогалось съ мѣста. За «самоуправляющійся приходъ» высказалось недавно уфимское земство — и встрѣтило поддержку въ уфимскомъ епископѣ Андреѣ, давно уже выдѣлившемся своею просвѣщенною дѣятельностью въ Казани и на Кавказѣ [1]). Отсюда тревога въ кругахъ, стоящихъ на-стражѣ неподвижности и рутины. «Колоколъ»,

---

1) См. статьи епископа Андрея въ № 14889 и священника Аггеева въ № 14911 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

хотя и уклоняющійся, съ нѣкоторыхъ поръ, съ своего прежняго пути, выступилъ противъ епископа съ обвиненіемъ... въ ереси! Епископъ мечтаетъ о явленіи церковно-государственнаго генія, который устроилъ бы нашъ приходъ и тѣмъ сдѣлалъ бы великое дѣло; «Колоколъ» видитъ въ этомъ противное не только православной, но и общехристіанской точкѣ зрѣнія «ожиданіе какого-то мессіи, который придетъ и устроитъ все»! Одобряемый земцами и епископомъ проектъ уфимскихъ земцевъ, вводящій мірянъ въ управленіе хозяйственными и благотворительно-просвѣтительными дѣлами прихода, приравнивается «Колоколомъ»... къ «упраздненію іерархіи»! Велика до сихъ поръ сила инерціи, противостоящая каждому шагу впередъ въ церковной жизни: А въ какой степени необходимо здѣсь движеніе, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ епископа Андрея: «Покажите нынѣшнія дѣла церковныя! Покажите что-нибудь ясное, безспорное, основательное! Дѣла земства нашего очевидны. Дѣла городскихъ самоуправленій очевидны. Дѣла другихъ обществъ, другихъ организацій своею очевидностью для всѣхъ убѣдительны. А дѣла церковныя—столь духовны, что душевный человѣкъ ихъ отыскать не сумѣетъ... Изъ создавшагося положенія необходимъ какой-нибудь выходъ». Этотъ выходъ станетъ возможнымъ только тогда, когда установятся и окрѣпнутъ у насъ нормальныя условія общегосударственной жизни. И теперь, конечно, въ средѣ духовенства есть живыя силы; но какъ тяжелъ ихъ путь, какъ велики препятствія, съ которыми имъ приходится бороться! Всего меньше, повидимому, располагаетъ къ плодотворному труду для народа и вмѣстѣ съ народомъ воспитаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Едва-ли случайно, что между такими тружениками сравнительно часто встрѣчаются крестьяне, бывшіе народные учителя, по призванію принявшіе духовный санъ. Объ одномъ изъ нихъ, недавно умершемъ дьяконѣ новгородской епархіи А. Г. Измайловѣ, появилась на дняхъ проникнутая глубокимъ чувствомъ замѣтка въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 141). Въ сельскую школу—говоритъ авторъ замѣтки—«покойный несъ неослабную любовь къ крестьянской дѣтворѣ. Въ средѣ трудового крестьянства онъ выступалъ какъ убѣжденный кооператоръ. Въ 1910 г. онъ учреждаетъ въ своемъ селѣ сельскохозяйственное общество, въ 1911 г.—потребительное общество, въ 1913 г.—кредитное товарищество, въ 1914 г.—артели маслодѣльную и для изготовленія вѣялокъ. Онъ устраиваетъ дѣтскія чтенія и спектакли, проводитъ черезъ кооперативы ассигновки на культурныя начинанія при земскихъ школахъ, выписываетъ кооперативную литературу». И крестьяне его поняли и оцѣнили. «Когда онъ умеръ, они потянулись къ его праху на поклонъ, ждали часами впуска туда, гдѣ лежало его тѣло, и теперь собираютъ свои трудовыя копѣйки ему

на могилку». И сколько могло бы найтись такихъ дѣятелей въ обновленномъ приходѣ!

Въ одной изъ лондонскихъ корреспонденцій «Русскихъ Вѣдомостей» (№ 138) сообщены любопытныя свѣдѣнія о добровольцахъ, отозвавшихся на призывъ къ воскресной работѣ въ Вульвичскомъ арсеналѣ, гдѣ не хватало рукъ для изготовленія снарядовъ. Въ первый же день ихъ явились цѣлыя тысячи: банкиры, биржевики, чиновники, рабочіе, инженеры, врачи, священники, литераторы. Многіе заявили, что готовы отдать весь свой лѣтній отдыхъ на работу въ арсеналѣ. Трудъ этотъ безвозмездный. На биржѣ, въ банкахъ, на центральныхъ рынкахъ, въ обществѣ гражданскихъ инженеровъ составились, кромѣ того, спеціальныя артели для работы въ арсеналахъ. Аналогичные факты наблюдаются и у насъ въ Россіи. По словамъ вице-директора департамента земледѣлія [1]), весьма многіе учащіеся въ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ (какъ мужчины, такъ и женщины) добровольно отдались сельскимъ работамъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мало мѣстныхъ рабочихъ силъ.—Недостаетъ, однако, широкаго почина въ этой области. Необходимость его убѣдительно доказываетъ профессоръ М. И. Ростовцевъ [2]). «Рабочія руки», говоритъ онъ, «есть у всѣхъ, физическою силою обладаетъ каждый, и за неимѣніемъ другого можетъ предложить ее въ распоряженіе государства въ минуту грозныхъ опасностей. Но куда предложить, кому предложить, для какой цѣли и на какую работу? Этого никто не знаетъ. Настоятельно необходимо открыть запись добровольцевъ въ «рабочія руки», какъ существуетъ запись добровольцевъ въ войска, въ санитары, въ сестры милосердія. Открыть такую запись по всей Россіи—дѣло военно-промышленныхъ комитетовъ, земствъ, союзовъ городовъ. Чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше. Если сейчасъ рабочія руки не нужны, пусть въ запасѣ у промышленности будутъ огромные резервы, которые можно будетъ двинуть тогда, когда настанетъ часъ и когда уже поздно будетъ искать людей, искать рабочія руки. Техника дѣла мнѣ представляется несложной. Въ записи должны быть указаны: возрастъ, образованіе, общественное положеніе, имѣющееся въ распоряженіи свободное время, имѣющаяся подготовка въ той или другой отрасли труда. Запись должна быть не пожеланіемъ, а обязательствомъ. Каждый записавшійся даетъ подписку, что онъ явится по

---

1) См. № 14912 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

2) См. статью его: „Рабочія руки“ въ № 14913 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

первому требованію и немедленно станетъ на работу. Для тѣхъ, кто ничего не умѣетъ, нужно организовать особую стадію ученичества, подготовки. Всякій сумѣетъ, послѣ небольшой подготовки, сдѣлаться хорошимъ и добросовѣстнымъ фабричнымъ рабочимъ. Трудъ долженъ быть платнымъ, и нужно его такъ организовать, чтобы лицо, не имѣющее въ своемъ распоряженіи всего рабочаго дня, все-таки могло принять участіе во всеобщей народной помощи, въ мобилизаціи «рабочихъ рукъ». Мысль М. И. Ростовцева заслуживаетъ глубокаго сочувствія; нужно надѣяться, что она не замедлитъ перейти въ жизнь. Несомнѣнно, для многихъ тягостна непричастность къ великому дѣлу, соединяющему вокругъ себя массу народныхъ силъ; несомнѣнно и то, что формы участія въ общей работѣ могутъ быть до крайности разнообразны, являясь доступными для сильныхъ и для слабыхъ, для молодыхъ и для старыхъ. Нѣтъ надобности, думается мнѣ, чтобы трудъ былъ непремѣнно платнымъ. Расцѣнить иные его виды было бы очень трудно; другіе, продолжаясь недолго и не отрывая отъ обычныхъ занятій, вовсе не требовали бы вознагражденія. Едва-ли нужно и формальное обязательство стать на работу: кто заявитъ однажды, при переживаемыхъ нами условіяхъ, готовность трудиться, тотъ не измѣнитъ своего рѣшенія безъ уважительной къ тому причины—а умножать ряды добровольцевъ работниками по неволѣ было бы несогласно съ общимъ характеромъ дѣла. Эти немногія оговорки не вносятъ существенныхъ перемѣнъ въ планъ М. И. Ростовцева, которому нельзя не пожелать самаго полнаго успѣха.

2-го іюня скончался великій князь Константинъ Константиновичъ. Это—большая потеря для русской литературы, для русскаго просвѣщенія. Неутомимымъ и выдающимся работникомъ онъ былъ во всѣхъ областяхъ своей разносторонней дѣятельности, и всюду умѣлъ привлекать къ работѣ свѣжія силы. Академія Наукъ, президентомъ которой онъ состоялъ въ теченіе четверти вѣка, при немъ стала жить болѣе интенсивною жизнью, обогатилась новыми учрежденіями, приблизилась къ обществу. Оцѣнку трудовъ покойнаго по управленію военно-учебными заведеніями могутъ дать только лица, спеціально знакомыя съ дѣломъ; но что они не были безплодны—о томъ свидѣтельствуетъ почетная роль офицеровъ въ настоящей войнѣ. Какъ поэту и человѣку, почившему великому князю будетъ посвящена въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала особая статья.

К. Арсеньевъ.

В. Я. ЯКОВЛЕВЪ-БОГУЧАРСКІЙ.

(Некрологъ).

8 мая въ Петроградѣ скончался историкъ и общественный дѣятель *Василій Яковлевичъ Яковлевъ-Богучарскій.*

Родился В. Я. въ 1861 г. въ г. Богучарѣ, Воронежской губерніи; учился сначала въ военной гимназіи въ Воронежѣ, затѣмъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ; по окончаніи курса былъ прикомандированъ къ дипломатической миссіи въ Китай. Служба молодого офицера началась очень успѣшно; онъ скоро былъ замѣченъ, получилъ награду, карьера его, казалось, была обезпечена. Но случилось обстоятельство, заставившее В. Я. не только призадуматься о своей службѣ, но и оставить ее. Это была встрѣча съ этапомъ ссыльныхъ въ Сибири. Въ 1883 г. В. Я. вышелъ въ отставку. Не прошло и года, какъ ему снова пришлось побывать въ Сибири, но уже не подающимъ надежды офицеромъ, а политическимъ ссыльнымъ. Въ Сибири В. Я. пробылъ 5 лѣтъ—сначала въ Сургутѣ, затѣмъ, по шутливому выраженію самого В. Я., «получая повышенія», былъ переведенъ въ Якутскъ, наконецъ—въ мѣсто многолѣтней ссылки Н. Г. Чернышевскаго—Вилюйскъ. Въ Сибири В. Я. вступилъ на литературное поприще, принявъ участіе въ «Сибирской Газетѣ».

По возвращеніи изъ ссылки В. Я. работалъ въ земствѣ, въ рядахъ «третьяго элемента», затѣмъ сталъ дѣятельнѣйшимъ членомъ редакціи «Смоленскаго Вѣстника», гдѣ впервые и началъ подписываться псевдонимомъ «Богучарскій», впослѣдствіи слившимся съ его настоящей фамиліей. Къ этому же времени относится близость В. Я. къ кружкамъ народниковъ. Въ 1893 г., будучи заграницей, онъ вступилъ въ тѣсную связь съ представителями этого движенія, группировавшимися вокругъ П. Л. Лаврова, и впервые лично познакомился съ дѣятелями того «былого», ревностнымъ изслѣдователемъ котораго онъ сталъ впослѣдствіи.

По возвращеніи въ Россію, В. Я. засталъ новое теченіе—«неомарксизмъ», съ его «непреложными законами», пришедшее какъ бы на смѣну «народничеству». В. Я. принялъ участіе въ марксистскихъ изданіяхъ («Новомъ Словѣ», «Началѣ» и др.). Къ тому же времени относятся его крупныя литературныя работы, частью переводныя («Краткая исторія англійскаго народа» Грина 1897 г.), частью самостоятельныя («Георгъ Вашингтонъ» 1895). Его переводъ книги Генри Джорджа: «Общественныя проблемы» (1897) по

цензурнымъ условіямъ не увидѣлъ свѣта. Въ 1900-хъ г. онъ помѣстилъ въ «Мірѣ Божьемъ» рядъ интересныхъ изслѣдованій по исторіи русскихъ политическихъ движеній, т.-е. сталъ на тотъ путь, съ котораго онъ, какъ публицистъ, не сходилъ уже до конца жизни. Его интересная книга: «Три западника 40-хъ годовъ—Чаадаевъ, Бѣлинскій и Герценъ» (1902 г.) была уничтожена по постановленію комитета министровъ. Вступивъ на путь историческихъ изысканій, В. Я. чутко присматривался и къ повседневной жизни; ея проявленія продолжали его волновать, и онъ не могъ не удѣлять имъ часть своей огромной энергіи и работоспособности. Онъ не замкнулся въ рамки какого-либо опредѣленнаго направленія: ему казалось, что всѣ прогрессивныя теченія помогаютъ разобраться въ той конечной цѣли, которая ведетъ къ благу родной страны. Онъ привѣтствовалъ появленіе заграничнаго изданія П. Б. Струве: «Освобожденіе» и сталъ постояннымъ, дѣятельнымъ его сотрудникомъ.

Около того-же времени В. Я. довольно долго прожилъ заграницей, гдѣ занялся пополненіемъ своего образованія, прослушалъ курсъ въ «Новомъ университетѣ» въ Брюсселѣ. Тамъ же онъ засѣлъ за историческіе труды и подъ псевдонимомъ Базилевскаго выпустилъ въ свѣтъ три тома матеріаловъ по исторіи политическихъ процессовъ («Госуд. преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ»), начиная съ процесса декабристовъ (1826 г.) и кончая «дѣломъ 193» (1877—78), а также три тома собранія журналовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ («Земля и воля», «Черный передѣлъ», «Народная воля» и др. [1]).

Въ 1903 г. образовался «Союзъ освобожденія», и В. Я. сталъ дѣятельнѣйшимъ его членомъ. Къ этому же времени относится его близкое участіе въ редакціи «Нашей Жизни», «Товарища» и «Нашей Газеты». Послѣ 17 октября, когда въ Россіи появились политическія партіи, В. Я. примкнулъ къ конституціоналистамъ-демократамъ, но вскорѣ вышелъ изъ нея, не потому, чтобы разошелся съ основными ея принципами, а потому, что партійная дисциплина требовала немало времени на борьбу не только съ направленіями враждебными, но даже и съ такими, конечная цѣль которыхъ однородна. Этимъ объясняется и предпріятіе В. Я. въ сотрудничествѣ съ немногими близкими друзьями изданія журнала: «Безъ заглавія». Когда въ Россіи временно установилась свобода печати, В. Я. перенесъ свою дѣятельность, какъ историка, всецѣло на родину и предпринялъ, въ сотрудничествѣ съ В. Л. Бурцевымъ и П. Е. Щеголевымъ, изданіе журнала «Былое», спеціально посвященнаго исторіи русскаго общественнаго движенія въ XIX столѣтіи. Возвращеніе

[1]) Въ 1904—07 г.г. переизданы „Донской Рѣчью" въ Россіи.

эмигрантовъ, ссыльныхъ изъ Сибири и освобожденіе шлиссельбуржцевъ много способствовало успѣху предпріятія В. Я. Среди его сотрудниковъ мы видимъ Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова, М. В. Новорусскаго, В. Н. Фигнеръ, О. С. Любитовичъ, И. С. Джабадари, Н. И. Чайковскаго и многихъ другихъ представителей и свидѣтелей того «Былого» и тѣхъ «Минувшихъ годовъ», которые они описывали. Вскорѣ цензурныя условія измѣнились къ худшему, и «Былое» просуществовало менѣе 2 лѣтъ (вышло 22 ежемѣсячника), затѣмъ имъ были выпущены «Историческій сборникъ» (1907 г.), 12 томовъ ежемѣсячника «Минувшіе годы» (1908) и одинъ томъ: «О минувшемъ» (1909). Послѣ того В. Я. принужденъ былъ отказаться отъ изданія историческаго періодическаго органа и продолжалъ свои изысканія лично. Ихъ плодомъ явились обстоятельныя изслѣдованія: «Изъ исторіи политической борьбы 70-хъ и 80-хъ годовъ партіи Народной Воли» и «Активное народничество 70-хъ годовъ». Обѣ эти книги, вмѣстѣ взятыя, заключаютъ въ себѣ цѣльную исторію подпольнаго политическаго движенія въ царствованіе Александра II и первые годы Александра III. В. Я. былъ историкомъ-публицистомъ; въ его изслѣдованіяхъ особенно цѣнной является масса новаго матеріала, который онъ съ большимъ мастерствомъ умѣлъ добывать и использовать, ярко освѣщая факты, часто рѣшая запутанные вопросы. Такъ, онъ первый раскрылъ закулисную сторону исторіи существовавшей въ началѣ 80-хъ годовъ «Священной дружины» и многое другое. Эту особенность въ трудахъ В. Я. всѣ цѣнили, хотя отдѣльные его выводы, быть можетъ не безъ основанія, и оспаривались.

Историческими изысканіями В. Я. продолжалъ заниматься до конца жизни. За нѣсколько недѣль до его смерти въ «Голосѣ Минувшаго» (1915 г. № 4) вышла послѣдняя (насколько мнѣ извѣстно) его статья: «Общественное движеніе 60-хъ годовъ подъ перомъ его казенныхъ изслѣдователей». Многое затѣянное В. Я. въ этой области онъ не успѣлъ исполнить, подкошенный преждевременной смертью.

Работая надъ прошлымъ, В. Я. непереставалъ трудиться на поприщѣ текущей общественной жизни.

Вынужденный въ 1910 г. покинуть Россію, В. Я. провелъ три года заграницей, посѣтилъ Балканскія страны, былъ и во Франціи. Возвратившись въ 1913 г. на родину, онъ, несмотря на глухое время, вновь окунулся въ работу во всевозможныхъ учрежденіяхъ и обществахъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ. Между ними были и чисто-ученыя, и литературныя, и общественно политическія организаціи. Приблизительно за годъ до своей кончины онъ былъ

избранъ секретаремъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Короткій срокъ его секретарства, какъ въ жизни Общества, такъ и въ дѣятельности самого В. Я., былъ настолько полонъ событіями, что пройти его молчаніемъ нельзя.

Не новымъ человѣкомъ былъ В. Я. для Вольнаго Экономическаго Общества, когда оно избрало его своимъ секретаремъ: членомъ Общества онъ состоялъ давно, и притомъ дѣятельнымъ, напримѣръ,—во время японской войны онъ нѣкоторое время исполнялъ должность секретаря Совѣта. Начало міровой войны подѣйствовало на В. Я. потрясающимъ образомъ. Онъ видѣлъ въ этой ужасной войнѣ сначала какъ бы гибель всей европейской культуры, потомъ начало новой эпохи міровой исторіи, болѣе свѣтлой для человѣчества и въ особенности для нашей родины, за судьбу которой онъ постоянно такъ страдалъ. Ему казалось, что, въ силу характера дѣятельности и традицій Вольнаго Экономическаго Общества, оно должно такъ или иначе помочь населенію особенно въ мѣстностяхъ, охваченныхъ военными дѣйствіями.

Лѣто было въ полномъ разгарѣ; почти всѣ разъѣхались изъ столицы. В. Я. съ большими усиліями удалось собрать Совѣтъ и нѣкоторыхъ бывшихъ тогда въ городѣ членовъ Общества. Это предварительное совѣщаніе, по предложенію В. Я., поручило Совѣту созвать Общее собраніе, которое и состоялось 3-го августа 1914 г. въ безпримѣрномъ для лѣтняго времени числѣ членовъ. Почти продиктованная В. Я. программа дѣйствія единодушно была принята собраніемъ. Была избрана особая комиссія, въ составъ которой, кромѣ членовъ Совѣта, вошли дѣятельнѣйшіе члены Общества—проф. А. С. Посниковъ, А. М. Рыкачевъ, А. П. Шингаревъ, П. Б. Струве, Д. Д. Протопоповъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. Н. В. Некрасовъ, Н. И. Чайковскій, Н. Д. Соколовъ, А. Ѳ. Керенскій, А. М. Колюбакинъ, кн. В. Л. Геловани. Душой всего дѣла и главнымъ работникомъ остался В. Я. Цѣлые дни онъ проводилъ въ Обществѣ, предсѣдательствуя или секретарствуя въ разныхъ отдѣлахъ комиссіи, составляя воззванія, записки, статьи, давая свѣдѣнія многочисленнымъ корреспондентамъ газетъ и по временамъ успѣвая хлопотать въ правительственныхъ и другихъ учрежденіяхъ.

Особенно много пришлось В. Я. работать, когда нѣкоторые дѣятельные члены комиссіи уѣхали, принявъ непосредственное участіе въ міровой борьбѣ. Тяжело было любящему сердцу В. Я. переживать утрату лучшихъ своихъ друзей и товарищей по работѣ. Въ Галиціи, въ окопахъ, былъ убитъ А. М. Рыкачевъ; на берегахъ Равки, въ Польшѣ, погибъ А. М. Колюбакинъ; въ Тифлисѣ, отъ сыпного тифа, полученнаго въ горахъ Закавказья во время эвакуа-

ціи раненыхъ, скончался В. Л. Геловани. Хрупкое здоровье В. Я. не выдержало. Признаки злого недуга (рака желудка) обнаружились еще въ декабрѣ, но онъ не обращалъ на это вниманія; ему было не до того...

30-го января была пріостановлена дѣятельность самого Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Первое извѣстіе объ этомъ было получено В. Я. во время панихиды по А. М. Колюбакинѣ. Больно отозвалось на В. Я. это событіе. Не надѣясь на результаты предпринятыхъ хлопотъ, онъ сталъ приготовляться къ отъѣзду съ санитарнымъ отрядомъ на кавказскій фронтъ, и только недугъ, приковавшій его къ постели, съ которой ему не суждено было встать, удержалъ его отъ исполненія этого, по его словамъ «долга передъ родиной». Но и больной, В. Я. продолжалъ работать; не разъ, по его настоянію, Совѣтъ Общества собирался у него на квартирѣ — у дивана, на которомъ онъ лежалъ, медленно, мучительно умиравшій. Нельзя было уговорить его поменьше работать, беречь себя. На совѣты друзей, знавшихъ, что дни его сочтены, онъ обычнымъ торопливымъ голосомъ отвѣчалъ приблизительно такъ: «Это пустяки, надо только немного починиться; наша работа ведетъ къ общественному возрожденію родины, и работа эта не ждетъ: всякій обязанъ дѣлать то, что можетъ и сколько можетъ».

Характерно для покойнаго его послѣднее публичное выступленіе. 12 марта, въ залѣ Калашниковской биржи былъ вечеръ, посвященный памяти А. М. Колюбакина. В. Я. пожелалъ принять въ немъ участіе и сказать рѣчь. Отговорить его отъ этого выступленія было невозможно. Среди гробовой тишины громаднаго зала, глухо раздался голосъ умиравшаго человѣка. Никогда не отличавшійся ораторскими дарованіями, В. Я. произнесъ рѣчь замѣчательную и по содержанію, и по тому подъему, съ какимъ она была сказана. Онъ призывалъ всѣ прогрессивныя, культурныя силы страны къ единенію въ работѣ, памятуя, что у всѣхъ должна быть одна цѣль: благо родины, ея свобода.

Рѣчь эта была какъ бы заключительнымъ аккордомъ той жизни, которую прожилъ покойный, страстно любившій родину, жившій ея интересами, безпрерывно страдавшій за ея судьбу.

Рѣчь свою въ память Колюбакина покойный началъ такъ:

„И умолкъ твой голосъ честный,
И смежился честный взглядъ,
И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ“...

Позволю себѣ этимъ же четверостишіемъ закончить настоящій некрологъ, примѣняя его къ самому Богучарскому...

В. Я. Яковлевъ-Богучарскій похороненъ на литераторскихъ мосткахъ петроградскаго Волкова кладбища — на этомъ некрополѣ русской мысли, «среди (какъ выразился одинъ изъ говорившихъ надъ его могилой друзей) его руководителей и учителей», среди тѣхъ, «которыхъ любилъ покойный и за идеи которыхъ боролся» — среди борцовъ «за свѣтлое будущее родины, за великое чувство свободы»... [1]).

Д. Рихтеръ.

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ ТАНѢЕВЪ.

Скончался 6-го іюня 1915 года.

Еще одна тяжелая утрата! Русская музыка оплакиваетъ смерть одного изъ величайшихъ современныхъ композиторовъ, умершаго такъ скоро послѣ смерти А. Н. Скрябина (апрѣль нынѣшняго года) и А. К. Лядова (августъ прошлаго года).

С. И. Танѣевъ былъ цѣльной, оригинальной фигурой не только какъ композиторъ, но и какъ педагогъ и какъ человѣкъ. Въ наше время, изобилующее людьми раздвоенными, сомнѣвающимися, колеблющимися, Танѣевъ стоитъ какъ памятникъ единства, цѣльности и увѣренности во всемъ, что онъ дѣлалъ въ искусствѣ или въ жизни.

Правда, до этой увѣренности С. И. дошелъ не сразу, а послѣ многихъ годовъ колебаній и исканій въ области музыкальнаго творчества. Но найдя свой путь, онъ шелъ по немъ увѣренно и спокойно, не торопясь, не подгоняемый никакими суетными мечтаніями о славѣ или корысти.

Чтобы понять, каковъ былъ тотъ путь, который избралъ Танѣевъ и на которомъ его творчество дало такіе богатые результаты, намъ необходимо остановиться на вопросѣ о томъ, что даетъ намъ музыка въ своихъ проявленіяхъ.

Огромное большинство публики, знакомое съ музыкой по романсамъ, мелкимъ инструментальнымъ сочиненіямъ или оперѣ, думаетъ, что задача музыки есть изліяніе чувствъ, волнующихъ композитора или созданныхъ имъ (въ оперѣ) людей, и что музыка есть искусство исключительно лирическое.

---

[1]) Въ „Вѣстникѣ Европы“ В. Я. Богучарскому принадлежатъ двѣ статьи: „Культурно-національное дѣло. Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого“ (1909 г., сент.) и „Подъ впечатлѣніемъ Славянскаго Собора“. „Письмо изъ Софіи“ (1910 г., авг.).

Вслѣдствіе такого мнѣнія, встрѣчаясь съ контрапунктическими формами музыки (фуга, канонъ) или съ большими ея формами (соната, квартетъ, симфонія), публика выбираетъ изъ нихъ лирическія мѣста по своему вкусу, относя все остальное къ музыкальной учености.

Между тѣмъ, если мы окинемъ взглядомъ всю область музыкальной композиціи, то, по количеству созданныхъ произведеній, мы увидимъ, что сочиненія, въ которыхъ лиризмъ играетъ второстепенную роль, преобладаютъ въ несравнимой степени. Мы увидимъ, что музыка доставляетъ намъ наслажденіе не только тогда, когда мы чувствуемъ въ ней бушеваніе страсти или слезы страдающей души, но и тогда, когда мы слухомъ созерцаемъ красоту, стройность, музыкальную логичность ея построеній.

Очень старое сравненіе музыки съ архитектурой поясняетъ роль музыкальныхъ формъ въ нашемъ воспріятіи музыки. Теорія «музыкально прекраснаго» Ганелика сводитъ даже все значеніе музыки къ текущимъ прекраснымъ формамъ; но, заключая въ себѣ часть истины, теорія Ганелика, созданная въ пылу полемики съ сентиментальными теоріями 50-тыхъ годовъ прошлаго вѣка, страдаетъ порокомъ односторонности: она разсматриваетъ лиризмъ въ музыкѣ, какъ какую-то побочную примѣсь къ ея формамъ, а между тѣмъ этотъ лиризмъ входитъ въ музыку, какъ необходимая составная ея часть съ того момента, какъ музыка дѣлается звучащей реальностью, т.-е. съ момента ея исполненія. Если исполнитель не вноситъ въ исполняемую музыку элемента лирическаго, т.-е. того чувства, которое артистъ своимъ исполненіемъ хочетъ вызвать въ слушателѣ, то музыка остается именно мертвой, хотя бы и прекрасной, формой, лишенной эмоціональнаго содержанія.

Большинство композиторовъ имѣетъ преимущественную склонность либо къ эмоціональной сторонѣ музыки, либо къ архитектурной, и только величайшіе геніи музыкальнаго творчества соединяютъ въ своихъ созданіяхъ обѣ стороны въ дивной пропорціональности. Недаромъ Пушкинъ, этотъ идеальный музыкантъ слова, сказалъ о Моцартѣ: «Какая глубина, какая стройность!» Къ Моцарту мы присоединимъ Баха, Бетховена, нашего Глинку.

Обращаясь къ современнымъ композиторамъ, мы сразу увидимъ, что, напримѣръ, Чайковскій и Скрябинъ были преимущественно эмоціональные композиторы, Лядовъ и Танѣевъ имѣли большую склонность къ музыкальной архитектурѣ. Отсюда сейчасъ же становится понятнымъ, почему первые двое несравненно ближе къ большой публикѣ и имѣли такой чрезвычайный успѣхъ, а Лядовъ и Танѣевъ всегда были и будутъ композиторы для немногихъ: толпа ищетъ волненій, она хочетъ радоваться или плакать, и очень мало склонна созерцать прекрасное въ музыкѣ.

Съ точки зрѣнія музыкальнаго построенія сочиненія Чайковскаго и Скрябина подвергаются самымъ серьезнымъ упрекамъ. Чайковскій и самъ прекрасно сознавалъ недостатки формъ своихъ симфоній и квартетовъ, Скрябинъ тотъ прямо разрушалъ созданныя до него формы, искалъ новыхъ формъ, но смерть оборвала его исканія.

Напротивъ, Лядовъ и Танѣевъ работали именно въ области созданія прекрасныхъ формъ, пользуясь тѣмъ, что дали имъ съ формальной стороны, какъ схемы построеній, ихъ великіе предшественники. Но въ то время, какъ Лядовъ, по свойству своего таланта, оставался почти исключительно въ области мелкихъ формъ, избѣгая того, что́ въ музыкѣ называется разработкой темъ, Танѣевъ имѣлъ преимущественную склонность къ большимъ построеніямъ и создалъ въ камерной музыкѣ вещи, не имѣющія себѣ равныхъ послѣ Бетховена и Брамса. Въ этой области Танѣевъ издалъ: шесть смычковыхъ квартетовъ, два квинтета, 2 струнныхъ тріо (2 скрипки и альтъ), и съ фортепіано: тріо, квартетъ и квинтетъ.

Подробный анализъ этихъ сочиненій, представляющихъ интересную задачу для музыкальнаго изслѣдователя, покажетъ всѣ ихъ архитектурныя достоинства. Здѣсь я ограничусь разсмотрѣніемъ тѣхъ свойствъ этихъ сочиненій, которыя обусловливаютъ ихъ высокое значеніе.

Центръ тяжести сложныхъ построеній въ сонатной формѣ лежитъ въ развитіи небольшого числа (чаще всего двухъ) темъ. Чтобы это развитіе было ясно для слушателя, необходимо, чтобы темъ было немного, и чтобы онѣ отличались пластичностью, ясностью своихъ линій,—иначе слушатель ихъ не запомнитъ,—и, конечно, глубиной, эмоціональной содержательностью, составляющей ихъ реальный интересъ и для исполнителя, и для слушателя. Этимъ требованіямъ тематическая изобрѣтательность Танѣева отвѣчаетъ въ высокой мѣрѣ, хотя здѣсь лежитъ слабая сторона творчества Танѣева, да и всѣхъ новыхъ композиторовъ—такого самопроизвольнаго рожденія счастливыхъ мелодій, какія давали намъ Моцартъ, Гайднъ, Бетховенъ, Шубертъ, Глинка, теперь уже не встрѣчается. Темы (мелодіи) Танѣева иногда суховаты, недостаточно глубоки эмоціонально.

Но собственно сила творчества Танѣева не въ изобрѣтеніи темъ, а въ томъ, что́ онъ изъ нихъ дѣлаетъ, въ тѣхъ сложныхъ построеніяхъ, въ томъ развитіи сонатной формы, въ такъ называемой разработкѣ, въ которой проявляется необыкновенное мастерство и истинное вдохновеніе Танѣева. Въ этихъ построеніяхъ Танѣевъ показываетъ иногда контрапунктическую виртуозность,

когда, напр., пишетъ тройную фугу (на три темы) въ квинтетѣ съ двумя альтами, но большею частью пользуется своимъ мастерствомъ для созданія прекрасныхъ формъ, въ которыхъ находятъ свое выраженіе самыя разнообразныя настроенія: безпечная веселость (въ финалѣ перваго квартета), тихая мечтательность (интермеццо тамъ же), религіозное настроеніе, чувство безконечнаго въ дивныхъ Adagio перваго и шестого квартета и т. п. Мы не находимъ только у Танѣева ни выраженія страданій, столь характернаго для Чайковскаго, ни бурныхъ страстей, разрывающихъ формы у Скрябина; въ творчествѣ Танѣева преобладаютъ здоровыя, радостныя настроенія.

Не слѣдуетъ думать, что Танѣевъ съ легкостью достигъ своего мастерства и быстро нашелъ свою композиторскую дорогу. Окончивъ съ большой золотой медалью Московскую консерваторію, Танѣевъ еще много лѣтъ работалъ надъ своей техникой и только, «повѣривъ алгеброй гармонію», какъ говоритъ Пушкинскій Сальери, приступилъ къ настоящему творчеству.

Чайковскій, учитель Танѣева, искренно любившій своего ученика и очень цѣнившій его мнѣнія, не понималъ, надъ чѣмъ такъ бьется молодой композиторъ: для такого лирика, какъ Чайковскій, музыкальное творчество было почти всегда выраженіемъ личнаго настроенія, и потому для него не являлось вопроса, какъ сочинять. Онъ прямо писалъ Танѣеву (въ книгѣ Модеста Чайковскаго «Жизнь П. И. Чайковскаго») 14 января 1891 года: «Вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать оперы (Танѣевъ уже нѣсколько лѣтъ работалъ надъ своей единственной оперой «Орестейя» и спрашивалъ совѣта Чайковскаго), я всегда разрѣшаю, разрѣшалъ и буду разрѣшать чрезвычайно просто. Ихъ слѣдуетъ писать (впрочемъ, точно такъ же, какъ и все остальное) такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Я всегда стремился, какъ можно правдивѣе, искреннѣе выразить музыкой то, что̀ имѣлось въ текстѣ». Для Танѣева этотъ отвѣтъ не могъ быть рѣшеніемъ вопроса по самому свойству всего характера композитора. Танѣевъ имѣлъ склонность къ основательному теоретическому рѣшенію всѣхъ вопросовъ, какъ музыкальныхъ, такъ и жизненныхъ, и только, рѣшивъ эти вопросы, онъ приступалъ къ дѣйствіямъ, которыя и имѣли у него такой опредѣленный и непоколебимый характеръ. Такое поведеніе Танѣева въ его молодые годы было для Чайковскаго непонятно: онъ сомнѣвался въ творческихъ способностяхъ своего ученика и настаивалъ на томъ, чтобы Танѣевъ меньше размышлялъ надъ тѣмъ, что̀ и какъ писать, а отдавался бы болѣе непосредственно творческому инстинкту.

Въ 1878 году, когда Танѣеву было всего 22 года, Чайковскій писалъ г-жѣ фонъ-Меккъ: «Его (Танѣева) талантъ не согрѣтъ

внутреннимъ огнемъ. У него нѣтъ внутренней потребности высказаться посредствомъ музыки. Талантъ этотъ, такъ сказать, поверхностный, т.-е. онъ по заказу можетъ написать все, что угодно, и напишетъ интересно, но собственной авторской инициативы у него нѣтъ». Такое отрицательное сужденіе Чайковскому пришлось измѣнить впослѣдствіе, и Танѣевъ добился признанія Чайковскимъ своего таланта съ тѣмъ же систематическимъ упорствомъ, съ которымъ онъ достигалъ всего, что считалъ нужнымъ.

Черезъ шесть лѣтъ, въ 1884 году, Танѣевъ, перечисливъ свои сочиненія за минувшій годъ, пишетъ Чайковскому:

«Я съ удовольствіемъ замѣчаю, что отъ 1-го января прошлаго года до 1-го января нынѣшняго мною сочинено 13 музыкальныхъ піесъ. Хотя въ числѣ оныхъ находятся пьесы малаго объема, какъ-то: романсы, 2 маленькихъ фортепіанныхъ піесы и т. п., но въ то же время встрѣчаются 2 струнныхъ квартета, что для меня весьма значительно, особенно если принять въ соображеніе мое недавнее безплодіе. Но главнымъ образомъ меня радуетъ то, что я написалъ кантату («Іоаннъ Дамаскинъ»). Радуетъ это меня по слѣдующимъ причинамъ:

1. Въ этой кантатѣ примѣнены всевозможныя хитросплетенія контрапунктическія, которыя я изучалъ съ большимъ рвеніемъ, за что отъ Васъ получалъ множество упрековъ.

2. Эта кантата понравилась публикѣ. Многіе изъ слушателей говорили мнѣ, что музыка этой кантаты произвела на нихъ впечатлѣніе и имъ понравилась. Отсюда ясно вытекаетъ, что контрапунктическія хитрости не мѣшаютъ музыкѣ быть привлекательной для слушателей и производить на нихъ впечатлѣніе. Между тѣмъ, если бы я не занимался по выходѣ изъ консерваторіи контрапунктомъ, то никогда бы не могъ сочинить упомянутой кантаты.

Слѣдовательно, Ваши упреки въ томъ, что я занимаюсь пустымъ дѣломъ, *неосновательны*, что я давнымъ-давно и желалъ Вамъ доказать, но не могъ этого сдѣлать, ибо однихъ словъ было недостаточно, а сочиненія мои, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не могли служить доказательствомъ вышесказанной мысли».

Въ этомъ спорѣ ученика съ учителемъ послѣдній оказался побѣжденнымъ. Въ 1891 году Чайковскій писалъ Танѣеву: «Другъ мой Сергѣй Ивановичъ, очень былъ обрадованъ твоимъ письмомъ. Я мало знаю людей, письма которыхъ было бы столь пріятно читать, какъ твои... Будущаго твоего біографа будетъ необыкновенно пріятно поражать всегдашнее отраженіе бодраго, здороваго, оптимистическаго отношенія къ задачамъ жизни. Другой не упустилъ бы случая посѣтовать на роковыя препятствія, мѣшающія семилѣтній трудъ (опера «Орестейя») привести къ желанному концу, порисовался бы мучи-

тельными сомнѣніями и колебаніями, намекнулъ бы на недостатокъ поощренія и восторженнаго сочувствія со стороны друга, къ коему письмо адресовано,—словомъ, понюнилъ бы немного. Ты, напротивъ, хоть по немножку, но ровно и твердо идешь къ цѣли, не выпрашивая поощреній и понуканій, увѣренный въ успѣхѣ. Я завидую тебѣ. Твоя работа для меня наслажденіе, ибо у тебя нѣтъ лихорадочнаго стремленія кончить во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе; она нисколько не мѣшаетъ тебѣ заниматься посторонними предметами, удѣлять часть времени не только на составленіе руководства къ контрапункту, но и на собственныя упражненія въ этомъ скучномъ ремеслѣ, и—что́ всего поразительнѣе,—наслаждаться этимъ. Ты, однимъ словомъ, не только художникъ, но и мудрецъ; и отъ комбинаціи этихъ двухъ качествъ я предвижу блистательные плоды. Думаю, что опера твоя будетъ совершенно особеннымъ, рѣзко выдающимся по оригинальности замысла и зрѣлой обдуманности исполненія, произведеніемъ. Я нисколько не намѣренъ, какъ ты предполагаешь, бранить тебя за то, что ты мало пишешь. Дѣло не въ томъ, чтобы писать много, а чтобы писать хорошо. Твой квартетъ превосходенъ. Такова же, увѣренъ, будетъ и опера».

Предвидѣніе Чайковскаго оправдалось вполнѣ, такъ какъ опера Танѣева оказалась однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній новѣйшаго времени. Но Чайковскому не пришлось ее услышать: «Орестейя» была поставлена на сценѣ Маріинскаго театра 17 октября 1895 года уже послѣ смерти Чайковскаго. Объ успѣхѣ «Орестейи» нельзя судить, ибо ее постигла довольно обидная участь.

Оперу началъ готовить Э. Ф. Направникъ, подъ управленіемъ котораго «Орестейя», конечно, была бы исполнена превосходно. Но Направникъ нашелъ необходимымъ сдѣлать въ оперѣ сокращенія. Когда онъ написалъ объ этомъ Танѣеву, то композиторъ отвѣтилъ, что на купюры онъ не согласенъ, но при этомъ сдѣлалъ указаніе на то, что поставленная 3-го января того же года опера Направника «Дубровскій» идетъ безъ купюръ—съ свойственной математической натурѣ Танѣева точностью, онъ даже указалъ Направнику, что клавиръ Дубровскаго на столько-то страницъ длиннѣе Орестейи [1]). Тогда Направникъ отказался ставить «Орестейю» и передалъ ее Э. А. Крушевскому. Отъ этого авторъ проигралъ вдвойнѣ; опера была исполнена плохо, и послѣ перваго спектакля шла все же съ купюрами. Успѣхъ «Орестейи» былъ посредственный; послѣ нѣсколькихъ

---

[1]) Въ этомъ случаѣ Танѣевъ все же былъ неправъ по отношенію къ „Дубровскому“: Направникъ и въ своей оперѣ вскорѣ сдѣлалъ значительныя купюры.

представленій ее сняли съ репертуара, и до сихъ поръ не возобновили этой прекрасной оперы.

Но произведеніе, въ которомъ талантъ Танѣева проявился въ наиболѣе совершенномъ видѣ, — это кантата для хора, вокальнаго квартета и оркестра: «По прочтеніи псалма»,—исполненная С. Кусевицкимъ въ Петроградѣ и въ Москвѣ въ нынѣшнемъ сезонѣ.

Это послѣднее опубликованное Танѣевымъ сочиненіе, написанное въ стилѣ Баховскихъ церковныхъ кантатъ, еще разъ торжественно подтвердило слова Танѣева, что контрапунктическая сложность не мѣшаетъ искреннему выраженію чувства доходить до сердца слушателей. Здѣсь Танѣевъ показалъ не только высоту своего архитектоническаго мастерства, но и глубину своего чувства Безконечнаго, выраженнаго въ текстѣ Хомякова и въ музыкѣ Танѣева. Кромѣ названныхъ сочиненій, Танѣевъ написалъ двѣ симфоніи, значительное число романсовъ для одного и болѣе голосовъ, хоры, сочиненія для скрипки и только нѣсколько піесъ для фортепіано-соло. Послѣдній фактъ—такая нелюбовь къ сочиненію для одного фортепіано,—тѣмъ болѣе удивителенъ, что самъ Танѣевъ былъ выдающійся піанистъ, начавшій свою артистическую карьеру, какъ концертирующій піанистъ. Первое его выступленіе было въ январѣ 1875 года—онъ игралъ концертъ Брамса, и Чайковскій, бывшій тогда музыкальнымъ критикомъ въ Москвѣ, написалъ о немъ: «Кромѣ чистоты и силы техники, кромѣ элегантности въ тонѣ и изящной легкости въ исполненіи пассажей, г. Танѣевъ удивилъ всѣхъ той зрѣлостью пониманія, самообладанія, спокойной объективностью передачи исполняемаго, которыя просто немыслимы въ такомъ юномъ піанистѣ. (Танѣеву было 19 лѣтъ). Въ томъ же году 21 ноября Танѣевъ исполнилъ концертъ Чайковскаго B-moll и съ тѣхъ поръ сдѣлался самымъ блестящимъ и глубокимъ исполнителемъ концертовъ и знаменитаго «Тріо» Чайковскаго, посвященнаго памяти Н. Рубинштейна. Это «Тріо», вѣроятно, самое популярное изъ сочиненій камерной музыки, было въ первый разъ сыграно Танѣевымъ въ Москвѣ 18-го октября 1882 года. «Я желаю», писалъ Чайковскій Юргенсону 30-го января того же года: «чтобы первымъ исполнителемъ «Тріо» въ будущемъ сезонѣ былъ Сергѣй Ивановичъ».

С. И. Танѣевъ родился 13-го ноября 1856 года во Владимірѣ (губ.). Онъ былъ сынъ чиновника. Десяти лѣтъ онъ былъ опредѣленъ въ гимназію и одновременно въ Московскую консерваторію, гдѣ учился на рояли у Николая Рубинштейна и композиціи у Губерта и Чайковскаго. Черезъ три года, по настоянію Н. Рубин-

штейна, родители взяли мальчика изъ гимназіи, и онъ всецѣло отдался музыкѣ.

Какъ вспоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ самому Танѣеву Чайковскій, Танѣевъ былъ «нѣсколько рыхлаго и лимфатическаго сложенія» мальчикъ, съ неестественной въ этомъ возрастѣ склонностью къ чистоплотности. Нужно думать, что необычайная выдержка и систематичность во всякой работѣ, которую бралъ на себя Танѣевъ взрослымъ человѣкомъ, были отличительными чертами и мальчика Танѣева, когда онъ учился въ консерваторіи.

По окончаніи консерваторіи (въ 1875 г.) съ большой золотой медалью, Танѣевъ три года велъ жизнь концертирующаго піаниста. Онъ далъ рядъ концертовъ въ Россіи (съ Ауэромъ въ 1876), сезонъ 1877—78 годовъ жилъ въ Парижѣ. Съ 1878 года поселился навсегда въ Москвѣ, получивъ приглашеніе преподавать въ консерваторіи контрапунктъ и фугу. Танѣевъ выступалъ публично, какъ піанистъ, до конца своей жизни, но, конечно, не какъ виртуозъ-концертантъ—такая жизнь была вовсе не въ его характерѣ.

Танѣевъ какъ-то сросся съ Москвой, и тѣмъ, кто его зналъ, было трудно себѣ представить Сергѣя Ивановича не москвичемъ. Онъ не женился, и жилъ одинокимъ мудрецомъ, кажется, со своей няней въ Маломъ Гагаринскомъ пер., преданный композиціи и теоретическимъ изслѣдованіямъ, отрываясь отъ своихъ собственныхъ трудовъ лишь для занятій съ учениками. Свои занятія съ учениками (кромѣ теоріи, С. И. давалъ еще уроки на фортепіано) С. И. любилъ, и учиться у него было наслажденіемъ; онъ работалъ съ учениками систематически и въ строгой послѣдовательности. Достаточно назвать такія имена его учениковъ, какъ Василенко, Гліэръ, Конюсъ, Рахманиновъ, Скрябинъ, чтобы оцѣнить педагогическую дѣятельность Танѣева. Результатомъ его многолѣтнихъ занятій съ учениками явилась книга «Подвижной контрапунктъ строгаго письма», изданная въ 1909 году М. П. Бѣляевымъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Этотъ трудъ является замѣчательнымъ вкладомъ русскаго ученаго музыканта въ европейскую музыкально-теоретическую литературу.

С. И. Танѣевъ былъ не только композиторъ и ученый музыкантъ, но онъ былъ высоко образованный человѣкъ, и бесѣда съ нимъ доставляла истинное наслажденіе.

Говорилъ онъ не торопясь, тонкимъ голосомъ, такъ несоотвѣтствовавшимъ его тучной фигурѣ, какимъ-то особенно характернымъ московскимъ говоромъ. Въ Москвѣ у него былъ постоянный кругъ близкихъ друзей, съ которыми онъ поддерживалъ тѣсное общеніе. И наѣзды Танѣева въ Петроградъ были всегда праздникомъ для

петроградскихъ композиторовъ, любившихъ показать Танѣеву свои новыя сочиненія и послушать его сужденія.

Особый періодъ въ жизни Танѣева составили годы 1885—1889-й, когда онъ былъ директоромъ Московской консерваторіи. Танѣевъ менѣе всего имѣлъ склонность къ административнымъ занятіямъ, и директорство онъ принялъ послѣ долгихъ колебаній, подчинившись настояніямъ Чайковскаго. Чайковскій былъ въ это время однимъ изъ членовъ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества и принималъ живое участіе въ судьбахъ консерваторіи. Послѣ смерти Николая Рубинштейна въ 1881 году Московская консерваторія осиротѣла, и жизнь ея никакъ не могла наладиться. Чайковскій приложилъ величайшія усилія, чтобы добиться директорства Танѣева въ 1885 году, и былъ очень гордъ, когда его надежды на Сергѣя Ивановича въ высокой степени оправдались. Онъ писалъ 19 ноября 1885 года: «Въ консерваторіи былъ нѣсколько разъ и къ величайшей радости убѣдился, что Танѣевъ такой директоръ, какой именно въ настоящее время и при настоящихъ обстоятельствахъ нуженъ. Управленіе его обличаетъ въ немъ стойкость, твердость, энергію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способность стоять выше всякихъ дрязгъ, мелкихъ препирательствъ, сплетенъ и т. д.,—а въ послѣдніе годы ничѣмъ, кромѣ этого вздора, г.г. профессора консерваторіи не занимались». Въ 1886 году 13-го марта Чайковскій писалъ: «Я горжусь тѣмъ, что консерваторія мнѣ обязана тѣмъ, что она теперь въ столь хорошихъ и достойныхъ рукахъ. Зато здоровье Танѣева меня безпокоитъ; онъ очень утомленъ и похудѣлъ до неузнаваемости».

Танѣевъ взялъ на себя директорство единственно потому, что не было тогда человѣка, болѣе его годнаго на такой постъ. Но для самого Танѣева это было самопожертвованіемъ. Тѣмъ не менѣе, разъ онъ взялся за какое-нибудь дѣло, онъ велъ его съ той энергіей и настойчивостью, которыя были такъ характерны для всей его дѣятельности. Онъ привелъ въ порядокъ финансы консерваторіи, завелъ оркестровый и хоровой классы, и вообще улучшилъ весь ходъ занятій въ консерваторіи, но онъ былъ радъ уйти при первой возможности изъ директоровъ, и потому, когда выдвинулся на этотъ постъ подходящій кандидатъ—артистъ В. И. Сафоновъ, Танѣевъ тотчасъ же уступилъ ему свое мѣсто.

Настоящую статью, посвященную памяти С. И. Танѣева, я не могъ бы закончить лучше, чѣмъ приведя слова Чайковскаго о немъ изъ письма къ Н. Ф. фонъ Меккъ отъ 26 іюня 1887 года:

«Въ нравственномъ отношеніи эта личность есть безусловное совершенство. И превосходнѣйшія качества его тѣмъ болѣе трудно

оцѣнить большинству людей, что онъ ихъ не старается выказать, и только близкіе ему люди знаютъ, сколько безконечной доброты, какой-то идеальной честности и, можно сказать, душевной красоты— въ этомъ невзрачномъ на видъ и скромномъ человѣкѣ. Я не знаю ни одного случая за многіе годы моего знакомства съ нимъ, который бы указалъ на что-нибудь въ родѣ эгоизма, тщеславія, желанія выставить себя напоказъ съ выгодной стороны, словомъ, на одинъ изъ тѣхъ маленькихъ недостатковъ, которые свойственны огромному большинству людей, хотя бы и очень хорошихъ. Одно только можно замѣтить про него неблагопріятное для впечатлѣнія, производимаго имъ на людей: онъ чрезвычайно твердъ въ своихъ правилахъ и даже нѣсколько слишкомъ прямолинеенъ въ своихъ убѣжденіяхъ».

Викторъ Вальтеръ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Объединенное министерство и министры.—Увольненіе Н. А. Маклакова.—Князь Н. Б. Щербатовъ о своемъ земско-общественномъ прошломъ.—Мобилизація промышленности и общественныхъ силъ.—Погромъ въ Москвѣ.—А. Н. Жданъ-Пушкинъ †.

Къ числу законовъ эпохи обновленія, которые далеко не во всемъ объемѣ влились въ нашу государственную жизнь, а въ значительной мѣрѣ остались отъ нея въ сторонѣ, несомнѣнно принадлежитъ законъ 19-го октября 1905-го года: «О мѣрахъ къ укрѣпленію единства въ дѣятельности министерствъ и главныхъ управленій». Закономъ этимъ образованъ совѣтъ министровъ, при чемъ на него возложено «направленіе и объединеніе дѣйствій главныхъ начальниковъ вѣдомствъ по предметамъ какъ законодательства, такъ и высшаго государственнаго управленія». И какъ государственное установленіе, имѣющее обособленные компетенцію и кругъ власти, совѣтъ министровъ представляетъ собою органъ, наиболѣе полно и широко осуществляющій свою дѣятельность. А потому, въ смыслѣ дѣлового, такъ сказать, содержанія законъ 19-го октября, за минувшія десять лѣтъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ у насъ жизненныхъ. Но заложенная въ него руководящая идея «высшаго объединенія» министерскаго устройства столь же полнаго осуществленія не получила.

У насъ нѣтъ парламентаризма и отвѣтственнаго, въ конституціонномъ смыслѣ, министерства, но закономъ 19 октября 1905 года

у насъ было создано единое министерство. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, и въ октябрѣ 1905-го года, при призывѣ къ власти графа С. Ю. Витте, и затѣмъ въ апрѣлѣ 1906-го года, когда его замѣнилъ И. Л. Горемыкинъ, была произведена смѣна всѣхъ министровъ, кромѣ тѣхъ, которые, входя въ составъ совѣта, занимаютъ въ немъ особое положеніе (министры двора, военный и морской). Въ обоихъ случаяхъ имѣла мѣсто не смѣна отдѣльныхъ министровъ, а смѣна кабинета. Отчасти то-же повторилось послѣ роспуска первой Думы и назначенія предсѣдателемъ совѣта министровъ П. А. Столыпина. Хотя нѣкоторые изъ министровъ тогда и сохранили свои портфели, но, во всякомъ случаѣ, кабинетъ П. А. Столыпина, въ первые, по крайней мѣрѣ, годы по его образованіи, былъ политически единымъ министерствомъ, объединеннымъ программой, опубликованной 24-го августа 1906-го года. Засимъ, однако, совѣтъ министровъ, по своему составу, сталъ все болѣе приближаться къ старому дореформенному комитету министровъ. Достаточно отмѣтить, что въ министерствѣ П. А. Столыпина постъ министра народнаго просвѣщенія послѣдовательно занимали столь отличные одинъ отъ другого люди, какъ П. М. фонъ-Кауфманъ, А. Н. Шварцъ и Л. А. Кассо. Послѣ смерти П. А. Столыпина, при назначеніи предсѣдателемъ совѣта министровъ В. Н. Коковцева, это назначеніе не сопровождалось никакими перемѣнами. Также точно была смѣна лица, а не кабинета въ 1914-мъ году, когда И. Л. Горемыкинъ замѣстилъ гр. Коковцева на посту предсѣдателя совѣта министровъ, а П. Л. Баркъ—на посту министра финансовъ.

Такъ, постепенно, возродилось въ новомъ строѣ прежнее положеніе министровъ, какъ самостоятельныхъ начальниковъ и, главное, какъ совершенно самостоятельныхъ политическихъ руководителей ввѣреннаго каждому министру вѣдомства. При такихъ условіяхъ, естественно, что предметомъ общественнаго вниманія, подобно времени гр. Д. А. Толстого, Боголѣпова, Сипягина, Плеве и т. д., стали снова отдѣльные министры, а отнюдь не министерство въ цѣломъ. Даже законодательнымъ учрежденіямъ пришлось считаться не съ министерствами, а съ министрами, что такъ ярко было подчеркнуто Думой годъ тому назадъ, въ дни широко развернувшейся бюджетной борьбы. Малѣйшія сомнѣнія въ данномъ отношеніи упали послѣ назначенія преемникомъ Л. А. Кассо графа П. Н. Игнатьева, который, войдя въ составъ кабинета, гдѣ его предшественникъ игралъ выдающуюся роль, въ короткое время сдѣлалъ вѣдомство просвѣщенія неузнаваемымъ.

Съ начала іюня, въ связи съ движеніемъ въ пользу скорѣйшаго созыва Государственной Думы, возникли толки и разговоры о новомъ министерствѣ. Но и въ этихъ толкахъ назывались и до сихъ поръ наиболѣе упорно называются лишь нѣкоторыя отдѣльныя имена, чѣмъ

снова получило подтвержденіе, какъ общепризнанный фактъ, отсутствіе политическаго единства въ совѣтѣ министровъ. Судить о направленіи, которое дастъ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ кн. Н. Б. Щербатовъ, еще преждевременно. Но и изъ первыхъ его шаговъ можно уже съ увѣренностью заключить, что онъ не будетъ продолжателемъ политики Н. А. Маклакова,—по крайней мѣрѣ въ своемъ отношеніи къ законодательнымъ учрежденіямъ, къ общественнымъ организаціямъ и къ общественному мнѣнію, словомъ, ко всему тому, что, по одному изъ парадоксовъ русской жизни, до сихъ поръ не сливается съ властью, а, напротивъ, всегда власти противополагается.

Н. А. Маклаковъ не отличался ни ярко выраженной индивидуальностью, ни хотя бы только сильно развитыми «волевыми импульсами». Ничего существенно новаго во внутреннюю политику онъ не внесъ. Никакихъ реформъ имъ задумано и проведено не было. Коротко говоря, онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, съ чьими именами, какъ съ именами гр. Д. А. Толстого, Плеве, кн. Святополкъ-Мирскаго или П. А. Столыпина, связаны цѣлыя эпохи нашей внутренней жизни. А потому въ исторію имя Н. А. Маклакова не перейдетъ, и будущія поколѣнія его и знать не будутъ. Но современники слишкомъ хорошо его знали, съ исключительнымъ единодушіемъ къ нему относились и съ особенной нервностью ждали момента, когда «молодой министръ», какъ его называлъ кн. Мещерскій, перестанетъ стоять во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Объясненіе этой нервности слѣдуетъ искать въ тѣхъ пріемахъ, съ помощью которыхъ Н. А. Маклаковъ осуществлялъ торжество стародавняго и не имъ формулированнаго афоризма: «такъ было и такъ будетъ».

Общественное самоуправленіе—земства и города—не избаловано ни содѣйствіемъ его начинаніямъ и работѣ, ни довѣрчивымъ къ нему отношеніемъ. Давно извѣстна общественному самоуправленію и система неутвержденія городскихъ головъ, предсѣдателей земскихъ и членовъ земскихъ и городскихъ управъ. Едва-ли, однако, когда прежде эта система примѣнялась столь широко и столь малопонятно, отсѣкая отъ активной общественной работы людей болѣе чѣмъ умѣреннаго образа мыслей. Н. А. Маклаковъ отнюдь не былъ представителемъ опредѣленнаго политическаго міросозерцанія, какимъ былъ, напримѣръ, Л. А. Кассо. Но онъ совершенно одинаково съ послѣднимъ постоянно и на каждомъ шагу ударялъ по общественному самолюбію. Всего чаще это были уколы, которые своей мелочностью и ненужностью, вызывали чувство раздраженія. Когда исполнилось пятидесятилѣтіе земства, Н. А. Маклаковъ не нашелъ надлежащаго тона и какъ будто намѣренно постарался такъ обста-

вить юбилей, чтобы въ юбилейные дни было наивозможно меньше юбилейнаго настроенія. За время его управленія министерствомъ, въ значительной степени именно благодаря ему и его ежедневнымъ ударамъ по общественному самолюбію, перешли въ земскую оппозицію тѣ правые земцы, организовать которыхъ П. А. Столыпину стоило такого большого труда.

Нервное отношеніе всѣхъ слоевъ общественности къ политикѣ и къ дѣятельности Н. А. Маклакова особенно рельефно опредѣлилось въ связи съ войною. 5-го іюня, въ рѣчи на съѣздѣ уполномоченныхъ всероссійскаго земскаго союза, князь Г. Е. Львовъ говорилъ: «Великая народная война ведется не какъ національное дѣло, общественныя народныя силы не привлечены къ ней сполна. Войну ведетъ государственная власть. Единеніе же власти и общественныхъ силъ еще не состоялось, оно еще не достигнуто. Мы не будемъ предаваться критикѣ, осужденію и обвиненію. Намъ важна въ настоящіе великіе дни, въ историческіе отвѣтственные моменты не критика, а живая работа. Не время вызывать въ себѣ раздраженіе; намъ нужны бодрость духа и дружное напряженіе силъ, но мы должны со спокойствіемъ признать, что великое народное дѣло ведется не на тѣхъ началахъ, которыя обезпечиваютъ ему успѣхъ, и мы должны всѣми силами стремиться установить и утвердить начала, въ которыя вѣритъ, какъ въ единственный залогъ успѣха, вся страна. Начала эти— полное единеніе всѣхъ наличныхъ силъ страны и взаимное довѣріе власти и общества». И общественные дѣятели не напрасно политику «разъединенія лицъ» ставили въ упрекъ Н. А. Маклакову... Кн. Львовъ правъ: «не время вызывать въ себѣ раздраженіе». Не время перечислять и аргументировать, почему отставка Н. А. Маклакова отозвалась вздохомъ облегченія. Въ переживаемые дни надо скорѣе забыть тѣ препятствія для использованія, во имя успѣха великаго дѣла великой войны, всѣхъ общественныхъ народныхъ силъ, которыя создавали рутина, подозрительность и недовѣріе.

На пріемѣ 11 іюня представителей печати, кн. Н. Б. Щербатовъ хотя и велъ общую бесѣду, но его слова не были затѣмъ облечены въ оффиціальную форму и появились въ печати въ томъ видѣ, какъ ихъ записалъ каждый изъ принятыхъ сотрудниковъ газетъ. А потому комментировать эту бесѣду приходится не столько по сказаннымъ словамъ, сколько по выраженнымъ въ нихъ мыслямъ. Изъ своего прошлаго новый министръ внутреннихъ дѣлъ отмѣтилъ, что оно принадлежало, во-первыхъ, провинціи и, во-вторыхъ, мѣстной общественной дѣятельности въ земскихъ учрежденіяхъ, въ качествѣ уѣзднаго и губернскаго гласнаго, предводителя дворянства и почетнаго мирового судьи. Князь Щербатовъ подчеркнулъ, что онъ

былъ членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ полтавскаго земства, много разъ участвовалъ въ разнообразныхъ съѣздахъ и, въ частности, въ земскихъ съѣздахъ 1905-го года, что ни къ какой политической партіи онъ не принадлежалъ и не принадлежитъ, почему «всегда былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ представителями различныхъ политическихъ теченій» («Вечернее Время», № 1144) и что, занимая постъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ намѣренъ сохранить за собой званіе земскаго гласнаго.

Словомъ, кн. Щербатовъ себя охарактеризовалъ, какъ общественнаго дѣятеля земскаго типа. Такая характеристика, конечно, не раскрываетъ содержанія его политическихъ воззрѣній, но привычному русскому уху она, исходя изъ его собственныхъ устъ, говоритъ весьма многое. Изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, со времени образованія земскихъ учрежденій, былъ долго и земскимъ гласнымъ, и предводителемъ дворянства по выборамъ, Д. С. Сипягинъ. Но для него мѣстная общественная дѣятельность была лишь этапомъ на пути къ губернаторству. И когда онъ получилъ портфель министра, то въ поясненіе своихъ намѣреній и плановъ объ этомъ этапѣ не вспоминалъ. Напротивъ, именно ему, принадлежала мысль вытравить изъ земства земскую идею путемъ созданія земскихъ учрежденій изъ гласныхъ по назначенію.

Упоминая о своемъ участіи въ земскихъ съѣздахъ эпохи освободительнаго движенія, кн. Щербатовъ, судя по отчетамъ о бесѣдѣ въ газетахъ, отмѣтилъ два характерныхъ штриха. Во-первыхъ, что онъ въ этихъ съѣздахъ принадлежалъ къ меньшинству, и, во-вторыхъ, что онъ участвовалъ въ съѣздахъ по уполномочію полтавскаго губернскаго земскаго собранія, «постановленія котораго въ свое время были опротестованы губернаторомъ» («Рѣчь», № 159). Эти штрихи даютъ право сказать, что кн. Щербатовъ, не примыкая къ лѣвымъ земцамъ, не занималъ, однако, мѣста и среди крайнихъ правыхъ.

Когда говорится о большинствѣ и меньшинствѣ на земскихъ съѣздахъ, то это дѣленіе обыкновенно относятъ къ ноябрьскому съѣзду 1904-го года. Предметомъ спора тогда былъ вопросъ объ участіи народа «въ законодательной власти», или «въ законодательствѣ», т.-е. о народномъ представительствѣ по конституціонному принципу, съ правомъ рѣшающаго голоса, или о представительствѣ по началу славянофильскому, съ правомъ голоса совѣщательнаго. За резолюцію въ первомъ смыслѣ высказалось большинство; за резолюцію во второмъ—меньшинство, съ Д. Н. Шиповымъ во главѣ. Но кн. Щербатовъ въ этомъ съѣздѣ не участвовалъ. Въ ноябрѣ 1904-го года Полтавская губернія была представлена однимъ предсѣдателемъ губернской управы, Ф. А. Лизогубомъ. Воспоминанія

кн. Щербатова относятся, слѣдовательно, къ послѣдующимъ съѣздамъ и, надо думать, начиная съ іюльскаго съѣзда 1905 года, такъ какъ это былъ первый съѣздъ, въ которомъ участвовали формально на то уполномоченные земскими собраніями гласные, хотя и вопреки губернаторскимъ протестамъ. На этихъ съѣздахъ хотя и имѣло мѣсто дѣленіе на большинство и меньшинство, но по разнообразнымъ вопросамъ и отнюдь не столь яркое. На іюльскомъ съѣздѣ рѣзко обособились только два представителя Курской губерніи—кн. Касаткинъ-Ростовскій и Говоруха-Отрокъ. На сентябрьскомъ, по вопросу объ автономіи Царства Польскаго—А. И. Гучковъ. Кн. Щербатовъ, вѣроятно, оставался въ меньшинствѣ по тѣмъ отдѣльнымъ вопросамъ, по которымъ впослѣдствіи внутри земства образовалось дѣленіе на кадетовъ, прогрессистовъ и октябристовъ, и, во всякомъ случаѣ, не по тѣмъ, по которымъ со времени съѣздовъ остались за гранью земства курскіе земцы, предводительствуемые нынѣ ихъ новымъ главой, г. Марковымъ. Если бы кн. Щербатовъ принадлежалъ къ этимъ земцамъ, то онъ, конечно, не то и не о томъ говорилъ бы представителямъ печати. Критическое отношеніе къ губернаторскимъ протестамъ, вынесенное новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ прошлой земской дѣятельности, уже одно создаетъ немалыя надежды.

Заявленіе о своемъ внѣпартійномъ положеніи кн. Н. Б. Щербатовъ, по отчету «Новаго Времени», дополнилъ словами о томъ, что у него не будетъ «лейбъ-партіи». И такое обѣщаніе представляется наиболѣе цѣннымъ въ этой части бесѣды. Партійная принадлежность администраторовъ, центральныхъ и мѣстныхъ, въ наши нравы не вошла. У насъ нѣтъ и еще не было ни одного министра, который объявлялъ бы о своей принадлежности къ какой бы то ни было партіи или даже къ опредѣленной политической группѣ. Но система «лейбъ-партій» уже пустила корни. При П. А. Столыпинѣ «лейбъ-партіей» сначала были октябристы, затѣмъ—націоналисты. При Н. А. Маклаковѣ—тѣ группы, органами которыхъ служитъ, въ Петроградѣ—не имѣющая читателей «Земщина», а въ губернскихъ городахъ—газеты въ родѣ «Курской Были». Если кн. Н. Б. Щербатовъ, сохраняя добрыя отношенія «съ представителями различныхъ политическихъ теченій», не будетъ имѣть «лейбъ-партіи», то только при этомъ условіи онъ будетъ дѣйствительно внѣпартійнымъ министромъ, свободнымъ отъ нашептываній и закулисныхъ вліяній и занимающимъ въ партійныхъ счетахъ нейтральное положеніе.

Какъ общій итогъ изъ мыслей, высказанныхъ кн. Щербатовымъ представителямъ печати, можно ожидать, что русская общественность

встрѣтитъ въ немъ министра, съ которымъ возможенъ будетъ разговоръ на одномъ языкѣ, одинаково понятномъ для обѣихъ сторонъ. Въ земской дѣятельности есть вопросы, на которыхъ правые и лѣвые земцы рѣзко раскалывались только въ первые годы послѣконституціонной реакціи и о которыхъ въ настоящее время они между собою не спорятъ. Если между министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ одной стороны, и Государственной Думой, а равно общественными организаціями, съ другой, установится единство пониманія, хотя бы въ предѣлахъ этихъ вопросовъ, то въ исключительную минуту войны и горячаго желанія всѣхъ и каждаго довести ее до полной побѣды снова возродится поколебавшаяся спокойная увѣренность: исчезнетъ разъединеніе и распадъ силъ въ тылу. Кн. Щербатовъ не участвовалъ, въ качествѣ представителя Полтавской губерніи, въ съѣздахъ уполномоченныхъ земскаго союза ни въ мартѣ, ни въ іюнѣ. Но если бы онъ участвовалъ, то не остался бы въ меньшинствѣ: на этихъ съѣздахъ большинства и меньшинства не было, а было во всемъ полное единодушіе и единство.

Основной интересъ минуты и основная ея задача—мобилизація промышленности или, вѣрнѣе и шире, мобилизація всѣхъ народно-общественныхъ силъ. Подъ мобилизаціей разумѣются мѣры, знаменующія переходъ страны отъ обычныхъ условій мирнаго времени на положеніе войны. Сюда относятся пополненіе войскъ людьми и конскимъ составомъ и организація всѣхъ видовъ снабженія. Населенію во всѣхъ этихъ мѣрахъ отводилась обычно пассивная роль. Ему предъявлялись лишь разнообразныя требованія вплоть до отдачи, въ порядкѣ реквизиціи, фабрикъ и заводовъ, сѣна, пищевыхъ продуктовъ и предметовъ, потребныхъ для иныхъ формъ снабженія войскъ. Активную же роль тылового обслуживанія войны военная власть, дѣйствующая при содѣйствіи власти гражданской, всегда оставляла полностью за собой.

Еще когда нынѣшняя война только что началась, общественныя силы, испытанныя въ войну русско-японскую, были допущены и къ активному обслуживанію дѣла помощи больнымъ и раненымъ,—сначала только въ глубокомъ тылу, а вскорѣ затѣмъ и на фронтахъ. Постепенно объемъ активной работы общественныхъ силъ расширялся: частью имъ было разрѣшено участвовать въ за-

ботахъ о санитарномъ благополучіи районовъ войны, частью они были призваны къ непосредственному содѣйствію въ снабженіи войскъ обмундированіемъ и бѣльемъ, къ устройству бань, прачешныхъ, питательныхъ пунктовъ и т. п. Но все это было не то, въ чемъ на десятомъ мѣсяцѣ войны обнаружилась жгучая потребность и въ отношеніи чего стала очевидной недостаточность правительственныхъ силъ.

Наши боевыя неудачи послѣдняго времени и успѣхи австрогерманцевъ показали, что наши враги имѣютъ значительное преимущество въ количествѣ выбрасываемаго металла. Стремиться довести стрѣльбу и съ нашей стороны до безразсуднаго числа снарядовъ въ день и въ часъ,— числа, совершенно не оправдываемаго достигаемымъ результатомъ, — было бы, конечно, нелѣпымъ и ненужнымъ подражаніемъ. Но увеличить въ количественномъ отношеніи общепризнанную въ отношеніи качественномъ, т. е. по мѣткости, силу нашего артиллерійскаго огня необходимо. Затянувшаяся война истощила запасы снарядовъ. Истощились, равнымъ образомъ, и другіе запасы боевого снаряженія. Никакая предусмотрительность не могла предвидѣть того размаха, который рѣшительно во всемъ получила безпримѣрная война. Германцы еще гораздо раньше использовали запасы, заготовленные въ мирное время. Но у нихъ издавна имѣется широко поставленное производство предметовъ вооруженія и вообще боевого снаряженія, которымъ они снабжали даже чужестранныя арміи. Затѣмъ, съ самаго начала войны, въ ихъ распоряженіи оказалась вся металлургическая промышленность Бельгіи и значительная часть заводовъ сѣвера Франціи. Нельзя не сожалѣть о томъ, что кличъ къ народно-общественнымъ силамъ не раздался у насъ раньше.

Время, однако, не упущено: война можетъ и должна еще долго продолжаться. Важно то, что задача минуты сознана и что необходимость, для ея разрѣшенія, мобилизаціи всѣхъ силъ страны признана. Первое слово сказали представители промышленности. Къ ихъ голосу немедленно присоединились представители общественныхъ организацій, земскаго и городского союзовъ. Телеграфъ ежедневно приноситъ извѣстія, что мобилизація неудержимо идетъ въ ширь и въ глубь. Мобилизуются техническія силы высшихъ учебныхъ заведеній, всевозможныя техническія организаціи, ремесленныя мастерскія и т. д., и т. д. И если члены Государственной Думы всѣхъ партій и фракцій съ такой страстностью ждутъ дня возобновленія занятій законодательныхъ учрежденій, то эта страстность объясняется, въ значительной мѣрѣ, пси-

хологическою потребностью вложиться въ общее дѣло мобилизаціи народныхъ силъ. Быть членомъ Государственной Думы, чувствовать на себѣ отвѣтственность избранія и въ то же время оставаться въ такой моментъ въ вынужденномъ бездѣйствіи или отдавать свой давящій досугъ на работу въ Красномъ Крестѣ или въ отрядахъ общественныхъ организацій—дѣйствительно тяжело до степени мучительности. Этого не ощущаютъ, повидимому, группы правыхъ Госуд. Думы и Государственнаго Совѣта, которые иначе смотрятъ на досрочный созывъ Думы. Не опасаясь впасть въ малѣйшую ошибку, про нихъ можно смѣло сказать, что они не живутъ въ переживаемые историческіе дни общей жизнью со всей страной и со всѣмъ народомъ.

И въ области непосредственной законодательной дѣятельности мобилизація промышленности и общественныхъ силъ раскрываетъ для Государственной Думы цѣлый рядъ самыхъ сложныхъ и отвѣтственныхъ задачъ. Создается дѣло громадной важности и огромное. Никакихъ готовыхъ формъ и шаблоновъ для него не существуетъ. Формы и условія работы уже образовавшихся разнообразныхъ военно-промышленныхъ и иныхъ названій комитетовъ и совѣщаній необходимо вдумчиво установить и сразу же ихъ предстоящую дѣятельность урегулировать. Чтобы дѣло шло и развивалось планомѣрно и успѣшно, одного добраго желанія его участниковъ недостаточно. Нельзя, къ тому же, забывать, что дѣло требуетъ сочетанія усилій такихъ различныхъ участниковъ, какъ люди науки и техническихъ знаній, какъ общественные работники и промышленники. И къ нимъ нужно еще присоединить ту народную силу, безъ которой нельзя ступить ни одного шага и которая пока остается въ сторонѣ отъ организованнаго участія въ дѣлѣ: рабочихъ.

Какъ передавали въ бесѣдахъ съ газетными сотрудниками члены Думы, въ лицѣ новаго военнаго министра, ген. А. А. Поливанова, мобилизаціи общественныхъ силъ, въ цѣляхъ снабженія арміи боевымъ снаряженіемъ, обезпечено полное содѣйствіе военнаго вѣдомства. Вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, руководимое кн. Щербатовымъ, тоже, надо полагать, не будетъ ставить препятствій. Про задачу минуты кн. Щербатовъ говоритъ: «Усилія общества и правительства должны быть устремлены на единую цѣль—бороться и побѣдить». Если Государственной Думѣ удастся найти формы живой регламентаціи дѣла и если, сверхъ авторитета общественныхъ организацій, дѣло еще покроетъ авторитетъ Думы, то можно будетъ спокойно смотрѣть впередъ. Снаряды нужны—и они будутъ. Армія знаетъ, что уже почти годъ ей принадлежатъ

всѣ мысли родины, народа. Когда она узнаетъ, что ей же, ея боевому снаряженію, ея боевой мощи, принадлежитъ безраздѣльно и народный трудъ, — ея силы удесятерятся. И это уже поняли германцы. На Прутѣ, на Днѣстрѣ и на Вислѣ они бросаютъ сотни тысячъ снарядовъ. Они понимаютъ, что ихъ успѣхамъ скоро наступитъ безповоротный конецъ...

Тяжелые дни пережила Москва въ концѣ мая. Въ Москвѣ былъ погромъ—типичная картина для Одессы или Кишинева, но еще никогда, кажется, по крайней мѣрѣ въ такомъ масштабѣ, не виданная въ центрѣ Россіи. Толпа въ теченіе двухъ дней производила неистовыя безчинства: разбивала окна, громила магазины, врывалась въ квартиры и въ помѣщенія конторъ, обращала въ груду щепокъ рояли и мебель, рвала книги и торговыя записи. По мѣрѣ того, какъ наростали неистовства, къ погрому и уничтоженію имущества присоединялся грабежъ. Къ концу перваго дня запылали пожары. Насилій надъ людьми было сравнительно немного, но были отдѣльные случаи, сопровождавшіеся ужасной жестокостью и звѣрскимъ издѣвательствомъ. Не остановленный въ самомъ началѣ, погромъ вызвалъ необходимость прекращенія вооруженной силой, съ неизбѣжными послѣдствіями ея примѣненія.

Въ воззваніи къ населенію Москвы, расклеенномъ на улицахъ 10 іюня, главноначальствующій, кн. Юсуповъ, между прочимъ, писалъ: «Волновавшій населеніе Москвы вопросъ о нѣмецкомъ засиліи вполнѣ разрѣшается закономъ, вошедшимъ въ силу 1 іюня, согласно которому съ этого дня всѣ торговыя предпріятія, принадлежащія подданнымъ воюющихъ съ нами государствъ, должны быть закрыты и всѣ нѣмцы должны быть удалены съ фабрикъ и заводовъ. Этотъ законъ въ Москвѣ будетъ проведенъ въ жизнь безъ всякихъ поблажекъ и снисхожденій по отношенію къ подданнымъ воюющихъ съ нами державъ».

Эти слова даютъ отвѣтъ на вопросъ, что̀ послужило поводомъ погрома, и, если не объясняютъ, то подсказываютъ объясненіе многаго того, что̀ иначе вызывало бы самое крайнее недоумѣніе. Что погромъ былъ организованъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, и это признано въ оповѣщеніи Петроградскаго телеграфнаго агентства. «Вначалѣ, — значится въ оповѣщеніи,—толпа погромщиковъ строго подчинялась распоряженіямъ вожаковъ и дѣйствовала съ большой осторожностью по отношенію къ магазинамъ, принадлежащимъ не германскимъ и не австрійскимъ подданнымъ. Она переходила отъ

одного магазина къ другому, которые были помѣчены въ спискѣ, находившемся въ рукахъ одного изъ вожаковъ. Когда она подходила къ намѣченному магазину, вожаки входили внутрь магазина, и если имъ заявляли, что владѣлецъ магазина не германскій и не австрійскій подданный, они требовали документы. Провѣривъ документы и убѣдившись въ справедливости заявленія, они оставляли магазинъ и командовали толпѣ идти далѣе. И толпа безпрекословно слѣдовала за ними, оставляя магазинъ совершенно нетронутымъ».

По частнымъ свѣдѣніямъ, со списками же въ рукахъ вожаковъ толпа обходила и жилые дома, производя паспортную ревизію живущихъ въ квартирахъ. Очевидцы разсказывали, что когда толпа пришла въ одну изъ самыхъ большихъ гостиницъ въ Москвѣ, то въ ея распоряженіи имѣлся точный списокъ постояльцевъ съ нерусскими фамиліями. И наличности списковъ владѣльцевъ магазиновъ, квартиронанимателей и постояльцевъ въ гостиницахъ совершенно достаточно, чтобы заключить, что, во-первыхъ, погромъ возникъ не внезапно, а былъ подготовленъ и организованъ заранѣе, и что, во-вторыхъ, въ организаціи погрома принимали участіе отнюдь не одни поддонки столицы и даже не одни фабричные рабочіе, если считать, что сначала толпа состояла преимущественно изъ рабочихъ. Весьма характернымъ показателемъ въ послѣднемъ отношеніи служитъ и пріемъ предварительнаго удостовѣренія, по паспортамъ и торговымъ документамъ, въ томъ, что данный магазинъ и имущество даннаго лица подлежатъ разгрому и уничтоженію. Вожаки погрома, пока они сохраняли власть надъ толпою, дѣйствовали именно такъ, какъ будто, по ихъ сознанію, среди населенія Москвы были люди, имущество которыхъ подлежало уничтоженію, если не на формально-законномъ, то на морально-справедливомъ основаніи. Говоря о первыхъ разгромленныхъ магазинахъ, оффиціозное телеграфное агентство сообщало: «Никто изъ толпы ничего не бралъ себѣ изъ подвергшихся разгрому магазиновъ. Товаръ выбрасывался и тотчасъ уничтожался, превращался въ обломки и обрывки, растаптывался ногами. Тѣхъ, кто пытался унести что-либо, останавливали, вырывали взятое и уничтожали».

Въ довершеніе картины,—полиція бездѣйствовала. По словамъ того же агентства, начавшіеся безпорядки захватили полицію «врасплохъ», и «она была безсильна что-либо сдѣлать съ многотысячной толпой»... Повидимому, и въ глазахъ многихъ изъ потерпѣвшихъ погромъ былъ если и не правомѣрнымъ фактомъ, то такимъ, который стоитъ на грани между преступленіемъ и непреступной расправой съ подданными непріятельскихъ государствъ. Послѣ погрома, на улицахъ Москвы еще долго пестрили плакаты съ подроб-

нымъ изложеніемъ чуть не всей родословной состоящихъ въ русскомъ подданствѣ владѣльцевъ сожженныхъ домовъ и разграбленныхъ магазиновъ, или съ такими, напримѣръ, надписями: «это окно разбито по ошибкѣ», «этотъ магазинъ подвергся разгрому по недоразумѣнію,—владѣлецъ такой-то подданный». Только по истеченіи почти двухъ недѣль, новый московскій градоначальникъ приказалъ убрать эти надписи, «исходя изъ того соображенія, что впредь погромы не будутъ допущены ни по ошибкѣ, ни безъ ошибки, а также потому, что на подобныя вывѣски не было дано разрѣшенія». Погромъ, какъ отсюда видно, настолько нелѣпо и чудовищно отразился въ сознаніи населенія не какой-нибудь захолустной деревни, а второй столицы, что понадобился особый приказъ градоначальника для напоминанія о томъ, что «ни по ошибкѣ, ни безъ ошибки» погромы впредь допущены не будутъ.

Неистовствовавшая толпа черезъ нѣсколько же часовъ, конечно, раздавила создавшую ее организацію, которая полагала, что мыслимо руководить неистовствами. Изъ разгромленныхъ винныхъ складовъ явилась водка и вино. Толпа опьянѣла отъ спирта и отъ угара безчинствъ, и все слилось въ сплошной безобразный хаосъ. Одни ломали, другіе грабили, третьи уносили и увозили похищенное, четвертые дѣлили добычу и ссорились. Ритуалъ провѣрки документовъ и ревизіи паспортовъ толпа забыла. Про этотъ моментъ погрома «Петроградское телеграфное агентство» писало: «Началось разграбленіе имущества изъ магазиновъ, подвергшихся разгрому. Женщины и подростки потащили въ разныя стороны охапками захваченныя съ мѣста погрома вещи. Съ наступленіемъ темноты, начали попадаться на улицѣ съ награбленными вещами даже прилично одѣтые люди. Перестала толпа разбираться и въ томъ, кому принадлежитъ намѣченный къ разгрому магазинъ»...

Въ итогѣ погрома, пострадали: 475 торговыхъ предпріятій и 207 квартиръ и домовъ, 113 германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, 489 русскихъ съ иностранными фамиліями, а равно подданныхъ дружественныхъ государствъ, и 90 русскихъ, съ русскими фамиліями. Пострадалъ имущественно—разгромлена квартира и уничтожена цѣнная библіотека—и лично подвергся тяжкому насилію заслуженный профессоръ Московскаго университета, извѣстный славистъ Р. Ф. Брантъ. И пострадалъ онъ не случайно. Еще въ началѣ войны, на засѣданіи университетскаго совѣта, проф. Брантъ возражалъ противъ исключенія нѣмецкихъ ученыхъ изъ почетныхъ членовъ университета. Едва-ли, однако, это могли знать погромщики-хулиганы и даже рабочіе... Въ воззваніи кн. Юсупова дни московскаго погрома названы «позорными».

Въ итогѣ другого порядка, уволенъ отъ должности градоначальника ген. Адріановъ и назначена въ Москвѣ сенаторская ревизія. По словамъ московскаго городского головы, въ распоряженіи городского самоуправленія имѣется много матеріаловъ, которые могутъ сослужить большую службу ревизующему сенатору. Сенаторская ревизія обладаетъ всѣми средствами раскрыть правду и, конечно, раскроетъ. Желать должно, чтобы на этотъ разъ ревизія раскрыла *всю* правду.

Въ рядахъ французской арміи убитъ бывшій русскій офицеръ Андрей Николаевичъ Жданъ-Пушкинъ. Покойный съ 1906-го года жилъ въ Парижѣ эмигрантомъ. Юристъ по образованію, военный—по десятилѣтней службѣ въ офицерскихъ чинахъ, А. Н. долго испытывалъ тяжелую участь эмигрантовъ, пока не освоился съ мѣстной жизнью; но до самаго послѣдняго времени его тянуло въ Россію. Наблюдательный, умѣвшій разбираться въ общественныхъ явленіяхъ человѣкъ, покойный не былъ чуждъ литературной работѣ, и время отъ времени присылалъ изъ Франціи живые и содержательные очерки. Едва вспыхнула война, онъ пошелъ добровольцемъ и съ честью несъ боевую службу во французской артиллеріи; въ одномъ изъ недавнихъ боевъ роковой снарядъ оторвалъ ему голову.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Одиннадцатый мѣсяцъ войны).

Паденіе Перемышля, совершившееся 21-го мая, не явилось моментомъ перелома всей галиційской операціи, а послужило лишь этапомъ въ дальнѣйшемъ развитіи этой операціи. Германо-австрійское наступленіе не остановилось съ достиженіемъ нашими противниками линіи Сана и Днѣстра. Они продолжали свое наступленіе,

ближайшимъ непосредственнымъ объектомъ котораго былъ Львовъ, но которое по своему общему плану должно было повторить австрійское наступленіе въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года и преслѣдовало совершенно тѣ же цѣли. Это наступленіе было предпринято, однако, не непосредственно послѣ оставленія нами Перемышля.

Послѣдніе дни мая, съ 21 до 30, носили до извѣстной степени характеръ оперативной паузы между двумя рѣшительными моментами въ австро-германской операціи. Достигнувъ Перемышля, нашъ противникъ началъ производить перегруппировку своихъ войскъ. Эта перегруппировка коснулась главнымъ образомъ арміи Макензена, которая сыграла главную роль въ форсированіи Сана и въ овладѣніи Перемышлемъ. Теперь эта армія, а также австро-германская арміи Бороевича и Бемъ-Ермолли, раздѣленныя раньше Перемышлемъ, вытянулись въ одну линію, но это продолжалось недолго, и постепенно армія Бемъ-Ермолли заняла линію, на которой раньше была расположена армія Макензена, послѣдняя же передвинулась къ сѣверу и стала фронтомъ по направленію къ сѣверо-востоку.

Непосредственныя атаки на львовскомъ направленіи велись съ 23 до 28 мая у Мосциски, главнымъ образомъ, силами арміи Бемъ-Ермолли. Эти атаки, несмотря на ихъ энергичность и настойчивость, остались безрезультатными, да, повидимому, не на нихъ наши враги возлагали свои главныя надежды. Какъ въ предыдущей стадіи развитія галиційской операціи главный ударъ возлагался на армію Макензена, такъ и теперь этой арміи была поручена задача наступленія на болѣе рѣшительное направленіе. Эта армія начала свое наступленіе значительно позже, чѣмъ армія Бемъ-Ермолли, а именно не раньше 30 мая. Ея удары были направлены на сѣверо-востокѣ—на линію рѣки Любачевки и въ направленіи къ городу Любачеву. Шедшіе здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ 30 мая до 2 іюня, бои кончились тѣмъ, что наши войска, дѣйствовавшія на этомъ фронтѣ, отошли къ 3 іюня на линію рѣки Танева, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наши войска, находившіяся впереди Львова на позиціи у Мосциски, отошли на позиціи Городокскихъ озеръ, т.-е. на послѣднюю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе сильную оборонительную линію на прямыхъ путяхъ ко Львову.

Послѣ того, какъ нашимъ противникамъ удалось оттѣснить насъ на линію Танева и Городокскихъ озеръ, они не сдѣлали никакой паузы передъ приступомъ къ новымъ операціямъ и къ дальнѣйшему развитію своего наступленія. Это наступленіе продолжалось очень энергично въ направленіи на сѣверо-востокъ на города

Цѣшанувъ, занятый германцами 3-го іюня, и Раву-Русскую. Одновременно съ тѣмъ, впрочемъ, шли и непріятельскія атаки на линіи Городокскихъ озеръ. Подробности о бояхъ, шедшихъ на этомъ фронтѣ, до сихъ поръ не опубликованы, но, повидимому, на городокской линіи непріятель не могъ достигнуть никакихъ, сколько-нибудь замѣтныхъ успѣховъ. Болѣе успѣшны были его дѣйствія въ сѣверо-восточномъ направленіи, направленныя на Раву-Русскую и приведшія къ обходу нашихъ городокскихъ позицій. Повидимому, этотъ успѣхъ германцевъ и являлся главной причиной оставленія нами позиціи Городокскихъ озеръ, что произошло въ ночь на 7-е іюня.

Съ нашимъ отходомъ съ этой позиціи судьба Львова была предрѣшена, потому что между Городокскими озерами и самимъ Львовомъ не было никакой оборонительной линіи, на которой можно было бы задержать противника съ большими шансами на успѣхъ, чѣмъ раньше. Тѣмъ не менѣе, русскія войска не отошли отъ Львова безъ боя, и весь день 8-го іюня, а также въ ночь на 9-е іюня въ непосредственной близости отъ Львова, къ западу отъ него, велись упорные аріергардные бои, и непріятелю не удалось здѣсь оттѣснить наши войска . . . . . .

. . . . . Отзывы нѣмецкой печати по поводу взятія Львова въ общемъ носятъ довольно сдержанный тонъ. Германскія газеты усиленно рекомендовали германскому обществу не придавать этому факту преувеличенно-важнаго значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркивали, что сопротивленіе русской арміи отнюдь не является сломленнымъ и что она съ каждымъ шагомъ, по мѣрѣ приближенія къ своимъ предѣламъ, оказываетъ австро-германскому наступленію все болѣе и болѣе упорное сопротивленіе.

Взятіе австрійцами и германцами Львова явилось моментомъ перелома въ теченіи галиційской кампаніи. Ближайшая непосредственная задача, которую ставилъ себѣ противникъ, — вытѣсненіе русскихъ войскъ изъ Галиціи, — явилась почти достигнутой, такъ какъ тѣ части Галиціи, которыя пока остались въ нашихъ рукахъ, сами по себѣ уже не имѣютъ такого большого значенія, ни для насъ, ни для нашихъ противниковъ. Непосредственно послѣ этого успѣха австро-германцы принялись за другую операцію, болѣе серьезнаго характера, и предприняли наступленіе уже въ предѣлы Россіи. Это наступленіе получитъ полное развитіе только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, пока же намѣтились лишь нѣкоторыя основныя линіи, по которымъ это направленіе будетъ вестись. Какъ и можно

было ожидать, главный свой ударъ наши противники направляютъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Для нихъ не имѣло смысла наступать въ восточномъ направленіи въ цѣляхъ вторженія въ южные уѣзды Волынской и Подольской губерній. При какихъ бы то ни было условіяхъ германцы и австрійцы не могутъ разсчитывать на успѣхъ глубокаго вторженія въ предѣлы коренной Россіи, и потому наступленіе въ предѣлы южныхъ уѣздовъ Волыни и въ Подолію могло бы въ лучшемъ случаѣ дать непріятелю нѣкоторые тактическіе успѣхи, но не могло бы предоставить ему сколько-нибудь существенныхъ выгодъ. Какъ и въ августѣ 1914 года, австрійское наступленіе, ведшееся въ сѣверо-восточномъ направленіи и направленное главнымъ образомъ на Холмъ, а въ дальнѣйшемъ счетѣ угрожавшее и Брестъ-Литовску, имѣло въ виду закрѣпить за нашимъ противникомъ все Царство Польское и линію Вислы на всемъ ея протяженіи. Успѣхи австро-германцевъ въ этомъ направленіи рано или поздно приводили бы, чисто механически, насъ къ очищенію всей Польши и къ отходу на линію Брестъ-Литовска. Эту цѣль наши враги ставили себѣ въ августѣ прошлаго года, поставили они ее и теперь.

Почти непосредственно послѣ занятія германцами Львова началось ихъ дальнѣйшее наступленіе въ сѣверо-восточномъ направленіи. На востокъ отъ Львова они продвигались впередъ сравнительно медленно, и къ востоку отъ Жолкева и Львова они встрѣтили значительное сопротивленіе съ нашей стороны на фронтѣ между Каменной и Глиняными. Ведшіеся на этой линіи упорные бои въ общемъ, повидимому, не дали нашимъ противникамъ крупныхъ успѣховъ, и къ отходу отсюда мы были вынуждены исходомъ столкновеній на другихъ участкахъ фронта. Наоборотъ, въ сѣверо-восточномъ направленіи германо-австрійская армія начала двигаться сравнительно съ значительной быстротой. Здѣсь послѣдовательнымъ этапомъ ихъ наступленія явились сперва линія Цѣшанува и Равы Русской, затѣмъ линія Томашева и Унува и, наконецъ, еще позже, линія Замостье-Сокаль. Одновременно съ тѣмъ на болѣе западномъ участкѣ, на Люблинскомъ направленіи мы отодвинулись къ линіи Выжницы и Пора, на которой находятся красниковскія и туробинскія позиціи, игравшія большую роль въ августовскихъ бояхъ прошлаго года. Въ данный моментъ, т.-е. къ 20-му мая, германцы уже почти достигли тѣхъ линій, которыя являлись крайнимъ предѣломъ австрійскаго наступленія въ августѣ прошлаго года. Но тѣмъ не менѣе это наступленіе пока еще не получило своего развитія и получитъ его лишь тогда, когда будутъ закончены болѣе второсте-

пенныя по своему существу, но необходимыя для успѣха этого наступленія операціи въ восточной Галиціи и на линіи Днѣстра.

Борьба за линію Днѣстра велась съ чрезвычайнымъ упорствомъ въ теченіе всего отчетнаго мѣсяца. Какъ разъ одновременно съ оставленіемъ нами Перемышля, нашимъ врагамъ удалось достигнуть нѣкоторыхъ, довольно существенныхъ, успѣховъ и на Стрыйскомъ направленіи. 16 мая, дѣйствовавшему здѣсь германскому корпусу Ботмера удалось добиться довольно значительныхъ успѣховъ у самаго города Стрыя. По времени съ этими успѣхами совпадали наши успѣхи къ юго-востоку отъ Стрыя на верхнемъ теченіи рѣки Свицы, и одно время можно было колебаться относительно того, какой ходъ примутъ здѣсь дальнѣйшія операціи, т.-е. будемъ ли мы пытаться отрѣзать непріятельскія силы, прорвавшіяся у Стрыя, или, наоборотъ, сами отойдемъ на Днѣстръ. Неблагопріятная для насъ обстановка, сложившаяся къ этому моменту въ районѣ Перемышля и вообще во всей сѣверной Галиціи, побудила насъ предпочесть болѣе осторожное второе рѣшеніе. 19-го мая начатъ былъ нашъ общій отходъ на линію Днѣстра и вслѣдъ за тѣмъ двигавшіяся тутъ непріятельскія силы предприняли въ ночь на 21-е мая рядъ атакъ на наши предмостныя позиціи. Эти атаки, ведшіяся въ теченіе продолжительнаго времени, не имѣли ровно никакого успѣха. Мы не только остановили здѣсь непріятеля, но потомъ постепенно стали его тѣснить въ направленіи къ югу, и въ первыхъ числахъ іюня бои на участкѣ между рѣками Тисменицей, и Стрыемъ шли приблизительно на линіи деревень Рабчице, Меденице, Юзефсбергъ, Бильче, Дерзовъ, Деменка-Лѣсная и Тураду, т.-е. приблизительно верстахъ въ 12 къ югу отъ Днѣстра. Бои эти были въ общемъ удачны для насъ, и мы могли бы здѣсь, вѣроятно, безъ особенно большихъ усилій вновь оттѣснить непріятеля до линіи г. Стрыя или еще дальше къ югу, если бы возможность нашего наступленія въ этомъ районѣ не парализовалась положеніемъ дѣла въ сѣверной Галиціи. Послѣ того какъ наши войска на львовскомъ направленіи отошли на линію городокскихъ озеръ, для насъ дальнѣйшее пребываніе къ югу отъ Днѣстра становилось уже затруднительнымъ, и вслѣдствіе этого русскія войска на всемъ участкѣ между Тисменицей и Стрыемъ были переведены на сѣверный берегъ Днѣстра. Отходъ этотъ совершился 5-го іюня, а затѣмъ мы очистили и лѣвый берегъ Днѣстра на участкѣ къ западу отъ Миколаева, развернувшись по рѣкѣ Щерекъ, впадающей въ Днѣстръ немного выше Миколаева. На этой линіи 7-го и 8-го іюня велись непріятелемъ атаки въ районѣ деревень Сѣмяновка, Черкасы, Кагуевъ

и Вербижъ. Нашъ отходъ отъ Львова въ сѣверной Галиціи побудилъ насъ очистить и дальнѣйшіе участки Днѣстра уже къ востоку отъ Миколаева приблизительно до города Ходорова. Въ общемъ всѣ попытки наступленія непріятеля на прямомъ Стрыйскомъ направленіи обошлись ему довольно дорого, и сами по себѣ остались совершенно безрезультатными. . . . . .

. . . . . .

Еще болѣе оживленные бои происходили на болѣе восточныхъ участкахъ Днѣстра. Еще 24 мая значительнымъ непріятельскимъ силамъ удалось прорваться черезъ Днѣстръ въ районѣ г. Журавно и развернуться почти вплоть до желѣзной дороги Львовъ—Галичъ, проходящей здѣсь верстахъ въ 12—15 отъ линіи Днѣстра. Успѣхи непріятеля были однако очень непродолжительны, и уже 26-го мая въ этомъ районѣ, имѣвшемъ въ то время существенное значеніе, начались наши контръ-атаки. Въ теченіе трехъ дней съ 26-го мая по 28-ое здѣсь шли бои, которые кончились блестящей нашей побѣдой. Переправившіяся тутъ австро-германскія части были отброшены съ громадными потерями обратно на правый берегъ рѣки. При этомъ нами было взято въ плѣнъ 348 офицеровъ и 15.431 нижнихъ чиновъ и захвачено 17 орудій и 78 пулеметовъ. Это была одна изъ наиболѣе крупныхъ тактическихъ неудачъ, выпадавшихъ на долю австро-германской арміи въ теченіе всего хода галиційской операціи. Непріятельскія войска отступили на правый берегъ Днѣстра въ полномъ безпорядкѣ, и несомнѣнно, что, въ случаѣ нашего дальнѣйшаго преслѣдованія противника, дѣйствовавшая здѣсь германо-австрійская армія Линзингена была бы близка къ полному разгрому. Но, къ сожалѣнію, вся сложившаяся къ тому моменту обстановка на Галиційскомъ театрѣ войны не давала намъ возможности развить сколько-нибудь энергичныя дѣйствія на правомъ берегу Днѣстра. Мы должны были ограничиться только отраженіемъ непріятельскихъ атакъ и не имѣли возможности развить доставшіеся здѣсь намъ крупные успѣхи.

Эта попытка переправы въ окрестностяхъ Журавно была, впрочемъ, не послѣдней. Недѣлями двумя позже непріятель вновь повторилъ ее. 10-го іюня германцы переправились черезъ Днѣстръ въ районѣ дер. Козары, а одновременно съ тѣмъ австрійцы перешли эту рѣку у селенія Мартыновъ-Старый. Наши войска сейчасъ же приступили къ контръ-атакамъ, которыя велись очень удачно. Передовыя германскія и австрійскія части, перешедшія черезъ рѣку, были отброшены обратно на правый берегъ Днѣстра, понеся при этомъ громадныя потери, въ томъ числѣ одними плѣнными нами было

взято здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Не смущаясь этой неудачей, которая выяснилась уже къ вечеру 11-го іюня, германцы и австрійцы въ ночь на 12 іюня повторили попытку переправы почти въ тѣхъ же районахъ. Германцы перешли черезъ Днѣстръ немного ниже Козары, а австрійцы на участкѣ между деревнями Субботовъ и Перловце, къ югу отъ деревни Рудзвяны. Съ этого момента начались въ этомъ раіонѣ упорные бои. Наши войска отражали непріятельскія попытки продвинуться впередъ, но ведшіеся здѣсь бои не получили полнаго развитія, такъ какъ австрійское наступленіе на линію между Бобркой—Ходоровомъ, начавшееся почти непосредственно вслѣдъ за очищеніемъ нами Львова, принудило насъ очистить и весь районъ Журавно и даже больше того, весь берегъ Днѣстра къ сѣверу отъ Галича. Какъ раньше, на болѣе верхнемъ теченіи Днѣстра, послѣ паденія Городскихъ позицій, наши войска уступили противнику лѣвый берегъ, и сами развернулись фронтомъ по рѣкѣ Щерекъ, такъ и теперь подъ угрозой давленія на линію Бобрка—Ходоровъ наши войска уступили германцамъ и австрійцамъ лѣвый берегъ Днѣстра вплоть до самаго Галича, и сами развернулись по линіи рѣки Гнилой Липы, впадающей въ Днѣстръ съ сѣвера, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Галичемъ.

Послѣ того въ нашихъ рукахъ осталось только нижнее теченіе Днѣстра въ предѣлахъ Галиціи, ниже Галича. Но и этотъ районъ не былъ райономъ затишья въ теченіе всего истекшаго мѣсяца. Здѣсь тоже велись бои, носившіе серьезный, упорный характеръ, и здѣсь тоже германцы и австрійцы предпринимали неоднократно попытки переправы на лѣвый берегъ Днѣстра. Болѣе значительная попытка была предпринята 2 іюня, когда непріятельскимъ силамъ удалось переправиться на лѣвый берегъ Днѣстра въ трехъ глубокихъ излучинахъ, образуемыхъ этой рѣкой непосредственно ниже г. Нижніова. Австрійцы утвердились въ этихъ излучинахъ, но всѣ попытки ихъ выбраться отсюда и развернуться на сѣверномъ берегу рѣки на болѣе широкомъ фронтѣ остались безуспѣшными. Начиная съ 2-го іюня и приблизительно до 8-го іюня, продолжались упорные бои на фронтѣ деревень Остра, Коропецъ, Космѣржинъ, Сновидувъ, Возилувъ и Унишъ, бои, опять таки сопровождавшіеся значительными успѣхами для насъ. Мы не только не выпустили противника изъ занятыхъ имъ излучинъ, но оттѣснили его въ глубь ихъ, взявъ при этомъ значительное число плѣнныхъ. Лишь за три послѣднихъ дня этого боя, съ 6-го по 8-ое іюня, нами было взято свыше 6.000 плѣнныхъ, и послѣ того не-

пріятелю удавалось удерживаться лишь въ крайней глубинѣ этихъ излучинъ, безъ какихъ бы то ни было шансовъ на успѣхъ своей попытки продвинуться дальше впередъ и развернуться на болѣе широкомъ фронтѣ. Развернувшіяся на Гнилой Липѣ наши войска подверглись ожесточеннымъ атакамъ со стороны противника. Атаки эти были начаты 15-го іюня и носили весьма упорный характеръ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней непріятель, несшій здѣсь громадныя потери, не имѣлъ успѣха. Къ вечеру 12-го іюня значительнымъ силамъ его удалось однако утвердиться на лѣвомъ берегу Гнилой Липы, и это должно было отразиться и на дальнѣйшихъ къ юго-востоку участкахъ Днѣстра.

Въ общемъ, продолжительная, длившаяся болѣе мѣсяца, борьба за Днѣстръ, сама по себѣ, носила въ теченіе всего этого времени благопріятный для насъ характеръ. Мы нанесли нашимъ врагамъ цѣлый рядъ тяжелыхъ ударовъ и, начиная съ 26 апрѣля, т.-е. съ того дня, когда мы впервые перешли черезъ Днѣстръ на крайнемъ востокѣ и начали наступленіе къ Пруту, и до середины іюня, нами было взято на Днѣстровскомъ фронтѣ одними плѣнными отъ 80 до 90 тысячъ человѣкъ. Дѣйствовавшія здѣсь непріятельскія арміи генерала Линзингена и Порланцера въ теченіе всего этого времени получали непрерывныя подкрѣпленія сразу очень крупными войсковыми частями и, тѣмъ не менѣе, несмотря на эти подкрѣпленія, эти арміи къ настоящему моменту являются не только не болѣе сильными, но, наоборотъ, въ значительной степени ослабленными по сравненію съ моментомъ начала здѣсь активныхъ операцій. Наши оффиціальные источники опредѣляютъ потери одной арміи генерала Линзингена, оперировавшей на фронтѣ въ 60 верстахъ, отъ 120 до 150 тысячъ человѣкъ въ мѣсяцъ. Такъ какъ весь составъ этой арміи немногимъ превышалъ данную цифру, то выходитъ, что армія въ теченіе мѣсяца борьбы совершенно обновила свой личный составъ. Получивъ подкрѣпленія, равныя приблизительно основной численности этой арміи, если не превышавшія ея, армія тѣмъ не менѣе не стала болѣе сильной, а наоборотъ ослабленной. Если, все-таки, несмотря на успѣхи этой борьбы, намъ пришлось отдать противнику всю линію Днѣстра, то причиной этого явилась отнюдь не неудача для насъ Днѣстровской борьбы, и исключительно общее положеніе на Галиційскомъ театрѣ войны и успѣхи противника въ районѣ Перемышля и Львова. Всѣ частные успѣхи, которыхъ нашимъ врагамъ удавалось добиваться на Днѣстровскомъ фронтѣ, были всегда сейчасъ же ликвидируемы нами, и противникъ отбрасывался въ исходное положеніе. Единственнымъ

исключеніемъ является, какъ уже упоминалось выше, германскій прорывъ у города Стрыя, который мы въ свое время не ликвидировали, но не ликвидировали не потому, чтобы намъ это не удалось, а опять-таки потому, что этому мѣшала общая обстановка на галиційскомъ театрѣ войны.

Одновременно съ борьбой на Днѣстрѣ шли упорные бои и на Буковинскомъ фронтѣ. Нашъ постепенный отходъ изъ района къ югу отъ Днѣстра побудилъ насъ и къ отходу изъ-за Днѣстра и у Буковинской границы. Непріятель, воспользовавшись этимъ, сдѣлалъ попытку вести наступленіе на Хотинъ въ Бессарабію. Мы временно отошли за нашу государственную границу, а австрійскимъ частямъ удалось достигнуть до ближайшихъ окрестностей г. Хотина, именно до селенія Чапоносы. Возникшіе здѣсь бои кончились, однако, пораженіемъ противника, и мы очень быстро оттѣснили непріятеля вновь за Буковинскую границу. Въ ночь на 8-е іюня нами были взяты приграничныя селенія Баламутовка, Ржавенцы, Громешти, дольше всего остававшіяся въ рукахъ австрійцевъ. Сѣвернѣе этихъ селеній, ближе къ Днѣстру, мы еще раньше уже перешли въ предѣлы Буковины, а на крайнихъ южныхъ участкахъ Бессарабской границы, нами была тоже еще 4-го іюня занята деревня Боянъ, и всѣ попытки австрійцевъ отбить эту деревню у насъ оставались безрезультатными. Столкновенія на Буковинскомъ фронтѣ велись, впрочемъ, въ сравнительно скромномъ масштабѣ и, конечно, очень мало отражались на общемъ положеніи дѣла на Галиційскомъ фронтѣ и на всемъ восточномъ театрѣ войны.

Къ сѣверу отъ Львовскаго фронта, въ области нижняго Сана самое начало истекшаго мѣсяца принесло рядъ замѣтныхъ успѣховъ для русскихъ войскъ. 20-го мая намъ удалось прорвать линію непріятельскаго расположенія въ районѣ Рудника, при чемъ мы взяли до 4.000 плѣнныхъ, нѣсколько орудій и много пулеметовъ. Преслѣдуя противника дальше, мы захватили еще свыше 1.000 плѣнныхъ и отбросили врага на линію деревень Станы, Ята, станція Лентовня, Заржина между рѣками Ленгъ и Санъ. Здѣсь нами былъ разбитъ 14-ый австрійскій корпусъ, къ которому послѣ этого пораженія спѣшно подошли значительныя австрійскія и германскія подкрѣпленія. Съ помощью этихъ подкрѣпленій непріятель укрѣпился на линіи между Ленгкомъ и Саномъ, и въ теченіе недѣль здѣсь фронтъ обѣихъ сторонъ оставался почти не измѣненнымъ. Не разсчитывая вести въ этомъ районѣ сколько-нибудь серьезнаго наступленія, непріятель усиленно укрѣплялъ свои позиціи, съ нашей же стороны тоже, повидимому, не предпринималось здѣсь въ дальнѣйшемъ актив-

ныхъ дѣйствій... Впослѣдствіи, въ связи съ измѣнившейся въ неблагопріятную для насъ сторону обстановкой на Галиційскомъ фронтѣ вообще и на правомъ берегу Сана въ частности, наши войска на лѣвомъ берегу нижняго Сана были отодвинуты назадъ и примкнули къ нашимъ частямъ, стоявшимъ на линіи рѣки Танева. Къ какому точно моменту надо пріурочить этотъ отходъ, въ данный моментъ сказать трудно, потому что опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ опубликовано не было.

Отразилось положеніе дѣлъ въ Галиціи и на фронтѣ боевыхъ столкновеній въ южной Польшѣ, въ области къ югу отъ Пилицы. Здѣсь еще въ самомъ началѣ австро-германскаго наступленія, т. е. въ концѣ апрѣля, наши войска оставили свои позиціи на рѣкѣ Нидѣ и отошли верстъ на 60 къ востоку, къ г. Опатову. Въ первой половинѣ мая, въ районѣ Опатова происходили довольно оживленные бои, въ общемъ протекавшіе благопріятно для насъ, но мало отражавшіеся на положеніи дѣла на всемъ фронтѣ. Позднѣйшіе успѣхи противниковъ въ Галиціи побудили насъ къ еще дальнѣйшему отходу въ южной Польшѣ къ сѣверо-востоку. Наши войска, упиравшіяся раньше въ Вислу, въ окрестностяхъ Тарнобжега, перешли теперь на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ польскаго фронта къ Завихосту, т.-е. верстъ на 30 ниже, и нашъ фронтъ прошелъ приблизительно по линіи Завихоста, Ожарова, Глиняны, Островца. Воспользовавшись нашимъ отходомъ, непріятель предпринялъ рядъ энергичныхъ атакъ на наше расположеніе, приведшихъ къ упорнымъ боямъ въ окрестностяхъ селенія Глиняны. Эти бои, ведшіеся 13 іюня, отличались крайне большимъ упорствомъ и кончились тѣмъ, что къ ночи непріятель былъ разбитъ, и его атаки полностью отражены. Дѣйствовавшая здѣсь 4-ая австрійская дивизія понесла тяжелыя пораженія, и въ теченіе ближайшихъ слѣдующихъ дней непріятель даже не пытался здѣсь вести какое-либо наступленіе. 18-го іюня бои здѣсь однако возобновились на фронтѣ Сѣнно-Юзефовъ, т.-е. верстъ на 20—25 къ сѣверу отъ фронта Глиняны—Завихость. Этотъ новый фронтъ является непосредственнымъ продолженіемъ къ западу линіи рѣкъ Выжницы и Пора, занимаемой нами въ Люблинской губерніи (Выжница впадаетъ въ Вислу какъ разъ около Юзефова). Оставленіе нашихъ войскъ на лѣвомъ берегу Вислы вноситъ извѣстныя измѣненія въ общую обстановку дѣлъ на Галиційскомъ фронтѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ августѣ прошлаго года. Тогда продвиженіе австрійцевъ впередъ велось ими безъ всякаго опасенія за судьбу своего лѣваго фланга, потому что въ тотъ моментъ мы не имѣли никакихъ крупныхъ войсковыхъ частей въ

западной Польшѣ, на лѣвомъ берегу Вислы. Теперь мы еще удерживаемъ въ Польшѣ значительныя войсковыя части, и это дѣлаетъ менѣе свободнымъ въ оперативномъ отношеніи лѣвый флангъ австро-германской арміи, наступающей въ сѣверо-восточномъ направленіи, и состоящій преимущественно изъ австрійскихъ частей, образующихъ армію эрцгерцога Фридриха.

На всемъ остальномъ нашемъ фронтѣ въ теченіе истекшаго мѣсяца не произошло сколько-нибудь замѣтныхъ перемѣнъ. Разрозненныя атаки или попытки наступленія предпринимались непріятелемъ на самыхъ разнообразныхъ участкахъ, какъ на западно-польскомъ фронтѣ къ сѣверу отъ Пилицы, такъ и на Наревскомъ фронтѣ и въ Занѣманскомъ районѣ. Ни на одномъ изъ этихъ участковъ непріятельское наступленіе не получило, однако, серьезнаго развитія, и всѣ германскія атаки оставались тутъ разрозненными, безъ дальнѣйшаго продолженія. Болѣе систематическое сравнительно наступленіе велось германцами въ сѣверной половинѣ Занѣманскаго фронта, сперва въ направленіи на Ковно, затѣмъ на болѣе южныхъ участкахъ между Маріумполемъ и Кальваріей, но и тутъ наступленіе велось сравнительно небольшими силами, не носило достаточно серьезнаго характера и не дало никакихъ результатовъ. Въ общемъ на всемъ сѣверо-западномъ фронтѣ въ теченіе мѣсяца не произошло никакихъ измѣненій, которыя стоило бы регистрировать. Не явился исключеніемъ въ данномъ случаѣ и крайній правый флангъ нашего фронта, такъ называемый Риго-Шавельскій районъ. Здѣсь въ началѣ мѣсяца мы тѣснили непріятеля, но потомъ къ германцамъ подошли довольно значительныя подкрѣпленія, и онъ снова повелъ наступленіе главнымъ образомъ въ направленіи на г. Шавли. Наступленіе это, однако, не дало никакихъ замѣтныхъ результатовъ, и ведшіеся въ теченіе недѣль бои въ районѣ г. Шавли, а также по теченію рѣки Венты или Виндавы къ сѣверо-западу отъ Шавель и рѣки Дубиссы къ сѣверо-востоку отъ Шавель, не внесли никакого измѣненія въ положеніе сторонъ. Фронтъ здѣсь съ теченіемъ времени пріобрѣлъ почти такую же устойчивость, какую онъ имѣетъ въ западной Польшѣ въ районѣ р.р. Бзуры и Равки, или даже на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе установившееся въ Риго-Шавельскомъ районъ равновѣсіе весьма возможно что и не является достаточно прочнымъ. По временамъ германцы все-таки дѣлаютъ попытки измѣнить равновѣсіе въ свою пользу. Въ самомъ недавнемъ времени они предприняли попытку дессанта около Виндавы, поддержаннаго германскимъ военнымъ флотомъ. Попытка эта, произведенная сравнительно скромными силами 15-го іюня,

была отражена нами безъ особыхъ затрудненій, но весьма возможно, что германцы повторятъ что-либо подобное въ болѣе крупномъ масштабѣ въ ближайшее же время.

Не произошло существенныхъ измѣненій также и на Кавказскомъ фронтѣ. Здѣсь въ теченіе истекшаго мѣсяца къ туркамъ подошли вновь подкрѣпленія въ видѣ новыхъ регулярныхъ частей, съ помощью которыхъ непріятель пытался возобновить свое наступленіе на Ольтинскомъ направленіи. Здѣсь наши немногочисленныя войска занимаютъ позиціи уже въ предѣлахъ Турціи. На эти позиціи на растянутомъ фронтѣ непріятель и велъ въ теченіе недѣль настойчивыя атаки, направляя свои удары то на тотъ, то на другой участокъ нашего фронта. Всѣ эти атаки оставались безрезультатными, и туркамъ не удалось ни въ какомъ направленіи потѣснить наши войска. На остальныхъ участкахъ Кавказскаго фронта боевыя столкновенія носили еще менѣе серьезный характеръ. На крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ въ области между озерами Ваномъ и Урміей мы продолжали тѣснить дѣйствовавшіе здѣсь курдскіе отряды. Регулярныя войска корпуса Халиль-бея за послѣднее время уже не принимали участія въ боевыхъ столкновеніяхъ, такъ какъ они, повидимому, совершенно разбиты и не являются въ настоящій моментъ сколько-нибудь правильно организованной войсковою частью.

На западномъ театрѣ войны наиболѣе серьезныя боевыя столкновенія по-прежнему сосредоточивались въ районѣ къ сѣверу отъ Аррасса. Эти столкновенія велись въ широкомъ масштабѣ, и, какъ указываютъ французскія оффиціальныя донесенія, въ нихъ было втянуто до 11-ти германскихъ дивизій. Несмотря на значительныя силы, участвовавшія въ этихъ бояхъ, результаты ихъ до сихъ поръ оказываются очень скромными. Французамъ удалось потѣснить германцевъ по фронту въ нѣсколько километровъ длины, но вглубь германцы отступили очень недалеко и, вслѣдъ за оставленными ими позиціями, они воздвигали у себя въ тылу все новыя и новыя укрѣпленія. Въ самомъ началѣ французскаго наступленія въ этомъ районѣ можно было думать, что боевыя дѣйствія будутъ развиваться здѣсь медленно только въ первые дни операціи, когда французамъ придется брать основныя, наиболѣе сильно укрѣпленныя германскія позиціи. Но по мѣрѣ того, какъ развивались здѣсь бои, а они идутъ на этомъ фронтѣ уже съ 26-го апрѣля, т.-е. продолжаются безъ малаго два мѣсяца, выяснилось, что за одной линіей окоповъ, взятыхъ французами, находятся слѣдующія линіи окоповъ, которыя германцы сооружали за то время, которое французами тратилось на обладаніе первой линіей. Борьба принимаетъ здѣсь постепенно за-

тяжной характеръ, и ее неточно было бы называть позиціонной войной. Позиціонная война имѣетъ опредѣленныя конкретныя точки, приближеніе къ которымъ составляетъ главный смыслъ операціи. Взятіе этихъ точекъ рѣшаетъ исходъ сраженія. Въ данномъ случаѣ нѣтъ такихъ конкретныхъ цѣлей, нѣтъ такихъ опредѣленныхъ точекъ, съ достиженіемъ которыхъ операція могла бы считаться законченною, такъ какъ тутъ нѣтъ «позиціи», овладѣніе которой рѣшило бы судьбу дѣла. Борьба такимъ образомъ становится въ данномъ районѣ до извѣстной степени безъидейной, если только не считать ея цѣлью постепенное уничтоженіе живой силы противника, потому что ведущіеся здѣсь бои отличаются въ общемъ большой кровопролитностью, и германцы понесли за два мѣсяца тяжелыя потери. Въ общемъ, однако, германцы настолько считаютъ свое положеніе на западномъ театрѣ войны прочнымъ, что въ теченіе хода галиційской операціи они не только брали неоднократно съ запада крупныя войсковыя части для переброски въ Галицію, но иногда заимствовали подкрѣпленія даже съ самаго Аррасскаго участка, наиболѣе серьезно угрожаемаго для нихъ. Они, слѣдовательно, не боятся возможности французскаго прорыва на этомъ участкѣ.

Серьезные бои происходили также въ Вогезахъ и въ нѣкоторыхъ районахъ Аргоннскаго лѣса, но и эти бои не внесли никакихъ перемѣнъ въ общую обстановку дѣла, сложившуюся на западномъ театрѣ войны.

Не отразилось на общемъ ходѣ войны и выступленіе Италіи. Итальянскія войска вслѣдъ за объявленіемъ войны вторглись въ предѣлы Австріи, но это вторженіе до сихъ поръ остается очень неглубокимъ. Итальянскія войска занимаютъ лишь крайне узенькую полоску вдоль границы Австріи, и ни на одномъ участкѣ этой границы боевыя столкновенія не происходили до сихъ поръ въ сколько-нибудь крупномъ масштабѣ. Со времени объявленія Италіей войны прошло уже около шести недѣль. Если мы вспомнимъ, что какъ въ Бельгіи, такъ и на восточно-прусскомъ и галиційскомъ фронтахъ, серьезныя боевыя столкновенія уже начались черезъ три недѣли послѣ объявленія войны Германіей, мы придемъ къ выводу, что Италія въ данный моментъ не разсчитываетъ вести серьезнаго энергичнаго наступленія большими силами. Правда, условія горной войны дѣлаютъ вообще неизбѣжнымъ медленное развитіе крупныхъ операцій, но съ другой стороны Италія въ моментъ объявленія ею войны была, конечно, болѣе подготовлена къ войнѣ, чѣмъ Франція или Россія въ моментъ объявленія войны Германіей.

Затяжной характеръ приняли операціи также и у Дарданеллъ. Здѣсь послѣдній мѣсяцъ не принесъ рѣшительныхъ измѣненій.

Англичане и французы постепенно тѣснили противника, захватывали нѣкоторыя его отдѣльныя позиціи, но въ общемъ здѣсь военныя дѣйствія приняли характеръ позиціонной борьбы и стали затяжными. Борьба эта ведется съ крайнимъ упорствомъ, о чемъ можно судить хотя бы по оглашеннымъ Асквитомъ цифрамъ англійскихъ потерь. Англійскій флотъ и армія, дѣйствующіе у Дарданеллъ, потеряли уже 1.722 офицера (496 убито, 1.134 ранено и 92 безъ вѣсти пропало) и 36.914 нижнихъ чиновъ (6.927 убито, 23.542 ранено, 6.445 безъ вѣсти пропало).

А. Оглинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Баронъ Д. Г. Гинцбургъ. О русскомъ стихосложеніи. Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стихотвореній Лермонтова. Посмертное изданіе, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. М. Князева. LXIII, 268. Петроградъ, 1915.

Авторъ этого труда, выходящаго посмертнымъ изданіемъ, по образованію востоковѣдъ, арабистъ, увлекшись теоріей французскаго ученаго Гюйара объ арабскомъ стихосложеніи, основанномъ на «естественномъ ритмѣ языка», обобщилъ эту теорію, придавъ ей универсальное значеніе, и уже вполнѣ самостоятельно пришелъ къ выводамъ о музыкальной основѣ, въ частности, и русскаго стихосложенія, при чемъ, изслѣдуя ритмическій строй стихотвореній Лермонтова, сдѣлалъ попытку «эмпирически провѣрить и обосновать свои общія теоретическія положенія относительно строя русскаго стиха». Какъ правильно замѣчено въ предисловіи редакторомъ изданія, Г. М. Князевымъ, «теорія стихосложенія на началахъ музыкальнаго такта въ построеніи бар. Гинцбурга на основѣ лингвистической теоріи Гюйара можетъ... имѣть смыслъ и значеніе, и независимо отъ того, какъ относиться къ этой послѣдней съ точки зрѣнія науки общаго языкознанія». Дѣйствительно, теорія Гюйара не принадлежитъ къ числу «непреложныхъ истинъ науки» и оспаривается многими оріенталистами (у насъ особенно ее критиковалъ акад. Ѳ. Е. Коршъ). Но музыкальная основа стиха, музыкальный ритмъ, подчиненный особымъ законамъ независимо отъ законовъ метрическихъ, которые принято считать основнымъ принципомъ русскаго стихосложенія, могутъ быть признаны и «непреложной истиной», такъ

какъ именно «напѣвностью строкъ» отличается истинная поэзія въ стихотворной формѣ отъ простой версификаціи по правиламъ метрики. Требованіе Верлэна: «De la musique, surtout de la musique»—показатель этого современнаго возрожденія стихотворной формы на музыкальномъ принципѣ. Какъ во французской поэзіи «vers-librisme», отбросившій ограниченный счетъ слоговъ, такъ и отступленія въ новѣйшей русской поэзіи отъ прежняго скандованія на началахъ метрики, свидѣтельствуетъ о новомъ стремленіи поэтовъ признать ритмъ основнымъ началомъ всякой стихотворной формы. Баронъ Гинцбургъ, напомнивъ, что уже въ древнемъ мірѣ различали ритмъ отъ метрики, слагаетъ какъ бы восторженный гимнъ во славу ритма. «Ритмъ—это великолѣпное теченіе животворящей струи природы во вселенной. Ритмъ есть законъ движенія сферъ небесныхъ, и его гармоніею упивались въ священномъ восторгѣ древніе мыслители Эллады. Ритмъ управляетъ солнечнымъ міромъ; онъ породилъ время, онъ двинулъ землю въ пространство... Онъ указываетъ путь въ поднебесьи птичкамъ небеснымъ; онъ составляетъ законъ женской прелести (34—35)». Вѣроятно, бар. Гинцбургъ вполнѣ сошелся бы съ кн. С. М. Волконскимъ въ увлеченіи и ритмической гимнастикой Далькроза, вошедшей въ моду уже послѣ его смерти. Онъ вполнѣ былъ правъ, настаивая на первенствующемъ значеніи ритма при чтеніи стиховъ. Быть можетъ, нѣкоторымъ преувеличеніемъ отзывается его утвержденіе, что «стихотвореніе есть *чисто* музыкальное произведеніе (35)»; но онъ глубоко правъ, когда, по поводу чтенія стиховъ актерами, замѣчаетъ: «скандовка намъ несносна,—въ ней чувствуется дребезжаніе внезапно лопнувшей струны, и когда [съ другой стороны] умышленнымъ чтеніемъ наперекоръ размѣру какіе-нибудь лицедѣи (какъ недавно еще въ «Царѣ Ѳедорѣ») достигаютъ полнаго уничтоженія ритма читаемыхъ стиховъ, мы бываемъ внѣ себя отъ волненія и негодованія» (45). Нѣчто подобное испытывали мы и теперь на Пушкинскомъ спектаклѣ въ Московскомъ Художественномъ театрѣ.

Теорія бар. Гинцбурга, по сущности, довольно проста. Она сводится къ переложенію стихотворныхъ строфъ на музыкальные такты и установленію ритма стихотворенія въ зависимости отъ правильнаго чередованія удареній въ слѣдующихъ другъ за другомъ тактахъ. Онъ склоненъ по временамъ совсѣмъ откинуть метрику, упразднить принятые размѣры—ямбъ, хорей, дактиль и др., считая ихъ совершенно ненужными для стиха; но, съ другой стороны, комбинируя свою теорію съ подчиненіемъ стиха опредѣленному размѣру, онъ иногда достигаетъ возстановленія и правильнаго размѣра, при кажущихся отступленіяхъ отъ него поэта. Ограничимся

однимъ примѣромъ. Стихотвореніе Лермонтова «Русалка» написано, по признанію бар. Гинцбурга, анапестомъ, который дѣйствительно, ощущается со второй половины перваго стиха и въ слѣдующихъ, но нарушается въ началѣ первой, третьей, четвертой, пятой, шестой и седьмой строфъ. Какъ объяснить эти отступленія отъ размѣра? Въ первой строфѣ:

◡ ⊥ ◡ ◡ ⊥ ◡ ◡ ⊥ ◡ ◡ ⊥
Русалка плыла по рѣкѣ голубой...

во второй строфѣ правильный анапестъ:

◡ ◡ ⊥ ◡ ◡ ⊥ ◡ ◡ ⊥ ◡ ◡ ⊥
И шумя и крутясь, колебала рѣка...

Произвольныя неправильности немыслимы у такого геніальнаго поэта, особенно чуткаго къ музыкальности стиха, какъ Лермонтовъ. Если мы, слѣдуя бар. Гинцбургу, переложимъ стихи на музыкальные такты, то первый слогъ перваго стиха нужно будетъ признать затактнымъ, удареніе въ началѣ такта упадетъ на *а*, а затѣмъ идутъ правильнымъ анапестомъ: — ◡ ◡ ⊥ ◡ ◡ ⊥ ◡ ◡ ⊥
ка плыла по рѣкѣ голубой. Безъ нотныхъ знаковъ это нѣсколько трудно представить графически, но смыслъ ясенъ (кстати о знакахъ: отмѣтимъ досадныя опечатки на стр. XLIX, 40, 42, затемняющія смыслъ, и непонятную, по крайней мѣрѣ для насъ, разбивку по нотамъ на стр. 201, во второмъ и четвертомъ стихахъ пятой строфы стихотворенія «Договоръ»). Подобнымъ образомъ, тѣмъ же методомъ переложенія стиховъ на такты бар. Гинцбургъ объясняетъ и оправдываетъ у Лермонтова цѣлый рядъ отступленій отъ другихъ принятыхъ размѣровъ. Наоборотъ, слишкомъ назойливо соблюдаемый дактиль въ отрывкѣ: «Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима»..., коробитъ его: «Этого нельзя скандовать, и, если не для марша или полонеза, возможно ли было бы, вообще, терпѣть долгую канитель такого рода (111)?» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ вскрываетъ, или, вѣрнѣе, подтверждаетъ погрѣшности, правда, довольно рѣдкія, изолированныя, которыя легко могли бы быть исправлены самимъ поэтомъ, въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ. Даже въ знаменитомъ «Ангелѣ», написанномъ, когда Лермонтову было 17 лѣтъ, есть одинъ стихъ, въ которомъ удареніе, правильное при соблюденіи амфибрахія, логически, психологически и музыкой не оправдывается:

...И хвала—*Его* не притворна была.

«Какъ будто «его» относится къ Богу и искренность была когда-то свойствомъ этой хвалы»—замѣчаетъ бар. Гинцбургъ. Варіанты этого стиха не лучше. Варламовъ, написавшій музыку на слова Лермонтова, сохраняя въ общемъ «ритмъ стихотворенія», «слѣдуя своему чутью», могъ бы «введеніемъ паузы исправить погрѣшность юнаго поэта», но онъ этого не сдѣлалъ (107—108). Это лишь небольшой недочетъ; строже относится авторъ къ переложеніямъ на музыку Балакиревымъ стихотворенія: «Слышу ли голосъ твой». «Балакиревъ не задумался перекроить его, чтобы втиснуть въ свой романсъ, ясно показавъ тѣмъ, что не постигъ его ритма (186)».

Подвергая провѣркѣ по усвоенному методу одно за другимъ бо̀льшую часть произведеній Лермонтова, бар. Гинцбургъ въ общемъ находитъ опору для своей теоріи въ ея соотвѣтствіи безсознательно соблюденному поэтомъ ритму и въ то же время какъ бы подтверждаетъ, при помощи своей теоріи, геніальный инстинктъ Лермонтова, который чутьемъ угадывалъ то, что̀ не было формулировано въ его время, какъ законъ. Возможно ли, однако, считать «закономъ, выразителемъ вѣчной истины, . . . не допускающимъ обхода, не терпящимъ исключеній» (34) ту теорію, которую намѣчаетъ бар. Гинцбургъ? Это остается для насъ подъ нѣкоторымъ вопросомъ. Правда, трудъ автора не вполнѣ законченный;—онъ «не во всѣхъ частяхъ въ одинаковой степени обработанъ», какъ указано и въ предисловіи г. Князева. Мѣстами чувствуется недостатокъ связи, мѣстами неясность общихъ выводовъ, но все же книга читается съ живымъ интересомъ и, если авторъ не раскрылъ всей правды, онъ близко къ ней подходитъ, высказываетъ новые и оригинальные взгляды о необходимомъ спутникѣ, сказали бы мы, поэтической рѣчи, т.-е. о музыкальномъ ритмѣ, существеннѣйшемъ аттрибутѣ истинно-поэтическаго языка. Въ этомъ отношеніи мысли бар. Гинцбурга, очень чуткаго читателя стиховъ, умѣющаго ихъ переживать и толковать, могутъ дать толчекъ къ новымъ работамъ въ этомъ направленіи. Работъ по стихосложенію у насъ, вообще, немного. Бѣглый обзоръ имъ (включая работы А. Бѣлаго, В. Чудовскаго, Н. В. Недоброво и др.) сдѣланъ въ предисловіи, которое служитъ весьма полезнымъ введеніемъ къ пониманію значенія посмертныхъ набросковъ бар. Гинцбурга, посвятившаго двадцать лѣтъ жизни на разработку теоріи, родственной по духу новѣйшимъ исканіямъ въ современной поэзіи.

Ѳ. Батюшковъ.

— Невскій Альманахъ. Жертвамъ войны—Писатели и художники Петроградъ 1915.

«Невскій Альманахъ» наконецъ появился въ продажѣ. Изданъ онъ по порученію общаго собранія «Общества русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны». Предсѣдателемъ редакціоннаго комитета былъ избранъ С. А. Венгеровъ, художественною частью завѣдывали Ѳ. Г. Беренштамъ и С. К. Маковскій. Всѣ издержки по изданію «Альманаха» приняло на себя Т-во И. Д. Сытина.

Подобно «Кличу», и «Невскій Альманахъ» заслуживаетъ вниманія помимо своей благотворительной цѣли. Правда, онъ меньше перваго по объему, въ немъ нѣтъ цвѣтныхъ рисунковъ, нѣкоторыя статьи его очень миніатюрны, но это нисколько: не лишаетъ его интереса. Съ «Кличемъ» у него есть общее, не только имена участниковъ, но даже и самыя произведенія. Такъ Л. Андреевъ далъ для «Альманаха» второе дѣйствіе своей пьесы «Младость», третье дѣйствіе которой напечатано въ «Кличѣ». А. Е. Грузинскій далъ для обоихъ сборниковъ отрывки своего перевода изъ «Шах-наме» Фирдуси.

Въ «Невскомъ Альманахѣ» обращаетъ на себя вниманіе прежде всего статья М. О. Гершензона «Дѣло правды и разума», которую можно охарактеризовать, какъ крикъ наболѣвшаго сердца. Авторъ, съ болью въ душѣ, затрагиваетъ вопросъ о безправіи евреевъ, но не для того, «чтобы призывать русское общество къ справедливости въ отношеніи евреевъ». Онъ знаетъ, что «освобожденіе евреевъ давно предрѣшено въ совѣсти лучшихъ людей нашихъ, какъ безотчетно назрѣвало въ теченіе десятилѣтій и справедливое рѣшеніе польскаго вопроса». Но, по его мнѣнію, «надо помнить русскимъ людямъ объ этой неправдѣ, одной изъ самыхъ вопіющихъ въ Россіи, чтобы они остановили свою мысль на ней и дали себѣ время прислушаться, что говоритъ имъ о ней ихъ совѣсть».

Болѣе широкаго вопроса касается М. Невѣдомскій въ своей замѣткѣ «Moratorium». Это слово онъ считаетъ удивительно содержательнымъ и распространяетъ его дѣйствіе на векселя не только въ буквальномъ смыслѣ этого слова. По его мнѣнію, послѣ войны міръ явится свидѣтелемъ взысканія по цѣлымъ четыремъ векселямъ. Франціи уже не придется на своихъ школьныхъ картахъ обводить траурной каймой Эльзасъ и Лотарингію; Бельгія и Польша, эти жертвы новой и новѣйшей исторіи, предъявятъ каждая по векселю и получатъ удовлетвореніе. Четвертымъ будетъ вексель демократіи всей Европы, а валютой его—вся нынѣшняя война, предотвратить которую демократія оказалась не въ силахъ,—все это безмѣрное

оскорбленіе, этотъ неисчислимый ущербъ жизни, это неслыханное попраніе давно и прочно, казалось, установленныхъ моральныхъ правъ и культурныхъ цѣнностей!»

Чрезвычайно интересный и тепло написанный этюдъ посвятилъ Д. С. Мережковскій декабристу Буматову, герою 12-го года, «по послѣднюю минуту дыханія своего любившему отечество и народъ русскій и за пользу ихъ умершему самою мучительною смертью». Онъ морилъ себя голодомъ, а потомъ разбилъ себѣ голову о стѣны каземата.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ пребываніи «Въ плѣну» М. М. Ковалевскій сообщаетъ любопытныя подробности не только о злоключеніяхъ самаго пребыванія въ плѣну, но и о тѣхъ попыткахъ, какія дѣлались съ цѣлью его освобожденія (напр., посылка черезъ испанское посольство письма предсѣдателю совѣта министровъ, которое пролежало въ посольствѣ болѣе мѣсяца и, наконецъ, посланное, все же не дошло по адресу).

Въ изящной миніатюрѣ «Земля и война» Ѳ. Ф. Зѣлинскій передаетъ поэтическое преданіе о Троянской войнѣ.

Интересны воспоминанія А. И. Иванчина-Писарева: «Изъ жизни Гл. Ив. Успенскаго», а также матеріалы «Изъ архива «Сѣвернаго Вѣстника».

Количественно богатъ стихотворный отдѣлъ.

Въ художественномъ отдѣлѣ выдаются рисунки В. И. Зарубина—Нормандія, Картре, Б. М. Кустодіева—Крестный ходъ, Н. К. Рериха—Зарево, В. Я. Суреньянца—эскизъ плаката для сбора «Петроградъ—Армянамъ», И. Е. Рѣпина—В. М. Гаршинъ въ гробу.

Желаемъ сборнику полнаго успѣха.

Н. Кашинъ.

— М. Моравская. Стихи о войнѣ. Ц. 20 к.

Стихи, помѣщенные въ этой книжечкѣ, представляютъ живой откликъ на современность. Они весьма характерны, какъ показатель того поворота, который подъ вліяніемъ грозныхъ событій войны, совершается въ психологіи писателей. Это—переходъ отъ крайняго и нѣсколько уже затхлаго индивидуализма къ яркой общественности. Если переживаемыя широкія настроенія—лишь преходящая полоса, то и въ этомъ случаѣ они окажутъ значительное, оздоровляющее воздѣйствіе на творчество. Это сознается самой поэтессой и прекрасно выражено въ короткихъ, благородныхъ словахъ: «Я еле сознаться смѣю, но съ грустью зрѣетъ во мнѣ благодарность войнѣ». Индивидуализмъ привелъ къ одиночеству. Это случилось давно.

Поэтому мысль объ одиночествѣ даже не волнуетъ, оно отмѣчается съ холоднымъ спокойствіемъ,—но тѣмъ острѣе воспринимается общественный характеръ момента, тѣмъ легче отдаться захватывающей волнѣ. Среди уходящихъ на войну нѣтъ близкихъ, нѣтъ друзей, но всѣ — родные по-новому, милліоны родныхъ по духу. «Я давно одна. Но торжественность этого дня, когда объявили: «война», это остро волнуетъ меня, это душу пронзило до дна. И расширилось сердце во мнѣ, чтобы думать о всей странѣ, потому что я—одна».

Искренность авторскихъ переживаній сказывается въ томъ, что для всѣхъ впечатлѣній у него находятся подходящія слова—настоящія, внутреннія.

Основное настроеніе стиховъ—бодрое, даже нѣсколько приподнятое, взвинченное, какъ то «веселье», съ которымъ ѣдутъ на войну запасные.

Мы живемъ въ удивительный годъ
Жуткой славы, неслыханно громкой...
Какъ завидовать будутъ потомки
Всѣмъ, всѣмъ, кто нынѣ живетъ!

Но въ этотъ преобладающій мажорный мотивъ иногда вкрадывается жуткій диссонансъ: столь свойственная теперь всѣмъ мечта о томъ, что эта страшная міровая война—послѣдняя.

Быть можетъ это будетъ послѣдняя война?
Всю злобу міровую вытравитъ до дна,
И порѣшитъ вражду, и разрѣшитъ всѣ узы,
Всю землю примиритъ, весь міръ обезоружитъ,
Все горе міровое высушитъ до дна
Послѣдняя, великая, всемірная война!

Въ цѣломъ рядѣ импрессіонистскихъ набросковъ пробѣгаютъ столь знакомыя глазамъ картины, воспринимается гамма сложныхъ чувствъ, вызванныхъ войной—и у тѣхъ, что «ѣдутъ», и у тѣхъ, что «остаются». Самыя названія стихотвореній съ достаточной ясностью говорятъ объ ихъ содержаніи: «Они ѣдутъ», «Первыя жертвы», «Вдали», «Радости громкой не надо», «Каторжанамъ нерчинской тюрьмы»...

Къ сожалѣнію, эстетическая сторона стиховъ не на высотѣ ихъ живого содержанія; въ авторѣ не замѣтно художественнаго прогресса. Все такъ же неувѣренъ и маломузыкаленъ его голосъ. Особенно досадное впечатлѣніе оставляетъ натянутость «свободнаго» стиха. Естественный строй рѣчи постоянно, иногда даже безъ нужды, приносится въ жертву ритму и риѳмамъ, далеко невсегда удачнымъ. Такія вычурныя сочетанія, какъ «рота» и «смотръ» или «Австрія» и «острую» рѣжутъ слухъ неблагозвучіемъ, а ради

нихъ авторъ измѣнилъ естественное расположеніе словъ. На-ряду съ этими неудачными, искусственными стихами, встрѣчаются и дѣйствительно свободные, красивые: «Есть геройство въ тѣхъ, что ушли, есть геройство въ тѣхъ, что остались»... Это показываетъ, что преодолѣніе встрѣчающагося теперь иногда безвкусія было бы для автора вполнѣ возможно.

Е. Колтоновская.

— О. А. Добіашъ-Рождественская. Церковное общество Франціи въ XIII-мъ вѣкѣ. Часть I. Приходъ. Петроградъ. 1914.

Эта книга представляетъ собою значительно дополненную переработку французской докторской (въ Парижскомъ университетѣ) диссертаціи того же автора: «La vie paroissiale en France au XIII siècle d'après les actes épiscopaux» (1912). Въ русскомъ изданіи г-жа Добіашъ-Рождественская воспользовалась, кромѣ «епископскихъ актовъ», и другими источниками. Этотъ трудъ доставилъ автору степень магистра всеобщей исторіи,—первый случай полученія этой степени женщиною въ нашей университетской практикѣ.

Г-жа Добіашъ-Рождественская выбрала для своего изслѣдованія очень спеціальную тему и разработала ее по первоисточникамъ, какъ печатнымъ, такъ и рукописнымъ, хранящимся во французскихъ архивахъ. Критическому разсмотрѣнію этихъ источниковъ она посвятила около четвертой части своей книги. Шесть страницъ «списка цитируемыхъ сочиненій и изданій» свидѣтельствуютъ о большой начитанности автора въ литературѣ, такъ или иначе соприкасающейся съ предметомъ ея изслѣдованія [1]). Если мы примемъ еще во вниманіе, что по вопросу, заинтересовавшему О. А. Добіашъ-Рождественскую, нѣтъ спеціальныхъ работъ, то этимъ еще болѣе выяснится полная самостоятельность ея работы.

Самое обозрѣніе источниковъ имѣетъ у г-жи Добіашъ-Рождественской обобщающій характеръ. Главный недостатокъ книги коренится въ ея построеніи и изложеніи. Она, несомнѣнно, выиграла бы и въ смыслѣ доступности для неспеціалистовъ, и въ интересѣ для самихъ историковъ, если бы авторъ не наложилъ на себя самоограниченія, пользуясь исключительно источниками и совершенно устраняя все то, о чемъ рѣчь могла бы идти только на основаніи тѣхъ или другихъ

1) Пробѣловъ здѣсь почти нѣтъ. Главный—тотъ, что, вмѣсто большого (пять томовъ) труда Авенеля: „Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix depuis l'an 1200“, авторъ пользовался только одной его статьей въ „Rev. d. deux Mondes“.

пособій. Наприм., о церковной десятинѣ въ XIII вѣкѣ есть очень обстоятельная работа Віара, хорошо извѣстная автору (Histoire de la dîme ecclésiastique dans le royaume de France aux XII et XIII siècles), и въ ней большая глава о томъ, о чемъ г-жа Добіашъ-Рождественская говоритъ коротко на стр. 57—60 своего труда; очень много онъ выигралъ бы не только въ полнотѣ и яркости, но и въ интересѣ для профановъ, если бы г-жа Добіашъ-Рождественская больше использовала матеріалъ, данный Віаромъ по вопросу о церковной десятинѣ въ XIII в. Предметъ изслѣдованія автора слишкомъ обособленъ, прямо изолированъ отъ общей исторіи, съ одной стороны, Франціи, съ другой—католической церкви въ XIII вѣкѣ. Г-жа Д.-Р. превосходно знаетъ и ту, и другую, но она и здѣсь наложила на себя самоограниченіе, не развернула всѣхъ своихъ знаній къ явному ущербу для своей книги и для читателей. Книга ея много выиграла бы, если бы частный вопросъ о французскомъ приходѣ былъ представленъ на общеисторическомъ фонѣ, вдвинутъ въ общую раму исторіи XIII вѣка. Г-жа Д.-Р. какъ бы преднамѣренно писала только для ученыхъ, даже не для историковъ вообще, а только для медіэвистовъ. Она посвятила свой трудъ своимъ учителямъ—И. М. Гревсу и Ш.-В. Ланглуа: невольно думается, что въ самоограниченіи автора сказалось исключительно вліяніе второго, своеобразный взглядъ котораго на задачи научной работы отразился на диссертаціи его русской ученицы. О. А. Добіашъ-Рождественская сознательно сузила свою тему, и нужно пожелать, чтобы во второй части ея труда спеціальный вопросъ не былъ заключенъ въ слишкомъ тѣсныя рамки. Нужно подумать и о русскихъ читателяхъ, неспеціалистахъ (между прочимъ, и объ учащихся), для которыхъ многіе термины, употребляемые авторомъ, непонятны безъ обстоятельныхъ объясненій.

Спеціально въ исторіи французскаго прихода XIII вѣка не все одинаково полно изслѣдовано въ работѣ г-жи Д.-Р., не столько, вѣроятно, вслѣдствіе невниманія автора къ тѣмъ или другимъ сторонамъ вопроса, сколько въ виду неимѣнія на нихъ отвѣтовъ въ тѣхъ категоріяхъ источниковъ, которыя положены въ основу изслѣдованія. Наприм., авторомъ не выяснено, въ чемъ заключалось и отъ чего происходило «перепутываніе» приходовъ, о которомъ говорится въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Было ли это слѣдствіемъ сеньёрьяльнаго строя, т.-е. результатомъ желанія, чтобы крестьяне одного и того же сеньёра были прихожанами одной и той же церкви, разъ церковь была своего рода доходной статьей, на подобіе банальной мельницы? Вообще феодальныя отношенія, поскольку они могли касаться приходской жизни, очень мало затронуты въ разсматриваемой книгѣ.

Для французской книжки г-жи Д.-Р. самосграничеціе, быть можетъ, и было нужно, но о сохраненіи его въ русской можно пожалѣть, хотя это и не умаляетъ чисто ученыхъ достоинствъ всего труда.

Со стороны ученой «акрибіи», т.-е. точности сообщаемыхъ авторомъ фактовъ, перевода текстовъ и т. п., «Церковное общество Франціи» можетъ быть признано трудомъ образцовымъ, и кое-какіе мелкіе промахи въ книгѣ очень рѣдки. Замѣчу, напр., что въ XIII вѣкѣ еще не было дофиновъ Франціи, о которыхъ говорится на стр. 158. Напрасно также авторъ запрягаетъ вола молотящаго въ молотилку, когда молотьба происходила просто его копытами (стр. 168). Класть (ponere) трупы на деревья не значитъ ихъ вѣшать (стр. 98). Если «то мѣсто, гдѣ хранится (въ закрытомъ сосудѣ) причастіе, было доступно собакамъ и свиньямъ», это еще не значитъ, чтобы причастіе отдавалось на расхищеніе этимъ животнымъ (стр. 131). Едва-ли вѣрно переводитъ «beneficia cum cura et sine cura animarum» словами: «бенефиціи приходскаго и иного типа», ибо и епископу въ епархіи, а не только священнику въ приходѣ принадлежала «cura animarum» (стр. 114); лучше было бы сказать: «бенефиціи, соединенныя и несоединенныя съ пастырскими обязанностями». Но все это—мелочи, и если онѣ здѣсь отмѣчаются, то лишь для того, чтобы подчеркнуть отсутствіе болѣе серьезныхъ промаховъ.

Н. Карѣевъ.

— Я. Л. Барсковъ. Переписка московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка. 1780—1792. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Петроградъ. 1915. LXII+340 стр. Ц. 2 р.

Временемъ расцвѣта научнаго изученія русскаго масонства были шестидесятые годы прошлаго вѣка; тогда появились общеизвѣстные труды Ешевскаго, Пыпина, Пекарскаго, Лонгинова, сразу развернувшіе обширные, въ архивахъ собранные, документальные матеріалы и предложившіе первыя ихъ обобщенія. Позднѣе, не прекращались частичныя изученія и документальныя публикаціи по масонству, но они бывали случайны, и интересъ къ этому сложному и темному явленію замѣтно падалъ. Только лѣтъ десять тому назадъ въ русской исторіографіи сталъ наблюдаться новый поворотъ въ сторону изученія масонства. На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить обширное изслѣдованіе В. И. Семевскаго о масонахъ-декабристахъ, печатавшееся въ журналѣ «Минувшіе Годы» за 1908 годъ и съ большими сокращеніями введенное въ его книгу: «Обще-

ственныя и политическія идеи декабристовъ»; неутомимый изслѣдователь здѣсь, какъ и всегда, обнаружилъ огромную эрудицію, привлекши къ изученію и изложенію данныя русской, польской и западно-европейской исторіографіи, а также рукописные матеріалы. Одновременно Т. О. Соколовская предприняла настойчивые архивные поиски, продолжающіеся и понынѣ, и сообщала ихъ результаты въ журналахъ. Цѣнныя изученія и сообщенія за то же время сдѣлали Б. Л. Модзалевскій, В. Ѳ. Саводникъ, А. В. Семека, В. П. Семенниковъ, Е. И. Тарасовъ, В. Н. Тукалевскій и другіе. Возбужденный этими работами интересъ къ масонству вызвалъ къ жизни обширное коллективное предпріятіе: «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ», съ прошлаго года выходящее въ Москвѣ подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова и объединяющее значительный кругъ спеціалистовъ. Теперь въ потокъ масонской исторіографіи вступаетъ книга Я. Л. Барскова. Въ нее входитъ, прежде всего, обширное собраніе (свыше двухсотъ) писемъ московскихъ «мартинистовъ» 1790—1792 г.г. Въ этой перепискѣ участвовали Карамзинъ, А. М. Кутузовъ, Лопухинъ, А. Н. Радищевъ, М. И. Невзоровъ, Плещеевы, кн. Н. Н. Трубецкой, И. П. Тургеневъ, бар. Шредеръ и еще нѣкоторые другіе масоны и ихъ друзья и знакомые; трехлѣтіе наканунѣ катастрофы 1792 года рисуется здѣсь съ замѣчательной отчетливостью. Многое изъ этой переписки уже было оглашено въ печати (въ «Русской Старинѣ» 1874 и 1896 г.г.), но въ сборникѣ она появляется впервые во всей полнотѣ и точности. За перепиской слѣдуетъ «Дневникъ» бар. Г. Я. Шредера, нѣкогда изложенный въ отрывкахъ акад. Пекарскимъ, при чемъ авторъ дневника не былъ извѣстенъ этому изслѣдователю. Въ сборникѣ дневникъ напечатанъ по подлинной рукописи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ; онъ даетъ много свѣжихъ чертъ къ обрисовкѣ интимной исторіи русскаго масонства. Третью группу образуютъ письма 1780—1789 г.г., гдѣ въ числѣ корреспондентовъ видимъ и Н. И. Новикова, отсутствующаго въ перепискѣ 1790—1793 г.г.; эта группа взята Я. Л. Барсковымъ изъ собраній Московскаго Румянцевскаго Музея и до сихъ поръ была извѣстна только въ извлеченіяхъ Ешевскаго. Въ видѣ приложенія даны впервые появляющіяся письма Новикова и кн. Н. Н. Трубецкого (изъ того же Музея) и перепечатаны изъ стариннаго, рѣдчайшаго изданія «Signatstern» документы о бар. Г. Я. Шредерѣ.

Совершенно новаго, впервые найденнаго, въ сборникѣ Я. Л. Барскова немного, но собранный имъ обширный документальный матеріалъ впервые приведенъ въ строгій порядокъ и появляется въ наиболѣе полномъ и точномъ видѣ. Впервые чита-

тель легко, безъ утомительныхъ архивныхъ и литературныхъ поисковъ, можетъ войти въ интимную жизнь русскаго масонства екатерининскаго времени. Многое въ темной исторіи масонства впервые проясняется при изученіи этого сборника. Спѣшимъ оговориться: не только масонство, какъ таковое, но и вообще русская духовная культура послѣдней четверти XVIII вѣка явственно вырисовывается изъ переписки 1780—90-хъ годовъ. Какъ въ хорошей повѣсти раскрывается передъ нами жизнь А. М. Кутузова, трудная, скитальческая жизнь благороднаго, даровитаго человѣка, запутавшагося и погибшаго подъ гнетомъ болѣзненнаго внутренняго душевнаго строительства и самоанализа, матеріальной нужды, масонскихъ и просто шарлатанскихъ интригъ въ Берлинѣ.

Красивымъ эпизодомъ этой горькой жизни является дружба Кутузова съ Радищевымъ. Когда-то они были однокашниками-студентами за границей и воспитывали свою молодую душу и мысль на просвѣтительной литературѣ. Потомъ жили вмѣстѣ въ Петербургѣ, въ тѣсномъ общеніи. Уже тогда начинала сказываться разница характеровъ и строя воззрѣній; затѣмъ и житейскія обстоятельства разлучили друзей. Радищева горячія исканія соціальной правды повели къ созданію знаменитаго «Путешествія» и—въ сибирскую ссылку, а Кутузовъ въ поискахъ правды мистической попалъ тоже, какъ въ ссылку, въ Берлинъ, въ полное духовное и культурное одиночество. Старые друзья потеряли связь, но памятью сердца помнили другъ друга; частыя упоминанія о Радищевѣ въ письмахъ Кутузова и опубликованное Я. Л. Барсковымъ письмо Радищева къ далекому другу изъ ссылки даютъ особую теплоту всему сборнику. Очаровательны письма къ Кутузову А. И. Плещеевой и ея маленькой дочки. Этихъ писемъ немного, всего около десяти, но они драгоцѣнны для психологической характеристики эпохи. Никакія ученыя разсужденія не могутъ такъ уяснить литературный сентиментализмъ Карамзина и Жуковскаго, какъ эти «человѣческіе документы». Здѣсь мы наблюдаемъ созрѣваніе той культуры чувствительности и «сердечнаго воображенія», которая вскорѣ сказалась въ русской повѣсти и лирикѣ. Любопытно также, какъ въ масонской перепискѣ отразилась литературная дѣятельность самого Карамзина. Онъ только-что вернулся изъ-за границы, и въ 1790 г. масоны могли надѣяться пріобрѣсти въ немъ, ихъ прежнемъ питомцѣ, бодраго единомышленника. Но Карамзинъ оказался чуждъ масонскимъ настроеніямъ; онъ былъ переполненъ иными надеждами, его литературные планы звали его въ сторону отъ орденскихъ тайнъ и тумановъ. Сначала масоны недоумѣвали, потомъ негодовали на самонадѣяннаго и «невѣжественнаго» литератора и предсказы-

вали ему позорную неудачу, а напослѣдокъ оказались удивленными свидѣтелями его блестящаго успѣха.

Итакъ, документальные матеріалы сборника цѣнны сами по себѣ. Но ихъ значеніе углубляется еще больше вводной статьей и примѣчаніями редактора. Я. Л. Барсковъ тщательно изучилъ не только русскую исторіографію масонства, но и западно-европейскую, особенно нѣмецкую; ему были доступны архивы русскіе и заграничные; онъ пользовался личнымъ общеніемъ съ широкимъ кругомъ спеціалистовъ въ Россіи и на Западѣ. Все это дало ему возможность обставить публикуемые тексты богатымъ комментаріемъ. Раскрыты псевдонимы, иниціалы, темные намеки въ письмахъ и дневникахъ; глухія ссылки на книги снабжены точными библіографическими справками; даны разнообразныя указанія біографическія, литературныя, историческія. Несомнѣнно, что кропотливая комментаторская работа редактора сборника полезна не только для читателя данной книги, но и въ общемъ научномъ обиходѣ, разъясняя много темныхъ подробностей въ масонской исторіографіи. Послѣ ея генеральнаго пересмотра, произведеннаго В. И. Семевскимъ въ 1908 году, это второй такой же учетъ, при чемъ Я. Л. Барсковъ широко изучилъ и новѣйшую (послѣднихъ 6—7-ми лѣтъ) научную литературу по масонству; объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ библіографическій списокъ, приложенный въ концѣ книги. Книга, по доброму литературному обычаю, снабжена алфавитнымъ указателемъ именъ, облегчающимъ справки.

Помимо примѣчаній, въ концѣ книги имѣется обширное, въ 60 страницъ, введеніе. Здѣсь редакторъ даетъ общую характеристику и оцѣнку собранныхъ имъ матеріаловъ. Въ свѣтѣ перекрестныхъ историческихъ сопоставленій по-новому строится, во-первыхъ, пониманіе политическаго положенія русскихъ масоновъ екатерининскаго времени. Подборомъ точныхъ фактовъ Я. Л. Барсковъ приводитъ читателя къ выводу, что русскіе «братья» попали въ сложную политическую и международную интригу, которую создали масоны «Вёлльнерова круга». Выясненіе темной роли прусскаго реакціонера Вёлльнера и клики нѣмецкихъ обскурантовъ, «переодѣвшихся по тогдашней модѣ въ масонскій нарядъ», составляетъ заслугу редактора. Немало свѣжихъ чертъ внесено имъ и въ нравственную и культурную обрисовку русскихъ масоновъ. Указаны, напримѣръ, явственныя примѣты сословной, барской психологіи въ масонахъ; безпристрастно отмѣчены нѣкоторыя ихъ крѣпостническія тяготѣнія; въ укоръ новиковскому кружку поставлено полное забвеніе Кутузова, болѣвшаго и голодавшаго въ Берлинѣ, несмотря на всѣ его мольбы къ «братьямъ» о помощи. По традиціи читатель пред-

ставляетъ себѣ образъ Новикова и его друзей въ идеалистическомъ, иконописномъ стилѣ. Новые матеріалы и оцѣнки Я. Л. Барскова не то чтобы разрушаютъ этотъ образъ, а накладываютъ на него свѣжія реальныя черты, отчего онъ становится матеріальнѣе, даже грубѣе, но зато правдивѣе, понятнѣе, исторически и психологически. Можно бы упрекнуть автора за нѣкоторую скупость въ изложеніи фактовъ и недоговоренность въ выводахъ; многое хотѣлось бы знать полнѣе и опредѣлительнѣе. Но самъ Я. Л. Барсковъ далъ своей вводной статьѣ скромное названіе «замѣтокъ» и не претендовалъ на монографическое изученіе. Сдѣланныя имъ наблюденія и оцѣнки могутъ быть провѣрены въ болѣе обширномъ кругѣ фактовъ, чѣмъ тотъ, который имѣется въ его сборникѣ. Такъ, напримѣръ, личность и дѣятельность самого Новикова ждетъ новой переоцѣнки послѣ недавнихъ трудовъ Б. Л. Модзалевскаго, В. П. Семенникова и др. Хранящаяся въ архивахъ масонская переписка и другіе документы далеко еще не исчерпаны. Но разбираемый сборникъ останется важнымъ, прочнымъ звеномъ въ цѣпи публикацій и изслѣдованій по масонству.

Н. Пиксановъ.

— М. Гершензонъ. Декабристъ Кривцовъ и его братья. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1914 Ц. 2 руб.

Автору удался «замыселъ этой книги: углубиться въ одной точкѣ прошлаго—до основныхъ теченій исторіи, разсказать судьбы одной семьи такъ, чтобы сквозь нихъ стало видимо движеніе общественно-психологическихъ силъ». Съ чрезвычайной прозорливостью г. Гершензонъ рисуетъ средняго русскаго интеллигента-дворянина 10—30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Избранные имъ герои, какъ индивидуальности, мало интересны, но тѣмъ цѣннѣе ихъ типическое значеніе. Ихъ собственныя краски тусклы, но тѣмъ вѣрнѣе отразилась въ нихъ эпоха. «Нелегко сквозь индивидуальное выраженіе разглядѣть черты эпохи, еще труднѣе въ разборѣ временныхъ чувствъ и мыслей открыть далекія перспективы исторіи, но если это хоть въ малой мѣрѣ удается, задача стоила усилій. Такому анализу подлежитъ, въ сущности, каждое человѣческое лицо, потому что на каждомъ, для умѣющаго читать, начертаны письмена времени и прошлаго; но есть въ людской толпѣ лица, особенно выразительныя,—и таковъ, какъ кажется, Н. И. Кривцовъ. Онъ не слишкомъ отдаленъ отъ насъ по времени; быть можетъ, удастся сквозь его личныя особенности и сквозь наносные отпечатки эпохи—разглядѣть и нѣчто болѣе важное для насъ—его родство съ нами, тѣ

общія черты мышленія и чувства, которыя, зародившись незадолго до него и еще элементарныя въ немъ, унаслѣдованы и нами, но уже въ формѣ очень сложной и потому труднѣе различимой. Это сплошь и рядомъ бываетъ въ исторіи, и надо дорожить такими начальными, примитивными формами, потому что въ нихъ часто можно подмѣтить нити основы, которыя за позднѣйшимъ пестрымъ узоромъ или едва замѣтны, или даже вовсе становятся не видны». Въ этомъ Кривцовѣ, старшемъ изъ трехъ братьевъ, занимающемъ самое видное мѣсто въ хроникѣ, авторъ опредѣляетъ черты внутренней раздвоенности между жизненнымъ дѣломъ и отвлеченными принципами; но дѣдъ тѣмъ отличается отъ внуковъ, что трещина въ душѣ не причинила ему никакихъ страданій. Такимъ двойственнымъ всегда и во всемъ онъ прожилъ свой вѣкъ, и это дѣлаетъ его несимпатичнымъ всякому, кто, какъ авторъ, выше всего дорожитъ гармонической душевной цѣльностью въ человѣкѣ. Но на черномъ фонѣ тогдашней русской жизни и эта личность, въ которой много темныхъ сторонъ, кажется свѣтлой, и жаль, что авторъ не по справедливости оцѣнилъ своего героя въ его столкновеніяхъ съ русской дѣйствительностью. «Въ натурѣ Кривцова было что-то нестерпимо-обидное для людей. Оскорбительно было самое его отношеніе къ жизни, этотъ безпощадный деспотизмъ, съ которымъ отъ стремился все живое подчинить своему идеалу геометрической правильности. Жизнь ирраціональна, и равнять ее по ранжиру, вгонять въ какую-либо схему—безнадежное дѣло; секретъ власти (Кривцовъ былъ губернаторомъ) заключается въ томъ, чтобы въ каждую минуту находить мудрую середину между требованіями осуществляемой схемы и правами ирраціональной дѣйствительности—прежде всего, разумѣется, правомъ каждой индивидуальной воли на свободное проявленіе. Для этого первое условіе—умѣть чувствовать чужую волю во всей ея органической сложности и во всей законной косности; второе—умѣть бережно обходиться съ нею, т.-е. обладать талантомъ самообузданія. Кривцовъ былъ совсѣмъ лишенъ и этой способности чувствовать, и этого умѣнья щадить ирраціональное въ жизни и въ людяхъ». Самый воздухъ вокругъ него «насыщался фатальною ненавистью». Губернаторствуя въ Воронежѣ, этотъ исключительный по прямолинейности и аггрессивности натуры человѣкъ вызвалъ «чиновничью революцію» и «мирныхъ совѣтниковъ» воронежскаго губернскаго правленія въ одинъ часъ превратилъ въ рьяныхъ крамольниковъ», которые объявили своему начальнику войну безъ пощады.

Что же сдѣлалъ воинственный губернаторъ своимъ «мирнымъ совѣтникамъ»? Г. Гершензонъ передаетъ любопытную исторію, какъ

чины губернскаго правленія совершили подлогъ, конечно, не изъ чистаго безкорыстія, и, чтобы скрыть его, уничтожили одну бумагу, а Кривцовъ, обнаруживъ преступленіе, «яростно поносилъ» ихъ «укорялъ въ обманѣ, при чемъ выразился, что за обманъ сѣкутъ кнутомъ», и, не довольствуясь «столь тяжкими оскорбленіями», добился преданія ихъ суду. Еще до окончанія суда «губернское правленіе было разгромлено, но ясно было, что и Кривцову невозможно долѣе оставаться въ Воронежѣ, гдѣ, разумѣется, все чиновничество было крайне возбуждено противъ него». Безпокойнаго губернатора перевели изъ Воронежа въ Нижній-Новгородъ, но здѣсь у него произошло новое столкновеніе съ чиновничьей средой, которую авторъ характеризуетъ именами героевъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», и карьера «безпокойнаго человѣка» погибла. Дѣйствительность осталась непоколебленной, а честнаго губернатора выгнали.

Жаль, что г. Гершензонъ не выяснилъ, какимъ образомъ могъ бы губернаторъ, хотя бы и не столь глухой на ирраціональное ухо, найти «мудрую середину между требованіями осуществляемой схемы» честной службы и «правомъ индивидуальной воли» воронежскихъ и нижегородскихъ взяточниковъ «на свободное проявленіе». Однако, самъ авторъ признаетъ, что въ обоихъ случаяхъ Кривцовъ «по существу былъ совершенно правъ».

Особенно цѣнны въ хроникѣ г. Гершензона историко-психологическія характеристики. Молодежь послѣ-наполеоновскаго времени, декабризмъ, представленіе о которомъ авторъ распространяетъ на всю интеллигентную юную Россію Александровскаго царствованія, помѣстная дворянская жизнь нашли въ г. Гершензонѣ вдумчиваго психолога-истолкователя и талантливаго, интереснаго художника-разсказчика. Съ тонкимъ пониманіемъ всѣхъ «корней и нитей», съ большимъ техническимъ мастерствомъ возстановилъ онъ и приблизилъ къ нашимъ сердцамъ нѣсколько былыхъ жизней. А глубоко, досконально узнавать какую бы то ни было жизнь— это значитъ легче и вѣрнѣе познавать себя въ мірѣ и ощущать общее въ себѣ.

Н. Лернеръ.

— В. Вагнеръ. Біопсихологія. Новыя идеи въ біологіи. Сборн. № 6. Изд. Образованіе. 1914 г. 138 стр. Цѣна 80 коп.

Данный сборникъ «Новыхъ идей» состоитъ изъ двухъ статей проф. В. А. Вагнера, непосредственно связанныхъ другъ съ другомъ «Физіологія и біологія въ рѣшеніи психологическихъ проблемъ» и «Сегментарная психологія». Въ первой статьѣ нашъ выдающійся біопсихологъ, сравнительно недавно выпустившій два тома капиталь-

наго труда по сравнительной психологіи, въ краткихъ чертахъ опредѣляетъ свое отношеніе къ физіологической школѣ, пытающейся упразднить психологію и замѣнить ее физіологіей нервной системы. Отдавая должное заслугамъ физіологовъ, въ частности—ученію акад. И. П. Павлова объ абсолютныхъ и относительныхъ рефлексахъ, В. А. Вагнеръ считаетъ пріемлемыми цѣликомъ тезисы физіологовъ. Онъ вполнѣ правильно указываетъ, что не только поведеніе человѣка и высшихъ животныхъ, но даже область такъ называемыхъ инстинктивныхъ актовъ не сводима къ рефлексамъ и необъяснима методами одной физіологіи. Большая часть инстинктивныхъ актовъ не представляетъ ни абсолютныхъ, ни относительныхъ (условныхъ) рефлексовъ, и потому для изученія ихъ необходимы дополнительные методы, въ частности—методы біопсихологіи. Рядъ анализируемыхъ имъ актовъ поведенія ихневмона, жука, носорога, бѣлки, щенка и др. достаточно убѣдительно подтверждаютъ его тезисъ.

Статья «Сегментарная исихологія», представляя собой интересное и цѣнное изслѣдованіе психологіи «сегментовъ тѣла», т.-е. члениковъ тѣла безпозвоночныхъ животныхъ (червей, членистоногихъ—многоножекъ и насѣкомыхъ, и др.), въ то же время предназначена служить «вещественнымъ доказательствомъ» недостаточности одного физіологическаго метода въ изученіи поведенія животныхъ. Она касается исторіи вопроса, главныхъ теорій и опытовъ, относящихся къ этой сферѣ, и знакомитъ съ собственными опытами автора статьи. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ, весьма любопытны какъ для спеціалиста, такъ и для простого «интересующагося» читателя, и опредѣленно говорятъ въ пользу того принципіальнаго положенія, въ спорѣ физіологіи и біопсихологіи, которое защищается нашимъ В. А. Вагнеромъ.

Написаны статьи съ простотой и мастерствомъ, свойственными проф. Вагнеру. Для лицъ, знакомыхъ съ предыдущими его трудами и, въ частности, съ его «Біологическими основами сравнительной психологіи», статья о «Сегментарной психологіи» является, до извѣстной степени, продолженіемъ указаннаго труда.

Питиримъ Сорокинъ.

— Р. Штейнметцъ. Философія войны. Изд. Образованія 1915 г. 326 стр. Ц. 2 р.

Авторъ этой книги—гаагскій профессоръ, авторъ работы: «Die Etnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe» одного изъ лучшихъ сочиненій, посвященныхъ этой темѣ. Помимо тщательности изслѣдованія, подкупаетъ и несомнѣнная искренность и объективность Штейнметца, даже тамъ, гдѣ онъ, по моему мнѣнію, ошибается.

Центральные вопросы книги: 1) изученіе соціальной роли войны, ея положительныхъ и отрицательныхъ вліяній и 2) рѣшеніе проблемы, исчезнетъ-ли когда-нибудь война изъ исторіи человѣчества.

Оцѣнивая соціальныя функціи войны, Штейнметцъ весьма добросовѣстно указываетъ ея положительныя и отрицательныя стороны. Благо войны онъ видитъ въ томъ, что она является необходимымъ условіемъ существованія, что она представляетъ культурную творческую силу: безъ войны не было бы государства, невозможно было бы расширеніе сферы мира, немыслима была бы самая жизнь человѣка («непротивленецъ злу» былъ бы растерзанъ первымъ звѣремъ); она удаляетъ съ жизненной сцены слабыхъ и заставляетъ постоянно прогрессировать сильныхъ, и т. д. Вредныя стороны войны—потеря людей, страданія раненыхъ, страданія близкихъ лицъ, разрушеніе городовъ и селъ, разстройство народнаго хозяйства, ростъ враждебныхъ чувствъ. Всѣ эти мысли сами по себѣ не новы, но способъ ихъ доказательства рядомъ цифръ и фактовъ даетъ яркую картину соціальной роли войны.

Штейнметцъ думаетъ, что война будетъ существовать вѣчно, что мечты о мирѣ всего міра—«глупая иллюзія». Чтобы исчезли войны, нужно, чтобы все человѣчество было организовано въ одинъ союзъ; но считать возможной организацію 1.600.000.000 человѣкъ—явное безуміе.

Однако, исторія говоритъ намъ, что это «безуміе» не такъ ужъ безпочвенно. Въ самомъ дѣлѣ, человѣчество начало исторію съ замиренныхъ группъ въ 40—100 человѣкъ, и создало въ настоящее время замиренные государственные союзы, насчитывающіе 150—180 милліоновъ членовъ. Если человѣчество съумѣло перейти отъ обществъ въ 40 человѣкъ къ союзамъ въ 180.000.000 членовъ, то почему же оно не можетъ перейти теперь отъ послѣднихъ къ союзамъ въ 1.600.000.000 человѣкъ? Въ первомъ случаѣ произошло увеличеніе въ 4.500.000 разъ, во второмъ требуется увеличеніе только въ 9 разъ. Ясно, что мечты пасифистовъ—не такое ужъ безуміе.

Остальные аргументы автора таковы: «исчезновеніе войны предполагаетъ исчезновеніе воинскаго духа», удовольствія риска, жестокости и отваги. Но ни одинъ изъ этихъ элементовъ не исчезъ изъ природы человѣка; ergo и война всегда будетъ.

Не трудно видѣть наивность этого аргумента. Откуда авторъ взялъ, что отвага, жестокость и удовольствіе риска могутъ найти примѣненіе только въ войнѣ? Развѣ нельзя рисковать, помогая ближнему? Развѣ соціальная жизнь, внѣ войны, не даетъ множество случаевъ, гдѣ всѣ эти чувства могутъ найти примѣненіе?

Не болѣе убѣдительны и другіе аргументы автора: ссылка на эгоизмъ людей, на слабость пасифистскаго движенія, на иллюзорность «братства народовъ», на кровожадность соціализма и демократіи. Ужъ если эгоизмъ такое препятствіе, то почему онъ не помѣшалъ расширенію мира съ группъ въ 40 членовъ до государствъ въ 180.000.000? Даже допустивъ предпосылку эгоизма, мы скорѣе сдѣлаемъ изъ нея обратный выводъ: именно сознательный эгоизмъ долженъ вести къ уничтоженію войны, т. к. ясно, что война, въ итогѣ—несчастіе и безполезная трата силъ. Пасифистское движеніе теперь слабо, но сила его растетъ «не по днямъ, а по часамъ». Изъ чего слѣдуетъ, далѣе, что «братство народовъ—иллюзія»? Не изъ того ли, что съ каждымъ днемъ международныя отношенія становятся все болѣе и болѣе интенсивными? Развѣ каждый день не увеличиваетъ нити—научныя, религіозныя, правовыя, экономическія и др.,—связывающія различныя государства? Правда, временами, какъ теперь, наступаютъ кризисы. Но кризисы, изъ нормы ставшіе исключеніемъ, какъ прекрасно показываетъ самъ же Штейнметцъ, аргументъ не въ пользу, а противъ его положенія. Совершенно невѣренъ, наконецъ, тезисъ о кровожадности демократіи и соціализма. Кто знакомъ съ лозунгами, которыми мотивировали свое участіе въ войнѣ русскіе, франко-бельго-англійскіе, итальянскіе, и даже отчасти нѣмецкіе соціалисты, тотъ едва-ли въ нихъ услышитъ мотивъ: «Громъ войны, раздавайся всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Изъ сказаннаго видно, что книга Штейнметца интересна и съ оговорками можетъ быть смѣло рекомендована читателю: даже ея отрицательная часть цѣнна тѣмъ, что она наталкиваетъ мысль на ясные и опредѣленные отвѣты.

Въ массѣ макулатуры, выброшенной теперь на книжный рынокъ, работа Штейнметца является рѣдкимъ и несомнѣнно положительнымъ исключеніемъ.

Питиримъ Сорокинъ.

— С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. Петроградъ. 1915.

Авторъ книги, вышедшій изъ крестьянской среды и соединяющій литературный трудъ съ земледѣльческой работой, хорошо знакомъ съ жизнью деревни. Онъ наблюдалъ ее съ первыхъ десятилѣтій послѣ освобожденія крестьянъ до нашихъ дней и въ своей книгѣ дѣлится съ читателемъ тѣмъ, что ему удалось подмѣтить. Онъ характеризуетъ хозяйственную жизнь деревни, ея бытъ, на-

строеніе и отдѣльныхъ, наиболѣе интересныхъ крестьянъ. Послѣ освобожденія крестьянъ жизнь знакомой ему деревни сложилась тяжело. Земля, нарѣзанная крестьянамъ при выходѣ ихъ на волю, была очень плохого качества, покосовъ было поубавлено, земледѣльческій трудъ вознаграждался скудно. Съ внѣшней стороны жизнь деревни была неприглядна. Было много избъ безъ трубъ. Ихъ мыть нельзя было; ихъ чистили передъ праздниками скребкомъ, что мало помогало. Много народу ходило по міру, особенно зимою. И этой тяжелой обстановкѣ соотвѣтствовалъ моральный уровень. Черезъ нѣкоторое время крестьяне стали въ хозяйственномъ отношеніи подниматься и преображаться, и уходившее на заработки въ Москву населеніе стало понемногу возвращаться въ деревню, чтобы начать хозяйство на землѣ. Къ этому времени относится и начало хозяйства въ деревнѣ 19-ти-лѣтняго С. Т. Семенова. Описывая жизнь крестьянъ, онъ ихъ не идеализируетъ. Онъ разсказываетъ, напр., о слишкомъ легкомъ отношеніи къ чужой собственности. Эта черта въ крестьянинѣ была ему сначала непонятна, но потомъ онъ понялъ, что причиной ея была бѣдность. «Во всей своей прошлой жизни, стѣснявшей въ пользованіи дарами природы, а часто и произведеніями рукъ своихъ, крестьянинъ, желавшій этимъ пользоваться, могъ дѣлать это только «урывомъ», тайкомъ. А такъ какъ обстоятельства, стѣснявшія его, длились вѣка, то этотъ способъ вошелъ въ такое обыкновеніе, что крестьянское общественное мнѣніе пріучилось относиться къ нему безразлично. Что это именно такъ, видно изъ того, что легкое отношеніе къ чужой собственности допускается только къ чужимъ и людямъ другого положенія». Авторъ рано становится противникомъ общины, считаетъ подворное хозяйство лучшей формой для крестьянъ послѣ реформы и приводитъ въ защиту своего взгляда цѣлый рядъ доказательствъ. Главное изъ нихъ—бо̀льшая продуктивность работы на отдѣльномъ участкѣ. Община не мѣшаетъ кулакамъ закабалять маломочныхъ крестьянъ, въ общественной жизни крестьяне—далеко не филантропы. Послѣ 1905 г. авторъ побывалъ заграницей и приглядѣлся, какъ живутъ и хозяйствуютъ земледѣльцы въ Швейцаріи, Италіи, Франціи и Англіи. Эти наблюденія укрѣпили въ немъ давнишнее убѣжденіе, что у насъ на землѣ вполнѣ возможно человѣческое существованіе, но только при освобожденіи личности отъ хозяйственной опеки міра и при уничтоженіи черезполосицы. Большая часть книги посвящена авторомъ описанію борьбы за выходъ на отруба. Цѣлью автора было изображеніе народной жизни, поскольку онъ ее наблюдалъ, и въ этой области онъ даетъ богатый матеріалъ.

А. Т.

— И. Мечниковъ. Основатели современной медицины. Пастеръ—Листеръ—Кохъ. Москва, 1915 г. Изд. „Научнаго Слова". Ц. 1 р. 20 к.

Жизнь и труды преобразователей современной медицины, разсказанные такимъ мастеромъ слова, какъ И. Мечниковъ, представляютъ огромный интересъ не только для широкой публики, но и для врачей. Книжка написана при особыхъ условіяхъ. Если не подъ звуки пушечныхъ выстрѣловъ, то въ ожиданіи таковыхъ, автору пришлось на нѣсколько недѣль прекратить обычныя занятія въ своей лабораторіи въ институтѣ Пастера, поставленной на военное положеніе. Онъ воспользовался этимъ невольнымъ досугомъ, чтобы въ доступной, блестящей формѣ отвѣтить на вопросъ, куда въ настоящую минуту можетъ быть направлена дѣятельность людей непосвященныхъ. Среди безпримѣрнаго ужаса, переживаемаго человѣчествомъ, авторъ напоминаетъ, что кровавое зарево войны только на время заслонило настоящія цѣли человѣчества. Стремленія лучшихъ людей направлены не на изобрѣтеніе способовъ истребленія людей людьми, а на борьбу съ несчетнымъ количествомъ видимыхъ и невидимыхъ микробовъ, стремящихся завладѣть нашимъ тѣломъ. И въ этой борьбѣ имѣется уже много благородно одержанныхъ побѣдъ.

Книга раздѣляется на двѣ части: первая посвящена очерку медицины въ эпоху, предшествующую выступленію Пастера; вторая излагаетъ біографіи Пастера, Листера и Коха. Связанный съ ними не только знакомствомъ, но и дружбой, авторъ дѣлится и личными воспоминаніями о нихъ. Послѣдняя глава книги посвящена перспективамъ, открывающимся въ области медицины на основаніи трудовъ реформаторовъ медицины и благодѣтелей человѣчества.

В. Б—ъ.

— Проф. Л. А. Тарасевичъ. Медико-санитарные очерки. Заразныя болѣзни. Сыпной и возвратный тифы, оспа, желудочно-кишечныя инфекціи. Москва. 1915 г. Изд. „Природа". Ц. 40 к.

Эти очерки имѣютъ особый интересъ именно теперь, когда широкимъ слоямъ общества, въ лицѣ разныхъ организацій, приходится принимать дѣятельное и непосредственное участіе въ охраненіи здоровья многомилліонной арміи.

Всегда интересный и важный вопросъ о причинахъ эпидемій и о борьбѣ съ ними пріобрѣтаетъ во время войны особый интересъ и важность. Войны создаютъ особо благопріятныя условія

для развитія эпидемій, и эпидеміи во время войнъ оказываются болѣе смертоносными, нежели самыя жестокія боевыя столкновенія. Достаточно указать, что изъ 8 милліоновъ человѣческихъ жизней, которыхъ стоили Европѣ войны за періодъ времени съ 1733 по 1865 г., отъ оружія погибло $1^1/_2$ милл., т.-е. 19% общаго числа, а отъ болѣзней—$6^1/_2$ милл., т.-е. 81%! Санитарныя катастрофы прежнихъ войнъ оправдывались до извѣстной степени незнаніемъ истинныхъ причинъ болѣзней, незнакомствомъ съ путями ихъ распространенія. При современномъ уровнѣ знаній, многія бѣдствія прежнихъ войнъ являлись бы недопустимыми и носили бы преступный характеръ. Очерки Л. А. Тарасевича должны быть прочтены всякимъ, не посвященнымъ въ тайны медицины, но желающимъ сознательно относиться къ общей работѣ по охраненію здоровья арміи.

В. Б—ъ.

— Статистическій Ежегодникъ на 1914 годъ. Подъ редакціей В. И. Шараго. Спб. 1914.

Благодаря совѣту съѣздовъ представителей промышленности и торговли, можно, кажется, разсчитывать на аккуратное появленіе удовлетворительно составляемыхъ ежегодниковъ цифровыхъ свѣдѣній о различныхъ сторонахъ хозяйственной жизни Россіи. Вышедшій нынѣ сборникъ составляетъ уже третій томъ изданія, обнимающаго данныя о населеніи, землевладѣніи, сельскомъ хозяйствѣ, крупной промышленности, акціонерныхъ обществахъ, государственныхъ и мѣстныхъ финансахъ, денежномъ обращеніи, потребленіи нѣкоторыхъ продуктовъ, кредитѣ, внѣшней торговлѣ, путяхъ сообщенія. Сборникъ состоитъ изъ таблицъ и краткаго текста. Цифровыя свѣдѣнія даются въ общемъ итогѣ или, когда нужно, по губерніямъ, за послѣднія пять лѣтъ. По нѣкоторымъ предметамъ они обнимаютъ періодъ времени съ 1885 года. Сборникъ составляется на основаніи ежегодныхъ правительственныхъ и частныхъ публикацій, но имъ принимаются также во вниманіе единовременныя изслѣдованія и другія работы массоваго характера. Изданіе ежегодно пересматривается, исправляется, дополняется и совершенствуется. О значительности перемѣнъ можно судить по тому, что за два года онъ выросъ чуть не вдвое и составляетъ уже томъ въ 850 страницъ большого формата. Несмотря на столь внимательное отношеніе къ своему дѣлу, составители не избѣжали нѣкоторыхъ и промаховъ

недосмотровъ, какъ по содержанію, такъ и по редакціи сборника. Такъ, изъ года въ годъ въ немъ перепечатываются изъ одного оффиціальнаго изданія данныя о числѣ крестьянскихъ дворовъ, владѣющихъ, будто бы, опредѣленнымъ количествомъ земли, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эти нормы землевладѣнія (до 5,10 дес. и т. д.) суть только среднія подворныя владѣнія отдѣльныхъ общинъ, а числа соотвѣтствующихъ имъ графъ выражаютъ число дворовъ въ общинахъ, имѣющихъ средній подворный участокъ даннаго размѣра. Затѣмъ, давая простой ариѳметическій итогъ перевозокъ грузовъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, какъ онѣ показываются въ товарной статистикѣ послѣднихъ,—итогъ, несоотвѣтствующій никакому реальному явленію,—Ежегодникъ не освобождаетъ его отъ повторно зачисленныхъ величинъ (передача грузовъ съ дороги на дорогу), и читателю остается неизвѣстно, какое же, дѣйствительно, количество продуктовъ національной производительности поступаетъ на желѣзныя дороги. Редакціонные промахи въ текстовой части Сборника—не рѣдкость (не приложенъ къ нему и листъ опечатокъ); мы укажемъ (и исправимъ) только одинъ, лишающій возможности пользоваться первой таблицей, на стр. 197. Въ ней отсутствуютъ заголовки четырехъ составляющихъ ее строкъ, Справка съ предшествующимъ изданіемъ Ежегодника показываетъ, что эти строки относятся къ промышленнымъ предпріятіямъ слѣдующихъ размѣровъ: 51—100 рабочихъ, 101—500 рабочихъ, 501—1000 рабочихъ и болѣе 1000 рабочихъ на каждое. Впрочемъ, подобные недосмотры въ огромномъ, переполненномъ цифрами изданіи—вещь неизбѣжная.

В. В.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

М. Алдановъ. Толстой и Ролланъ. Томъ I. Петроградъ, 1915. Стр. 314. Ц. 2 р.

Сопоставленіе Льва Толстого и французскаго романиста Ромена Роллана, автора огромнаго десятитомнаго романа „Жанъ Кристоффъ", сдѣлано авторомъ въ крайне неудачной формѣ. Собственно о томъ и другомъ писателяхъ говорится только въ введеніи и въ первой статьѣ книги: о „художественной формѣ" обоихъ писателей. Читатель, незнакомый съ Ролланомъ, можетъ вынести изъ книги—по крайней мѣрѣ, изъ перваго ея тома—только то впечатлѣніе, что Ролланъ это совсѣмъ не то, что Левъ Толстой. Большая часть книги посвящена Льву Толстому и носитъ заглавіе „о мышленіи Толстого". Въ ней о Ролланѣ даже и не говорится. Можно пожалѣть, что авторъ не издалъ отдѣльно особаго обстоятельнаго этюда о Ролланѣ и его мѣстѣ во французской литературѣ, что̀ было бы не лишне. Какъ книга о Толстомъ, статьи г. Алданова не говорятъ ничего новаго. Пишетъ авторъ, однако, довольно гладко и начитанъ во французской и русской литературѣ.

М. Горькій. По Руси. Очерки. Петроградъ, 1915. 380 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ общимъ заглавіемъ „По Руси" собраны М. Горькимъ его очерки послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ. Большая часть очерковъ появилась въ „Вѣстникѣ Европы". Темы ихъ навѣяны давними скитаніями автора „На днѣ". Тонъ разсказовъ послѣдняго времени тотъ же, что установился въ писаніяхъ М. Горькаго съ „Городка Окурова": нѣсколько приподнятый красочный лиризмъ описаній природы, чудесныхъ и простыхъ, яркихъ и остропаблюдательныхъ, и спокойно объективное описаніе встрѣчъ, лицъ всякаго званія и состоянія. Прежняя идеализація босяковъ давно оставлена, и теперь съ особою любовью авторъ останавливается на типахъ народной жизни, въ которыхъ находитъ воплощенную въ народѣ жажду трудовой жизни и дѣятельности. Но многое въ этихъ красочныхъ очеркахъ обвѣяно и глубокой меланхоліей. Это все та же „русская печаль", вѣчная спутница даровитыхъ русскихъ писателей, спутница большой страны, великаго народа.

Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Томъ третій. Подъ редакціей А. Г. Фомина. Петроградъ, 1915.

Первый томъ сочиненій Никитина подъ редакціей А. Г. Фомина вышелъ уже два года назадъ, и мы имѣли тогда случай подробно говорить объ этомъ изданіи, лучшемъ и наиболѣе полномъ изъ изданій Никитина. Во второмъ томѣ, вышедшемъ въ прошломъ году, было закончено печатаніе стихотвореній Никитина. Третій томъ содержитъ прозу Никитина, это—его извѣстный „Дневникъ семинариста" и извлеченная впервые изъ „Русскаго Дневника" 1859 года статья Никитина „Нѣчто о причинахъ упадка торговли скотомъ въ Воронежской губерніи"; статья ничѣмъ особо не замѣчательна кромѣ того, что указываетъ, что Никитину случалось писать и публицистическія замѣтки. Большую часть тома занимаютъ иногда весьма подробныя примѣчанія редактора къ стихотвореніямъ, поэмамъ и прозѣ Никитина. Отнесеніе едва ли не большей части примѣчаній къ прежнимъ томамъ въ этотъ третій томъ съ внѣшней стороны, конечно, не совсѣмъ удобно. Примѣчанія къ „Кулаку" составили цѣлое маленькое изслѣдованіе.

Ч. В—скій.

С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Петроградъ, 1915 г. Ч. II. Стр. 234. Ц. 1 р.

Вторая часть сочиненія г. Либровича обнимаетъ исторію печатнаго дѣла въ Россіи отъ начала восемнадцатаго вѣка до конца царствованія Павла I. Живое и занимательное изложеніе иллюстрируется множествомъ гравюръ, портретовъ, снимковъ съ рѣдкихъ изданій, копій заглавныхъ листковъ, образцовъ древней печати, виньетокъ и пр.

В. Ѳ. Тотоміанцъ. Участіе въ прибыли и копартнершипъ. П. 1915. Стр. 314. Ц. 2 р. 50 к.

Вопросъ объ участіи въ прибыли предпріятій мало разработанъ въ нашей экономической литературѣ, хотя имѣетъ несомнѣнно большое практическое значеніе. Авторъ имѣлъ случай ознакомиться на мѣстѣ съ организаціею и дѣятельностью крупныхъ торгово-промышленныхъ фирмъ, примѣняющихъ принципъ участія служащихъ и рабочихъ въ доходахъ предпріятій въ Бельгіи, Франціи и Англіи. Въ настоящее время, какъ полагаетъ В. Ѳ. Тотоміанцъ, слѣдуетъ ожидать практическаго возбужденія этого вопроса въ Россіи. Недавно еще сдѣланъ въ Москвѣ крупный починъ въ этомъ направленіи: владѣлецъ ламповой торговли г. Мишинъ превратилъ свою фирму въ акціонерное общество съ основымъ капиталомъ въ милліонъ рублей, отдавъ своимъ служащимъ на 400 тысячъ рублей акцій.

Авторъ съ большимъ оптимизмомъ относится къ будущности обсуждаемаго принципа. „Когда системы участія въ прибыли и копартнершипа будутъ обычными явленіями—говоритъ онъ—тогда прекратится междоусобная война въ промышленности, раздѣляющая одинъ и тотъ же народъ на два враждебныхъ лагеря. Въ промышленности и въ сердцахъ людей въ значительной мѣрѣ установится миръ и благоволеніе“.

Л.

Густавъ Радбрухъ. Введеніе въ науку права. Со вступительной статьей Б. Кистяковскаго. М., 1915.

„Ни въ какой другой наукѣ—говоритъ проф. Б. Кистяковскій—нѣтъ столько противорѣчащихъ другъ другу теорій, какъ въ наукѣ о правѣ. При первомъ знакомствѣ съ нею получается даже такое впечатлѣніе, какъ будто она только и состоитъ изъ теорій, взаимно исключающихъ другъ друга. Самые основные вопросы о существѣ и неотъемлемыхъ свойствахъ права рѣшаются различными представителями науки о правѣ совершенно различно“. Авторъ думаетъ, что книга Густава Радбруха, изданная теперь въ русскомъ переводѣ, вноситъ нѣчто новое и объединяющее въ эту противорѣчивую и запутанную общую теорію права, ставя въ ея основу то пониманіе философіи культуры, какое установлено школой Виндельбанда и Рюккерта. Позволительно, конечно, сомнѣваться въ этомъ значеніи книги Радбруха, но, какъ дѣльно написанный трактатъ, она заслуживаетъ вниманія.

Л. С.

Лѣтнія колоніи для московскихъ школьниковъ за двадцатипятилѣтіе 1888—1912 г.г. Изданіе Кружка лѣтнихъ колоній для учащихся въ московскихъ городскихъ училищахъ. Москва, 1912 г.

Отчетъ о дѣятельности дѣтскихъ колоній за 25 лѣтъ очень интересенъ, такъ какъ по вопросу объ организаціи колоній литература крайне бѣдна, а вопросъ объ оздоровленіи городского населенія одинъ изъ насущнѣйшихъ. Дѣтскія колоніи для московскихъ школьниковъ были вначалѣ частнымъ и маленькимъ дѣломъ. Первая колонія на 15 дѣвочекъ была открыта въ 1887 г. и только благодаря энергіи нѣсколькихъ лицъ, принимавшихъ близко къ сердцу интересы дѣтей городской бѣдноты, удалось постепенно расширить это дѣло; лишь на 13-й годъ существованія, въ 1900 г. онѣ получили признаніе Московской городской думы, какъ дѣло общественное, связанное съ городскими нуждами. Ежегодно въ колоніяхъ бываетъ болѣе 2 тысячъ дѣтей. Большимъ подспорьемъ и облегченіемъ является то, что пользуются, главнымъ образомъ, даровыми помѣщеніями—школами. Колоніи разбросаны по всей Россіи и есть даже нѣсколько приморскихъ. Отсталыя дѣти и требующія особаго ухода выдѣляются въ отдѣльныя колоніи. Книга знакомитъ насъ съ жизнью дѣтей въ колоніяхъ, съ ихъ времяпрепровожденіемъ, отношеніемъ къ колоніямъ по дневникамъ и письмамъ. Кромѣ того, въ книгѣ каждый желающій почерпнуть какія-либо свѣдѣнія найдетъ подробныя указанія по питанію дѣтей, оборудованію колоній, занятіямъ съ дѣтьми по

естественной исторіи и т. д. Теперь, когда за дѣло организаціи колоній взялись городскія попечительства, книга, знакомящая насъ съ образцовой постановкой дѣла московскихъ школьныхъ колоній, особенно своевременна.

А. Т.

Матеріалы и изслѣдованія о еврейской ремесленной промышленности. Томъ I. Петроградъ, 1915.

Данная монографія является первымъ трудомъ относительно еврейской промышленности, основаннымъ на свѣдѣніяхъ, собранныхъ такъ называемымъ экспедиціоннымъ способомъ, и за ней послѣдуютъ другія работы того же рода. Этотъ томъ „Матеріаловъ" посвященъ столярно-мебельному промыслу и охватываетъ 13 городовъ, но подробно, путемъ опроса всѣхъ еврейскихъ мебельныхъ мастерскихъ—промыселъ обслѣдованъ А. И. Кастелянскимъ и Я. М. Букшпаномъ лишь въ шести городахъ. Значеніе даннаго труда для экономики Россіи обусловливается также тѣмъ, что онъ относится къ мало-изслѣдованной у насъ области городского ремесла и заключаетъ нѣкоторыя важныя свѣдѣнія и относительно нееврейскаго промысла. Съ этой точки зрѣнія особенный интересъ представляетъ изслѣдованіе мебельнаго промысла въ Варшавѣ — главномъ центрѣ производства изящной мебели въ Россіи, и гдѣ евреи составляютъ только $^1/_6$—$^1/_7$ часть рабочаго персонала мастерскихъ.

Рабочіе Ленскихъ золотопромышленныхъ пріисковъ. Составилъ Дм. Мерхалевъ.

Знаменитой ленской исторіи 1912 г. мы обязаны той статистической работой, какая указана въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Исторія эта закончилась почти поголовнымъ уходомъ съ пріисковъ рабочихъ. Главная масса послѣднихъ прошла черезъ Иркутскъ, и основанная здѣсь въ томъ же году организація для регистраціи рабочихъ, ѣдущихъ на Дальній Востокъ, воспользовалась случаемъ для переписи ленскихъ рабочихъ. Брошюра Г. Мерхалева, принимавшаго участіе въ переписи, заключаетъ разработку полученныхъ такимъ путемъ матерьяловъ въ отношеніи мѣстъ выхода, возрастнаго состава и грамотности рабочаго персонала ленскихъ пріисковъ и вноситъ нѣсколько дополнительныхъ данныхъ въ скудную область матерьяловъ объ отходѣ рабочихъ въ глубь Сибири.

В. В.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Анцыферовъ, А. Н. Очерки по коопераціи. Лекціи и статьи. Изд. 2-е. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 к.

Архангельскій, П. І. Выборы въ Екатерининскую комиссію отъ крестьянъ Двинскаго сѣвера. Петроградъ, 1915 г.

Аскенази, Шимонъ. Царство Польское. 1815—1830 г.г. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Бажаевъ, В. Г. Къ вопросу о хозяйственныхъ районахъ. Кіевъ, 1915 г.

Барановъ, Евгеній. Въ горахъ Турціи. Москва, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Бубновъ, А. С. Рѣчные фрахты и накладные расходы по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ въ Южной Россіи. Петроградъ, 1915 г.

Бузескулъ, В. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Быковъ, А. Н. Война и таможенное покровительство. Харьковъ, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Васильевъ, Н. В. Русская исторія для начальныхъ училищъ. Петроградъ. 1915 г. Цѣна 40 коп.

Веббъ, Е. Жизнь великихъ людей. Герои и друзья коопераціи. Москва, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Влагинъ, М. Разсказы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Гнѣдичъ, П. П. Сочиненія. Т. VIII. На окраинѣ. Повѣсти и разсказы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Григорьевъ, Аполлонъ. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Гюнтеръ, Г. Маленькіе химики.

Долиновъ, Михаилъ. Радуга. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Дрейманъ, П. М. Методика исторіи. Часть I. Рига, 1915 г.

Евлаховъ, А. Сборникъ въ честь проф. Ѳ. А. Брауна. Рецензія. Варшава, 1915 г. Цѣна 15 коп.

Евреиновъ, Г. А. Россійскіе нѣмцы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Жуэнъ, Алиса. Женщина и коопераціа. Москва, 1915 г. Цѣна 15 коп.

Загряцковъ, М. Д. Всероссійскій Земскій Союзъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Залѣскій, Б. Ф. Отклики войны. (Десять стихотвореній). Казань, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Ивановъ, В. Что такое хулиганство? Оренбургъ, 1915 г. Цѣна 10 коп.

Ивановъ, Георгій. Памятникъ славы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Капланъ, Л. Д. Вопросъ о питаніи въ освѣщеніи современной науки. Одесса, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Кауфманъ, А. А. Новгородскія писцовыя книги въ статистической обработкѣ. I. Погосты и деревни Шелонской Пятины по письму 1498—1501 г.г. Петроградъ, 1915 г.

Кончакъ, Вл. Сказка любви. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Костровъ, Н. И. Торговля Россіи съ Италіей. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Криницкій, Маркъ. Вами казненный. Романъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Критскій, П. Какъ устроить и вести народный домъ. Ярославль, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Кубацкій, Ф. І. Отрезвленіе рабочихъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб 50 коп.

Кудряшовъ, П. Идейные горизонты міровой войны. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Кюнтцель. Учебникъ метеорологіи. Для учащихся въ средней школѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Лало, Шарль. Введеніе въ эстетику. Пер. С. Гельфгата, подъ ред. и съ пред. П. В. Самсонова. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Луццати, Л. Избранныя рѣчи по коопераціи и экономикѣ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Масловъ, Семенъ. Крестьянское хозяйство. Изд. 2-е. Москва, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Мейснеръ, А. Въ паутинѣ религій. Шестая книга стиховъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Мицкевичъ, Адамъ. Конрадъ Валленродъ. Историческая повѣсть. Вступл. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Пер. М. Славинскаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Орловъ, Ф. Легенда о Филаретѣ Никитичѣ. 1614—1615 г.г. Изд. 3-е. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Протасовъ, М. Тайны загробнаго міра. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Родзевичъ, С. И. Къ вопросу о вліяніи Байрона и А. де-Виньи на Лермонтова. Воронежъ, 1915 г.

Рославлевъ, Александръ. Покойникъ Посудевскій и др. разсказы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Михайловъ, М. Л. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Нансенъ, Фритіофъ. Въ страну будущаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Свѣтловъ, В. Я. Собраніе сочиненій. Т. VII. Вешній потокъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Окуневъ, Я. Воинская страда. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Орловъ, Ф. Легенда о Филаретѣ Никитичѣ. 1614—1615 г.г. Изд. 3-е. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Прегери, Р. И. Производство главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Россіи за 25-лѣтіе 1888—1912 г.г. Петроградъ, 1915 г.

Соболевъ, Юрій. О Чеховѣ. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Сѣровъ, Владиміръ. Гдѣ притаилась смерть?.. Одесса, 1915 г. Цѣна 15 коп.

Телешовъ, Н. Книга вторая. Черною осенью, Разсказы. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Треневъ, К. Владыка. Разсказы. Изд. 2-е. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Трилицкій, В. М. Человѣкъ общества. Романъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Трубецкой, Е. Н., кн. Отечественная война и ея духовный смыслъ. Москва, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Трупчинскій, А. В. Среднее Поволжье. Москва, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Ушаковъ, Ив. О проектѣ общаго кооперативнаго закона. Москва, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Фаасъ, В. В. Лѣса и лѣсная торговля Италіи. Петроградъ, 1915 г.

Фаасъ, В. В. и *Рогеръ, Ю. А.* Лѣса и лѣсная торговля Австро-Венгріи. Петроградъ, 1915 г.

Фар—скій, С. Граціозеты. Варшава, 1915 г.

Фатовъ, Н. Любовь и смерть Д. В. Веневитинова. Варшава, 1914 г.

Филипповъ, Н. А. Лѣсной рынокъ Великобританіи. Петроградъ, 1915 г.

Чорнилускій, В. И. Съѣзды по народному образованію. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Штейнеръ, Рудольфъ. Теософія. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Юркинъ, Петръ. Утро мечты. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Америка о войнѣ. Отвѣтъ на воззваніе германскихъ профессоровъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Весеннее контрагентство музъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Воспламеняемость каменноугольной пыли. Сост. Д. Г. Левицкимъ, Г. В. Петровымъ, Н. Н. Черницынымъ и Н. И. Ювенальевымъ. Съ допол. Н. Н. Черницына. Харьковъ, 1915 г.

Въ годъ войны. Сборникъ Артистъ—солдату. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Естествознаніе въ школѣ. Сборникъ № 8. Общіе вопросы преподаванія естествознанія III. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Изданія департамента земледѣлія. I. Очередныя задачи отечественнаго производства сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій. II. Къ вопросу о расширеніи производства химическихъ удобреній. III. Сборъ, воздѣлываніе и сбытъ лекарственныхъ растеній. IV. Сборъ, сушка и разведеніе лекарственныхъ растеній въ Россіи. Справочникъ. V. Междувѣдомственное совѣщаніе при департаментѣ земледѣлія по вопросу объ улучшеніи производства въ Россіи лекарственныхъ растеній. VI. Къ вопросу объ изготовленіи сноповязаль-

наго шпагата изъ русской пеньки. И. И. Рябова. Петроградъ, 1915 г.

Изданія: „Посредника" № 43. И. В. Сажинъ. О вредѣ пива и виноградныхъ винъ. № CIV. Н. Б. Петрова. Изъ дневника народной учительницы. II. Дѣти-сироты. № CV. Бесѣда съ сыномъ по поводу опасной привычки. Ф. Ортъ. Пер. Л. Горбуновой. № 160. Для чего нужны выставки сельскаго хозяйства и скотоводства. Сост. проф. И. П. Поповъ. № 163. И. П. Поповъ. О пользѣ травосѣянья въ крестьянскомъ скотоводствѣ. Москва, 1915 г.

Календарь-справочникъ на 1915 годъ. Изд. Шадринскаго земства. Шадринскъ, 1915 г. Цѣна 35 коп.

Краткій обзоръ дѣятельности Рижской гор. управы за 1914 г. Рига, 1915 г.

Лѣтнія колоніи для московскихъ школьниковъ за 25-лѣтіе (1888—1912 г.г.). Москва, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Наука и забава. № 1. Физика въ опытахъ и забавахъ. Петроградъ, 1915 г.

Новыя идеи въ біологіи. Сборникъ № 8. Общіе вопросы эволюціи. I. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Обзоръ кустарныхъ промысловъ Московской губ. за 1913 — 1914 г.г. Изд. Моск. Губ. Зем. Управы. Москва, 1915 г.

Россійскій Императорскій флотъ и флоты Германіи и Турціи. Подъ ред. К. Г. Житкова и Н. Н. Нордмана. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Русское скотоводческое хозяйство въ связи съ пересмотромъ торговыхъ договоровъ. Вып. IV. Петроградъ, 1915 г.

Статистическій Ежегодникъ Московской губ. за 1914 г. Часть I и II. Москва, 1915 г.

Статистическій Ежегодникъ 1914 г. Изд. Харьковской Губ. Зем. Управы. Харьковъ, 1915 г.

Универсальная Библіотека. № 627—628. Финляндія. Справочникъ-путеводитель. № 629—630. Ю. Энгель. Музыкальный Словарь. № 631. Б. Яновскій. Аида. № 632. Ю. Энгель. Карменъ. № 633. О. Синцова. Фаустъ. № 640. Г. Ибинденъ. Совѣтъ нервнымъ больнымъ и ихъ семьямъ. № 641. Пр.-доц. П. Зиттлеръ. Основы здоровой жизни. № 642—643. Пескатаре-Лангистейнъ. Уходъ за груднымъ ребенкомъ. № 647—648. Проф. Штраусъ. Болѣзни обмѣна. № 691—692. Шарль Диль Византійскіе портреты. № 693—5. Г. Швабъ. Тезей. Царь Эдипъ. № 973—975. Дж. К. Честертонъ. Человѣкъ, который былъ четвергомъ. № 999—1000. М. Ю. Лермонтовъ. Поэмы. Москва, 1915 г. Цѣна каждаго номера 10 коп.

Уральское хозяйство. № 7. Екатеринбургъ, 1915 г.

Частновладѣльческое хозяйство Уфимской губ. Изд. Уфимской Губ. Зем. Управы. Уфа, 1915 г.

Carnegie Endowment for international Peace. Division of international Law. Pamphlets № 4—20. Washington, 1915.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „...Превосходныя статьи К. А Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ" („Русскія Вѣдомости" 1913 г. № 66). „Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собой все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей" („Утро Россіи" 1910 г. № 317.)

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе): удешевленнаго изд.—**2** р. **30** к.; полнаго иллюстрир. изд.—**3** р. **30** к. За переплетъ (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака)—**50** к. За пересылку по дѣйствительной стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа. Иллюстрированные проспекты съ подробными отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію безплатно. По желанію томы Словаря доставляются ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°": Москва, Тверской бульваръ, 15.

Для ускоренія выхода изданія печатаются параллельно тома на буквы Л.-О. и на П. Вышелъ и разсылается XXVII томъ (Лемуры—Майковъ); заканчивается печатаніемъ XXXII томъ (Персія—Польша).

„БЛАГО" Издательское Т-во

Петроградъ, Николаевская ул., 44-85.

30 т. по 1 р. 50 к.

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ.

Изданіе состоитъ изъ **30 томовъ** большого формата по **250—300 стр.** каждый, и снабжено рисунками, чертежами, атласами (въ краскахъ) и проч. Пользуясь имъ, наши подписчики успѣшно подготовляются, **безъ всякихъ иныхъ пособій и безъ помощи учителя**, къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, на всѣ учительскія званія, на вольноопредѣляющагося, на классный чинъ, на аптекарскаго ученика и т. п. **Цѣна тома 1 руб. 55 коп. съ пересылкой.**

Академія Иностранныхъ Языковъ.

Изданіе даетъ возможность въ наикратчайшій срокъ и **безъ помощи учителя** изучить въ совершенствѣ **французскій, англійскій** и **нѣмецкій** языки. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ **10 выпусковъ** большого формата (болѣе 1000 стр.). **Цѣна** каждаго выпуска **1 руб.** (Наложеннымъ платежомъ—1 руб. 25 коп.).

ШКОЛА РИСОВАНІЯ, ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА : : :

„Искусство для Всѣхъ".

Изданіе состоитъ изъ **10 томовъ** большого формата, **роскошно иллюстрированныхъ**, и даетъ возможность каждому, **безъ помощи учителя**, практически изучить рисованіе, живопись и прикладное искусство, а также пріобрѣсти тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній. **Цѣна тома 2 руб.** Налож. плат. 2 руб. 25 коп.

Академія Коммерческихъ Знаній.

Изданіе обнимаетъ полный курсъ высшихъ коммерческ. учебн. завед. и даетъ возможность каждому, **безъ помощи учителя**, пріобрѣсти познанія, необходимыя каждому коммерческому дѣятелю. Изданіе состоитъ изъ **15 томовъ** большого формата **по 250 стр. каждый. Цѣна тома 2 р.** (Налож. платеж. 2 руб. 25 коп.).

ПОСОБІЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ въ 4-хъ томахъ. Настольная книга по всѣмъ отдѣламъ русскаго языка. Цѣна 1-го тома **1 р. 50 к.**, о 2-го тома—**2 р.**, 3-го тома—**2 р. 50 к.**, 4-го тома—**1 р.**

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе ПРОФЕССОРА и ПРЕПОДАВАТЕЛИ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Петрограда.

При редакціяхъ всѣхъ нашихъ изданій имѣются постоян. бюро руководящія занятіями учениковъ и провѣряющія присылаемыя работы безплатно.

Подробные проспекты ВСѢХЪ изданій, отзывы печати и тысячи благодарств. отзывовъ подписч., засвидѣтельствован. *нотаріусомъ*, высылаются *безплатно*.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ.

АНГЛІЙСКІЯ ГЕЛІОГРАВЮРЫ

(REMBRANDT INTAGLIO)

съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

ЦѢНА ЭСТАМПА: 60 коп. (34×46 стм.) и 75 коп. (38×51 стм.).

Альбомы иностранной живописи

(6 альбомовъ по 8 англійскихъ геліогравюръ) по 3 руб. За пересылку—по стоимости.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

Москва, Тверской бульв., 15. ═ Петроградъ, Моховая, 37.

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ.

Москва, Тверская улица, близъ Охотнаго, домъ № 12.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ○ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ○ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ○ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ○ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ○ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ○ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ○ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патронъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

ИСТОРІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

М. М. КОВАЛЕВСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

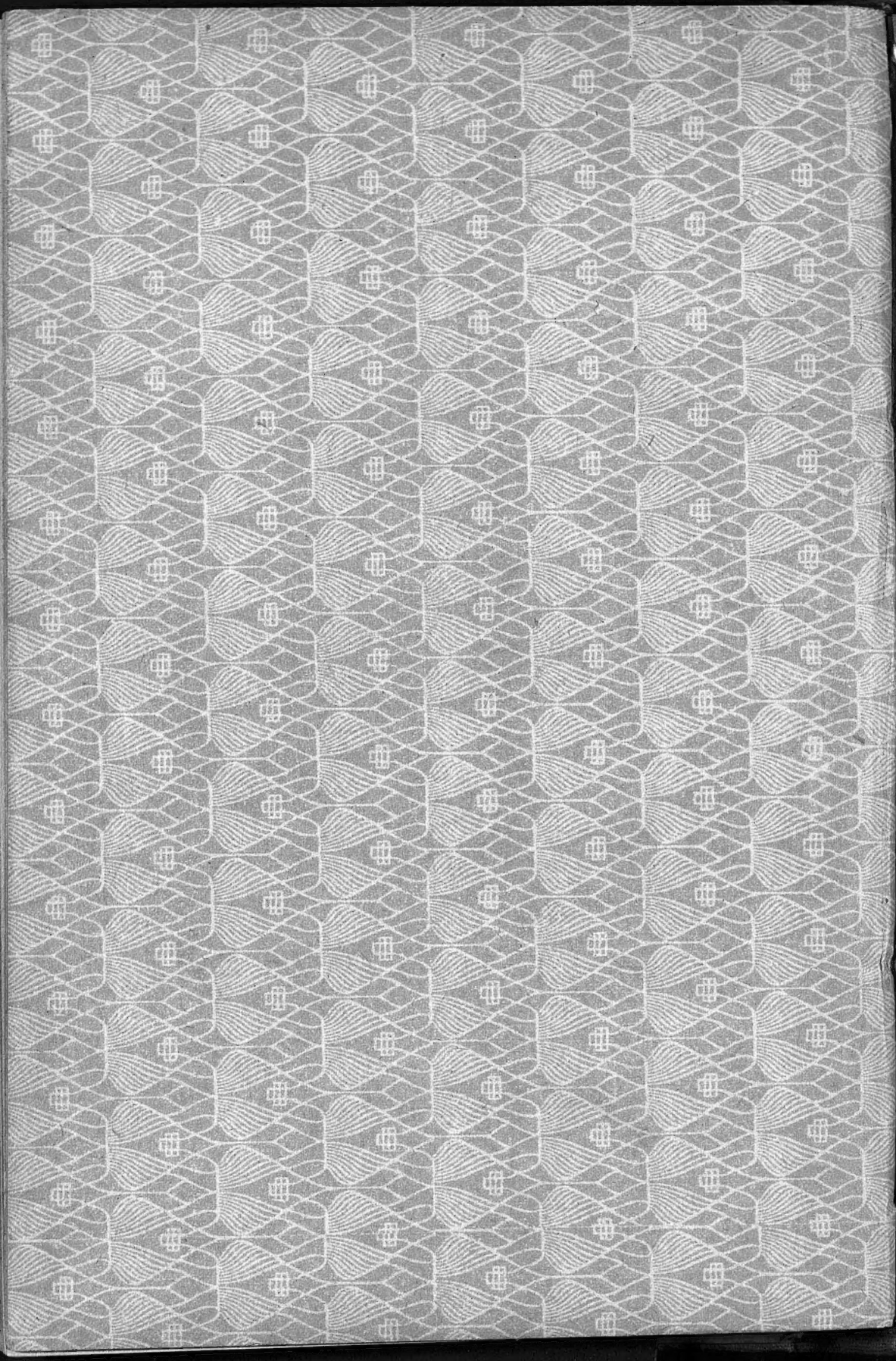
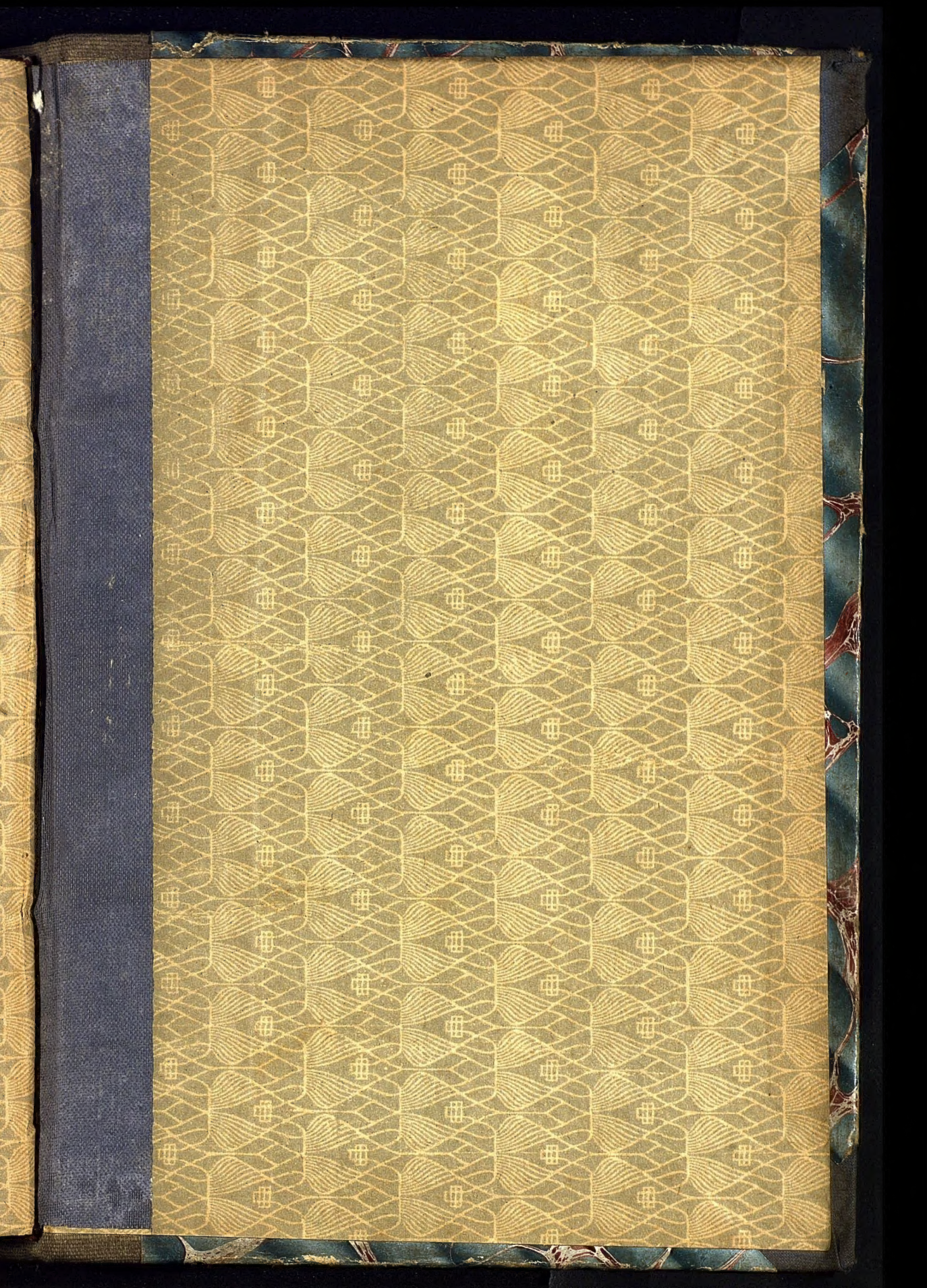
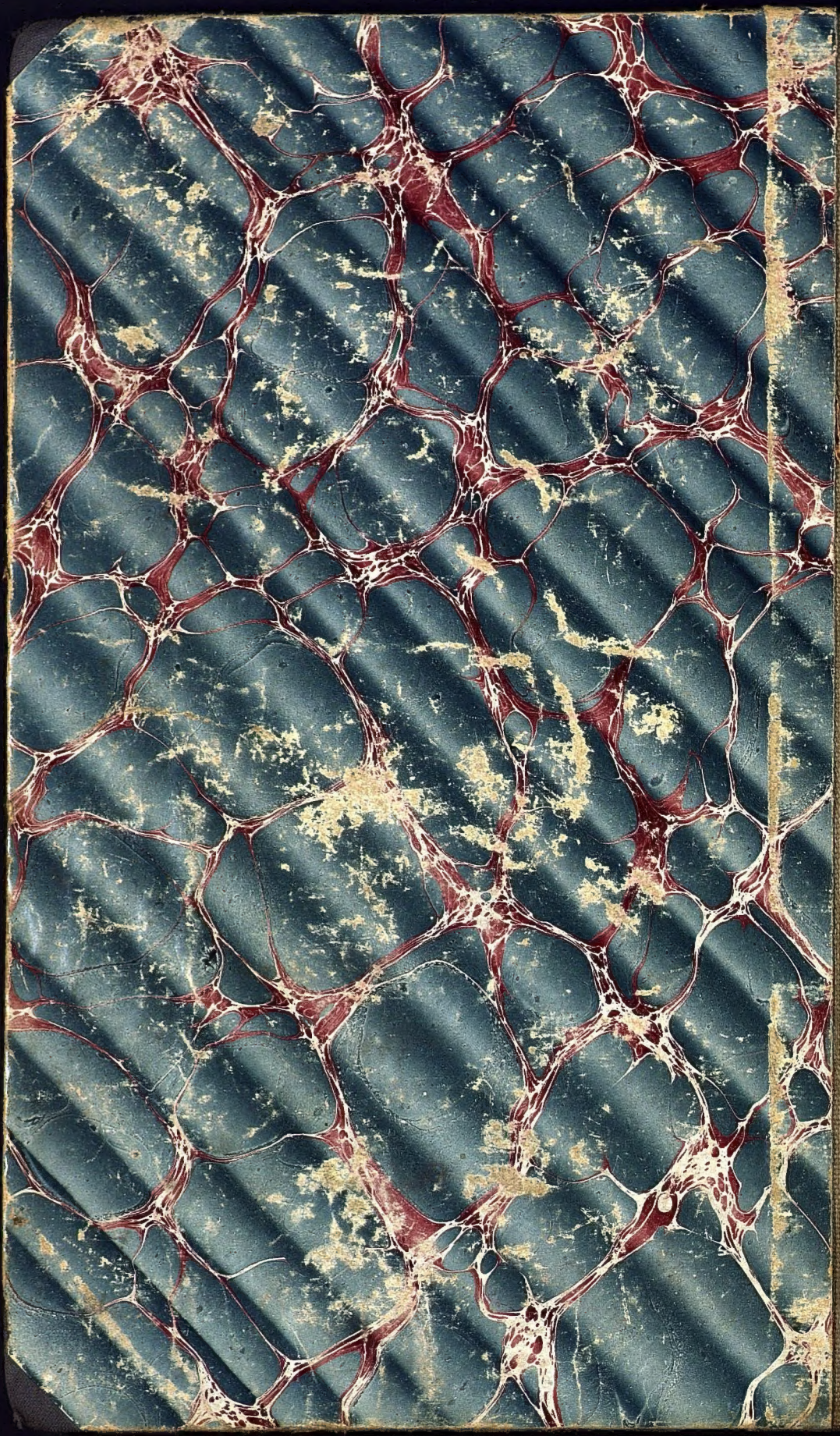
Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

СОДЕРЖАНІЕ: Тома I—III—Современная Европа. Т. IV—Дальній Западъ и Востокъ. Т. V—VII—Современная наука. Естествознаніе. Соціологія. Философія. Т. VIII—Европа передъ войной. Т. IX—Міровая война. Т. X—Современная Россія.

Въ изданіи принимаютъ участіе: пр.-доц. Е. В. Аничковъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. М. В. Бернацкій, Э. Бернштейнъ, прив.-доц. С. Н. Блажко, Бѣлоруссовъ (Парижъ), А. де-Витъ (Утрехтъ), В. В. Водовозовъ, проф. Э. Вандервельдъ, А. Деренталь (Мадридъ), А. К. Дживелеговъ, Діонео (Лондонъ), проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, Л. Крживицкій, проф. А. Д. Ксенополъ (Яссы), проф. М. А. Мензбиръ, В. Л. Омелянскій, М. Осоргинъ (Римъ), проф. А. П. Павловъ, проф. А. Л. Погодинъ, С. И. Рапопортъ (Лондонъ), проф. Е. В. де-Роберти, Н. С. Русановъ, проф. А. Ѳ. Самойловъ, Р. С. Стрѣльцовъ, пр.-доц. А. К. Тимирязевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, пр.-доц. К. Ѳ. Тіандеръ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, пр.-доц. В. М Фриче, М Хилквитъ (Morris Hilquitt, New-York), К. Шпрингеръ (Реннеръ), маг. А. С. Щепотьевъ и др.

„Изданіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ вводитъ читателя въ пониманіе народно-хозяйственной жизни каждой страны въ связи съ ея жизнью политической и умственной". (Н. А. Рубакинъ „Среди книгъ", ч. II, 1913).

„ИСТОРІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ" выходитъ выпусками; всѣхъ выпуск. будетъ около 40.

ЦѢНА по подпискѣ на все изданіе: вып. **1** руб., тома въ переплетѣ **5** руб. Цѣна въ отдѣльн. продажѣ тома въ переплетѣ **6** р. **50** к. За пересылку—по стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°": МОСКВА, Тверской бул., 15.